

ЛИНГВОФУТУРИЗМ.
ВЗГЛЯД ЯЗЫКА
В БУДУЩЕЕ

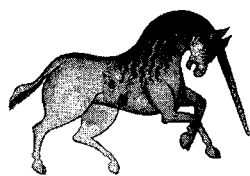
ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЛИНГВОФУТУРИЗМ.
ВЗГЛЯД ЯЗЫКА
В БУДУЩЕЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА

ЛИНГВОФУТУРИЗМ. ВЗГЛЯД ЯЗЫКА В БУДУЩЕЕ

Ответственный редактор
член-корреспондент РАН Н. Д. Арутюнова

 ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2011

УДК 81
ББК 81
Л 69

*Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 10-04-16135д)*

Редколлегия
член-корр. РАН д.ф.н. *Н.Д. Арутюнова* (отв. ред.),
д.ф.н. *М.Л. Ковшова*,
к.ф.н. *Н.Ф. Спиридонова*
С.Ю. Бочавер

Лингвофутуризм. Взгляд языка в будущее / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. — М.: Издательство «Индрик», 2011. — 520 с.

ISBN 978-5-91674-130-8

В книге рассматриваются две основные темы: будущее в языке и будущее языка. Особое внимание уделено лексическим и грамматическим средствам выражения предстоящих событий. В этой связи анализируются виды модальности в значениях слов и грамматических форм. Специально рассматриваются ирреальные действия: планы, перспективы, мечты и замыслы. В отдельный раздел выделен анализ семантики предчувствий и сновидений, предсказаний и пророчеств. В качестве материала для анализа использованы древние и современные языки, преимущественно индоевропейские. В статьях описывается и разъясняется символика представления значений в современной литературе и поэзии.

ISBN 978-5-91674-130-8

© Коллектив авторов, Текст, 2011
© Издательство «Индрик», оформление, 2011

БУДУЩЕЕ В ЯЗЫКЕ

В русских грамматиках будущее время принято включать в общую темпоральную парадигму. В них, впрочем, отмечаются следующие переносные значения будущего времени, причем все они связаны с модальностью [Русская грамматика 1980: 626–634].

1. Будущее время (БВ) в контексте абстрактного настоящего с теми или иными модальными оттенками:

а) значение предположительного допущения: *Я в дороге спать не могу. Хоть убейте, а не засну.* б) значение готовности субъекта к осуществлению действия: *Долго будет просить, а добьется своего.* в) значение уверенности в том, что действие должно (или не должно) осуществиться: *Вернувшись из путешествия, он обязательно будет рассказывать о своих впечатлениях.*

2. Употребление будущего сложного в контексте, который указывает на план прошедшего времени обычного действия. Такое употребление сходно с употреблением абстрактного настоящего: *Он — большой франт. Целое утро будет сидеть перед зеркалом и заниматься своим туалетом.*

В итоге авторы приходят к выводу, что в функционировании темпоральных форм «важную роль играет точка зрения говорящего, определение и оценка говорящим объективно обусловленных реальных, временных отношений» [Русская грамматика 1980: 636]. Иными словами, в «Грамматике» не поставлен акцент на специфике статуса именно будущего времени. Эта специфика состоит в том, что будущее время глубоко модализовано. В разных языках связь будущего времени с модальностью более или менее очевидна. В русском языке она выражена менее ясно. Возможно, поэтому будущее время не выделено из общей системы времен. Напомним, что в английском языке глагол *shall*, используемый при образовании будущего, является одновременно и вспомогательным, и модальным глаголом, выражающим долженствование. Другой вспомогательный глагол —

will — утратил модальную функцию, но существительное *the will* 'воля' позволяет ее восстановить. В современных индоевропейских языках БВ сохраняет модальные коннотации. Так, в испанском языке оно может выражать целый спектр модальных значений: от предположения и неуверенности до приказов и команд. Ср. *¿Serán las ocho?* ('Сейчас, наверное, часов восемь'). *¡Me lo dirás ahora mismo!* ('Скажи мне это сейчас же!').

Для обозначения будущего действия в русском языке используется глагол *быть* или приставки. Ср. *Я буду петь* — *Я спою*; *Я буду читать* — *Я прочитаю*. Эти формы имеют разные видовые коннотации. Префиксация выражает фактуальное значение, а сочетание инфинитива с глаголом *быть* — продолженное действие. Ср. *Я прочитаю эту книгу* — *Я буду читать эту книгу всю ночь*. Вспомогательный глагол сочетается только с глаголами несовершенного вида (НСВ). Иначе говоря, образуется неполная парадигма: глагол *быть* не управляет глаголами СВ: **Я буду прочитать*.

Можно отметить и другую, как бы противоположную тенденцию в образовании футурума. Так, в русском языке префиксальное будущее содержит форму настоящего времени. Ср. *сделать* — *сделаю, сделаешь, сделает* и т.д. Тем самым глагол *сделать* лишен формы настоящего времени. Ср. также: *написать* — *напишу*; *переписать* — *перепишу* и т.д. Таким образом, целая серия инфинитивов образует ущербную темпоральную парадигму.

Будущее с глаголом *быть* также не образует полной парадигмы: *я буду работать* не соотносится с формой прошедшего времени **я был работать*, как, впрочем, и настоящего **я есть работать*.

Кроме того, префиксация не образует однородной парадигмы. Ср. *ходить* — *сходить*; *уходить* — *уйти*; *приходить* — *прийти*; *читать* — *прочитать*; *видеть* — *увидеть*; *делать* — *сделать* и т.д.

От формы СВ создается вторая форма НСВ: *читать* — *прочитать* — *прочитывать*; *пить* — *выпить* — *выпивать*; *есть* — *съесть* — *съедать*; *лечить* — *вылечить* — *вылечивать*. Иначе говоря, создаются видовые триединства, в которые входят две формы НСВ, различающиеся по смыслу. Это возможно потому, что префиксальные формы выражают наряду с видовыми также лексические различия, то есть лексическая и грамматическая деривация в русском языке не разграничены четко.

НСВ, образуемый от СВ, обозначает многократное действие или действие, направленное на объемный объект. Ср. *пить* — *выпить* — *выпивать*. Такого рода триединства в русском языке нерегулярны.

Триединства имеют и другой «выход» в грамматику. Третий член восполняет отсутствующее настоящее время в немалой группе

глаголов. Ср. *написать* — *напишу* — *написываю*; *прочитать* — *прочитаю* — *прочитываю*; *перечитать* — *перечитаю* — *перечитываю*. У этих глаголов форма настоящего времени обозначает будущее действие.

Отметим и другие особенности «разговора о будущем». Высказывания, относящиеся к БВ, не поддаются верификации. **То, что я уйду, истинно (верно, истинная правда)*. Это выводит их из класса суждений, необходимо подлежащих истинностной оценке.

В европейских языках будущее действие в условных придаточных обозначается формами настоящего времени, а в темпоральных придаточных — формами сослагательного наклонения: англ. *If you don't come to the Institute, where can I see you?*; исп. *Si no vienes a verme, avisame. Cuando estés libre, ven a verme*. Такое употребление имеет логическое обоснование. Концепт условия включает в себя признак истинности. Условие есть предпосылка будущих действий, то есть является презумптивной категорией. Концепт презумпции включает в себя значение истинности, а будущее время несовместимо с истинностной оценкой. Поэтому оно не употребляется в условных придаточных. Русский язык, однако, такое употребление допускает, что свидетельствует о его большей денотативности, то есть ориентации на обозначаемую ситуацию.

Следует отметить, что морфологические формы будущего времени в индоевропейских языках образуются при помощи вспомогательных глаголов со значением обладания в настоящем времени (*hablaré* = *hablar he*), а также при помощи вспомогательных глаголов со значением желания или долженствования. Ср. англ. *I shall go home. He will go home*. В этом втором примере формы БВ раскрывают его модальную сущность, а в первом — свидетельствуют об экзистенциальной концепции футурума.

Есть и другие примеры того, что настоящее время служит для выражения идеи будущего. БВ часто обозначается глаголами движения в презенсе. В английском языке используется форма продолженного настоящего от глагола *to go* 'идти': *I am going to write you a letter*. То же значение выражается испанским глаголом *ir* 'идти' в настоящем времени и в сочетании с предлогом *a*: *Voy a contarte una historia*. Аналогичную конструкцию мы встречаем во французском языке, где используется форма глагола *aller* 'идти' и инфинитив: *Je vais fermer la porte*.

Казалось бы, темпоральная сочетаемость наречий достаточно очевидна. Однако и здесь наблюдаются некоторые особенности. Так, существуют обстоятельственные слова общего значения, которые, однако, употребляются только применительно к будущим событиям.

К их числу относятся наречия *обязательно, непременно*, обороты *во что бы то ни стало, во всяком случае*. В толковых словарях эта особенность употребления наречий не фиксируется, хотя в «Словаре» под редакцией Д.Н. Ушакова наречие *обязательно* выделено в особую статью, то есть не объединено в одну статью с прилагательным [Ушаков 1939]. Ср. *Я непременно (обязательно) навещу тебя*. Однако в «Словаре» не отмечено, что предикат в таком контексте выпадает из темпоральной парадигмы: **Он обязательно (непременно) навестил меня*. Ср. также: *Подожди. Я скоро вернусь* и **Я скоро вернулся*.

Человек берет на себя обязательства, то есть дает обещания сделать что-либо, в любое время: *Я обязался выполнить эту работу*. Однако если он выполнил свое обещание, то сделал это уже не *обязательно*: **Студент обязательно пришел на лекцию*. Чем можно объяснить эту особенность узуса? Возможно, она связана с преимущественным употреблением наречия *обязательно* в перформативных, интонационно выделенных речевых актах: *Ты выполнишь это поручение? — Да, обязательно. Ты придешь ко мне завтра? — Да, непременно*. Однако отрицательные формы таких предложений избегаются: **Я не приду обязательно. *Я обязательно не приду*. Таким образом, и здесь наблюдается неполнота грамматической парадигмы.

Целый ряд речевых актов — законы, заповеди, предсказания, запреты, советы и заветы, а также ходатайства — обращены в будущее. В них формулируются нормы действий, которые должны соблюдаться человеком. Нарушение норм предполагает социальное наказание или возмездие судьбы. Иначе говоря, действие, относящееся к настоящему или прошлому, имеет не диктуемое его природой следствие в будущем.

Итак, поведенческие нормы атемпоральны. Их нарушение предстает в прошедшем времени, а следствия нарушения создают будущее. Иначе говоря, заповеди и законы объединяют норму, ее нарушение и его последствия. Общие формы выражения норм имплицитуют их а к т у а л и з а ц и ю, то есть связь с актуальной ситуацией. Неслучайно заповеди часто имеют форму СВ: *Не укради. Не убий*. Такие формы должны как бы останавливать уже занесенную руку потенциального убийцы или вора.

* * *

Ощущение будущего человек воплотил (социализировал) в игре. В разных формах игры отражена разная степень власти судьбы над человеком и человека над судьбой (ср. шахматы и рулетку). Спорт и игры, включая рулетку, моделируют разные виды «философии жиз-

ни». При этом они как бы делают «обратный» ход, то есть вторгаются в реальную жизнь игроков, вплоть до посягательств на их физическое существование.

«Игра жизнью» воплощена в дуэли, в которой социальная ценность как бы приравнена к физической жизни. Такой синтез присутствует также в понятиях **честь** и **достоинства** человека, являющихся как бы высшими социальными и личностными ценностями. Честь реализует этическое понятие, характеризующее человека как члена социума.

Честь образует большую группу дериватов, как с позитивными (*честовать, почести*), так и с негативными коннотациями. Глагол *честить* означает *Оназывать обидными словами*: *Враги его, друзья его / Его честили так и сяк*. Оценочные коннотации сопутствуют и другим производным от слова *честь*, ср. *честной* *Опочтенный, уважаемый*. Слова *честолюбец, честолюбивый* выражают неодобрение. Интересно отметить, что в русский язык вошло также слово *гонор* (англ. *honour*), которое употребляется в негативном смысле. Отметим, что слова этой группы часто получают отрицательные дефиниции. Сочетание *честный человек* толкуется как *‘тот, кто не ворует, не обманывает, не лжет, не притворяется’*. При этом отрицательные дефиниции постоянно варьируются, то есть нестабильны.

В сущности, концепт «будущего» включает в себе парадокс. Думая о будущем, человек гадает о грядущих событиях, но не всегда угадывает. Поэтому будущее постоянно взаимодействует с модальными категориями. Между тем, будущее *неминуемо, неизбежно, неотвратимо*. Оно определено и однозначно. Переход будущего в прошлое снимает варианты, но не устраняет разные оценки.

Часы, маркирующие длительность времени, идут вперед, из прошлого в будущее, отдаляясь от старта, а **время** событий идет в обратном направлении. Оно *неминуемо приближается, наступает*, оно как бы движется из будущего в настоящее. Пора делать что-либо (срок) *приходит и уходит, приближается и отдаляется, наступает и отступает*. Ср. *Наступила ночь, пришел час обеда, ушло время, пришло время отдыха, приблизилась пора разлуки. Пришла пора нам кончать*.

В мироощущении человека будущее как бы двунаправлено: человек движется в будущее, а будущее движется к человеку и часто на него надвигается. Неслучайно говорят о *наступающем дне, надвигающихся событиях*. Человек ждет будущего с надеждой и страхом, вопрошает судьбу о том, что его ждет. Будущее *пред-стоит*, то есть занимает место впереди человека. Человек спрашивает себя: *Что день грядущий мне готовит*, и в растерянности добавляет: *Его мой*

взор напрасно ловит (Пушкин). Человек смотрит в будущее, строит планы будущей жизни, готовит себя к ней, и в то же время будущее *движется* к человеку. Оно *грядет, наступает* (на ноги?), принося ему радость или огорчение. Оно *приближается*, становясь из отдаленного *ближайшим* будущим.

Сделаем общий вывод. Так называемое будущее время занимает промежуточное положение между модальными и временными категориями. Этим определяется отношение футуральных пропозиций к истинностной оценке, имеющее в ряде языков грамматические рефлексy. Значение будущего времени двойственно и может быть определено как модально-темпоральное. Напомним, что в философских и логических исследованиях связь БВ с модальностью отмечалась.

ЛИТЕРАТУРА

- Русская грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
Берн 1996 — Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. СПб.; М., 1996.
Бондарко 1971 — Бондарко А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
Ушаков 1939 — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. III. М., 1939.
Хейзинга 1992 — Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М., 1992.

I. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ ЯЗЫКА

УСТУПИТЕЛЬНОСТЬ КАК СПОСОБ ГОВОРИТЬ О БУДУЩЕМ

Уступительные конструкции и слова традиционно сближаются по смыслу с условными или причинными¹, однако, как правило, не рассматриваются в контексте семантики будущего времени. Действительно, в семантический инвариант уступительности входит указание на условие; ср. толкование *хотя*²: *Хотя P, Q* = 'Имеет место P, имеет место Q; говорящий считает, что если имеет место ситуация типа P, то необычно или неестественно, чтобы имела место ситуация типа Q': *Хотя он был болен [P], он пошел на работу [Q]* = 'Он был болен; он пошел на работу; говорящий считает, что если человек болен, то необычно или неестественно, чтобы он шел на работу'. Все уступительные слова в том или ином виде включают в свое значение компонент 'если', даже такие маргинальные маркеры уступительности как частица *хоть* 3.1³: *Я мечтаю хоть немного отдохнуть* = 'Если невозможно отдохнуть столько, сколько я хочу, я готов удовлетвориться коротким отдыхом'.

Основная функция уступительных слов — привлекать внимание к имеющим место необычным ситуациям, странность которых состоит в том, что их компоненты как бы противоречат друг другу и поэтому нарушают естественные ожидания; ср. *Хотя уже поздно, дети не спят* [а естественно было бы, чтобы спали]; *Хотя уже*

¹ См. подробный обзор литературы на эту тему в работе [Апресян В. 2006: 624–625].

² Это слегка модифицированное толкование из работы [Апресян В. 2006: 631].

³ Ср. предлагаемое в работе [Апресян В. 2006: 615–712] описание уступительных средств русского языка при помощи инварианта, включающего указание на условие, и различных семантических «наращений», а также толкования уступительных слов, предложенные этим же автором для Активного словаря русского языка [Апресян В., в печати].

декабрь, на улице плюсовая температура [а естественна была бы минусовая]. Поэтому в прототипическом случае уступительность ассоциируется с фактивностью, и многие уступительные слова и конструкции фактивны, то есть указывают на **реально существующие** ситуации Р и Q; ср., например, союзы *хоть* и *хотя*, предлог *несмотря на*, уступительные фразеосхемы: *Он ничего не сделал, хоть <хотя и> обещал*; *Несмотря на обещание, он ничего не сделал*; *Обещать-то обещал, но ничего не сделал*; *Обещание обещанием, а сделать-то он ничего и не сделал*. Если для *хотя*, *хоть* и уступительных фразеосхем возможно также проспективное употребление, для *несмотря на* оно затруднено или невозможно: *Хотя <хоть> завтра будет дождь, мы собираемся за город*; *Каникулы каникулами, а заниматься летом придется*, но не *Несмотря на завтрашний дождь, мы собираемся за город*. Таким образом, *несмотря на* является по преимуществу фактивной единицей, в значение которой «заделано» указание на фактивность.

Однако число уступительных средств языка велико, и семантический прототип, представленный в значении основных уступительных союзов *хотя* и *хоть* и предлога *несмотря на*, в других уступительных словах и конструкциях в «чистом» виде не встречается. Как показано в работе [Апресян В. 2006], значения прочих уступительных единиц развиваются из прототипа при помощи семантических наращений — в первую очередь, наращения ирреальности, наращения желательности и наращения малой/большой степени/количества. Оказывается при этом, что все перечисленные семантические наращения «сдвигают» уступительное значение в сторону анти-фактивности.

Естественным образом, «анти-фактивными» оказываются такие уступительные слова и конструкции, в значение которых входит указание на **ирреальность**: *Да хоть бы он был нобелевским лауреатом, я его на работу не возьму*; *Я бы не взяла его на работу, даже если бы он был нобелевским лауреатом* [он не является нобелевским лауреатом]. Ирреальность, впрочем, хотя и противопоставлена фактивности, не идентична проспективности. Однако выясняется, что среди уступительных единиц, в семантике которых присутствуют семантические наращения желательности и степени, есть такие, в значение которых нестандартным образом «заделана» именно проспективность. Проспективность никогда не присутствует в значениях уступительных единиц в чистом виде, она всегда является «побочным продуктом» какого-то другого, более сложного смысла, в первую очередь желательности или степени. Всего мы выделяем три вида «уступительной проспективности».

1. Перформативная перспективность

Существует «перформативная» перспективность, связанная с желанием: для того, чтобы получить нечто желательное, говорящий готов поступиться чем-то очень важным, и своими словами — отказом от чего-то важного и заявлением желания, чтобы осуществилось нечто еще более важное, он старается связать эти события причинно-следственной связью, «повлиять» на будущее. Этот тип уступительной перспективности выражается фраземами *только бы*, *лишь бы*: *пусть Р, только бы <лишь бы> Q* = 'Говорящий или субъект очень хочет, чтобы было Q; считая, что если будет нежелательное Р, то может быть Q, он выражает готовность на Р и пожелание, чтобы было Q'. *Она готова всё признать, покаяться во всем плохом, что ей приписывают близкие, — только бы он был жив!* (В. Гроссман); *Куда угодно. Лишь бы вместе* (С. Довлатов). Употребление этих лексем невозможно в ретроспективных контекстах: **Она все признала, только бы он был жив*; **Она поехала в Сибирь, лишь бы быть вместе*. Здесь перспективность является «продуктом» более сложного смысла — оптативности. Так как осуществление желательной ситуации принципиально может относиться только к будущему, то и уступительные средства языка, указывающие на желательность, употребляются только в контекстах будущего времени. Это свойственно не только уступительным словам и конструкциям, но и чистым оптатам; ср. *Да будет свет*, но не **Да был свет*; *Пусть уже все поскорее закончится*, но не **Пусть уже все поскорее закончилось*.

2. Гиперболическая перспективность

Следующий вид уступительной перспективности «вмонтирован» в смысл малая/большая степень/количество. Это «гиперболическая» перспективность невозможности, подразумевающая уверенность говорящего в неосуществимости некоторой ситуации даже при наличии самых благоприятных для нее обстоятельств (или ее осуществимости даже при наличии самых неблагоприятных для нее обстоятельств). Этот тип уступительности выражается лексемами *хоть 2.1* и *хоть бы 2*: *Хоть <хоть> бы и Р, Q*: 'Говорящий уверен, что ситуация Q будет иметь место, даже если будет иметь место очень значительное Р; говорящий считает, что обычно, если имеет место ситуация типа Р, то необычно или неестественно, чтобы имела место ситуация типа Q'; *Хоть даром отдавай <хоть бы и даром отдавал>, никто у тебя эту развалюху не купит*; *Хоть потоп будет, все равно пойду гулять*. Опять-таки, ретроспективное употребление

для этого типа проспективных единиц невозможно: **Хоть даром отдавал, никто не купил*, **Хоть потоп был, все равно пошла гулять*. Можно возразить, что фразы типа *Хоть потоп был, все равно пошла гулять* возможны, однако они возможны только в другом значении и с другой интерпретацией *хоть*, а именно, если *хоть* интерпретируется как не-гиперболическое фактивное *хоть* I — основной уступительный союз, — как во фразе *Хоть шел дождь, мы пошли гулять*. Эти две единицы *хоть* различаются не только семантически — фактивностью vs. проспективностью, но и просодически, а также синтаксически. Фразы с фактивным *хоть* имеют нейтральный просодический рисунок, при котором фразовое ударение падает на последнее слово фразы, в то время как фразы с гиперболическим проспективным *хоть* характеризуются контрастным просодическим выделением того слова, которое несет количественную оценку; ср. *Хоть был ¹дождь, мы пошли гулять* vs. *Хоть ¹потоп будет, все равно пойду гулять*. Синтаксически они также различаются; ср. нейтральный порядок слов во фразах с фактивным *хоть* vs. инверсию во фразах с проспективным гиперболическим *хоть*. Такой тип проспективности свойствен и некоторым другим гиперболическим уступительным единицам. Одним из самых ярких примеров является фразема *несмотря ни на что*. Если в своем несвязанном значении предлог *несмотря на*, как было показано выше, по преимуществу фактивен, во фраземе *несмотря ни на что* он по преимуществу проспективен. Действительно, эта фразема стандартно используется для выражения суждений о будущем; ср. *Я приеду к тебе несмотря ни на что*, однако нехарактерна для высказываний об уже состоявшихся ситуациях; ср. странность *?Я приехала к нему несмотря ни на что*.

В данном случае проспективность определяется гиперболическостью, наличием указания на очень малую или очень большую степень, которые, в свою очередь, блокируют возможность фактивного прочтения фраз. Таким образом, мы можем, как и в случае с желательностью, сформулировать гораздо более общую семантическую тенденцию — о связи гиперболы, очень высокой или очень низкой степени, с анти-фактивностью, что соответствует нашим представлениям о мире: в целом, мы чаще сталкиваемся с проявлениями нормы, а крайности и полюса — это нечто гораздо более редкое и, соответственно, гораздо менее реальное. «Полярность» высказываний с гиперболической проспективностью соответствует риторическому духу уступительности, а именно готовности частично согласиться с оппонентом только для того, чтобы с еще большей убедительностью настоять на своей точке зрения. В случае гиперболической уступительной проспективности говорящий выражает уверенность в том,

что он окажется прав, даже если противоречащие его точке зрения обстоятельства будут иметь место в совершенно невероятных по своему масштабу пропорциях.

Опять-таки, как и в случае с желательностью, проспективность (или, по крайней мере, антифактивность) характерна не только для уступительных единиц, но и для прочих единиц с подобной семантикой. Аналогично устроены гиперболические негативно поляризованные единицы типа *на йоту*, *на кончике ногтя*, *хоть на столько*; они также не могут использоваться в фактивных контекстах; ср. риторические вопросы *Он переменился хоть на йоту?*; *Он верит в это хоть на кончике пальца?*; *Тебе стало хоть на столько лучше?*, при невозможности фактивных утвердительных фраз **Он переменился хоть на йоту*; **Он верит в это хоть на кончике пальца*; **Мне стало хоть на столько лучше*.

Среди уступительных единиц есть и некоторые другие, в значение которых входит указание на очень низкую степень/малое количество и, соответственно, на проспективность (или анти-фактивность). Это частицы *хоть* 3.1, *хотя бы* 1 и *по крайней мере* 3, во фразах типа *Если уж не можешь помочь, то хоть <хотя бы, по крайней мере> не мешай*. Хотя для них употребление в фактивных контекстах не запрещено, однако предпочтительным является употребление в проспективных или повелительных контекстах; ср. *Надеюсь, он даст мне хоть <хотя бы, по крайней мере> сто рублей* vs. *Он дал мне хоть <хотя бы, по крайней мере> сто рублей*. На это опять-таки можно возразить, что подобные фактивные фразы возможны; однако следует признать, что их употребление ограничено разными факторами. Во-первых, *хоть*, как единица наиболее близкая к отрицательной полярности, крайне редко употребляется в фактивных контекстах, что доказывает семантическую корреляцию очень малой степени и анти-фактивности. Во-вторых, даже *по крайней мере*, наименее поляризованная из трех частиц, сильно ограничена в своем фактивном употреблении. Так, во фразе *Он дал мне по крайней мере сто рублей* уступительное осмысление частицы невозможно; эта фраза становится возможной, только если *по крайней мере* осмысляется в противоположном значении — ‘как минимум’, ‘не меньше чем’; ср. *Он дал мне по крайней мере сто рублей* = ‘Он дал мне не меньше чем сто рублей’, но не *‘Если уж он не сделал для меня ничего большего, по крайней мере он дал мне маленькую сумму сто рублей’.

При определенных условиях все эти три единицы могут употребляться фактивно. Представляется, что во фразах с узкой семантической сферой действия частицы, в которых в сферу действия попадает только слово с количественной оценкой, фактивное употребление за-

труднено, что соответствует нашей мысли о связи анти-фактивности с количественной оценкой; ср. странность ?*Он дал мне хоть глоток воды*; ?*Он написал контрольную хотя бы <по крайней мере> на тройку*. Однако во фразах с широкой сферой действия частицы фактивное употребление допустимо: *Он хоть глоток воды мне дал <если уж ничего другого для меня не сделал>*; *Он хотя бы <по крайней мере> контрольную на тройку написал <если уж всю четверть прогуливал и домашние задания не делал>*. Фразы с широкой сферой действия частицы требуют особой интонации; ср. *Он хоть <хотя бы> сто рублей мне дал, и на том спасибо*.

3. Проспективность примера

Последний вид проспективности, свойственной уступительным единицам, реализуется на значениях «примера», которое есть у слов *хоть* и *хотя бы*; ср. *хоть <хотя бы> Р Q* 'В качестве примера на Q легко привести Р; легко привести и какой-то другой пример на Q, если адресат не удовлетворен Р'. Ср. *Куда бы мне съездить в отпуск? — Да хоть на Кипр!*; — *С кем бы мне пойти на дискотеку? — Да хоть с Васей*; *Сейчас во многих семьях жена работает, а муж сидит с детьми, взять хотя бы Ивановых*.

Здесь ретроспективная, фактивная интерпретация невозможна из-за того, что Р, будучи лишь одним из возможных вариантов реализации Q, имеет неопределенный референтный статус, а фактивность предполагает определенность; ср. невозможность: **Он съездил в отпуск хоть на Кипр*; **Она сходила на дискотеку хотя бы с Васей*. При этом в данном контексте, как и во многих примерах выше, *хоть* и *хотя бы* возможны в другом значении. А именно, они возможны в отрицательно поляризованном значении, где указывают на низкую степень, с широкой сферой действия, как в примерах, обсуждавшихся в предыдущем разделе: *Хорошо, хоть с Васей на дискотеку сходила <если уж не с Петей>* [подразумевается, что Вася гораздо хуже Пети в качестве кавалера на дискотеке]. Опять-таки, проспективность свойственна не только уступительным единицам со значением примера, но и прочим выражениям, которые имеют подобную семантику; ср. невозможность слов *например*, *к примеру* в фактивных контекстах: *Съезди, например <к примеру>, на Кипр* VS. невозможность **Он съездил, например <к примеру>, на Кипр*. Эти фразы становятся возможными с широкой сферой действия, где *например <к примеру>* относится не к слову *Кипр*, а ко всей фразе, т.е. факт поездки на Кипр приводится в качестве примера чего-л. В этом случае *например <к примеру>* лучше перенести ближе к началу фразы, в

соответствии с широкой сферой действия; ср. *Он, например <к примеру>, на Кипр съездил, а я опять ни с чем?*

В заключение можно сказать, что значение перспективности является интересным семантическим «сопровождением» некоторых уступительных единиц, входя в их значение не в качестве отдельного самостоятельного компонента, а скорее будучи «вмонтировано» в значение некоторых более сложных смыслов, которые формируют значения многих уступительных единиц за пределами основного прототипа уступительности.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян В. 2006 — *Апресян В.Ю. Уступительность в языке // Лингвистическая картина мира и системная лексикография / Под ред. Ю.Д. Апресяна. М., 2006. С. 615–712.*

ЧЕЛОВЕК, ЗАГЛЯДЫВАЮЩИЙ В БУДУЩЕЕ

0. Язык не делает существенного различия между знанием о прошлом или настоящем и знанием о будущем: и о будущем можно не только высказывать мнение, но и знать точно: *Я знаю, что он будет артистом; У меня нет планов на все лето, знаю только, что мы поедем на месяц в Афины.*

1. Прилагательные, характеризующие способность человека предвидеть будущее. Можно показать, что в будущем различаются два временных плана. Они различаются, разумеется, не абсолютной величиной отрезка времени, а степенью подготовленности будущего ситуацией настоящего. Эта ситуация хорошо описывается следующей классической цитатой:

(1) *Боги ведают будущее, люди — настоящее, а мудрецы — то, что не за горами* (Филострат. Жизнь Аполлония Тианского).

В русском языке имеются прилагательные, характеризующие возможности человека прогнозировать и предвидеть, как будет развиваться ситуация в будущем. Это прилагательные *дальновидный*, *предусмотрительный* и стоящее несколько особняком *прозорливый*¹.

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН <Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей>, гранта НШ-4019.2010.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, и гранта РГНФ10-04-00273а «Подготовка первого выпуска Активного словаря русского языка». Автор приносит свою глубокую благодарность коллегам, обсуждавшим и критиковавшим разные версии этой работы на семинарах сектора теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю.Д. Апресяна.

¹ Эти прилагательные описаны автором настоящей статьи в [НОСС 2004].

Все эти прилагательные многозначны. Характеризуя в своем основном значении людей, они имеют и второе значение: 'такой, какого можно ожидать от людей, обладающих данным свойством'. Это второе значение представлено в примерах (2), (3) и (4):

(2) *Прошка пошел не туда, где была дорога на его деревню. Наверно, у него имелись свои расчеты и свои дальновидные планы на хлебные доходы* (А. Платонов. Чевенгур);

(3) *[Я] не способен был думать о плитке, отвалившейся в ванной комнате, о пальто для Севочки. — Над этим думала только она, Катя, я лишь покорно преклонялся перед ее предусмотрительной мудростью* (В. Тендряков. Покушение на миражи);

(4) *Если это не прозорливый зародыш геополитики мирного сосуществования различных государств, тогда что же?* (Жизнь национальностей. 2002.10.14).

Перечислим основные семантические противопоставления, организующие рассматриваемое семантическое поле.

1. Фундаментальные способности (*дальновидный, прозорливый*) — способности, проявляющиеся в конкретном поступке (*предусмотрительный*)².

2. Степень сложности интеллектуальной деятельности и глубина проникновения в будущее (*бóльшие в случае дальновидный и прозорливый*).

3. Рациональность способов получения знаний о будущем (*бóльшая в случае дальновидный и предусмотрительный*).

4. Масштаб событий (*бóльший в случае дальновидный и прозорливый*).

5. Степень контроля над ситуацией со стороны субъекта (*бóльшая в случае предусмотрительный*).

² О противопоставлении фундаментальных способностей и способностей, суждение о которых выносится эмпирически, см. [Богуславская 1999, Богуславская 2004 и Богуславская 2006].

В интегральном описании этот тип противопоставления может быть описано с помощью понятия нетривиального семантического признака, введенного в работе [Апресян 1980] (переиздано в [Апресян 1995: 8–10]). Нетривиальный семантический признак описывает сочетаемостные свойства лексем, то есть способность или неспособность лексем, относящихся к определенной группе, сочетаться с какими-то лексемами или граммемами. Хотя нетривиальные семантические признаки мотивированы семантически, их нельзя в правилах заменять на отсылку к определенному семантическому компоненту в толкованиях группы лексем.

6. Предпринимаемые конкретные действия по подготовке к будущему (обязательны для *предусмотрительный*).

Противопоставления, существенные для различения прилагательных *дальновидный 1*, *предусмотрительный 1* и *прозорливый 1*, в основном сохраняются для *дальновидный 2*, *предусмотрительный 2* и *прозорливый 2*.

Прилагательное *дальновидный* указывает на то, что субъект понимает суть наблюдаемых событий и законы их развития настолько хорошо, что, используя логику и здравый смысл, он может предвидеть, как будет изменяться ситуация в будущем.

(5) *Петр был дальновидным государственным деятелем, искусным дипломатом и талантливым полководцем. Он глубоко понимал необходимость экономических, военных, государственных и культурных преобразований России для ее успешного развития* (С. Сыров. Страницы истории).

Дальновидный характеризует фундаментальную способность субъекта, присущую ему всегда, поэтому для него нехарактерны атрибуты, ограничивающие время действия способности³; ср. сомнительность (6) и (7):

(6) ?*Сегодня он оказался дальновидным;*

(7) ?*На этот раз он был дальновидным.*

Возможны разве что употребления типа (8):

(8) *В зрелом возрасте, в конце своего правления, он стал дальновиднее.*

³ Использование сочетаемости с темпоральными ограничителями в качестве теста, различающего прилагательные, указывающие на фундаментальные способности (типа *дальновидный*), и прилагательные, указывающие на способности нефундаментальные (типа *предусмотрительный*), может привести к мысли о сходстве этого противопоставления и противопоставления постоянных свойств и временных состояний. Между этими противопоставлениями имеется существенная содержательная разница. Качества типа *предусмотрительности* — не временное состояние человека. Просто мы говорим об таких качествах обычно тогда, когда имеем дело с их конкретными проявлениями в определенных обстоятельствах. И фундаментальные, и нефундаментальные способности — два типа постоянных свойств. См. об этом подробнее в: [Богуславская 2006].

Дальновидный человек продумывает всевозможные варианты развития относительно крупных событий, просчитывая, часто в условиях недостатка информации, не только непосредственные результаты своих действий или непосредственные результаты развития наблюдаемой ситуации, но и отдаленные последствия. Эта характеристика чаще всего применяется к крупным руководителям — полководцам, государственным деятелям и т. п., поскольку именно от них естественно ожидать умения предвидеть будущее.

(9) *Сдача Москвы вызвала разнообразные толки: большинство твердило, что Кутузов неудачник, погубивший кампанию, другие считали его дальновидным полководцем, заманившим врага в ловушку.*

Если мы называем какого-либо человека дальновидным, то мы оцениваем как превышающую норму и его способность предвидеть, и его умение готовиться к будущему.

(10) *Директор совхоза оказался дальновидным: он начал строить школу, а не коровник-гигант, понимая, что главное — сохранить рабочих.*

С прилагательным *дальновидный* в ряде употреблений сближается стилистически окрашенное прилагательное *прозорливый*. Подобно прилагательному *дальновидный*, *прозорливый* указывает на способность понимать, как будут развиваться события в будущем. Однако *дальновидный* отличается от него указанием на более рациональные способы получения знаний о будущем, а также большей прагматичностью: *прозорливый* может знать что-либо, вовсе не нуждаясь в этом знании и не делая практических выводов из своих знаний.

(11) *Фантастически прозорливый Хармс предсказал и свою преждевременную гибель и некоторые сопутствующие ей обстоятельства (Сегодня. 27.01.96) [дальновидный в этом контексте было бы неуместно];*

(12) *Неоднократно судимый господин Монастырский, как видно, оказался очень прозорливым и дальновидным человеком, поддерживая еще в самом начале 90-х годов не имевшего тогда значительного политического веса Жириновского (А. Константинов. Бандитский Петербург).*

(13) *Прозорливый <дальновидный> критик разглядел в первых опытах начинающей поэтессы признаки большого дарования [в случае употребления дальновидный естественно продолжение типа и предложил ей сотрудничать в своем журнале].*

Как и прилагательному *дальновидный*, прилагательному *прозорливый* в рассматриваемом здесь значении может быть приписан нетривиальный семантический признак «фундаментальная способность».

Прилагательное *предусмотрительный* указывает на то, что субъект заранее обдумывает возможное развитие более или менее бытовой ситуации, непосредственно его касающейся, и принимает меры для того, чтобы быть полностью готовым к преодолению возможных затруднений. При этом, в отличие от синонима *дальновидный*, в фокусе внимания находится не столько правильность предположений субъекта о самом будущем развитии ситуации, сколько уместность его действий, направленных на подготовку к такому ожидаемому развитию ситуации, включая приведение в порядок необходимых для этого материальных ресурсов.

(14) *Под ногами, под передним сиденьем, у меня была монтировка — единственное оружие, которое предусмотрительный Изя Котовский всегда возил с собой* (Ф. Незнанский, Э. Тополь. Журналист для Брежнева).

Само по себе представление о том, что нужно иметь что-то, заменяющее оружие в известных ситуациях, тривиально. Но именно предусмотрительный человек делает из этого знания практические выводы.

Прилагательное *предусмотрительный*, далее, указывает на свойства субъекта, проявляемые в конкретных ситуациях, причем часто конкретное проявление свойства прямо упоминается в тексте.

(15) *Под гирями предусмотрительный нарушитель конвенции разостлал газетный лист, дабы ни одна пылинка драгоценного металла не пропала зря* (И. Ильф, Е. Петров. Золотой теленок);

(16) *Олеша был так предусмотрителен, что принес из дому новые железяки для поперечин и ведро глины* (В. Белов. Плотничьи рассказы);

(17) *Катерине Ивановне даже не надо было ходить за хлебом, потому что предусмотрительная Маргарита захватила и батон* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки).

Поэтому *предусмотрительный*, в отличие от *дальновидный* и *прозорливый*, вполне уместно в контексте временных обстоятельств, существенно ограничивающих время проявления свойства.

(18) *На этот раз он оказался предусмотрительным и взял с собой фонарик.*

Прилагательное *предусмотрительный* используется в тех случаях, когда нетрудно предугадать, как именно будет развиваться ситуация, поскольку она в значительной степени контролируется субъектом.

(19) *Его предусмотрительный отец иногда прятал запасные папиросы в карманах старого пальто.*

При этом речь идет о банальном учете непосредственных следствий тех или иных действий или обстоятельств, а не о предвидении их отдаленных последствий, или о преодолении недостатка информации с помощью выходящих за рамки нормы интеллектуальных усилий.

(20) *Предусмотрительная Мила захватила из Москвы и выдала мне пару резиновых перчаток [для работы на дачном участке] (М. Львова. Саня или двойная свадьба);*

(21) *Подробный ответ был заранее заготовлен для этого случая его предусмотрительными помощниками;*

(22) *Предусмотрительные соседи запасли дрова на зиму.*

Замена в таких случаях *предусмотрительный* на *дальновидный* или *прозорливый* уместна лишь тогда, когда ситуация по какой-либо причине оказывается нетривиальной. Например, если соседям удалось предусмотреть возможность неожиданного отключения центрального отопления на длительное время, вполне уместно и (23):

(23) *Дальновидные соседи запасли дрова на зиму.*

Свойство *предусмотрительный*, в отличие от *дальновидный* и *прозорливый*, может раздражать окружающих и оцениваться как чрезмерное и излишнее.

(24) *Ты излишне предусмотрителен: мы принесли с собой воду, а здесь ручей недалеко.*

2. Проспективность как элемент лексического значения.

Проспективность входит в состав лексического значения многих языковых единиц, далеких, на первый взгляд, от временной семантики.

В синонимическом ряду *напрасный* 1, *тщетный*, *безрезультатный*, *безуспешный*, *бесплодный* 3, *бесполезный* ('не приводящий к до-

стижению поставленной цели или не приносящий результатов¹⁾ прилагательные разбиваются на две группы⁴.

Прилагательные *напрасный*, *тщетный*, *бесплодный* и *бесполезный* употребляются как ретроспективно, характеризуя неудачу, уже имеющую место к моменту речи, так и в ситуации прогнозирования будущей неудачи. Ср. пары примеров, где а) демонстрирует ретроспективное употребление, а б) — проспективное.

(25а) *Все уговоры оказались напрасными: она так и не пришла;*

(25б) *Зачем эти напрасные уговоры? Она все равно не придет;*

(26а) *Максим из всех сил старался найти хоть какую-то прореху в этой новой системе мира, но все его усилия были тщетны. Картина получалась стройная, примитивная, безнадежно логичная (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров);*

(26б) *Боюсь, что все ваши усилия тщетны: она не согласится;*

(27а) *Переговоры оказались бесплодными <бесполезными>;*

(27б) *Он понимал, что эти переговоры бесплодны <бесполезны>, но не находил в себе силы замолчать.*

Два других синонима ряда, *безуспешный* и *безрезультатный*, могут быть употреблены только ретроспективно:

(28) *Графине понравилось это усердие Наташи; она в душе своей, после безуспешного медицинского лечения, надеялась, что молитва поможет ей больше лекарств (Л.Н. Толстой. Война и мир);*

(29) *Именно потому, что консервативные методы очень часто оказываются безрезультатными, приходится прибегать к операции (Упсальский корпус)⁵.*

Нужно отметить, что возможность употребления в проспективных контекстах не коррелирует с временной ориентацией (*бесполезно* тяготеет к проспективной, *тщетно* — к ретроспективной ориентации).

3. Временное соотношение исходной и производной ситуаций в разных типах причинно-следственной связи. Для демонстрации размытости противопоставления настоящего и будущего или уравнивания настоящего и будущего в сознании говорящих можно обра-

⁴ Эти различия описаны в: [Богуславская 1997].

⁵ В отличие от соответствующего прилагательного наречие *тщетно* тяготеет к ретроспективному употреблению. См. об этом подробнее в: [Левонтина 2003].

тяться также к проблеме временного соотношения исходной и производной ситуаций при разных типах причинно-следственной связи.

Когда речь идет об объективных причинах⁶, исходная и производная ситуации могут следовать одна за другой или сосуществовать (30), но следствие (в полном соответствии с внутренней формой) не может предшествовать причине.

(30) *Нервный ребенок худеет по двум причинам: нервность, с одной стороны, снижает его аппетит, а с другой — обуславливает большие затраты энергии* (Б. Спок. Ребенок и уход за ним, пер. с англ.).

Эти два типа временного соотношения возможны и в случае субъективной причины. Ср. (31) и (32):

(31) *О причинах популярности биографического романа и очерка можно говорить много. Так, одной из этих причин была победа романтического мировоззрения и романтизма как школы* (Новый мир. № 1. 1999);

(32) *Я сожалею, что Вы не можете приехать, но понимаю причины, заставляющие Вас остаться* (А. Солженицын. Угодило зернышко между двух жерновов).

Но в случае субъективной причины возможна еще бóльшая свобода временного соотношения.

(33) — *Почему я не могу остаться дома? — Потому что сегодня будет важное совещание;*

(34) *Он рано ушел с банкета, так как завтра у него лекции с самого утра.*

Значит, союзы *так как* и *потому что* допускают возможность для причины (разумеется, только субъективной) следовать во времени за следствием. Это не столь уж удивительно, ведь субъект производной ситуации знает о том, что ему предстоит в будущем, в момент принятия решения о действии. Характерно, однако, что построить аналогичный пример с самим словом *причина* затруднительно.

(35) *Я не остался дома по той причине, что сегодня будет важное совещание;*

(36) *Причина того, что я пошел на экзамен, то, что меня лишат стипендии.*

⁶ О противопоставлении объективной и субъективной причин см. [Богуславская 2005].

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1995 — *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Богуславская 1997 — *Богуславская О.Ю.* Словарная статья НАПРАСНЫЙ // *Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна). Первый выпуск. М., 1997. С. 205–209.
- Богуславская 1999 — *Богуславская О.Ю.* Откуда ты знаешь, что она умная? // Логический анализ языка. Образ человека в языке и культуре. М., 1999. С. 64–72.
- Богуславская 2004 — *Богуславская О.Ю.* Почему не говорят «сообразительный совет» // Труды международного семинара Диалог'04 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы / Ред. А.С. Нариньяни. 2004. С. 11–15.
- Богуславская 2005 — *Богуславская О.Ю.* Противопоставление объективной и субъективной причины в семантике причинных глаголов // *East-West Encounter: Second International Conference on Meaning-Text Theory*. М., 2005. Р. 53–64.
- Богуславская 2006 — *Богуславская О.Ю.* Интеллектуальные способности и деятельность человека в зеркале прилагательных // Языковая картина мира и системная лексикография (совместно с В.Ю. Апресян, Ю.Д. Апресяном и др.) / Ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006. С. 471–512.
- Богуславская, Левонтина 2004 — *Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б.* Смыслы 'причина' и 'цель' в естественном языке // ВЯ. 2004. С. 68–88.
- Левонтина 2003 — *Левонтина И.Б.* Словарная статья НАПРАСНО // *Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. и др.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка (под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна). Третий выпуск. М., 2003. С. 199–205.
- НОСС 2004 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. (Совместно с Ю.Д. Апресяном и др.) / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

ЯЗЫК БЕЗ ГРАНИЦ

Когда речь идет о развитии языка и его будущем, многообразие процессов, происходящих одновременно, обескураживает. Несколько явлений, различных по своей природе, можно объединить в рамках общей тенденции, которую можно назвать тенденцией к размыванию границ.

Жизнь языка и жизнь культуры неразделимо связаны. Говоря о современном русском языке, нельзя не остановиться на некоторых явлениях социальной жизни. Общественная жизнь в России последних десятилетий постоянно изменяется. Люди привыкают к новым формам и нормам общения. Рассмотрим два ярких примера.

Свое становление переживает новая корпоративная и деловая культура общения. Одновременно с этим происходит слом привычных и вполне устоявшихся в русском обществе представлений о том, как нужно вести себя в официальной обстановке. В первую очередь, изменяется речевое поведение. Вместо привычных обращений на «Вы» и по имени-отчеству все чаще используют «ты» и обращение по имени. Обращение на «Вы» кажется чем-то вроде дурного тона в некоторых компаниях. В кадровых агентствах соискателей предупреждают, что там, где он будет работать, обращаться к коллегам принято только на «ты». Хотелось бы подчеркнуть, что это процесс одновременно социальный и языковой. Люди стремятся продемонстрировать, что в их офисах царит равенство и дружелюбие. Воплотить это можно только в речевом поведении, имитируя общение с друзьями. От дружеского общения взяты, таким образом, его легко опознаваемые приметы: обращение на «ты» и по имени. Но ведь иерархию как таковую это не упраздняет. Начальник остается начальником, независимо от того, как к нему обращаться.

Другой пример, который привлекает к себе внимание, — это виртуальное общение. Сейчас оно существует в самых разных формах. Не так давно появились так называемые социальные сети. Наи-

более известны «Фейсбук» (<http://www.facebook.com>) и его русские аналоги «Одноклассники» и «ВКонтакте». В рамках виртуального общения, в частности, в русских социальных сетях и «Живом Журнале» интересное развитие получило значение слова «друг». Наряду с заимствованием «фрэнд», слово «друг» используется для обозначения реальных и виртуальных знакомых, то есть одно и то же слово используется как для обозначения дружбы в традиционном смысле слова, так и для отношений, которые с дружбой не имеют ничего общего. Видимо, пользователи все же стараются дифференцировать дружбу в старом значении и в новом. Многие отдают предпочтение слову «фрэнд» в тех случаях, когда речь идет о виртуальных знакомых. Русский язык уже освоил это слово. Оно входит в сочетания «фрэнд-лента» и «быть во фрэндах», у него глагольные дериваты «зафрэндить» и «фрэндить». Эти примеры показывают, что границы, которые традиционно существовали между разными видами отношений, расшатываются.

Разрушаются границы не только социальные, но и языковые. В русском языке размываются, если не сказать стираются, границы между стилями. Вместо дифференциации функциональных стилей в зависимости от содержания сообщения, его адресации и ситуации общения постепенно формируется некий усредненный стиль. Видимо, характерными приметами этого стиля являются, с одной стороны, фамильярность и разговорность, а с другой стороны, «интеллектуализация». Этот небольшой отрывок взят из Интернет-издания «Газета.ру».

«Вы скажете, так и раньше было, стоит ли сетовать?

Так, да не так. По ощущению, если прежде нехождение в музей сопровождалось подобием угрызений совести (типа «совсем я ленивый стал и темный, надо бы выбраться при случае в Третьяковку, что ли»), то нынче преобладает сознательный внутренний отказ (мол, «что я там забыл, тоска смертная»). И действительно, художественному музею трудно конкурировать с дискотекой, блогем, компьютерной стрелялкой, новым блокбастером. Дело даже не в том, что подобные занятия будто бы не оставляют времени на что-нибудь другое — это миф, разумеется. Просто меняется тип мышления, поведения, восприятия. Вне интерактивности нашему современнику неуютно. Дескать, вы в своем музее развесили по стенам шедевры, а мне остается лишь ходить по стрелочкам, смотреть куда велено, да при этом еще и руками ничего не трогать. На фиг надо»¹.

¹ *Велимир Мойсм.* Эпоха посещения // Газета.ру http://www.gazeta.ru/culture/2009/07/23/a_3226256.shtml.

Тенденция к разговорности здесь очевидна. Автор текста как будто имитирует разговор. Риторический вопрос выполняет функцию предугадывания реакции собеседника. Выражение «так, да не так», слова «мол», «дескать», «типа» и «просто» типичны именно для разговорной речи, а не для письменной. При этом во всей статье нет ни одного из оборотов, которые обычно используются для структурирования письменного текста. Зато фразы, заключенные одновременно в кавычки и скобки, предлагают что-то наподобие перевода. Одна и та же информация подается дважды: сначала — в нейтральном регистре, а затем — в сниженном.

С другой стороны, в этом же тексте присутствуют и приметы интеллектуализации, пусть и не такие явные. Текст изобилует заимствованиями, встречаются термины и книжные слова. Читатель, для которого автор заботливо поясняет, что такое угрызения совести, не нуждается в переводе слов «блог», «интерактивность» или «месседж».

Наблюдать изменения и размывание границ можно не только на уровне текста, который все больше утрачивает стилевую дифференциацию, но и на уровне слова. Правильное написание слов утратило свою престижность. Не так давно в Интернете получили большое распространение измененные написания слов. Можно привести массу примеров, когда человек, безусловно владеющий нормами русского языка, пишет «зачот» или «превед, медвед», потому что такое написание обозначает его принадлежность к Интернет-сообществу [Кронгауз 2009]. Это явление стало столь массовым, что уже трудно отличить грамотного человека от неграмотного, вместе с тем новые написания теряют свою экспрессивность. Говоря об орфографических изменениях в русском языке, интересно обратить внимание на смешение кириллицы и латиницы. Сейчас надпись, сделанная латиницей, практически не привлекает внимания. Русский глаз привык к чужой графике, но потребность привлекать внимание именно графикой осталась. Это особенно заметно в написании названий и в рекламе. Можно наблюдать случаи, когда в пределах одного слова смешиваются два алфавита. В качестве примера приведу названия некоторых Интернет-изданий: ИноСМИ.Ru, Газета.ru, Чемпионат.ru, Lenta.ru, Утро.ru.

Конечно, глядя на эти примеры, нельзя говорить о смешении языков, но ответить на вопрос «Какой это язык?» не всегда просто. В Москве на рекламной перетяжке написано: «АПАРТАМЕНТЫ КАК V LONDONE». Этот пример позволяет продемонстрировать прием, который часто используется в объявлениях. Мы можем наблюдать, как кириллица плавно переходит в латиницу. Действительно, вряд

ли мы сможем ответить на вопрос, буквы какого алфавита использованы в данном случае для написания слова «КАК». Тем не менее, мы без труда можем идентифицировать эту фразу как написанную по-русски.

Еще более любопытны случаи языковой игры, когда в одном слове смешивается не только графика, но и морфология и грамматика разных языков. Этот прием многократно повторяется в названиях популярных книг. «Dухless: повесть о ненастоящем человеке» и «The тёлки» Сергея Минаева, «Про любoff\on», «Happy book. Технология совершенства» и «Casual 2. Пляска головой и ногами» Оксаны Робски, «Generation “П”» Виктора Пелевина, «Люboff и другие товарно-денежные отношения» Милы Сергеевой, «Welcome в прошлое» Татьяны Поляковой. Очевидно, что названия на двух языках одновременно привлекают внимание и позволяют автору продемонстрировать оригинальность уже на обложке книги.

Как видно из названия «Про любoff\on», в таком написании игровой элемент усиливает неоднозначность английского аффикса. Сочетание русского корня и английского аффикса придает привычным словам что-то вроде иностранного акцента.

Наиболее активно этот прием используется при создании названий. Любопытно, что эти написания, возникшие как художественный эксперимент, прекрасно приживаются в языке. По запросу «люboff» Яндекс находит 59 тысяч страниц, а по запросу «любофф» 356 тысяч страниц. Видимо, замена обычного русского суффикса «-ов» на «-офф» или «-off» кроме фонетического сходства связана с коммерческим успехом марки Smirnoff, знакомой самым широким слоям населения. Один за другим появляются рестораны или торговые марки, в названии которых фигурирует удвоенная «ф»: «Гусятникофф», «Колбасофф», «Пельменефф», «Тинькофф».

Можно предположить, что слово «dухless» или слова, образованные аналогичным образом, через какое-то время будут столь же распространенными, как и написания с двумя «ф». Роман Сергея Минаева необычайно популярен. Об этом свидетельствуют не только огромные тиражи. Уже существует экранизация фильма, в Москве открылось кафе под названием «Dухless». Русский язык постепенно осваивает это слово. «Dухless» встречается за пределами названия книги. Современная культура создала сочетание «гламурный dухless» и противопоставление «русского духа» «русскому dухlessy».

Игры с русской морфологией и графикой уже вышли за пределы литературного эксперимента, в рамках которого они появились. Игра, смешение языков, смешение отдельных их элементов сейчас

очень популярны. Использование разнородных элементов и размывание границ между стилями и языками превращается (или уже превратилось) в моду. В Интернете можно встретить всевозможные сочетания русского и английского. Это касается в равной мере новостных сайтов, форумов, электронных газет и журналов. То же можно сказать и об устной речи. Слова «брэнд», «селебрити», «локейшн», «фэшн-шоу» и прочие заимствования стали привычными для людей, профессиональная жизнь которых связана с модой, рекламой, торговлей и пр.

Последнее подводит нас к тому, что размываются не только границы между стилями, между языками, но и между языковыми подсистемами, между социокультурными языками [Шапир 2000: 9]. Все явления, описанные выше, уже давно законно существуют в рамках поэтического языка, иначе говоря, в литературе. Макаронические стихи встречаются во многих национальных традициях, в том числе и в русской. Поэзия русского авангарда, например эксперименты В.В. Каменского по сочетанию графики и слова, показали, что поэтический текст может включать в себя любые элементы. Однако стандартный язык всегда был более консервативным. (В данном случае используется термин «стандартный», а не «литературный», чтобы избежать путаницы, которая нередко возникает, когда понятия «литературный язык» и «язык литературы» соседствуют.) Это логично, ведь стандартный язык используется в первую очередь для передачи информации, иначе говоря, служит универсальным средством коммуникации. Не все, что уместно в поэтическом языке, может переключиться в стандартный язык. Тем не менее, отдельные средства перестают принадлежать только поэтическому языку. Например, метафора получила широкое распространение за его пределами [Арутюнова 1990].

Передача информации затрудняется, если говорящий отклоняется от нормы. Естественно предположить, что чем сильнее отклонение, тем меньше информации передается. Усложненная форма затрудняет восприятие, но зато даже небольшой объем информации, преподнесенный в сложной форме, требует большего времени на обработку, чем тот же объем в стандартной форме. Таким образом, форма может замещать содержание или прикрывать его скудость.

Как уже было сказано, всевозможные отклонения от нормы сейчас очень популярны. В Интернете тенденция к размыванию или разрушению границ, которые существуют в языке, проявляется наиболее отчетливо. В Интернете выражаться на стандартном языке, можно сказать, не принято. Отклонение от нормы, таким образом, формирует новую норму. Любопытно, распространится ли эта тенденция на другие сферы бытования языка. Но это пока в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
- Кронгауз 2009 — *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009.
- Винокур 1990 — *Винокур Г.О.* Язык литературы и литературный язык // *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М., 1990.
- Шапир 2000 — *Шапир М.И.* Поэзия в ряду языков духовной культуры // *Шапир М.И.* Universum versus. Кн. 1. М., 2000.
- Поэзия русского футуризма 2001 — Поэзия русского футуризма. СПб., 2001.

Н.Г. БРАГИНА

ЧЕЛОВЕК РИСКУЮЩИЙ: СОБЛАЗНЫ БУДУЩЕГО

Концепт *риска* в линейной модели времени

В линейной модели времени образ желанного будущего, в котором человек реализует мечту, противопоставлен ценностному настоящему. К ценностям настоящего можно отнести самую жизнь, здоровье, материальные блага и т.д., то есть то, что обуславливает благополучие и с чем человек не хочет расставаться. Однако естественный ход событий не обязательно приводит его к желанному будущему, например, к богатству, славе, полноте власти и т.д. И если человек все же достигает этого ценою усилий, трудолюбия, таланта и т.д., то это — долгий путь. Более быстрая и действенная стратегия — стратегия риска. Она основана на выборе между тем, что имеешь, но можешь потерять, и тем, что желаешь обрести в будущем, достигнув полноты реализации возможностей, планов, желаний и надежд. В структуре ситуации риска выбор в пользу будущего становится ключевым элементом. Человек, которого все абсолютно устраивает в настоящем, живет по принципу: *Лучшее — враг хорошего*. Он не рискует¹. Определим основные особенности ситуации риска.

1. *Риск* разрешает коллизию между ценностями настоящего и мечтой о будущем в пользу будущего. «Человек рискующий» живет будущим. Именно в этом смысле будущее его соблазняет. «Человек рискующий» амбициозен: не довольствуясь настоящим и желая получить большее, он готов к потерям, ср.:

¹ Ситуации *риска ради риска, риска ради получения адреналина*, когда человек получает удовольствие собственно от самого риска, в данном случае я не рассматриваю.

- (1) **Личный риск** являлся **необходимым накладным расходом** на пути к победе... (Л. Троцкий. Моя жизнь).
- (2) **Чем выше уровень ваших притязаний, тем больше риска** вы вносите в свою жизнь (А. Шубин. Путь к благополучию).
- (3) Но вот Юра осторожно повернулся к двери, словно сравнивая **степень риска со степенью соблазна** (Ф. Искандер. Мой кумир).

2. Стратегии *риска* предшествует осознанный выбор и (как правило) готовность нести за него ответственность, «платить по счетам», ср.:

- (1) Ведь ты ни разу в жизни **не принял по-настоящему серьезного решения**, ни разу **не пошел на риск** (В. Аксенов. Звездный билет).
- (2) В те времена никто о них не знал. Маркони **попросту пошел на риск**. Если бы дело не вышло, **как смеялись бы люди над глупым Маркони!** (М. Бронштейн. Солнечное вещество).

Когда говорят: *Ты рискуешь потерять Р*, — это значит, что Р приписывается ценность и человека призывают сделать осознанный выбор (*все взвесить*) и к осторожности.

3. *Риск* связан с волевым актом, с формой насилия над собой / другими, со способностью человека сделать над собой усилие, подавив страх перед возможной опасностью, неудачей: *идти, пойти на риск, делать что-л. на свой страх и риск*. Толковые словари определяют риск как 'возможную опасность, неудачу' [СУШ 1935–1940; Ожегов, Шведова 1995], ср.:

— Прошу обратить внимание: **действую на свой страх и риск, в полном одиночестве, почти вслепую** (О. Павлов. Карагандинские девятые, или Повесть последних дней).

4. *Риск* концептуально связан с действием, с поступком, с определенным типом поведения и соответственно противопоставлен «недействию», ожиданию, ср. также:

- (1) Она отступит только **перед риском, перед действием** (И. Анненский. Вторая книга отражений).
- (2) [...] потому что только он мог бы **пойти на самый грозный риск** и на самые **неслыханно тяжелые жертвы**, ничуть не колебля ни в народной массе, ни в возглавляемом им войске веру в полную необходимость приносимых жертв (Е. Тарле. Бородино).

5. *На риск идет* человек индивидуалистского, а не коллективистского типа сознания, поэтому неслучайно *риск* является одним из ключевых слов романтического дискурса, ср., например, такие клише: *Риск — дело благородное; Кто не рискует, тот не пьет шампанского*, а также афоризмы Гете: *Народ, неспособный к риску, мельчает* и Вовенарга *Кто жаждет совершить великое, тот должен рисковать и делать ошибки, не падая из-за этого духом и не страшась себя обнаружить*.

Риск концептуально согласуется с *жертвой*. Человек может быть *способен/не способен к риску*, как и к жертве.

6. «Человек рискующий» — это взрослый человек либо подросток, т.е. человек, у которого самосознание либо сформировано, либо формируется. Допустимо, хотя и странно: *ребенок рискнул, пошел на риск*. То же самое относится и к животным: *кошка рискнула, пошла на риск*. Подобные словосочетания блокируются важными для концепта *риска* смысловыми компонентами, а именно: осознанный выбор.

Градации риска: риск потери чего-л. ради обретения чего-л.

Риск согласуется с категорией вероятности. Как и вероятность, он может градуироваться. Отчетливо наблюдаются две градации.

Первая градация — собственно «вероятностная». *Риск* градуируется на основе сопоставления вероятности утраты чего-л. с вероятностью приобретения / обретения желаемого. События могут развиваться, условно говоря, по нескольким сценариям: а) обретение без утраты (полный успех); б) утрата без обретения (полный провал); в) утрата, но обретение (частичный успех); г) отсутствие утраты без обретения (нет ни выигрыша, ни проигрыша).

Риск / степень риска соответственно может быть *большой, высокой, громадной, значительной, колоссальной, неизмеримой, огромной, предельной, повышенной и небольшой, малой, нулевой*. *Риск / степень риска* можно модифицировать, *увеличивая, уменьшая, сводя на нет*.

Другая градация — условно говоря, «содержательная». *Риск* градуируется на основе сопоставления степени значимости (ценности) того, что может быть утрачено, и того, что может быть приобретено. Здесь рискованное поведение попадает в область этики и соответственно получает в том числе и этические оценки. В ситуации, когда, с точки зрения говорящего, ценность возможной потери во много раз превышает ценность обретения желаемого, *риск* определяется

как бессмысленный, неоправданный, пустой, напрасный, глупый, ненужный. И наоборот, если то, ради чего человек рискует, ценностно, несмотря на потери, риск характеризуется как *оправданный, благородный, трагический*.

Крайняя степень риска, когда ради желаемого будущего человек готов потерять все, включая жизнь, маркируется паремиями, отмеченными уже В.И. Далем [Даль 1984]. Выбор «человека рискующего» связан с оппозициями: 'жизнь, богатство, слава, власть — смерть'. Ситуация выбора описана повторяющимся союзом *либо*, ср.: *Либо пан, либо пропал. Либо пан, либо пал. Либо сена клок, либо вилы в бок. Либо полон двор, либо корень (с корнем) вон. Либо чужую шкуру (голову) добыть, либо свою отдать. Либо полковник, либо покойник. Либо смерть, либо живот. Либо в стремя ногой, либо в пень головой. Либо петля надвое, либо шея прочь. Либо добыть, либо назад не быть (либо домой не быть). Либо рыбку съесть, либо на мель сесть. Либо каши горшок, либо рогача (ухватом) в бок*.

Следует также отметить, что существуют ситуации, когда кроме риска человеку ничего не остается, например, риск — это единственно возможная стратегия, чтобы выжить (в ситуации на войне). Она маркируется такими словосочетаниями: *отчаянный, смертельный, смертный, страшный, ужасный риск*. Риск в его крайней форме может оцениваться как самоубийство, ср.:

- (1) **Это не риск, это самоубийство**, и я в этом участвовать не буду! (С. Осипов. Страсти по Фоме. Книга вторая. Примус интер парэс).
- (2) Тут **никакого риска нет**, а есть **очевидная моя погибель**, в которую ведут меня батюшка и матушка (Д. Фонвизин. Бригадир).

Рискованная versus осторожная модели поведения

Рискованной модели поведения противопоставлена спокойная и осторожная. Будущее в этом случае мыслится как естественное продолжение настоящего, ср.: *все идет своим чередом; как есть, так есть; пусть будет, как будет; как будет, так и хорошо*. Человек довольствуется тем, что есть, спокойно либо покорно принимает те обстоятельства, которые возникают во временном континууме, согласуясь с принципом: *Лучше синица в руке, чем журавль в небе*. При этом он избегает потерь и ничем не жертвует. Осторожная стратегия описана паремиями, которые моделируют образ медленного движения, остановок, пауз, подчеркивая преимущества естественного хода событий, который в итоге может привести к лучшему: *Тише едешь, дальше будешь. Горяченький скоро надсдается (надрывается). Ско-*

ро поедешь, не скоро доедешь. Не переведя дух, дальше ворот не добежишь. Прытко бегают, так часто падают [Даль 1984].

В отличие от неспешных действий, которые в пословицах и поговорках оцениваются как позитивные и результативные, быстрое движение ассоциируется со стремлением переломить в свою пользу естественный ход событий, что в целом отвечает идее риска. Риск концептуально согласуется с быстротой. Человек рискующий стремится к быстрому достижению результата: быстрое обогащение, быстрое обретение славы и т.д. Собственно идея быстроты заложена и в пословицах, созданных по модели *либо ... либо: Либо пан, либо пропал*. Отмечу попутно, что большинство экстремальных видов спорта, основа которых — высокая степень риска, — это быстрые виды спорта.

Таким образом, естественному положению дел, естественному ходу времени, в котором человек имеет то, что ему предназначено, и в котором для каждого события уготован свой час, противопоставлен индивидуалистический акт выбора, который осуществляется, чтобы переломить «естественный ход событий» в свою пользу и быстро достичь желанного результата. Ради этого человек готов поступиться тем, что имеет. Соответственно конечная цель риска как модели поведения концептуализируется как *выигрыш* при вероятности *проигрыша*; как *победа* при вероятности *поражения*.

Концептуальная противопоставленность *риска* естественному течению времени подтверждается тем, что семантически *риск* плохо сочетается с названиями событий, явлений, *наступление* которых происходит в согласии с естественным ходом событий, например: *риск наступления осени, старости, смерти, сезона дождей*. Такие сочетания, однако, не кажутся странными, если добавить прилагательное *преждевременный*: *риск преждевременного наступления старости, смерти, осени...* и т.д. С другой стороны, события негативные, из ряда вон выходящие и вместе с тем случающиеся, хорошо сочетаются со словом *риск*, ср. *риск наводнения, землетрясения, цунами, пожара, техногенной катастрофы...*

Противопоставление рискованного поведения / поступка естественному ходу дел подтверждают также литературные примеры и максимы, ср.:

- (1) Можно зашиться, но если не выдержишь и выпьешь, умрешь в одночасье. **Зачем такой риск? Пусть все идет как идет** (В. Токарева. Своя правда).
- (2) Осторожность — хорошая вещь, но даже черепаха не сделает ни одного шага, если не высунет голову из панциря (Л. Вовенарг).

Типология *риска*: типичные потери ради типичных желаний

В модели поведения «человека рискующего» существует некий набор типичных ситуаций и типичных потерь. К типичным потерям в ситуации риска относятся: жизнь (риск на войне); свобода: *риск попасть в тюрьму быть задержанным, подвергнуться нападению* («криминальный» риск); репутация (риск часто связан с нарушением каких-либо правил): *принять на себя ответственность, потерять доброе имя* (гражданский / этический риск), здоровье (медицинский риск). Менее типичен эмоциональный риск, например, *риск разочарования*. Ср. примеры:

- (1) Просто плакать хотелось над ними, когда проходили подробности их тяжелой, неустанной, подпольной работы, **с ежеминутным риском быть захваченными и заплатить жизнью** (Н. Карабчевский. Что глаза мои видели. Т. 2. Революция и Россия).
- (2) Восточный человек опять схватился за голову: — Знаю, что **рыск!** Знаю, что **турма!** (С. Довлатов. Виноград).
- (3) Каждый активный исполнитель-заготовитель **вынужден на свой риск и страх во много раз превышать те права, которые даны ему законом** (А. Деникин. Очерки русской смуты).
- (4) И я думаю, что пока ты, Ларка, не окрепнешь настолько, чтобы **без всякого риска для здоровья** вынести эту трудную поездку, ты ехать не должна (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

Существуют также виды деятельности, в которых человеку как бы предписано рисковать. К ним относятся: война, спорт (особенно экстремальный), игра. Профессия, род деятельности могут быть связаны с повышенной опасностью для жизни и здоровья: пожарники, космонавты, саперы и т.д. — *группы риска*.

В модели поведения «человека рискующего» типичные потери как бы противопоставлены типичным желаниям, ради которых человек собственно и идет на риск. Человек типично рискует ради богатства, денег; нового; перемен в жизни; удовлетворения собственных амбиций; получения удовольствия от острых ощущений (эмоциональный драйв, *риск ради риска*).

В ситуации, когда, с позиции говорящего, риск недостаточно мотивирован, он определяется как *риск неведомо ради чего; риск, непонятно зачем, бессмысленный риск, безответственность, авантюра* и т.д.

Типичные потери и типичные приобретения «человека рискующего» фиксируются литературными примерами, ср.:

(1) Но я считаю и думаю, что со мной согласятся все, что **во имя нового мы должны научиться приносить жертвы. Новое — это риск.** Ну и что? (В. Аксенов. Звездный билет).

(2) **Риск, безумная страсть к наживе,** трагедии на почве кровных уз, — все эти конфликты рождаются у Лермонтова около красоты (И. Анненский. Вторая книга отражений).

(3) **Лихачество, риск ради самоутверждения** были ему чужды; легенды о летчиках, пролетавших под мостом, не столько волновали его воображение, сколько удивляли бессмысленностью поступка; подлинное уважение внушал ему **риск ради жизни, ради порученного дела — осознанный, разумный риск летчиков-испытателей или первопроходцев полярных широт** с их полными неизвестности посадками на дрейфующий лед (В. Санин. Не говори ты Арктике — прощай).

(4) Ребята не хотели откладывать подъем, но я **не пошел на риск ради риска** и сказал, что подождем с Эльбрусом еще год (В. Старчевский. Сахара–Этна–Эльбрус).

(5) Таким образом, удовлетворяется **потребность в острых ощущениях, риске, прорыве** (А. Шубин. Путь к благополучию).

(6) Я так не люблю **холод, пустоту и риск неизвестно ради чего** (С. Жемайтис. Большая лагуна).

В зависимости от цели, которую ставит перед собой человек, *риск* может быть идеальным и материальным. Идеальный риск — это риск ради идеи, ради другого (его жизни, спокойствия, благополучия и т.д.), ради исполнения долга, самоутверждения, славы, власти и т.д. Материальный риск — это риск ради приобретения чего-л., денег, прибыли, наживы и т.д. Если использовать оппозицию Э. Фромма: *быть или иметь*, то идеальный риск соотносится с *быть*, материальный — с *иметь*.

Риск может получать этическую оценку, поскольку он связан с поступком. Человек рискует: а) собой² ради себя; б) собой ради других; в) другими ради себя; г) другими ради других.

Концептуально *риск* согласуется со *смелостью, храбростью, мужеством, отвагой, опасностью, страхом, жертвой, безумием, талантом*, ср.:

(1) Рецепта мало, нужны **риск и надежда, а главное, талант** (С. Лунгин. Виденное наяву).

² Под *риском собой* здесь понимаются любые потери «человека рискующего», под *риском другими* — любые потери, которые могут коснуться других из-за деятельности «человека рискующего».

(2) [...] тихонько отклоняя мою повесть в сторону тех **беспрестанных рисков и страхов**, которые сопровождали мое счастье (В. Набоков. Лолита).

(3) Был май — самый гармоничный из месяцев, а это означало, что повсюду вокруг торжествует равномерное смешение здравого смысла и **врожденного безрассудства, раскаяния и риска** (Б. Окуджава. Путешествие дилетантов).

(4) Как вы понимаете, **риск, азарт, бесстрашие, честолюбивые замыслы, безумные идеи** не слишком сочетаются с ролью добытчика пропитания (Т. Иванова. Портрет моего мужа).

Кроме того, *риск*, в котором выражена идея вероятности, связан со *случайностью, судьбой, удачей*. Это, в частности, проявляется в репликах *Рискнем! Рискну!*, ср.:

(1) С одной стороны, **рисковать** — значит **пускаться наудачу, отважиться, отдать себя на волю случая, надеясь на счастье** (потому — **рискнем!** (Е. Новикова. Минимизация экологических рисков).

(2) — Так что будем делать? — **Рискнем. Будь что будет...** (Л. Конорев. Зову к святому и каторжному труду...).

(3) — Но, умоляю, будь осторожна. — **Рискнем...** Тем более это наш **единственный шанс** (Э. Радзинский. Княжна Тараканова).

Риск и его словарные описания

Согласно данным историко-этимологического словаря [Черных 1994] в русском языке слова *риск, рисковать* известны с XVIII в. Первые употребления встречаются у Фонвизина в комедии «Бригадир», 1769 г., д. I, явл. 4: «*риску* нет», «на что ж вы *рискуете?*». Первая словарная фиксация слов *риск, рисковать* отмечена в словаре иностранных слов в 1806 г. [Яновский 1803–1806, III: 569]. Слова *рискнуть, рискованный* первым дает словарь церковнославянского и русского языков в 1847 г. [СЦСРЯ 1847, IV: 65].

Слово пришло в русский язык из французского языка., ср. франц. (с XVI в.) *risque* — «риск», отсюда *risquer* — «рисковать». Французское слово *risque* восходит к итальянскому *rischio* < *risico* — «опасность» > «риск», отсюда *rischiare* (< *risicare*) — «рисковать». К итальянскому *risico* восходит нем. *Risiko* — «риск». Как отмечает П. Черных, происхождение итальянского *risico* неясно. Некоторые этимологи возводят его к греческому *pita* — «корень», «основание» > «подошва», «подножие» (горы, скалы), связывая значение «риск» с несчастными случаями на море, с кораблекрушениями и т.п. П. Чер-

ных указывает также на возможность параллели с новогреческим «судьба», «участь», «доля».

Похожую этимологию дает М. Фасмер [Фасмер 1987], связывая заимствование из французского *risque* от итальянского *risico*, которое восходит к греческому «утес», «подножие горы». Рисковать первоначально могло иметь значение «лабиринтировать между скал».

Толкование слов *риск* и *рисковать*, приводимое В. Далем, проявляет амбивалентность концепта, в котором соединяются отвага, смелость, решимость и действие на авось, без верного расчета, ср.:

«РИСКОВАТЬ, *рискнуть* фр. пускаться наудачу, на неверное дело, наудалую, отважиться, идти на авось, делать что без верного расчета, подвергаться случайности, действовать смело, предприимчиво, надеясь на счастье, ставить на кон (от игры); | рисковать что или чем, подвергаться чему, известной опасности, превратности, неудаче. *Рискнуть, да и закататься! Не рискуя, не добудешь. Он рискует за один раз все имение свое. Я тут ничем не рискую. Ты рискуешь потерять все, рискуешь головою. Дело-то рискованное, сомнительное, опасное... Тут много рискуется, дело опасно. Рискованье ср. риск...* отвага, смелость, решимость, предприимчивость, действие на авось, наудачу. *Риск благородное дело. Поговорка картежников. Риск фельдмаршал. Нет дела без риска. Он принял на свой риск, на свой страх. Риск пополам, барыши и убытки. Рисковое дело, неверное. Рисковатое дело, то же, в меньш. степ. отважное. Рискователь, -ница, рискующий что, отважный человек.*

Толковые словари XX века связывают *риск* с «опасностью», «возможностью неудачи», «действием в надежде на счастливый исход» [СУш 1935–1940; Ожегов, Шведова 1995].

Риск и культурные практики

Появившееся во второй половине XVIII в. и впервые зафиксированное словарями в начале XIX в. слово *риск* становится одним из центральных концептов, проявляясь в таких практиках, как *карточная игра* и *дуэль, война*. Некоторые паремии со словом *риск* В.И. Даль комментирует как офицерские, другие — как картежные.

Ю.М. Лотман отмечает, что распространенность азартных игр в русском обществе второй половины XVIII — первой половины XIX в. напоминала эпидемию. Описывая карточную игру как неравный поединок, он так характеризует игроков: «понтер — тот, кто желает все выиграть, хотя рискует все при этом проиграть — ведет себя как человек, который вынужден принимать на себя важные решения, не имея для этого необходимой информации; он мо-

жет действовать наугад, может строить предположения, пытается вывести какие-либо статистические закономерности. Банкомет же никакой стратегии не избирает. В честной игре банкомет опирается только на хладнокровие. Позиция банкомета фаталистична, позиция понтера — рискованна» [Лотман 1994: 151–152]. Он также отмечает, что для честного игрока пушкинской эпохи выигрыш был не самоцелью, а средством вызвать ощущение риска, внести в жизнь непредсказуемость [Там же: 154]. Похожее отношение к игре может возникать и в XX веке, ср.:

Рулетка чем хороша? Это риск в чистом виде. Никакого умения, все расчеты исключены (Д. Гранин. Зубр).

«Человек рискующий» испытывает сильные чувства, острые ощущения: *азарт, упоение, наслаждение*, ср.:

(1) Я, например, убежден, что его в какой-то и, может быть, значительной степени **«повело»: элемент игры, азарта, риска**, насколько я знаю, игнорируется авторами, писавшими о нем (Ю. Даниэль. Письма из заключения).

(2) К играм его влек азарт, но не **безумный азарт игрока**, а **элемент разумного риска и желание победить** («не посрамиться») — суметь преодолеть любое препятствие (Капица, Тамм, Семенов).

(3) Довлеет **азарту** натура моя порочная, **авантюрам** довлеет, **безмозглому риску** довлеет, знаю, чувствую, казнюсь и страдаю (Васильев Б. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт).

(4) **Азартный, способный зарваться, черпавший упоение в риске** (О. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца).

Если обратиться к современным культурным практикам, то концептуальное поле *риска* дополняется таким ключевым для современного общества концептом *экстрим* в разных формах его проявления (*спортивный, политический, экономический, бытовой*). Острота эмоций, удовольствие, упоение от балансирования на грани жизни и смерти, победы и провала, обостренное чувство жизни, высокий уровень адреналина входят в моду и становятся ценностными. Ср., например, такие словоупотребления: *экстремал; драйв-спорт; адреналин-шоу, экстремальное телевидение; экстремальный отдых, исламист, подарок, пирсинг, телефон, туризм, гонки, журналистика* и т.д.

Заключение

Концептуальное поле риска представляет собой одно из самых активно и динамично расширяющихся семантических пространств. В статье речь шла о личном риске. Вне рассмотрения остался политический и экономический риск, который в значительной степени моделирует современное общество.

Если для XX века важен был образ «человека играющего», то в XXI в. его место займет «человек рискующий».

ЛИТЕРАТУРА

- Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1–2. М., 1984.
- Даль 1955 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2, 4. М., 1955.
- Лотман 1994 — *Лотман Ю.М.* Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
- Ожегов, Шведова 1995 — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
- СЦСРЯ 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка. Т. 1–4 / Сост. Вторым отд-нием Имп. АН. СПб., 1847.
- СУш 1935–1940 — Толковый словарь русского языка. Т. 1–4 / Гл. ред. Д.Н. Ушаков. М., 1935–1940.
- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1987.
- Черных 1994 — *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 1. М., 1994.
- Яновский 1803–1806 — *Яновский Н.М.* Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... Ч. 1–3. СПб., 1803–1806.

ОТ «НАСТАВЛЕНИЙ» К «ПОДНАЧКАМ»

В статье будут рассмотрены две группы речевых актов (РА), одна из которых **явно** направлена на каузацию такого поведения адресата, которое желательно для субъекта, а другая — **замаскированно**. Это «наставления» и «подначки» соответственно.

В сущности, почти все или, во всяком случае, очень многие РА рассчитаны на получение желательной реакции со стороны адресата. Так, «просьбы» рассчитаны на их выполнение адресатом, «убеждения» и «объяснения» имеют целью изменение ментального состояния адресата или воздействие на его волю с тем, чтобы он совершил нужный для субъекта поступок, «предупреждения» и «угрозы» направлены на то, чтобы адресат учел сказанное субъектом в своем дальнейшем поведении, «утешения» — на изменение эмоционального состояния адресата и т.д.

Две выбранные группы тоже предполагают воздействие на сознание и волю адресата. В отличие от названных РА, каждая из этих групп содержит достаточно специфические пресуппозиции.

«Наставления» предполагают наиболее длительное воздействие на адресата: с их помощью субъект пытается формировать его постоянное поведение в дальнейшем.

Удивительно, как много видов наставлений демонстрирует русский язык. Вот эти слова и выражения: разг. *воспитывать* (*Что ты меня воспитываешь?*), *вразумлять*, *делать замечания*, *наказывать* (*кому-то, что надо делать*) и *давать наказания*, *наставлять* и *давать*

Статья написана при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00-00-273а (Подготовка первого выпуска активного словаря русского языка) и № 10-04-00-275А 2010–2012 (Лексиграфическое представление русской разговорной речи), а также гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-4019.2010.6.

наставления, назидать и назидание, поучать и поучение, учить в одном из значений, читать нравоучения, читать мораль, читать нотацию.

Обилие слов, относящихся к «наставлениям», неслучайно. Оно согласуется с русскоязычной культурной моделью поведения. Чтобы лучше понять ее, посмотрим на нее глазами иностранца. Так, некоторые иностранные лингвисты характеризуют российскую культуру как «культуру вмешательства». Например, австрийская лингвистка Р. Ратмайр пишет в своей книге «Прагматика извинения»: «Попадая в русскую среду, любой человек, например, из Австрии, сразу обратит внимание на то, что русские гораздо больше вмешиваются в чужую жизнь, причем как в положительном, так и в отрицательном смысле» [Ратмайр 2003: 25]. Далее она приводит случаи из своей студенческой жизни в России еще в советские годы. Я опущу позитивные аспекты этого вмешательства (предложения помочь нести сумку и др. проявления заботы) и сосредоточусь на отрицательных примерах как более близких к теме доклада. «Если, по мнению окружающих, я была легко или неподобающим образом одета — мне делали замечание: *Девушка, еще не лето, как Вы без шапки можете ходить?* Когда у меня съехал шарф, мне тоже сделали замечание: *Девушка, там у Вас шарф спустился, подберите, а то испачкается!*, а когда я уронила перчатку, мне сказали: *Вы там перчатку уронили*. Вообще, если в автобусе или в метро что-то лежит на полу, начинают спрашивать: *это не Ваше?* Как-то в августе — было исключительно жарко — я ехала в платье с открытой спиной, и одна молодая женщина громко возмутилась: *Девушка, это же не пляж, а метро!* В другой раз в столовой я ела рыбу ножом, и мне сделали замечание, ведь так не делают: *Девушка, у нас рыбу ножом не едят*; заметили мне также, что я ем суп без хлеба (*А хлеб надо есть, почему Вы не берете?*). Попробуйте, отстояв длинную очередь и оказавшись, наконец, у кассы, не сразу достать деньги — и Вас сразу же начнут воспитывать, например, так: *Деньги готовьте заранее!* или так: *Ну вот, целый час стоят, а деньги приготовить не могут*» (Там же).

Р. Ратмайр, книга которой посвящена извинениям, заметила также, что и на извинения «в России охотно реагируют поучениями, которые при случае могут переходить в оскорбления» (Там же: 131). Пример: [Жена выбросила прочитанный мужем журнал, потому что подумала, что он ему уже не понадобится]. Реплика мужа в ответ на ее извинения и объяснения: *Подумала! Нужно ведь спросить, прежде чем делать такие вещи!* Надо сказать, что реплика мужа кажется настолько естественной для русского уха, что странно представить себе, как обходятся без подобных реплик в не-

мецко- и англоязычной среде, на фоне которых рассматриваются подобные случаи.

Тому же автору казались очень смешными наши объявления «Не открывайте дверь, не убедившись, что кабина перед вами. Это может привести к падению в шахту» (у лифта) и «Перебегая железнодорожные пути перед близко идущим поездом, вы рискуете потерять жизнь». Когда я недоумевала, что же здесь смешного (поскольку к этим объявлениям я привыкла с детства), то она говорила, что они отражают отношение к адресату как к маленькому ребенку, которому нужно растолковывать очевидное.

Известная венгерская русистка Э. Палл привозила на практику в СССР студентов, изучающих русский язык. Она рассказывала, что девушки-студентки боялись здесь выходить на улицу. Им казалось, что к ним относятся враждебно и агрессивно, потому что их замучивали замечаниями типа «На улице не курят» или «В шортах выходить на улицу неприлично».

Сейчас в общественных ситуациях столько замечаний не делается. К чему-то люди привыкли, а что-то, возможно, перестало быть безопасным (например, делать замечания подросткам, пьющим пиво в метро).

Все названные глаголы и отглагольные существительные, относящиеся к группе «наставлений», кажутся очень близкими по смыслу; поэтому достаточно трудно описать семантические различия между ними. Ср., например, *назидание и поучение, наставлять и наказывать. Смотри не обижай сестренку*, — *наказывала мне мама* vs. *Смотри не обижай сестренку*, — *наставляла меня мама; Не люблю этих вечных поучений* vs. *Не люблю этих вечных назиданий*.

В целом «наставления» по характеру пресуппозиции можно разделить на две группы.

Вразумляют, делают замечания и назидания, назидают, читают нравоучения, мораль и нотацию в случае, когда адресат сделал что-то нехорошее или имеет неправильные представления о каком-то типе поведения (с точки зрения субъекта, конечно). Субъект же, желая, чтобы он начал вести себя правильно или начал иметь правильные представления, приводит ему соответствующие объяснения. Ср.: — *Совхоз выделяет квартиры для работников, а ты какой работник*, — *вразумлял его председатель* (В. Распутин); — *Дорогие москвички*, — *сказал младший брат*, — *простите за назидание, но у нас в Ленинграде утром не пьют* (Ф. Светов); *Сплошь и рядом она читает мне, своей сестре, длинные нравоучения, выказывает недовольство моими прическами и нарядами* (А. Морозов).

Эта группа сближается с РА *ругать, распекать, выговаривать*,

одергивать и под. От них «наставления» отличаются тем, что, ругая, субъект высказывается в более резкой форме, говорит более громко, а главное, апеллирует к личным свойствам и личному поведению адресата в связи с какой-то конкретной ситуацией. Ср.: *Отец все ругает меня, что у меня нет характера; У тебя ветер в голове, — ругала ее мать.*

«Наставления» же формулируются в более общей форме и делают упор на причинах и правилах, по которым следует поступать или интерпретировать что-то именно так, а не иначе. Даже в приведенном выше примере из В. Распутина, где упоминается личное свойство адресата (*а ты какой работник*, т. е. плохой работник), это свойство не находится в фокусе высказывания. Высказывание посвящено принципу, по которому распределяются квартиры, а личное свойство адресата упоминается только как причина, по которой он не получает квартиру, потому что это свойство не соответствует данному принципу распределения. Ошибка адресата состоит в том, что он сам этого не понимает и выражает недовольство.

От «убеждений», которые тоже предполагают стремление субъекта навязать свое мнение адресату, «наставления» отличаются тем, что не предполагают обмена репликами и аргументами. Убеждать — это интерактивное речевое действие, отражающее обычно ситуацию равноправного спора, а когда наставляют, то не предполагаются даже обоснованные возражения, хотя, как мы увидим ниже, на наставления часто огрызаются.

Приведу толкование двух слов из этой группы¹. Вот толкование глагола *вразумлять* в форме СОВ *вразумить*. *А1 вразумил А2* ‘Человек А1, считая, что человек А2 неправильно ведет себя или не имеет правильного мнения о чем-то, объяснил ему это с помощью рассуждений А3; в результате А2 начал иметь правильное мнение или правильно себя вести’. Вот пример типичного протекания вразумления: вначале адресатом формулируется ошибочное представление, затем субъект разъясняет ему истину. *Меня очень удивляла в голодавшей стране жирная, черная, поросшая ковылем земля. Собеседники наши, наоборот, находили это весьма естественным и даже говорили, что в будущем году еще меньше засеют. — «Только-только*

¹ Толкования выполнены в рамках идеологии Активного словаря русского языка [«Перспектив АС»]. В своем описании я ориентировалась на прототипические употребления рассматриваемых единиц, где они в большей мере противопоставлены друг другу. Разумеется, в реальной речевой практике тонкие семантические различия между отдельными словами могут стираться.

самим не околеть. На кой ляд сеять? Все одно загребут!» «Пойми, вразумлял меня Учитель, — от ста миллионов «чаво» требуют самоотверженного труда во имя непонятной им идеи (И. Эренбург). Далее субъект продолжает развивать свою мысль, адресат же только слушает и «входит в разум».

Приведу еще толкование существительного *назидание*. *Назидание человека А1 человеку А2 ‘Высказывание человека А1, адресованное человеку А2, о том, что плохо и что хорошо делать и что должен и чего не должен делать А2 в соответствии с этим представлением’. Пример типичного назидания: Это когда взрослые говорят детям: того не делай, сюда не ходи, ковырять в носу — неприлично, болтать за столом — некультурно, мучить животных — стыдно, врать — отвратительно, жадничать — тебя никто не будет любить. [...] В детских книжках такие вот неприкрытые назидания тоже встречаются (Ю. Томашевский).*

«Наставления» второй группы — давать наказания и наказывать, давать наставления и наставлять, поучать и учить — осуществляются в том случае, когда субъект старше или опытнее (или считает себя более опытным), чем адресат, и хочет передать ему свой опыт, свои представления о жизни. Ср.: Служи честно, — наказывал отец (В. Солоухин); Тренер наставлял своих учениц, как лучше распределить силы на дистанции; — Рыбу нужно чистить с хвоста, — продолжал свои наставления Николай (М. Львова); — Вы меня будете учить, как мне целовать мою жену?! (И. Грекова); Они проговорили весь вечер. Брюсов поучал, Гумилев почтительно внимал; Каждая беседа пожилого человека с молодым оборачивается поучением. Положение всегда было таким, и, вероятно, таким всегда и останется. Постараюсь [...] поделиться опытом прожитой жизни (Д.С. Лихачев).

Эта группа сближается с РА *советовать, инструктировать, объяснять*.

Приведу толкования нескольких глаголов.

А1 наставляет А2, чтобы А2 делал А3 в ситуации А4 ‘Человек А1, желая передать свой опыт и знания менее опытному человеку А2, говорит ему, какие действия А3 правильны в определенных ситуациях А4’. Катя стояла уже на ступеньках вагона, и старухи Бубенчиковы наперебой наставляли ее: чтобы она не простудилась в дороге, чтобы вещи не украли, чтобы на площадку не выходила (В. Каверин).

А1 наказал А3 делать А2 ‘А1, имея более высокий статус или больший опыт, чем А3, и считая, что для А3 хорошо делать А2, или желая, чтобы было А2, сказал ему, что нужно делать А2’. Мама вру-

чила мне [...] миниатюрную иконку покровителя всех моряков *Николы Чудотворца*. И наказала никогда с ней в морях не расставаться (В. Конецкий)

A1 поучает A2 'A1, считая, что он лучше, чем A2, знает, какие действия A3 или мнения A3 являются правильными, говорит ему об A3 в такой форме, которая показывает, что A1 чувствует свое превосходство над A2'. Как-то вечером, в столовой за чаем, *Вера Петровна* снисходительно поучала *Лидию*: — *Право критики основано или на твердой вере, или на точном знании* (М. Горький).

A1 учит A2 делать A3 в ситуации A4 'Человек A1 говорит человеку A2, какие действия A3 правильны в ситуации A4'. Толстой хотел учить, а не скромно и почтительно советовать [*Николаю II*], как того требовал ритуал, — такова была его позиция, модель поведения (С. Волков).

Таким образом, первая группа «наставлений» отражает реакцию субъекта на промахи адресата в его поведении или на недостатки в его представлениях, а вторая группа РА отражает передачу опыта и знаний более опытного субъекта менее опытному адресату.

«Наставления» предполагают явное или мнимое превосходство субъекта над адресатом и делаются в такой форме, что адресат это чувствует [Гловинская 1993: 174–175]. Поэтому, хотя они делаются во благо адресата, они часто бывают неприятны ему и вызывают его недовольство. Ср. типичную реакцию на наставления: *Осточертели эти назидания; Только не читай мне наставлений!; Не надо меня воспитывать!; Меня раздражают его постоянные нравоучения; Меня раздражает, что она все время поучает меня; Молод еще старших учить!*

Тем самым любовь к высказыванию наставлений в русской модели поведения парадоксальным образом сочетается с нелюбовью к выслушиванию наставлений.

В отличие от «наставлений», цель которых открыта для адресата, в «подначках» цель субъекта обычно маскируется. Поэтому *подначивают, провоцируют...* и т. д., не выражая прямо своего желания. Для *подначивания* типична обратная форма выражения: субъект утверждает, что адресат не выполнит определенного действия (которое как раз и желательно для субъекта), и мотивирует это чаще всего боязнью или неспособностью адресата, рассчитывая на то, что адресат захочет опровергнуть его утверждение. Ср.: *Он [...] вспомнил, как некий академик подначил его, что ему «слабо выступить на Общем собрании»* (Г. Горелик); — *Но ты поедешь со мной обратно? — Конечно, поеду [...]. — Не поедешь, я знаю, — подначил он* (Д. Быков).

Но, раскусив подначку, адресат может и отказаться от выполнения; ср.: *Пантелеев сорвался с места и подскочил к нему. — Слабо, — закричал он, — слабо перевести сто строчек Гейне и немножко Гете! Японец удивленно посмотрел на него и, шмыгнув носом, ответил: — На подначку не иду* (Г. Белых, Л. Пантелеев).

«Подначки» относятся к разряду поддразниваний, но в своем классическом виде имеют более узкое значение. Цель прототипических «подначек» — не только представить адресата в смешном свете и, возможно, спровоцировать его на какой-то неудачный ответный шаг; их цель — довести его до желания выполнить вполне определенное, запланированное субъектом действие.

«Подначки» рассчитаны на приведение адресата в психофизическое состояние возбуждения, азарта и тем самым предполагают воздействие на его волю.

Близко к *подначивать* стоит глагол *провоцировать*. Общим у них является не прямая форма воздействия, с помощью которой адресат добивается своей цели. Отличие состоит в том, что *спровоцировать* можно не только речевыми действиями (например, *Так подвижность кошки провоцирует внимание собаки* (Ф. Искандер) и не обязательно намеренно, *спровоцировать* можно и нечаянно (*Я нечаянно спровоцировал его на эту грубость*).

Близкие к «подначкам» глаголы *подговаривать* и *подучивать* подразумевают тайное, скрытое от других побуждение адресата к какому-то неподобающему поступку, желательному для субъекта, но, в отличие от *подначивать*, сделанное в прямой форме: *Глебов горячо подговаривал расправиться с Шулепой, который ему не нравился* (Ю. Трифонов); *Кто подучил, тот в стороне; кого подучили, тот в бороне* [т.е. 'несет ответственность'] (пословица).

Близок к данной группе и глагол *подстрекать*, который обладает более богатыми пресуппозициями. Он отражает ситуацию побуждения адресата не просто к неподобающему поступку, но к незаконному и оказывающему обычно отрицательное воздействие на жизнь социума: *подстрекают к убийству <бунту, неповиновению>*. Поэтому подстрекательство может иметь плохие последствия не только для адресата, но и для самого субъекта; ср.: *Любой офицер, не задумавшись ни на минуту, счел бы своим долгом застрелить меня на месте, если бы узнал, что я подстрекаю солдат к неповиновению, распространяю листовки против войны* (В. Каверин). При этом речевое действие может быть как откровенным, так и скрытым (возможно и **тайно подстрекал, и открыто подстрекал*).

В последнее время глагол *подначивать* в основном употребляется в расширительном значении 'дразнить'. Ср. слова до-

рожного инспектора, обращенные к водителю, который провозил контрабандой мандарины: *Теща ругает автоинспектора, а он, не обращая на нее внимания, подначивает зятя. — Прямо, — говорит, — не знаю, как с тобой быть. Если бы Франко был жив, тогда другое дело. Мы бы устроили тебя провозить в Испанию под фальшивым дном марксистскую литературу. Но Франко умер, и я теперь не знаю, где тебя использовать для пролетарского дела* (Ф. Искандер).

Кроме того, в некоторых случаях *подначивать* утрачивает указание на непрямую форму воздействия, и тогда он сближается по значению с глаголами *подзадоривать*, *подзуживать*: *После этого они начали здорово тузить друг друга под микитки. Пронзительный голосок на верстаке в это время пищал и подначивал: — Вали, вали хорошенько!* (А. Толстой). Ср.: — *А ты спроси ее, спроси, — подзуживали отца друзья-доброжелатели* (А. Дмитриев); *И родня подзуживает, друзья руками машут: да вы с ума сошли, коли есть возможность остаться в Ленинграде, так чего еще колебаться* (М. Веллер. Приключения майора Звягина); *Старичок подзадоривал его, взвизгивая: — Вали-и, Мотя! Круши, [...] Мотя, — скоро шабаш!* (М. Горький).

Последний вопрос, который хотелось бы обсудить в этой статье, касается оценки со стороны говорящего-интерпретатора, т. е. того, кто выбирает данный глагол для обозначения РА как относящегося к «наставлениям» или «подначкам».

В целом система оценок РА отражает заключенное в языке своеобразное представление о справедливости. С одной стороны, подвергаются наиболее резкой отрицательной оценке такие РА, которые направлены исключительно против интересов лиц, о которых идет речь, и служат корыстным целям самого субъекта (*доносить*, *клеветать*). В то же время весьма близкие к ним РА, осуществляемые, однако, с конструктивными целями — ради исправления чего-то, а также в целях самозащиты субъекта, не подвергаются отрицательной оценке даже если они и нежелательны для адресата или объекта (*жаловаться*, *ругать*) [Гловинская 2005].

Что касается «наставлений», то по замыслу субъекта они делаются ради блага адресата. Тем не менее, за исключением слов *наказ* и *наказывать*, все они могут отражать отрицательное отношение говорящего либо к самому факту сообщения, либо к его форме, если в ней отражается чувство превосходства субъекта над адресатом. Но эта отрицательная оценка, как видно из приведенных выше примеров, возникает далеко не всегда и зависит во многом от прагматических факторов. Поэтому включать соответствующий компонент в

толкование нет оснований. Это оценка не безусловная, не языковая, а прагматическая.

То же самое можно сказать о «подначках». Действие, которого субъект хочет добиться от адресата, не обязательно вредно для него. Оно может быть и полезным для адресата, хотя ему и не хочется его совершать. Поэтому и здесь оценка говорящего диктуется прагматическими соображениями и не фиксируется в толковании.

ЛИТЕРАТУРА

- Гловинская 1993 — Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект (ред. Е.А. Земская). М., 1993.
- Гловинская 2005 — Гловинская М. Я. Оценка в составе речевого акта // Язык. Личность. Текст. Сб. статей к 70-летию Т.М. Николаевой / Под ред. В.Н. Топорова. М., 2005. С. 201–208.
- «Перспектив АС» — Перспектив Активного словаря русского языка / Под общим руководством ак. Ю.Д. Апресяна. М., 2010.
- Ратмайр 2003 — Ратмайр Р. Прагматика извинения. М., 2003.

ТЕМА «ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ» И ПОПЫТКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР БУДУЩЕГО

(Опыт сопоставительной интерпретации
двух произведений — У.М. Миллера-мл. и Ф. Герберта)

Идея «вечного возвращения», бесконечного повторения событий, известна давно: так, в Ведах за гибелью мира в Калиюге следует его возрождение и повторное развитие, в «Прорицании Вёльвы», открывающем «Старшую Эдду», неясно, случится Рагнарёк («Судьба богов») в грядущем или он уже произошел. На рубеже XIX–XX вв. данная идея снова, как и в древности, стала занимать умы (ср. философию пифагорейцев, стоиков, Ф. Ницше), и это нашло отражение в художественной литературе. К примеру, в сатирическом романе А. Франса «Остров пингвинов» последняя глава, посвященная гибели государства от рук анархистов и упадку цивилизации, озаглавлена «Будущее. История без конца». Ее окончание, по сути дела, представляет собой краткий пересказ предыдущих глав: «Торговля и промышленность пришли в полный упадок; цивилизация исчезла из этих мест, прежде излюбленных ею. [...] Шли годы, богатые деревни и тучные нивы были разграблены и опустошены нашествием варваров. Много раз страна переходила от одних завоевателей к другим. Победители построили замки на холмах: развились ремесла. [...] Город разбогател и непомерно разросся. [...] Пятнадцать миллионов человек работало в гигантском городе» [Франс 1984].

После появления ядерного оружия, с началом разработки планов его массированного применения (американский план *Dropshot* или идея «гарантированного взаимоуничтожения» — *Mutually Assured Destruction*, — предложенная недавно скончавшимся Р. Макнамарой), стал популярен жанр «постапокалипсис»¹. Среди многочисленных книг, посвященных жизни после глобальных катастроф,

¹ Разумеется, о жизни после событий, сопоставимых по последствиям с концом света, писали и ранее, ср. роман Герберта Уэллса «Освобожденный мир» (*The World Set Free*, 1914), где описана жизнь людей после войны, в которой активно применялись атомные бомбардировки.

сравнимых с концом света, и повторяемости истории, в современной англоязычной литературе выделяются два произведения: *A Canticle for Leibowitz*² У.М. Миллера-мл. (1923–1996) и *Dune* Ф. Герберта (1920–1986). Оба произведения, несмотря на различия в сюжете, имеют некоторые общие черты. Как *Dune*, так и *A Canticle for Leibowitz* получили большую известность на Западе и не единожды становились объектом исследования зарубежных филологов, историков и богословов, ср. [DiTommaso 1992; Olsen 1997; Samuelson 1976]. Однако в России они не так известны (относительно популярной стала только «Дюна» Фрэнка Герберта). Насколько можно судить, до настоящего времени не предпринимались попытки сопоставительной интерпретации произведений Миллера и Герберта, в особенности их способов описания языков и культур будущего. Этой проблеме и посвящена данная статья.

Прежде всего следует вкратце рассказать об авторах. У. Миллер, инженер по образованию, во время Второй мировой войны служил стрелком-радистом на американском бомбардировщике. В ходе битвы при Монте-Кассино он участвовал в авианалете на древнее бенедиктинское аббатство, в котором некогда были заложены основы западного монашества. Это событие перевернуло его систему ценностей, и вскоре после войны он принял католичество. Некоторое время он занимался написанием небольших рассказов для научно-фантастических журналов *Weird Stories*, *The Magazine for Fantasy and Science Fiction* и *Fantastic Adventures*. Во второй половине 50-х гг. XX в. Миллер на основе трех рассказов создал свое главное произведение, которое было опубликовано в 1960 г. В 1961 г. писатель получил за свой роман *A Canticle for Leibowitz* престижную премию *Hugo*³. Впоследствии это произведение было признано одним из лучших образчиков современной американской научно-фантастической литературы.

В течение долгого времени Миллер пытался написать продолжение. В 1996 г. автор, страдавший нервными расстройствами и находившийся в творческом кризисе, передал рукопись романа *St. Leibowitz and the Wild Horse Woman* (в русском переводе «Святой Лейбовиц и Дикая Лошадь») молодому писателю Т. Биссону на доработку. Вскоре У. Миллер покончил с собой, и книга увидела свет уже после его смерти.

² В русских переводах — «Песнь для Лейбовица», «Гимн Лейбовичу», «Страсти по Лейбовицу».

³ Следует отметить, что У. Миллер является двукратным лауреатом этой премии, поскольку впервые он был отмечен ею в 1955 г. после публикации рассказа *Darfsteller*.

Второй автор, Ф. Герберт, прежде чем стать литератором, сменил довольно много профессий — в том числе занимался журналистикой. Хотя его творческое наследие состоит из большого количества рассказов, романов и эссе, наибольшую известность ему принесла гексалогия «Хроники Дюны» (*Dune Chronicles*). Первый роман (*Dune*), положивший начало шеститомной саге, был издан в 1965 г., и вскоре после этого автор стал лауреатом престижных премий *Hugo* и *Nebula*. Последний роман «Капитул Дюны» (*Chapterhouse Dune*) он закончил в 1985 г., оставив его финал открытым. Смерть помешала Ф. Герберту завершить сагу, однако сохранился ряд набросков и черновиков последней части эпопеи. Спустя двадцать лет на их основе старший сын писателя Б. Герберт, в соавторстве с К.Дж. Андерсоном, завершил работу отца книгами «Охотники Дюны» (*Hunters of Dune*, 2006) и «Песчаные черви Дюны» (*Sandworms of Dune*, 2007).

Для анализа были взяты первые книги циклов — соответственно, *A Canticle for Leibowitz* и *Dune*. Оба произведения глубоки и многослойны, и в рамках небольшой работы невозможно осветить все их смысловые пласты. По этой причине мы коснемся только размышлений о повторяемости истории и прогнозов развития культур и языков в творчестве двух авторов.

Прежде всего, нельзя не отметить серьезные различия в подходе обоих писателей к «вечному возвращению». Автор «Страстей по Лейбовицу» строит композицию своего романа на постепенном возрождении цивилизации после ядерной войны. Действие трех частей книги происходит в пустыне на юго-западе бывших США, где монахи-альбертинцы переписывают немногие книги, оставшиеся после ядерной войны, или «Огненного потопа» (*Flame Deluge*), и последовавшего «упрощения»⁴ (*Simplification*). Эпизоды книги, разделенные интервалами продолжительностью в 600 лет, повествуют о жизни в монастыре, развитии новой технической цивилизации, а затем — о начале новой, на этот раз последней, ядерной войны. Одну из основных идей «Страстей...» автор вкладывает в уста главному герою третьей части, последнему настоятелю аббатства: *“Are we doomed to do it again and again and again? Have we no choice but to play the Phoenix, in an unending sequence of rise and fall? [...] Are we doomed to it, Lord, chained to the pendulum of our own mad clockwork, helpless*

⁴ Под упрощением понимаются сожжение книг и самосуды над учеными и представителями довоенной власти — то есть теми, кого простые люди (в произведении отмечается, что слово *simpleton* ‘простак’ впоследствии приобрело значение «гражданин») обвиняли в разжигании ядерной войны. Подобная идея не нова — ср. рассказ Рэя Брэдбери «Улыбка».

to halt its swing?” («Неужели мы обречены повторять все это раз за разом? Неужели у нас нет выбора, и мы можем лишь играть в Феникса, без конца поднимаясь и падая?.. Неужто, Господи, мы обречены на это, неужто прикованы к маятнику наших же безумных часов? Неужели мы не можем остановить качание этого маятника?»).

Что касается романа Ф. Герберта, его, на первый взгляд, нельзя отнести к жанру постапокалипсиса, однако постапокалиптические мотивы в «Дюне» весьма сильны. Время действия романа — весьма отдаленное будущее (приблизительно через 20 тысяч лет), место действия — несколько планет, одна из которых дала название книге (пустынный мир Арракис, также известный как Дюна). Земля давно покинута людьми (предположительно, после глобальной катастрофы) и стала частью легенд о Золотом веке. По сюжету, одно из событий, перевернувших жизнь человечества, — Батлерианский джихад (*Butlerian⁵ Jihaad*), или «крестовый поход против машин». В течение нескольких десятков лет люди уничтожали «мыслящие машины», а затем наложили запрет на их производство: *“Thou shalt not make a machine in the likeness of a man's mind”* («Не сотвори машину, наделенную подобием разума людского»).

Основной прием обоих авторов — употребление эклектических имен и названий, содержащих аллюзии как на историю, так и на современность. Так, в «Страстях по Лейбовицу», где говорится о произошедшем после Огненного потопа смешении языков и культур, монахи носят такие имена, как *Cheroki*, *Smirnov*, *Noyon*. Некоторые имена заставляют вспомнить историю XX в.: так, во второй части *A Canticle for Leibowitz* упоминается «антипапа Виссарион» (*Antipope Vissarion*), чьи последователи именуются «виссарионистами». Монахи-хронисты, описывая Огненный потоп, сравнивают ядерный взрыв с тараном: *“like the great battering-ram PIK-A-DON”*. Словом *Pikadon* яп. ‘вспышка, взрыв’ жители Хиросимы называли урановую бомбу «Малыш», сброшенную на город.

Зачастую ономастикон Миллера содержит отсылки, в том числе иронические, к американским реалиям 20–60-х гг. XX в. К примеру, в одном из эпизодов аббат монастыря вспоминает некую Св. Мейзи Йоркскую (*Saint Maisie of York*), умершую от смеха, и молится ей: *“Sancta Maisie, interride pro me”* (языковая игра основана на замене корня в латинском слове: *intercedere* ‘просить, вступаться’ превра-

⁵ По имени английского романиста Сэмюэля Батлера — автора первой антиутопии *Erewhon* (1872), предположившего, что естественный отбор применим не только к живым существам, но и к механизмам, и что они могут в ходе эволюции обрести разум.

щается в *interridere* ‘буквально: меж-смеяться’). По-видимому, автор имел в виду популярную в 50-е гг. комедийную радиопостановку «Приключения Мейзи» (“*The Adventures of Maisie*”). Черноризцы из монастыря Св. Лейбовица делятся на *bookleggers* ‘книгоноши’ и *memorizers* ‘учащие наизусть’. Первое слово представляет собой искаженное *bootlegger* ‘бутлегер’, восходящее к временам «сухого закона» (первые контрабандные партии канадского виски проносились через границу внутри деревянных протезов, или *bootlegs*).

Интересно то, что среди персонажей встречаются носители вполне современных имен и фамилий, ср. *Armbruster* ‘нем. арбалетчик’, *Baker*, *Hannegan*, *Aguerra*. Основателя аббатства, по сюжету, зовут *Isaac Edward Leibowitz*. Одна из деталей, показывающих, каким малым объемом информации о «допотопных» временах (и о *Magna Civitas* — «великом государстве», как в романе постоянно называют США) располагают монахи, — то, что персонажи не знают о еврейском происхождении своего святого основателя и покровителя⁶.

Не менее важное место занимают эклектичные имена в произведении Фрэнка Герберта. По сюжету «Дюны», за прошедшие тысячелетия религии появлялись и исчезали, а зачастую сливались воедино. Это отражается на названиях верований в книге, ср. *Buddhislam*, *Zensunnism*, *Mahayana Christianity*. Отметим, что в романе высказывается мысль о сходстве всех религий, которые имеют, по меньшей мере, одну общую заповедь: «*Thou shalt not disfigure the soul*» («Не изувечь душу свою»⁷). Именно поэтому автор зачастую соединяет вместе религии и конфессии, кажущиеся несоединимыми, напр., ислам и буддизм (см. выше «буддислам» и «дзенсуннизм»), католицизм и протестантизм (ср. *Orange Catholic Bible*, священная книга экуменистов, название которой может быть переведено как «оранжистско-католическая Библия»). Идея повторения истории и вечного возвращения отражена в том, что некоторые из религий у Ф. Герберта появлялись и угасали неоднократно. В приложениях к роману упомянуты первый, второй и третий ислам [Herbert 1990: Appendix II].

⁶ Интересный штрих: среди книг, которые переписывают и заучивают наизусть монахи, есть и список бакалейных покупок инженера Лейбовица — “*Pound pastrami, can kraut, six bagels — bring home for Emma*” ‘фунт пастромы, банка кислой капусты, шесть бейглов (разновидность бублика) — принести Эмме домой’. Обитатели монастыря повторяют этот отрывок на *pre-Deluge English* ‘допотопный английский’, не зная значения слов (пастрома и бейглы — блюда еврейской кухни).

⁷ Данная заповедь перекликается с пьесой «Дракон» Е.Л. Шварца, где у жителей города «глухонемые души, цепные души, легавые души, окаянные души» [Шварц 1998: 244–245].

Как было сказано выше, для героев книги Герберта Земля — место действия легенд и преданий, и сведения о ней крайне расплывчаты. Для демонстрации обрывочного и неполного характера сведений о прошлом автор «сливает воедино» имена собственные: так, в мире «Дюны» известен некий древний философ *Nieshaw* (контаминация имен Ф. Ницше и Дж.Б. Шоу). Еще одна деталь, указывающая на потерю части знаний о прошлом: героям Герберта известна Тора, однако они называют ее на арабский манер (*ancient Semitic Tawra* 'Таура древних семитов').

Отметим, что оба автора часто прибегают к стилизации под священные тексты. При этом, если Герберт использует небольшие цитаты из «Оранжевско-католической Библии» или дзенсуннитских преданий, то Миллер использует для описания ядерной войны парафраза Книги Иова: *"Now even as in the time of Job», Brother Reader began from the refectory lectern: // «When the Sons of God came to stand before the Lord, Satan also was present among them». «And the Lord said to him: 'Whence comest thou, Satan?' // «And Satan answering said, as of old: 'I have gone round about the earth, and have walked through it'". («И вновь, как и во времена Иовлевы, — начал брат-чтец, стоящий за пюпитром в трапезной, — был день, когда пришли сыны Божии предстать пред Господа; между ними пришел и сатана предстать пред Господа. И сказал Господь сатане: откуда ты пришел? И отвечал сатана Господу и сказал, как и во времена древние: я ходил по земле и обошел ее»)* [Miller 1976: 184].

Следующий прием, которым пользуются оба автора, — описание событий, имеющих аналоги в реальной истории. Так, в *A Canticle for Leibowitz* упомянуты нашествие варваров с Севера, аналогичное Великому переселению народов, образование коммун и полисов на руинах довоенных городов (ср. историю средневековой Италии), раскол в Новом Риме и появление монашеских орденов, в том числе враждебных папе римскому. Упоминается также орден Св. Панкратия (*Military Order of San Pancratz*⁸), отвергавший папу (ср. падение ордена тамплиеров).

Во второй части книги У. Миллера одна из сюжетных линий связана с возвышением одного из государств на территории бывших США. Правитель Тексарканы⁹ Ханнеган II (позднее его имя стано-

⁸ Заметим, что по-английски Св. Панкратий именуется *St. Pancras*. Повидимому, искаженное написание, вкуче с использованием испанского *san*, должно указывать на прошедшие изменения в языке. Возможна также аллюзия на район в Лондоне.

⁹ Небольшой город в США, разделенный между штатами Техас и Арканзас.

вится титулом, подобно имени Цезаря) хитростью и силой начинает объединять континент. Видя отрицательную реакцию Нового Рима и зная о возможном наложении интердикта на его королевство, он объявляет о запрете католичества на своей территории и делает себя главой церкви и защитником веры. Здесь нельзя не увидеть параллели с историей Реформации в Англии, а именно с тем, как Генрих VIII, желая расторгнуть брак с Екатериной Арагонской, объявил о создании англиканской церкви.

События в «Дюне» Ф. Герберта также богаты параллелями с реальной историей. Выше уже было упомянуто возникновение «первого, второго и третьего исламов»; при этом одного из пророков зовут *Maometh*, или «*Third Muhammed*» (Маомет вызывает ассоциации не только с Мухаммадом, но и с Мао Цзэдуном). Еще один пример — императорская гвардия, или *Sardaukar* (отсылка к истории Персидской державы и гвардейцам «народа-войска»), проходит тренировку на суровой и почти безлюдной планете *Salusa Secundus*. Это название содержит аллюзию на родезийское спецподразделение *Selous' Scouts* (Скауты Селуса), которое во второй половине XX в. было известно высоким уровнем подготовки и изматывающими тренировками в условиях пустынь и джунглей. Имеет аналогии в истории, в том числе и новейшей, основная сюжетная линия произведения. Главный герой, Пол Атрид, прозванный Му'аддибом, стремясь отомстить за гибель отца и падение своего рода, начинает партизанскую войну против враждебного феодального рода, а также становится одним из величайших пророков в истории человечества. Позднее его воины начинают джихад, в пламени которого гибнут десятки миллиардов. Прототипами главного героя стали одновременно Лоренс Аравийский, организовавший в Сирии антиосманское партизанское движение, пророки Мухаммад и Заратуштра, суданский религиозный лидер Махди («Мессия»), бросивший вызов англичанам в конце XIX столетия.

Отдельно следует сказать об описании развития языков в обеих книгах.

Для демонстрации смешения языков и кодов, произошедшего после Огненного потопа, автор «Страстей по Лейбовицу» использует также эклектичное титулование, ср. *OKAYED BY HANNEGAN II, BY GRACE OF GOD MAYOR, RULER OF TEXARKANA, DEFENDER OF THE FAITH, AND VAQUERO SUPREME OF THE PLAINS* («Ханнеган II, божьей милостью мэр и правитель Тексарканы, верховный ковбой равнин, сие одобрил», букв. «сказал о'кей») [Miller 1976: 137]. Автор регулярно упоминает о наличии на территории бывших США большого количества сильно отличающихся языков. К примеру, в третьей части «Страстей», действие которой происходит в XXXVIII в.

во время новой научно-технической революции и холодной войны, настоятель монастыря пытается воспользоваться автоматическим переводчиком для отправки электронного сообщения: “*Do you speak Alleghenian?*” — “*No, I don’t*”. — “*Neither do I, and Cardinal Hoffstraff doesn’t speak Southwest*”. — “*Why not Latin, then?*” — “*Which Latin? The Vulgate or Modern? I don’t trust my own Anglo-Latin, and if I did, he’d probably not trust his*” («— Вы говорите по-аллегенийски? — Нет. — Я тоже нет. А кардинал Хоффстрафф не знает юго-западного. — Может быть, перейдете на латынь? — Какую именно — латынь Вульгаты или современную? Я не уверен в своем владении англо-латинским¹⁰. Предположим даже, что я им владею — он-то, наверное, его плохо знает») [Miller 1976: 252].

У. Миллер регулярно употребляет современные слова, значение которых переосмыслено. Выше было сказано о том, что слово *simpleton* ‘простак’ стало означать «гражданин» (*good simpleton* ‘добрый простак’ является стандартным обращением к незнакомому человеку). Семантическим переносам в мире «Страстей по Лейбовицу» подверглись и такие слова, как *citizen* ‘гражданин’ и *sport* ‘жарг. паренек’. Первое слово означает «раб», а второе — «мутант, выродок». Еще одной деталью, указывающей на языковые изменения, являются названия новых мер и весов. В первой и третьей частях романа упоминаются мера веса серебра *hecklo* (по-видимому, искаженное *heckload* ‘жарг. очень много’) и мера объема *jug* ‘кувшин’.

Ф. Герберт также пытается описывать языки будущего. Этот автор, как и Миллер, помимо констатации смешения языков (ср. *Galach*, язык «англо-славянского» происхождения, играющий роль койне для большинства людей во Вселенной), любит, как сказал бы Н.А. Заболоцкий, «игру на гранях языка». К примеру, погребальный распев на древнем (разумеется, по меркам персонажей «Дюны») языке культа, именуемом *chakobsa*, представляет собой двустиишие на сербскохорватском: “*Ima trava okolo // I korenja okolo*” («Есть травы вокруг и корни вокруг»; при этом одна из героинь переводит это как “*Here are the ashes, and here are the roots*” ‘вот пепел, и вот корни’).

¹⁰ Слово *Alleghenian*, по-видимому, образовано от названия реки Аллегени (*Allegheny*) на территории штата Огайо. Немецкое звучание фамилии кардинала (*Hoffstraff*) может объясняться тем, что в Огайо живут общины протестантов-амишей (ветвь меннонитов), говорящих на пенсильванском диалекте немецкого языка (*Pennsilfaanisch Deutsch*). *Southwest* — по-видимому, язык юго-западных территорий США, прежде всего Нью-Мексико. Под *Anglo-Latin*, вероятно, подразумевается *pre-Deluge English*.

В «Дюне» постоянно употребляются искаженные слова и выражения из современных языков, напр. *Kwisatz Haderach* 'тот, кто сокращает путь (иносказательное имя Мессии)'¹¹, *Bene Gesserit* 'женский орден, пытающийся с помощью евгеники вывести Мессию — Квисац Хадераха'¹². Особое внимание автор «Дюны» уделяет описанию и объяснению семантических переносов в языках будущего, ср. окказионализмы, используемые Гербертом: *muad'dib* 'кенгуровая крыса' (арабск. *mu'addib* 'воспитатель'), *naib* 'вождь' (арабск. *naib* 'заместитель, помощник'), *pundi rice* 'особая разновидность риса, богатая сахарами' (возможно, на основе жаргонизма *pundit* 'ученый индуист, пандит', привнесенного в английский язык британскими колонизаторами Индии; переводчик «Дюны» П.Р. Вязников предполагает непосредственное влияние хинди: *пунджи* 'капитал, богатство' [Герберт 1999: 707]). Герои «Дюны» отмечают, что слово *naib* первоначально означало 'слуга селения', а *muad'dib* — 'воспитатель юношей'.

Итак, можно заметить, что, несмотря на существенные различия в подходе к «вечному возвращению», писатели У. Миллер и Ф. Герберт используют схожие методы для описания будущего:

- эклектичные имена собственные, содержащие аллюзии на историю и современность;
- стилизация под священные тексты;
- описание событий, имеющих аналоги в реальной истории, сопровождаемое аллюзиями на вышеупомянутые аналоги;
- прогнозы развития языков и «игра на гранях языка» (наличие слов и выражений на вымышленных языках, объяснение изменений в языке).

Возможно, это сходство связано с жанровыми особенностями двух произведений, поэтому, на наш взгляд, следует провести интерпретацию целого ряда научно-фантастических циклов, связанных с идеей повторения истории — например, не только Миллера и Герберта, но и У.К. Ле Гуин. При этом для сопоставительного анализа, вероятно, будет необходимо взять все произведения авторов, которые могут быть отнесены к тем или иным циклам.

¹¹ Представляет собой искаженное древнееврейское *квицур хадерах* 'сокращение пути'. По Талмуду, праведнику, путешествующему между городами в ночь с пятницы на субботу, Бог сокращает путь, чтобы тот не нарушил запрета на путешествия в субботний день.

¹² От латинского правового термина *quamdiu se bene gesserit* '[сохранит свой пост] пока будет вести себя должным образом'. Существует версия происхождения от *бней геширит* 'ивр. дети моста', т.е. строители моста к Квисац Хадераху.

ЛИТЕРАТУРА

- Франс 1984 — Франс А. Остров пингвинов. М., 1984. URL: http://ocr.krossw.ru/html/frans/frans-ostrov-ls_1.htm (дата обращения 02.08.09).
- Герберт 1999 — Герберт Ф. Дюна. М., 1999.
- Шварц 1998 — Шварц Е.Л. Дракон // Избранное. СПб., 1998.
- DiTommaso 1992 — DiTommaso L. History and Historical Effect in Frank Herbert's *Dune* // Science Fiction Studies, 19.3.1992. P. 311–325.
- Herbert 1990 — Herbert F. *Dune* (Dune Chronicles, Book 1). Ace, 25th Anniversary Edition, 1990.
- Miller 1976 — Miller Jr. W.M. A Canticle for Leibowitz. Bantam Books, 1976.
- Olsen 1997 — Olsen A.H. Re-Vision: A Comparison of A Canticle for Leibowitz and the Novellas Originally Published // Extrapolation, 38.2, 1997. P. 149.
- Samuelson 1976 — Samuelson D.N. The Lost Canticles of Walter M. Miller, Jr. // Science-Fiction Studies, 3.1.1976. URL: <http://www.depauw.edu/SFs/backissues/8/samuelson8art.htm> (дата обращения 02.08.09).

ВЫСКАЗЫВАНИЯ О СВОИХ БУДУЩИХ ДЕЙСТВИЯХ: ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ПО ОТНОШЕНИЮ К «СИЛАМ СУДЬБЫ»

I. Негативно оцениваемые слова, обозначающие высказывания о будущих действиях и событиях

В русском языке широко представлена группа слов, содержащих указание на то, что субъект думает или говорит о будущем: *предсказывать, пророчествовать, предрекать, прорицать, прогнозировать; обещать, клясться, зарекаться; мечтать, собираться, планировать, загадывать* 4 и пр. Особое место среди этих слов занимают лексемы *зарекаться* и *загадывать* 4 (*загадывать на будущее, загадывать наперед*).

От *предсказывать* и его синонимов *зарекаться* и *загадывать* 4 отличаются тем, что *предсказывают* обычно события общего значения или же события, которые произойдут в жизни другого человека (часто — адресата), тогда как в случае *загадывать, зарекаться* субъект думает и говорит о том, что произойдет с ним самим, причем преимущественно о своих будущих действиях. Однако самое существенное различие между *предсказывать, предрекать, прорицать, прогнозировать*, с одной стороны, и *зарекаться, загадывать*, с другой, состоит в том, что в случае *предсказывать* и пр. субъект обладает специальными знаниями о будущих событиях и строит высказывание в форме сообщения (которое чаще всего является истинным), тогда как в случае *загадывать, зарекаться* субъект лишен

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН <Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей>, гранта НШ-4019.2010.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ, и гранта РГНФ10-04-00273а «Подготовка первого выпуска Активного словаря русского языка».

каких бы то ни было знаний, он всего лишь думает или говорит о том, что собирается предпринять (или чего не намерен делать). Ср.: *Она предсказала, что у нее родится четверо детей; vs. Осталось учиться еще год. Вот кончу через год институт и рожду ребенка. — Не стоит загадывать.*

От слов *мечтать, собираться, планировать* рассматриваемые слова (в основном круге употреблений) отличаются указанием на то, что субъект, с точки зрения говорящего, думает или говорит о своем будущем излишне конкретно и определено.

Ср. следующие контексты, типичные для *загадывать, зарекаться*: — *Решено: на будущий год летом мы с Верой едем в Грецию. А Вася поживет с тобой на даче. — Не стоит загадывать. Может, я не смогу взять летом отпуск; Я твердо решил: никогда больше не пойду к ней. — Не зарекайся* (ср. также следующие сомнительные употребления: — *Возможно, летом мы поедем в Грецию, но точно это еще не известно. — ?Не стоит загадывать; Пожалуй, мне не стоит больше ходить к ней. — ?Не зарекайся.*) Между тем, *планировать* и *собираться* могут использоваться, когда субъект только в общем виде намечает свои будущие действия (а *мечтать* и вовсе указывает на то, что субъект оценивает желаемое как не имеющее прямого отношения к реальности); ср.: *Мы планируем <собираемся> поехать летом в Грецию, но это еще не точно; Мы мечтаем поехать в Грецию, но, к сожалению, пока это невозможно.*

Следует отметить, что в отличие от перечисленных слов *загадывать, зарекаться* в большинстве случаев выражают отрицательную оценку¹, указывая на некую опасность, которую субъект, с точки зрения говорящего, может на себя навлечь своими словами и даже мыслями. Как нам кажется, подобная оценка является отражением наивно-мистических представлений о судьбе как силе, враждебной человеку, в обращении с которой следует соблюдать определенный «этикет». Чтобы подойти ближе к этим представлениям, рассмотрим более подробно значение *загадывать, зарекаться*.

Загадывать в интересующем нас значении имеет следующее толкование: 'Человек А1 думает или говорит о своих будущих действиях или о том, что может произойти с ним самим или с кем-л. из его личной сферы, с чрезмерной определенностью, вдаваясь в излишние детали'.

Загадывать в описываемом значении указывает на то, что субъект, строя планы на будущее (не важно, мысленно или вслух), ду-

¹ Следует оговориться, что глагол *зарекаться* имеет особый круг употреблений, в котором он нейтрален; см. об этом ниже.

мает или говорит о будущем более определенно и конкретно, чем говорящий считает уместным, принимая во внимание отдаленность этого будущего. Такое поведение² получает отрицательную оценку со стороны говорящего: он считает его не только бессмысленным (за длительный срок может произойти многое, что помешает планам субъекта), но и опасным для него, поскольку, в соответствии с «наивным мистицизмом», допускает возможность того, что за излишнюю самоуверенность субъекта могут наказать «силы судьбы» (в частности, тем, что его планы не исполнятся).

Существенно, что во многих случаях *загадывать* используется применительно к ситуации, когда субъекту (или тем, кто принадлежит к его личной сфере) угрожает какая-л. опасность, вследствие чего субъект должен соблюдать большую осторожность в обращении с «высшими силами», чем в обычных условиях. Ср.: *Прирожденный солдат, он легко приспосабливался к любым условиям и никогда не загадывал дальше, чем на десять-двадцать дней вперед* (А. и Б. Стругацкие. Обитаемый остров); *Реальной была минута, час, день от подъема до отбоя — дальше он не загадывал и не находил в себе сил загадывать* (В. Шаламов. Колымские рассказы); *Если одолеют наши гвардейцы — а у них и численное преимущество, и выучка, и фактор внезапности — я спасен. Если же соболевцы удержатся... Но не будем загадывать* (Б. Акунин. Турецкий гамбит).

Кроме того, *загадывать* часто используется в сферах, в которых многое зависит от случая, — например, в спорте; ср. *Не буду загадывать. Мне кажется, свои козыри есть как у Крамника, так и у меня пусть все определится за шахматной доской* («64 — Шахматное обозрение», 2004.07.15); *В Предсезонке может многое произойти, могут уйти некоторые футболисты, а могут и прийти очень хорошие, так что загадывать нельзя, у кого больше шансов в лиге чемпионов...* (Футбол-4 (форум)).

В отличие от *планировать*, *загадывать* накладывает определенные ограничения на характер того, что субъект собирается осуществить: он указывает на их важность и, чаще всего, желательность для субъекта, а также на то, что их осуществление связывается с определенными трудностями. Ср. странное — *Завтра одену новое платье. — ?Не загадывай!* Кроме того, *загадывать* предполагает, что субъект говорит не о самом ближайшем будущем, а о том, что произойдет через достаточно большой промежуток времени. Ср. стандартные сочетания *загадывать на будущее* <наперед>; *Не бу-*

² В данном случае можно говорить о поведении субъекта по отношению к «силам судьбы», а не по отношению к другим людям.

дем **загадывать** так далеко; *Трудно что-то загадывать на такой срок* (За рулем, 2004.03.15); *«Я больше чем на месяц-другой не загадываю»* (Встреча (Дубна), 2003.03.26); *А о раскладах в будущей Думе еще рано загадывать* (Независимая газета, 2003.04.09).

Однако необходимо отметить, что в ситуации, когда осуществление желаемого связывается с какими-л. чрезвычайно важными для говорящего событиями, этот промежуток времени иногда может быть небольшим: например, в ситуации, когда мать мальчика увезли в роддом, можно представить себе следующий разговор между ним и бабушкой: — *Бабушка, а когда мама родит, можно мне будет к ней сходить посмотреть на малыша?* — *Не будем загадывать.* В данной ситуации значительность события, от исхода которого зависит выполнение планов субъекта, приводит к тому, что все, что последует за этим событием, воспринимается говорящим как далекое и нереальное, несмотря на его временную близость к моменту речи.

Представление об излишней определенности и конкретности мыслей о будущем в случае **загадывать** чаще всего связывается с тем, что субъект, обдумывая (или обсуждая) свои будущие действия, излишне вдается в детали, нередко — вступает с собеседником в преждевременные споры относительно этих деталей. Ср.: *Когда вы приедете к нам летом, оставьте Ваню хотя бы до августа, пусть поживет с нами. — Поживем, увидим, зачем загадывать заранее; — На следующий Новый год приходите к нам в гости. — Нет, лучше поедem к нам на дачу: можно будет на лыжах покататься. — Я же не умею. — Научишься. — Ладно, не будем загадывать. Еще почти год впереди.*

Загадывать может обозначать как чисто ментальное, так и речевое действие. Ср.: *Капитал невеликий, всего пятьсот рублей, но на полгода хватит, даже при знаменитой московской дороговизне, а загадывать на больший срок пошло и бескрыло* (Б. Акунин. Любовница Смерти) vs. *Женька голову не потеряет. Не такой у нее характер... — Не загадывай, — на всякий случай возражала няня. — Судьба придет — по рукам свяжет, будто не знаешь* (А. Берсенева. Возраст Третьей любви).

В соответствии со своей оценочной семантикой, **загадывать** часто используется в форме отрицательного императива в составе самостоятельной реплики. В ситуации, когда собеседники обсуждают свое общее будущее, эта реплика часто бывает обращена одновременно к собеседнику и к самому говорящему, а в тех случаях, когда имеет место «внутренняя речь», — к самому себе: в этом случае субъект, заметив, что увлекся, думая о будущем, как бы сам останавливает себя, предостерегая от неправильного и опасного поведения.

Ср.: — *Если вы согласны с тем, что в жизни должны быть светлые пятна, то на время до десятого июля вы можете рассчитывать. — А потом?* — глупо спросил Коротков, не в силах оторвать взгляд от ее глаз. — *А про «потом» не будем загадывать* (А. Маринина. Стечение обстоятельств); *Впрочем, все деньги были уже растрчены, — [...] и теперь домой... А что дальше? «Надо ли загадывать, что будет потом, — остановила себя Джейн, — к чему зря тревожиться?»* (А. Кристи. Смерть в облаках).

Загадывать может использоваться не только в случае, когда субъект планирует свои действия в будущем, но и когда он думает о том, какие события могут произойти с ним самим или с человеком, который для него не безразличен. Ср.: — *Теперь он не знал, что происходит на улице, не знал и не хотел загадывать, что его ждет впереди* (В. Распутин. Деньги для Марии); *На каких местах вы видите себя там?* — **Загадывать** не будем. В Москве скорее всего будем первыми («Известия», 2001.12.28); *Заглянем в будущее: время пролетит быстро, и вот уже холдинг «За рулем» обслуживает адвокатская контора «Волгины и сыновья».* [...] *Впрочем, не будем загадывать* («За рулем», 2004.03.15); *Во всяком случае сейчас я даже не загадываю, когда сможет выйти «Александр II»* (Известия, 2001.09.14).

Зарекаться по многим признакам сближается с **загадывать**, однако имеет ряд существенных отличий от него.

Зарекаться имеет два круга употреблений.

В основном круге употреблений **зарекаться** обозначает речевое действие и толкуется следующим образом: ‘Человек А1 в категоричной форме заявляет, что он никогда не совершит действие А2, которое он считает плохим или неправильным, или с ним никогда не произойдет плохого события А2’. Ср.: — *Я никогда не уеду из России в другую страну!* — *Не зарекайся*; — *Не буду, Иван Тимофеевич [молоко воровать], — пообещал Леша. — Вот чтоб мне провалиться на этом месте — не буду. — Не зарекайся, — махнул рукой Голубев* (В. Войнович. Лицо неприкосновенное); *И не собираюсь никуда переезжать. Хотя нельзя зарекаться* (А. Журбин. Как это делалось в Америке).

Как и в случае **загадывать**, говорящий оценивает такое поведение отрицательно, считая его опасным для субъекта, поскольку своей уверенностью в будущем он как бы бросает вызов силам судьбы, которые могут наказать его тем, что он окажется вынужден делать то, чего не желает. В данном круге **зарекаться** чаще всего употребляется в форме отрицательного императива и функционирует в качестве отдельной реплики, обращенной к собеседнику. Ср.: — *Я, например, никогда этим инвентарем не пользовался и обделенным*

себя не чувствую. — Значит, вам он не нужен. Но не **зарекайтесь**: когда-нибудь может и понадобится, — улыбается девушка (100% здоровья, 2003.02.14).

В рассматриваемом круге употреблений **зарека́ться** частично сближается с **клясться**: в обоих случаях возникает представление о магической силе слова, которое может оказывать влияние на действительность. Одно из существенных различий между **зарека́ться** и **клясться** состоит в том, как используется эта сила. В случае **клясться** субъект применяет ее сознательно, с позитивной целью (предоставить адресату гарантии того, что субъект выполнит желательные для него действия), тогда как в случае **зарека́ться** какая бы то ни было цель у субъекта отсутствует, вследствие чего магическая сила слова превращается в неуправляемую стихию, способную обернуться против самого говорящего.

Подобно **загадывать**, **зарека́ться** в данном круге употреблений используется не только тогда, когда субъект высказывается на тему своих будущих действий, но и когда он высказывается о событиях, не зависящих от его воли. При этом для **зарека́ться** подобное употребление едва ли не более характерно, чем употребление, когда речь идет о действиях субъекта. Ср. поговорку *От тюрьмы да от сумы не **зарекайся***; ср. также следующие примеры: — *А сейчас ждут нас всех испытания, коих мы еще не видали... И наступят они очень скоро.* — *Ну, покорнейше благодарю. Я уже испытал достаточно.* — *Нельзя **зарека́ться**, доктор, ох, нельзя,* — *бормотал больной* (М. Булгаков. Белая гвардия); *Я не **зарекаюсь**, что не полюблю никогда и никого, просто сейчас ситуация именно такая* (Женщина + мужчина: Психология любви (форум)); *Я рассказал ей о своих мечтаниях, и она рассмеялась и ответила, что вовсе не собирается превращаться в фермершу. Я посоветовал ей не **зарека́ться*** (Н. Трофимова. Третье желание).

Однако обнаруживается, что не всякое вторжение в сферу будущего расценивается в языковом сознании как вызов силам судьбы.

На это указывает отсутствие отрицательной оценки у глагола **зарека́ться** во втором круге употреблений, а также ее отсутствие у существительного **зарок**.

Во втором круге употреблений **зарека́ться** обозначает ментальное действие и значит 'Человек A1 принял твердое решение, начиная с момента речи, никогда не совершать действие A2'. Хотя в этом круге употреблений **зарека́ться** не содержит указания на словесную форму действия, он часто предполагает наличие «внутренней речи», обращенной к самому себе. Ср.: *Я **зарекся** просить у него помощи; Его согрело солнце, он слегка отошел, но **зарекся** купаться* (В. На-

боков. Совершенство); *Я зарекаюсь впредь давать в долг этим людям* (С. Файбисович. Три истории из жизни одного дома).

Поскольку во втором круге *зарекается* обозначает решение не делать чего-л., в этом случае, в отличие от первого круга, не может идти речь о событиях, которые могут произойти с субъектом; ср. неправильное: *??Я зарекаюсь влюбляться при допустимом; — Я никогда не влюблюсь. — Не зарекайся.*

В описываемом режиме употреблений *зарекается* имеет валентность содержания действия, насыщаемую инфинитивом, и чаще всего употребляется в форме ПРОШ СОВ, которая имеет перфективное значение; ср.: *Ноги понесли меня как раз туда, куда я зарекаюсь ходить* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора).

Теперь рассмотрим употребление существительного *зарок*, которое является дериватом *зарекается*.

Толкование *зарока* выглядит следующим образом: 'Обещание не совершать действие А2, которое субъект считает плохим или неправильным, данное другому человеку или самому себе, или обещание совершить действие А2, выполнение которого требует от А1 больших усилий'. Ср.: *Зарок себе дала: не говорить тебе неправды* (Ю. Азаров. Подозреваемый); *В результате новая форма изрядно пострадала, мать три дня отпаивала меня молоком, а я дал себе зарок «никогда в жизни не брать этой отравы в рот»* (А. Городницкий. И жить еще надежде); *И так они мужиков ненавидели, что дали зарок: «Никогда замуж не выйдем!»* (Коллекция анекдотов); *Нарушил данный самому себе в 1958 году зарок никогда не писать стихов* (А. Битов. Азарт, или неизбежность ненаписанного). *Зарок* близок к обещанию, что проявляется в сходстве сочетаемости: как и обещание, *зарок* можно дать, взять, нарушить, выполнить.

Помимо обещания, *зарок* обнаруживает близость к *зарекается* во втором круге употреблений.

В частности, для *зарока*, в еще большей мере, чем для *зарекается*, характерно наличие внутренней речи, обращенной к самому себе. Сочетание *дать себе зарок* означает, что человек, обычно после того, как какие-л. его действия привели к плохим последствиям, не только принимает решение воздержаться от них в будущем, но и «проговаривает» его про себя. Кроме того, *зарок*, как и *зарекается* во втором круге, не используется, когда речь идет о ситуациях и событиях, неподконтрольных субъекту, — это связано с тем, что *зарок* обозначает обещание сделать что-л. Ср. неправильное: *??Дал зарок не болеть.*

Семантическое сходство между *зароком* и *зарекается* во втором круге проявляется в возможности их использования в одном контек-

сте: *Я не раз зарекался говорить с ней о политике и не раз забывал свой зарок* (Н. Климонтович. Дорога в Рим).

Отличие **зарока** от **зарека́ться** во втором круге состоит в следующем:

а) Во-первых, **зарок** может обозначать не только обещание, данное самому себе, но и обещание, данное вслух другим людям. Ср.: *Ну хорошо, — думал я, — ничего не изменится, ведь я дал себе зарок отказаться от кулачных боев* (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора) vs. *Рабочие коллективы под страхом штрафа давали зарок не материться* (Криминальная хроника, 2003.07.08); *Я мамке дал зарок не жениться, — произнес он* (Ю. Мамлеев. Конец света/Дикая история).

б) Во-вторых, **зарок** обычно используется применительно к серьезным ситуациям (ср. нормальное *заре́кся есть жирное* и странное *дал зарок не есть жирное*) и предполагает некоторую торжественность (особенно если обещание дано другому человеку), что сближает его с клятвой. Ср.: *Мне же нельзя, — сказал он по-русски, поперхнувшись, и зашелся в кашле. — Я же зарок дал своему Учителю* (В. Доценко. Тридцатого уничтожить); *Пребывание артиста перед публикой становилось уже не только его профессиональным делом, но выполнением некоего высшего зарока* (С. Лунгин. Виденное наяву).

в) Во-третьих, **зарок** может употребляться не только когда субъект обещает воздержаться от каких-л. действий, но и когда он обещает сделать что-то, хотя это для него менее типично. В подобных контекстах существительное **зарок** воспринимается как необходимое или уходящее. Ср. *Я еще в госпитале зарок себе дал / получу увольнительную и домой прямиком / никаких там историй* (В. Мотыль, В. Ежов, Р. Ибрагимбеков, М. Захаров. Белое солнце пустыни); *Однако 4 марта СТМ-17 скрылось вторично: разыгрался шторм, и корабли сил морской охраны ушли в укрытие, дав зарок во что бы то ни стало нарушителя взять* (Известия, 2001.07.02). Для **зарока** характерно использование, когда субъект дает обещание сделать что-то хорошее при условии, если не случится чего-л. плохого, что ему грозит. Ср.: *Он на германской войне ранен был, зарок дал — если вернется домой живым — помогать людям в несчастье* (В. Голованов. Остров, или оправдание бессмысленных путешествий).

г) В-четвертых, **зарок** указывает на то, что отказ от какого-л. действия (и особенно — выполнение какого-л. действия) требует от субъекта усилий и даже жертв. Ср.: *Нестройный хор седовласых мужчин юношески-задорно поет по-латыни студенческую песню: врачи-однокурсники дали зарок совершить это восхождение трид-*

цать лет назад (В. Овчинников. Ветка сакуры); Крути, боярин, свадебку, — с отвращением проговорила Шалава Непутятична. — **Зарок** дала: кого первого сейчас увижу — за того и пойду... (Е. Лукин, Катали мы ваше солнце).

Зарок и **зарека́ться** во втором круге не выражают отрицательной оценки, отсюда — их свободное употребление применительно к первому лицу. Ср.: *Я дал себе **зарок** больше не ходить на бега; Я **зарекаюся** связываться с ним.* Более того, в некоторых контекстах **зарок** оценивается слабо положительно (ср.: *Дал **зарок** говорить только правду <уйти в монастырь, помочь бедным>.*

Сходство оценок **зарока** и **зарека́ться** в первом круге частично можно объяснить их семантическим сходством: они оба, вместе взятые, противопоставлены глаголу **зарека́ться** в первом, оценочном круге употреблений.

1) **Зарека́ться** в первом круге может использоваться, когда имеет место прогноз. Ср.: *Я уверена, что никогда так не поступлю. — Не **зарекайся**; Вот тогда я понял, что никогда этого не сделаю... **Зарека́ться**, конечно, не надо, но уже столько лет прошло... (Ю. Башмет. Вокзал мечты); — Так вот, Виктор Николаевич, — говорю, — пришел к вам последний раз. — Не **зарекайтесь** (В. Войнович. Иванькиада).* Между тем, для **зарока** и **зарека́ться** во втором круге прогноз не характерен, вместо этого они указывают на выражение своих намерений (ср.: *Дал **зарок** не ходить к вам; **Зарекаюся** ходить к вам.* Такое поведение не расценивается в наивно-языковом сознании как вызов силам судьбы и не получает отрицательной оценки (ср. также нейтральность таких слов, как *обещание, обет, обязательство*, которые тоже указывают на выражение намерений).

2) **Зарок** и **зарека́ться** во втором круге предполагают взвешенный и обдуманный характер утверждения: в этом случае, как уже говорилось, решение воздержаться от каких-л. действий обычно принимается на основании негативного опыта субъекта. Ср.: *После первого неудачного брака она дала **зарок** не выходить больше замуж <зарекалась выходить замуж>; После гибели Рекса он дал **зарок** больше не заводить собак <зарекаюся заводить собак>.* Между тем, **зарека́ться** в первом круге предполагает голословный и легковесный характер утверждений о будущем, что делает их особенно сомнительными и опасными. В этом случае субъект мимоходом делает в категоричной форме утверждение, которое обычно не основано ни на опыте, ни на знании ситуации, ни на серьезных размышлениях. Ср.: — *Когда вырасту, ни за что не выйду замуж! — Не **зарекайся**; У нас я не стану журналистом-расследователем даже под дулом пистолета! — Не надо **зарека́ться** (М. Бакони́на. Школа двойников).*

Помимо этого, отсутствие у *зарока* и *загадывать* во втором круге отрицательной оценки объясняется некоторыми индивидуальными качествами этих слов.

В частности, нейтральная оценка *зарекается* во втором круге может объясняться тем, что в этом случае *зарекается*, в отличие от первого круга, обозначает не речевое, а ментальное действие. Учитывая сохранившиеся в наивно-языковом сознании представления о магической силе слова (которые отражаются, в частности, в семантике слов типа *клясться*, *каркать*), логично предположить, что наибольшей строгостью отличаются правила, регламентирующие речевое поведение субъекта.

В то же время, нейтральная (и даже слабоположительная) оценка *зарока* может объясняться некоторыми особенностями семантики, присущими ему одному.

1) *Зарок* отличается от *зарекается* в первом круге употреблений целью речевого действия. *Зарекается* используется применительно к высказываниям, которые не имеют иной цели, кроме сообщения о взглядах субъекта на свое собственное будущее: субъект сообщает о своей оценке вероятности выполнения им каких-л. действий или наступления каких-л. событий. Ср.: *Я не стану удерживать мужа, если он захочет уйти. — Не зарекайся.*

Между тем, *зарок* предполагает, что цель высказывания состоит в воздействии на адресата, независимо от того, кто выступает в этой роли — посторонний человек или сам субъект.

В ситуации, когда *зарок* дают другому человеку, задача субъекта — сделать так, чтобы он поверил ему; ср. *дать матери зарок не пить*. В ситуации, когда *зарекаются* делать что-то или дают *зарок* самому себе, цель субъекта — воздействовать на себя самого, чтобы выработать более твердое решение: обещание является гарантией того, что субъект не изменит своего решения. Ср. *Она дала себе зарок не удерживать мужа, если он захочет уйти*. Таким образом, проникновение в сферу будущего (а также высказывания о нем) в случае *зарока* оправданы наличием у субъекта «прикладных», утилитарных целей. Между тем, *зарекается* в первом круге обозначает немотивированное вторжение в сферу будущего, что, с точки зрения наивно-языковых представлений, более опасно.

2) *Зарок* часто предполагает, что субъект действует во имя высших ценностей. Ср.: *зарок не пить* <не лгать>. Особенно это типично для ситуации, когда *зарок* обозначает обещание сделать что-л.; ср.: *дать зарок целомудрия; дал зарок начать новую жизнь*. Вследствие этого (а также из-за типичности для *зарока* указания на боль-

шие усилия и жертвы, приносимые субъектом) поведение субъекта в этом случае может получать положительную оценку.

II. Многозначность *загадывать* и вторжение в сферу будущего

Среди лексем глагола *загадывать*, помимо рассмотренной нами, представлены еще две лексемы, имеющие отношение к будущему. Это *загадывать 2* (*загадать желание*) и *загадывать 3* (*Он загадал: если номер трамвая — четный, все обойдется*).

Загадывать 2 может быть приблизительно истолковано следующим образом: 'Мысленно сформулировать свое желание, считая, что оно исполнится, поскольку для этого существуют необходимые условия'. *Загадывать 2* допускает следующие виды условий, благоприятных для исполнения желаний.

1) Определенный момент времени; ср.: *успеть загадать желание, пока бьют часы; Под Новый год, чокаясь лимонадом с родительским шампанским, загадывал заветное желание: пусть в Чили победит революция и будет уничтожен проклятый убийца генерал в темных очках* (А. Варламов. Купавна).

2) Особое место; ср.: *Смотри, ты стоишь между двух Наташ, можешь загадывать желание*.

3) Особое событие, которому приписывается магическое значение; ср.: *Без нас какие-то счастливики загадывают желания, ловя взглядом падающие звезды* (Н. Крышук. Отступление).

4) Выполнение субъектом особых магических действий; ср.: *Перед отъездом из Литвы бросил в озеро монетку и загадал, что вернется* (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний); *Считается, что если загадать желание и потерять живот вашего домашнего Хотя 300 раз, то желание непременно исполнится* (Homes & Gardens, 2004.04.16); *Все выискивали шестилепестковые цветки среди пятилепестковых — на счастье, съедали, чтобы счастье сбылось, ощущая разом горечь и привкус капельки меда, загадывая желание* (Н. Галкина. Вилла Рено).

Однако чаще всего *загадывать* предполагает сочетание разных видов условий. Ср.: *Нужно загадать одно, самое заветное желание и пройти от начала и до конца аллеи в полном молчании (тогда загаданное непременно сбудется)* (Лиза. 2005); *Выйдя на открытое место за дальним хутором неподалеку от Красной Дачи, он зашагал к радуге, стоящей на земле перед лесной опушкой, чтобы войти в цветные врата, загадав желание* (Н. Галкина. Вилла Рено).

В случае *загадывать 2*, в отличие от *загадывать 4* (*загадывать на будущее*), действия субъекта не получают отрицательной оценки.

Скорее всего, причина этого — в том, что в данном случае отсутствует прогноз будущего — субъект всего лишь формулирует желание, понимая, что его осуществление далеко не обязательно. Кроме того, он не произносит своего желания вслух, чтобы обезопасить себя от враждебных сил судьбы.

Теперь рассмотрим лексему *загадывать* 3. Для нее наиболее типичны следующие контексты: *Подбегая к трубке, Забелин загадал, что если это и впрямь Юля, все будет хорошо* (С. Данилюк. Рублевая зона); *Я вот что загадаю — если мы с Ваней вместе встретим рассвет, то потом уже всю жизнь будем вместе* (Т. Тренина. Русалка для интимных встреч).

Лексема *загадывать* 3 используется, когда субъект пытается узнать будущее, и частично сближается с лексемами *гадать* 1 (*Она гадала: придет он или нет?*) и особенно *гадать* 2 (*гадать на картах, гадать по руке*).

При этом *загадывать* 3 и *гадать* 2, вместе взятые, противопоставляются *гадать* 1. В случае *гадать* 1 субъект строит предположения о будущем (или о какой-то ситуации в настоящем или прошлом, про которую ему что-то неизвестно), пытаясь для себя очертить круг возможных его вариантов. Между тем, в случае *загадывать* 3, *гадать* 2 цель субъекта — получение истинной информации о том, что произойдет. Кроме того, обе рассматриваемые лексемы сближаются характером средств, используемых субъектом для того, чтобы узнать будущее: они оба предполагают применение средств, имеющих вне-рациональный характер.

Отличие *гадать* 2 от *загадывать* 3 состоит в том, что первый из них предполагает использование той или иной готовой системы предсказаний, тогда как в случае *загадывать* 3 человек придумывает свой собственный, уникальный способ получения информации о будущем, в котором основная роль отводится случаю.

При этом механизм получения информации о будущем в случае *загадывать* 3 всегда один и тот же. Субъект устанавливает некую магическую связь между двумя не связанными между собой ситуациями и на основании наблюдений над первой из них пытается получить информацию о второй, относящейся к будущему. Эта информация может быть двух типов: осуществится или нет будущая ситуация, или же каковы будут ее конкретные характеристики. В соответствии с этим можно предложить следующее толкование *загадывать* 3: 'Человек A1, устанавливая магическую связь между ситуациями A2 и A3 и желая знать нечто о ситуации A3, относящейся к будущему, говорит себе: если будет иметь место ситуация A2, то произойдет A3 (или: какова A2, такова будет и A3)'.

Получение информации первого типа для *загадывать 3* наиболее характерно.

Чаще всего *загадывать 3* используется, когда задача субъекта — узнать, будет ли иметь место ситуация АЗ, желательная для него. С этой целью он задумывает какую-л. ситуацию, часто зависящую от случайных факторов, вероятность которой достаточно велика, и принимает решение наблюдать за ней, говоря себе: если будет иметь место ситуация А2, то произойдет АЗ. Ср.: *Он увидел автобус, стоявший на остановке, и загадал: если он успеет сесть в него, операция пройдет благополучно; Я загадал, что, если сейчас, за эти полчаса, он вдруг появится, все кончится хорошо* (М. Шишкин. Всех ожидает одна ночь); *А мы повесили объявления на подъезде: продаем квартиру. И загадали: быстро продадим — значит, все получится. Нет — значит, не судьба и все это не для нас. Мы ее продали за две недели!* (Домовой, 2002.09.04).

Информация о будущей ситуации АЗ, желательной для субъекта, в случае *загадывать* не обязательно выражается эксплицитно. В такой ситуации обычно подразумевается, что АЗ — благополучный исход событий. Ср.: *Я очень перепугался: представил себе, как они нас — открытую мишень — сейчас разбомбят. Уткнул нос в землю и загадал, глядя на ползущего муравья, доползет ли он до камушка. Немцы бомбить нас не стали* (А. Сегаль. Война, как она есть).

Случаи, когда субъект пытается узнать, сбудется ли его желание, являются для *загадывать 3* прототипическими. Однако, помимо этого, данная лексема может использоваться в ситуации, когда субъект хочет получить какую-то конкретную информацию о той или иной ситуации в будущем. *Загадывать 3* предполагает, что субъект пытается извлечь эту информацию из какой-л. ситуации, имеющей место в настоящем, наблюдая за ней и перенося какие-то ее характеристики на свое будущее. Ср.: *А тут еще кукушка откуда-то кукует. И все мало раз. Лучше не загадывать, сколько лет проживешь, а то выйдет лет 5-6* (Л. Вертинская. Синяя птица любви); *Она загадала: кто придет к ней сегодня первым, тот и будет ее мужем.*

Загадывать 3 может употребляться не только тогда, когда субъект ставит целью узнать нечто о будущих событиях, но и когда его задача — выбрать один из вариантов своих будущих действий, в ситуации, когда субъект по каким-то причинам колеблется и не может принять окончательного решения. В этом случае субъект говорит себе: если будет А2, то я сделаю АЗ. Ср.: *Я загадала: если выпадет орел — остаюсь на прежней работе, если решка — перехожу на новое место; На том конце думали. Иннокентий загадал: откажут — пусть так и будет, второй раз не пробовать* (А. Солженицын. В круге первом).

Примечательно, что *загадывать 3*, в отличие от рассмотренной нами лексемы *загадывать 4*, не выражает отрицательной оценки. Таким образом, действия, направленные на то, чтобы узнать будущее, расцениваются в наивно-языковом сознании как менее опасные, чем категоричные высказывания на ту же тему: с наивно-языковой точки зрения, при общении человека с силами судьбы последние готовы простить любопытство, но не прощают самоуверенности.

III. «Оградительные формулы» в высказываниях о будущем

Итак, наивно-мистические представления запрещают высказываться о своем собственном будущем более или менее определенно. Если же такая необходимость все-таки возникает, используются особые «оградительные формулы», предназначенные для того, чтобы обезопасить себя от враждебных сил судьбы. К ним относятся, в частности, выражения *будем живы-здоровы, если доживем, будем надеяться, Бог даст*, используемые со значением условия (одни — в качестве вводных оборотов, другие — в составе придаточного условия).

Очень показателен в этом отношении следующий пример: *Самонадеян очень. Даст тебе когда-нибудь судьба за это «непременно»! Не говори этого! А прибавляй всегда: «хотелось бы», «бог даст, будем живы и здоровы... эх... А то судьба накажет за самонадеянность: никогда не выйдет по-твоему...* (А.И. Гончаров. Обрыв). Ср. также другие примеры: *Будем живы-здоровы, в этом году опять поедем в Крым; Я еще не видал, как разделили крестьяне купленный хутор: в будущем году, будем живы-здоровы, думаю пробраться туда с фосфоритами* (А.Н. Энгельгардт. Письма из деревни); *Из Омска (если не выйдет Свердловск) я сяду в самолет и в тот же день буду, если Бог даст, в Москве* (Л. Вертинская. Синяя птица любви).

Прагматические условия употребления этих оборотов очень похожи на те, в которых используется *загадывать*.

Вводя в речь эти обороты, говорящий как бы показывает свое «смирение» перед силами судьбы и готовность считаться с ними. (Те же самые представления выражаются в поговорке *Человек предполагает, а Бог располагает*. При этом для данной поговорки характерно дескриптивное использование, тогда как перечисленные обороты выполняют утилитарную функцию: они являются магическими формулами, предназначенными для того, чтобы влиять на действительность. Их использование стоит в одном ряду с обычаем плевать через левое плечо, стучать по дереву и пр.).

Среди перечисленных оборотов выделяются две группы. Обо-

роты будем живы-здоровы, если доживем используются только тогда, когда речь идет о будущих действиях самого говорящего. Ср.: *Будем живы-здоровы <если доживем>, зимой отпразднуем золотую свадьбу. Выражения Бог даст, будем надеяться* чаще употребляются, когда речь идет о событиях, не зависящих от воли последнего. Ср.: *Ах, Павел, Павел... ладно, ладно, может быть, все будет нормально. Бог даст...* (А. Волос. Недвижимость); *Ну, ничего, бог даст, еще все поменяется* (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша); *Ну, зачем же так? Бог даст, и вы поправитесь...* (Д. Быков. Орфография); *Он согласился, что обстановка не очень, но, Бог даст, пронесет* (Солдат удачи, 2003.11.05). Во всех этих контекстах оборот *будем живы-здоровы* был бы неуместен.

Между рассматриваемыми группами выражений существуют также различия в типе субъекта. *Бог даст, будем надеяться*, в отличие от *будем живы-здоровы, если доживем*, уместны не только тогда, когда описываемые события касаются говорящего, но и когда они имеют общезначимый характер. Ср.: *Сказал, что [...] урожай, Бог даст, будет неплохим* (А. Орлова, М. Шнеерсон. Воспоминания о незнакомых людях); *Каждому пенсию выпишем, с осени, Бог даст, возобновятся занятия в университете — если немец не помешает...* (Д. Быков. Орфография); *Так что настоящей войны «всех против всех» мы еще не видели и, Бог даст, не увидим* (Петербургский Час пик, 2003.09.03); *Бог даст, доживем до лучших времен, — улыбается Елена Васильевна* (Известия, 2002.03.22).

На основании анализа употребления слов **загадывать 4, зарекаться, зарок** и оборотов типа *Будем живы-здоровы, Бог даст* можно сделать следующие выводы:

1) В наивно-языковом сознании существует представление о наличии неких сил судьбы, враждебных человеку.

2) Согласно наивно-языковым представлениям, при столкновении с этими силами (а именно в ситуации, когда субъект так или иначе вторгается в область будущего) необходимо соблюдать определенные правила поведения. В частности, не рекомендуется думать о своем будущем так, как если бы это было нечто реальное, т.е. чрезмерно конкретно и определено, и тем более — категорично высказываться о нем: в противном случае субъект как бы демонстрирует свою уверенность в способности распоряжаться своим будущим, «бросая вызов» силам судьбы, за что, с точки зрения наивно-языковых представлений, может быть наказан этими силами.

3) Человек наиболее уязвим, когда вторгается в область собственного будущего, особенно если не имеет специальных знаний о нем. (Ср. отличие **загадывать, зарекаться** от **предсказывать, про-**

рочествовать, предрекать, прорицать, прогнозировать по обоим указанным признакам.)

4) Наибольшей строгостью отличаются правила, регламентирующие речевое поведение субъекта, что отражает сохранившееся в наивно-языковом сознании представление о магической силе слова. На это указывает, в частности, поведение лексемы *зарека́ться*, которая выражает отрицательную оценку только в первом круге употреблений, в котором она обозначает речевое действие. При этом обращает на себя внимание, что на тему нежелательных действий и событий в будущем запрещается главным образом высказываться вслух (ср. *зарека́ться*), тогда как о желательных действиях и событиях не рекомендуется не только говорить, но и думать (ср. *загады́вать*). Можно предположить, что причина такой асимметрии — в том, что, с точки зрения языка, осуществление позитивных планов представляет большую трудность, что усиливает зависимость человека от судьбы и требует соблюдения более строгих правил при общении с последней.

5) Следует отметить, что для многих слов, которые указывают на то, что субъект думает или говорит о будущем, различие между действиями субъекта, отнесенными к будущему, и событиями, которые могут с ним произойти, оказывается несущественным. Так, *загады́вать* 4, *загады́вать* 3, *зарека́ться* могут использоваться в обоих вышеназванных случаях. Возможно, это связано с тем, что, с наивно-языковой точки зрения, роль субъекта в формировании будущего минимальна: все, что происходит в будущем (в том числе действия субъекта), зависит не от его желания, а от стечения обстоятельств, и не поддается прогнозу со стороны субъекта. Это приводит к частичной нейтрализации противопоставления между действиями и событиями в сфере будущего.

6) Не любое вторжение в сферу будущего оценивается как опасное для субъекта. Так, обещания, обязательства, обеты, зарок и пр. обычно не получают отрицательной оценки, возможно, из-за того, что в этом случае на первом плане — выражение своих намерений, а не прогноз будущего.

Кроме того, как показывает изучение многозначности глагола *загады́вать*, попытки узнать, что будет, расцениваются как менее опасные, чем категоричные высказывания на тему будущего.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ПРЕДИКАТОВ С ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ: СОЮЗ *ЧТОБЫ* И СЕМАНТИКА ПРОСПЕКТИВНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ

В работе рассматривается семантический процесс, — или, иначе, семантический сдвиг, — который происходит с предикатами, приобретающими пропозициональный актанта, вводимый союзом *чтобы*. Эти предикаты можно назвать проспективно ориентированными, или, для краткости, **проспективными**. Вот список (не полный, но достаточно представительный) таких предикатов (это не только глаголы, но и предикативные прилагательные), которые для удобства дальнейшего изложения разбиты на группы:

1) Желание, потребность и ожидание: *хотеть, надеяться, бояться, опасаться, мечтать, ждать, нуждаться, рассчитывать на, заинтересован;*

2) Готовность, согласие, установка: *готов, решить, решиться, согласиться, согласен, склонен к, склоняться к, нацелен на, настроен на;*

3) Внимание и контроль: *наблюдать за, проверять (чтобы), следить за, смотреть за, сосредоточиться на (том, чтобы);*

4) Речевые действия, направленные на каузацию (речевой аналог усилий): *высказаться за, выступить за, голосовать за, настаивать на, призывать к;*

Работа выполнена в рамках проекта «Модель управления глагола и текст: теоретические и прикладные аспекты» 2009–2011 гг. по программе Секции языка и литературы Отделения историко-филологических наук РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», а также проекта № 08-04-00181а «Актантная структура глагола и отглагольного имени (на базе словарей экспертной системы “Лексикограф” и Национального корпуса русского языка)», выполняемого при поддержке РГНФ.

Все литературные примеры взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru).

5) Приложение усилий для достижения цели: *биться за, бороться за, добиваться, заботиться, печься, стараться, стремиться, хлопотать*.

ПРИМЕЧАНИЕ. Мы включаем в 1-ю группу глаголы *надеяться, бояться, опасаться, рассчитывать*, поскольку основным способом выражения пропозициональной валентности для них является придаточное с глаголом в буд. времени. При этом они могут присоединять придаточное с глаголом в прош. времени (ср.: **Рассчитывая, что** Вы уже **вернулись** из-за границы, пишу Вам несколько слов (П.Н. Лебедев. Письма, 1905)), однако количество таких примеров по отношению к буд. времени ничтожно (так, в случае *рассчитывать* примеров с прош. временем менее двух десятков на весь 140-миллионный Национальный корпус русского языка).

Как видно из списка, перспективными могут быть и предикаты пропозиционального отношения (*рассчитывать на*), и предикаты деятельности (*бороться за, заботиться*), и глаголы речи. Перспективными их можно назвать потому, что все они соотносятся с будущей ситуацией — будущей в том смысле, что она еще не реализована; при этом она может быть запланированной, ожидаемой, возможной, желательной. В принципе, эта ситуация может оформляться инфинитивом (*готов помочь*); *что*-придаточным (кроме *что* возможны также союзы *как, когда* и союзные слова); *чтобы*-придаточным; существительным (*готов на жертвы; добывается встречи; настроен на победу*), но не у каждого предиката есть все эти возможности.

Нас будут интересовать *чтобы*-придаточные и возникающее в контексте *чтобы* значение главного предиката.

Значение перспективной обусловленности

Предикатов, которые способны присоединять *чтобы*-придаточное, довольно много — порядка 150 (если включать в их число и обороты вида *положить все силы на то, чтобы Р; сосредоточить усилия на том, чтобы Р; нет сил на то, чтобы Р*). Но не все они являются предметом нашего внимания в данной работе. Сразу же исключим из рассмотрения случаи, когда *чтобы* является просто выражением ирреальности и при определенных условиях появляется автоматически, ср. замену *что* (или *как*) на *чтобы* при отрицании:

(1a) **Видел, как** он выходил; **Помню, что** я это обещал; **Думаю, что** ему это понравится;

→ (16) **Не видел, чтобы** он выходил; **Не помню, чтобы** я это обещал;
Не думаю, чтобы ему это понравилось.

При этом значение пропозиционального предиката не меняется, а употребление *чтобы* дает эффект сдвига ситуации придаточного в зону ирреальности.

Аналогичное явление встречается и в сфере проспективных предикатов: *чтобы*-придаточное варьируется со *что*-придаточным, содержащим глагол в будущем времени (или расширенном настоящем):

чтобы vs. *что* + глаг. буд. вр. (или расш. наст.)

(2а) Когда я уходил в литературу, я уже имел печальный опыт в моей профессии, знал положение в литературе и **не рассчитывал на то, чтобы пробиться** в среде советских писателей (Александр Зиновьев. Русская судьба, исповедь отщепенца, 1988–1998);

→ (2б) **не рассчитывал на то, что пробьюсь**;

(3а) — Я **никак не ожидал, чтобы** мои статьи **читали** женщины; а по письму моей почитательницы я вижу, что она все их прочла (А.Я. Панаева. Воспоминания, 1889–1890);

→ (3б) **не ожидал, что читают**.

При этом, несмотря на разницу в наклонении, семантически они, по существу, не отличаются. Впрочем, такие «автоматические» замены возможны лишь при отрицании или в контексте модального глагола (ср.: *мог ли я ожидать, чтобы мои статьи читали женщины*). В утвердительных предложениях альтернатива *что* / *чтобы* происходит не автоматически, а зависит от семантики придаточного, ср. пример с глаголом *ожидать*:

(4а) — У меня стало складываться впечатление, — сказал Слава, — что, когда мы остаемся втроем, и шеф, и вы, Лена, довольно нетерпеливо **ожидаете, чтобы я отъехал** (Ю.И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус, 1983);

→ (4б) **ожидаете, что отъеду / когда отъеду**.

ПРИМЕЧАНИЕ. Еще один случай, который следует упомянуть для полноты картины, — чередование инфинитива и *чтобы*-придаточного при кореферентности / некорееферентности субъектов главного и подчиненного предикатов:

(5а) Я **решил уехать**.

(5б) Мы с папой **решили, чтобы ты ехал** в Париж (А.Н. Толстой. Хожение по мукам, 1922).

Впрочем, *чтобы* изредка встречается и при кореферентном субъекте:

(6) Всем колхозом **решили, чтобы село в порядок привести** (И.Ф. Стаднюк. Максим Перепелица, 1956) → решили привести в порядок.

Итак, в перечисленных случаях замена *что* на *чтобы* и наоборот происходит автоматически и не влияет на значение главного предиката (предиката главного предложения). Нас же будут интересовать случаи, когда появление *чтобы*-придаточного маркирует изменение семантики предиката, а именно формирование у него особого «проспективного» значения. Такое значение существует в семантической парадигме предиката наряду с другими, не-проспективными значениями.

Проспективное значение может возникать и у глаголов, исходно вообще не имевших пропозициональный актанта, ср. *бороться с кем* и *бороться за то, чтобы*. Но чаще всего оно возникает на базе пропозиционального актанта (*Смотрел, как дети резвятся на берегу* vs. *Смотрел, чтобы дети не заплывали далеко в море*). При этом семантика пропозициональной валентности тоже меняется: из валентности содержания она превращается в валентность ситуации, которая для субъекта является желательной (*хочет, чтобы*), либо которой он стремится достичь путем приложения собственных усилий (*старается, чтобы*) или которую он пытается каузировать, воздействуя на другие ситуации и других людей (*призывает к тому, чтобы*).

Такую валентность можно условно назвать аспираторной (от лат. *aspīre* ‘стараться’, англ. *aspīre* ‘стремиться, домогаться’, англ. *aspiration* ‘стремление, желание’).

Аспираторность — более сильная установка, чем проспективность. Если проспективность — просто характеристика подчиненной пропозиции (ее отнесенность к плану будущего), то аспираторность — характеристика субъекта главного предиката, характеристика его состояния, которое состоит не просто в ожидании будущей ситуации, но и в желании, чтобы она наступила, а также в готовности или даже намерении ее реализовать.

Аспираторность — это сложная семантика, которая объединяет предикаты желания, намерения, проспективной установки (*хочет, чтобы; готов к тому, чтобы; заботится о том, чтобы*), управляющие *чтобы*-придаточным. Аспираторность включает такие компоненты, как желательность, целенаправленность, контроль, каузация, обусловленность.

В принципе, если ограничиться только глаголами целенаправленной деятельности (*стремиться к тому, чтобы; хлопотать о том, чтобы*), *чтобы*-валентность можно было бы назвать валентностью цели. Но нам важно подчеркнуть, что проспективные *чтобы*-придаточные имеют такую же природу «целенаправленности» и при других предикатах.

Одним из характерных контекстов употребления *чтобы* является глагол *хотеть*. На примере глагола *хотеть* хорошо видна связь *чтобы* с личной сферой говорящего, с контролем, влиянием, так сказать, вмешательством в будущее.

Хотеть отличается от «пассивных» состояний типа *ждать, ожидать, надеяться и бояться*, когда человек просто ждет некоторой ситуации — хорошей (*Мы надеялись, что из Москвы придет комиссия*), плохой (*Все боялись, что из Москвы придет комиссия*) или «нейтральной» (*Ученые ожидают, что нынешней весной это дерево будет пылить крайне активно* (Вечерняя Москва, 2002.05.16)). Глагол *хотеть*, как показано, в частности, в работах Ю.Д. Апресяна (ср. [Апресян 2006: 123–125]) и отражено в словарях, может обозначать не только желание, но и намерение (ср.: *Куда ты несешь лампочку? — Да вот, хочу вкрутить* — ‘собираюсь, намереваюсь’). С другой стороны, *хочу* участвует в перформативных конструкциях: *Хочу предложить вам...* значит ‘предлагаю’. Т.е. модальная семантика совершенно не мешает ему соединяться с актуально реализуемой ситуацией. *Чтобы* в сочетании с *хотеть* подчеркивает активную сторону желания: это то, что человек осуществит или хотя бы попытается осуществить в будущем. И, как правило, это достижимая, контролируемая ситуация.

Другой важнейшей функцией *чтобы* является присоединение придаточных цели. *Чтобы* — это основной целевой союз, а цель — это «итоговая ситуация, которую субъект **хочет каузировать**, предполагаемый **результат его действий**» (см. [Левонтина 2006: 176]; выделено мной. — Г.К.).

Наконец, *чтобы* употребляется при побудительных глаголах, т.е. при глаголах речевой каузации: *приказал, чтобы; потребовал, чтобы* и т.д., — которые, наряду с компонентом ‘побуждать, принуждать’, включают и компонент ‘хотеть’.

Таким образом, союз *чтобы* в контексте проспективных предикатов не просто выражает ирреальность, а «наводит», индуцирует семантику **проспективной обусловленности** — намерения, побуждения, каузации будущей ситуации.

Здесь уместно будет отметить, что чистая желательность, без идеи каузации и влияния на будущую ситуацию, т.е. оптативность,

практически не выражается с помощью *чтобы* (упоминаемые в АГ-80 конструкции с частицей *чтобы* крайне сомнительны и не подтверждены реальными языковыми примерами). В опитативе используются частицы *хоть бы* (*он пришел*), *вот бы* (*он пришел*), *только бы* (*он пришел*) и др. А вот разного рода потенциальная каузация — например, пожелания (*Ну, чтобы все были здоровы!*), проклятия (*Чтоб тебе пусто было*) и тому подобные акты призыва и заклинания высших и потусторонних сил как раз прекрасно выражаются с помощью частицы *чтобы* (или *чтоб*).

Чрезвычайно показательно использование союза *чтобы* в конструкциях потенциальной обусловленности, которые в русском языке выражают целый спектр оттенков — от необходимого и достаточного условия для достижения цели (*Нужно три часа, чтобы добраться до аэропорта*) до ирреального следствия (*Стоит дотронуться, чтобы дверь открылась; Достаточно слегка нажать на дверь, чтобы она открылась*). Они тоже относятся к сфере проспективной обусловленности (с общей семантикой 'нужно иметь ресурс Q или совершить действие Q, чтобы достичь цели / результата P').

Перейдем к обзору предикатов, у которых аспираторное значение (значение проспективной обусловленности) не является единственным и/или основным, а образуется в результате семантического развития, семантического сдвига. Часто (хотя и не всегда, см. ниже) это семантическое изменение связано с меной *что* на *чтобы*.

Формирование значения проспективной обусловленности в контексте союза *чтобы*

Из 1-й группы (желание, потребность, ожидание) рассмотрим глагол *рассчитывать на*. Вообще, глаголы разбиты на группы по степени возрастания активности и контроля. И первая группа — как раз самая, так сказать, пассивная, где субъект в наименьшей степени контролирует подчиненную ситуацию.

Конструкцию «X *рассчитывает на то, что* + глаг. в буд. вр.» можно считать проспективной, но в ней едва ли можно усмотреть семантику аспираторности:

(7) С самого начала школьного обучения многие родители допускают грубейшую ошибку, **рассчитывая на то, что** их ребенка полностью **подготовит** к школе детский сад (Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу, 2002).

— т.е. они просто ждут, когда детский сад подготовит ребенка к школе. *Рассчитывать* здесь отличается от *ждать* только наличием рационального компонента (который связан с идеей расчета, калькулирования, рационального обоснования ожиданий), ср. также контексты: *Чего ты ждешь? На что ты рассчитываешь? На чудо?*), где глагол *рассчитывать* обозначает совершенно пассивное ожидание.

Другое значение имеет *рассчитывать* в контексте *чтобы*-придаточного:

(8) Призывая остановиться и даже вернуться назад, Кутырев несомненно **рассчитывает на то, чтобы поразить**, растормошить, вызвать у читателей активную реакцию (Геоинформатика, 2002) (по правилу кореферентности субъектов в придаточном употребляется инфинитив);

(9) Организаторы этой провокации **рассчитывали на то, чтобы разжечь**, как и в 30-е годы, новый **психоз** в отношении «убийц», «шпионов», «врагов», «диверсантов» и на этой основе перейти к новым массовым репрессиям (Александр Яковлев. Омут памяти, т. 1, 2001).

Здесь субъект не просто ждет ситуацию Р, но он хочет, чтобы она реализовалась, и что-то предпринимает для ее реализации, т.е. эта ситуация — его цель (из примеров видно, что именно делает субъект: в (8) — это призывы Кутырева, в (9) — провокация).

Т.е. *чтобы* по сравнению со *что* создает эффект достижимости, обусловленности Р действиями субъекта.

Глаголы 3-й группы (внимание и контроль) *смотреть*, *следить*, *наблюдать*, *сосредоточиться*, *проверять* уже в исходных значениях (*смотреть на картину*; *наблюдать за полетом чаек*) обозначают деятельность, но в разных значениях это деятельность, так сказать, разной степени активности.

Исходные значения предполагают получение информации о синхронной или уже завершившейся ситуации, и пропозициональная валентность глагола выражается придаточным с союзом *как* или косвенным вопросом:

(10) Оставшиеся внимательно **свели**, **как** удалялась в лунном свете темная подпрыгивающая фигура, сопровождаемая голубым облачком пыли (И. Грекова. На испытаниях, 1967);

Скоро уже перестала **смотреть, как** он ест свои шоколадки (Андрей Геласимов. Чужая бабушка, 2001);

Мне было очень интересно **наблюдать, как** плыли льдины, и моя фантазия снова разыгрывалась — куда они плывут? (И.А. Архипова. Музыка жизни, 1996);

Я набрал номер Марины и, слушая длинные гудки, попытался **сосредоточиться на том, что** происходит с будяевской сделкой (Андрей Волос. Недвижимость, 2000);

Открыв ящик, он **проверил, есть ли** там песок (А. Азольский. Лопушок, 1998).

А в (11) эти глаголы употребляются уже в значении ‘осуществлять надзор за кем-чем’ (формулировка из МАС), ‘осуществлять контроль’, ‘стараться не допустить Р’:

(11) И когда мы, маленькие, болели, то за нами ухаживал тоже отец, **следил, чтобы мы принимали** лекарства, вставал к нам ночью (А. Рыбаков. Тяжелый песок, 1975–1977);

Пока наш вертолет «пляшет» вокруг камовского собрата, я должен **смотреть, чтобы мы не** столкнулись с трубой энергоблока (Солдат удачи, 2004.04.07);

Кроме того, ему полагалось **наблюдать за тем, чтобы** дантисты работали добросовестно и аккуратно (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, 1960);

Почему бы политической партии не **сосредоточиться на том, / чтобы** агитировать в свои ряды / действительно предприимчивых людей, / которые могли бы в части регулирования каких-то общественных вопросов / подменять свое государство (Заседание клуба Новые правые, 2004) — ‘способствовать, содействовать реализации Р’.

Глаголы, у которых исходное значение не перспективное, а одно из производных — перспективное, есть и в других группах. Таковы, например, некоторые глаголы из 5-й группы: *бороться, биться, сражаться, хлопотать* и др. Исходно они обозначают ситуацию деятельности (*бороться с кем, хлопотать по хозяйству*), но не имеют пропозиционально выражаемой валентности цели («встроенную» тривиальную цель имеет любой глагол целенаправленной деятельности, но речь идет именно о нетривиальной). А *бороться за то, чтобы* имеет валентность цели.

В этом процессе — процессе развития перспективного значения в контексте *чтобы* — участвуют не только собственно перспективные глаголы (из перечисленных выше групп), но и другие глаголы с пропозициональными актантами.

Например, предикаты отношения и оценки *относиться к чему как* и *смотреть на что как*. Субъект оценки может оценивать разные вещи и ситуации — и реальные, и будущие, при этом, однако, никакой проспективной активности у него не предполагается:

(12) — А **как** вы вообще **относитесь к тому, что** вас в прессе причисляют к «питерским»? (Итоги, 2003.02.04);

— **Как вы относитесь к тому, что** в бизнесе сейчас так много женщин? (Homes & Gardens); — А **как смотришь на то, что** в зенитные войска пойдут девушки?

Хозяин фабрики, видимо, понимал, что война идет к концу и русские победят, относился к нам неплохо, **сквозь пальцы смотрел на то, что** мы воровали нитки (В.С. Балина. Три сестры // Звезда, 2001);

По словам начальника биржайской милиции, там **сквозь пальцы смотрели на то, что** у некоторых служащих, кроме штатного оружия, имеется свое (Н.Н. Шпанов. Ученик чародея, 1935–1950).

В контексте *чтобы*-придаточного эти предикаты выражают уже не отношение или оценку, а предложение:

(13) — Юра, **как вы отнесетесь к тому, чтобы сыграть** Сонату Шостаковича? (Юрий Башмет. Вокзал мечты, 2003) — это предложение сыграть сонату;

— **Как ты относишься к тому, чтобы поставить** музыкальную комедию? (Эльдар Рязанов. Подведенные итоги, 2000);

Чжоу спросил: «**Как вы посмотрите на то, чтобы взять** на себя прокладку отрезка железной дороги и на нашей территории? (Никита Хрущев. Воспоминания, 1971);

просьбу о разрешении:

Вчера я обратился к папе со словами, **как он относится к тому, чтобы я пошел** санитаром в Красный Крест, он сказал: «Благословляю тебя на это» (Н.Н. Пунин. Дневники. Письма, 1910–1921).

Аналогичным образом ведут себя глаголы *ориентироваться на то, что* / косв. вопрос vs. *ориентироваться на то, чтобы*:

(14a) Мы не можем **ориентироваться на то, что** там кто-то рукоплещет, что кого-то забирают в камеры (Независимая газета, 2003.02.12);

Продавцы **ориентируются на то, какие** произведения и в каком ценовом диапазоне пользуются спросом, оценивают в этом свете перспективы различных авторов, заключают наиболее выгодные, на их взгляд, контракты (Неприкосновенный запас, 2004.01.15);

(14б) Поэтому «Волга-Днепр-Лизинг» **ориентируется на то, чтобы** иметь примерно 30 модифицированных самолетов Ил-76 (Вестник авиации и космонавтики, 2004.04.28);

Россияне пока еще **ориентируются на то, чтобы** получилось «как у соседа» (Ландшафтный дизайн, 2002.07.15);

Даже не желая солгать или прихвастнуть и приукрасить, мы выбираем, что сказать и как сказать, **ориентируемся на то, чтобы не наскучить** и не надоест, на то даже, чтобы меньше говорить о себе (Андрей Битов. Колесо (Записки новичка), 1969–1970);

влиять на то, что vs. влиять на то, чтобы:

(15а) Кстати, вот именно это полнейшее отсутствие интереса к мещанству **повлияло на то, что** Л. Чуковская стала писателем интеллигентским (Лебедь, Бостон, 2003.11.16);

Не в последнюю очередь это **повлияло на то, что** Южносунская империя не смогла оказать достойного сопротивления полчищам монголов (Вечерняя Москва, 2002.01.10);

(15б) И тогда только можно **влиять на то, чтобы** установился порядок «наверху»... (Михаил Лобанов. Консервативная накипь (2004) // Наш современник, 2004.06.15);

отвечать за что vs. отвечать за то, чтобы:

(16а) Кто отвечает за повышение аварийности? Ты ответишь за содеянное.

Отвечать за то, чтобы имеет значение функции, поручения:

(16б) Глава комитета **отвечает за то, чтобы** проект достиг своих стратегических целей (Нефтяник, Пермь, 2003.04.01);

Руководитель этого блока **отвечает за то, чтобы** служба выполняла свои задачи при любых условиях и изменениях обстановки (Российская газета, 2003.03.15);

Как работник технического подразделения охраны президента, он **отвечал за то, чтобы** Кучму никто не подслушивал (А. Кондрашов. Спецсало в шоколаде // Аргументы и факты, 2001).

В словарях такие значения фиксируются далеко не всегда. Это естественно — они, так сказать, продуктивные; это грамматика словаря.

Таким образом, в контексте рассмотренных глаголов союз *чтобы* является не только и не столько показателем ирреальности, сколько показателем проспективности и обслуживает категорию проспективной обусловленности.

Очень многие предикаты, в том числе с исходно не проспективной семантикой, способны продвигаться в зону проспективной обусловленности, которая в русском языке заполняется не только глаголами со *чтобы*-валентностью, но и различными синтаксическими фразеологизмами (ср.: *Нет чтобы сразу позвонить!*), а также множественством типов и конструкций сложных предложений с союзом *чтобы*.

И в заключение — несколько слов о будущем. В лингвистике существуют разные взгляды на категорию будущего. Один взгляд — пассивный: будущего не существует, поэтому будущее — это не время, а модальность, хотя форма будущего времени относится к изъявительному наклонению. Другой взгляд — конструктивный, даже можно сказать — конструктивистский. Если не брать случайные и неожиданные события, то будущее состоит из того, что мы сами реализуем. Мы не просто планируем, ожидаем, предвидим будущее, но в значительной степени создаем его и тем самым — контролируем. Как мы пытались показать выше, в языке эта точка зрения на будущее представлена достаточно широко, в том числе и рассмотренными *чтобы*-конструкциями.

ЛИТЕРАТУРА

АГ-80 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.

Апресян 2006 — *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

Левонтина 2006 — *Левонтина И.Б.* Понятие цели и семантика целевых слов русского языка // Языковая картина мира и системная лексикография. М., 2006.

В.И. ПОСТОВАЛОВА

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ В ПРАВОСЛАВНОМ МИРОСОЗЕРЦАНИИ

... время содержит вечность и содержится ею, и ничто не исчезает, однажды сверкнувши во времени. ... В книге жизней начертано наше время, и она снова раскроется за временем, в жизни будущего века... Время есть риза вечности, мысль Божия, дело Божие, свершение Божие, которое в полноту времен станет прозрачно для вечности.

Протоиерей Сергей Булгаков

В работе предпринимается попытка описать специфику видения универсальных категорий времени и вечности в самосознании православия в сравнении с научным миропредставлением, а также с религиозно-мифологическим мировидением, высшую форму которого и являет собой православное мирозерцание¹.

Работа содержит три части. В первой дается краткая характеристика православного мирозерцания и образа реальности в ее составе. Во второй — и центральной — проводится аналитическое описание категориального лика времени и вечности и диалектики их взаимосвязи в православном мирозерцании. И, наконец, в третьей — и заключительной — дается характеристика видения будущего глазами православия.

Работа выполнена при поддержке грантов Федерального агентства по науке и инновациям № НШ-6469.2008.6 «Оптимизация семиотических процессов в многоязычных контекстах» и Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации (Секция языка и литературы). Проект «Универсальные и идиоэтнические стратегии продуцирования и интерпретации текста». В работе сохраняется написание цитируемых источников.

¹ О некоторых отличиях православного, или восточно-христианского, понимания данных категорий от западно-христианского, вследствие догматических различий этих линий христианской мысли, см. [ПЭ 2004: 98].

1. Православное мирозерцание и реальность

Категории времени и вечности являются базовыми категориями православно-христианского представления реальности, составляя ядро его образа мира. Специфика видения реальности в православном мирозерцании проистекает из особенностей его исходных постулатов. Христианство — абсолютно-личностный монотеизм. По этому вероучению, Бог — Абсолютная Личность — сотворил мир *ex nihilo* — из «ничего» (2 Мак 7. 28). Вершиной этого творения является человек, призванный стать богом по благодати.

В символической системе православно-христианского мирозерцания выделяются три модуса представления реальности [Аверинцев 1997: 110–113].

Первый модус — *исторический, или временной*, в котором противопоставляются друг другу «век сей» и «век будущий» как настоящее и грядущее. Второй модус — *космологический, или пространственный*, где противопоставляются друг другу «мир земной» и «мир небесный». И, наконец, третий модус — *онтологический, или философский (логический)*, где противопоставляются друг другу материя и дух, чувственный мир и умопостигаемый мир, а также категории времени и вечности.

По вертикали реальность в видении православного мирозерцания членится на два яруса — нижний (земной) и верхний (небесный), представляющие «мир посюсторонний» и «мир потусторонний» в их тесной взаимосвязанности. Первый ярус образует смысловое триединство *век сей–мир земной–время*. Второй ярус — смысловое триединство *век будущий–мир небесный–вечность*.

Отмеченные смысловые единства, а равно и частично перекрывающее их глобальное противоположение *тварное–нетварное* образуют основной контекст для истолкования категорий времени и вечности в православном миропредставлении, где их осмысление происходит в рамках богословия, сотериологии (учения о спасении), а также эсхатологии — учения о конечных судьбах мира и человека.

2. Время и вечность в категориальном представлении православия

2.1. Время и его категориальный лик. В православном мирозерцании время рассматривается как одно из свойств тварного модуса бытия. По христианскому вероучению время возникло вместе с сотворением мира и несет в себе черты антиномической природы тварности — «божественного начала, погруженного в ничто» [Бул-

гаков 1994: 175]. Время для христианства есть «преходящесть и ничтожество всего сущего, но вместе и возможность всего бывающего» [Там же].

Для православного мирозерцания, исходящего из принципа креационизма, время имеет начало и конец, неразрывно связанные с «недлежащей “высотой приспосущей вечности”», пребывающей извечно до начала и конца этого мира [Флоровский 1994: 110]. По этому мирозерцанию адекватное рассмотрение времени возможно лишь в перспективе вечности — *sub specie aeternitatis*, при которой время только и «обретает свое подлинное звучание и глубину» [Каллист 2004: 181]². По выражению преп. Максима Исповедника, время, «покоившееся некогда в Вечносущем, проявилось при выступлении во вне, когда надо было... произойти и видимой природе» (цит. по [ПЭ 2004: 97]). И, собственно, временем и называется «выход Божией благодати в чувственное, при его сотворении» [Там же]³.

О начале времени речь идет в первой книге Библии — Бытии. По мысли, восходящей к св. Василию Великому, начало творения — вневременная мгновенность, «творческий порыв» которой «порождает время» [Лосский 1991: 232]. О конце времени речь идет в последней книге Библии — Апокалипсисе, по которому, когда все тварное достигнет своего совершенства и «исполнения» (завершения), тогда услышат клятву Ангела, клянущегося Живущим во веки веков, что «времени уже не будет» (Откр 10. 5–6).

В истолковании времени православное мирозерцание разделяет основную черту всякого религиозно-мифологического мировосприятия. Оно не знает характерного для научной ментальности бесконечного, однородного, «пустого» и «темного», абсолютного, «чисто математического», ньютоновского времени, равномерно протекающего само по себе, без какого-либо соотношения с предметной реальностью⁴. Для православного мирозерцания, как и для

² По более категоричному утверждению о. Г. Флоровского, «время имеет значение только тогда, когда за ним — Вечность, то есть только в контексте Божественного замысла» [Флоровский 1994: 448].

³ О времени как «воле Божией» см. [Лосев 1994: 163].

⁴ По учению И. Ньютона об абсолютном и относительном времени, абсолютное, «истинно математическое» время «само по себе и по самой своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему протекает равномерно и иначе называется длительностью» [Ньютон 1989: 30]. Относительное же, «кажущееся», или «обыденное», время есть «постигаемая чувствами, внешняя... мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного математического времени, как-то час, день, месяц, год» [Там же].

религиозно-мифологического видения реальности в целом, подлинное, реальное время — жизненно-конкретно, «качественно (вещно) озаменовано», т.е. заполнено определенным качественным содержанием, и ценностно отмечено, чем и отличается как от абстрактного (астрономического) времени естествознания с его количественными характеристиками, так и от «чистого» и «идеального» времени философии. Временность как всеобщая форма бытия и качество тварности получает в религиозно-мифологическом мирозерцании свое выражение в «конкретных», «окачественных» временах, так что «время для ангелов... иное, нежели для людей, и для человека иное, чем для животных» [Булгаков 1994: 176–177]. Истинное время в православном самосознании есть, по словам епископа Каллиста (Уэра), «скорее *kairos*⁵, нежели *chronos*» [Каллист 2004: 180].

В православном мирозерцании время не принимает «формы чистого отношения, в котором моменты настоящего, прошлого и будущего постоянно сдвигаются и переходят друг в друга» [Кассирер 2002: 119]. В отличие от миропредставления, для которого время одномерно, асимметрично и необратимо, «окачественное» религиозно-мифологическое время единично, негомогенно (неоднородно) и даже иногда обратимо. Такое время обладает способностью сгущаться и рассасываться. Существовавшие апокалиптические ожидания в прошлом, по мысли А.Ф. Лосева, могут быть объяснены именно «сгущением времен, близким к окончанию времени и потом *рассасывавшимся*» [Лосев 1994: 87].

«Качественно озаменованное время» может сокращаться, о чем так говорит архимандрит Софроний (Сахаров): «Чтобы вы ни делали — все делается для созидания храма и для Литургии. Тогда наш дух войдет в тот момент, который исторически происходил две тысячи лет тому назад, когда Христос еще был с нами на земле, и сольется с Ним. Тогда *сократится* время, и две тысячи лет станут прозрачны, как слово. Таким же образом и все возрасты истории, хотя бы их было и миллионы лет, в нашем сознании свяжутся в единый клубок молитвы» [Софроний 2007: 261]⁶.

Наконец, такое «окачественное» время может свертываться (сжиматься) и «прекращаться» (останавливаться) или сжиматься в

⁵ В философско-религиозной мысли термином «кайрос» (*καῖρός*) означает особое время, «выделяющееся из потока космического и исторического времени высшим духовным значением происходящих в нем событий» [Василенко 2000: 93].

⁶ Такое понимание времени и отношение к нему опытно воплощается в жизни подвижников, для которых само время срастается с непрестанной молитвой, а дни превращаются в «святые четки» [Иустин 1999: 184].

одну неделимую точку настоящего, что характерно для религиозного экстаза. «По земным часам, т.е. по солнцу, человек молится, скажем, десять часов, — замечает Лосев. — На самом же деле, он переживает это время как несколько секунд, причем они богаче не только трех обычных секунд, но и десяти часов и, может быть, десяти лет» [Лосев 1994: 87].

Центральную установку при осмыслении времени в православии составляет приоритет опыта («прагматики») над поисками чистого смысла («семантики»). Православную мысль интересует не отвлеченная сущность времени, но место времени в жизни человека и в его взаимоотношениях с Богом. Поэтому в опытах рефлексии над временем на первый план здесь выдвигается не вопрос «что такое время», характерный для абстрактной философской и научной мысли⁷, но вопрос «к чему нам время».

Для православного мирозерцания характерно коммуникативно-персоналистическое понимание времени, в соответствии с которым время предстает как диалог и общение, а точнее как диалогическое Богообщение. Такое понимание имеет глубокие истоки. По мысли о. Думитру Станилоае, развивающего это понимание, архетип времени заключен в превечном Совете Пресвятой Троицы о замысле и изволении о мире, что «при проекции на творение в категориях тварного бытия можно назвать беседой — зовом и ответом на него Бога» [Геронимус 2003: 221]. Время для такого понимания и есть промежуток между Божьим призывом и человеческим откликом. «Се, стою у дверей и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною» (Откр 3. 20), — говорит Христос. И это Его ожидание, полное любви, и составляет, по данной концепции, глубинный смысл времени и основное русло его течения к грядущему завершению.

Время понимается в православии в контексте домостроительства как телеологический процесс, устремленный к своей конечной цели (τέλος) — к воссоединению человека с Богом, его обожению и спасению, а через человека и всего творения. «Если смысл времени раскрывается во взаимоотношениях и любви, — пишет епископ Каллист (Уэр), — это значит, что подлинное время — совсем не то, которое механически отсчитывают часы или календарь» [Каллист 2004: 180]. Подлинное, т.е. «живое, личностное, бытийное время, определяется не продолжительностью, а *целенаправленностью*»

⁷ В философии, например, были выработаны такие интерпретации времени, как логико-онтологическая (средневековая схоластика), метафизическая (Декарт), психологическая (Локк, Юм), трансцендентальная (Кант) и др.

[Там же]. Такое время лежит вне логики каузальности, свойственной научному менталитету.

И, наконец, последняя черта, характерная для православного понимания времени, которую можно отметить, связана с синергийным характером взаимоотношений Бога и человека и касается творческого характера времени. В православном самосознании самое время воспринимается в аспекте сотворения Богом человека из ничего и встречного «новотворчества» человека [Флоровский 1994: 440]. И это творчество в продолжающемся творении мира и является процессом, называемым «временем» [Софроний 2007: 186].

2.2. Вечность и ее категориальный лик. Православие разделяет библейское представление о вечности как свойстве безначального Божественного бытия. В отличие от философского и научного понимания, вечность для православного миропонимания предстает не как нечто отдельно сущее или отвлеченное, но как Сам Бог в Своем бытии, т.е. как сама Божественная Жизнь.

В святоотеческой традиции применительно к Богу различают два вида (модуса) вечности: вечность, в которой пребывает Троица, и вечность «свободных деяний Божией Благодати» в домостроительстве [Флоровский 2002: 333]. Но чаще такого различия не производят и говорят о Божественной вечности в целом или же просто о вечности, притом что, как замечает Флоровский, «Божественная идея мира вечна иной вечностью, нежели Божие существо и самосознание» [Флоровский 1994: 122]. Божественный замысел и изволение о мире хотя и вечны, но в «каком-то смысле не совечны и не со-присущны Ему, ибо “разделены” от Его “сущности” Его хотением» [Там же].

Задаваясь вопросом о том, как можно конкретно представлять себе и мыслить Божественную вечность, православные богословы отказываются от понимания вечности *a contrario* времени в силу онтологической несводимости друг к другу этих реальностей. Вечность Бога Живого представляет собой иной образ бытия, чем временное бытие тварного мира. Поэтому выработанные при характеристике земного времени такие понятия, как *протяженность, последовательность, начало и конец, до и после, движение и изменение* и др., не могут иметь применения к осмыслению Божественной вечности. Ведь если Бог живет в вечности, рассуждают они, то эта «живая вечность» должна превосходить противопоставление движущегося времени и неподвижной, неизменной, умопостигаемой, тварной, эонической (от греч. αἰών, ‘век’, ‘вечность’) вечности ангельского мира, человеческих душ, математических истин и др. [Лосский 1991: 233]. Живая, персональная, ипостасная Вечность есть вечное мгновение,

не поддающееся никаким определениям или измерениям (временным, пространственным, логическим). Она есть единый, надмирный, непротяженный и всеобъемлющий Акт Божественного бытия, непротяженно объемлющий «все протяженности тварного мира» [Старец Силуан 1996: 128]⁸.

К приобщению такому бытию по дару благодати призывается и человек, сотворенный, по христианскому вероучению, для вечной жизни, а не только для земного, исторического бытия.

2.3. Время и вечность в аспекте диалектики их взаимоотношений. В православном самосознании время в его отношении к вечности «составляет одну из тайн мироздания и остается для человеческого ума неразрешимой загадкой» [ПЭ 2005: 517].

В радикальном философском видении соотношение времени и вечности предстает как развернутое тождество. По мысли А.Ф. Лосева, разделяющего такое понимание, специфика христианского понимания категорий вечности и времени проистекает из-за переноса всей стихии их отождествления в «царство чистого духа» [Лосев 1994: 87]⁹.

В православно-христианской мысли соотношение категорий времени и вечности характеризуется обычно как соположенность, взаимопредполагаемость и, наконец, как нераздельное единство, которое может истолковываться с разной степенью детализации. По одной из многоуровневых картин такой интерпретации, вечность лежит не *за* временем или *после* него, но *наряду с ним*: «над временем» как идеал для него, и «под временем» как его основание [Булгаков 1994: 177]. А еще точнее, вечность пребывает не за пределами времени, но *внутри времени* — «в сердцевине каждого мига» [Каллист 2004: 176], так что в любом миге бытия и в каждом его моменте «просвечивает вечность, целостная и неделимая, в которой нет настоящего, прошлого и будущего, но все, что бывает, вневременно есть» [Булгаков 1994: 177].

Единство времени и вечности проявляется в двух разнонаправленных процессах динамики бытия: в процессах «вторжения» вечности во время и во встречных процессах проникновения «вертикальных сечений» времени в вечность. По выражению Булгакова, ничто из того, что хотя бы только однажды «мелькнуло» во времени, не может уже исчезнуть и обратиться в небытие, поскольку «имеет

⁸ См. также содержательное истолкование вечности через понятия бессмертия и нетленности [Григорий Богослов 1994: 414–415, 525].

⁹ См. в этой связи о диалектике времени и вечности у Плотина, согласно которому «чисто умное», «чистое время есть не что иное, как вечность» [Лосев 1994: 801].

какую-то проекцию в вечность» и «есть сама она в одном из бесчисленных ликов своих» [Булгаков 1994: 177].

Подлинный ключ к пониманию характера взаимосвязи времени и вечности в их единстве в христианстве дает центральное событие Священной истории — Воплощение Иисуса Христа, в Котором произошло подлинное, неразрывное и неслиянное соединение небесного и земного, вечного и временного. «Когда Слово Бога становится человеком, — замечает Х.-У. Балтазар, — всякое мгновение Его жизни, уже внутри временного потока, приобретает характер откровения вечности» [Балтазар 2001: 274]. В видении православия в своем Воплощении Иисус Христос восстановил исходную связь между временем и вечностью, нарушенную грехопадением. В Нем и через Него «время возрастает в Вечность, срастается с Вечностью, приобретает свой конечный, заключительный смысл» [Иустин 1999: 159].

Произошедшее в момент Боговоплощения единение времени и вечности является образом для понимания соответствующего единения времени и вечности как в жизни отдельного человека, так и в динамике творения в целом. Подобно тому, как Иисус Христос совместил в единой личности два образа бытия, так и всякий человек, достигая по дару благодати обожения, может совмещать в себе обе указанные формы бытия и переживать уже здесь, на земле, с разной степенью интенсивности явления вечности. «Когда мы в Боге, — замечает архимандрит Софроний (Сахаров), — тогда мы в вечности» [Софроний 2002: 228]. Теряя же благодать, мы «как бы “перестаем” быть вечными» и «как бы выпадаем из вечности» [Там же]. Хотя «вторжение вечности во время, которое произошло в момент Боговоплощения, неповторимо», замечает епископ Каллист (Уэр), однако «каждый миг настоящего времени тоже открыт вечности», так что «в любой миг вечность может нарушить привычный ход событий, вобрать в себя время и преобразить его» [Каллист 2004: 176].

Продолжением Богочеловеческого Воплощения на земле в самосознании православия служит Церковь, являющая собой «живой образ Вечности во времени» [Копейкин 2005: 17]. В Церкви как в Богочеловеческом единстве время и вечность, как и в жизни Иисуса Христа, соединяются «нерасторжимо», «нераздельно», «неизменно» и «неразлучно» [Иустин 1999: 137].

3. Единство времени и вечности и его проявления в реальности

В видении православия единство времени и вечности пронизывает собой все сферы Боготварной реальности, в которых неповторимым образом реализуется универсальный путь восхождения

человека к Богу (а в лице человека и всего творения) и опытного постижения вечности уже здесь, на земле. К таким сферам относятся: сфера культа (литургическое богослужение), сфера подвига (мистико-аскетическое подвижничество) и глобальная динамика тварного бытия в целом, или путь творения в мире к Богу, осуществляемый посредством человека (см. [Геронимус 2003: 253]).

3.1. Литургия. Наиболее очевидным образом единство времени и вечности проявляется в литургии¹⁰, через отождествление с которой в православии воспринимаются также и другие сферы — молитвенное умное делание, именуемое «внутренней литургией» [Евдокимов 2002: 165], или «литургией ума в сердце» [Геронимус 1995: 160], а также глобальная динамика тварного бытия, понимаемая как «космическая литургия», или «Вселенская Евхаристия», в которой весь мир служит престолом единого храма¹¹.

В отличие от мифологического переживания времени с его обращенностью в прошлое и такого религиозного самосознания, где «главный акцент делается на переживании настоящего в его связи с будущим» [Мелетинский 1980: 252], для православно-христианского церковного мирозерцания характерно переживание настоящего не

¹⁰ Под литургией в православной традиции понимается общественное богослужение в целом, а также (в более специальном смысле) так называемое «евхаристическое богослужение», прообразом которого выступает описанная в Евангелии Тайная Вечеря.

¹¹ Вот описание такого понимания в современном церковном сознании у монахини в миру матери Марии (Скобцовой): «Но если в центре церковной жизни стоит эта жертвенная, самоотдающаяся любовь Евхаристии, то где ее границы... В этом смысле можно говорить о всем христианстве как о вечно совершаемой *внехрамовой литургии*... Это значит, что не только в определенном месте, на престоле храма должна нами приноситься бескровная жертва за грехи мира, жертва самоотдающейся любви, а что весь мир в этом смысле является единым престолом единого храма, что для этой вселенской Евхаристии, подобно хлебу и вину, мы должны приносить наши сердца, чтобы они пресуществлялись в Христову любовь, чтобы Он рождался в них, чтобы они становились сердцами Богочеловеческими, и чтобы Он эти наши сердца давал в снедь миру, чтобы Он приобщал весь мир этими отданными нами сердцами, и чтобы таким образом мы были с Ним едино, чтобы заново не мы жили, но жил в нас Христос, воплотившийся в нашу плоть, вознесший нашу плоть на Голгофский крест, воскресивший ее, отдавший ее как жертву любви за грехи мира, принявший ее от нас как жертву любви к себе. Тут действительно всячески и во всех Христос. Тут безмерность христианской любви, тут единственный путь охристовления, единственный путь, который нам открывает Евангелие» [Мать Мария 2002: 64].

только в связи с будущим, но и с прошлым. «... В Церкви все — настоящее: все прошлое выливается в настоящее, и все будущее в нем соединяется с прошлым», — пишет преп. Иустин (Попович) [Иустин 1999: 137].

Литургия как таинство таинств передает наиболее глубоко самую суть православно-христианского церковного мироощущения. В видении православия литургия в ее основном смысле есть таинство временно-вечное, совершаемое одновременно и во времени, и в вечности; и в горизонтальном, и вертикальном планах реальности. Для логического ума это представляет собой парадокс, так сформулированный прот. А. Геронимусом в своих неопубликованных заметках: «Инобытие Царства, уже присутствующее в Церкви, — это Конец... Царство свободы, Сущее от начала» (прот. А. Геронимус). Действительно, евхаристия «смотрит не только назад, на Тайную вечерю и крест, не только вперед, на окончательное воплощение Божьего замысла, но и ввысь — туда, где крест существует в вечности; где Царство — не чаемое будущее, а переживаемая радость» [Уайбру 2000: 28]. Каждый раз, когда христиане причащаются на литургии, они причащаются той же самой трапезы Господней, которую Христос разделил с апостолами на Тайной Вечере, осуществляя это событие «заново здесь и теперь» [Там же: 27]. И вместе с тем они вкушают тот же самый «Хлеб Нетления», уготованный верным в конце времен [Копейкин 2005: 44].

В самосознании православия литургия есть «вознесение Церкви туда, где она пребывает *in statu patriae*» — в своем небесном отечестве [Шмеман 2005: 135]. Она возводит людей на небо и сама есть это «небо на земле». В ней человек обретает Царствие Божие, полнота которого будет достигнута после Второго Пришествия Спасителя.

3.2. Мистико-аскетическое подвижничество. Более сокровенным образом единство времени и вечности проявляется в молитвенном умном делании, достигающем своей вершины в духовной практике исихазма (от греч. *ἡσυχία* — 'покой', 'безмолвие'), или священнобезмолвия, где целостный путь подвижника предстает как лестница в Царствие Небесное. Своего предела исихия достигает в созерцании, или умном видении, когда «все молитвенное прекращается, наступает же некое созерцание, и не молитвою молится ум» [Исаак Сирий 1993: 61]. Здесь подвижнику дано превзойти «видимое временное» и вступить в «невидимое вечное» [Софроний 1985: 251]. Замолитвенное созерцание это и есть «вхождение в эон Царства» [Геронимус 1995: 172]. Достичь состояния «чистого ума» (чистой молитвы), стоящего непрестанно пред лицом Абсолютного Бога, это и значит действительно ощутить на земле «пришедшее в силе Царство Небесное» [Софроний

3.3. Глобальная динамика тварного бытия. В святоотеческом представлении процесс глобальной динамики тварного бытия включает три плана: осуществление человеком своего изначального призвания в тварном мире, греховное отступление от Бога и восстановление всего творения на пути обожения в Церкви. В глобальной динамике бытия существуют две духовные ориентации, акцентирующие внимание человека как участника этой динамики на разных временных моментах этого пути.

Первая ориентация — собственно *эсхатологическая* — акцентирует внимание человека на конце времени и мира. Суть ее так лаконично выражается в следующих словах епископа Каллиста: «... рано ли, поздно наступит Конец в рамках нашего человеческого существования, он абсолютно неминуем, он духовно всегда у порога. В наших сердцах мы должны сохранять чувство безотлагательности» [Каллист 2005: 178].

Вторая ориентация — *зоническая* — акцентирует внимание человека на моменте перехода уже преображенного и обновленного творения в Божественную Вечность, в это «вечное Настоящее Божие» («вечное Сейчас»), духовно переживаемое уже здесь, на земле, как «Радость Христова», ожидающая человека в своей полноте за гранью времен. Основной настрой этой духовной ориентации так передает в своих беседах монахиня Гавриилия: «Радость Христова находится только в Настоящем. В Вечном Настоящем... Наша цель — начинать Вечность здесь... Вчера не существует. Завтра — Божие, каким было Вчера» [Гавриилия 2000: 209, 224, 106–107].

Эта вторая духовная ориентация лежит в основании исихастской и всей «русско-православной» духовности, где на первое место выдвигается не страх суда и наказания, но «торжество пасхального воскресения» [Хоружий 1998: 181]. Ведь, по основной установке православного мирочувствия, «пришествие Господа не должно быть только страхом, но и радостью» [Булгаков 1991: 165].

В своих опытах встречи с вечностью на земле человеческий дух достигает двух пределов: «Царствия Божия, пришедшего в силу» (Мк 9. 1), и погружения во «тьму внешнюю» (Мф 8. 12). В духовных опытах подвижников эти состояния могут сосуществовать. Об одном из своих опытов встречи с Вечностью так рассказывает в своей духовной автобиографии архимандрит Софроний (Сахаров): «... Бог, по Ему единому ведомому Промыслу о нас, благоволил посетить меня и допустить меня прикоснуться к Его Вечности. Его святая рука беспощадно бросала меня ничтожного в неописуемые бездны. “Там” в изумлении до великого ужаса я становился зрителем реальностей,

превосходивших мой разум... Сама жизнь показала мне, что вне живого опыта Бога или встречи с властями и мироправителями тьмы века сего, духами злобы поднебесными (ср. Еф 6. 12), одна интеллектуальная осведомленность не подводит к тому, что является смыслом нашей веры: знание Бога, сотворившего все сущее. “Знание” — как вхождение в самый Акт Его Вечности... » [Софроний 1985: 6].

Такое состояние встречи света и тьмы в сердце человека и в творении в целом по христианскому вероучению есть знамение последних времен, завершающих глобальную динамику тварного бытия здесь на земле. И уже сегодня, пишет П.Н. Евдокимов, — «всадники Апокалипсиса шествуют по земле. Всадник белый, победитель, Христос, окружен странными спутниками — всадниками, изображающими войну, голод, смерть... Апокалиптический Христос... приводит все мировое пространство к последнему кризису, суду, освящаемому парадоксальным светом... » [Евдокимов 2002: 435].

Рассматриваемая в самом широком понимании глобальная динамика тварного бытия включает в свой диапазон весь путь продвижения творения к своему Творцу. Часть этой грандиозной кинетической панорамы включает в себя также и грядущие события, процессы и состояния.

4. Будущее глазами православного мирозерцания

4.1. Основные вехи грядущего и их истолкование. Хотя будущее в его конкретном лике и закрыто для человека, в каждой культуре существуют свои образы его видения, создаваемые в соответствии с представлениями, лежащими в основе данной культуры. В отличие от математического (статистического) языка научных прогнозов, религиозно-мифологические образы будущего выражаются на языке мифологем, символов и образов, не поддающихся точной расшифровке.

По христианскому вероучению, основанному на Откровении, грядущий путь творения определяют следующие вехи: Последние времена, Конец мира и Воскресение, куда входят: Парусия, или Второе Пришествие Христа, «грядущего со славою»; Всеобщее воскресение во плоти и Суд; Апокатастасис в его церковном понимании как Восстановление (создание «нового неба и новой земли») и, наконец, «новая жизнь, “пакибытие” новой твари, свободной от греха и смерти и “собранной под главою Христом” (Еф 1. 10)» [Хоружий 1998: 179].

Грядущий Век в видении христианства открывает пред человеком два пути: восхождение в Царство Небесное (вечную жизнь) и нисхождение во ад (вечную смерть), понимаемые в современной бо-

гословской мысли чисто духовно — как свободно избираемая жизнь с Богом или же жизнь вне Бога, в состоянии «абсолютного противления» [Флоровский 1994: 464].

Всеобщее воскресение, по учению святых отцов Церкви, составит последний предел земного времени. Когда осуществится «все-ленская полнота сроков» и произойдет католическое «исполнение времен», когда «сбудется и совершится» все, «что может и что должно совершиться или осуществиться вновь» [Флоровский 1994: 439, 440], тогда седьмой Ангел изольет чашу и раздастся «громкий голос, говорящий: совершилось!» (Откр 16. 17). «Век нынешний» поглотится окончательной катастрофой, а «время Церкви» «дойдет до своего окончательного преображения» [СББ 1990: 202]. Тогда время «остановится», ибо отпадает и «самая форма времени» [Флоровский 1994: 440]. Время «упразднится», или, по В.Н. Лосскому, оно — тварное — «преобразится в вечной новизне эпиктаза» [Лосский 1991: 232]¹². Время, «перельется» или «изольется» в Вечность, «перейдет» в нее, и сама временность «погаснет».

Когда с окончанием истории окончится время, то хорошо знакомые нам по земной жизни день и ночь, утро и вечер, недели и месяцы, годы и столетия заменятся «единым вечным днем». Как пишет об этом св. Иоанн Дамаскин: «... время после воскресения не будет исчисляться днями и ночами. Напротив того, будет один *невечерний* день, так как Солнце правды будет светло сиять праведным; для грешников же будет глубокая и бесконечная ночь» [Иоанн Дамаскин 1992: 116]. По учению Церкви, этот будущий день — День Господень, или День празднования воскресения Христова, символически уже и ныне присутствует в жизни Церкви в ежегодных пасхальных богослужениях и воскресных богослужениях, именуемых «малой пасхой».

Для носителей греческого языка (а к таковым относились многие отцы Восточной Церкви), где исчисление дней недели начинается не с понедельника (как, в частности, в русском языке), а с воскресения, уже на лингвистическом уровне явно выступает один глубинный пласт символики Церкви. А именно — тайна совпадения в воскресном дне «начального» дня творения и «восьмого» дня его. Другими словами, момента («границы» или «мига») сотворения мира и момента его окончательного воссоздания, когда мы «символически входим в Царство» [Лосский 1991: 232]. В Священном Писании этот начальный день называется не «первым», но «днем одним» (Быт 1. 5), т.е.

¹² Термин св. Григория Нисского, означающий, по П.Н. Евдокимову, «стремление», «крайнее и полное напряжение».

«единым, не имеющим предшествующих дней, пребывающим вне длительности» и «замыкающимся сам на себе» [ПЭ 2005: 521]. Этот день символически вмещает все творение, являясь прообразом нескончаемого, невечернего, «восьмого» дня (ср.: Лев 23. 36), или вечности [ПЭ 2005: 521].

4.2. Будущее и современность: проблема языка и его модификации в культуре. Особую сложность при осмыслении образа будущего в православии составляет эсхатологический вопрос о судьбе творчества и культуры в глобальной динамике бытия. Не имея возможности остановиться на данном вопросе подробнее, приведем в заключение замечательное оптимистическое разрешение этой темы у русского богослова Зарубежья П.Н. Евдокимова, который утверждает: «Если каждый человек, образ Божий, является Его (Господа. — В. П.) живой иконой, то культура есть икона Царствия Небесного. В момент великого перехода Святой Дух Своими легкими перстами коснется этой иконы и что-то из нее пребудет навсегда. В вечной литургии будущего века человек всеми элементами культуры, прошедшими сквозь огонь последнего очищения, воспоет славу своего Господа» [Евдокимов 2002: 445].

Такое онтологическое возвышение феномена культуры в православном мирозерцании придает ей особо значимую роль в творческих процессах глобальной динамики тварного бытия, что помогает понять также и многие актуальные процессы в современной действительности. Одним из остро дискуссионных вопросов нашего времени является проблема универсального-уникального в современной культуре, в рамках которой разворачиваются многочисленные обсуждения, касающиеся отношения к иноязычным заимствованиям, захлестнувшим пространство современного русского языка и даже грозящим, по опасению многих исследователей, самому существованию языка.

Эта тенденция к возрастанию в отечественной культуре иноязычных заимствований лежит в русле общего движения современности к глобализму. С позиции религиозного православно-христианского самосознания, имеющего наднациональный характер, явления глобализма относятся к числу эсхатологических тенденций, которые могут быть адекватно оценены только с позиции центральной установки глобальной динамики тварного бытия на духовное преображение человека и всего космоса.

Важную составляющую в этой общей динамике бытия образует язык, понимаемый в православном самосознании не как некое внешнее орудие и средство обмена мыслями, но как форма прояв-

ления и формирования целостного духа человека. Человека — как существа «словесного» и «литургического» (*homo liturgus*), призванного к Богочеловеческому сотворчеству и возношению благодарения своему Творцу¹³. И такое видение языка имеет свои онтологические основания. «Дар языков в неповторимый, торжественный день Церкви, — пишет Г.П. Федотов, — не может быть понят как дарование внешнего органа... Этот дар есть благословение самих языков как ангелов, воспевающих хвалу Богу» [Федотов 1998: 120].

В свете такого понимания сути языка и человека в православном самосознании, ключом к оценке статуса языковых модификаций в современной культуре может служить осознание того, приводят ли они к утрате человеческим словом своей духовной сущности или же они являются лишь сигналами изменений в составе реалий в пространстве цивилизации.

ЛИТЕРАТУРА

- Аверинцев 1997 — *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997.
- Балтазар 2001 — *Балтазар Х.У., фон.* Целое во фрагменте: Некоторые аспекты теологии истории. М., 2001.
- Булгаков 1991 — *Булгаков С., прот.* Автобиографические заметки. Paris, 1991.
- Булгаков 1994 — *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.
- Василенко 2000 — *Василенко Л.И.* Краткий религиозно-философский словарь. М., 2000.
- Гавриилия 2000 — *Гавриилия, монахиня.* Подвиг любви: Геронтисса Гавриилия. 2.10.1987 — 28.3.1992. Свято-Покровская монашеская община, 2000.
- Геронимус 1995 — *Геронимус А., прот.* Богословие священнобезмолвия // Синергия: Проблемы аскетики и мистики православия. М., 1995.
- Геронимус 2003 — *Геронимус А., прот.* Православное богословие и пути фундаментальной науки // Христианство и наука: Сборник докладов конференции. М., 2003.

¹³ Как развивает такое понимание П.Н. Евдокимов: «В самой своей структуре человек видит себя существом литургическим, человеком Sanctus'a, тем, кто всей жизнью своей и всем своим существом преклоняется и поклоняется, тем, кто может сказать: «Буду петь Богу моему, доколе есмь» (Пс 104. 33)» [Евдокимов 2003: 181].

- Григорий Богослов 1994 — *Св. Григорий Богослов. Собрание творений. В 2 т. Свято-Троицкая Лавра*, 1994. Т. 1. 1994.
- Евдокимов 2002 — *Евдокимов П. Православие*. М., 2002.
- Евдокимов 2003 — *Евдокимов П. Этапы духовной жизни: От отцов-пустынников до наших дней*. М., 2003.
- Иоанн Дамаскин 1992 — *Св. Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры*. Ростов-на-Дону, 1992.
- Исаак Сирин 1993 — *Исаак Сирин, преп. Творения: Слова подвижнические*. М., 1993.
- Иустин 1999 — *Иустин (Попович), преп. На богочеловеческом пути*. СПб., 1999.
- Каллист 2004 — *Каллист (Уэр), еп. Внутреннее царство*. Киев, 2004.
- Каллист 2004 — *Каллист (Уэр), еп. Православный путь*. СПб., 2005.
- Кассирер 2002 — *Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 2*. М., 2002.
- Копейкин 2005 — *Копейкин К., прот. Время: путь в вечность // Христианство и наука: Сборник докладов конференции*. М., 2005.
- Лосев 1994 — *Лосев А.Ф. Миф. Число. Сущность*. М., 1994.
- Лосский 1991 — *Лосский В.Н. Очерк мистического богословия восточной церкви. Догматическое богословие*. М., 1991.
- Мать Мария 2002 — *Мать Мария (Скобцова). Типы религиозной жизни*. М., 2002.
- Мелетинский 1980 — *Мелетинский Е.М. Время мифическое // Мифы народов мира. Т. 1*. М., 1980.
- Ньютон 1989 — *Ньютон И. Математические начала натуралистической философии*. М., 1989.
- ПЭ — *Православная энциклопедия*. М., Т. 8. 2004, Т. 9. 2005.
- СББ 1990 — *Словарь библейского богословия*. Bruxelles, 1990.
- Софроний 1985 — *Софроний (Сахаров), архим. Видеть Бога как Он есть*. Essex, 1985.
- Софроний 2000 — *Софроний, архим. Подвиг богопознания: Письма с Афона (к Д. Бальфуру)*. М., 2002.
- Софроний 2007 — *Софроний, архим. Духовные беседы. Т. 2*. М., 2007.
- Старец Силуан 1996 — *Старец Силуан Афонский*. М., 1996.
- Федотов 1998 — *Федотов Г.П. Национальное и вселенское // Федотов Г.П. Собрание сочинений в 12 томах. Т. 2*. М., 1998.
- Флоровский 1994 — *Флоровский Г., прот. Догмат и история*. М., 1994.
- Флоровский 2002 — *Флоровский Г., прот. Вера и культура*. СПб., 2002.
- Хоружий 1998 — *Хоружий С.С. К феноменологии аскезы*. М., 1998.
- Шмеман 2005 — *Шмеман А., прот. Богослужение и предание*. М., 2005.
- Уайбру 2000 — *Уайбру Х. Православная литургия: Развитие евхаристического богослужения византийского обряда*. М., 2000.

ТЕНДЕНЦИЯ К ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

«За свою историю человечество пережило множество разнообразных революций — социальных, производственных, технических, культурных и т.п., но только две из них были «интеллектуальными». Это возникновение письменности и изобретение компьютера. Письменность дала человеку практически безграничную память, компьютер — теоретически безграничные возможности автоматической обработки содержащейся в памяти информации». Эту мысль я впервые высказала в лекции по машинному переводу в Берлине, в ун-те им. Гумбольдта в 1989 г., а опубликовала только в 2005 г. в книге «Язык и естественный интеллект». И время не только ее подтвердило, но и многократно усилило. И действительно, компьютеры кардинальным образом преобразуют почти все виды профессиональной деятельности и оказывают на них прямое и непосредственное «интеллектуальное», и не только, воздействие. Достаточно упомянуть возникновение, например, корпусной лингвистики. Однако выясняется, что помимо своего прямого «профессионального» воздействия компьютеры оказывают еще и не прямое, опосредованное, но не менее «интеллектуальное» воздействие уже на всю современную культуру. И оказывают его через интернет — глобальную компьютерную сеть.

Интернет и интеллектуализация современной культуры. Самым масштабным по своим результатам и последствиям проектом внедрения компьютерной техники в информационные технологии стал интернет, а развитие самого интернета переросло в интернет-коммуникацию.

Самым важным свойством интернет-коммуникации является ее беспрецедентная интерактивность. Она обеспечивается специальными механизмами обратной связи, которые постоянно совершенствуются и позволяют интернету проникать во все без исключения сфе-

ры коммуникации. В результате не только интернет-коммуникация, но и все сферы социальной коммуникации в обществе приобретают совершенно новые для них свойства. Происходит нейтрализация социальных (статусных, образовательных), технологических, этнокультурных и прочих коммуникативных барьеров, возрастает демократичность и паритетность общения, его интенсивность и результативность. Но самое неожиданное это то, что происходит нейтрализация асимметрии/оппозиции не только между устной и письменной речью: их гибридизация и интеграция, но и стирание грани между говорящим и слушающим, автором и читателем. Они все более превращаются в роли одних и тех же пользователей, тем более что жанры интерактивного общения пополняются принципиально новыми технологиями прямого, хотя и виртуального коммуникативного взаимодействия: чаты, форумы, блоги, гостевые книги, литературные салоны и клубы, виртуальное совместное создание или компилирование информационных, энциклопедических и даже литературных ресурсов (создание литературных произведений), в целом — разного рода «контента» (Википедия, Сетература и др.).

При этом постоянное повышение эффективности обратной связи активизирует творческие способности пользователей сети: все больше непрофессиональных пользователей чувствуют в себе силы и потребность самим создавать информационные ресурсы/контенты: сообщения, комментарии, дискуссии, критические заметки, справочные и развлекательные материалы, литературные произведения, в том числе и поэтические, юмористические, сатирические и пр. На которые, что принципиально важно, можно получить в сети почти моментальный отклик. Все это уже привело к беспрецедентному в истории культуры расцвету творческого авторского и даже редакторского начала в жизни миллионов людей, так что журналистика, писательство, обработка и редактирование текста, создание информационных и развлекательных ресурсов стали хобби для миллионов. В результате многие тысячи людей из потребителей информации превращаются в ее создателей.

Так, работа над «Википедией» (компьютерной энциклопедией по всем отраслям знаний, которую в свободное от основной работы время самостоятельно создают и редактируют в сети энтузиасты-непрофессионалы и которая в несколько раз превосходит по объему самые большие многотомные «бумажные» энциклопедии), как и распространение блогов, представляет собой масштабные социально-коммуникативные движения, суть которых состоит в изменении коммуникативного статуса многих тысяч людей: от потребителей информации они переходят к жизни создателей информации (авто-

ров). Что касается распространения художественной литературы и поэзии в сети Рунет, то в 2006 г. появилось новое, отражающее его масштабность явление — «массовый сетевой писатель»: общее количество зарегистрированных авторов в РФ на тот момент составило примерно 1 млн. человек, т.е. каждый 20-й из 20 млн. пользователей. Следует, конечно, оговориться, что качество интернет-творений далеко не всегда высокое, но это тема уже для другого обсуждения. Тем не менее, «очевиден общий вызванный интернетом тренд — небывалая творческая активность» [Мечковская 2009: 217].

Кроме того, другое принципиально новое свойство сети, ее гипертекстуальность, позволяет интернет-коммуникации идти дальше. Различия между автором и читателем не только нейтрализуются, не только обе роли становятся одинаково доступны для все большего числа людей; изменяется содержание роли: в интернете максимум активности перемещается от создателя информации к ее потребителю. Причина тому — новые навигационные механизмы движения по гипертексту — перекрестные отсылки. При этом переход от одного фрагмента текста к другому — это не отвлечение от основного текста, как обычно, а выбор одного из множества маршрутов чтения гипертекста и тем самым создание своего варианта линейного текста. Собирающий таким образом новый тип информационного ресурса — «коллекцию ссылок» — пользователь становится его автором и одновременно ключевой фигурой в интернет-коммуникации — экспертом, значимость которого превосходит значимость автора.

Таким образом, своеобразный паритет в интернет-коммуникации определяется тем, что возрастают объемы коммуникации, идущей в разных, в том числе и встречных направлениях; у любого желающего появляется возможность создавать разнообразный «контент» (книги, газеты, журналы, дневники, музыку, фильмы, художественные произведения) и тем самым отвечать авторам предшествующего контента «на равных», так что понятия «производитель контента» и «потребитель контента» становятся не различительными признаками людей с разными социальными и интеллектуальными статусами, а просто ситуативными ролями пользователей интернета (подробнее см. [Мечковская 2009: 207–221]).

Интеллектуализация современного языка. Что касается самого языка общения в современной культуре, то в настоящее время в нем происходят не только вызывающие тревогу у деятелей культуры процессы его упрощения, жаргонизации и вульгаризации, но еще и пока слабо осознаваемые тенденции к их усложнению и интеллектуализации [Шкапенко 2003 и др.]. Они проявляются, в первую оче-

редь, в таких ярких явлениях, как **терминологизация** речи (расширение сферы использования научной и технической терминологии: компьютерной, экономической, медицинской и др., ср.: «На случай углубления кризиса в Подмоскowie создали 100-миллиардную *«подушку безопасности»* (из газет)); введение новых **аббревиатур** (ср. *Пи-ар, БАД, СМС, МРОТ* и т.п.); **«интернационализация»** и **«латинизация»** коммуникации — использование иноязычной лексики и даже лексико-грамматических моделей и их русификация (ср. *тиар-кампания, интернет-коммуникация*); **«версификация»** общения (появление новых стилей и жанров общения: реклама, электронная почта, sms-сообщения, коммерческие объявления и др.); **«интертекстуализация»** коммуникации (аллюзивность, прецедентность и т.п.; ср. заголовок *«Театр давосского актера»* (о выступлении В.В. Путина в Давосе в 2009 г.)); и особенно — в активной эксплуатации языковой **игры** (ср. заголовок *«Экономика должна бить экономно»* (о кризисе)). Это, в частности, и нестандартное применение знаков препинания, цифр, шрифтов и др. графем, изобретение новых, нестандартных, аномальных, «смысловых» приемов их использования (ср. название концерта, посвященного жертвам Беслана *«SOSmpрадание»*, название фильма *«СМАТЫВАЙ УДОЧКИ»*), **словотворчество**, сознательное нарушение правил **графического** оформления высказывания (приводящее к увеличению информативности сообщения, ср. *«КОриФЕЙ»* (название кофе)); изобретение нестандартных / «альтернативных» структур и мн. др. [Шапошников 2001; Костомаров 2004; Санников 2005; Рябцева 2005; Виноградова 2007].

Все соответствующие «инновационные» явления усложняют восприятие информации, делают его многоступенчатым и опосредованным, требуют специальных интеллектуальных усилий и дополнительных знаний и т.п., т.е. в целом делают коммуникацию более содержательной, насыщенной и интеллектуальной, а также психологически более непринужденной, неформальной и многослойной. И здесь особо выделяются два обстоятельства. Во-первых, все соответствующие явления возникли не случайно: исходно, наиболее ярко, разнообразно и интенсивно они представлены в «компьютерном жаргоне» [Виноградова 2007], который с момента своего появления порождает множество новых лингвистических моделей, форм и средств преобразования коммуникации, в том числе и повышающих ее интеллектуальный уровень. Компьютерный жаргон стал главным источником и «стимулятором» интеллектуализации общения, а также генератором новых, специфических для современной коммуникации и наиболее частотных «концептуально-сущностных доминант» [Трофимова 2004].

Во-вторых, среди инновационных явлений, способствующих интеллектуализации культуры, особенно неожиданным и показательным выступает такой периферийный, факультативный, узкоспециальный, профессиональный и, казалось бы, традиционный и доселе незаметно эволюционировавший жанр, как жанр примечания и комментария к тексту. В настоящее время он переживает поистине революционное перерождение в двух, на первый взгляд, совершенно чуждых друг другу областях — в современной поэзии, особенно в поэзии эпохи постмодерна, и в современных компьютерных технологиях. В поэзии он начинает интегрировать все указанные выше явления интеллектуализации общения и становится самым эффективным поэтическим приемом, игровой техникой и одновременно новым интеллектуальным и стилистическим средством переосмысления поэтического произведения (ср. [Кузьмина 2008]). В интернете он приобретает принципиально новые свойства и функции: преобразуется в центральный аппарат гипертекстовых перекрестных отсылок, превращающих, по сути, любой мультимедийный текст в метатекстовые примечания, а примечания — в основной текст, тем самым беспрецедентно приумножая их интеллектуальный потенциал. Эти обстоятельства делают саму проблему изучения примечаний и комментариев к тексту, как традиционных, так и «эпохи компьютерной революции», беспрецедентно актуальной и интересной.

Традиционное и новое в жанре примечаний и комментариев к тексту. Традиционные комментарии и примечания к тексту сами по себе образуют особенный, необычный, чрезвычайно интересный, увлекательный и в то же время необыкновенно содержательный, поучительный и почти не исследованный жанр. Он характерен для профессиональной деятельности и проявляет ее особую интеллектуальность. Нередко в комментариях и примечаниях к тексту содержится больше информации, чем в самом тексте: традиционные примечания и комментарии стремятся к эмпиричности, фактуальности, энциклопедичности, аргументативности, краткости, четкости, точности и т.д., и даже к стилистической авторизованности: они могут составить важный компонент индивидуального стиля автора. Традиционные комментарии и примечания как некоторая «добавочная», вторичная метатекстовая информация к тексту «сопутствуют» тексту и помещаются вне его, в сносках. Они бывают разных типов, видов, форм и объема, по-разному соотносятся с самим текстом и «принципиально гетероглоссичны» ему [Брагинская 2006: 139], различаются по авторству, обозначению, названию; носят «опережающий характер», препятствуют «кривотолкованию» текста и т.д., т.е. в

целом представляют собой достаточно автономное, многообразное, эволюционирующее, семантически, прагматически и интеллектуально маркированное и, что главное, периферийное явление [Рябцева 2009].

Культурная нагрузка традиционных комментариев и примечаний состоит в том, что они используются для сообщения широкого спектра прагматической информации, от формальной: юридической, этической и т.п., до содержательной/научной: страноведческой, лингвистической, исторической, литературоведческой, филологической, текстологической, библиографической, биографической, археографической и т.д. Они образуют особый «сквозной» жанр, присущий почти всем без исключения, правда в разной степени, стилям языка и речи: в некоторых видах текста/стилях они факультативны, а в некоторых — обязательны. Стилль и характер примечаний изменяются исторически, связаны с эволюцией издательского дела, с филологическими традициями оформления текста в различных жанрах и культурах и т.д. [Рябцева 2010] (ср.: «Язык XVI века был по отношению к себе в положении непрерывного толкования» [Фуко 1977: 132]).

В целом традиционные примечания и комментарии к тексту являются показателем предполагаемой (автором примечаний) недостаточности фоновых знаний потенциального адресата для адекватного понимания им текста и представляют собой культурный метатекст к данному тексту. Комментарии и примечания служат для экспликации имплицированных автором текста смыслов, а также могут служить средством экспликации метасмыслов, которые автор примечаний сознательно или подсознательно имплицировал в текст своих примечаний к чужому тексту [Рябцева 2010]. Посредством комментария формируется культура «медленного чтения», наиболее интеллектуально продуктивного, поэтому проблема поэтики/эстетики традиционных примечаний и комментариев к тексту выходит за рамки рассмотрения его лишь как историко-культурного феномена и вписывает его в широкий контекст инновационных механизмов культуры [Брагинская 2006: 143], порождающих новые интеллектуальные формы и жанры искусства и науки. Соответственно, жанр традиционных комментариев и примечаний представляет собой, особенно в культурологическом и металингвистическом отношении [Рябцева 2006], весьма информативное явление, которое может сказать много нового не только о том произведении, к которому примечания относятся, об их авторе и о характере фоновых знаний, которыми владели автор произведения и его современники, но и об эволюции самой филологии, которая «выросла из комментария, и который обеспечивает непрерывность традиции: трансляцию и ретрансляцию культуры»

[Пильщиков 2006: 267], и тем самым представляет собой один из «наиболее эффективных инструментов культуры» [Проскуряков 2006: 340] и ее интеллектуализации. Тем более что актуальность подобных исследований многократно увеличивается благодаря тому, что в современную эпоху интернета примечания и комментарии к тексту приобретают принципиально новые функции, преобразующие их из второстепенного и вспомогательного метатекстового средства в мощное и, главное, «интеллектуальное орудие» построения, существования и развития гипертекстовых отношений. Это обстоятельство совершенно неожиданным образом отразилось на современной поэзии. Так, беспрецедентное и поистине революционное «преображение» примечаний и комментариев в почти совершенно чуждом для них жанре — в лирической поэзии, как никакое другое, проявляет ее тенденцию к интеллектуализации и по целому ряду сопутствующих явлений сближает ее с миром интернета, точнее, органично вписывает ее туда.

Интеллектуальная «игра с примечаниями» в поэзии эпохи постмодерна и интернета. В современной русской поэзии возникло принципиально новое и по целому ряду причин парадоксальное явление — авторские примечания и комментарии к лирическому стихотворению, причем нередко имеющие стихотворную или ритмизованную форму (А. Парщиков, М. Степанова, Л. Лосев, Е. Шварц, А. Шарымов, В. Эрль, А. Еременко и др.), а также зарождается специальный поэтический жанр — стихи, в названии которых фигурируют данные понятия, ср. «Стихи с примечаниями» и «Комментарии к тексту “про мерчендайзера”» (Дарья Суховей). При этом сама жанровая форма авторских примечаний и комментариев и ее предназначение кардинально переосмысляются, наделяются на первый взгляд несовместимым с их традиционной функцией смыслом и становятся, наряду и вместе с языковой игрой, одним из приоритетных средств и признаков интеллектуализации современной поэзии и авторского идиостиля [Кузьмина 2008: 109–118].

Так, предельно креативное использование авторских примечаний и комментариев в поэзии эпохи постмодерна проявляется в их необычном расположении, оформлении и выделении (в частности, как в научной литературе): не только подстрочное или затекстовое расположение, но и внутритекстовое (Вс. Некрасов. «С. Шаблави-ну»), оформление не только под цифрой или астериском, но и в виде цифры в квадратных скобках (ср. название со сноской стих. В. Коркия «“Бабочке” Алексея Дидурова [2]») или просто в скобках (как фраза <Нет, это не цитата, и не пересказ> у Яна Сатуновского); выде-

ление только кеглем или без всякого выделения (Дм. Воденников, А. Скидан и др.) и т.п. Но главное, что все их отличает, — их характер и содержание.

Показательно, что подавляющее большинство авторских примечаний в современной поэзии носит ярко выраженный игровой характер, ср. аллюзивную звуковую переключку с *Mein Herz*, имеющим к тому же функцию обращения, и строку с примечанием-транслитерацией из Вилли Мельникова: «Не понимай, *mon Scherz*, буквально — “(мон-шерц) (фр.-нем.) — моя шутка”». Так, игровой характер примечаний в современной поэзии проявляется, в первую очередь, в нарушении всяческих традиционных стереотипов, постулатов и жанровых канонов. Если традиционные примечания лаконичны и носят подчинительный (справочный, разъяснительный, уточняющий) характер, то игровые по объему и количеству вполне соотносимы с текстом (А. Парщиков, В. Коркия, Л. Березовчук, Ш. Абдуллаев и др.), часто развернуты и самодостаточны (Г. Сапгир, А. Парщиков и др.) или, напротив, содержат отказ от комментария (ср. у Д. Сухой: «7. *Оставляю это без комментариев...*») и даже заведомо избыточную информацию (М. Степанова и др.; см. *Приложение*).

Если традиционные примечания фактуальны, дополнительные, факультативны, вторичны и автономны, то современные авторские примечания в поэзии становятся обязательным и особо значимым элементом произведения, кардинально изменяющим смысловые отношения между стихом и примечаниями. Современные примечания полемизируют со стихом, сдвигают его смысл или рожают новый пучок нередко герменевтических по своему характеру смыслов, меняют модальность сообщения, чаще всего на ироническую, вводят новую информацию, требующую комментария (но не дающие ее), складываются в самостоятельный связный текст и т.д. (Вл. Эрль, Е. Шварц, С. Завьялов, В. Кальпиди, Л. Лосев, В. Коркия, Т. Кибилов и др.). И в целом на равных ведут диалог со стихотворением, драматизируя изложение и его восприятие (ср. ироничное: «*Автор, увы, опять не смог устоять от демонстрации своих познаний в мифологии. — Прим. автора*»). И к тому же, как апофеоз, могут заменить сам текст стиха (ср.: Л. Лосев. «...У сонной вечности в руках» — название, под которым стоит лишь отсылка к «Итальянским стихам» Блока).

Все соответствующие инновации — «игры с примечаниями» — предполагают «выход из текста» и потому задают двойной способ его членения и прочтения — «горизонтальный» и «вертикальный», т.е. умножают количество его «слоев-уровней» и потому степеней

свободы прочтения текста, углубляют его смысловую перспективу и тем самым усложняют его и затрудняют его восприятие, а также актуализируют его форму, «раз-автоматизируют» его понимание и предполагают «своего читателя» — с определенным культурным тезаурусом, включающим знание терминологии, иностранных языков, мифологии, истории, литературы и мн. др. Они заставляют читателя сосредоточить внимание на самом приеме комментирования (и особенно того, что нередко в комментарии не нуждается), осмыслить и переосмыслить его и т.д. Все это в целом повышает интеллектуальный потенциал не только самой современной поэзии, но и ее «пользователей», которым предлагается новая «интеллектуальная игра» на расшифровку всех возможных поэтических и интеллектуальных смыслов, закодированных в произведении (подробнее см.: [Кузьмина 2008]).

Интеллектуальная «игра с примечаниями» в современной поэзии явление не случайное по меньшей мере в двух отношениях. С одной стороны, современные авторы это нередко высокоинтеллектуальные и высококвалифицированные профессионалы: философы, филологи, переводчики, музыканты, художники и т.п., для которых научный/специальный язык терминов, заимствований, научных понятий и изложения, обязательным компонентом которого выступают примечания, а также языковая и интеллектуальная игра являются естественными средствами мышления и общения, и которые они творчески и органично «внедряют» в свой поэтический язык в качестве художественного средства. С другой стороны, свой не менее явный вклад внесла в этот процесс не менее органичная интеграция современной поэзии и интернета, с которым ее авторы знакомы не понаслышке. Так, самым замечательным и показательным новшеством, связанным с примечаниями в современной поэзии, являются содержащиеся в ней в большом количестве отсылки к другим стихотворным и даже не стихотворным произведениям/текстам, своим или чужим (Л. Лосев, Я. Сатуновский, Дм. Воденников, Д. Суховой и др.) — своеобразный интертекстуальный знак, формирующий новые динамические текстовые общности, гиперссылка, по современной компьютерной терминологии.

«Интернетизация» науки и культуры. Возникновение и распространение интернета внесло во все области современной жизни беспрецедентные изменения [Рябцева 2005: 41–56]. Одним из наиболее эффективных из них выступает возможность быстрого экстенсивного и интенсивного (горизонтального и вертикального) поиска информации. Он обеспечивается специальными текстовыми

«сносками-примечаниями» — гиперссылками, с помощью которых можно перейти на смежную веб-страницу и получить дополнительную информацию, включая энциклопедическую и мультимедийную. В результате формируется новый тип текста — гипертекст и новый тип коммуникации — мультимедиа, в которой пользователь выступает как соавтор и со-творец: он сам определяет границы, формы и глубину («прочтения») текста [Иванов 2001; Stein 2006; Dannet 2007 и мн. др.].

В данном контексте революционная трансформация жанра примечаний и комментариев, которые стали интегральной частью текста современного поэтического произведения и превратились в интернете в гиперссылки / маркеры навигации по интернету — главный аппарат рекурсивного соединения всей текстовой информации в сети, позволяет говорить о них как об интеллектуально насыщенном и культурно значимом метатексте. В них воплощается главный принцип ступенчатого развертывания линейного текста в многомерный гипертекст, находящийся в зоне непосредственного доступа пользователя и предоставляющего ему теоретически бесконечные возможности нелинейного восприятия информации.

Убедительным подтверждением того, что именно интернет выступает важным стимулом переосмысления использования примечаний в современной поэзии, является письменная форма его существования и зрительная форма его восприятия, без которых использование примечаний невозможно. Так что современные стихи с примечаниями, требующие письменной формы фиксации и зрительной формы восприятия, естественным образом размещаются в интернете и содержат, что чрезвычайно симптоматично, множество интертекстуальных внутренних и внешних гиперссылок, в том числе на сайты других поэтов. Жанр примечаний не только отражает тенденцию к визуализации в современной поэзии: современные поэтические примечания, как и гиперссылки в интернете, не могут существовать вне графической их репрезентации и теперь уже нередко — и вне компьютерной формы. Он еще становится и важнейшей лингвистической техникой навигации по всему кибер-пространству. Все это кардинально меняет традиционные представления о тексте, произведении, информации, печатном слове, а также о примечании и комментарии, которые сливаются в единый и непрерывный духовный контекст и метатекст культуры.

Итак, интеллектуальная революция, вызванная изобретением кибернетического средства, способного обрабатывать информацию — компьютера, и инкорпорирование в него программного продукта, способного ее безгранично распространять — интернета, не-

избежно влекут интеллектуализацию общества, его языка, общения и культуры. Она многообразно проявляется во всех областях жизни, вплоть до лирической поэзии, но особенно — в компьютерной коммуникации, которая, в частности, преобразует периферийные интеллектуальные явления в центральные. Так, примечания и комментарии к тексту превращаются из второстепенного, факультативного, узкопрофессионального и амбивалентного средства вынужденного выхода из основного текста в дополняющий его метатекст и тем самым прерывающего восприятие текстовой информации, в главный, ведущий, инновационный, самый эффективный, обязательный и универсальный аппарат гиперссылок, который почти безгранично расширяет текст, соединяя его по горизонтали и вертикали со всеми другими типами и видами средств представления информации, включая мультимедийные, и тем самым вписывает его в единый/глобальный многомерный гипертекст, беспрецедентно приумножая его интеллектуальный и культурный потенциал.

Заключение. Одной из наиболее ярких тенденций в современном развитии языка, общения и культуры в целом выступает тенденция к их интеллектуализации. И первыми, кто обратил на нее внимание, были лингвисты. Отработав материал языка тоталитарного общества и расписав «пагубные» последствия демократизации («примитивизации») посттоталитарного языка, они начинают все чаще отмечать явление усложнения современной коммуникации. Оно проявляется многообразно и многоаспектно, требует своего осмысления и «проспективизации», своеобразной подготовки к будущему и, главное, корректировки современного общества: его «настройки» на новые, формирующиеся со стороны культуры требования, особенно к подрастающему поколению.

Понятие тенденции перспективно и эвристично. Оно рациональным образом указывает на усиление и распространение тех новых и пока слабо осознаваемых явлений, которые диахронически набирают силу и все более явственно проявляются в настоящее время. Позволяя делать прогноз на будущее, понятие тенденции дает возможность сознательно фокусировать внимание на показательных факторах развития общества и культуры и тем самым «подготовиться» к грядущим изменениям, которые очень скоро могут превратиться в «требования» — «веления времени». Помимо того, что учет формирующихся в современном обществе тенденций чрезвычайно важен в практическом/прикладном/«прогностическом» отношении, он имеет особую теоретическую значимость: позволяет взглянуть на новые разрозненные явления комплексно, связать их друг с другом и бо-

лее убедительно и основательно их объяснить и тем самым понять. Так, оказывается, что все достаточно автономные явления, способствующие интеллектуализации современной культуры, прямо или косвенно связаны с интеллектуальной революцией, произошедшей в результате изобретения компьютера. Она не только породила свой собственный компьютерный «жаргон», но и сделала его главным источником и «стимулятором» интеллектуализации общения и всей современной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Брагинская 2006 — *Брагинская Н.В.* Комментарий как механизм инновации // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М., 2006.
- Виноградова 2007 — *Виноградова Н.В.* Русский компьютерный жаргон и речевые предпочтения говорящих по-русски // Когнитивное моделирование в лингвистике. Труды IX международной конференции. Sofia, 2007.
- Иванов 2001 — *Иванов Л.Ю.* Воздействие новых информационных технологий на русский язык: системно-языковая и культурно-речевая проблематика // Словарь и культура русской речи. К столетию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.
- Костомаров 2004 — *Костомаров В.Г.* Русский язык в современном диалоге культур // Русский язык за рубежом. 2004. № 4.
- Кузьмина 2008 — *Кузьмина Н.А.* Ниспровержение канона или возвращение к традиции? (Авторское примечание в современной поэзии) // Стереотипность и творчество в тексте. Пермь, 2008.
- Мечковская 2009 — *Мечковская Н.Б.* Как изменились антиномии «говорящий — слушающий» и «автор — читатель» в век интернета? // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. Сб. в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009.
- Пильщиков 2006 — *Пильщиков И.А.* Тибулловы элегии в переводе Батюшкова: Материалы для академического комментария // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М., 2006.
- Проскуряков 2006 — *Проскуряков Ю.Г.* Комментарий на полях беседы о комментарии // Текст и комментарий. Круглый стол к 75-летию Вяч.Вс. Иванова. М., 2006.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- Рябцева 2006 — *Рябцева Н.К.* Металингвистика: Новое направление в языкознании // Актуальные задачи лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации. Ульяновск, 2006.

- Рябцева 2009 — *Рябцева Н.К.* Фоновые знания и язык: Примечания к тексту как культурный метатекст // Горизонты современной лингвистики. Сборник научных трудов в честь Е.С. Кубряковой. М., 2009.
- Рябцева 2010 — *Рябцева Н.К.* Интеллектуализация языка и общения: примечания и комментарии к тексту как культурный метатекст // В пространстве языка и культуры: Звук. Знак. Смысл. Сборник статей в честь 70-летия В.А. Виноградова. М., 2010.
- Санников 2005 — *Санников В.З.* Об истории и современном состоянии русской языковой игры // ВЯ. 2005. № 4.
- Трофимова 2004 — *Трофимова Г.Н.* Языковой вкус интернет-эпохи в России. Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М., 2004.
- Шапошников 2001 — *Шапошников В.Н.* О стилевой конфигурации русского языка на рубеже XXI века // Словарь и культура русской речи. К столетию со дня рождения С.И. Ожегова. М., 2001.
- Фуко 1977 — *Фуко М.* Слова и вещи. М., 1977.
- Шкапенко 2003 — *Шкапенко Т., Хюбнер Ф.* Русский «тусовочный» как иностранный. Калининград, 2003.
- Dannet 2007 — *Dannet B., Herring S.* (eds.) The Multilingual Internet: Language, Culture, and Communication Online. New York; Oxford University Press, 2007.
- Stein 2006 — *Stein D.* The website as a domain-specific genre // *Language@internet*. Available on <http://languageatinternet.de/articles/LangInternetSpecialVolume1/374>. 2006.

Приложение

Фрагменты стихотворений с примечаниями: примеры

1. Генрих Сапгир. «Путевые впечатления»:

А из Елабуги привез я сувенир

*Гвоздь кованый и синий на котором Цветаева повесилась...**

* Вот как это было. После долгих поисков и блужданий по всей Елабуге наш полувоенный «козлик» подкатил к старому бревенчатому дому. Здесь в те давние дни эвакуации жила из милости у доброй хозяйки, думала свои невеселые думы и в отчаянии покончила с собой неистовая Марина. Прежней хозяйки давно уже не было. Здесь жила новая семья, которая как раз затеяла ремонт своего подгнившего жилища. Сенцы были разобраны, и толстые балки лежали в стороне в саду. Сам не знаю зачем, я вытащил длинный откованный вручную гвоздь из одного бревна (он сидел некрепко) и взял себе. Известно, что Цветаева повесилась в сенах.

2. Л. Лосев. «Русская ночь»:
дымным дыханьем моя страна
*место пустое за соломянем**.

* *Соломя* — овраг (см. мою работу «Между шеломянем и Соломоном: к вопросу о связи между *Задоницой* и *Словом о полку Игореве*», *Russian Language Journal*, № 115 [1979], p. 51–53)

3. Г. Сапгир. «Нечто — Ничто. Метафизический сонет»:
В лжебесконечность уходят шары шары шары шары шары
*шары шары шары и т.д.**

* *Строка уходит в бесконечность, ложно понимаемую.*

4. М. Степанова. «Чемпионат Европы по футболу»:
Горяча/ Ума Турман
*В желтом и физкультурном**

На подхвате у собственного меча

* *Kill Dill Vol. 1, Kill Bill Vol. 2. © A Band Apart Records. Inc./*
Maverick, Miramax Film Corp., 2003.

5. С. Завьялов. <EX PONTO (?)>:
чтобы [что-то там любить] в начале мая*

* *читай кого-то там*

6. Дарья Суховей. «Зимняя сказка»:
махали долго. Дымом из трубы⁽⁸⁾

⁽⁸⁾ *можно убрать точку*

РЕЧЕВЫЕ МОДЕЛИ БУДУЩЕГО В ЖАНРАХ ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ДИСКУРСА

Представлять, планировать, прогнозировать, а также ожидать, желать, стремиться являются неотъемлемой частью, смыслом человеческого бытия. Будущее выступает и как цель настоящего, и как его необходимое содержание. Планирование будущего организует, координирует деятельность людей, находящуюся в рациональном измерении, а также отражает модальные смыслы, представляющие эмоциональное содержание.

Научное постижение феномена времени вообще и будущего в частности имеет достаточно длительную и многоплановую историю.

Модели времени в истории цивилизации были различными. Среди древних интерпретаций известны две: линейное восприятие времени, текущего от прошедшего к будущему, и циклическое круговое восприятие. Так, древнеегипетское и традиционное китайское описание — это циклическая последовательность эпох; символ времени древней Индии — колесо, бесконечная цепь из «настоящего — будущего — прошедшего». Соответственно, будущее представляется либо как неизвестная пока фаза бытия, либо как циклическое образование, предопределяющее дальнейшие события.

Современная философская интерпретация будущего исходит из категории реальной возможности, представляющей собой потенции реального дальнейшего развития, выражающей тенденции объективных закономерностей. Я.Ф. Аскин отмечает, что будущее — это объективная тенденция становления предмета, выражающаяся в наличии условий для его возникновения [Аскин 1966: 87].

Многоплановыми представляются психологические теории будущего, соотносимые со становлением, потребностями, смыслом жизни личности. Ю.К. Стрелков, рассматривая понятие времени в современной психологии, замечает, что время — это поток, но в той его области, где поток проходит сквозь субъекта, жизнь входит в определение

времени [Стрелков 2005]. Доминирующим фактором психологи называют антиципацию, на которой основываются желания, мечты, надежды, планы и замыслы человека. В большинстве случаев психологические исследования апеллируют к проблеме становления личности и роли прогнозирования будущего в этом процессе, основывающихся на опыте, фактах настоящего [Барabanова, Зеленова 2002].

Лингвистическое изучение теории будущего осуществляется в нескольких направлениях. В рамках одного из них ученые обращаются к особенностям отражения в грамматическом строе языка представлений о будущем времени. По мнению Т.А. Логунова, основная онтологическая особенность будущего отражена в грамматическом строе языка. Обозначение будущих действий отличается по содержанию от обозначения настоящих и прошедших тем, что будущему по самой его природе (как области еще не реализовавшегося) присуща своя особая обязательная модальность [Смирницкий 1959], которую можно назвать модальностью потенциального (или нереализованного) действия (Е.И. Шендельс) [Логунов 2007].

Концепция Э. Косериу основана на разграничении «внутреннего» и «внешнего» времени в философских работах М. Хайдеггера [Fleischmann 1982]. В отличие от *внешнего* («статического») времени, *во внутреннем* («динамическом», «времени переживания») три классических разделения времени накладываются друг на друга, события непрерывно меняют свое положение относительно ориентиров. Описание такого времени в языке предполагает участие говорящего в том, что описывается (время «дискурсивное»), это время — в противоположность внешнему — субъективно. Модальные значения будущих форм связаны с концептуализацией области будущего, как некоего «экрана», на который человек проецирует разнообразные модализованные понятия: волеизъявление, долженствование, возможность, неуверенность, коренящиеся тем не менее в *настоящем* [Логунов 2007].

Анализ представления будущего в коммуникативных процессах достаточно разнообразен. В свете теории речевой коммуникации (Grice 1975) выделяются определенные механизмы отнесения действия к будущему в высказываниях. Употребляя грамматическую форму будущего времени, говорящий указывает, что это событие не стало объектом фактического *объективного знания*, но является продуктом *субъективной оценки*, сделанной на основании его положения в момент t_0 (Heagemann 1982; Close 1970) [Логунов 2007].

Теоретические исследования в области лингвистической генологии активно обращаются к временной перспективе. Так, анализ речевого жанра, предложенный Т.В. Шмелевой, включает факторы коммуникативного будущего и прошлого [Шмелева 1997]. Описание

жанров А. Вежицкой обязательно включает перспективу, перлокутивный эффект, который предполагает концепция автора: «ПРОСЬБА: говорю это, потому что хочу, чтобы ты это сделал; БЛАГОДАРНОСТЬ: говорю это, потому что хочу, чтобы тебе было приятно; ЛЕКЦИЯ: говорю это, потому что хочу, чтобы вы знали нечто об X; КОМПЛИМЕНТ: говорю это, так как хочу, чтобы тебе было приятно; СООБЩЕНИЕ: говорю это, потому что хочу, чтобы ты это знал, и т.д.» [Вежицкая 1997].

Таким образом, можно предположить, что концепция автора обязательно включает в себя перспективу, фактор коммуникативного будущего, что определенным образом коррелирует и жанр общения, и перлокутивный эффект по отношению к собеседнику.

Личностно-ориентированный дискурс, согласно концепции В.И. Карасика, коррелирует с глубинными отношениями между собеседниками [Карасик 2004]. В процессе общения актуализируется не столько информативная сторона сообщения, сколько ее значимость для межличностных отношений. Представление картин будущего воспроизводит доминантные модальные смыслы говорящего.

Анализ футуральных моделей осуществляется нами на материале текстов современной драматургии (пьес З. Гареева, Н. Коляды, Л. Петрушевской, Л. Разумовской). Выбор обусловлен тем, что в драматическом тексте реализуются одновременно две ситуации — собственно коммуникативная и текстовая. С одной стороны, в пьесах воссоздаются реальные (или символические) ситуации вербальной интеракции между людьми, что практически идентифицируется с непосредственной коммуникацией. С другой стороны, драматический текст является художественно завершенным произведением, что предполагает, в свою очередь, собственно текстовые характеристики: целостность, связность, архитекtonика и т.д. В пьесах ситуации общения подчинены художественной экзистенциональной идее, очерчивается несколько уровней коммуникативного прошлого, определена проекция коммуникативного будущего, а коммуникативные автор и адресат выступают художественными образами.

По нашим наблюдениям, будущее в текстах пьес представляется в двух планах: общие картины предполагаемой действительности, отстраненные от самого субъекта речи, или совместных действий. В первом случае говорящий фантазирует, воспроизводя ситуации, основанные на известных ему фактах. Во втором случае собеседники планируют то, что может стать содержанием их будущей жизни. В большинстве случаев подобные картины представляют собой неоднозначное жанровое и языковое оформление.

В процессе общения могут возникать различные образы будущего, которые, на наш взгляд, корреспондируют с предложенными Н.Д. Арутюновой жанрами обмена мнениями или же праздноречевыми эмоциональными высказываниями [Арутюнова 1998]. Учитывая то, что любая проекция будущего имеет модальную окраску и соотносится с эмоциональной сферой личности, считаем второй вариант более адекватным:

Лилия. Американская поп-культура окончательно завоюет подмостки и экраны, сексуальные меньшинства уловят в свои сети большинство несознательных граждан из так называемых развитых и не очень стран и простая человеческая семья в виде мужчины и женщины будет восприниматься как анахронизм...

(Л. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче)

В основе представляемой модели будущего лежит гиперболизация определенных явлений настоящего, экспрессивный протест против реальности.

Фантастическая картина будущего может обуславливаться эмоциональным состоянием, страхами, специфической личностной проекцией. Она представляется преимущественно в конъюнктиве. Неоднозначность жанровой квалификации такой проекции желаемого будущего (тяготеет к праздноречевому эмоциональному) подтверждает открытость таких рассуждений:

Валентин. И еще. Я очень боюсь умирать. Знаете, думаю: как было бы хорошо, если бы наш день смерти был бы определен...

Людмила (улыбается) Какие вы странные вещи говорите, Валентин Иванович ...

Валентин. Нет, я серьезно. Да, чтобы мы знали: ага, завтра-послезавтра уже помирать. Вот родился, к примеру, а в роддоме мамка моя лежит и беседует с другими женщинами: «Да, мне повезло, мой до восьмидесяти, а ваши?» — «А мой скоро помрет, в двадцать лет». — «Ну, плохо, да что поделаешь», — и вот обсуждают и никто не думает, что это плохо, а что это нормально, что так должно быть и никак иначе, и так живут, и ждут дня своей смерти, спокойно ждут, готовятся, и никто не думает, что она придет раньше. Паспорт выдают — а там написано, когда помирать.

(Коляда Н. Уйди-уйди)

Страх перед смертью сублимируется желанием представить загадочный и страшный переход как некий обыденный шаг, исключить из восприятия данного факта эмоциональный компонент. Трагикомиче-

ский оттенок обретает типичный по стилю и жанру бытовой разговор, который никак не может быть наполнен предложенным содержанием.

В тех фрагментах личностно-ориентированного дискурса, когда коммуниканты обсуждают совместное будущее, возможны как прагматическое прогнозирование совместных действий, основанных на осознанной оценке ситуации, так и представление, не связанное с реальными фактами, окрашенное модальными коннотациями.

Прагматичное представление будущего предполагает обсуждение деталей:

Павел Сергеевич. Знаю, знаю, что свои, ты у меня женщина самостоятельная. А только пусть они лучше у тебя полежат. Это нам на переезд. Уедем мы с тобой, Верочка. Слов я на ветер не бросаю, напрасно ты... Как обещал, так и уедем. И Алешу с собой возьмем. Только не в Израиль. В России останемся. Здесь наше место.

Вера Ивановна. А когда же это будет, Павел Сергеевич? Сколько еще ждать-то?

Павел Сергеевич. Потерпи... денег надо скопить немножко. Я уж договорился, за двоих дежурить буду. Вот тебе и два оклада, да пенсия...

Вера Ивановна. Паша, а ты вытянешь? По здоровью?

Павел Сергеевич. Да я, Вера Ивановна, как бык.

(Л. Разумовская. Владимирская площадь)

Модальные коннотации в данном случае не влияют на прагматическое прогнозирование:

Вера Ивановна. Опять бомжевать? Поселимся, а тут как раз и нагрянут: выметайтесь-ка подобра-поздорову! Нет, уж лучше купить, что подешевле.

Павел Сергеевич. Посмотрим. Ты, главное, мне верь. И слушайся. Я тебе теперь кто?

Вера Ивановна. Ты?.. Ну... муж, вроде.

Павел Сергеевич. Не вроде, а законный и венчанный. Ты мне теперь перед Богом жена. Так что должна уважать и слушаться.

Вера Ивановна (улыбаясь). И бояться.

Павел Сергеевич. А как же! Если что — выпорю! И не посмотрю, что люблю.

Вера Ивановна. А ты меня любишь, Паша?

Пауза.

Павел Сергеевич (серьезно). Очень. А ты?

(Л. Разумовская. Владимирская площадь)

Представление будущего в ином пространстве, как абсолютное изменение обстановки репрезентируется и в жанре предложения:

Жан. *Идея у меня одна, убраться из этой страны подальше, прихватив с собой симпатичную московскую барышню вроде тебя.*

Лара. *Идея не новая и малооригинальная. А на какие, извини, шиши ты собираешься прихватывать «барышню вроде меня»?*

(Л. Разумовская. Французские страсти на подмосковной даче)

Ментальная маркировка представления (идея) презентует жанр предложения, сформулированный в иносказательной форме.

Прогнозы моделируются на основании предшествующих действий, деталей быта, образа жизни. Они, как правило, формулируются также в жанре предложения или пожелания:

Света. *Не густо, но я всегда к Новому году сама себе подарок делаю: две новые смены покупаю, и спим на чистом.*

Толя. *Первое дело. Мы тоже так будем делать, я тебе буду дарить. В нашей семье.*

Света. *Где это ты видишь — в нашей семье? Может, ничего еще и не будет.*

Толя. *Поглядим, увидим.*

(Л. Петрушевская. Любовь)

Идеальное представление желаемого может не только включать элементы сформированной жизни, но и исключать определенные предметы, лица, факты из модели будущего, что чаще всего является содержанием жанра предложения.

Евгений. *Давай, я тебе все прощу. Бинобль выкинем. Этого, как проснет-ся, выгоним. И будем жить, ну? Милая моя. Хорошая моя, солнце, так хорошо мы про нашу жизнь будущую придумали, а? Давай, а?*

(Н. Коляда. Уйди-уйди)

Желаемая картина будущего, в преимуществе которой коммуникативный автор убеждает свою любимую, имеет максимально экспрессивную форму, что маркируется через вопросительные и восклицательные конструкции, обращения. Наиболее емко формулируется идея планирования будущего в брошенной вскользь фразе: *так хорошо мы про нашу жизнь будущую придумали.*

Призыв собеседника к изменению образа жизни, деятельности, к более приемлемой с точки зрения говорящего модели будущего

формулируется в жанре пожелания и, как правило, в конъюнктиве. Осуществление желаемых будущих действий предполагает, по мнению коммуникативного автора, необходимый результат в будущем:

Кодухова (вздыхнув). Ты бы как-то ближе к жизни, Евгений, к народу...

Написал бы рассказ о каком-нибудь жизненном случае... вон женщину у нас обокрали — привезла из Японии три магнитофона... Или про пожар какой-нибудь... Или убили кого-нибудь... сразу бы напечатали. Прославился бы и пошел, пошел в гору.

Кодухов (торжественно и печально). Я пишу историю моей внутренней жизни...

(З. Гареєв. Семейный день)

Побуждение к действию, сформулированное в виде определенно-личного предложения, зависит от особенностей коммуникативной ситуации, интонационного оформления речевого акта, что порождает жанры совета или предложения, что и представлено в металингвистических рассуждениях героя:

Толя. Я тебе сказал “Выходи замуж”, ты сказала “За тебя?”, я сказал “Да”. А Кузнецовой я совет дал “Выходи замуж”, а она сказала: “Да кто меня возьмет”, а я промолчал. Это формула — она двойная, из двух моих фраз. “Выходи замуж” и “Да” в случае моего предложения. А в случае простого совета я вторую фразу не говорю, я многим так советовал выходить замуж.

(Л. Петрушевская. Любовь)

Таким образом, в лично-ориентированном дискурсе модели будущего представляются либо в общих рассуждениях о возможных или желаемых футуристических перспективах, либо как совместное планирование действий.

В рамках общих рассуждений преобладают праздноречевые эмоциональные жанры в форме нарратива. Различные переживания, беспокойства, опасения, сомнения коммуникативного автора порождают воспроизведение ирреальной ситуации будущего преимущественно в конъюнктиве, особенно когда детализируются определенные фрагменты представляемого.

Совместное планирование будущего обращено к коммуникативному адресату. В воспроизводимых, представляемых ситуациях описываются изменение локализации, содержания жизни в будущем, представления о действии коммуникативного адресата в планируемой жизни, а также в этих рассказах анализируется вариативность

представления будущего. Наиболее распространенными жанрами в данном случае являются обещание, обсуждение, предложение, совет, просьба. Для жанров обещания и обсуждения характерна детализация представляемых картин будущего. Жанр предложения обретает преимущественно экспрессивную окраску, может трансформироваться в просьбу.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998.
- Аскин 1966 — *Аскин Я.Ф.* Проблема времени, ее философское истолкование. М., 1966.
- Барабанова, Зеленова 2002 — *Барабанова В.В., Зеленова М.Е.* Представление студентов о будущем как аспект их личностного и профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. 2002. № 2.
- Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая А.* Речевые жанры // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.
- Карасик 2004 — *Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2004.
- Логунов 2007 — *Логунов Т.А.* Аналитические формы будущего времени как лингвистический феномен (на материале английского и русского языков): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007.
- Стрелков 2005 — *Стрелков Ю.К.* Время, деятельность, образ мира. М., 2005.
- Шмелева 1997 — *Шмелева Т.В.* Модель речевого жанра // Жанры речи. Вып. 1. Саратов, 1997.

О ПРЕДЧУВСТВИИ И ЕГО РЕЧЕВЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ

Концепт «Предчувствие», насколько нам известно, до сих пор не являлся предметом широкого рассмотрения в лексико-семантической литературе, равно как и стоящее за ним явление остается практически «за кадром» в научном дискурсе вообще (в противоположность литературе художественной, религиозной, мистической, публицистической, дневниковой, мемуарной). Меж тем, явление бывает связано с весьма серьезными этапами судьбы и потому заслуживает исследовательского внимания. В языковедческой сфере возникает задача изучения языковых экспликаций предчувствия.

О незначительной развитости общенаучных представлений о природе данного явления можно судить, например, по отсутствию его описания в БСЭ и в энциклопедических словарях (очевидно, в силу причисления соответствующего понятия к обыденной сфере, не связанной с каким-либо специальным знанием), по скудости информации на эту тему в популярном Интернет-источнике «Википедия», отсутствию ее в «Кругосвете» и т.д.

В мемуарном жанре смелым нестандартным шагом стала работа Н.П. Бехтеревой «Зазеркалье», составившая отдельную главу в книге ее воспоминаний. В этой главе известным ученым-нейрофизиологом была совершена попытка осмыслить нетривиальный личный опыт в особые моменты судьбы; в кругу других фактов Н.П. Бехтерева пишет об ощущениях, «посещавших» ее перед трагическими событиями [Бехтерева 2007: 207–250].

В отечественных лексико-семантических исследованиях лакуну в серьезной мере восполняет работа [Урысон 1999], где проанализированы референтная сфера и сочетаемость слова *предчувствие*. Слово рассматривается в составе синонимического ряда, куда включены также релевантные значения слов *чувство*, *ощущение*. Можно назвать еще несколько семантических работ, в которых описываются сигнификаты близких концептов «Судьба», «Предсказание»; ис-

следуются предикаты внутреннего состояния. Это работы [Апресян 2008, Арутюнова 1999: 616–631, Гловинская 1999, Зализняк 1992].

В словарях есть расхождение по поводу гиперонима слова *предчувствие*: в самом деле, чем является предчувствие — чувством (словари Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова; БАС, МАС) или знанием (НОСС)? Трактовка Е.В. Урысон в НОСС [Урысон 1999] нам кажется более проникательной; предыдущие толкования, относящие интересующий нас концепт к чувствам, возможно, были написаны под влиянием звуковой формы, т.е. словообразовательной модели: «предчувствие» = ‘чувство перед (неким событием)’. Более-менее удачным представляется также возведение предчувствия к состоянию ожидания (например, МАС; в книге [Зализняк 1992] предикат внутреннего состояния *предчувствовать* также отнесен к группе «ждать»), хотя наличие ожидания тоже условно: человек может получать некую специфическую информацию, но волевыми усилиями отметить ее; такая ситуация характерна для фатальных предчувствий. Быть может, целесообразно не фиксировать какой-то единственный гипероним и говорить о ментально-эмоциональном состоянии, т.е. некотором целостном комплексе. (Примерно к такому «смешанному» гиперониму возводит предчувствие и В.И. Даль в своем словаре: «Предчувствовать — предощущать, познавать наперед внутренним чувством, сердцем».)

В данной статье нас главным образом будут интересовать средства вербальной экспликации предчувствия, а эти средства не ограничиваются опорной лексемой и ее контекстами.

В силу того, что предчувствие относится к сфере нечеткого, окрашенного сложными эмоциями, а порой и внерационального знания, его языковые (речевые) проявления, как бы свидетельствующие о скрытом диалоге субъекта с вершителем судеб, часто носят косвенный, стертый характер, и изучение их через сочетаемость явных лексических маркеров *предчувствие, предчувствовать* оказывается недостаточным. Не случайно стилистически выверенные текстовые иллюстрации в [Урысон 1999] относятся, в основном, к нарративному режиму, к прошедшему времени (когда ситуация в прошлом обозревается наблюдателем-рассказчиком в более поздний момент), а не к прямой синхронной констатации субъектом соответствующего ментально-эмоционального состояния. Прямые констатации *предчувствую, у меня [есть] предчувствие* возможны и реально фигурируют в речи, но они не исчерпывают круга проявлений предчувствия.

Косвенно это подтверждается некоторыми статистическими данными. В НКРЯ частотность формы *предчувствую*, способной выражать синхронную констатацию, более чем в 6 раз меньше частот-

ности интерпретирующих форм прошедшего времени *предчувствовал*, *предчувствовала*. (Для сравнения, у глагола *знать*, прототипически не связанного со сферой неотчетливых, зыбких внутренних ощущений, наоборот, форма *знаю*, прямо констатирующая ментальное состояние, превосходит по частотности (правда, незначительно) нарративные формы прошедшего времени *знал* и *знала*.)

Прямой комментарий субъекта (*я*) *предчувствую* больше характерен для ситуаций не самых значимых и глубинных, например, для публичных выступлений, интервью, дискуссий и подобных текстов: *предчувствую возражения* (пример из НКРЯ), для эпатажа или пародирования (таков, например, отрывок из пародийного стихотворения «...я лежу в своей постели и *предчувствую фушетт*»; авт. Регина Саймири; <http://www.obshelit.ru/works/132469> от 14.10.2010), а предчувствия глубинные, затаенные, скорее всего, будут выражены иначе (если вообще не останутся безмолвными).

Относительно двух классических литературных примеров с предикатом в 1-м лице. Восторженная фраза чеховского персонажа «*Я предчувствую счастье, Аня, я уже вижу его*» («Вишневый сад») эксплицирует не столько предчувствие, сколько малосерьезный, фантазерский характер говорящего.

Фраза А. Блока «*Предчувствую Тебя...*», отражающая сокровенное душевное томление, представляется художественным приемом, подчеркнутой декларацией, примером эпатажного употребления формы *предчувствую*; кроме того, данный глагол оказывается за гранью сочетаемостной нормы: в прозаическом «переложении» рядом с ним вместо местоимения в аккумулятиве могла бы быть пропозиция, нечто вроде «предчувствую, что встречу Тебя». Таким образом, оба примера представляются непоказательными при анализе путей экспликации прототипических предчувствий.

Вопрос о первичности-вторичности, семантически обусловленной предпочтительности тех или иных грамматических форм для различных лексических единиц в устных замечаниях поднимался С.А. Крыловым; корпусная лингвистика создает статистическую поддержку для соответствующих изысканий (см., напр., [Крылов 2009]).

Сфера предчувствий в некоторой мере охватывается фразеологией, в том числе идиоматикой, хотя во фразеологии доля единиц с прогностическим значением невелика.

Более-менее релевантные фразеологические единицы подсказывают темпоральное, фазовое членение ситуации, связанной с предчувствием. Выделяются 3 фазы: 1) само состояние предчувствия — неотчетливое знание о некотором событии или состоянии в будущем; 2) момент наступления события/состояния; 3) наблюде-

ние за наступившей ситуацией с постпозиции — в более отдаленный момент; для 2-й и 3-й фаз характерны имплицатуры, соотносящие предвидение с наступившей реальностью. Кроме фаз, при рассмотрении коллокаций могут быть выделены некоторые другие аспекты ситуации: содержание предчувствия, оценки ожидаемого/наступившего (аксиологические, модальные), констатация эмоций, комментарий стороннего наблюдателя за субъектом предчувствия.

В качестве источника фразеологических единиц в данной работе используются «Фразеологический словарь» под ред. А.И. Молоткова (М., 1978) и «Словарь фразеологических синонимов русского языка» под ред. В.П. Жукова (М., 1987).

Рассматривается также материал личного характера — список (электронный файл) семейных высказываний, по памяти собираемый автором после потери мамы (то есть с 2004 года), и рукописные семейные хроники, составляемые ныне по годам и охватывающие период с 1978 по 2004 г. — последнюю треть жизни ушедшего человека. Файл высказываний содержит запомнившиеся реплики, диалоги, звучавший в семье фольклор, цитацию. В нем, конечно, немало пересечений с общелексическими фразеологическими словарями. Мемориальные тексты этих двух жанров, собрание высказываний и хроники, дают почву для разного рода размышлений и обобщений [Семенова 2007; 2008].

Итак, 1-я фаза — само предчувствие. Среди домашних высказываний его эксплицируют фрагменты: *Помяните мое слово; Чует мое сердце; Мы висим на волоске; Как мы еще живы?!; не жилец; не сегодня-завтра; Дело пахнет керосином; Только и жди!* [плохого]; *как на иголках; Как надоело волноваться!; Не могу себя уговорить! Как представляю себе... мне просто плохо!* Можно причислить также общеязыковые фразеологизмы, не свойственные идиолекту ушедшего человека: *как пить дать; бьюсь об заклад; даю голову на отсечение; не ровен час; дни сочтены* и т.п. Приведенные отрывки могут соответствовать не только предчувствию, но и другим реалиям прогностической сферы, в частности рациональным предсказаниям, опасениям.

Фрагменты домашней речи *после дождичка в четверг; на блюдечке с голубой каемочкой; когда рак свистнет; Когда же что будет?!* выражают скептическую иронию по поводу предугадываемой нереальности желаемого.

Предчувствие подчас проявляет себя как соединение внутренних состояний — мистической интуитивной уверенности с эмоциональным восприятием: *Все пойдет прахом!*; с рациональным знанием: *Как веревочке ни виться...*, с опорой на обыденную статистику: *Все люди болеют и поправляются!* [= > ты тоже поправишься], на личный предшествующий опыт: *Все еще сто раз переменится!*

Предчувствие выражается и модальными формами: *Нам не справиться!; Я, наверно, ослепну*. Памятно одно провидческое высказывание ушедшего человека, предваренное конструкцией: *Я чувствую, что...* (в значении «предчувствую»).

Конечно, предчувствие не всегда выражается конструкцией или идиомой; может быть высказано и его «чистое» содержание, диктум, без дискурсивных формул и без фразеологии: *Пройдет!* [об очередном затянувшемся сердечном приступе]. Примеры провидческих высказываний есть и в хрониках: *«Назавтра, 2-го октября, я пришла на работу как обычно. [ВА, заведующего отделом] с утра не было. Оказывается, ночью с ним случился приступ стенокардии... В больнице взяли в реанимацию, хотя приступ, вроде, утих еще дома. Сказали, денек поддержат в реанимации, понаблюдают и завтра переведут в палату... подберут лекарства и выпишут. Я в обед... рассказала новость маме. А она вдруг говорит, стоя у плиты: «Помрет твой начальник!». Я, насладившись нахлебывая с холоду куриный бульон с морковкой: «Да что ты?! С чего ты взяла?»* (Рукопись «Год 2001»).

Ушедший человек обладал немалой интуицией и осознавал это; доверие к своему внутреннему знанию ощущалось и в категоричности высказываемых прогнозов (например, они часто озвучивались без смягчающих модальных рамок *наверно, надеюсь, будем надеяться*, и т.п.), в уверенной интонации.

Во 2-й фазе — синхронно реализации предугаданного — возможны конструкции: *Я так и знал(а)!; Я (нисколько) не сомневался (не сомневалась); Я как чувствовал(а)*.

В 3-й фазе, фазе постфактумных размышлений, тоже уместны данные фразы. Кроме того, при нереализации предвидимого негативного события возможны (общелексические) фразеологизированные оправдания своему беспокойству: *Я уж не знал(а), на что подумать; Обжегшись на молоке, дуешь на воду*. Фразеология показывает, что при реализации предчувствованного актуален и сторонний наблюдатель, который скажет нечто вроде: *Ты (он, она) как в воду глядел(а)!; Откуда ты знал(а)?; Как ты догадался (догадалась)? Ты прямо в точку попал(а)* и т.п.

Об аксиологии предчувствуемого. Как показывают контексты (иллюстрации в словарях, корпусные примеры), содержанием предчувствия чаще бывают отрицательные события: *предчувствие расставания, беды, скорой расплаты* и т.п.; соответственно, по адъективным контекстам, предчувствия чаще бывают *дурные, тревожные*, нежели *радостные*. В принципе, это согласуется с психологической закономерностью — хорошее воспринимается как норма, как некий стандарт бытия, а если приходит ожидание чего-то нестандартно-

го, то вряд ли это нестандартное будет позитивным. (Аналогичным образом обстоит дело с близкими словами футурологического поля *предвещать* и *предвестник*: чаще встречаются отрицательно окрашенные контексты типа *предвестники грозы*; *клинические предвестники*, чем позитивные «собратья» чеховскому *предвестнику счастья*.) Преимущественно отрицательный характер предчувствуемого отражает целый ряд словарей (в иллюстративном материале; толкования по большей части нейтральны к аксиологии). В текст толкования отрицательную оценку включает лишь МАС: «Предчувствие — неясное чувство тревоги, ожидания...». Касательно негативной аксиологии иллюстраций, исключение составляет словарь С.И. Ожегова — там зафиксирован лишь один и притом противоположный пример: *радостные предчувствия*.

Любопытно, что приведенная выше чеховская фраза «*Я предчувствую счастье*», отличающаяся, помимо малотипичного употребления предиката в 1-м лице, еще и «подозрительно хорошей» аксиологией предчувствуемого, послужила предметом иронического обыгрывания в одном историческом очерке, повествующем о драматических событиях последних десятилетий XIX в. (И. Кудрина. Я предчувствую счастье // Родина, 2005, № 6). Неестественность чересчур светлых предчувствий отражается и в свободных Интернет-контекстах, в блогах: «*Предчувствую я... беду и негатив. ... Странно, а почему же мы не предчувствуем счастье?*».

Важные прототипические свойства предчувствия, справедливо отмеченные в [Урысон 1999], — значимость предчувствуемого и отнесенность его к личной сфере субъекта. Как правило, это некая информация относительно его собственной судьбы или судьбы близкого человека. В реальных корпусных контекстах, правда, встречаются исключения, нарушения сочетаемостного прототипа, например, выход за пределы личной сферы: *предчувствие мировой войны*.

Вхождением предугадываемого в личную сферу предчувствие отличается, например, от предсказания; для последнего это свойство необязательно [Гловинская 1999].

Среди домашних текстовых реликвий примером предсказаний может служить фраза «*Лужков будет работать!*», произнесенная на рубеже 1980–90-х гг., когда политическая ситуация в стране и в Москве была особенно смутной, сменяемость политических фигур частой, а должности мэра еще не существовало.

При анализе мемориального материала оппозиция личного и общественного не ощущается жесткой: причастность к происходящему в стране, боль за окружающих способна вводить общее, социальное в область личного.

Выделяется и одна периферийная, так сказать, «физическая» разновидность предчувствий, когда организм человека, особенно больной и ослабленный, улавливает предстоящие атмосферные изменения: *предчувствие ненастья* (В.И. Даль). Главным объектом такого предчувствия является гроза. Из домашних свидетельств: «*Засинивает... Будет гроза, я чувствую!*»

Особое место занимает предчувствие судьбоносное, трагическое, «высшее», когда для субъекта 3-я фаза становится несбыточной и все обрывается на фазе 2.

По-видимому, фатальным предчувствиям вообще малосвойственно стремление к речевой экспликации. Они имеют затаенный характер, и их констатации могут быть отрывочны, уклончивы. В речи остается недоговоренное. Это подтверждается семейными речевыми реликвиями — высказываниями мамы перед ее уходом; присно памятны слова: *Не надо так меня любить!* (без объяснения, почему не надо; объяснение осозналось позже, уже после трагедии: чтобы расставание не было столь невыносимым). Характерная недовысказанность предчувствий подтверждается и другим примером из личной сферы: отец близкой знакомой перед роковой болезнью просил ее повременить с выходом на работу и тоже не объяснил, почему; единственное, что было сказано: «*Подожди, не выходи пока...*». Недосказанность прослеживается и в тексте бехтеревских воспоминаний; правда, в приводимом фрагменте речь идет о внутреннем состоянии ее самой в ситуации потери близких: «*Все это — тогда очень трудное — оказалось мелочью по сравнению с тем, что последовало за всем этим...*» [Бехтерева 1999: 235]. Высказывание воспринимается как косноязычное, лишенное нормальной лексической конкретики, с одной стороны, устремленное к читателю, и этим как бы экстравертное, а с другой стороны, мыслью обращенное внутрь себя. По сути, это не предложение, а всего лишь конструкция, своего рода «глокая куздра» человеческого страдания. И вообще, язык «Зазеркалья» носит отпечаток сложных, трудно выражаемых ощущений.

Человеком может быть прочитан скорый исход, но неясны «до поры» конкретные обстоятельства, «механизм» исхода, как у мамы: «*Не знаю, что будет со мной, но из этого состояния я не выйду...*» (Рукопись «Год 2004. Февраль»).

Еще один путь выражения предчувствия, в том числе фатального — через цитацию, точную или приблизительную, или даже пародийную. Субъект предчувствия как будто «выбирает» из нечеткого, трудно обозримого множества таящихся в памяти текстовых фрагментов соответствующую его смутному знанию и душевному настрою цитату.

Данную ситуацию можно проиллюстрировать, например, отрывком из опубликованных комментариев к собранному автором файлу семейных высказываний:

«Песенная цитация соответствует характерам: мамино цитирование, хоть и ироничное, все же нежнее, грустнее, глубже, с подтекстом — часто мелькает мотив **прощания**: *...На прощанье шаль с каймою; Провожают гармониста в институт; Последний нонешний денечек гуляю с вами я, друзья; Уезжаю я от вас на далекий на Кавказ*. Цитация остальных членов семьи насмешлива, часто десемантизирована (во всяком случае, лишена тревожного подтекста): *Кипит на примусе картошка; Студент бывает весел все время между сессий, а сессии всего два раза в год; Когда я был мальчишкой...*» [Семенова 2008].

Быть может, любопытна и пародийная цитация, неосознанно изрекавшаяся автором в последние месяцы счастливого бытия; впоследствии она вызвала печальные ассоциации: *«А глупые, несуразные песенки, что я ей намурлыкивала, обычно за завтраком, от покоя и счастья (а она их смиренно и благодарно терпела, радовалась, что хоть настроение у меня, у дурочки, приличное, что нервы пока в порядке)... Не чувствовала я никакой трагичности, но подкидывались мне “кем-то” словечки странные, вроде бы веселые, комфортные, детские. А ведь это смотря как посмотреть на эти словечки... “Маленькой [домашнее прозвище] холодно зимой...” — уж не про кладбище ли это?! “Что ответил ей спросонок глупый маленький [другое домашнее прозвище]?” (на мелодию «Вернись в Сорренто») Кому это “ей”? Уж не даме ли с косой?»* (Рукопись «Год 2004. Февраль»).

В заключение остановимся вкратце на некоторых невербальных (или не только вербальных) моментах, связанных с предчувствием.

Так, небезынтересны формы получения субъектом информации касательно «намеченного» в будущем. Н.П. Бехтерева свидетельствует, что перед последовавшими одно за другим трагическими событиями в ее жизни она ощущала особый запах, у которого в моменты ощущения не было материального источника. То есть фактически она утверждает, что ей был подан знак в форме запаха; тем самым информация пришла к ней через восприятие, как ощущение [Бехтерева 2007: 236, 237]. Характерно при этом, что человек в особые моменты судьбы как будто бы получает знаки, но не реагирует на них и осознает ощущаемое как подачу знаков лишь постфактум.

Один знакомый тоже рассказывал, что приближение печального события в жизни он почувствовал по измененному запаху в доме.

Источником особого знания бывает и зрительная информация — в частности, известная и по мистической литературе, и по

личному опыту ряда людей «печать» на лице уходящего человека. Показательными могут быть и другие внешние черты: *СК [старшая коллега] возвратилась из Мозжсинки какая-то вдруг похудевшая, поджарая, смуглая, с неожиданно тонкими обвислыми руками. (А ведь за полгода до гибели в кардиореанимации поджарым и подчеркнуто смуглым вдруг сделался наш М [родственник], и у мамы в високосном феврале 04... я вдруг обратила внимание на обвислые руки: «Почему ручки похудели? — Старость...»)* (Рукопись «Год 2000»).

Еще один, небезызвестный, путь получения информации о будущем — через сновидения. В личном опыте — два сна, привидевшиеся в одну и ту же ночь маме и мне за два месяца до трагического события. Мне во сне виделось непонятное отсутствие мамы в домашней ситуации, когда она, по логике вещей, должна была быть рядом: *«Я тебя зову, и почему-то тебя нет, не могу понять почему...»*. Маме в ту ночь снилась ее давно ушедшая из жизни подруга, и сон был необычайно окрашен эмоционально: *«Мне приснился сон, чудной-чудной, будто [Ф] живет в Голицыне, в доме [соседей]..., и так захотелось в Голицыно!»*. (В действительности Ф. в Голицыне никогда не бывала.) Ушедшие близкие нередко снились маме и до этого, но, видимо, не возникало ощущение зова, не было «завлечения». (О моменте этом говорится в Рукописи «Год 2004. Январь».) И показательно также, что, поглощенная обыденной суетой, я не обратила в то утро особого внимания на эти сны, не насторожилась.

Знаменательны в состоянии предчувствия и непривычные поведенческие моменты. Субъект далеко не всегда объявляет о своих мыслях; судьбоносные предчувствия порождают затаенность, погруженность в себя; мама говорила, имея в виду такое состояние у других: *«Человек задумывается»*. Эта особая затаенность, отвлеченность от банальной повседневности может быть важной, но, к сожалению, малозаметной для окружающих, для близких особенностью поведения предчувствующего человека. Примером из личного опыта может служить случай, имевший место за несколько дней до фатальной болезни, когда мама единственный раз в жизни опоздала — на незначимое мероприятие для ветеранов. Знаковым, оказывается, было и опоздание, и ее неожиданное спокойное, безразличное (по крайней мере, внешне) отношение к своему опозданию — уходящий человек, очевидно теперь, ощутил брэнность и суетность покидаемого микрокосма (Рукопись «Год 2004. Февраль»).

Приведенные факты можно интерпретировать двояко — как манифестацию неких глубинных и неохотно раскрывающихся материальных законов мироздания или как неотвратимое осуществление промысла высших сил (как было бы естественно считать, имея

религиозное сознание). В любом случае человеку «тутошнему», тем более исследователю, бесполезно иметь представление о засвидетельствованных механизмах «земной» реализации надмирного, в том числе о случаях речевой экспликации тонких внутренних процессов.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2008 — *Апресян В.Ю.* О судьбе и не-судьбе // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой.* М., 2008.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н.Д.* Истина и судьба (к проблеме текстообразования) // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Бехтерева 2007 — *Бехтерева Н.П.* Зазеркалье // *Бехтерева Н.П.* Магия мозга и лабиринты жизни. Доп. изд. М.; СПб., 2007.
- Гловинская 1999 — *Гловинская М.Я.* ПРЕДСКАЗЫВАТЬ // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Первый вып. 2-е изд., испр. М., 1999.
- Зализняк 1992 — *Зализняк А.А.* Исследования по семантике предикатов внутреннего состояния. München, 1992.
- Крылов 2009 — *Крылов С.А.* Квазикорпусное изучение словарной продуктивности лексико-синтаксических разрядов в русском языке по словарю С.И. Ожегова // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог 2009»* (Бекасово, 27–31 мая 2009 г.). Вып. 8 (15). М., 2009.
- Семенова 2007 — *Семенова С.Ю.* О файле памяти // *Понимание в коммуникации.* 2007. Язык. Человек. Концепция. Текст: Тезисы докладов Международной научной конференции (28 февраля — 1 марта 2007 г.) М., 2007.
- Семенова 2008 — *Семенова С.Ю.* Домашние слова (в аспекте памяти) // <http://www.dialog-21.ru/dialog2008/materials/html/Semenova.htm>
- Урысон 1999 — *Урысон Е.В.* ПРЕДЧУВСТВИЕ, ЧУВСТВО 4, ОЩУЩЕНИЕ 3 // *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.* Первый вып. 2-е изд., испр. М., 1999.

О БУДУЩИХ СОБЫТИЯХ, ЗАФИКСИРОВАННЫХ В ЗНАЧЕНИЯХ СЛОВ

Как и в любом языке, в русском языке существует большое количество слов, относящихся к разным частям речи, которые так или иначе указывают на ситуацию, потенциально возможную или предстоящую во временном интервале, более позднем относительно интервала, внутри которого имеет место положение дел, описываемое данным словом (ср. *планировать*, *предстоять*, *замысел*, *рецепт*, *оптимизм*, *опасность*, *обязательно* и т.д.).

Среди них можно выделить группу слов, которые характеризуются более или менее однотипной актантной структурой — ср. *возможность*, *перспектива*, *опасность*, *риск*, *угроза*, *шанс*, *надежда* и т.д. Одна из особенностей этих слов состоит в том, что необходимым участникам обозначаемых ими ситуаций часто соответствуют факультативные, а иногда и синтаксически нулевые валентности. Поэтому их обозначения часто не имеют регулярной поверхностной реализации или, по крайней мере, они не могут быть выражены все вместе, одновременно. Представляет интерес выявление сходств и различий в соотношении образующих их смысловых компонентов и их функционировании. В самом общем виде эти лексемы указывают на важное для лица или инстанции *X* будущее положение дел *P*, к которому может привести (или приведет) некоторый существующий фактор *Q*. Перечисленные понятия могут быть сопоставлены по разным параметрам. Прежде всего нас будут интересовать различия в соотношении компонентов *P* и *Q*.

1. К приведенному обобщенному значению более всего приближается понятие «перспектива»: *Перспектива P для X-a* \approx «Знание или мнение о важном для лица или инстанции *X* будущем положении дел *P*, к которому может привести (или приведет) дальнейшее развитие некоторого фактора *Q*». Имеется в виду, что ситуация *P* неизбежно наступит, если действие фактора-тенденции *Q* сохранится и далее

(а для этого, как правило, есть все основания). При этом оценочный знак предстоящей ситуации Р может быть произвольным — как положительным, так и негативным. Ситуация Р может рассматриваться как в близком будущем (ср. *близкая (ближайшая, дальнейшая...) перспектива*), так и в отдаленном (*отдаленная (далекая, длительная, историческая...) перспектива*). Кроме того, в отличие от других лексем этого списка, концепт «перспектива» имеет дополнительный актант, который можно охарактеризовать как «аспект действительности», к которому относится потенциальная ситуация Р. Этот аспект преимущественно выражается с помощью прилагательных: *экономические (политические, национальные...) перспективы; перспектива развития (карьеры...)*.

Знание или мнение о перспективе чего-либо может существовать само по себе, но часто является результатом прогнозирования. *Прогнозирование* можно определить как ‘анализ существующего положения дел, тенденций развития Q в той или иной сфере с целью выработки высоковероятного мнения о важном будущем положении дел Р, к которому приведет фактор QE. Например, прогноз погоды является результатом анализа в том или ином регионе метеорологической обстановки, который осуществляется метеорологами. В более формальном изложении прогноз погоды, как и любой прогноз, может быть описан как результат, причина которого имеет конъюнктивный характер: ‘(тот факт, что множество лиц X (Mx) ∈ МЕТЕОРОЛОГИ & тот факт, что Mx проанализировало текущую метеорологическую обстановку в регионе Y) каузировал то, что Mx синтезировало информацию о высоковероятном характере погодных условий в регионе Y на ближайшее время’.

Ср. также: *Случилось то, чего более всего опасались физики — реактор получил повреждение* ≈ ‘(Тот факт, что Mx ∈ ФИЗИКИ & тот факт, что Mx проанализировало ситуацию вокруг реактора) каузировал то, что Mx синтезировало высоковероятное мнение (опасение), что реактор получил повреждение. Это опасение подтвердилось’.

В этой связи можно заметить, что предсказания о будущем, которые дают разные оракулы, экстрасенсы, очевидно, осуществляются ими на основе анализа факторов и тенденций, абсолютно не очевидных для обычных людей, но вполне доступных для лиц, наделенных экстрасенсорными способностями.

2. В рамках понятия (концепта) т.н. «потенционной» возможности можно выделить как минимум два варианта соотношения между будущей ситуацией Р и фактором Q — в зависимости от заполнения / незаполнения определенных валентностей:

(1) *У него есть возможность съездить в Париж (Р)*. Имеется в виду, что он (Х) располагает таким ресурсом Q, что если он его реализует (пустит в ход), то тем самым будет каузировано Р (его пребывание в Париже). В этом примере речь идет о возможности, вполне подконтрольной субъекту: он располагает необходимым ресурсом Q и для осуществления нужной ситуации Р ему достаточно этот ресурс реализовать (пустить в ход) — ср. [Жолковский 1964].

В других случаях, например при нереализации валентности, соотносящейся с лицом или инстанцией Х, интерпретация несколько изменяется: (2) *Есть возможность Р* \approx 'Имеет место такой не зависящий от лица Х фактор (ресурс) Q, что если осуществить некоторое Q', то сумма факторов (Q + Qю) каузирует Р' — ср. *Есть возможность попасть на экскурсию в Лувр* \approx 'Имеет место такой не зависящий от лица Х фактор Q, что если «суммировать» с ним зависящий от лица Х (адресата сообщения) посильный фактор Qю, то лицо Х попадет на экскурсию в Лувр'. При этом речь может идти только о положительной оценочной характеристике ситуации Р для Х — ср. *Здесь есть возможность упасть (сломать шею)* в отличие от вполне правильного *Здесь можно упасть (сломать шею)*.

Предикаты типа *может быть*, *возможно* могут маркировать мнение говорящего, указывая на «ментальный результат» его размышлений: (3) *Она, возможно, придет; Он, может быть, успеет на поезд*. В подобных случаях эти лексемы выполняют функцию, аналогичную ментальным предикатам типа *думать*, *полагать*, *допускать* и т.д.

Глагол *мочь* в его личной форме способен принимать несколько разных значений. В примерах (4) *Он может поднять штангу весом в 100 кг (Р)*; *Он может решить эту задачу* реализуется чисто потенционное значение *мочь*, аналогичное рассмотренному в (1). Имеется в виду, что он располагает таким ресурсом Q (физическим, интеллектуальным), что если применить его физический потенциал к штанге весом в 100 кг, а интеллектуальный — к этой задаче, то штанга будет поднята, а задача решена.

В других случаях глагол *мочь* может принимать «правовое» значение, глубинная интерпретация которого требует введения представления о социуме или других инстанциях, регламентирующих социальное поведение личности — ср. (5) *Он может проходить в здание Верховного Совета* \approx 'Общество (все инстанции, которым он социально подчинен) не возражает, если он будет проходить в здание Верховного Совета' \rightarrow 'Если он захочет пройти в здание Верховного Совета, то охрана его пропустит'. Как мы видели, в глубинной структуре потенциального значения *мочь* результирующая ситуа-

ция Р оказывается в имплицативном следствии ('...то штанга будет поднята', '...то задача будет решена'...). А в глубинной структуре его правового значения обсуждаемая ситуация Р, наоборот, соотносится с имплицативной посылкой, а следствие — с тем, как будет реагировать на нее социум (будет или не будет она иметь какие-либо нежелательные для субъекта правовые последствия) — ср. также [Wierzbicka 1972, Труб 2000].

Помимо рассмотренных значений потенционной и правовой возможности личная форма глагола *мочь* также способна указывать на результат ментальной деятельности говорящего. Такая интерпретация в первую очередь характерна для случаев, когда подчиненный предикат при *может* обозначает неуспешное действие или нежелательный оборот, который может принять конкретная предстоящая акция с участием субъекта. Ср. пример, приведенный в [Падучева 1996: 300]: *Иван может опоздать*, где «именно говорящий несет ответственность за оценку ситуации опоздания как возможной». Ср. также (6) *Иван может проспать в четверг ученый совет; Иван может заснуть на ученом совете*. В подобных случаях выражается допущение (опасение) говорящего, отражающее его индивидуальное мнение. При этом иногда так или иначе эксплицируется и его «ход мысли» — ср. (7) *Из-за ликвидации Укрпромбанка доллар может вырасти*, где указан фактор (ликвидация Укрпромбанка), на основании которого делается умозаключение говорящего о вероятном ходе текущего финансового процесса.

В то же время данная глагольная форма 3-го лица может использоваться и для плеонастического дублирования модального показателя, содержащегося в эксплицитно употребленном ментальном предикате неоднозначного мнения, который допускает произвольное варьирование субъекта пропозициональной установки: (8) *Анна боится, что Иван может опоздать (заснуть на ученом совете)*. Как видим, в (8) перспектива опоздания Ивана или его сна на ученом совете подается уже как мнение не говорящего, а Анны и (8) очень близко по значению (9) *Анна боится, что Иван опоздает (заснет на ученом совете)*. Незначительное семантическое различие между (8) и (9) можно усмотреть в том, что в (9) вероятность соответствующей ситуации оценивается Анной несколько выше, чем в (8). Важно подчеркнуть, что подобное плеонастическое употребление *может* неуместно при ментальных предикатах однозначного мнения — ср. (10) **Анна уверена (убеждена, не сомневается), что Иван может опоздать (заснуть на ученом совете) в четверг*. Ведь перспектива наступления обсуждаемой ситуации не может одновременно оцениваться одним и тем же лицом и как неизбежная, и как возможная.

Эта же глагольная форма может использоваться для цитации чужого (не говорящего) мнения и без употребления отражающего его ментального предиката. Ср., например, информационные сообщения, зачитываемые радио- или теледикторами, в которых цитируется чужое компетентное мнение: (11) *Число жертв наводнения (землетрясения) может возрасти.*

В то же время данная глагольная форма способна передавать и абсолютно очевидное мнение, никак не отражающее индивидуальность мышления его носителя. В подобных случаях речь идет о естественном, тривиальном выводе, доступном каждому, в том числе и слушающему. При этом *может* чаще всего сопровождается частицами *ведь, же*, указывающими на полную неинформативность данного вывода для адресата — то, что и так должно быть для него совершенно очевидным: (12) *Иван же (ведь) может опоздать!*

В приведенных примерах ситуация Р рассматривается как вероятное нежелательное последствие конкретной предстоящей акции с участием X-а или как негативно оцениваемое событие, которое может произойти в ближайшее время (т.е. входящее во «время говорящего» [Апресян 1986]). Кроме того значение вероятного мнения возникает в случаях, когда подчиненный предикат при *мочь* обозначает то или иное состояние (в частности ментальное): (13) *Они могут об этом знать; Это может их интересовать*, где речь идет о том, что говорящий полагает (допускает, не исключает...), что они об этом знают (что это их интересует).

В других случаях ситуация Р может носить чисто гипотетический характер и соотноситься как с положительно, так и с негативно оцениваемым вероятным исходом предположительной акции X-а: (14) *Россия может победить немцев, но проиграть финнам или каким-нибудь патуасам* (Виктор Ерофеев).

В (14) речь идет о слабо контролируемых акциях, которые нормативно имплицитно ожидают не просто одного, а одного из двух одинаково актуализованных возможных исходов — гипотетические военные действия должны привести или к победе, или к поражению одной из воюющих сторон. На глубинном уровне подобные высказывания (так же как и (1), (4)) должны описываться через имплицитивную зависимость, представимую в виде условного предложения. При этом имплицитивная посылка основывается на предположении о соответствующей гипотетической акции, а в следствии фигурирует тот или иной возможный ее исход. В (14) поверхностное *может* как бы вынесено за скобки в качестве «общего множителя». Если эти скобки «раскрыть», то (14) может быть представлено как два условных предложения, в каждом из которых связь между посылкой и

следствием носит не однозначный, как, например, в (1), (4), а вероятностный характер. Он отражает степень достоверности, с которой говорящий оценивает исход предположительной акции, упомянутой в посылке. Эта степень достоверности маркируется тем или иным ментальным предикатом мнения, носителем которого является говорящий: (14) *≈ 'Если Россия будет воевать с немцами, то, скорее всего, (наверное...) победит. Если Россия будет воевать с финнами или с какими-нибудь папуасами, то не исключено, что проиграет'*.

Как видим, вероятность позитивного исхода для России оценивается говорящим существенно выше, чем вероятность негативного. А именно, если подчиненный предикат при *может* является наименованием успешного результата, то степень его достоверности маркируется ментальным предикатом, указывающим на достаточно высокую вероятность его достижения (ср. *скорее всего, наверное...*). В противном случае неуспешный исход прогнозируется посредством использования ментального предиката, указывающего на малую вероятность его наступления (ср. *не исключено*).

Важно подчеркнуть, что в примерах (4), отражающих чисто потенционное значение *мочь*, его предикатная валентность заполняется инфинитивным обозначением «обычного» успешного действия, нацеленного на достижение единственного актуализованного результата (поднять штангу весом в 100 кг, решить конкретную задачу и т.д.). В подобных фразах отражается знание говорящего о достаточности потенциала субъекта для осуществления соответствующих действий (ср. также (15) *Он может себя обеспечить; Он может себя самостоятельно обслуживать*). Это знание основывается на том, что факты, подобные тем, о которых идет речь в (4), (15), имели место и ранее, и есть все основания считать, что они будут происходить и в будущем. А в (14) речь идет, строго говоря, о предположительных событиях будущего и ничего не говорится о том, случались ли подобного рода ситуации в прошлом.

Если говорящий берет на себя полную ответственность за истинность своего высказывания, то соответствующий модус типа «я знаю», «я утверждаю» нормативно не имеет эксплицитного выражения [Падучева 1986]. Так, на еще более глубоком уровне представления в (4) должны фигурировать дополнительные модальные рамки: (4) *≈ 'Знай, что я знаю, что если..., то штанга будет поднята (задача будет решена)'*. Если же говорящий не может однозначно гарантировать достоверность своего высказывания, то он так или иначе эксплицирует свое представление о степени его истинности (как отмечается в [Арутюнова 1987], степень достоверности должна непременно обуславливаться). В рассматриваемых примерах типа (6–7),

(12–13), (14) неполная степень достоверности как раз и маркируется личной формой *может*, которая на глубинном уровне истолковывается разными ментальными предикатами: ‘Знай, что я считаю (полагаю, допускаю, не исключаю...), что Р’; ‘Знай, что если Q, то скорее всего (наверное, не исключено...), что Р’.

3. Концепт «опасность» аналогичным образом предусматривает существование фактора Q, такого, что если независимо от воли X-а случится некоторая ситуация-фактор QГ, то сумма этих факторов приведет к ситуации Р, заведомо нежелательной для лица или существа X. Здесь существенно, что реализация «дополнительного» фактора QГ не зависит от воли X-а. На поверхностном уровне переменная Р нормативно конкретизируется обозначениями ситуаций, которые с общечеловеческой точки зрения являются заведомо негативными.

4. Значение, очень близкое к концепту «опасность», содержится в концепте «риск». Главное отличие между ними состоит в том, что во втором случае в качестве фактора Q выступает не произвольная ситуация, а именно целенаправленная деятельность субъекта X. При этом в качестве возможных негативных последствий Р риска может рассматриваться и безуспешность предпринятой деятельности. Кроме того, разные предикаты и коллокативные сочетания, в которых фигурируют обозначения этого концепта, могут различаться по признаку информированности субъекта о возможных нежелательных последствиях его деятельности (ср. также [Падучева 2004: 339]). Так, в значении предиката *рисковать* в выражениях *Q рискованно*, *Q связано с риском*, *X подвергается риску* ничего не сообщается о том, знает ли сам субъект о соответствующей опасности. В то же время форма СОВ *рискнуть Q*, выражение *идти на риск*, *осознанный риск*, *на свой страх и риск* указывают, что субъект в полной мере осознает возможные негативные последствия Q. При этом значения *рисковать*, *рискнуть*, *X подвергается риску* предусматривают реальное осуществление деятельности Q. А в выражениях *Q рискованно*, *Q связано с риском* имеется в виду, что деятельность Q скорее всего не имеет места, хотя и рассматривается как высоковероятная.

5. Специфика концепта «угроза» состоит в том, что в качестве потенциальной причины заведомо негативной ситуации Р выступает не конъюнкция двух компонентов ($Q + QГ$), а только один фактор Q, который рассматривается в перспективе своего развития. Речь идет о том, что дальнейшее развитие фактора Q должно неминуемо каузировать Р. Тем самым имеется в виду, что Р неизбежно произойдет,

если против этого ничего не предпринять. В качестве такой предупредительной меры могут выступать:

- а) противодействие фактору Q — ср. (16) *Если не будет насосов, откачивающих воду, то все подземные коммуникации окажутся под угрозой затопления грунтовыми водами;*
- б) подавление действия фактора Q — ср. *остановить (угрозу ядерной войны; устранить угрозу;*
- в) блокирование самого появления фактора Q — *предотвратить угрозу;*
- г) выход за пределы зоны (сферы) воздействия Q — ср. *эвакуация.*

Полезно также обратить внимание на особенность видовых противопоставлений коллокаций [Жолковский, Мельчук 1967] с ключевыми словами *опасность* и *угроза* — ср. *избежать опасности* и *предотвратить угрозу*. Фраза с видовой формой СВ (ср. (17а) *Он избегал опасности*) предусматривает, что во временном интервале, в течение которого он находился в сфере действия фактора Q, не произошло фактора Q8, который в сумме с Q должен был каузировать Р, нежелательное для Х-а. В то же время употребление формы НСВ того же глагола (ср. (17б) *Он избегает опасности*) нормативно указывает на типичный стиль его поведения, согласно которому он регулярно избегает случаев попадать в ситуации типа Q, которые могут приводить к нежелательному Р.

Между тем во фразе (18а) *Он предотвратил угрозу нападения* речь идет о том, что хотя с некоторого момента ожидалось наступление негативной ситуации Р (здесь — нападения), он сумел заблокировать само появление фактора Q, ведущего к Р, благодаря чему и далее сохраняется безопасная ситуация («неР»). Следует особо указать на отсутствие параллелизма в рассматриваемых коллокативных выражениях, содержащих глагольные формы НСВ. В отличие от примера (17б), фраза (18б) *Он предотвращает угрозу Р* не допускает итеративной (многократной) интерпретации. Так, если в первую фразу можно безболезненно вставить наречия типа *часто, всегда* — ср. *Он часто (всегда) избегает опасности*, то вторая фраза существенно «противится» такой подстановке — ср. *?Он часто (всегда) предотвращает угрозу*. Причина этого явления — в большом различии между этими акциями по степени их контролируемости. Избежать участия в какой-либо ситуации, которая все равно может произойти и без участия субъекта несравнимо проще, чем такую ситуацию предотвратить. По той же причине затруднена актуально-длительная интерпретация подобных фраз. Во-первых, предотвращение чего-либо воспринимается скорее как моментальная акция, а не процесс, длящийся во времени. Во-вторых, даже если представить, что это

действие описывается в его развитии, в каждом случае нельзя заранее гарантировать, что его цель будет достигнута и нежелательное Р не наступит. Для отражения такого смысла нужно использовать выражение *Он пытается предотвратить угрозу*. Поэтому в подобных фразах настоящее время глагола наиболее естественно интерпретировать как настоящее историческое. Тем самым (18б) описывает практически тот же смысл, что и (18а) *Он предотвратил угрозу Р*, с той лишь разницей, что в первом случае речь идет об акции, совершенной в отдаленном прошлом, как бы за пределами «времени говорящего» [Апресян 1986].

В этой связи полезно упомянуть о т.н. «будущем историческом» (аналоге Future in the past) — об использовании грамматического будущего времени, для указания на события, имевшие место в прошлом относительно момента речи, но произошедшие после событий, о которых только что шла речь, и рассматриваемые проспективно «с позиции» этих событий. Ср. (19) *Потом придет запоздалое раскаяние, потом она будет долго искать его и наконец найдет в чужом городе...* На самом деле эта фраза описывает то, что было в отдаленном прошлом, за пределами времени говорящего, т.е. для более адекватного описания ее денотативного значения следовало бы использовать прошедшее время: (19а) *Потом пришло запоздалое раскаяние, потом она долго искала его и наконец нашла в чужом городе...* В то же время использование грамматического будущего в (19) позволяет придать этой фразе футуристическую ориентацию «с позиции» событий, о которых шла речь ранее.

6. Как представляется, для описания концепта «надежда» может быть использован несколько модифицированный вариант толкования, данного в [НОССРЯ 2003: 565]: *Х надеется на Р* \approx 'Х хотел бы, чтобы произошло не зависящее от него Р. Х ожидает, что Р произойдет, поскольку для такого ожидания есть основания Q'. Как известно, данный концепт неоднократно подвергался тщательному исследованию в целом ряде работ. В частности, в [НОССРЯ 2003] дан глубокий анализ различных типов оснований (Q) для ожидания субъекта Х, очень индивидуально проявляющих себя в значениях глаголов соответствующего синонимического ряда. Здесь мы хотели бы кратко остановиться на соотношении компонентов Р и Q и особенностях реализации этих валентностей в моделях управления предикатов данного ряда.

Как следует из приведенного толкования, имеется в виду, что Q может стать причиной (каузацией) желательного Р. При этом предполагается, что компонент Q может иметь как чисто «стихийную» природу, так и соотноситься с деятельностью, направленной на достиже-

ние Р. В частном случае (когда предикатная валентность глаголов *надеяться*, *рассчитывать* выражается инфинитивом) субъектом этой деятельности оказывается сам субъект ожидания (Х), у которого, однако, нет полной уверенности в ее успехе. При таком совпадении правомерно говорить о «синкретичном» выражении валентностей Q и Р в одной инфинитивной форме. При этом с переменной Q толкования соотносится сама предполагаемая деятельность субъекта, а с предметом его ожиданий Р — ситуация, являющаяся нормативным результатом действия, обозначенного инфинитивной группой. Так, в примерах (20) *Он надеялся <рассчитывал> успеть на поезд; Впрочем, я надеюсь сделать это публично* с переменной Q соотносится определенная деятельность субъекта, а с переменной Р — соответственно то, что он вовремя сядет в поезд, то, что некоторая информация станет достоянием гласности.

В целом рассмотренные в [НОССРЯ 2003] глаголы, образующие синонимический ряд надежды, можно условно разделить на две группы. Первую группу образуют глаголы *надеяться*, *рассчитывать*, предикатная валентность которых может указывать как на желанную ситуацию Р, так и на основание ее ожидания Q. Данные валентности являются несоподчинимыми (в смысле [Апресян 1974]) — по крайней мере, в модели управления этих глаголов в позиции валентности с содержанием 'надежда' может быть альтернативно реализована только одна из них. Так, в примере (21) *Они наивно рассчитывали, что вечером как обычно с рабочей зоны снимут охрану, они вылезут и пойдут* предикатная валентность *рассчитывать* указывает на основание надежды Q ('вечером как обычно с рабочей зоны снимут охрану'), а желанная ситуация Р ('они вылезут и пойдут') реализуется другим способом — в рамках второго сочиненного предложения. Напротив, во фразе (22) *Рассчитывать на материальное обеспечение семьи только от концертной деятельности очень трудно* валентность с содержанием 'надежда' соотносится с желанной ситуацией Р ('материальное обеспечение семьи'), а основание надежды Q ('только от концертной деятельности') раскрывается отдельно посредством эллиптического заполнения семантической валентности существительного *обеспечение* (So (*обеспечивать*)): 'обеспечение за счет доходов (поступлений) только от концертной деятельности'. Примечательно, что в отличие от (20) в последнем примере тождество субъекта ожидания Х и субъекта концертной деятельности (как основания надежды) выражается не синкретично, а отдельно.

Вторую группу образуют глаголы *полагаться*, *уповать*, *понадеяться* (указание на неоправдавшуюся надежду), коллокативные сочетания типа *возлагать надежды (на кого-что)*, *связывать свои*

надежды (с кем-чем) и т.д., которые способны подчинять только валентность основания надежды Q. Показательно, что выражения типа *все будет хорошо, все устроится*, прилагательное высшей степени сравнения *лучшее*, которые могут использоваться для обобщенного (не детализированного) обозначения только желанной ситуации, не способны сочетаться с этими глаголами: (23) **Он полагается (уповает, возлагает надежды) на то, что все устроится (все будет хорошо); *Он полагается (уповает, понадеялся...) на лучшее.*

7. Представляет также интерес характер употребления при обозначениях рассматриваемых концептов прилагательных со значением ЛФ типа Bon, AntiBon, Magn. Поскольку перспектива чего-либо может оцениваться как положительно, так и отрицательно, соответствующие ЛЕ могут характеризоваться прилагательными с разными оценочными знаками: *блестящая (большая, хорошая, грандиозная, заманчивая, идеальная, фантастическая, головокружительная) перспектива; радужные (захватывающие, огромные, широкие) перспективы* и, с другой стороны, *мрачная (безрадостная, неутешительная, плохая) перспектива.*

При этом существует определенная корреляционная зависимость между заполнением валентности, конкретизирующей вид, характер перспективы, и употреблением оценочных прилагательных. Прилагательные самой общей оценки *хороший, плохой* могут быть употреблены лишь при отсутствии указания конкретного вида перспективы: *хорошая перспектива, плохая перспектива*, но плохо: **хорошая перспектива президентства (премьерства...), *плохая перспектива увольнения (безработицы, банкротства...).* В то же время для других прилагательных с противоположными оценочными знаками такая совместимость возможна: *блестящая (грандиозная, заманчивая, головокружительная...) перспектива президентства (премьерства...), мрачная (безрадостная, неутешительная...) перспектива безработицы (банкротства, потери власти...).* Если же перспектива остается неизвестной, то ее принято характеризовать как *туманную.*

Иначе обстоит дело с обозначениями концептов возможности, опасности, риска, угрозы, оценочный знак которых всегда однозначен. Такие лексемы нормативно характеризуются прилагательными со значением Magn, сочетающимися в себе и оценочное значение, и указание на высокую степень интенсивности чего-либо.

При этом значение, выражаемое прилагательным, часто зависит от наличия или отсутствия обозначения ситуации Р, конкретизирующей вид возможности, опасности или угрозы. Во фразе (24) *У него хорошие (блестящие) возможности* прилагательное одновременно

указывает и на большую степень положительности не названного Р, и на высокую вероятность его осуществления, подчеркивая тем самым значительность потенциала не названного фактора Q, который он может реализовать. В примере же с заполненной валентностью Р (ср. (25) *Есть хорошая (отличная, блестящая...) возможность получить повышение*) прилагательное указывает только на достаточно высокую вероятность повышения, что опять-таки обусловлено значительным потенциалом фактора Q, существующего независимо от воли субъекта.

Аналогичным образом в высказываниях типа (26) *Он подвергается большой опасности; Q таит в себе большую опасность* прилагательное одновременно указывает и на большую степень негативности не названной потенциальной ситуации Р, и на высокую вероятность ее осуществления. В то же время во фразе (27) *Возникла большая (серьезная) опасность затопления (взрыва метана)* прилагательное указывает только, что это событие представляется говорящему высоковероятным. Тем самым подразумевается высокая вероятность реализации дополнительного фактора Q', которому в конъюнкции с наличествующим фактором Q предстоит стать причиной нежелательного Р. А степень негативности названного Р (затопление, взрыв метана) и так является общеочевидной.

Между тем для похожих примеров, в которых фигурирует лексема *угроза*, интерпретация несколько видоизменяется. Во фразах типа *Q несет (в себе) большую угрозу* — ср. (28) *Дальнейшее падение производства несет в себе большую угрозу* — прилагательное отражает большую степень негативности не названной ситуации Р. А предложение (29) *Сохраняется большая угроза взрыва метана* вообще представляется сомнительным. Как уже отмечалось, ситуация угрозы предполагает «самодостаточность» потенциала существующего фактора-тенденции Q для того, чтобы со временем каузировать негативное Р «без помощи» дополнительного фактора QH. Поэтому однозначная неизбежность наступления негативного Р (здесь — взрыва метана) по определению не поддается измерению степени, которая в данном случае выражается прилагательным *большой*.

8. Представляет интерес анализ случаев обозначения предстоящих действий с помощью форм будущего времени глаголов НСВ. Предложение (30) *Он купит машину*, в котором фигурирует глагол в форме СОВ, отражает, скорее всего, неуверенное предположение говорящего. Из него во всяком случае никак не следует, что речь идет о реальном плане, подкрепленном наличием потенциала, необходимого для его реализации, что субъект принял окончательное

положительное решение относительно его осуществления. Вместе с тем предложение (31) *Он будет покупать машину* однозначно указывает на реальное намерение субъекта и близко по смыслу фразам типа (32) *Он планирует (собирается) покупать машину*. В (31) употребление сказуемого в форме будущего НСВ указывает, что ранее субъектом было принято взвешенное решение об осуществлении слабо контролируемого действия. Ведь с современной общечеловеческой точки зрения покупка машины — это акция, доступная по крайней мере не всем. В (31) имеется в виду, что субъект готов проходить все нормативно необходимые ее этапы, включая, например, обучение на курсах вождения, взятие кредита, оплату первого взноса и т.д. В то же время выражение намерения с помощью глаголов в настоящем времени [Падучева 1996] — ср. (33) *Он покупает машину* или (34) *Завтра он покупает машину* — указывает на намерение осуществить акцию, вполне подконтрольную ее субъекту, когда все проблемы решены и остались в прошлом или ее осуществление вообще не представляет для него никаких проблем. При этом имеется в виду, что момент начала действия входит со стороны близкого будущего во «время говорящего» [Апресян 1986]. Аналогичным образом фраза из модного журнала (35) *Ани Лорак выходит замуж за турка* нормативно предусматривает, что турок сделал Ани Лорак предложение, на которое она ответила согласием (т.е. было ею положительно «взвешено» — ср. [Труб 1993]), и что, возможно, уже назначена дата свадьбы. Ср. также странность употребления глагольной формы будущего НСВ для обозначения намерения осуществить действие, которое в современных условиях не принято считать слабо контролируемым: (36) *Он будет покупать хлеб (спички)* вместо (37) *Он купит хлеб (спички)*. Подобные употребления уместны в случаях, когда описание таких намерений образует не единственную (по крайней мере — не последнюю) рему предложения — ср. (38) *Он будет покупать хлеб и заодно купит вам спички*, т.е. спички будут куплены одновременно с **ранее запланированной** покупкой хлеба. Ср. в связи с этим аномальность (38а) **Он будет покупать хлеб и заодно будет покупать вам спички*.

9. Для указания на какое-либо реальное событие, происшедшее в отдаленном прошлом, может быть, в частности, использовано наречие типа *когда-то* — ср. (39) *Он когда-то сюда приезжал*. Для выражения же неуверенного утверждения о возможном событии в отдаленном прошлом следует, помимо наречия, дополнительно употребить тот или иной модальный показатель: (40) *Возможно (не исключено...), что он когда-то (когда-нибудь) сюда приезжал*. Заме-

тим, что в (39) наречие *когда-то* имеет референтно-неопределенное значение — оно указывает на некоторый конкретный (референтно-неопределенный) момент времени, когда реально имел место его приезд сюда. А в примере (40) это наречие в контексте модального оператора возможности приобретает такое же нереферентное значение, что и наречие *когда-нибудь*, указывая на некоторый нереферентный момент времени, в который, по мнению говорящего, мог бы иметь место его приезд. Указание на реальное событие в прошлом, происшедшее не в какой-то реальный, референтный момент, в изъявительном наклонении невозможно — ср. (41) **Он когда-нибудь сюда приезжал*. В то же время для выражения неуверенного утверждения о каком-либо предполагаемом событии в отдаленном будущем достаточно употребить только неопределенное временное наречие даже без сопровождения модального показателя: (42) *Он когда-нибудь сюда придет*.

10. Важным средством, придающим футуристическую ориентацию ситуациям, обозначаемым словами, в значение которых не входит изначальная привязка к какому-либо временному плану, является их идиоматическая сочетаемость, которая должна отражаться в словарях толково-комбинаторного типа. Так, лексема *успех*, рассматриваемая как ключевое слово, сама по себе не содержит в своем значении каких-либо временных ориентаций. В то же время идиоматическое сочетание *шансы на успех* указывает на оценку вероятности успеха, который пока что не имеет места, а сочетания *гарантия успеха*, *залог успеха* неявно указывают на реальную «технология» достижения будущего успеха. Вместе с тем словосочетания *секрет успеха*, *слагаемые успеха* неявно указывают на технологию успеха, уже достигнутого.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1974 — *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
- Апресян 1986 — *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. М., 1986. Вып. 28. С. 5–33.
- Арутюнова 1987 — *Арутюнова Н.Д.* Аномалии и язык (к проблеме языковой «картины мира») // Вопросы языкознания. 1987. № 3.
- Жолковский 1964 — *Жолковский А.К.* Лексика целесообразной деятельности // Машинный перевод и прикладная лингвистика. М., 1964. Вып. 8.

- Жолковский, Мельчук 1967 — Жолковский А.К., Мельчук И.А. О семантическом синтезе // Проблемы кибернетики. М., 1967. № 19.
- НОССРЯ 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второе издание, исправленное и дополненное. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. М., 2003.
- Падучева 1996 — Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 608 с.
- Труб 1993 — Труб В.М. Лексика целесообразной деятельности (опыт описания) // Логический анализ языка. Ментальные действия. М., 1993. С. 58–66.
- Труб 2000 — Труб В.М. О функционировании правил семантической интерпретации конструкций с адвербиальным предикативом *нельзя* // Труды Международного семинара Диалог'2000 по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Т. 1. Теоретические проблемы. Протвино, 2000. С. 290–298.
- Wierzbicka 1972 — Wierzbicka A. Semantic primitives. Frankfurt a/M., 1972.

МУЗЕЙ КАК ЧАСТЬ ПРОЕКТИВНО-УТОПИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ НИКОЛАЯ ФЕДОРОВА: КОММЕНТАРИЙ ЛИНГВИСТА

МУЗЕЙ принадлежит к числу «основных реалий федоровского проекта идеального общества» [Семенова 2004: 322]. Вместе с тем, музей — важнейшая тема «Философии общего дела», философии воскрешения Николая Федорова, ибо именно «существование музеев доказывает, что сыны еще есть, что сыновнее чувство еще не исчезло, что остается еще надежда спасения на земле» [Федоров 1995: 387]. Музей у Федорова — это грандиознейшее предприятие собирания, хранения, изучения остатков прошлого, всех малейших отпечатков ушедших людей на их делах, вещах, документах, преданиях, произведениях искусства и т. д. При таком широком понимании музея единственный глубокий смысл собирания «мертвых вещей» состоит, по мнению философа, в том, чтобы за ними видеть, по ним воссоздавать их авторов.

Тема музея затронута во множестве работ Н. Федорова, посвященных конкретным музеям (Воронежскому, Асхабадскому [так. — Л.Ш.], конечно, Московскому Румянцевскому, свой труд в котором Федоров рассматривал «как священное дело»), отдельным аспектам музея — в связи с реалиями и событиями конца XIX в. Например, о соединении школ-храмов со школами-музеями философ писал в связи с вопросом о Каразинской метеорологической станции в Москве. Однако главный, программный труд, в котором музей Федорова предстает как принадлежность идеального общества, это статья «Музей, его смысл и назначение». Статья вошла во второй том «Философии общего дела» при первой ее публикации в 1913 г. Мы в данной работе изложим некоторые наблюдения над тем, какими языковыми средствами и приемами выражено в статье Федорова многоаспектное, многосмысленное понятие музея. Цитаты приводятся по изданию [Федоров 1995].

Общая значимость статьи «Музей, его смысл и назначение» определяется и задается самим ее заглавием. Надо сказать, что та-

кой тип философского заглавия — конструкция, включающая слово *смысл* при разбираемом понятии (как и слово *критика*), был популярен на рубеже XIX–XX вв., в начале XX в. (ср. у Владимира Соловьева: «Общий смысл искусства», «Смысл любви») [Азарова 2008: 67]. И Федоров был одним из тех, кто актуализировал подобные заглавия, настраивающие на поиск смысла, сущности понятия, явления, предмета. У него есть и другие примеры названий, содержащих слово *смысл*, например: «Смысл Евангелия от Иоанна и Евангелия вообще», «Искусство, его смысл и значение», «Смысл и цель всеобщей воинской повинности», «Смысл и цель жизни, или что может дать жизни наивысшую ценность». Как видно, такими заглавиями задаются самые разные темы, и в том числе музейная — вот, например, название заметок, написанных в апреле 1898 г.: «Каменные бабы как указание смысла, значения музеев» (здесь Федоров писал о каменных бабах, найденных недалеко от Воронежа).

Заглавие статьи, таким образом, эксплицирует основной языковой знак текста — слово-понятие *музей* — и указывает на главную интенцию автора — выявить смысл понятия и его функциональную составляющую. При анализе самого текста выясняется, что он организуется в соответствии со стратегией, очевидно ориентированной не на самого автора, а на читателя, на выстраивание «в присутствии» читателя образа истинного музея как желаемого, воображаемого.

Рассмотрение музея Федоров начинает, по сути, с этимологического экскурса. Неоднократно проводя в статье мысль о том, что музей — это общественная память [Федоров 1995: 423 и др.], он уже на первых страницах работы проясняет «происхождение» музея. Федоров так пишет о единстве разума, сознания, памяти, опираясь на научно-лингвистические и психологические знания: «Лингвистические исследования подтверждают это первоначальное единство способностей: один и тот же корень оказывается в словах (арийских, но, вероятно, и других языков), выражающих и память (притом память именно об отцах, об умерших), и разум, и вообще душу, и, наконец, всего человека. Подтверждают единство памяти и разума также психологические исследования. [...] А потому мы и можем сказать, что от памяти, т. е. от всего человека, родились музы и музей; иначе сказать, — продолжает Федоров, — как лингвистические, так и психологические исследования убеждают нас в том, что муза и музей современны самому человеку; они родились вместе с его сознанием» [Там же: 373]. Процитированный фрагмент можно прокомментировать данными этимологических словарей. Макс Фасмер, в частности, отмечает, что лат. *museum* происходит от греч. *mouseion* «философская школа с книгохранилищем» (в других слова-

рях — храм муз), musejos «принадлежащий музам» [Фасмер 1987: 5]. Федоров, конечно, не случайно подчеркивает связь муз и музея с памятью — матерью муз была, как известно, Мнемозина — богиня памяти. А в соотношении музея с музами (богинями поэзии, искусств и наук) просматривается основа федоровского проективного музея как начала многостороннего — всехудожественного и всенаучного.

Очевидно, что слово *музей*, первое и ключевое в заглавии, в тексте статьи высокочастотно. Однако важность его, многослойность обозначаемого им понятия создаются не только повторяемостью самого слова — оно утверждается, множится в своих смыслах через производные и сопровождающие его атрибутивные слова.

Что касается производных, то здесь проявляется известная склонность Федорова к словотворчеству. Обдумывая определенное понятие, которое вербализуется конкретным словом (в данном случае *музей*), Федоров работает с этим словом-понятием, выявляет его языковые потенции, производит слова, отражающие разные составляющие семантического объема понятия. Начнем с того, что в статье практически не встречается обычное для нас прилагательное *музейный*, однако есть редкое, с архаичным оттенком *музейский* (его не фиксируют толковые словари современного русского языка, хотя в профессиональной речи оно отмечается; нет его и в Словаре Даля) и наречие *музейски*. Прилагательное встречается в сочетаниях *музейское дело, музейское знание, музейские средства*. Ср.: «Музейское знание есть исследование причин небратского состояния» [Федоров 1995: 383]; «Хотя земледельческий быт и продолжает служить отцам, но не действительно, потому что он не обладает музейскими средствами, орудиями памяти» [Там же: 388]. Федоров создает прилагательное *внемuseumский* — по аналогии с *museumским делом* у него появляется *внемuseumское дело*. Производящее и производное слова философ употребляет, в том числе, в виде субстантивов (*museumское — внемuseumское*) в соединении друг с другом: «По мере того, как план [по созданию истинного музея. — Л.Ш.] будет приводиться в исполнение, противоречие между *museumским* и *внемuseumским* будет уничтожаться» [Там же: 393], т. е. *внемuseumское дело* растворится в *museumском*, станет его частью.

Еще одно окказиональное федоровское образование от слова *музей* — прилагательное *музео-образный*. Его философ использует по отношению к человеку, когда говорит о будущем «междуповедном» значении музея: «И таким образом музей будет действовать *душеобразовательно*, делая всех и каждого существом *музео-*

образным» [Там же: 391]¹. Заметим, что и слово *душеобразовательно*, и слово *музео-образный* Федоров выделяет курсивом (этот прием он нередко использует для выделения особо важных, ключевых единиц и положений текста). Гнездо слова *музей* дополняют сложные слова с дефисным написанием: *музей-храм* и *храм-музей*, *музей-собор* и *собор-музей*, а также *школа-музей*. Не будет преувеличением сказать, что Федоров обогащает семейство «музейных» слов, которые эксплицируют разные ипостаси универсального музея. Мы сейчас не говорим об отдельных номинациях *собор*, *храм*, которые в рамках федоровского учения выступают, по существу, синонимами музея.

Музей у Федорова предстает разномасштабным — от местного до Всемирного, и в конкретных, и в отвлеченных, обобщенных формах. Это очень хорошо видно по прилагательным, сопровождающим в статье слово *музей*. Они носят классифицирующий характер и формируют своего рода систематику музеев (деление их по отраслям знания, по признакам национальному, территориальному, социальному и т. д.). При этом систематика Федорова имеет, конечно, немало особенностей. Кроме музеев привычных — исторического, политехнического, художественного, естествознания и под., им выделяются, например, музеи: *немецкий* и *всемирно-немецкий*, *славянский*, *русский*, *международный* и *юридически-международный*; *народный*, *интеллигентный*, *аристократический*; *приходской* и *соборный*; отдельно рассматривается музей *нынешний* (пассивный, вещественный); разбираются музеи *самородный* и *искусственный*.

Особое положение в этом ряду занимают сложные определения, первую часть которых составляет элемент *все...* (ср. в [ССРЛЯ 1991: 562]: «ВСЕ... Первая часть сложных слов, вносящая знач. сл. *весь* [...] и указывающая, что [...] признак полностью охватывает что-л.»). Они аккумулируют в себе разные выделяемые Федоровым смыслы и функции музея — «исследование, учительство и деятельность»: музей *всехудожественный*, *всеенаучный*, *всеобщий*, *Всенародный*, *Всемирный*. Ср. также *единый*, *соборный*. Вообще надо сказать, что само слово *весь* в независимом употреблении относится к числу часто употребительных в рассматриваемом произведении. Это вполне коррелирует с федоровской идеей всеобщности, всеобъемлемости, тотальности идеального музея.

Важно отметить, что философ комментирует, более или менее подробно, фактически все из выделяемых им видов музеев. Например, интеллигентный музей для него — самый основной, начальный; приходские музеи объединяются в соборный, причем здесь музей —

¹ Здесь и далее курсив в цитатах Н. Федорова.

соброр исследователей; самородный музей (к которому Федоров относит русский музей) противопоставляется искусственному (самородный музей, по Федорову, — это естественный результат собирания, искусственный — результат знания) и т. д. Говоря о Международном Музее, значимость которого подчеркивается дважды употребленной прописной буквой М, философ подробно останавливается на его «личном составе» и «вещественном составе», касается разных направлений его деятельности: «Международный Музей, — пишет Федоров, — международен не по своему лишь личному составу, но и по предмету занятий. Кроме вышеозначенных задач или занятий, он, как *исторический*, есть исследование общего происхождения или родства, причин разрыва, или забвения родства; как *лингвистический*, он имеет предметом своих занятий объединение в языке; как *естественный*, он создает земледельческо-метеорический регулятор, орудие закрепления мира» [Там же: 395]. А характеризуя пассивный музей, т. е. музей как хранилище, философ плавно переходит к музею всеобъемлющему, называя его образом мира. При этом всеохватность музея заостряют употребляемые философом антонимы: «Музей пассивный, музей, как изображение, как подобие мнимого воскрешения, как только хранилище, есть музей идеальный лишь в том смысле, что для него совершенство невозможно. С одной стороны, музей есть образ мира, вселенной видимой и невидимой, умершего и еще живущего, прошедшего и настоящего, естественного, произведенного слепую силою, а также и искусственного, произведенного полусознательною силою народов. С другой стороны, музей есть произведение ученого и интеллигентного классов, труда умственного при помощи физического труда народа» [Там же: 379].

В прояснении разных сторон музея Федоров неоднократно обращается и к другому вынесенному в заглавие слову — *смысл*, обычно в предложно-падежной форме *в смысле*. Примечательно в этом плане самое начало (буквально первый абзац) статьи, написанное в ироническом по отношению к нынешнему (XIX) веку и его нравам ключе, в характерной для философа эмоциональной осудительной тональности: «Наш век, гордый и самолюбивый (т. е. “цивилизованный” и “культурный”), желая выразить презрение к какому-либо произведению, не знает другого, более презрительного выражения, как “сдать его в архив, в музей...”». Уже по этому можно судить, насколько искренна благодарность потомства, например, к гениям-изобретателям, да и вообще к предкам, к которым обыкновенно так жестоки бывают современники. Во всяком случае почтение, выраженное “музейски”, в нынешнем смысле этого слова, не лишено лицемерия и заключает в себе двусмысленность; а потому музей, в смысле презрения, и музей,

в смысле почтения, это такое противоречие, которое нуждается в разрешении» [Там же: 370]. Указанную тональность выражают и слова *презрение, лицемерие, и цивилизованный, культурный, музейски*, взятые в кавычки, и выражение с очевидно негативной для Федорова коннотацией *сдать в архив, в музей* (мотив сдачи в музей в тексте неоднократно повторяется).

Частотными конструкциями *музей в каком-то смысле, музей в смысле кого-то/чего-то* Федоров, как правило, конкретизирует определенное содержание понятия музей — например, *музей в смысле древних, музей в немецком смысле, музей в истинном смысле* и т. д. Ср.: «Музей в немецком смысле, по образцу которого устроены и наши нынешние музеи, не представляет противоположности музею в истинном смысле этого слова. Музей же в истинном смысле есть проект примирения враждебных направлений, которые отражаются и на нем самом; другими словами — музей есть художественное произведение, в котором заключается проект перехода от города к селу и их примирения» [Там же: 402]. Однако важнейший прием в раскрытии смысла музея — это различные определения Федоровым понятия с использованием конструкций *музей есть что-то, музей — это что-то, музей служит чему-то* и некоторые др. Формально выраженные в настоящем времени, построенные как утверждения, такие конструкции нередко заключают в себе совокупную модальность должного и желаемого и, по сути, обращены в будущее. Основная из них — это логическая конструкция, включающая связку *есть* (которая иногда опущена) или (реже) *суть*, причем встречаются примеры наполнения такой конструкции отрицанием, когда определение дается от противного: *музей есть не что-то*. Давая таким образом определения музею, Федоров и лаконичен, и пространен, во втором случае определения часто превращаются в разъяснения. Число обращений философа к подобного рода конструкциям довольно велико. Они интересны и тем, что в них просматриваются многие характерные черты словоупотребления Федорова.

Среди таких конструкций выделяются доминантные, которые передают всеобъемлющую суть музея с его культом предков, затрагивают одновременно задачи, дело музея, «музейское знание» и т. д. Так, уже в начале работы Федоров пишет: «Музей есть последний остаток культа предков; он — особый вид этого культа, который, изгоняемый из религии (как это видим у протестантов), восстанавливается в виде музеев» [Там же: 371]. Затем, в развитие этой мысли, философ характеризует музей, подчеркивая его живоносное начало: «Музей есть не собрание вещей, а собор лиц [т. е. музей должен быть не собранием вещей, а собором лиц; обратим здесь внимание

на свойственное Федорову значимое сближение однокоренных слов]; деятельность его заключается не в накоплении мертвых вещей, а в возвращении жизни останкам отжившего, в восстановлении умерших, по их произведениям, живыми деятелями» [Там же: 377] — и далее: «Музей и с предметной стороны есть <совокупность лиц>, само человечество в его книжном и вообще вещественном выражении, т. е. музей есть собор живущих сынов с учеными во главе, собирающий произведения умерших людей, отцов. Задача музея поэтому естественно — восстановление последних по первым» [Там же: 379]. Конкретизируя эту задачу, с выделением ключевых слов курсивом, как «*воскрешение* всего умершего, а не вещественное только или мнимое его *изображение*» [Там же: 382], Федоров формулирует общую суть музея, аккумулирующего в себе все знания о человеке и окружающем его мире: «Музей есть выражение памяти общей для всех людей, как собора всех живущих, памяти, неотделимой от разума, воли и действия, памяти не о потере вещей, а об утрате лиц. Деятельность музея выражается в собирании и восстановлении, а не в хранении только; он не может быть пассивным, страдательным, равнодушным выражением раздора и безучастным к утратам, из него происходящим, он не может быть и собором идеалистов, безучастных к раздору и к утратам, живущих воспоминаниями внемирного существования и жаждущих возвратиться в него, как это было в музее Платона. Музей не может быть собором и реалистов, поддерживающих то самое, что производит раздор и утраты, не может быть он, наконец, и хранителем памятников раздора, как это видим в товарных кабинетах, промышленных музеях, юридических архивах, служащих выражением не памяти доброй, а злопамятства. Музей не может быть собором только ученых и художников; он не исключает себя из Царства Божия, напротив — орудие закона Божия. Что христианство произвело внутренне, идеально, духовно, то музей производит материально. Музейское знание есть исследование причин небратского состояния, как ближайших, так и дальних, второстепенных и основных, общественных и естественных, т. е. музей включает в себе всю науку о человеке и природе, как выражение воли Божией и как исполнение проекта отечества и братства» [Там же: 383].

Федоровский музей представляет собой, по выражению С.Г. Семеновой, «своего рода филиал церкви активно-христианской веры» [Семенова 2004: 325], несущий объединительную миссию. И это находит последовательное выражение в таких высказываниях философа, где подчеркивается религиозное начало музея, где он отождествляется с храмом: «*Музей есть первая научно-художественная попытка собирания или воспитания в единство, и потому эта по-*

пытка есть дело религиозное, священное; это призыв на службу отечеству, призыв всеобщий, всех без исключения, начиная с детского возраста» [Там же: 384–385]; «Музей есть церковь, но такая, которая обещает не успокоение от треволнений жизни, как платонизирующее христианство, и не нирвану, как буддизм, а делает всех причастниками умиротворения» [Там же: 393]; «Музей, нераздельно от храма, есть сила, переводящая общество из юридико-экономического строя в родственно-нравственный. Обращая силы, растрчиваемые в борьбе гражданско-экономической, на общее дело и по останкам, сохранившимся от этой борьбы, восстанавливая образцы погибших в ней, музей воспроизводит погибших телесно, действительно, путем регуляции природы» [Там же]; «Музей [...] *в связи с храмом* [...], как сила, переводящая мир из небратского состояния в противоположное, братское, есть сама история, переходящая из бессознательного хода в сознательное действие» [Там же: 394].

Часть своих размышлений Федоров посвящает современному музею, т. е. музею второй половины XIX в. Можно сказать, что именно его определил — несколько возвышенно — в своем словаре Владимир Даль: «собрание редкостей или замечательных предметов по какой-либо отрасли наук и искусств; здание для этого; хранилище, сокранище» [Даль 1989: 357]. Федоров дает музеям неллицеприятную оценку, подчеркивает их небратскую сущность. В конструкции с *есть* включаются слова с негативной окраской *рознь, раздор, вражда*, слова с отрицанием *не*, т. е. те, которые передают несоответствие современного музея истинному: «Музей, как верное изображение современного мира, есть образ розни и вражды» [Там же: 381]; «...нынешний музей есть только городской; он — верное изображение только городской розни или раздора» [Там же: 399]; «...согласно современной эстетической теории, музей есть *только изображение*, а между тем великие художественные произведения, на основании которых эта теория будто бы создана, изображая мир, усиливаются дать ему *свой образ*; отражая мир *в себе*, они *отрицают его*...» [Там же]. Ср. также: «Музей в настоящее время — не собор даже и ученых, ибо ученые общества опять составляют отдельные учреждения или по крайней мере нераздельность их с музеем не признается еще необходимостью. Музеи не составляют даже и одного Музея, они не достигли единства даже и в этом отношении» [Там же: 378].

Федоров отмечает случайный, безотчетный характер возникновения музеев: «Музеи скорее рождаются, чем созидаются, потому что едва ли отдается вполне отчет в побуждениях, которыми руководствуются при учреждении музеев. Итак, музеи суть явления слу-

чайные, неповсеместные; рост каждого из них неправильный, непостоянный, не непрерывный, а внутреннее распределение предметов в них представляет скорее случайный сброд, чем правильное соби- рание; так что определение, которое можно дать нынешнему музею, будет более идеальное, чем соответствующее действительности, хотя и это идеальное определение далеко не будет соответствовать тому, чем должен быть музей» [Там же: 379]. Вместе с тем, именно отталкиваясь от сложившейся практики в создании музеев, по контрасту Федоров рисует образ истинного музея. Причем несколько раз, акцентированно использует конструкцию *музей есть..*, дважды повторяет формулу *музей есть высшая инстанция*: «Музей есть собрание всего отжившего, мертвого, негодного для употребления; но именно потому-то он и есть надежда века, ибо существование музея показывает, что нет дел конченных; потому музей и представляет утешение для всего страждущего, что он есть высшая инстанция для юридикко-экономического общества. Для музея самая смерть — не конец, а только начало; подземное царство, что считалось адом, есть даже особое специальное ведомство музея. Для музея нет ничего безнадежного, “отпетого”, т. е. такого, что оживить и воскресить невозможно; для него и мертвых носят с кладбищ, даже с доисторических; он не только поет и молится, как церковь, он еще и работает на всех страждущих, для всех умерших! Только для одних жаждущих мщения в нем нет утешения, ибо он — не власть и, заключая в себе силу восстанавливающую, бессилён для наказания: ведь воскресить можно жизнь, а не смерть, не лишение жизни, не убийство! Музей есть высшая инстанция, которая должна и может возвращать жизнь, а не отнимать ее» [Там же: 372].

Исследователями отмечалось, что важную роль «в концепции вещественного музея у Федорова играет категория “перевода”. Под ним Федоров подразумевает добровольное изъятие сынами человеческими предметов, служащих вражде и раздору, и передачу их в музей, где вещи хранятся с целью изучения на них причин небратского состояния» [Кукуй 2004: 38]. Эту категорию философ раскрывает, активно привлекая конструкции рассмотренного типа, причем здесь ясно проявляется «лингвистичность» Федорова, его тонкая работа со словом, звуковое сближение и смысловое разведение слов, нанизывание однотипных форм: «Музей — есть сила переводящая или, лучше сказать, преводящая, берущая, извлекающая из употребления то, что производило раздор, служило вражде. [...] Музей есть сила именно переводящая, потому что между переводом и переходом — существенная разница; переход, сам собою совершающийся, есть принадлежность детской поры человечества, бессознательной исто-

рии, тогда как перевод есть выражение совершеннолетия, истории, как действия; это уже исполнение закона Божия.

Переход есть исторический закон, по коему, независимо от воли человеческой, т. е. по розни и бездействию совокупной воли человеческого рода, и не по Божественному, конечно, плану, а по собственному несовершенству, все вещи, все учреждения делаются неудовлетворительными, негодными для употребления, а потому или бросаются (по небрежности человеческой) или же истребляются (по человеческой злобе), а если и сохраняются, то (по бездействию мысли) без всякого предварительного плана. Этот переход, фатальный и слепой, сопровождается болью, сожалением одних (старшего поколения) и радостью других (младшего поколения), и называется он прогрессом. Переход относится не к вещам только, но и к лицам; это — и превозношение, и вытеснение младшими старших, это бессознательное рождение и смерть, словом — это современный прославленный “прогресс» [Федоров 1995: 396–397]. И далее: «Перевод образует музей вещественный, но перевод есть в то же время и собор ученых, ставших учителями, и учителей, ставших исследователями. Этим же словом (“перевод”) выражается и обращение деятелей юридико-экономического общества в исследователей, а наставников и ученых — в деятелей этого же общества; так что перевод есть и исследование, совершаемое младшим поколением под руководством старшего внутри музея, и исполнение, совершаемое вне музея сынами (т. е. младшим поколением) под руководством отцов (т. е. того же старшего поколения). Музей внутри есть проект, а извне — исполнение его, проект исхода и изменения мыслящего города в активное село, превращающее смертоносную силу в животносную. Таким образом, перевод есть полная противоположность прогрессу, при котором младшее устраняет старшее (когда студент считает себя выше профессора, когда дерзость становится высшей доблестью и начальник начинает бояться подчиненных). Перевод есть возвращение, переводящая сила есть сила соединяющая и воскрешающая. Перевод или Пасха есть общее торжество, торжество из торжеств над природою, вместо торжества сословия над сословием, народа над народом» [Там же: 397]. Ср. и такое, построенное на прямом звуковом сближении, высказывание Федорова в Примечаниях к статье: «Перевод также относится к переходу, как воскрешение к воскресению» [Там же: 426].

Многие и разные музейные ипостаси, данные в приведенных и других определениях, формирует в совокупности музей как высшее, универсальное, всеобъемлющее учреждение, имеющее, по словам Федорова, «в основе всеотеческое благо» [Там же: 428].

Конструируя музей как реалию проекта идеального общества, Федоров использовал и образные средства языка — сравнения, метафоры, олицетворения. Музей он уподоблял отеческому дому, единой универсальной книге, художественному произведению, приравнивал его памяти в человеческом организме и человечеству как таковому, сравнивал с церковью (музей «не только поет и молится, как церковь, он еще и работает на всех страждущих, для всех умерших!» [Там же: 372]). К тому, что уже было сказано по этому поводу в работе [Шестакова 2004], добавим следующее. Образный строй главной статьи Федорова о музее напрямую соотносится с идеей вечности музея, неуничтожимости его, «ибо хранение — закон коренной, предшествовавший человеку, действовавший еще до него. Хранение есть свойство не только органической, но и неорганической природы, в особенности — природы человеческой»; «...уничтожить музей нельзя, — писал Федоров, — как тень, он сопровождает жизнь, как могила, стоит за всем живущим. Всякий человек носит в себе музей» [Там же].

Николая Федорова можно отнести к философам поэтического склада. Идеи его учения, в том числе о всеохватном музее, нередко причудливо перекликаются с поэтическими строками — например, такими: *И странным виденьем грядущей поры // Вставало вдали все пришедшее после. // Все мысли веков, все мечты, все миры, // Все будущее галерей и музеев, // Все шалости фей, все дела чародеев, // Все елки на свете, все сны детворы* (Б. Пастернак. Рождественская звезда. 1947).

ЛИТЕРАТУРА

- Азарова 2008 — Азарова Н.М. Философское высказывание в заглавном комплексе поэтического текста // Филологические науки. 2008. № 1.
- Даль 1989 — Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 2. М., 1989.
- Кукуй 2004 — Кукуй И. Концепция вещественности Николая Федорова в контексте русской общественной и культурной мысли второй половины XIX века // Философия космизма и русская культура. Материалы международной научной конференции «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова». Белград, 2004.
- Семенова 2004 — Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров. М., 2004.
- ССРЛЯ 1991 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. Т. 2. М., 1991.

- Фасмер 1987 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М., 1987.
- Федоров 1995 — *Федоров Н.Ф.* Собрание сочинений: В 4 т. Т. II. М., 1995.
- Шестакова 2004 — *Шестакова Л.* Из наблюдений над поэтикой произведений Николая Федорова // *Философия космизма и русская культура. Материалы международной научной конференции «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова».* Белград, 2004.

Е.Я. ШМЕЛЕВА

РУССКИЙ ЯЗЫК В XXI В.: ОПЫТ ЛИНГВОФУТУРОЛОГИИ

Основной вопрос всякого знания: **откуда** и, поскольку можно судить по этому, **куда** мы идем.

А.А. Потебня. Из записок по русской грамматике

В последние годы в России чрезвычайную популярность приобретает лингвофутурология: журналисты, писатели, культурологи и филологи дают свои прогнозы, каким будет русский язык будущего, насколько велика возможность радикальных изменений в его словаре, строе и сфере употребления, какова роль русского языка в будущем глобальном мире и т.п.¹. Впрочем, иногда в таких статьях высказывается мнение, что у русского языка вообще нет будущего, поскольку число носителей русского языка постоянно уменьшается, в ходе глобализации кириллице неизбежно придется отступить перед латиницей (особенно активно идея перехода на латиницу обсуждалась в 90-е гг. прошлого века) и вообще русский язык на наших глазах превращается в английский. Приведем лишь одну цитату из статьи, которая так и называется «У русского языка нет будущего»: «Русский язык — попросту незадавшийся язык. Со своими дремучими корнями он неспособен освоить современную технику, выражаться кратко и точно. У русского языка — прекрасное прошлое, грустное настоящее... Мне кажется, в большой перспективе этот язык вообще не имеет будущего. Можно предвидеть, что за два-три

¹ Ср., например, статьи К.С. Горбачевича «Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка)», М.Н. Эпштейна «О будущем языка», В.В. Николаенко «Каким будет русский язык 2051 года?»; О.Б. Сиротининой «Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века)» и др.

поколения совершится необратимая эволюция, которая приведет к поглощению русского английским. Русский, может быть, сохранится как язык поэзии, бабушкиных сказок и песен, но использовать его в коммуникативных системах 22 или 23 века будет просто нерационально, и постепенно он начнет забываться» [Мельц 2002].

Конечно, к таким прогнозам трудно относиться серьезно, но это не означает, что порочна сама идея лингвистического прогнозирования. Так, К.С. Горбачевич в статье «Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка)» [Горбачевич 1990] убедительно доказывает, что русский язык как прогнозируемый объект и современное состояние русистики удовлетворяют тем постулатам прогностики, которые гарантируют относительно надежные результаты. Первым условием для получения надежных прогнозов служит инерционность исследуемого объекта. Эволюция языка протекает медленно, глубинные уровни языка — фонетика, морфология, синтаксис — развиваются по своим внутренним законам и мало зависят от социально-экономических факторов, то есть язык представляет собой инерционную систему и тем самым удовлетворяет первому постулату прогностики. Второе условие прогностики, обеспечивающее относительно надежные результаты, заключается в наличии у объекта прогнозирования долговременных и однонаправленных тенденций развития². Такие тенденции в русском языке, безусловно, есть, например, тенденция к аналитизму или продолжающаяся как минимум двести лет оттяжка ударения у существительных мужского рода ближе к началу слова (так называемая «рецессия ударения»). В-третьих, повышение вероятности прогнозов в значительной мере зависит от знания причинно-следственной связи происходящих явлений. В современном языкознании установлены многие причины, порождающие изменение языка: действие внутренней и внешней аналогии, преодоление избыточности информации, стремление к системности и многие другие. И, наконец, последнее: научное прогнозирование немыслимо без привлечения обширных, математически обработанных материалов. На данный момент лингвистика накопила уже немалое количество статистических данных: созданы большие корпуса размеченных устных и письменных текстов, вышли в свет частотные словари, словари языка

² Ср. в этой связи замечание Вяч.Вс. Иванова: «Выявление закономерных повторов в развитии (“волн” или циклов) особенно важно для прогнозирования будущего» [Иванов 2004: 159]. Заметим, что Вячеслав Всеволодович также в последние годы увлекся прогнозированием. В многочисленных статьях и докладах, а также в книге «Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему» он прогнозирует будущее науки о языке, попутно высказывая и свои соображения о будущем языка.

отдельных писателей, создан и постоянно пополняется Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru). Таким образом, современный русский литературный язык и состояние науки о нем в целом удовлетворяют основным постулатам прогностики. Хотя, как пишет Вяч. Вс. Иванов, «по отношению к языку немногие опыты предвидения будущего, например, английского языка у Сепира и русского у Поливанова и Петерсона, при их успешности остаются единичными» [Иванов 2004: 159], нам кажется, что недолгосрочные прогнозы (на двадцать — двадцать пять лет) все-таки сбываются более чем в половине случаев. Так, в целом ряде лингвистических работ, посвященных активным процессам, идущим в русском языке восьмидесятых — начала девяностых годов³, высказывались гипотезы о том, какие из этих процессов получат дальнейшее развитие, а какие, возможно, приостановятся или пойдут в другом направлении. Рассмотрим некоторые из этих прогнозов и оценим, насколько они сбылись. Результаты такого сопоставления можно представить в виде таблицы, в левом столбце которой располагается прогноз, сделанный двадцать — двадцать пять лет назад, а в правом — мои комментарии о состоянии русского языка 2010 г.

Прогнозы 80-х — начала 90-х гг. XX в.	2010 г. XXI в.
Продолжится сближение общелитературного русского языка с языком науки. Научные термины стали проникать в литературный язык еще в XVIII в., но во второй половине XX в. их число заметно увеличилось: <i>акселерация, антибиотики, биотопики, геронтология, гидропоника, голограмма, датчик, запрограммировать, канцерогенный, компьютер</i> и др. Но дело даже не в количестве, а в том, что слова эти теряют помету «книжное». Не случайно многие из этих слов подвергаются метафорическому переосмыслению, ср. такие выражения, как <i>моральный вакуум</i> ,	Тенденция превращения научных терминов в бытовые, широко распространенные русские слова сохранилась и даже усилилась в русском языке нашего времени. Массовое распространение получили такие редкие и малоупотребительные слова, как <i>харизма</i> или <i>флюиды</i> , экономические термины (<i>ипотека, инфляция, рентабельность, ликвидность, маркетинг</i>), медицинские (<i>комплекс, депрессия, артериальное давление, тонус</i>) и, конечно, компьютерная терминология (<i>файл, сайт, контент</i> и др.). Но наряду с проникновением в общелитературный язык научной

³ Ср. уже упоминавшуюся статью К.С. Горбачевича [Горбачевич 1990], статьи Ю.Д. Апресяна, В.Г. Гака, В.Е. Гольдина, Л.П. Крысина, О.Б. Сиротининой, Г.Н. Скляревской, Е.Н. Ширяева и др., собранные в книге Ю.Н. Караулова [Караулов 1991], книги «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики» [Русский язык 1991], «Русский язык конца XX столетия (1985–1995)» [Русский язык 1996] и др.

<p><i>вирус стяжательства, синдром неуверенности, инфляция совести</i> и т.п.</p>	<p>терминологии, в настоящее время действует и другая тенденция, которую трудно было предвидеть в начале девяностых годов прошлого века. Общеупотребительными стали слова из криминального и молодежного жаргона, а также слова, которые ранее считались грубыми и неприличными. Двадцать лет тому назад невозможно было себе представить, что в речи образованных носителей русского языка будут обычными такие слова, как <i>крыша, бабки, распил, откат, тусовка</i> и др.</p>
<p>В последние годы в русском языке появилось много новых слов, заимствованных из английского языка. Однако доля прямых заимствований сейчас не превышает 7-8%, и в дальнейшем эта доля еще уменьшится. В основном же обновление лексики русского языка происходит и будет происходить за счет словосложения (<i>авиамагистраль, античастица, атомоход, биотопливо, ракетаноситель</i>), причем в этом процессе важную роль играют греко-латинские корни (<i>анти..., био..., теле...</i> и т.п.), составляющие общий фонд европейских языков. Не нужно также волноваться и за судьбу исконно русских слов, они не исчезнут из нашей речи. Даже если в результате конкуренции побеждает интернациональное слово, исконно русское приобретает особое стилистическое звучание, ср. торжественно-возвышенное <i>зодчий</i> наряду с стилистически нейтральным словом <i>архитектор</i>.</p>	<p>В русском языке XXI в. доля английских заимствований среди неологизмов, безусловно, существенно превышает 7-8% (по разным подсчетам доля эта составляет 25-30%). Кроме того, наряду с прямыми заимствованиями чрезвычайное распространение получили так называемые «вторичные заимствования», когда уже существующее в русском языке ранее заимствованное или исконное слово меняет свое значение под влиянием соответствующего английского слова. Так, в последние годы изменили свои значения слова <i>вызов</i> (<i>вызовы эпохи</i>, см. [Левонтина 2006]), <i>проблема</i> (<i>у меня проблемы</i>, см. [Зализняк 2006]), <i>проект</i> (<i>национальный проект</i>, см. [Новиков 2007]), <i>элитный</i> (<i>элитное жилье</i>, см. [Кронгауз 2007]) и др. Семантическими кальками английских слов являются и такие новые слова, как <i>успешный</i> (по отношению к человеку) или <i>амбициозный</i> (с положительной оценкой, см. [Левонтина 2006; 2010]). По-прежнему пополнение лексического состава русского языка происходит за счет словосложения, но основную роль в словосложении в русском языке нашего времени играют ан-</p>

	<p>глийские корни: <i>вип-недвижимость, шопинг-консультант, шоу-программа</i>. Таким образом, надо признать, что за последние двадцать лет русский язык, действительно, существенным образом изменился, важные сдвиги произошли в русской языковой картине мира (см. [Шмелев 2009a]). Многие исконно русские слова в двадцатом веке исчезли безвозвратно. Заметно уменьшилось число производных от таких исконно русских корней, как <i>добр-</i> (200 слов в Словаре Даля и 50 слов в четырехтомном Словаре русского языка), <i>люб-</i> (соответственно 150 слов и 41 слово), <i>леп-</i> (26 и 6) и др. Ср.: «Нынешний русский “вянет на корню”». Самое тревожное — что исконно русские корни в 20-м веке замедлили и даже прекратили рост, и многие ветви оказались вырубленными» [Эпштейн 2000].</p>
<p>Вряд ли можно ожидать бесконечного прироста словарного состава языка: по-видимому, приток неологизмов будет уравниваться выходом многих слов из активного запаса языка.</p>	<p>Действительно, в последние двадцать лет наряду с вхождением в активный словарный запас русского языка большого числа новых слов происходит и переход многих слов в разряд историзмов и архаизмов. Прежде всего, это касается реалий и понятий советского времени, таких, как <i>горком, партячейка, первичная парт-организация, колхоз, продуктовый заказ, социалистические страны, соцсоревнование, звеньевой, октябренок</i> и др. Так что, по-видимому, активный словарный запас русского языка количественно остается более или менее неизменным на протяжении веков.</p>
<p>Русский язык не перейдет от синтетического строя к аналитическому, хотя развитие аналитизма в отдельных звеньях грамматического строя современного русского языка продолжится.</p>	<p>За последние десятилетия в связи с большим числом заимствований в русском языке появилось больше несклоняемых слов: <i>капучино, суши, мате, айкидо</i> и мн. др., выросло также</p>

	<p>число аналитических прилагательных (<i>Интернет-кафе, кофе-пауза, рок-музыкант</i>). В языке рекламы зачастую происходит полный распад синтаксических связей (<i>зефир со вкусом йогурт, Пемолукс Лимон Сода Эффект</i>), экспансия именительного падежа затрагивает также другие сферы языка, ср. например, такие конструкции, как <i>Коммерсант рейтинг, Мисс Россия, Имя Россия</i> и др. (см. [Левонтина 2010: 208–216]. Но, как кажется, все же пока критическая масса таких примеров не угрожает изменению синтетического строя русского языка. Даже в таких проблемных звеньях грамматического строя русского языка, как склонение географических названий на -о и склонение составных числительных, в которых уже несколько десятилетий идет частичная утрата склонения, полной потери склонения до сих пор так и не произошло**.</p>
<p>Наиболее характерным для языка будущего станет повышение его внутренней организованности, системности. Постепенно отомрут непродуктивные формы в грамматике, избыточные варианты произношения, значительно уменьшится количество тех исключений из общих правил, которые не связаны с каким-либо особым смыслом или стилистической функцией. Так, например, произношение <i>чн</i> как [шн], сохранившееся в современном русском языке лишь в пяти-шести словах: <i>ску[шн]о, коне[шн]о, наро[шн]о, праче[шн]ая, пустя[шн]ый, яи[шн]ица</i>, разумеется, скоро тоже исчезнет. заменится на сближенное с орфографией произношение через <i>чн</i>, как это уже произошло в большинстве слов (ср. рекомендованное словарем под</p>	<p>Тенденция к унификации в языке очень сильна, и нельзя не согласиться с Е.Д. Поливановым, который на вопрос, в чем первопричина языковых изменений, ответил: «Лень человеческая, или — что то же — стремление к экономии трудовой энергии». Однако известны примеры, когда сознательные коллективные усилия нормализаторов и носителей языка приостановили или затормозили действие этой тенденции. Так, слово <i>кофе</i> по всем законам русского языка давно должно было бы перейти в разряд имен существительных среднего рода. Однако мужской род слова <i>кофе</i> в середине прошлого века был объявлен неким показателем интеллигентности и культурной речи. И заметим, какую волну возмущения в обществе вызвала появившаяся</p>

ред. Д.Н. Ушакова произношение <i>беспроволо[шн]ый, взято[шн]ик</i> и т.п.).	осенью 2009 года в СМИ информация о том, что словари «теперь разрешают говорить <i>мое кофе</i> » ^{***} . Что касается старомосковского произношения <i>чн</i> как <i>[шн]</i> , оно, как кажется, сознательно культивируется в интеллигентных московских семьях. Не случайно в речи лингвистов-москвичей появляются <i>оцено[шн]ные прилагательные</i> и <i>придато[шн]ные предложения</i> ^{****} .
--	--

* Исследователи современного русского языка говорят о том, что к началу XXI в. сложился так называемый «общий жаргон», понятный всем носителям русского языка, см. [Ермакова, Земская, Розина 1999].

** По данным «Национального корпуса русского языка», соотношение склоняемых и несклоняемых форм названия знаменитого дачного поселка *Переделкино* примерно одинаково (по данным Яндекса соотношение употреблений *я живу в Переделкине* / *в Переделкино* примерно один к двум, и это при том, что Яндекс подчеркивает форму *в Переделкине* как неправильную!). Интересно, что колебания происходят не только у разных авторов, но иногда и в разных употреблениях одного автора. Ср. два примера из воспоминаний Бориса Ефимова «Десять десятилетий. О том, что видел, пережил, запомнил» (из «Национального корпуса русского языка»): (1) *Мне как-то рассказывал Корней Иванович Чуковский, что на его даче в Переделкине что-то делал садовник, который до того работал на участке у Веры Инбер и поделился с Чуковским своими впечатлениями: «Сам Верынбер — хороший мужик»;* (2) *Катаев — благополучно живет в Переделкино, недавно вышел его новый роман.*

*** Здесь не место обсуждать историю слова *кофе*. Заметим лишь, что средний род слова *кофе* был помечен как допустимый еще в словаре под ред. Д.Н. Ушакова 1940 года. В среднем роде употребляли это слово и такие известные русские писатели, как Куприн, Набоков, Александр Грин и др. (см. [Шмелев 2009б]).

**** Записано мной во время докладов М.А. Кронгауза, В.А. Плунгяна, А.Д. Шмелева.

Итак, мы видим, что языковые прогнозы, как, наверно, и любые другие прогнозы, сбываются лишь отчасти, но все же языковое прогнозирование отнюдь не бессмысленно. Так каким же будет русский язык в середине XXI в., если не произойдет серьезных социальных

потрясений, не воцарится вновь жесткая идеология⁴, роль языкового авторитета по-прежнему будет принадлежать СМИ и рекламе, а не школе и книгам?

Постепенно сформируется русская языковая картина мира, отражающая новые ценности общества потребления и единого информационного пространства⁵. Активный словарь носителя русского языка обновится примерно на 30%, одни слова выйдут из активного употребления, другие слова или значения слов придут в русский язык из некоего «международного» языка, каким на сегодняшний день является американский вариант английского языка⁶.

Кодифицированные орфографические, орфоэпические и грамматические нормы станут менее строгими, тем самым возрастет личная ответственность говорящего, которому придется выбирать тот или иной допустимый вариант употребления на основе своей языковой компетенции и языкового вкуса. Справедливости ради заметим, что об этой тенденции еще в 1988 г. писал М.В. Панов: «В 30–60-е годы господствовало такое отношение к литературному языку: норма — это запрет. Норма категорически отделяет пригодное от недопустимого. Теперь отношение изменилось: норма — это выбор. Она советует взять из языка наиболее пригодное в данном контексте» [Панов 2007: 84].

Орфографическая грамотность перестанет быть показателем культуры и интеллигентности. На протяжении всего XX века в России (в отличие, например, от «догровотской» ситуации XIX века) орфографические ошибки свидетельствовали о недостаточной образованности пишущего, их стеснялись. Ср., например, объяснение Фаины Раневской, почему она не хочет писать воспоминания: «К

⁴ Как резонно отмечает В.Н. Николаенко, жесткая идеология «необязательно значит “диктатура”»: “политкорректность” американского образца — тоже идеология, и не менее жесткая, чем коммунизм или фашизм, хотя и обходится без диктатуры».

⁵ Представляется маловероятным возвращение к советскому новоязу, которое, хотя и наблюдается в последние годы в отдельных сферах общения (см. [Сиротинина 2009], [Купина 2010]), все же имеет мало шансов прижиться в условиях глобализации и открытого общества.

⁶ Некоторые ученые считают, что английский язык не сохранит свои позиции международного языка в будущем, ср.: «Изучение самых распространенных языков современности приводит к парадоксальному выводу: роль английского языка уменьшается согласно прогнозу численности говорящих на самых крупных языках на середину XXI в.» [Иванов 2004: 90]. Заметим, впрочем, что престижность языка, степень его влияния на другие языки зависит не только от числа говорящих на данном языке, но и от целого ряда других факторов.

тому же я опять стала делать ошибки, а это постыдно. Это как клоп на манишке» (Файна Раневская «Судьба — шлюха». М., 2007, с. 7). Похоже, что в XXI веке писать с ошибками будет не стыдно!

Высока вероятность того, что массовое распространение Интернета приведет к тому, что синтаксис русской письменной речи существенно сближится с синтаксисом разговорной речи. Недаром А.А. Зализняк в своем выступлении в телевизионной программе «Очевидное — невероятное» (26.09.2009), которая в русле моды на лингвофутурологию называлась «О прошлом и будущем русского языка», сравнивал язык новгородских грамот с языком современных электронных писем и СМС-сообщений.

Существенные изменения произойдут в стилистике русской речи. Окончательно исчезнет высокий стиль русской речи, который уже сейчас зачастую воспринимается как пародия или сознательная стилизация. Не случайно в последние годы даже священнослужителей призывают отказаться от высокого стиля в церковной проповеди, поскольку «сегодняшнему миссионеру, особенно в молодежной среде, также важно говорить с людьми на их языке» (Миссия, катехизация и религиозное образование среди современной молодежи // <http://missionerdona.ru>). А в проповедях Святейшего Патриарха Кирилла встречаются слова и обороты, вошедшие в язык лишь в последнее десятилетие и пока еще сохраняющие стилистическую маркированность, напр.: *К сожалению, каждому человеку приходится сталкиваться с огромным количеством проблем, вызовов — и не только отдельной личности или семье, но и целым обществам и государствам* (7 января 2009 г.); *...некоторым кажется, что проповедь Церкви должна обращаться только к носителям определенной субкультуры — допустим, к людям, склонным считать себя включенными в традиционную православную субкультуру. Это достаточно комфортная аудитория* (14 февраля 2009 г.).

И последний прогноз (единственный, в справедливости которого я полностью убеждена): поскольку всегда изменения в языке воспринимаются говорящими как «порча языка», русский язык XXI века будет «хуже» русского языка XX века, так же, как язык XX века был «хуже» языка Тургенева и Лескова.

ЛИТЕРАТУРА

Горбачевич 1990 — Горбачевич К.С. Дано ли нам предугадать? (О будущем русского языка) // Русистика. 1990. № 2. С. 70–80.

- Ермакова, Земская, Розина 1999 — *Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.* Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Зализняк 2006 — *Зализняк А.А.* Русские культурные концепты в европейской лингвистической перспективе: слово *проблема* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды междунар. конф. «Диалог 2006» (Бекасово, 31 мая — 4 июня). М., 2006.
- Зализняк, Левонтина, Шмелев 2006 — *Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелев А.Д.* Эволюция ключевых концептов русского языка в XX веке: аспекты изучения // Вестник РГНФ. 2006. № 50 (1).
- Иванов 2004 — *Иванов Вяч.Вс.* Лингвистика третьего тысячелетия. Вопросы к будущему. М., 2004.
- Караулов 1991 — *Караулов Ю.Н.* О состоянии русского языка современности. М., 1991.
- Кронгауз 2007 — *Кронгауз М.* Русский язык на грани нервного срыва. М., 2007.
- Купина 2010 — *Купина Н.А.* Советизмы сегодня: семантика и функции // Проблемы лексической семантики. Тезисы докладов международной конференции Девятые Шмелевские чтения (24–26 февраля 2010 года). М., 2010.
- Левонтина 2006 — *Левонтина И.Б.* Шум словаря // Знамя. 2006. № 8.
- Левонтина 2010 — *Левонтина И.Б.* Русский со словарем. М., 2010.
- Мельц 2002 — *Мельц Б.* У русского языка нет будущего // Вечерний Нью-Йорк. 4 мая 2002 г.
- Николаенко В.В. Каким будет русский язык 2051 года? // platonius.narod.ru/glottal.htm
- Новиков 2007 — *Новиков Вл.* Из «Словаря модных слов» // Язык в движении: к 70-летию Л.П. Крысина. М., 2007.
- Панов 2007 — *Панов М.В.* Из наблюдений над стилем сегодняшней периодики // *Панов М.В.* Труды по общему языкознанию и русскому языку. Т. 2. М., 2007.
- Русский язык 1991 — Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. I. М., 1991.
- Русский язык 1996 — Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996.
- Сиротинина 2009 — *Сиротинина О.Б.* Вероятное и возможное в судьбе русского языка (размышления на основе фактов его изменений в начале XXI века) // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 9. Саратов, 2009.
- Шмелев 2009а — *Шмелев А.Д.* Русская языковая картина мира: системные сдвиги // Мир русского слова. 2009. № 4.
- Шмелев 2009б — *Шмелев А.Д.* Осознанное и неосознанное в «наивной лингвистике» // Обыденное метаязыковое сознание. Онтологические и гносеологические основы. Ч. 2. Кемерово; Барнаул, 2009.
- Эпштейн 2000 — *Эпштейн М.Н.* О будущем языка // Знамя. 2000. № 9.

II. ФУТУРУМ: ЛЕКСИКОН — ГРАММАТИКОН

БУДУЩЕЕ КАК СМЕНА СИТУАЦИЙ: ВРЕМЯ И ВИД

Говоря о будущем времени, исследователи неизменно выдвигают на первый план его связь с модальными значениями. Приведу несколько характерных высказываний: «По отношению к будущему времени мы не можем высказывать никаких утверждений, кроме предположений и догадок» [Есперсен 1924/1958: 310]; «Future is less a temporal category and more a category resembling agent-oriented and epistemic modality» [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 280]; «Как известно, будущему времени свойствен прежде всего признак неактуальности, так как невозможно сравнить или проверить сказанное с реальностью» [Фичи Джустини 1997: 120]; «Утверждения о будущем коренным образом отличаются от утверждений о прошлом и настоящем: если (многие) и (большинство) настоящих событий говорящий имеет возможность — хотя бы в принципе — наблюдать лично, то будущие события не принадлежат реальному миру: любое утверждение о будущем представляет собой пусть даже и очень достоверную, но гипотезу» [Плунгян 2000: 267]. В современной грамматической семантике будущее время, наряду со значениями желательности, необходимости, возможности, произвольного выбора, цели, предположительности и др., относят к контекстам «снятой утвердительности», обладающим многочисленными общими чертами [Вейнрейх 1963/1970: 173–177; Падучева 1985: 94–102; Haspelmath 1997: 37–45].

Отнесенность обозначаемого действия к будущему считается существенным и для видового противопоставления; ср. следующую характерную оговорку: «Рассматриваются только личные формы глагола — без отрицания; без модальности и буд. времени; без переносного употребления времен» [Падучева 1996: 25]. При этом влия-

ние связи будущего времени со сферой модальности на функционирование глагольных видов оценивается по-разному; ср., например: «Специфика будущего времени, когда речь идет о заведомо неосуществленном действии, накладывает свой отпечаток на характер видового противопоставления. Общее значение будущего времени способствует развитию у глаголов различных модальных значений. [...] Основным видовым противопоставлением в будущем времени является противопоставление совершенного вида в конкретно-фактическом значении несовершенному виду в общефактическом значении» [Рассудова 1968: 87]; «Отнесенность действия к будущему накладывает особый отпечаток на проявление значения конкретности. Если прошедшее конкретное основано на воспроизведении действия, бывшего когда-то актуальным, то конкретное будущее не основывается на таком основании: обозначается действие, которого еще нет. Поэтому процессность во многих случаях оказывается ослабленной или совсем отсутствует» [Бондарко 1971: 90].

Другая идея, касающаяся различия между будущим совершенного вида (СВ) и описательным будущим несовершенного вида (НСВ), принадлежит С.О. Карцевскому, который считал, что описательное будущее НСВ указывает на будущее действие, полностью отделенное от плана настоящего. Таким образом, предложение *Она сейчас будет одеваться к обеду* говорит недвусмысленно, что та особа, о которой идет речь, еще не начала одеваться. Наоборот, предложение с простым будущим СВ *Она сейчас оденется к обеду*, может означать, что эта особа скоро закончит свой туалет, уже начатый ранее [Karcevski 1927: 153]. Аналогичной точки зрения придерживались, в частности, В.В. Виноградов («В описательной форме будущего времени течение действия целиком относится к области будущего. Прямая противопоставленность этой формы будущего настоящему очевидна. [...] В отличие от описательной формы будущего времени форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего» [Виноградов 1947: 569, 574]) и А.В. Исаченко, считавший, что формы будущего НСВ выражают «разобщенность процесса с моментом речи», а формы будущего СВ оставляют это значение невыраженным [Исаченко 1960: 444–445].

Вместе с тем, уже давно замечено, что формы будущего НСВ при определенных условиях способны обозначать ситуации, которые в данный момент уже имеют место и будут продолжаться в дальнейшем:

(1) *Нарочно молчит, затаился. И долго еще будет молчать, такой уж характер* (Ю. Коваль);

(2) Она спасала жизнь акушерки Лизы Элькиной: в гетто еще **будут рождаться** дети, и Лизе надо будет их принимать (А. Рыбаков);

(3) До тех пор, пока комиссия не оценит его деятельность, он по-прежнему **будет считать** себя Председателем (В. Войнович)¹.

По-видимому, на этом основании М.Я. Гловинская дает практически тождественные толкования форм будущего времени СВ и НСВ, причем содержащие скрытую полемику с Карцевским: «Формы будущего времени НСВ (*Я буду читать*) обозначают действие 'в протекании', либо с самого начала отнесенное в будущее, либо такое, которое в момент речи уже начато и будет дальше продолжено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Ты что будешь делать?* — *Буду читать*). Формы будущего времени СВ (*Я прочту эту книгу*) обозначают действие, которое достигнет полного результата, также либо целиком (от начала до конца) отнесенное в будущее, либо такое, которое уже начато в момент речи и будет закончено в будущем (Вопрос к читающему человеку: — *Что ты будешь делать?* — *Вот прочту статью и пойду домой*)» [Гловинская 1989: 79–80].

Следует заметить, однако, что обозначение действия 'в протекании', что соответствует актуально-длительному (процессному) значению НСВ, вообще-то совсем не характерно для будущего НСВ. Это значение, специфической чертой которого является фиксация внимания на срединном периоде протекания обозначаемого действия (ин-тратерминальность), наиболее отчетливо проявляется в том случае, когда описываемый период определяется относительно времени осуществления другого действия, обычно обозначаемого формами СВ:

(4) Я не помнил точно, как кончилась история, которую я собирался рассказать, но решил, что **вспомню**, когда **буду рассказывать** (В. Пелевин);

(5) А представь себе, что, когда **будешь умирать**, вдруг **попросишь**: похороните меня по православному обряду?.. (А. Солженицын).

Относительная малочисленность подобных употреблений в будущем времени не является специфической чертой именно русского языка. То же справедливо, например, и для будущего времени английского прогрессива (длительного разряда), центральной функцией которого является выражение актуально-длительного (конкретно-

¹ Многочисленные примеры подобного рода приводятся как контраргументы при обсуждении концепции С.О. Карцевского в [Кржижкова 1962; Фуксман 1973].

процессного) значения: «Основное значение процесса, соотносённого с определенной точкой во времени, не характерно для будущего времени длительного разряда» [Иванова 1961: 89].

Можно предложить и такой подход к данному вопросу, при котором особенности функционирования видов в будущем времени непосредственно вытекают бы из темпорального значения будущего.

Дело в том, что формы будущего времени и СВ, и НСВ, как правило, используются для обозначения таких ситуаций, которые в описываемый период еще не имеют места, и, следовательно, обозначение ситуации в будущем обычно предполагает соответствующее изменение наличного положения дел. Между тем, согласно широко признанной точке зрения, «изменение» («возникновение новой ситуации», «переход от одной ситуации к другой») является общим или, по крайней мере, основным значением совершенного вида, наиболее контрастно противопоставленным актуально-длительному значению несовершенного вида [Барентсен 1973; Бондарко 1996: 139–141; Шатуновский 1996: 309–317 и др.]. Таким образом, должна существовать глубинная семантическая связь (смысловая согласованность) между отнесенностью ситуации в будущее и перфективностью. Иначе говоря, глаголы СВ в будущем времени вполне могут сохранять свое основное значение, а модификации подвергается видовое значение глаголов НСВ, и именно функции форм будущего времени НСВ требуют специального рассмотрения².

Это косвенно подтверждается данными частотного словаря русского языка Э. Штейнфельдт. Согласно проведенным ею подсчетам, будущее НСВ (*буду открывать*) употребляется в несколько раз реже будущего СВ (*открою*), тогда как в целом виды глагола характеризуются почти равной употребительностью: примерно 53% для НСВ и 47% для СВ. Из этого следует, что будущее СВ является базовой формой будущего времени в русском языке.

Можно выделить несколько типичных (не всегда четко разграничиваемых) осмыслений форм будущего НСВ.

1. Одно из наиболее заметных различий между формами будущего времени состоит в том, что формы будущего НСВ часто акцентируют внимание на начальной фазе действия, а формы будущего СВ — на его конечной фазе и достижении результата. Поэтому предложение *Скоро стемнеет* можно истолковать как

² Сходная аргументация использована при описании функционирования русского глагольного вида в повелительном наклонении в [Шатуновский 2004].

‘уже темнеет, и скоро станет совсем темно’, а предложение *Скоро **будет темнеть*** — как ‘еще светло, но скоро начнет темнеть’. Сходное семантическое различие наблюдается между фразами *Когда **будут строить** новый корпус?* и *Когда **построят** новый корпус?* В первом случае это вопрос о дате начала строительства, а во втором — о времени его завершения; ср.:

(6) — *Все мерите, строители?* — *насмешливо спросил человек, выписывающий пропуска.* — ***Строить-то** когда же **будете**?* (Ю. Домбровский) = когда начнете строить.

Значение начинательности у форм будущего НСВ особенно отчетливо ощущается в тех случаях, когда обозначаемые ими ситуации соотнесены не с определенным моментом в будущем, а с другим действием, осуществление которого является предпосылкой для их возникновения:

(7) *К счастью, жена птицелова поддержала меня: — В Москве ты прославишься и **будешь зарабатывать*** (В. Катаев);

(8) *И он скоро умрет, — он это знает. Когда он встанет сегодня со своего ложа, у него **будут** подламываться и **трястись** ноги, а руки **будут делать** неверные, странные движения, — и это смерть* (Л. Андреев);

(9) *Эльдар Рязанов помирился с Войновичем и, кажется, **будет, наконец, ставить** новый фильм про Чонкина* (Г. Горин).

Возможно, что описательное будущее НСВ связано с идеей начинательности исторически, поскольку считается, что «исконно “буду+инфинитив” по существу было равнозначно “начну+инфинитив”» [Иванов 1984: 82]. В данном случае, однако, важно прежде всего то, что идея изменения практически равнозначна возникновению новой ситуации, а семантический компонент ‘начать’ и сам по себе неоднократно рассматривался в качестве возможного инварианта основного значения СВ. Кроме того, если исходить из того, что значение начинательности включает в себя, по крайней мере, два семантических компонента: 1) в момент *t* не имело места *P* и 2) после *t* имеет место *P* [Падучева 2004: 179–196], то можно отметить, что для форм будущего НСВ в этом типе употреблений «момент *t*» расположен на временной оси *п о с л е* момента речи (или его аналогов). Таким образом, такие употребления будущего НСВ полностью соответствуют упоминавшимся выше идеям С.О. Карцевского.

2. У форм будущего НСВ возможен также сдвиг к значению *намерения* или другим стадиям осуществления действия, предшествующим его непосредственной реализации. Так, будущее НСВ в предложении *Если будете покупать билеты, позвоните мне* значит примерно 'если решите, соберетесь покупать', а будущее СВ в предложении *Если купите билеты, позвоните мне* — 'если удастся купить'. К этой же фазе «макродействия» относится и форма *будешь посылать* в примере:

(10) *Если будешь посылать продукты, обязательно положи хотя бы бутылочку растительного масла* (А. Волос) \approx если решишь, соберешься послать.

Кроме того в подобных случаях на выбор вида в будущем времени влияет также степень контролируемости достижения результата. Если ситуация такова, что уверенности в успешном достижении результата нет, то по отношению к ней использование формы будущего СВ затруднительно. Так, фраза *Завтра я буду сдавать экзамен*, где выражается намерение, совершенно естественна, тогда как аналогичная фраза с будущим СВ *Завтра я сдам экзамен* звучит очень странно. Негагарантированностью достижения желаемого результата объясняется, по-видимому, выбор формы будущего НСВ (а не СВ) в следующих примерах:

(11) А н я. Ну что, как? Заплатили проценты? В а р я. Где там. А н я. Боже мой, боже мой... В а р я. В августе будут продавать имение... А н я. Боже мой... (А. Чехов);

(12) *Она рассчитывала, что я буду доказывать, что хочу получить именно плохую квартиру* (В. Войнович).

И наоборот, отмеченную в [Рассудова 1968: 88] неестественность фраз типа *Он будет получать выговор* или *Я буду давать вам такой совет* можно объяснить тем, что такие действия полностью контролируются их потенциальными производителями, а, скажем, для действия «просить» уверенности в успешности нет, а потому вполне можно сказать *Я буду просить его помочь нам* (наряду с также возможным в данной ситуации будущим СВ *Попрошу помочь*). При этом показательно, что высказывания с будущим НСВ этого глагола обращены преимущественно к вышестоящим лицам:

(13) *Буду просить начальника Дальстроя ходатайствовать о вашем помиловании* (А. Жигулин);

(14) Я ставлю вам «отлично» и **буду просить** командира батальона объявить вам благодарность с занесением в личное дело (В. Войнович);

(15) Я пойду к самому царю сидонскому и **буду просить** его, чтобы он послал корабль в страну Канар и выкупил из плена своего сидонца (В. Ян).

3. Широко распространено и использование будущего НСВ для обозначения неограниченно повторяющихся ситуаций в плане будущего:

(16) Донес кто-нибудь один или оба? А если один, то кто именно? Ему никогда об этом не узнать. И он **будет** обоим **пожимать** руки и **молчать**, чтобы не обидеть невиновного (В. Быков);

(17) А когда мы пойдем на восток, обещаю, мы уже не **будем смущать** вас мелкими придирками (Ю. Домбровский);

(18) Там сад какой! Большущий. Я к тебе за черешнями теперь **буду приходить** (А. Беляев).

По отношению к НСВ неограниченная повторяемость и неограниченная длительность нередко считаются разновидностями одного и того же признака; ср., например: «продолжительность действия во времени проявляется в двух формах: в длительности в узком понимании как непрерывной тождественности и длительности в широком понимании как повторяющейся (прерывной) тождественности действия» [Шелякин 1983: 55]. Однако, поскольку для того, чтобы повториться, действие должно хотя бы раз осуществиться, «прагматические соображения приводят к устойчивому пониманию узואльных действий как результативных» [Шатуновский 1996: 319]. Тем самым, многократный НСВ обнаруживает глубинную семантическую связь с СВ, что дает определенные основания рассматривать его, наряду с НСВ в настоящем историческом, в качестве «смыслового аналога» СВ [Гловинская 1982: 34]. Обнаружение многочисленных и разнообразных проявлений сходства между СВ и многократным НСВ явилось для А. Тимберлейка одним из главных оснований для отказа от поиска инвариантного значения НСВ [Тимберлейк 1982/1985: 274–285].

Кроме того, можно заметить, что неограниченно-кратная (итеративная) интерпретация глаголов НСВ обычно имеет место в тех случаях, когда по тем или иным причинам становится невозможным или затруднительной их осмысление в актуально-длительном значении. В этой связи представляется не очень удачной получившая в последнее время довольно широкое распространение интерпретация

многократного значения НСВ как «тривиального» (см., например [Падучева 1996: 86]). Скорее такую интерпретацию НСВ следовало бы назвать «вынужденной» или «дефолтной».

4. В контекстах, допускающих обе формы будущего времени, возможны и другие семантические соотношения между ними. В следующем примере простое будущее СВ предполагает осуществление действия от начала до конца:

(19) *Садись, я тебе сейчас сводку всех писем продиктую* (К. Симонов).

Между тем сложное будущее НСВ *буду диктовать*, также в принципе возможное здесь, обозначало бы только процесс диктовки, безотносительно к итоговому результату. Поэтому при употреблении сложного будущего НСВ на первый план может выступать сам характер действия (его лексическая идентификация):

(20) *Так ты знаешь Любку! Думаешь, я буду хныкать или молчать, когда меня будут бить? Я буду ругаться, кричать* (А. Фадеев).

В таких случаях часто возможна практически равнозначная взаимозамена будущего НСВ и простого будущего глаголов ограничительного или длительно-ограничительного способов действия СВ, которые не предполагают достижение результата (внутреннего предела):

(21) *Приходите ко мне, вам будет у нас весело: мы будем вместе читать, будем старое вспоминать, Федора о своих богомольных странствиях рассказывать будет* (Ф. Достоевский) \approx *вместе почитаем, старое повспоминаем*.

Такие употребления будущего НСВ близки к тому, что Дж. Форсайт называл «простым называнием» действия (simple denotation) [Forsyth 1970: 6].

5. Наконец, только форма будущего НСВ допустима в тех очевидных случаях, когда глагол относится к числу *imperfectiva tantum*:

(22) *Уж что-что, а свое оружие должен держать в порядке ты сам. Как-нибудь наступит такой час, когда только от этого и будет зависеть твоя жизнь* (Ю. Домбровский);

(23) *Собрание это запомнилось мне прежде всего потому, что на нем*

или употребляется в сочетании с такими адverbиальными показателями длительности или повторяемости, с которыми глаголы СВ (в соотносительных лексических значениях) не сочетаются:

(24) — Анна! Пятнадцать лет назад вы мне объявили, что не любите меня и не полюбите никогда. Я вам ответил, что **буду вас любить всегда** (В. Брюсов);

(25) Ты **будешь** аккуратно **получать** то же, что получал и раньше. Все будет по-старому (А. Чехов);

(26) — Если я не **буду протирать** звезды каждый вечер, — думал он, — они обязательно потускнеют (С. Козлов);

(27) — Сколько я **буду просить**, чтобы она зашла к нам? (Г. Полонский).

Подводя итоги, можно использовать схематическое представление предельного целенаправленного действия (прототипической глагольной макроситуации), приведенное в [Князев 2007: 96-97], в которой участок А–Б соответствует подготовительной фазе (желанию, готовности, необходимости совершить данное действие); участок Б–В — деятельности, направленной на осуществление поставленной цели; участок В–Г — достижению результата; участок Г–Д — последующему итоговому состоянию:

$$(28) \quad \begin{array}{c} \Gamma - \Delta \\ | \\ A - B - B \end{array}$$

Формы будущего времени глаголов СВ, как и формы прошедшего времени СВ, обозначают, в зависимости от лексического значения глагола, либо участок Б–В–Г, либо — при отсутствии «медиальной» фазы — только участок В–Г:

(29) Но ничего, ничего, пруд **выкопаем**, карпов или карасей, на худой конец, **разведем** (В. Астафьев);

(30) Но ты **вырастешь** и кого-нибудь **полюбишь** и тогда мне все эти глупости **простишь** (Л. Улицкая).

Что же касается форм будущего НСВ, то для них характерен «сдвиг влево»: к подготовительной и начальной фазам макроситуации. Если же рассматривать формы будущего НСВ в целом, то, ис-

пользуя выражение С. Кеммер [Kemmer 1988: 315], можно сказать, что выражаемые ими значения близки к тому, чтобы приобрести «конфигурацию бублика» (doughnut configuration): традиционно считающееся основным актуально-длительное значение выражается относительно редко, а другие значения получают относительно больший вес.

ЛИТЕРАТУРА³

- Барентсен 1973 — *Барентсен А.* К описанию семантики категорий 'Вид' и 'Время' (На материале современного русского литературного языка) // *Tijdschrift voor Slavische taal- en letterkunde*, 2, 1973. С. 5–32.
- Бондарко 1971 — *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко 1996 — *Бондарко А.В.* Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
- Вейнрейх 1963/1970 — *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. V. М., 1970.
- Виноградов 1947/1947 — *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947.
- Гловинская 1982 — *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Гловинская 1989 — *Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.
- Есперсен 1924/1958 — *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958.
- Иванов 1984 — *Иванов В.В.* Становление аналитической формы будущего времени в русском языке // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.
- Иванова 1961 — *Иванова И.П.* Вид и время в современном английском языке. Л., 1961.
- Исаченко 1960 — *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Т. 2. Братислава, 1960.
- Князев 2007 — *Князев Ю.П.* Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

³ При ссылках на переводные работы, как правило, указываются две даты — год выхода оригинала и год выхода перевода, разделенные косой чертой; то же относится и к стереотипным переизданиям работ, написанных на русском языке.

- Кржижкова 1962 — *Кржижкова Е.* Некоторые вопросы изучения категории времени в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1962. № 3.
- Падучева 1985 — *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотносительность с действительностью. М., 1985.
- Падучева 1996 — *Падучева Е.В.* Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
- Падучева 2004 — *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В.А.* Общая морфология. М., 2000.
- Рассудова 1968 — *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.
- Тимберлейк 1982/1985 — *Тимберлейк А.* Инвариантность и синтаксические свойства вида в русском языке // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. М., 1985.
- Фичи Джустути 1997 — *Фичи Джустути Ф.* Видовые отношения в будущем времени в русском и других славянских языках // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Т. 2. М., 1997.
- Шатуновский 1996 — *Шатуновский И.Б.* Семантика предложения и нереферентные слова. М., 1996.
- Шатуновский 2004 — *Шатуновский И.Б.* Императив и вид // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 4. М., 2004.
- Шелякин 1983 — *Шелякин М.А.* Категория вида и способы действия русского глагола. Таллин, 1983.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — *Bybee J., Perkins R., Pagliuca W.* The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago; London, 1994.
- Forsyth 1970 — *Forsyth J.* A grammar of aspect. Cambridge, 1970.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* Indefinite pronouns. Oxford, 1997.
- Karcevski 1927 — *Karcevski S.* Système de verbe russe. P. 1927.
- Kemmer 1988 — *Kemmer S.* The middle voice: a typological and diachronical study. Doctoral dissertation. Stanford University, 1988.

БУДУЩНОСТЬ ИЛИ МОДАЛЬНОСТЬ: ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У ДАТСКОГО ЯЗЫКА?

Речь в данной статье пойдет не о будущем датского языка, как это может показаться из ее названия, а о форме будущего времени в датском языке. Представляется, однако, что ответ на этот вопрос важен и для ответа на первый.

Датский язык располагает целым рядом средств выражения футуральности, однако каждое из них, в соответствии с принципами языковой избирательности, имеет свои прагматические особенности и контексты употребления. Так, футуральный презенс в целом используется для передачи актуального для говорящего будущего [Бабушкина 1982: 159; Локштанова 1986: 230; Hansen, Heltoft 1999: 217–218]. Конструкция *kommer til at + Inf.* имеет «акциональную семантику непроизвольности, неконтролируемости, неизбежности действия» [Локштанова 1986: 87] и может приобретать футуральное значение только в определенных контекстуальных условиях [Бабушкина 1982: 183] в отличие от шведского языка, где десемантизированная конструкция *kommer att + Inf.* широко используется для передачи прогностического будущего [Чекалина 1993: 228]. Футуральное употребление видового сочетания *få + p. II*, означает завершенное действие в будущем [Бабушкина 1982: 149; Локштанова 1986: 90–92].

В некоторых ютских и фюнских диалектах можно обнаружить заимствованный из немецкого языка глагол *werden*, который употребляется для передачи действия в будущем. Однако литературный датский язык, как и английский, предпочел использовать для выражения футурального значения модальные глаголы *ville* и *skulle*, имеющие семантику волеизъявления и долженствования. Именно этим, а также спецификой самого футурального действия, еще не реализовавшегося и, значит, связанного с модальностью, объясняется трудность их разграничения от соответствующих модальных сочетаний в датском языке. Каков же их грамматический статус?

Еще в начале XX века известный датский лингвист К. Миккельсен, говоря о данных глаголах как вспомогательных, отмечал, что «*ville* используется для выражения будущего времени как такового... *skulle* имеет различные оттенки модальных значений (запланированность, обещание, гарантированность)» [Mikkelsen 1911: 428].

Отечественные исследователи Е.В. Бабушкина и Л.М. Локштанова, говоря о грамматических средствах выражения футурального действия в датском языке, также делают заключение о различном морфологическом статусе футуральной аналитической формы со вспомогательным глаголом *ville* и модального будущего со *skulle*. Однако данный вопрос по-прежнему остается актуальным, т.к. большинство датских лингвистов, вслед за О. Есперсеном, П. Дидериксеном [Diderichsen 1974: 128–129] и О. Хансеном [Hansen 1967: III: 27–28], относят указанные футуральные сочетания к «описательным формам», отрицая наличие в датском языке входящих во временную парадигму форм будущего времени [Becker-Christensen 2001:98; Brinth 1980: 13; Jensen 2005: 199]. Характеристика глаголов *ville* и *skulle* как вспомогательных для образования футуральных глагольных конструкций превалирует в датских и отечественных грамматиках [Nissen 1993: 18; Новакович 1996: 412].

В основе выделения футуральной аналитической конструкции должен лежать принцип формирования футурального контекста путем нейтрализации модального признака первого компонента. Для семантики глагола *skulle* характерна модальная многоплановость, включающая такие оттенки модального значения, как намеренность, запланированность действия, а также обещание, гарантированность выполнения действия в будущем. Все это осложняет процесс его полной десемантизации, что позволяет охарактеризовать *skulle* + *Inf.* как модальный футурум (см. также: [Jensen 2005: 306]).

Семантика глагола *ville* включает значение волеизъявления и значение будущности, т.е. нереализованности на момент речи действия, выраженного инфинитивным компонентом глагольного сочетания. Таким образом, при нейтрализации волютивного компонента семантики глагола *ville* у него сохраняется только футуральный признак, что создает потенциал для формирования темпоральной аналитической конструкции, ср.:

Den vil dø, ingen kan hjælpe den. Она (лошадь) умрет, никто не может ей помочь.

Og nu ligger den dér og skal dø om en halv time, og den ved ikke noget. Jeg ville ønske, den bare var faldet om af sig selv. Så jeg ikke skulle tage den beslutning. А теперь она (собака) лежит там и должна умереть через

полчаса, и ничего об этом не знает. Я бы хотела, чтобы она просто сдохла сама, и мне не нужно было бы принимать такое решение.

Доказав наличие в датском языке темпоральной аналитической конструкции *vil + Inf.*, мы, однако, не решим проблему ее омонимии с синтаксическим сочетанием *vil + Inf.* В связи с этим мы ограничимся кратким рассмотрением основных признаков морфологизации конструкции с *ville* и подробнее остановимся на несколько ином подходе к решению проблемы грамматической дифференциации двух омонимичных глагольных сочетаний *vil + Inf.*

В трудах отечественных германистов (см., напр.: [Гухман 1963, 1968, 1972; Жирмунский 1965; Смирницкий 1956; Смирницкая 1972, 1977; Ярцева 1965]) были выработаны критерии выделения и обособления определенных словосочетаний в виде темпоральных аналитических конструкций. Такими критериями являются:

- грамматическая и лексическая неразложимость;
- идиоматичность как основа этой неразложимости;
- обобщенность дифференциальных признаков плана содержания;
- охват всей лексической системы глаголов [Гухман 1963].

В своем основном значении волеизъявления глагол *ville* требует употребления одушевленного субъекта, выраженного преимущественно 1 лицом. Однако соблюдение данного требования отнюдь не означает, что компонент *ville* при этом всегда имеет свою исходную лексическую семантику волеизъявления. Так, мы можем говорить о внутренней лексической обусловленности как одном из признаков футурального контекста, если семантика вторых компонентов глагольного сочетания несовместима со значением волеизъявления компонента *vil*. Это значение, например, нейтрализуется семантикой инфинитивных компонентов, выраженных глаголами *holde af* 'любить' и *savne* 'скучать', *ønske* 'желать' и других.

В качестве вторых компонентов конструкции могут также выступать инфинитивы модальных глаголов *kunne* и *skulle*, употребление которых в сочетании с модальным глаголом *ville* маловероятно. При этом значение будущности действия остается, что подчеркивается и обстоятельствами времени *altid* 'всегда', *bagefter* 'затем', *en dag* 'однажды' и др.:

Jeg har lyst til at sætte mig ved siden af ham og lægge en hånd på hans skulder, men han vil ikke bryde sig om det ... Мне хочется сесть рядом с ним и положить руку на его плечо, но ему это не понравится...

Bagefter vil du føle dig lettet, sagde han forsigtigt. После этого ты почувствуешь себя легче, сказал он осторожно.

En dag vil I blive gamle og se tilbage på jeres tilværelse... Однажды вы состаритесь и оглянетесь на свою жизнь...

Hun vil kunne bo hos os. Она сможет жить у нас.

De vil skulle have læst bogen. Они должны будут прочитать эту книгу.

В приведенных примерах глагольная конструкция употребляется в контексте одушевленного субъекта, выраженного 2 или 3 лицом, что ограничивает возможности говорящего передать субъективное отношение субъекта действия к самому действию и свидетельствует о десемантизации компонента *vil*.

Таким образом, наличие неодушевленного субъекта и обстоятельств времени при глагольном сочетании с *vil* является фактором внешней лексической обусловленности футуральной конструкции и также позволяет говорить о морфологизации футуральной конструкции *vil* + *Inf.*:

Med den vejrudsigt der er, vil det nok vare mange dage før isen bliver ren. [...] Men før eller siden vil sneen smelte. С таким прогнозом погоды, как сейчас, пройдет, скорее всего, много дней, прежде чем лед станет чистым. Но рано или поздно снег растает.

В роли инфинитивного компонента футуральной конструкции могут выступать глаголы самой разной семантики: это глаголы действия и состояния, глаголы модальной и модально-оценочной семантики, реляционные и каузативные глаголы. Все это свидетельствует о возможности выделения глагольного сочетания с *vil* в качестве футуральной аналитической конструкции и по критерию охвата всей лексической системы глаголов:

Помимо перечисленных признаков, для конструкции характерна и структурная обусловленность, а именно наличие синтаксического контекста, типичного для изоляции футуральной аналитической конструкции *vil* + *Inf.*, например, сложноподчиненные предложения с придаточными времени и условия [Бабушкина 1982: 45–48]:

Og hvis jeg forlader kirken, vil jeg vække en del opmærksomhed. А если я покину церковь, то привлеку к себе некоторое внимание.

Kommer der engang en fælles EU-hær, så vil soldaterne være af samme størrelse. Если однажды возникнет общая армия стран ЕС, то все солдаты будут одного размера.

Выражаемое конструкцией *ville + Inf.* будущее в прошедшем симметрично будущему и выражает общий для всех футуральных форм дифференцированный семантический признак 'следование' по отношению к моменту репродуцируемой речи [Локштанова 1986: 148]. Основными контекстами употребления будущего в прошедшем являются придаточные дополнительные, вводимые главным предложением с предикатом, выраженным глаголами ментальной семантики в форме претерита: *tro* 'верить, думать', *tænke* 'думать', *tæne* 'считать', *formode* 'предполагать', *regne med* 'рассчитывать', *vide* 'знать' и др., а также глаголами речи: *sige* 'сказать', *erklære* 'заявить', *love* 'обещать', *meddele* 'сообщить', *fortælle* 'рассказать' и т.д. Независимо от значений вводящих модусов, значение формы будущего в прошедшем в придаточной части является грамматическим и, судя по всему, не имеет модальных коннотаций. В связи с употреблением глаголов речи в вводящей футуральное действие пропозиции, представляется показательным пример из фантастического романа Н. Брунсе "Havmanden", в котором моряк, отплыв от датского берега в сторону Англии в наше время, в результате необъяснимых обстоятельств оказывается в Англии XVII века и рассказывает живущим там людям о том, что произойдет в ближайшем будущем с Данией:

Og for at sætte trumf på **fortalte** jeg ham, at kong Christian *ville dø til næste år* og *blive efterfulgt* af sin søn Frederik den Tredje, og at Danmark *snart ville komme i krig* med Sverige og *miste sin dominerende stilling* i Norden. И чтобы козырнуть, я рассказал, что король Кристиан IV умрет в следующем году и его преемником станет его сын Фредерик III, и то, что Дания скоро вступит в войну с Швецией и потеряет свои доминирующие позиции на Севере.

В приведенном примере информация, передаваемая формой будущего в прошедшем, имеет прогностическое значение для слушающих, а для самого говорящего рассказанные события являются фактом исторической действительности, что подтверждает отсутствие у формы будущего в прошедшем какой-либо субъективной коннотации. Здесь налицо признаки футурального контекста: внутренняя лексическая обусловленность (инфинитивы *dø* 'умирать', *miste* 'терять' в качестве второго компонента сочетания), внешняя лексическая обусловленность (обстоятельства времени *til næste år* 'в следующем году', *snart* 'скоро'), а также структурная обусловленность.

Таким образом, мы обнаруживаем основные признаки типичного футурального контекста при употреблении *vil/ville + Inf.*:

- внутреннюю лексическую обусловленность — семантика инфинитивов несовместима со значением волеизъявления *vil/ville*;
- внешнюю лексическую обусловленность — употребление с неодушевленным субъектом и обстоятельствами времени;
- структурную обусловленность — типичные для футурума синтаксические структуры;
- охват всей лексической системы глаголов.

Проверка степени аналитизма конструкций *vil + Inf.* методом субституции [Смирницкая 1977: 72] и другими трансформациями, отграничивающими синтаксическое глагольное сочетание от футуральной аналитической конструкции [Балли 2003: 222; Крылова 2008: 107], также подтверждает наличие в датском языке футуральной аналитической конструкции.

Показательно, что, как и «в немецком литературном языке в процессе становления футурума и кондиционалиса оказались отобранными и стандартизованными конструкции с одним и тем же глаголом *werden*» [Гухман 1972: 58], датский язык использует конструкции с глаголом *ville* и в сфере футурального функционирования, и в формах кондиционалиса [Локштанова 1986: 195].

Однако проблема омонимии футуральной аналитической конструкции и синтаксического сочетания с волютивным значением зачастую осложняет их грамматическую дифференциацию. Наиболее сложными при этом являются случаи употребления *vil + Inf.* с одушевленным субъектом 1 или 3 лица, где наиболее полно проявляется мотивированность футурального значения собственным модальным значением *vil*. Механизм разрешения омонимии в таких случаях может заключаться в использовании специальных маркеров, отграничивающих модальное сочетание от футуральной конструкции. Наиболее распространенным способом здесь является использование в качестве интенсификатора волютивного значения аксиологического наречия *gerne* 'охотно, с удовольствием':

— Jeg *vil gerne hjem*. — Jeg *vil gerne følge dig hjem*.

— Я (очень) хочу домой. — Я провожу тебя (=очень хочу проводить).

Han *vil gerne fortælle* om sine erfaringer. Он (очень) хочет рассказать о своем опыте.

Возникает вопрос, можно ли передать подобными средствами аксиологическую оценку будущего действия, выраженного футуральной конструкцией *vil + Inf.*, ведь аксиологическое наречие *gerne* разрешает омонимию в пользу модального синтаксического сочета-

ния? Безусловно, можно. Таким средством является аксиологический оператор *med glæde* 'с радостью', уже само употребление которого свидетельствует о футуральности действия, поскольку эмотивный показатель *med glæde* не может быть интенсификатором волютивно-го значения, а маркирует футуральный контекст:

Og jeg vil med glæde svare på eventuelle spørgsmål. *И я с радостью отвечу на возможные вопросы.*

Таким образом, аксиологические операторы *med glæde* и *gerne* разграничивают соответственно футуральную аналитическую конструкцию и модальное синтаксическое сочетание.

Однако степень интенсивности волеизъявления, выражаемого субъектом, может быть различной. В этой связи обращает на себя внимание то, что в речи датчан, помимо *gerne*, активно используется такой формальный показатель степени интенсивности волеизъявления, как афирмативная частица *godt*:

Men jeg vil godt indrømme, at vi bevæger os meget tæt på grænsen. *Но я согласен признать, что мы балансируем очень близко от края.*

Hvis I gerne vil prøve det, så vil jeg godt være med som leder. *Если вы очень хотите попробовать, то я согласен / не против / готов быть руководителем.*

En af mine venner vil godt se efter jer. *Одна из моих подруг согласна присмотреть за вами.*

Функционально-семантические характеристики модальной частицы *godt* и наречия *godt* 'хорошо', различны: в рассматриваемых предложениях *godt* выходит из состава пропозиции и выражает афирмативное значение, противоположное отрицанию *ikke* [Jensen 1997, 2000: 5].

Анализ корпуса собранных примеров с *godt* приводит нас к выводу о том, что эта частица, как и *gerne*, употребляется в контексте одушевленного субъекта 1 и 3 лица, т.е. именно в тех случаях, когда отграничение футуральных конструкций от модальных вызывает наибольшие трудности. Афирмативное значение частицы *godt* 'я / он не не хочу / хочет' позволяет нам в большей части примеров перевести на русский язык выражаемое *vil godt* значение как 'согласен, не против, готов'. Важным результатом при этом является вывод о том, что частица *godt* так же, как и *gerne*, нейтрализует футуральный компонент в семантике *ville*: то, что в приведенном выше примере подруга не не хочет присмотреть за детьми, т.е. не

отказывается / согласна присмотреть за ними, еще не означает, что она это сделает.

Логично предположить, что на шкале градуированного выражения субъектом степени интенсивности волеизъявления по нисходящей — от *vil gerne* ‘очень хочу’ через *vil godt* ‘согласен, не против’ к *vil ikke* ‘не хочу’ — должно находиться языковое средство, выражающее наименьшую степень желания: «меньше всего хочу», которое мы и обнаруживаем в сочетании *vil nødig(t)*. Оно, как и описанные выше сочетания, характерно преимущественно для разговорной речи.

Таким образом мы можем составить шкалу убывающей степени интенсивности волеизъявления:

<i>vil gerne</i>	<i>vil godt</i>	<i>vil nødig(t)</i>	<i>vil ikke</i>
‘очень хочу’	‘согласен / не против’	‘меньше всего хочу’	‘не хочу’

Примечательно, что если частица *godt*, как было отмечено, вносит в сочетание с *vil* значение, противоположное значению *vil ikke*, т. е. *ikke ikke vil* ‘я / он не не хочу / хочет’, то *nødig(t)* ‘неохотно, нехотя’ антонимично по своему значению *gerne*, иными словами, выступает в роли деинтенсификатора:

Jeg har den her veninde, hun er min bedste veninde og jeg vil nødig miste hende. У меня есть вот эта подруга, она — моя лучшая подруга, и я меньше всего хотела бы потерять ее.

Значит, мы можем говорить о двух антонимичных парах:

vil gerne — *vil nødig(t)* ‘очень хочу’ — ‘меньше всего хочу’
vil godt — *vil ikke* ‘согласен, не против’ — ‘не хочу’

Отличительной особенностью *vil nødig(t)*, по сравнению с *vil ikke*, является выраженное имплицитно прагматическое значение, которое можно передать по-русски как ‘меньше всего хочу... но, возможно, (буду) вынужден...’. Здесь, очевидно, мы можем говорить о некоторой неопределенности, неясности немерений субъекта, т. е. об инволютивной маркированности [Николаева 2002: 32]. В связи с этим представляется возможным, как и в случаях с *godt* и *gerne*, говорить о нейтрализации футурального признака глагола *ville*.

То, что при помощи *vil nødig* говорящий оценивает действительное положение как не соответствующее желаемому, делает его часто средством выражения не столько наименьшей степени желания, сколько сожаления. Данная прагмасемантическая характеристика

позволяет переводить указанные глагольные сочетания на русский язык формой сослагательного наклонения «*меньше всего хотел бы*», поскольку инвариантным значением форм сослагательного наклонения является противопоставленность желаемого реальному положению дел:

Jeg vil nødig aflyse rejsen, men vil heller ikke risikere noget. Я меньше всего хотел бы отменить поездку, но и рисковать тоже не хочу (так что придется отменить).

Vi vil nødig stå i samme situation om 20 år. Я меньше всего хотел бы оказаться в подобной ситуации через 20 лет (но, судя по всему, это возможно).

Jeg vil nødig få dig til at græde. Я меньше всего хотел бы довести тебя до слез (но делаю это).

Анализ языкового материала приводит нас также к выводу о том, что отрицание *ikke* употребляется главным образом в контексте синтаксического модального сочетания *vil/ville + Inf.*, т.е. является показателем его волеутикативного значения:

Uden dig går det hele bare i opløsning. Så vil jeg ikke leve mere. Så vil jeg dø.

Без тебя все просто потеряет смысл. И я тогда не захочу больше жить. Я умру.

В результате проведенного анализа мы приходим к выводу, что датский язык использует определенные прагматические средства, чтобы разрешить омонимию и дифференцировать футуральную аналитическую конструкцию *vil / ville + Inf.* и синтаксическое модальное сочетание *vil / ville + Inf.* Для этого применяются такие индикаторы основного модального значения волеизъявления глагола *ville*, как *gerne, godt nødig* и *ikke*.

Аксиологическим индикатором, маркирующим футуральный контекст, является эмотивный показатель *med glæde* 'с радостью', употребление которого свидетельствует о футуральности действия, обозначенного аналитической глагольной конструкцией *vil / ville + Inf.*, ср.:

Han vil gerne / nødig fortælle om det. Он очень / меньше всего хочет рассказать об этом.

Han vil godt / ikke fortælle om det. Он согласен / не хочет рассказать об этом.

Han vil med glæde fortælle om det. Он с радостью расскажет об этом.

Результаты проведенного анализа, а также наблюдаемые на данном этапе тенденции развития современного датского языка позволяют утверждать, что он всеми способами и средствами защищает и укрепляет позиции датского будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкина 1982 — *Бабушкина Е.В.* Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола. Дисс. ... канд. фил. наук. М., 1982.
- Балли 2003 — *Балли Ш.* Язык и жизнь. М., 2003.
- Гухман 1963 — *Гухман М.М.* Критерии выделения глагольных аналитических конструкций из других типов словосочетаний // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.; Л., 1963. С. 199–201.
- Гухман 1972 — *Гухман М.М.* Процессы парадигматизации и историческая типология словоизменительных систем германских языков // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972. С. 39–69.
- Жирмунский 1965 — *Жирмунский В.М.* Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 5–57.
- Крылова 2004 — *Крылова Э.Б.* Прагматическая семантика и коммуникативные функции модальных частиц *nok*, *vel* и *vist* в датском языке. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2004. С. 104–123.
- Крылова 2008 — *Крылова Э.Б.* Несколько слов в защиту датского будущего // Германистика, скандинавистика, историческая поэтика (Ко дню рождения О.А. Смирницкой). М., 2008. С. 104–123.
- Локштанова 1986 — *Локиштанова Л.М.* Датский глагол. Категориальные значения и употребление финитных форм. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1986.
- Николаева 2002 — *Николаева Т.М.* «Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 25–41.
- Николаева 2005 — *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М., 2005.
- Новакович 1996 — *Новакович А.С., Усков А.И., Чеканский А.Н.* Учебник датского языка. М., 1996.
- Смирницкая 1972 — *Смирницкая О.А.* Морфологизация аналитических глагольных конструкций в германских языках // Историко-типологические исследования морфологического строя германских языков. М., 1972. С. 70–90.
- Смирницкая 1977 — *Смирницкая О.А.* Эволюция видо-временной системы в германских языках // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977. С. 5–127.

- Смирницкий 1956 — *Смирницкий А.И.* Аналитические формы // Вопросы языкознания. 1956. № 2. С. 41–52.
- Чекалина 1993 — *Чекалина Е.М.* Система форм и грамматические категории шведского глагола. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1993.
- Ярцева 1965 — *Ярцева В.Н.* Проблемы аналитического строя и формы анализа // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965. С. 58–69.
- Becker-Christensen 2001 — *Becker-Christensen, Christian og Widell, Peter.* Politikens Nudanske Grammatik. 3. udgave. 2001.
- Brinth 1980 — *Brinth Johan.* Sprog under lup. Grammatisk grundbog. København, 1980.
- Diderichsen 1974 — *Diderichsen Paul.* Elementær dansk grammatik, 3. udgave. København, 1974.
- Hansen 1967 — *Hansen Aage.* Moderne dansk. 3b. København, 1967.
- Hansen, Heltoft 1999 — *Hansen E.L., Heltoft L.* Grammatik over det Danske Sprog. København, 1999.
- Jensen 1997 — *Jensen E.S.* Godt og gerne — modalitet og polaritet // Peter Widell & Mette Kunøe (red.) 6. Møde om udformningen af dansk sprog. Århus, 1997.
- Jensen 2000 — *Jensen E.S.* Danske sætningsadverbialer og topologi i diakron belysning. Ph.d.-afhandling i dansk grammatik. København, 2000.
- Jensen 2005 — *Jensen Torben Juel.* Irrealitetsmarkører i dansk talesprog. En korpuslingvistisk undersøgelse af hvis-konstruktioner og modalverber I medarbejdersamtaler og sociolingvistiske interview. København, 2005.
- Mikkelsen 1911 — *Mikkelsen Kristian.* Dansk ordføjningslære med sproghistoriske tillæg. København, 1975.
- Nissen 1993 — *Nissen Gunnar.* Overskuelig dansk grammatik og sproglære. 2. oplag. 1993.

ВЕРНУТЬСЯ И ВОЗВРАТИТЬСЯ: РАЗНЫЕ МОДЕЛИ БУДУЩЕГО

Языковые модели времени подразделяются на такие, в которых главной фигурой является человек, и такие, которые ориентированы на само время [Арутюнова 1997: 53]. Языковые модели будущего, соответственно, также могут быть двух видов. К первому виду относятся те, которые зависимы исключительно от воли человека-деятеля. Примером такого «делового» подхода к будущему является позиция Д.С. Лихачева, согласно которому «такие вопросы, как ‘Что ждет нас в будущем?’, — не имеют смысла. Нас ждет то, что мы сделаем сами» [Запесоцкий 2008: 87].

Второй вид модели будущего зависит уже не от воли человека, а от неподвластных ему факторов. Здесь человек не может изменить то, что день грядущий ему готовит. Можно лишь попытаться повлиять (молитвами, заговорами, ритуалами) на вероятность наступления желаемых событий.

Отношение к происходящему во времени является личностной характеристикой: интернальным или экстернальным видом локуса контроля, по Дж. Роттеру. «Экстерналы» верят в то, что они заложники судьбы, тогда как «интерналы» верят в то, что их судьба находится в их собственных руках [Хьелл, Зиглер 1999: 419]. «Интернальная», деловая модель будущего представляет его как функцию от собственной воли, а «экстернальная», магическая модель — как функцию от воли других или же Другого, роль которого может исполнять или Судьба, или персонифицированные Высшие силы.

Пример «интернального» будущего, которое *«не придет само, если не примем мер»* — у В. Маяковского («Выволакивайте будущее!»). Примеры же «экстернального» будущего представлены в верованиях (*«Судьба решает всё за нас»*, *«На все воля Высшая»* и др.).

Возвращение как событие будущего может иметь исключительную ценность, когда не все возвращаются, как, например, с войны. В этой ситуации характерное «интернальное» обещание *Я вернусь* по

своей сути является заклинанием, попыткой своим речевым действием (дать слово, пообещать, поклясться) магически предопределить собственное будущее: *А мать ведь просила: 'Николка, сынок, Скажи, что вернешься живой!'* (М. Круг), *Вернись, — сказал солдат, и он придет, Но слово дал солдат, и он придет* (Е. Агранович).

Рассмотрим теперь *возвращение* как событие будущего, которое может иметь две разных валентности: 1) в некоторое место или же 2) к некоторому лицу, персоне. По этому критерию концепт *возвращения* можно расщепить на два класса событий. Мы полагаем, что *возвращение 1* характерно для когнитивного сценария глагола *возвратиться*, а для сценария глагола *вернуться* характерно *возвращение 2*.

В общем случае для сценария глагола *возвратиться* достаточно двух точек (пунктов, мест) и одного участника (одушевленного или неодушевленного). Хронотоп *возвращения 1*, задаваемый глаголом *возвратиться*, заключается в двухактном ($A \rightarrow B \rightarrow A$) движении:

- i) когда-то *X* находился в пункте *A*;
- ii) затем произошло перемещение *X* из пункта *A* в пункт *B*;
- iii) затем началось/начнется перемещение *X* из пункта *B* обратно в пункт *A*;
- iiii) затем *X* вновь оказался/окажется в пункте *A*.

Таким образом, событие *возвращение 1* наступает, когда некоторое кругообразное движение заканчивается в исходной точке. Это движение может происходить в физическом пространстве или же в пространстве состояний. Однако здесь возникает логический парадокс, аналогичный парадоксу Зенона. К примеру, если *X* уже спустился с 3-го этажа на 1-й и ему нужно теперь вновь возвратиться на 3-й этаж, то когда *X* достигнет 2-го этажа, нельзя сказать, что *X* возвратился на 2-й этаж. Почему *возвращение 1* здесь возможно только на 3-й этаж? Потому что нельзя выделить промежуточные пункты в этом возвратно-поступательном движении и считать, что их достижение представляет собой событие.

И.Б. Шатуновским эта идея квантования движения, релевантная для квантовой механики, выражена в концепте реверсивного (двунаправленного) кванта, состоящего из противоположно направленных движений: сначала перемещения из одного места в другое, а затем перемещение (возвращение) обратно [Шатуновский 2002: 300].

Психологическим коррелятом этого концепта является, надо полагать, действие, квант которого задается целью и является тоже чем-то неделимым. Отсюда следует, что событие *возвращение 1* возможно лишь на уровне действий, а на более низком уровне — движений — такого события быть не может. Поэтому камень, брошенный

вверх, не возвратится на землю, а упадет на нее, брусок не возвратится в намагниченное состояние, а снова станет намагниченным, аналогично в примере из К. Пруtkова (*Юнкер Шмидт! Честное слово, Лето возвратится!*) лето не возвратится, а повторится; и т.п. Почему же *возвращением* 1 называются физические сценарии и с неодушевленным участником, который может лишь двигаться, но не действовать? Скорее всего, это просто проявление антропоморфизма.

С учетом сказанного сценарием глагола *возвратиться* будет следующий:

- i) когда-то X находился в пункте А;
- ii) затем произошло действие 1, и соответственно X оказался в пункте В;
- iii) затем начнется действие 2 (обозначаемое глаголом *возвращаться*) и соответствующее ему перемещение X из пункта В обратно в пункт А;
- iiii) когда действие 2 достигнет цели и X вновь окажется в пункте А, то этот результат действия можно назвать *возвращением* 1.

Таким образом, событие *возвращение* 1 возможно, только если оно является целью соответствующего действия. Иными словами, нельзя *возвратиться* случайно и ненамеренно.

В [Зализняк 2006: 239] семантика глаголов *возвращаться/вернуться* рассматривается с точки зрения конативности (**возвращался, но так и не вернулся*): глаголом *возвращаться* может быть обозначена только успешная попытка, и пока человек не *возвратился/вернулся*, нельзя обозначить его действия как *возвращается*. На наш взгляд, все как раз наоборот: если действие человека нельзя обозначить глаголом *возвратиться*, то и успех этого действия (прибытие в исходный пункт) нельзя назвать *возвращением*. Поэтому можно *возвращаться, но так и не вернуться* — эту информацию нередко можно встретить в криминальных сводках.

Сценарий глагола *возвратиться* имеет векторный характер (является хронотопом). Составляющие его пункты А и В — это концы векторов ТУДА (А→В) и ОТТУДА (В→А). Для любого пути ТУДА существует и путь ОТТУДА, следование по пути ОТТУДА является действием *возвращаться*, результатом которого будет *возвращение* 1. Векторный характер этого сценария снимает парадокс невозможности *возвращения* 1 в промежуточные между А и В точки. Этому сценарию соответствует модель будущего-цели, такое будущее всегда можно произвольно достичь или «сделать»: *Долетим мы до самого Солнца И домой возвратимся скорей* (Е. Долматовский), *Заветных три желания Исполнит мудрый Гудвин И Элли возвратится С Тотошкой домой* (И. Токмакова).

Причиной инициации действия, приводящего к *возвращению* 1, является воля, своя или чужая. Целью этого действия является некоторое место, поэтому «куда?» является здесь обязательной аллативной валентностью. Даже если цель задается не топонимически (как, например, у Пушкина: «*Воротись, дурачина, ты к рыбке*»), то это просто особый способ указать на некоторое место [куда «к рыбке»? = туда, где ты встречаешься с рыбкой]. Другой пример (из биографии Шукшина): *Здесь познакомился он со своей первой женой. Познакомился, встречался, женился. А когда уехал учиться в Москву, то уже к жене не возвращался. Не возвратился даже, чтоб развестись* [куда «к жене»? = туда, где он с ней познакомился].

Заметим, что в этом примере невозможна замена *не возвращался* на *не вернулся*, потому что входящие в сценарий *возвратиться* перемещения из А в В и обратно — не входят в сценарий глагола *вернуться*. Поэтому мы не можем согласиться с мнением В. Берановой, что «куда?» является аллативной коммуникативно обязательной валентностью для глагола *вернуться* (цит. по: [Шмелев 2002: 183]).

В общем случае когнитивный сценарий СВ глагола *вернуться* характеризуется минимум двумя участниками и одной областью бытия, в которой они могут «быть вместе» (это — условное название отношений между Х и У). Семантика будущего *возвращения* 2, задаваемая глаголом *вернуться*, заключается не столько в изменении дистанции между двумя участниками, сколько в переходе от одного события к другому (что, как известно, характеризует семантику любого глагола СВ). Поэтому сценарий *вернуться* — это переход от одного точечного события к другому (в отличие от векторного сценария *возвратиться*).

Сценарий глагола *вернуться* включает в себя психологические составляющие: эмоции и чувства его участников. Нельзя *вернуться*, если это нежелательно, если нет к тому какого-то хотения, если не тянет вернуться. Парадоксально поэтому **я вернулся, хотя и не хотел*.

Поэтому когнитивный сценарий глагола *вернуться* — не хронотоп, а драма:

- i) когда-то Х и У «были вместе»;
- ii) затем происходит событие 1: У исчезает из ближайшего окружения Х;
- iii) затем какое-то время Х и У — «не вместе», и это вызывает (у Х и/или у У) отрицательные эмоции и чувства и желание снова «быть вместе»;
- iiii) затем произойдет желанное событие 2: У вновь «будет вместе» с Х, и если это событие наступит, то его можно будет называть *возвращением* 2.

Этому сценарию соответствует модель будущего-ценности, наступление которого вызывает позитивные эмоции или чувства. С известными оговорками можно предположить, что для *вернуться* обязательной валентностью является не «куда?», а «к кому?» — дативное отношение, выражаемое конструкцией «предлог к + датив».

Это предположение, на первый взгляд, неверно: многие конструкции с *вернуться* (*домой, в свой город, на Родину*) соответствуют валентности «куда?». Для аргументации будем дифференцировать события в двух разных контекстах: субъект-объектном (S-O) и субъект-субъектном (S-S). Эти методологические схемы (их всего две) хорошо известны. Схема S-O является моделью действия, включающего в свой операциональный состав также и некоторые движения. Схема S-S является моделью диалога, отношений между людьми, межличностного взаимодействия.

Можно также сопоставить эти схемы с известной триадой способностей человека — *gnosis, praxis, axis* (в психологии им соответствует: ум, воля, чувства). Схеме действия S-O соответствует диалектическое единство *gnosis-praxis*, это — инь-ян функциональной системы, обеспечивающей движения и действия. А иконический характер схемы S-S сам по себе является структурной моделью межличностного взаимодействия, аксиологичность которого не требует доказательств. Тем самым, двум разным контекстам (S-O и S-S) соответствуют два разных принципа: целевой и ценностный.

Именно по критерию S-O или S-S контекста мы полагаем возможным подразделить семантику события *возвращение* на *возвращение 1* и *возвращение 2*. В основе *возвращения 1* лежит S-O-модель движений и действий, релевантная для реверсивного кванта, который характеризует семантику глагола *возвращаться*. Поэтому *возвращение 1*, образованное от *возвратиться*, имеет выражено гностические и практические (а не аксиологические) характеристики. И поэтому же эпистемический модус семантически более корректно сочетается с *возвращаться*: *Так, видно, я сюда не возвращусь!* (Н.А. Дурова. Кавалерист-девица); *Он сам говорил мне: «Когда я выхожу из дому, я никогда не знаю, возвращусь ли назад»* (Л. Тихомиров. У могилы П.А. Столыпина).

В основе *возвращения 2* лежит S-S-модель межличностных взаимоотношений, имеющих выражено аксиологический (эмоциональный, сентиментальный) характер. Но он же характеризует и семантику глагола *вернуться*. Поэтому для образованного от *вернуться* *возвращения 2* пространственные контексты (и аллативная валентность «куда?») являются факультативными. И поэтому же деонтический модус семантически более корректно сочетает-

ся с вернуться: *Хорошо бы тебе туда вернуться; Постарайтесь вернуться назад* (Б. Окуджава. До свидания, мальчики), *Туда мы с тобой непременно должны Однажды вернуться* (М. Матусовский. Березовый сок).

Даже если инстанция, с которой произошло или произойдет *возвращение 2*, задается по аналогии с *возвращением 1*, т.е. как место (характерным примером здесь является *Родина*), то это место всегда имеет антропоморфные коннотации (*родина-мать*) или же возможна амплификация, которая их выявит как что-то свое, родное, как там-где-сердце. Так, в песне «Ой, мороз, мороз» «*Я вернусь домой на закате дня*» означает на самом деле: «*Я вернусь к жене*». Другой пример: у Ю. Визбора (*Я сердце оставил в Фанских горах... Но к сердцу покинутому моему Мне в Фанские горы придется вернуться*) к сердцу можно только *вернуться*, но если б этого сентиментального обстоятельства не было, то в Фанские горы (место) можно было бы только *возвратиться*. Аналогично возвращение Одиссея на Итаку будет *возвращением 1*, а возвращение Одиссея к Пенелопе — *возвращением 2*.

Возвратиться можно к чему-то, что не является родным, значимым. Например, в одном из писем К. Паустовский пишет: «*Я проживу в Ялте до четырнадцатого апреля, потом возвращусь в Москву*» (известно, что К. Паустовский недолюбливал Москву), «*Для меня Чехия так и осталась маленькой сказкой, куда непременно хочется вернуться. И я обязательно туда вернусь!*» (по-видимому, этот турист полюбил Чехию).

Субъект-субъектный характер *возвращения 2* к некоторой инстанции проявляется в характерной возможности вести с ней диалог «на ты»: *Петербург! я еще не хочу умирать! У тебя телефонов моих номера* (О. Мандельштам «Я вернулся в мой город»), *Я вернусь еще к тебе, Россия* (Л. Ошанин).

Родина, по А. Клоковской, является «местом, куда мы возвращаемся» (цит по: [Сандомирская И. 2001: 57]). Возвращение на Родину является в искусстве архетипической, вечной темой желаемого будущего. Примеры из И. Сандомирской иллюстрируют различие в семантике *возвратиться* и *вернуться* как разницу между намерением и желанием: *Герой мечтает/решает возвратиться на родину, Герой хочет вернуться на родину*.

Другие примеры: *Принцип работы с беженцами один — возвращаются только те, кто хочет вернуться* (Из газет), *Жди меня, и я вернусь* (**возвращусь*); *Вернись, я все прошу* (**возвратись*), *Уедешь в Америку — смотри, не возвращайся!* (**смотри, не вернись*); и мн. др.

Это семантическое различие глаголов *вернуться* и *возвратиться* — очень характерно, и нам не удалось найти примера, который нарушил бы намеренность *возвращения* 1 (**Я случайно возвратился*) и желанность *возвращения* 2 (**Я вернулся, хотя и не хотел этого*).

Однако глаголы *вернись* и *возвращись* используются нередко без учета их семантики: **Возвращусь, поседевший немного, Обниму, поцелую тебя* (Г. Аврамов), *Из любой дали Я *возвращусь к тебе Щечкой прижмусь к тебе Моя земля* (И. Шаферан); и мн.др. Можно это объяснить, как О.М. Брик, тем, что не всем авторам важна семантика, многим важнее ритм, и в этом случае часто вместо одних слов используются другие. Эта замена, которая создает стихотворные штампы, происходит не столько по семантической линии, сколько по ритмической [Брик 1927: 36].

Кроме того, на выбор глагола (и соответствующей модели будущего) могут влиять рассмотренные выше личностные особенности автора: интерналы, скорее всего, будут склонны использовать глагол *возвратиться*, а экстерналы — *вернуться*.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1997 — Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // Логический анализ языка. Язык и время. М., 1997.
- Брик 1927 — Брик О.М. Ритм и синтаксис // Новый Леф. 1927. № 6.
- Зализняк 2006 — Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.
- Запесоцкий 2007 — Запесоцкий А.С. Последний российский интеллигент // Запесоцкий А.С. Позиция: Избранная публицистика 1985–2008. СПб., 2008.
- Сандомирская И. 2001 — Сандомирская И. Книга о Родине: Опыт анализа дискурсивных практик. Вена, 2001.
- Хьелл, Зиглер 1999 — Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., 1999.
- Шатуновский 2002 — Шатуновский И.Б. Несовершенный совершенный вид в императиве (к проблеме начала) // Логический анализ языка: Семантика начала и конца. М., 2002.
- Шмелев 2002 — Шмелев А.Д. Из пункта А в пункт В // Логический анализ языка. Семантика начала и конца. М., 2002.

ОЦЕНКИ БУДУЩЕГО В ПРЕДЛОЖЕНИИ И ТЕКСТЕ

00. Как в нашем языковом сознании существует концепт «Будущее»? Под концептом мы понимаем единицу знания о мире, находящую свое выражение в языке в эксплицитном и имплицитном виде [Арутюнова 1991: 8].

Главная черта концепта, по мнению В.З. Демьянкова, — реконструкт, а понятие — конструктор: «Концепты существуют сами по себе, их люди реконструируют с той или иной степенью (не)уверенности, отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций» [Демьянков 2007: 27; см. также: Демьянков 2001: 45; Лазуткина 2004]. Неточность, размытость концепта связана не только с уровнем интерпретации и квалификацией интерпретатора, но и с объектом анализа — стихией языка, которая таит в себе разную степень представленности того или иного концепта. Кроме того, концепт может иметь маркеры своего существования на разных уровнях языковой системы, показывая порой очевидные и закономерные, а порой асимметричные отношения *формы, значения, функции*. Поэтому именно к концептуальному анализу подходят слова Г. Гийома: «Видимы те факты, которые мы умеем видеть. Факт, который не сумели увидеть, тем не менее есть факт».

Концепт «Будущее» — частный концепт по отношению к базовому концепту «Время». Про время Н.Д. Арутюнова пишет: «Время восприятию недоступно, и его модели изменчивы. Время описывается в метафорических терминах, легко допускающих противоречия» [Арутюнова 1999: 695]. Оппозиционное пространство концепта «Время» не только план настоящего, план прошлого и план будущего по отношению к моменту речи. Сама речь имеет различное временное измерение и обуславливает различные типы «смещений» внутри координат.

Точка отсчета будущего в языковой модели времени зависит от осознания говорящим временной перспективы, важной в каждом конкретном речевом акте, важной для определенного художествен-

ного произведения. Этот концепт относится к важным концептам, которые, по выражению Е.С. Кубряковой, «кодируются в языке», этот концепт «находит необходимую языковую объективацию» [Кубрякова 1997: 92]. «Территория» концепта «Будущее» в языковом сознании необозрима. Это часто невидимый фон любого высказывания, но горизонты этой территории изменчивы в зависимости от конкретного объекта исследования, точки зрения говорящего, субъектной организации высказывания. «Материальные носители», указатели этого концепта — в речевой практике, текстах различных функциональных стилей и в нарративе. Мы считаем, что по отношению к степени «представленности» в высказывании концепта неуместно употреблять термины «компонент» или «элемент», которые закрепились в лексическом анализе, поэтому предлагаем употреблять термин «план будущего», который конкретизируется в структуре предложения с помощью выражения «по отношению к...».

0.1. Концепт «Будущее» существует вкупе с различными модусными характеристиками, выявляемыми при репрезентации концепта на любом языковом уровне. Концепт «Будущее», может быть, больше, чем другие концепты, связан с позицией говорящего и с актуализацией прагматических механизмов языковой системы. Уже в исследованиях Выготского и его последователей обращается особое внимание на то, что в интенции говорящего есть содержательное ядро, которое находит свое воплощение в диктумном и модусном плане высказывания. Ср.: «Познание и ценностное отношение составляют две неразрывные и равные по своему значению стороны [...] к человеческому сознанию следует подходить не только как к знанию, но и как к отношению [Мигунов 1986]. В работах М.М. Бахтина также подчеркивается роль оценки. См.: «Высказывание без оценки не построишь. Каждое высказывание есть прежде всего оценивающая ориентация»; «оценка будет определять выбор и размещение всех основных значащих элементов высказывания» [Бахтин 1993: 323]. Интенция говорящего содержит референцию к будущему всегда вместе с онтологически присущими языку категориями и модусными элементами.

1.0. О способах объективации концепта «Будущее». Степень выраженности плана будущего в высказывании зависит от соотношения модусных и диктумных составляющих, их иерархии. Концепт «Будущее», на наш взгляд, имеет меньше грамматических показателей, чем концепты «Прошедшее», «Результат». Кроме того, репертуар средств выражения концепта и модально-оценочной па-

литры зависит от возможностей и «предпочтений» системы языка, и «произвол» говорящего не безграничен. По выражению В.З. Демьянкова, «между языком и мыслью существует отношение “взаимоиспользования”» [Демьянков 2000: 104]. Об «объективных ограничениях на возможность выбора» пишет и Е.С. Кубрякова [Кубрякова 2004: 313].

1.1. На лексическом уровне об особенностях обозначения будущего можно говорить на основе учета таких онтологических категорий языка как «облигаторность», «ассерция / негация», а также большого спектра модусных характеристик. На лексическом уровне существуют оппозиции внутри семантических классов с точным или неточным указанием на время акта речи. Ср. лексические элементы, конкретизирующие план будущего в высказываниях с различными точками отсчета: *Я приду к тебе завтра; Они обещали сделать ремонт следующим летом.*

Один из прагматических параметров, способствующих обнаружению в лексическом значении компонента «план будущего», — это прогноз говорящего относительно возможности того или иного признака. Ср. разговор в ЗАГСе (т/ф «Покровские ворота»), в котором присутствует такой компонент значения признакового слова как «прогноз осуществимости»: — *Вы будущий муж?* — *Нет, я не будущий, я потенциальный.* В значении прилагательного *потенциальный* превалирует оценка говорящего, модальная составляющая, поэтому здесь слабо выражен план будущего.

1.1.2. Планы будущего, заданные предикатной лексикой.

Глаголы и отвлеченные существительные, которые организуют высказывания с планом будущего.

- 1) действие А — действие Б: *Он препятствовал свободному выбору;*
- 2) речевое действие А — физическое действие (состояние) Б: *Учительница надоумила его поступить в институт; Просьба помочь; Ему пророчили славу; Мы отговорим соседа покупать машину; Он предостерег нас от опасности; А ведь мы предупреждали ее о последствиях; Договор с фирмой на поставку оборудования; Обещали принять меры; Поставлена задача выиграть сражение; У нас запрет сомнений и колебаний;*
- 3) ментальное состояние А — процесс, ситуация: *Мы допускали, что будет не один запуск модели; Он предугадал результаты соревнований; Спортсмен претендовал на призовое место; Его прогноз интерпретации был верен;*
- 4) ментальное состояние — реальное действие (процесс, состояние, ситуация): *Его притязания на успех беспочвенны; Это заявка на победу;*

7) пропозитивный субъект-каузатор — действие (процесс, событие): *угроза срыва переговоров; шанс попасть в финал конкурса; возможность посетить библиотеку; предпосылка будущих побед;*

8) каузатор намеренного действия: *настроил сына на учебу; хлопотал, чтобы дали квартиру; мобилизовали людей на работу;*

9) каузатор ненамеренного действия: *Он допустил нарушение режима;*

10) положительная оценка — отрицательная оценка результата (последствия) со стороны субъекта речи, со стороны субъекта действия: *Мы избегали отправлять письма почтой; Есть опасение, что будет нелетная погода.*

1.2. В морфологической и словообразовательной системе есть свои «заготовки» для представления концепта «Будущее».

1.2.1. Н.Д. Арутюнова считает, что в морфологии русского языка нет специальных глагольных форм будущего времени. Указание на будущие события и процессы происходит на лексическом уровне или (в глагольном предложении) при помощи лексико-грамматической категории вида. Если «глагол НСВ обозначает процесс, ведущий к достижению некоторого предела», то «глагол СВ — в целом все событие, в результате которого этот предел достигается» [Падучева 1996: 80]; ср.: *Века всё смелют, Дни пройдут, Людская речь в один язык сольется* (Есенин). Глагол может иметь модусное осложнение, например, компонентом ирреальной модальности «просьба»: *Дай запру я твою красоту В темном тереме стихотворенья* (Пастернак).

1.2.2. Некоторые суффиксы наделяют прилагательные событийной семантикой — семей «обращенный в план будущего», «имеющий отношение к будущему».

Суффикс *-чат-* сообщает прилагательным модальный компонент «способный к определенному процессу в будущем»: *рассыпчатый картофель, тирог, каша* (рассыпаться может то, что сначала было твердым).

Временной маркер у прилагательных с суффиксом *-абельн-/ -ибельн-*, которые имеют модальный компонент «пригодный для действия в будущем, названный мотивирующей основой, обладающий свойством, делающим возможным его использование в будущем»: *больной нетранспортабельный, фильм вполне смотрибельный, журнал читабельный.*

Суффикс *-к-* сообщает словам значение «склонный к действию в будущем, названному мотивирующей основой, способный вызвать это действие, будучи его субъектом или объектом» (определение словообразовательного значения см.: Русская грамматика. Т. I): *носовая вещь, вязкий грунт, верткий котенок.*

Прилагательные с суффиксом *-ом/-им-* также обращены в план будущего: они имеют словообразовательное значение «способный подвергнуться действию, названному мотивирующей основой»: *невыполнимые обязательства, применимое правило, приемлемые условия*.

1.3. На уровне синтаксиса концепт «Будущее» может проявиться наиболее очевидным способом: в дискурсе высказывание имеет обусловленные речевой практикой разнообразные оттенки значений, точные характеристики. Здесь видна диалогическая природа человеческого сознания, речевой деятельности, при которой обязательным компонентом синтаксических конструкций являются временные и пространственные ориентиры, «аппарат локации» (в терминологии Ю.С. Степанова).

Оценка будущего зависит от обязательной прагматической составляющей — категории субъекта речи. В синтаксической системе есть определенные модели выражения отношения говорящего к будущему процессу, состоянию. Синтаксическое лицо высказывания (или персональность), как известно, показывает отношение сообщаемого к участникам речевого акта: 1-е лицо — к адресанту, 2-е лицо — к адресату. Кроме того, концепт «Будущее» взаимодействует с ролевой структурой предложения и его субъектной перспективой.

Модели предложений рассматриваются как способы выражения определенных прагматических установок в содержании пропозиции: отношения говорящего к *плану будущего*. Смысловые кванты в типизированных формах в процессе речи отбираются и конкретизируются, и узואльная синтаксическая структура предстает как отработанный в актах речи и мотивированный особенностями восприятия способ выражения с яркой модальной окраской.

1.3.1. Модель двусоставных предложений не показательна для обозначения плана будущего.

При особом стилистическом ракурсе высказывания, заданном говорящим, в глагольном предложении может иметь место транспозиция форм наклонения, форм времени. Транспозиция глагольных форм показывает, что важную роль в высказывании играет стилистический модус: происходит «включение» говорящим образной картины будущего действия и выражение своей оценки при обозначении реальной ситуации. Ср. обозначение будущего действия, а также возможности или желательности действия в будущем глаголами совершенного и несовершенного вида: *Сын идет в армию; Вы идите домой, а я пошла в магазин; Я бы спела, ты сплясал бы; Тигренок поспал бы, но его выведут на манеж; Выращивай он на даче огурцы*

и помидоры — мать была бы довольна; Немедленно уходим!; Сдали тетради — возьмите домашнее задание.

Линейная организация двусоставного глагольного предложения может не совпадать с субъектной перспективой: *Моим стихам, как драгоценным винам, настанет свой черед* (М. Цветаева), где предикатное ядро — *черед настанет*; субъект (*моим стихам*) будущего состояния (*настанет черед*) является объектом оценки говорящего. Он выражен формой дательного падежа (аналогично: дательный субъекта в безличных предложениях типа *Мне понравится; Ему не поздоровится*).

1.3.2. Безличные инфинитивные предложения.

1) В инфинитивных предложениях с ирреальной модальностью, имеющих слабый план будущего, над диктумной частью доминирует модусная часть высказывания — приказ, совет, просьба выполнить действие в будущем: *Надо повторить; Лежать!; Вам бы поспать несколько часов.*

Инфинитивные предложения с модальностью долженствования выявляют план будущего у всех событийных глаголов, обозначающих переход от начального этапа события к завершающему этапу и содержащих отрицательную характеристику одного из этапов; например: *Очистить двор от снега; Реставрировать картину; Одеться; Пропитать торт ромом.*

2) В безличных инфинитивных предложениях, которые обозначают неотвратимость наступления определенного события в будущем, грядущее положение дел, не зависящее от субъекта действия-состояния, план будущего выражен ярко. Эти предложения исторически сложились в языке как прогноз говорящего относительно обязательного наступления события, состояния в будущем. В отличие от типов безличных предложений, имеющих семантику неопределенности, в инфинитивных предложениях план будущего выявляется вкупе с онтологически присущей языку категорией определенности и разновидностью категории мнения — уверенностью.

В современном русском языке **положительный прогноз**, как правило, имеет место по отношению к 2-му или 3-му лицу, но не по отношению к субъекту речи; ср.: *Быть ему капитаном!; Саду — цветь! (Маяковский); Тебе большим человеком быть.*

Постоянная воспроизводимость подобных конструкций в речи говорит об актуальном характере синтаксического образца, о его особом статусе в национальной картине мира: смысловой квант «обязательность события в будущем» выражается именно таким образом, то есть существует синтаксический стереотип, в котором обозначается «**будущее событие**» как **самодовлеющая сила**. Ср.: *Быть грозе; Этому тигру сидеть в клетке.* Таким образом, стилистиче-

ский модус оказывается главным «режиссером», он первичен. Наше понятие стереотипа близко понятию стереотипа у М.М. Минского [Минский 1988] — «когнитивное бессознательное», предопределяющее правило коммуникативного поведения, и согласуется с понятием фрейма у Ч. Филлмора [Fillmore 1985].

Примечателен тот факт, что прогноз говорящего совершается относительно живых и неживых существ, т.е. категория одушевленности-неодушевленности для существительного в дательном падеже нерелевантна. Тем самым подчеркивается неизбежность будущего положения дел, вне зависимости от усилий человека или животного.

Категоричность утверждения о наступлении будущего радостного события для самого говорящего чаще всего неуместна, всегда преждевременна, потому что у него есть опасение неосуществимости. Для предсказания в адрес субъекта речи эта модель не подходит и почти не используется. В пафосном тексте у В. Маяковского по отношению к обобщенному субъекту речи в 1-м лице в дательном падеже (*нам*) обозначается не столько прогноз и уверенность в будущем, а пожелание: *Лет до ста расти нам без старости, год от года расти нашей бодрости* (Маяковский).

3) Отсутствие положительной оценки, нейтральное отношение субъекта речи к процессу, событию или признание им его неизбежности делает возможным использование этой модели относительно прогноза положения дел в будущем; ср.: *Мне жить еще полвека* (Б. Корнилов); *Мне дежурить в субботу*.

4) Отрицательный прогноз в безличных предложениях уместен по отношению к любому субъекту. Инфинитивные предложения, содержащие категорическое утверждение говорящего о невозможности осуществления действия субъектом, наступления определенной ситуации в будущем, частотны в русском языке. Это стилистически яркие, эмоциональные высказывания, содержащие разнообразные модальные оттенки, обращенные к плану будущего; например «невозможность совершения действия», «нежелание осуществления события». Ср.: *Этому не бывать; Вам не видать таких сражений* (Лермонтов); *Не догнать тебе бешеной тройки* (Некрасов); *Не бродить, не мять кустов багряных Лебеды и не искать следа* (Есенин); *Мне не достать эту ветку сирени, сорви ты*.

Эти инфинитивные конструкции могут обогащаться новыми модальными оттенками, которые образуются при взаимодействии с лексико-грамматической категорией вида и способов глагольного действия. Ср.: *Ему сегодня не выступать — пусть отдыхает*. Здесь, в предложении с глаголом несовершенного вида, план будущего «осложнен» отрицательным значением категории долженствования.

Ср. также: *Ему сегодня не выступить: он вчера на манеже получил травму*. Здесь, в предложении с глаголом совершенного вида, с концептом «будущее» находит свое выражение модальное значение «возможность / невозможность осуществления действия».

2.0. Репрезентация концепта «Будущее» в нарративе. Отличительная черта концепта «Будущее» в нарративе, по сравнению с обыденной речью — типизированными системными образцами, построенными в соответствии с потенциалом лексических средств и семантикой синтаксических моделей, — более низкая предсказуемость, открытость форм существования, которая вытекает из понятия «хронотопа» — **смещения** координат общения «автор — наадресат», «автор — читатель», «автор — рассказчик», «рассказчик — читатель», «персонаж — персонаж», возможного смещения фабулы и сюжета. Приемы разделения автором «временных пространств» романа строятся на концепте «диалоговое взаимодействие». В связи с этим М. Холквист замечает: «...диалогизм подчеркивает значение временных и пространственных референтных связей, присущих *формальным свойствам текста*» [Холквист 2002: 244].

Это заставляет автора строить композицию произведения, прогнозируя интерпретацию читателя, прибегать к разным приемам-подсказкам.

Так, например, разделение во времени координат общения (типов диалогов) мы можем наблюдать в романе В.О. Богомолова «Момент истины».

Автор, прежде всего, выбирает тон повествования, ориентируясь на главного интерпретатора «наадресата», сосуществующего с автором в одном пространстве — «царстве смысла». Ему присуща «внеаходимость». Наадресат предъявляет более высокие требования к способу выражения, нежели реальный адресат, поскольку автор в диалоге с ним не опирается на конкретные «параметры» речевой ситуации. Он может служить связующей нитью между автором и будущим интерпретатором текста — читателем.

Диалог «рассказчик — читатель» происходит во временной плоскости, «предшествующей» общению автора с читателем. Рассказчик ведет повествование как наблюдатель реальных событий, как субъект оценки и выразитель модуса оценки персонажей — для будущего читателя. Модус персонажей в третьеличном нарративе сливается с модусом рассказчика. Ср.: *Мокрое обмундирование холодным компрессом липло к телу. За ночь он так продрог, его било как в лихорадке. Сейчас бы пробежаться для согрева* (несобственно-прямая

речь: произнесенные слова Алехина в тот момент, который описывается рассказчиком), *да не было времени*.

Текстовое пространство диалога автора с будущим читателем (интерпретация читателя в неопределенном будущем времени) — «Примечания», в которых автор расшифровывает аббревиатуры, раскрывает смысл выражений, используемых в сленге контрразведчиков, дает дефиницию терминов, принятых в обиходе военнослужащих в тот исторический период. Автор приводит большое количество реальных документов официально-делового стиля (приказы, распоряжения, служебную переписку), содержание которых неизвестно рассказчику и персонажам, корректирует сведения, которые сообщают персонажи. Таким образом, О.В. Богомолов строит композицию романа так, чтобы выделить образ автора, который стоит «над повествованием»: он в своем текстовом пространстве находится ближе всех к будущему читателю, контролирует ранее написанное рассказчиком. Ср. авторские пояснения и оценки: 1) «Чистильщик» (*от «чистить» — очищать районы передовой и оперативные тылы от вражеской агентуры*) — жаргонное обозначение розысника военной контрразведки. *Здесь и далее преимущественно специфичный, узкопрофессиональный жаргон розысников военной контрразведки*; 2) «Качание маятника» — *это не только движение, оно толкуется шире, чем можно здесь понять со слов Таманцева. Его следует определить как «наиболее рациональные действия и поведение во время скоротечных огневых контактов при силовом задержании»*; 3) ...«Героем СССР» — *Так в документе. Правильно — Героем Советского Союза*.

Таким образом, в романе расширяется временная перспектива общения с читателем: от перволичного нарратива персонажей (Алехина и Таманцева) — до повествования рассказчика, обладающего не всей суммой знаний, и до диалога все знающего автора с читателем — в неопределенно будущем времени.

Вывод. Концепт «Будущее» в сознании человека представляет собой сложно организованную смысловую сферу, тесно связанную с базовым концептом «Время».

Репрезентация концепта «Будущее» зависит от модусных характеристик и дейктических координат высказывания, которые обусловлены позицией и «точкой зрения» субъекта речи. Концепт «Будущее» неразрывно связан с концептами «обязательность / факультативность» (с модальными полями «неотвратимость», «(не)осуществимость», «возможность», «вероятность», «желательность», «необходимость», «долженствование»), «ассерция / негация», «определенность / неопределенность», «акциональность» / «неакциональность», «каузативность».

Концепт «Будущее» может быть средством организации временного плана и композиционной структуры художественного произведения.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1991 — *Арутюнова Н.Д.* Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991.
- Арутюнова 1999 — *Арутюнова Н.Д.* 1. Время: модели и метафоры // *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1999. С. 687–695.
- Бахтин 1993 — *Волошинов В.Н.* (М.М. Бахтин) Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. М., 1993.
- Демьянков 2000 — *Демьянков В.З.* Функционализм в зарубежной лингвистике конца XX в. // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты. М., 2000. С. 26–136.
- Демьянков 2007 — *Демьянков В.З.* «Концепт» в философии языка и в когнитивной лингвистике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования. М., 2007.
- Кубрякова 1997 — *Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кубрякова 2004 — *Кубрякова Е.С.* Категории и концепты // *Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004. С. 305–320.
- Лазуткина 2004 — *Лазуткина Е.М.* Скрытый концепт обнаруживают синтаксические отношения // Русское слово в русском мире. М.; Калуга, 2004. С. 134–149.
- Мигунов 1986 — *Мигунов А.С.* Искусство и наука: о некоторых тенденциях к сближению и взаимодействию // Вопросы философии. 1986. № 7.
- Минский 1988 — *Минский М.М.* Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
- Падучева 1996 — *Падучева Е.В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.
- Петрухина 2007 — *Петрухина Е.В.* Концептуальный анализ языка и семантические доминанты языковой картины мира // Концептуальный анализ языка: Современные направления исследования. М., 2007.
- Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
- Холквист М. — *Холквист М.* Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Т. II. СПб., 2002. С. 229–276.
- Fillmore 1985 — *Fillmore C.J.* Frames and the semantics of understanding // Quaderni di Semantica. Bologna, 1985. Vol. 6. P. 222–255.

МОДУСЫ РЕЧЕВОГО АКТА ОБЕЩАНИЯ: КЛЯТВА В ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ КУЛЬТУРАХ

Будущее в языке и язык будущего как научно-теоретическая проблема концептуального плана предполагает обращение к рациональной реконструкции современной науки с целью выявления ее прогнозируемых тенденций. Они отражены в ментальном мире человека, в котором определенное место принадлежит речевому акту ОБЕЩАНИЕ, одним из модусов которого является КЛЯТВА.

Обещание и клятва не существуют сами по себе в отрыве от их исполнителя — человека обещающего и клянущегося. Это его внутренний мир в различных горизонтах возрастного и социального бытия в пространстве и времени. Метафизическое понимание горизонта, состоящего из частичных горизонтов, введенное в научный оборот философами Э. Гуссерлем, М. Хайдеггером и другими, релевантно и для обсуждаемой здесь проблемы. Горизонты бытия человека пересекаются и взаимодействуют, образуя совокупный горизонт, в котором человек живет, говорит и ведет себя определенным образом в мире науки, искусства, морали, религии и повседневно переживаемом мире [Корет 1998: 51–52].

Цель настоящей статьи — представить понятийную и языковую онтологию клятвы-обещания в ретроспективе и перспективе, очертить ее становление и типологию, начиная с древнейших времен, что позволяет проследить динамику этого смысла в определенной временной последовательности. В связи с этим в контексте наших рассуждений относительно заявленной темы мы оперируем понятием «хронотоп» = «здесь и сейчас», «там и тогда».

Хронотоп и его составляющая — движение, в понимании И. Канта, есть необходимые формы всякого познания, начиная от элементарных восприятий и представлений. М.М. Бахтин определяет хронотоп как формально-содержательную категорию литературы, указывая при этом, что, в отличие от Канта, он понимает время и пространство не как «трансцендентальные», а как формы самой

реальной действительности [Бахтин 1986: 122]. Э. Гуссерль идет в своих рассуждениях относительно хронотопа значительно дальше Канта, оперируя понятиями горизонт бытия человека и горизонт бытия мира как универсума в тесной взаимосвязи. Вполне естественно, что горизонт бытия человека как субъекта, так и объекта познания — это горизонт его внутреннего мира антропоморфной природы, «соотнесенный с субъектом» [Гуссерль 2004: 174].

Прежде чем реализовать поставленную задачу, обратимся первоначально к дефиниции понятийного содержания обещания.

В лексикографических источниках (толковых словарях) оно определяется как «добровольное обязательство выполнить что-либо», а обязательство толкуется, в свою очередь, как «обещание, подлежащее безусловному выполнению» (БТСРЯ 2004: 667, 695). На первый взгляд может показаться, что это тавтология. Но это не совсем так. Здесь есть семантический нюанс. Различие состоит в том, что обещание, подлежащее безусловному выполнению, это — клятва, предполагающая определенную жертвенность. Обещание же на обыденном уровне сознания не всегда и не обязательно жертвенно. Например: «Единная Россия гарантирует безопасность и развитие». Англоязычное высказывание *I'll come tomorrow!* (*Я приду завтра!*) характеризуется конвенциональной сущностью — иллюкутивной силой, которая позволяет интерпретировать подобные предложения как обещание, угрозу и объявление / утверждение [ван Дейк 1989: 15]. Но при включении глагола-предиката «клянусь, клянемся» в вышеприведенные высказывания их семантический статус уже иной. Это модус клятвы-обещания жертвенного характера.

Обещание семиотизируется и номинируется в европейских языках» слово-знаком в триединстве его содержательного наполнения: семантика, синтактика, прагматика: в русском языке — *обещание*, в английском *promise, parole* 'устное обещание'; в немецком языке *das Versprechen*, глаголы *обещать, заверять, сулить; to promise* (англ.); *versprechen, versichern, bestätigen, garantieren* (нем.), словосочетания *обязываться / сделать что-либо, поступать таким образом* (БТСРЯ: 667); *to give / make a promise, to keep / to carry out one's promise, to redeem a pledge (promise)* — англ. яз. [БАРС 1988: 220; БРАС 2003: 353]; *in Aussicht stellen, fest versprechen, ausdrücklich erklären, garantieren* [Wahrig 1972; Wahrig 2006].

В дефиниции слово-знака *обещание* и его эквивалентов в разнотипных языках рефлексирована 'перспектива, надежда', ср. *подавать какие-либо надежды, внушать какие-либо ожидания*, что имплицитно подразумевает перспективу действия в будущем, футуральную реализацию хронотопа времени «там и тогда»: *Я обещаю прийти / Я*

обещаю, что приду; *I promise to come / I promise that I will come. Ich verspreche zu kommen; etwas bestimmt zu tun.*

Понятийное наполнение обещания, направленного на выполнение его в будущем, реализуется в дискурсе говорящего: инфинитивом *прийти / приходить, to come, gehen / kommen*, придаточным предложением (...что я приду, [...] *that I will come, [...] daß ich kommen werde*), в котором синтетически (*приду*) и аналитически (*will come*) выражена футуральность действия-обещания.

Обещания «не долговечнее корки пирога» = *promises are like piecrust, made to be broken* [БАРС 1988: 220]: они нарушаются, не исполняются. Нарушение действия обещания номинируется знаком-словосочетанием *не выполнить / не сдержать / нарушить обещанное (to break one's promise, to go back on one's promise)* [БАРС, *ibid.*]. Номинации актуализируются в дискурсе говорящего: *Обещал приехать, но не приехал. Только кормил обещаниями. Наобещал с три короба.* В английском языке: *He promises mountains and performs mole-hills.* В обещании-действии в имплицитной форме присутствует семантика обязательности либо возможности / невозможности выполнения обещанного: *Если я пообещал, то обязательно сделаю. Обещанного три года ждут.*

Клятва занимает центральную позицию в триаде божба — клятва — порука [Даль 1984]. Ее составляющие семантически взаимосвязаны, а границы динамичны. Семантическое пространство данной триады сопряжено с такими понятиями как заветование, завет, заповедь, зарок, нрав, обычай, норма и закон, совесть, долг и ответственность. Они универсальны для всех индоевропейских культур, Их можно определить как понятия сходящейся и расходящейся референции. Каждый из вышеназванных модусов — предмет специального обсуждения.

Клятва — специфический ритуал, сформировавшийся в индоевропейских культурах, по всей вероятности, на домифологической стадии бытия человека. Ритуал — это первичное знание о мире и первая философия бытия. «Для архаического сознания ритуал (и его центральная часть — жертвоприношение) связывал *здесь и теперь* с *там и тогда* и обеспечивал преемственность бытия человека в мире, выводимом из космологической схемы и оправдываемом связью с нею» [Топоров 2004: 493].

Клятва зафиксирована в мифологии, в религиозном дискурсе христианства, в фольклоре, в эпистолярном наследии, в поэтике, в художественном, политическом и бытовом дискурсах.

Ее основные признаки *там и тогда* и два топоса: сакральность и жертвенность.

Мотив клятвы имеет место в древнегреческой и древнеримской мифологии: «Ты, Юпитер (в древнегреческой — Зевс), порази того, кто нарушит эту клятву, как я поражаю эту свинью». В греческой мифологии — это миф о рождении Геркулеса (Геракла, греч. *Hercles*, лат. *Hercules*), любимейшего героя греческих сказаний. Сакральность и жертвенность — ее основные понятийные признаки.

Хронотопы «там и тогда», «здесь и сейчас» обеспечивают понимание преемственности не только бытия человека в мире в аспекте эмансипации его современного сознания от архаического, но и самого ритуала клятвы как действия, которое в глоттогенезе явилось предтечей происхождения словознака «клятва».

Первоначально этот ритуал-действие был клятвой на крови в прямом смысле этого слова. Жертвенным символом был человек. Позднее в жертву приносится священное животное (свинья, корова), убийство которого символизировало смерть клятвopреступника. Клянувшийся произносил, что если он нарушит клятву, то пусть он будет «убит как это животное, истекающее кровью» и пусть его «съедят, как сердце этого животного» [Фрэзер 1986: 181]. Здесь имеет место аналогия, реликты которой сохранились до настоящего времени в ритуалах черной магии и колдовства.

Жертвенный характер клятвы в индоевропейских языках и культурах отмечен Б. Дресслером. Изучая проблему реконструкции индоевропейского синтаксиса, в качестве одной из форм клятвы в латинском языке он называет *pe vivam*: «пусть я не буду жив», «не быть мне живым» [Дресслер, 1983: 418]. Однозначность семантики жертвенности, а позднее отмщения, очевидна. В этих пропозициях-знаках эксплицирована футуральная темпорализация.

Культурно-историческая эпоха раннего христианства налагает строгие ограничения на произнесение клятв с экспликацией их причинно-целевого модуса:

34. А я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий;

35. ни землею, потому что она подножие Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя;

36. ни головою твоей не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным [ТБ 1987, т. 3: 102].

В современных толковых словарях разносистемных языков клятва виртуально определяется как ‘торжественное уверение / обещание, подкрепленное упоминанием чего-л. священного для того, кто уверяет, обещает’. Такое потенциально содержательное опреде-

ление клятвы не является полным. Здесь зафиксирован лишь один тип — торжественное обещание. В этимологическом словаре М. Фасмера дается более детальное ее семантическое определение, как-то: обещать (в просторечии «сулить»), посвящать, приносить в жертву, которое этимологически восходит к древнерусскому слову «обет» [Фасмер 1987: 99].

По определению Т. Гоббса клятва — это речевой акт обещания, в котором обещающий заявляет о том, «что в случае невыполнения им своего обязательства он отказывается от божественного милосердия» [Гоббс 1989: 302]. В этой дефиниции зафиксирована определенная жертвенность сакрального характера.

Клятва номинируется в индоевропейских языках словом-знаком *клятва, oath, vow, swear, pledge, perjury* (англ.), *Schwur, Eid* (нем.); словом-знаком — глаголом *клясться, to vow, schwören*; словосочетаниями: *давать клятву, дать торжественную клятву / клятвенное обещание, дать слово / честное слово; take / swear an oath, swear solemnly, vow / promise on oath, take the oath* [БРАС 2003]; *einen Eid / Schwur leisten / ablegen, beschwören, durch Eid versichern / bekräftigen, versprechen, geloben, sein Wort / Ehrenwort geben, verheißen, beidigen, garantieren* etc. [Wahrig. Synonymwörterbuch 2006].

Клятву-обещание можно нарушить, *break one's oath, commit perjury, den Eid brechen*.

Прототипическая семантическая структура клятвы: Адресант (клянущийся субъект, номинируемый личным местоимением Я — МЫ — ВЫ — ОНИ) — Адресат (кому адресована клятва) — Содержание клятвы (причинно-целевой модус) — Миранда (кем-чем субъект клянется) — Хронотоп. Данная структура актуализируется в реальном дискурсе клянущегося субъекта, в котором можно выделить следующие аспекты: а) сам акт произнесения клятвы; б) пропозициональный акт (включающий акт референции, то есть включение в зону определенных объектов (символ-миранда) и акт ее предикации. Например, в поэтическом дискурсе: *О, небо, я клянусь, она была прекрасна* (М. Лермонтов); *клянусь тебе свободой* (Н. Ивановский); *чудотворной иконой клянусь* (А. Ахматова); в бытовом дискурсе: *Богом клянусь, я сделаю все возможное, чтобы выполнить твою просьбу; I'll kill his wife's lover. I swear*; в фольклоре: *Он клялся и божился одну меня любить*. В этом клятвенном заверении событие имело место в прошлом, но предикация «одну меня любить» имплицитно включает будущее («Клянусь только одну тебя любить. Я тебя никогда не забуду» = «Клянусь, всегда тебя любить»).

Проанализируем еще два дискурса: русскоязычный и немецкоязычный, в которых актуализируется клятва-обещание.

Однозначно положительными экспонентами миранды клятв-обещаний в русскоязычной культуре являются сакральные символы, в первую очередь Бог, крест, икона, Библия, не утратившие эту значимость в советскую эпоху и в Новой России. Они являются связующим звеном старой и нарождающейся новой духовной культуры. Об этом свидетельствуют клятвы людей, выросших и получивших воспитание в советское время:

Тогда пусть все останется как было и как есть. Давай только дадим клятву всегда дружить и любить друг друга... Это хорошо. Но для клятвы нужна Библия или Новый Завет. Впрочем, ведь есть икона. Она укрепит клятву.

(Анатолий Жигулин. Прогулки с Беллой. Рассказ)

Составляющие семантической структуры этой клятвы: адресант, имплицуемый местоимением *Мы*, миранда *Библия, Новый Завет, икона*, содержание (*дружить и любить*), хронотоп *давай дадим клятву* с футуральной темпорализацией.

В немецкоязычном дискурсе, так же как и в русскоязычном, представлены: адресант (*ich schwöre*), миранда (*Bild ... daß Ihnen heilig ist, schlug das Kreuz*), содержание (*niemals mehr an einem Spiel um Geld spielen, nie mehr mein Leben und meine Ehre dieser Leidenschaft aussetzen werde* = *никогда больше не играть на деньги, никогда больше мою жизнь и честь этой страсти не подвергать*), хронотоп — темпорализация будущего выражена *niemals mehr nie mehr [...]* werde:

Und kaum war er aufgestanden so faßte ich ihn an «Gehen Sie hin», drängte ich «zu einem Altar oder irgendeinem Bild hier, daß Ihnen heilig ist, und leisten Sie dort das Gelöbniß, das ich Ihnen versprechen werde».

Er sah mich an, erstaunt beinahe erschreckt. Aber schnell verstehend trat er hin zu einer Nische schlug das Kreuz und kniete gehorsam nieder. «Sprechen Sie mir nach», sagte ich, selbst zitternd vor Erregung, sprechen Sie mir nach «sagte ich: Ich schwöre».

— *«Ich schwöre» wiederholte er, und ich setzte fort: daß ich niemals mehr an einem Spiel um Geld teilnehme, welcher Art es sei, daß ich nie mehr mein Leben und meine Ehre dieser Leidenschaft aussetzen werde» (St. Zweig. Novellen).*

«Ich versprach ihm Geld für die Reise und Auslösung des Schmuckes, freilich nur unter der Bedienung, daß er noch heute abreise und mir bei

seiner Ehre schwöre, nie mehr Karte anzurühren oder sonst Hasard zu spielen» (St. Zweig).

Клятва имеет широкий спектр функционального назначения, начиная от межличностных и кончая статусно-ориентированными отношениями.

Политический дискурс:

*«Deutsche Volksgenossen und -genossinnen! ... 14 Jahre lange haben die Parteien des Verfalls, des Novembers der Revolution das deutsche Volk geführt und mißhandelt, 14 Jahre lang zerstört, zersetzt und aufgelöst. Es ist nicht vermessen, wenn ich heute vor die Nation hintrete und sie **beschwöre**: Deutsches Volk, gib uns vier Jahre Zeit, dann richte und urteile über uns! Deutsches Volk, gib uns vier Jahre, und ich **schwöre** dir, so wie wir und so wie ich in dieses Amt eintrat, so **will ich** dann gehen. Ich tat es nicht um Gehalt und nicht um Lohn, ich tat es um deiner selbst wegen. (Beifall) Es ist der schwerste Entschluß meines eigenen Lebens gewesen...» (Из выступления Адольфа Гитлера в Берлинском Дворце спорта, 10.02.33).*

Здесь воля персонализируется *ich will, ich schwöre, mein Entschluß* («я хочу», «я клянусь», «это одно из самых трудных решений моей собственной жизни», «Немецкий народ! Дай нам 4 года ...»).

Волевая компонента присутствует в инаугурационной речи — клятвах президентов в Федеративной Республике Германии, в других западноевропейских и восточноевропейских демократиях, в Америке, а также в политической культуре современной России. В них имплицитруется глагольный предикат *клянусь* (обещаю, обязуюсь) выполнять обещанное, что должно быть выполнено «здесь и сейчас» и «там и тогда» в будущем, то есть в период пребывания в этом статусе.

Сравним клятву-обещание как конституционный акт в Германии и России.

(Grundgesetz, V. Der Bundespräsident (Art. 54–61),
Art. 56 Amtseid Der Bundespräsident leistet bei seinem Amtsantritt
vor den versammelten Mitgliedern des Bundestages
und des Bundesrates folgenden Eid):

*Ich **schwöre**, daß ich meine Kraft dem Wohle des deutschen Volkes **widmen**, seinen Nutzen **mehren**, Schaden von ihm wenden, das Grundgesetz und die Gesetze des Bundes **wahren** und **verteidigen**, meine Pflichten gewissenhaft **erfüllen** und Gerechtigkeit gegen jedermann **üben werde**. So wahr mir **Gott** helfe.*

(Der Eid kann auch ohne religiöse Beteuerung geleistet werden. 23.05.1949 Art. 56 eingeführt).

Клянусь при осуществлении полномочий Президента Российской Федерации уважать и охранять права и свободы человека и гражданина, соблюдать и защищать Конституцию Российской Федерации, защищать суверенитет и независимость, безопасность и целостность государства, верно служить народу (Конституция Российской Федерации, статья 82, §2).

В этих клятвах семантика отмеченных глаголов-предикатов однозначно свидетельствует о том, что обещания-действия направлены на их выполнение в будущем. В немецкоязычной клятве, в отличие от русскоязычной, имеет место миранда *Gott*.

Пример инаугурационной речи президентов США, вступающих в свою должность. Так, в речи Джона Кеннеди (Inaugural Address. Friday, January 20, 1961) клятвенное обещание / заверение от *We* (Мы) эксплицируется слово-знаком *pledge* (давать торжественное обещание, клясться [БАРС 1988]) и знаком-словосочетанием *pledge one's word* (давать слово [ibid.]). Концептуальное содержание данной клятвы-заверения, вводимое этими семиотическими знаками, соответствует духу Нового времени. Прочитируем следующие фрагменты-пропозиции из этой речи: *Let every nation know, whether it wishes us well or ill, that we shall pay any price, bear any burden, meet any hardship, support any friend, oppose any foe, in order to assure the survival and the success of liberty.*

This much we pledge — and more [...] we pledge the loyalty of faithful friends [...] we pledge our word that one form colonial control shall not have passed away merely to be replaced by a far more iron tyranny.

В инаугурационной речи американского президента Билла Клинтона (Bill Clinton. First Inaugural Address. Wednesday January 21, 1991) адресант клятвы представлен дизъюнкцией *WE* (Мы) — *You* (Вы), содержание имплицитует обновление Америки (*American renewal, to renew America, our renewal*). Оно выражено посредством модального глагола *must* в сочетании с инфинитивом ('должны, обязаны сделать что-то') с реализацией хронотопа *здесь и сейчас, там и тогда*, ориентированного на выполнение действий в будущем. Проиллюстрируем это несколькими фрагментами из текста речи: *... today, we pledge an end to the era of deadlock and drift — a new season of American renewal has began. To renew America we must be bold. We must do what no generation has had to do before. We must invest more in our own people, in their jobs, in their future, at the same time cut our massive debt. And we must do so in a world in which we must compete for*

*every opportunity. [...] We **must provide** for our nation the way a family provides for its children. [...] To renew America, we **must revitalize** our democracy. [...] My fellow Americans, **you, too must play** your part in our renewal.*

Горизонт социального бытия политиков такого ранга очень высок, и поэтому, обращаясь к народу, они клянутся неукоснительно исполнять свой долг — это их выбор, а следовательно, их совесть, ответственность и воля. Во всех клятвах такого рода имеется знаковый символ «народ» как квантор всеобщности. Само по себе это слово стилистически нейтрально. Положительную коннотацию оно получает в определенных контекстах, когда речь идет о принадлежности «Я» к общности «Свои», ради которых клянувшийся принимает на себя определенные обязанности и соответственно этому несет определенную ответственность. Прагматическая квинтэссенция клятвы состоит в заступничестве за «Своих» и даже некоторой жертвенности — «посвятить мои силы», «защищать», «верно служить».

В рамках одной и той же культуры на различных исторических этапах ее бытия миранда может изменяться, но неизменным остается ритуал и его прагматическое наполнение. При смене мифологизации природы на мифологизацию исторически изменчивого мира человека имеет место тенденция к изменению смысла символов и их образов [Арутюнова 2001]. Так в советскую эпоху в русскоязычной культуре миранда претерпела существенные изменения. Клялись Серпом и Молотом:

И клялись они Серпом и Молотом / Перед своим страдальческим концом: «За предательство мы платим золотом, / А за песни платим мы свинцом» (Анна Ахматова. «И клялись они Серпом и Молотом...»).

В понятийной морфологии клятвы соприсутствуют два аспекта: сакральный и профанный (мирской).

Темпорализация клятвы синкретична. В ее смысловом содержании заключена перспектива актуализации прошедшего, настоящего и будущего времени. Доминирует обращенность к будущему.

Одним из модусов клятвы-обещания является «мечь». У римлян — это закон возмездия — *jus talionis*, который нашел отражение в клятве молодогвардейцев в романе А. Фадеева «Молодая гвардия».

Архитектоника клятвы: «Я, Олег Кошевой, вступая в ряды членов Молодой гвардии, перед лицом своих друзей по оружию [...] перед лицом всего народа торжественно клянусь...», другими словами, «торжественно обещаю» в будущем «беспрекословно выполнять лю-

бые задания организации; хранить в глубочайшей тайне все. [...] Я клянусь мстить беспощадно за сожженные города и села, за кровь наших людей, за мученическую смерть героев-шахтеров. [...] Если же я нарушу эту священную клятву. [...] то пусть мое имя, мои родные будут навеки прокляты, а меня самого покарает суровая рука моих товарищей. Кровь за кровь, смерть за смерть!»

Эта клятва комсомольцев-атеистов, не верящих в бога, не корреспондирует с нравственным законом Нового Завета (не клянись, не убий), но полностью соответствует нравственным законам Старого Завета (рану за рану, убийство за убийство) и древнему закону кровной мести. Здесь имеет место историческая преемственность континуально сопряженной взаимосвязи. Все типы клятв — это клятвы уверения в истинности и правдивости того, что было, есть или будет. Это обещания, невыполнение которых влечет за собой определенные санкции, а выполнение определенную жертвенность.

Определенную специфику клятвенные уверения имеют в антимире русской культуры (жаргон), где жертвенными символами являются как общезначимые, так и специфические для этого мира ценности. К общезначимым относится понятие «свобода», приобретающее в тюрьмах (тюремных зонах) прагматически качественно значимую ценность в аспекте «быть на воле», и «несвобода» = находиться в заключении:

Пройдут мои годы, может, зря, / Не ждет меня радость, клянусь тебе свободой, / А ждут меня по новой лагеря... (Николай Иванович. «Постой, паровоз...»).

Таким образом, мы очертили контуры основных типов клятв-обещаний. Все типы клятв-обещаний — это обещания действий футурального плана, выполнение и невыполнение которых имплицитно определяет определенную жертвенность (отрешение президента от должности — процедура импичмента, привлечение к уголовной ответственности за ложные показания (*Клянусь говорить правду и только правду!*)). Как в смысле христианской этики и морали, так и в смысле определенных норм, принятых в том или ином конкретном социуме (ложные обещания), все они носят жертвенный характер различной степени тяжести.

Итак, клятва — один из модусов речевого акта обещания. Сформировавшись в глубокой древности как специфический ритуал сакральной природы, она сохранила свою семантическую схему (прототип). Но чем дальше от сакрального к профанному (мирскому), тем больше ее модальных вариаций. Она имеет широкий спектр

функциональных назначений, начиная от межличностных и кончая статусно-ориентированными. Темпорализация клятвы синкретична. В ее семантической структуре присутствует хронотоп «здесь и сейчас» или «там и тогда». Доминантой является будущее время. Клятва сопряжена с понятием долга и ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 2001 — *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 2001.
- Бахтин 1986 — *Бахтин М.М.* Литературно-критические статьи. М., 1986.
- БАРС 1988 — Большой англо-русский словарь. М., 1988.
- БРАС — Большой русско-английский словарь. М., 2003.
- БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.
- Гоббс 1989 — *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1989. Т. I.
- Гуссерль 2004 — *Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Введение в феноменологическую философию. СПб., 2004.
- Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.
- Дейк — *Дейк Т.А., ван.* Язык. Познание. Коммуникация / Под ред. В.И. Герасимова. М., 1989.
- Дресслер 1988 — *Дресслер В.* К вопросу о реконструкции индоевропейского синтаксиса // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXI. Новое в современной индоевропеистике: Переводы / Сост., вступ. ст. и общ. ред. Вяч.Вс. Иванова. М., 1988. С. 409–432.
- Корет 1988 — *Корет Э.* Основы метафизики. Киев, 1988.
- ТБ — *Толковая Библия* или Комментарий на все книги Св. Писания Ветхаго и Новаго Завета. Т. 3. 2-е издание. Стокгольм, 1987.
- Топоров 2004 — *Топоров В.Н.* Исследования по этимологии и семантике. Т. I: Теория и некоторые частные приложения. М., 2004.
- Фасмер 1986 — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1987.
- Фрэзер 1986 — *Фрэзер Д.Д.* Фольклор в Ветхом завете. 2-е изд., испр. М., 1986.
- Wahrig 1972 — *Wahrig Gerhard.* Deutsches Wörterbuch. Berlin; München; Wien, 1972.
- Wahrig 2006 — *Wahrig.* Synonymwörterbuch. München, 2006.

Д.Б. НИКУЛИЧЕВА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФУТУРАЛЬНОСТЬ В ДАТСКОМ ЯЗЫКЕ. ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛИЗАЦИИ, МЕТАФОРИЗАЦИИ И МЕСТО В СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ

В проведенной ранее серии межъязыковых психолингвистических экспериментов нами исследовалась возможность обратного воздействия грамматических систем языков на особенности невербального представления времени носителями русского, английского и датского языков. Использование пяти градуированных параметров (вертикальное или горизонтальное смещение представляемых картинок, их удаленность и размер, а также включенность или не включенность наблюдателя в визуальное представление) дало возможность сравнить особенности внутренней визуализации времени носителями разных языков и выявить некоторые значимые межъязыковые различия.

В наиболее общих чертах можно отметить, что и для русских, и для американских информантов представления о прошлых и будущих событиях обычно оказывались как бы «разнесенными» по разные стороны от точки настоящего, но располагались примерно в одной плоскости. Проводившийся позднее эксперимент с датскими информантами продемонстрировал значительные особенности как по сравнению с русской, так и с английской частью эксперимента. Наиболее принципиальное отличие состояло в том, что для датчан пространственная организация событий будущего резко отличалась от пространственного представления вспоминаемых событий.

Остановимся подробнее на особенностях представления будущих событий в датской части эксперимента, приведя некоторые экспериментальные данные (схема 1) и их графическую обработку (схема 2).

Типичный пример диссоциированного восприятия времени в датской культуре, женщина, 50 лет

- 4 år / 4 года. Картина слева. Чуть ниже уровня глаз (-3). Расстояние 3. Размер 9.
- 14 år / 14 лет. Картина чуть слева. Чуть ниже уровня глаз (-2). Расстояние 3. Размер 9.
- 25 år / 25 лет. Картина прямо по центру. На уровне глаз. Расстояние 3. Размер 9.
- 35 år / 35 лет. Картина на уровне глаз. Справа (4). Расстояние 3. Размер 9.
- 45 år / 45 лет. Картина на уровне глаз. Ближе. Чуть справа 2. Расстояние 2. Размер 9.
- For 1 år siden = For 1 måned siden = For 1 uge siden = 45 år / Год тому назад = месяц назад = на прошлой неделе. = 45 лет
- I går = I morgen / вчера = сегодня утром. На уровне глаз. Еще ближе. Чуть справа. Расстояние 1,5. Размер 9,3.
- I morgen / завтра. Картина по центру. Ниже уровня глаз (-4). Расстояние 5. Размер 4.
- Om 1 måned / через месяц. По центру. Дальше. Ниже уровня глаз (-4). Расстояние 7. Размер 4 - 3.
- Om 1 år / через год. По центру. Еще дальше. Расстояние 8. Еще ниже (-4 -5). Намного меньше. Размер 3.
- Om 5 år / 5 midten. Расстояние 9. Еще ниже (-5). Размер 2.

Схема 1.

Типичный пример диссоциированного восприятия времени в датской культуре, женщина, 50 лет

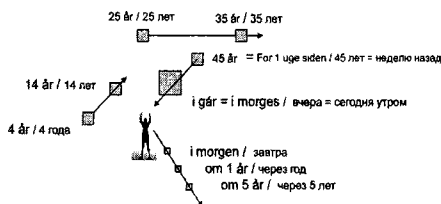

Схема 2.

Как видим, события далекого (детского) прошлого, взрослого прошлого, актуального прошлого и события настоящего оказывались как бы на разных векторах, но в одной «плоскости пережитой реальности». Зато события даже ближайшего будущего представлялись не только гораздо более *отдаленными*, чем события прошлого, но и *смещенными вниз* относительно «плоскости пережитой реальности». Такое пространственное и визуальное *дистанцирование* прогнозируемых событий от плана реальности наблюдалось в том или ином виде у каждого из участвовавших в эксперименте датчан. Это дало основа-

ния для того, чтобы постулировать план «пережитой реальности» в качестве базового когнитивного плана, конституирующего своеобразие датской темпоральной системы. (Под *когнитивным планом* понимается пространственно организованное представление категориальных смыслов, релевантных для данной языковой культуры.)

Представленный в датском языке набор форм финитного глагола выстраивается в пространственную структуру, соответствующую пространственным особенностям организации темпоральных представлений, выявленных в ходе эксперимента (схема 3).

Схема 3.

Но если пространственная организация временных представлений в сознании датчан действительно такова, как это следует из результатов эксперимента, то подобная организация ментального пространства неизбежно должна наложить свой отпечаток на особенности метафоризации времени в датской художественной литературе. Причем для нас важны не универсальные, производные от общих особенностей человеческого восприятия метафоры времени как линии, реки, пути и т.п., получившие достаточное освещение в лингвистической литературе, начиная с известных работ Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона, а именно *культурно-специфические метафоры времени*, кажущиеся несколько странными при переводе на другие языки и требующие определенных переводческих трансформаций для того, чтобы быть воспринятыми носителями иной языковой культуры.

Эта гипотеза нашла свое подтверждение при анализе самого значительного современного датского художественного произведения о

времени, романа Питера Хега «De måske egnede». Название книги Хега переводится как «Условно пригодные». Роман повествует о трех воспитанниках детдома, которые вступают в конфликт с жесточайшим распорядком и дисциплиной, навязываемыми детям воспитателями этого закрытого заведения. Ощущение своего несоответствия жесточайшим требованиям ежедневно совершенствоваться, развиваться, достигать новых успехов приводит их к почти физическому ощущению «выпадения» из линейного времени, царящего в интернате.

Ключевой метафорой времени, многократно обыгрываемой в романе, является метафора линейного времени как «лезвия ножа, скребущего по поверхности вселенной»: *Den lineære tid må man tænke sig som et uendelig stort knivsblad, der skraber hen over universet, og samtidig trækker det med sig. Bag sig efterlader det en uendelig bred stribe af fortid, foran sig har det fremtiden, på knivsæggen ligger det nu, hvori vi lever* (221) «Линейное время можно представить себе в виде бесконечно большого лезвия ножа, которое рассекает вселенную, одновременно соскребая часть ее и унося с собой. Позади него — бесконечно широкая полоса прошлого, впереди — будущее, на самом лезвии находится то настоящее, в котором мы живем» (252–253). Обратим внимание на смысловое изменение, присутствующее в приведенном переводе Е. Красновой. Вместо «нож *рассекает* вселенную» было бы точнее написать «нож *скребет по поверхности* вселенной» (*skraber hen over*). В русском художественном переводе смысл метафоры «движение по горизонтальной плоскости», принципиально важный для датского представления времени, заменен — как нерелевантный для русского адресата — на глагол деструктивного движения «рассекает», более драматичный, но меняющий пространственный смысл датской метафоры.

Какие же пространственные представления проявляются в метафоре Хега? Чтобы уяснить это, обратимся к схеме 3, иллюстрирующей соотношение пространственных представлений о времени носителей датского языка со структурой датских темпоральных оппозиций, и убедимся, что обсуждавшаяся выше метафора Хега абсолютно точно им соответствует.

Глядя на схему 3, мы можем буквально визуализировать этот «нож времени», скребущий по поверхности «плана пережитой реальности» *от черты прошлого*, образованного категориями имперфекта (*gjorde*) и плюсквамперфекта (*havde gjort*), *к черте настоящего*, образованной категориями презенса (*gør*) и перфекта (*har gjort*). И именно «план пережитой реальности» *виден* наблюдателю лучше

всего. Он как бы находится *сверху*, «на свету». А дальше за чертой настоящего следует *afgrundens rand* обрыв «вниз», «в темноту» неизвестного. И именно там локализованы представления о будущности, прогнозности, ирреальности.

Метафора «объективного», «линейного» времени как «освещенной поверхности», противопоставляемой всему тому, что «находится внизу, в темноте», также возникает в романе и является развитием упомянутой выше ключевой метафоры: *De ville ikke vide af den tanke, at nogle elever var nede i mørket. De ville slet ikke vide af mørket, alt i universet skulle være lys. Med lysets kniv ville de skrabе mørket rent* (227) «Они даже думать не хотели о том, что некоторые ученики пребывали в *темноте*. Они вообще не хотели знать о темноте, все во вселенной должно было быть светом. *Ножом света* они хотели *отчистить темноту* добела» (260).

Важнейшим ключом для понимания специфики концептуализации времени в датском языковом сознании является пространственная составляющая данной метафоры, закономерно утрачиваемая в русском переводе, но полностью соответствующая пространственной организации датских темпоральных представлений, выявленных нами в ходе психолингвистического эксперимента. Ведь, по Хегу, нож света — это тот же нож линейного времени, который «соскребает темноту» со вселенной (*Med lysets kniv ville de skrabе mørket rent*). Но самое главное — это, что все то, что не соответствует линейному представлению времени, оказывается не просто «в темноте», но, согласно датскому оригиналу, «*nede i mørket*», то есть «внизу в темноте»! Таким образом «освещенным», то есть «четко видимым», согласно этой метафоре, является именно когнитивный план «пережитой реальности» (*den oplevede virkelighed*). *De ville løfte de uforståelige og mørke og tvivlsomme børn op i lyset* (230) «Они захотели *поднять* непонятных им *темных и сомнительных* детей *вверх, к свету*» (264). *Det som er sket, fra Augustin til Newton, er at man har fjernet mennesket fra tiden. [...] Den er blevet objektiv. Altså befriet for menneskelig usikkerhed* (231) «В промежутке времени от Августина до Ньютона случилось то, что *человека удалили из времени*, — оно стало *объективным*, то есть свободным от *неуверенности* человека» (265).

То есть, согласно метафоре Хега, к «объективному» времени человека насильно «*поднимают*». Тогда как сомнения, неуверенность остаются «внизу», «в темноте».

«Внизу в темноте» (*nede i mørket*) остаются все неточные и недовольные утверждения, предположения, прогнозы, ирреальные допущения и тому подобные субъективные составляющие восприятия

действительности. И это метафорическое представление Хега подтверждается теми формулировками, которые использовали датчане в ходе эксперимента, когда говорили о предполагаемых или прогнозируемых событиях: «Датские информанты испытывали ощутимо большую сложность в визуализации будущих событий по сравнению и с русскими и с американцами. Многие из опрошенных датчан заявляли, «что они не могут представить того, чего не пережили» (*at de ikke kunne se det, som de ikke havde oplevet*), «может быть, только почувствовать это» (*måske kun føle det*), «что будущее нечетко» (*fremtiden står uklar*), что «картинка лишь проблескивает» (*billederne glimter*), «будто помехи в телевизоре» (*de var som sne i fjernsynet*). Таким образом, в сознании датчан будущее так или иначе принадлежит совсем иному «измерению», нежели пережитая реальность» [Никуличева 2008, 98].

Таким образом, можно утверждать, что ключевая метафора, предлагаемая Питером Хегом в качестве образа линейного времени, на самом деле производна не от абстрактной идеи времени как линии, а от той пространственной организации временных представлений, которая характерна именно для носителей датского языка и задана структурой существующих в этом языке темпоральных категорий.

Какие же темпоральные представления остаются «внизу», «в темноте», за пределами «плоскости пережитой реальности»? Это все то, что может быть противопоставлено *эмпирическому знанию*, связанному с реальным опытом говорящего, и обобщено как разнобразные *мысленные конструкторы*.

Вспомним, что в датском языке существует значимое противопоставление перформативных глаголов *tro* и *synes*, имеющих общее значение мнения. *Jeg tror det er godt vejr i Rom i marts* «Я полагаю, в марте погода в Риме хорошая», — скажет человек, планирующий свою поездку, но никогда ранее в это время не бывавший в Риме и поэтому создающий некий мыслительный конструкт. *Jeg synes det er godt vejr i Rom i marts* «Я считаю, в марте погода в Риме хорошая», — скажет другой, побывавший в Риме в марте и судящий на основании собственного опыта. Настоящая оценка, с точки зрения датского грамматического менталитета, возможна тогда, когда у говорящего была *точка регистрации* определенного опыта. Понятие *registreringstidspunkt* — важная грамматическая идея, предлагаемая авторами новой грамматики датского языка [Christensen 2006, 127]. Именно с ней авторы связывают такое специфическое значение датского претерита как аксиологический претерит. *Det var god kaffe!*, — скажет в претерите датчанин, пьющий вкусный кофе, хотя кофе до конца еще не выпит, потому что таким образом укажет на то, что

суждение строится на зарегистрированном им опыте, который, следовательно, можно оценить.

В этой связи понятной становится семантика футурального презенса, используемого для обозначения ближайших или само собой разумеющихся событий будущего. Это такие события, относительно которых в момент речи имеется достаточно наблюдаемых свидетельств того, что они будут развиваться именно таким образом: *Slagelse vinder (nok)* «(Команда) Слагельсе (конечно) выиграет», — говорит болельщик, наблюдающий за тем, как проходит еще не окончившийся матч. На том или ином основании, имеющемся на момент речи, говорящий должен быть уверен, что событие произойдет: «*I morgen kommer tante Lise*», скажет племянница, пригласившая тетю к себе домой на завтра и уже получившая от нее согласие. *Tager du skraldet med når du går?* «Захватишь мусор, когда будешь уходить?» — спросит жена мужа о привычном действии, ожидая утвердительного ответа.

Обращение к метафоре П. Хега о том, что пережитая реальность — это *хорошо освещенная* и поэтому *ясно видимая* поверхность, позволяет лучше понять, почему для обозначения будущих событий, *подготовленность* которых получает *перцептивное подтверждение* уже в настоящем, в датском языке регулярно используется форма презенса. Футуральный перзенс возможен и в русском языке, но в датском языке его употребление значительно шире.

Расширение сферы футурального презенса в датском языке по сравнению с русским

Se, hvilken morgenstund!

Solen er rød og rund.

Nina er gået i bad.

Jeg spiser ostemad.

Livet er ikke det værste man har,

Og om lidt er kaffen klar.

Nu kommer Nina ud

Nøgen, med fugtig hud,

Kysser mig kærligt og går

Ind for at rede sit hår

Livet er ikke det værste man har,

Og om lidt er kaffen klar.

"Svantes lykkelige dag"
Af Benny Andersen

Посмотри, что за утро!

Солнце красное и круглое.

Нина ушла в ванную.

Я ем бутерброд с сыром.

Жизнь — не самое плохое, что есть
у человека.

И кофе скоро будет готов.

Вот Нина выходит,

Обнаженная, со влажной кожей,

Нежно меня целует и уходит,

Чтобы причесать волосы.

Жизнь — не самое плохое, что есть
у человека.

И кофе скоро будет готов.

Отличие семантики футурального презенса от сочетаний *vil + Inf* становится особенно наглядным, если сравнить их употребление в одних и тех же предложениях: *Slagelse vil vinde* «Слагельсе выиграет» — выскажет свое предположение один болельщик другому, обсуждая возможные результаты завтрашнего матча. *I morgen vil tante Lise komme* «Завтра тетя Лисе придет / хочет приехать», — скажет жена мужу, не будучи вполне уверена, что муж одобрит этот проект. *Vil du (ikke) tage skraldet med når du går?* «Ты (не) захватишь мусор, когда будешь уходить?» — спросит говорящий, если не предполагает, что эта процедура входит в привычный круг обязанностей собеседника. Во всех случаях присутствует семантика *возможности несовпадения конструируемого и реального развития событий*.

Важно подчеркнуть, что семантика возможного несовпадения футурального конструкта с реальностью присутствует и в случаях полной идиоматизации *ville*, когда присущая этому модальному глаголу семантика волеизъявления полностью утрачивается. Как неоднократно отмечалось исследователями [Бабушкина 1982; Локштанова 1986; Крылова 2008], идиоматизация наиболее явно происходит в двух случаях: 1. При неодушевленном субъекте: *Renten vil gå op hvis vi går med i EMU* «Кредитные ставки повысятся, если мы вступим в Европейский монетарный союз». Это вполне реалистичный экономический прогноз, однако все знают, что экономические прогнозы не всегда сбываются. 2. Когда лексическая семантика смыслового глагола противоречит воликативной семантике служебного: *Den vil dø, ingen kan hjælpe den* «Она умрет, никто ей не может помочь», — говорит герой фильма о лошади, получившей смертельную рану. Понятно, что в данном контексте речь идет не о том, что все смертны, а о том, что прогнозируемое событие может произойти очень скоро.

В любом случае, употребление *vil + Inf* вместо футурального презенса указывает на то, что говорящим допускается возможность несовпадения реального и прогнозируемого развития событий. В то же время прямое противопоставление реального и утверждаемого положения дел — это уже семантический признак сослагательного наклонения. Именно поэтому дистанцированный от плоскости пережитой реальности *план прогностичности* (см. схему 3) непротиворечиво включает *все* формы с *ville*: и рассмотренный выше футурум I (*vil + Inf*), и соотносенный с ним отношением предшествования моменту в будущем футурум II *vil + Inf II* (*Hun vil have skrevet det inden da* «К тому времени она это уже напишет»), и будущее в прошедшем I и II (*ville + Inf* и *ville + Inf II*), и ирреальный прогноз относительно момента речи (*ville + Inf*) и относительно момента в прошлом (*ville + Inf II*).

Семантические особенности каждой из названных форм определяются смыслом тех когнитивных планов, на пересечении которых находится данная форма. Например, семантика футурума *vil* + *Inf* определяется одновременной принадлежностью этой формы трем когнитивным плоскостям, на пересечении которых она находится (см. схему 3). Это уже упомянутый план *прогностичности*, а также план *конструируемой реальности*, создаваемый оппозициями: футурум I — футурум II — футуральный презенс — футуральный перфект (*Når jeg har drukket min kaffe, går vi hjem* «Когда я допью кофе, мы пойдем домой»), и наконец, план *локализации относительно момента речи*, конституируемый оппозициями: футурум (следование за моментом речи) — презенс (одновременность моменту речи) — претерит (предшествование моменту речи) — будущее в прошедшем (следование за моментом в прошлом, но предшествование относительно момента речи). То, что последняя из названных форм также характеризуется локализацией относительно *момента речи*, а не только относительно *момента в прошлом*, явно видно из сопоставления примера *Ole skrev at han ville komme til næste år* «Оле писал, что придет в следующем году», где форма будущего в прошедшем указывает на то, что тот год, когда Оле должен был приехать, уже находится в прошлом, с примером *Ole skrev for en måned siden at han kommer i næste uge* «Месяц тому назад Оле написал, что приезжает на следующей неделе». Использование формы футурального презенса свидетельствует о том, что относительно момента речи приезд Оле все еще локализован в будущем [Allan e.a. 1998, 275].

В целом можно констатировать бо́льшую нюансированность футуральных смыслов в датском языке по сравнению с русским, что наглядно проявляется в нейтрализации этих грамматических смыслов при переводе на русский язык:

I morgen vil tante Lise komme. — *Завтра придет тетя Лисе.*

Tante Lise skrev at hun ville komme til næste år. — *Тетя Лисе писала, что придет на следующий год.*

Når tante Lise er kommet, spiser vi morgenmad sammen. — *Когда придет тетя Лисе, мы вместе позавтракаем.*

Nej, vi vil have spist morgenmad inden da. — *Нет, мы позавтракаем раньше.*

В полном соответствии с усложнением грамматической категоризации в датском языке усложняются пространственные, а также метафорические представления о времени — от простой разнесенности событий по линии, идущей из прошлого через момент речи в

будущее, к более сложной объемно-пространственной организации временных представлений.

Предложенный подход, сочетающий психолингвистический эксперимент с пространственным представлением структуры оппозиций, позволяет объяснить закономерный характер грамматической многозначности каждой из форм, входящих в состав датской глагольной парадигмы, в том числе системность организации футуральных значений.

Однако исследование места футурума в парадигме датского глагола будет неполным, если исключить из рассмотрения соотношение форм с *ville* с грамматическими формами со *skulle*. Точно так же, как в случае с формами с *ville*, здесь имеет место последовательное противопоставление четырех форм: *skal* + Inf, *skal* + Inf II, *skulle* + Inf, *skulle* + Inf II. Подчеркнем, что, как и в случае с формами с *ville*, речь здесь идет не о сочетании модального глагола долженствования с инфинитивом, а об идиоматическом сочетании утратившего исходную семантику служебного глагола со смысловым.

Skal + Inf: *Hun skal være meget venlig*. При немодальном употреблении глагола *skal* это предложение теряет буквальный смысл «Она должна быть очень доброжелательной» и используется для передачи информации, полученной с чужих слов: «*Говорят*, она очень доброжелательна».

Skal + Inf II: *De skal have købt bil* «*Говорят*, они купили машину». То значение, которое эксплицировано в русском переводе введением перформативного глагола, следует из самой датской грамматической формы, употребляя которую говорящий указывает на то, что он *реконструирует* прошлую ситуацию с чужих слов и тем самым *дистанцируется* от ответственности за достоверность сообщаемого, хотя достоверность данной пропозиции вполне вероятна. «Может быть да, а может быть нет, сам я этого не видел, поэтому точно утверждать не могу», — дает понять говорящий, используя эту форму.

Skulle + Inf и *Skulle* + Inf II. Для иллюстрации грамматической семантики этих форм обратимся к примеру из упомянутого в начале статьи роману П. Хера о времени: *Undertiden, de nætter jeg bliver vågen, ... da frygter jeg, ... at det måske ikke skulle have forandret sig, ude i verden, at tidens greb skulle være usvækket* (227) «Порой, когда я не сплю по ночам, меня охватывает страх. Я боюсь, что в мире все могло остаться неизменным, что хватка времени не ослабевает» (260).

Грамматическая система датского языка дает возможность говорящему выразить свое *сомнение* относительно достоверности пропозиции, в том числе сомнение в достоверности своего собственного предположения, как в приведенном примере. Сомнение в достоверности может относиться как к утверждению относительно настояще-

го (сочетание формы *skulle* + Inf I), так и к утверждению относительно прошлого (сочетание формы *skulle* + Inf II).

Эти релевантные для датского грамматического менталитета семантические нюансы неизбежно исчезают в русском переводе. Так, русское предложение «Я боюсь, что в мире все *могло остаться неизменным*, что *хватка времени не ослабевает*» по умолчанию воспринимается как объективное отражение говорящим ситуации, существующей в реальности: «Я боюсь, что все *могло остаться неизменным*, что *хватка времени не ослабевает (и так оно и есть на самом деле)*». Но адекватным эквивалентом такого смысла было бы датское предложение с иным темпоральным оформлением сказуемого: *Jeg frygter, at det ikke har forandret sig ude i verden, at tidens greb er usvækket*. Использование форм презенса и перфекта сохраняло бы отнесенность высказывания к плану пережитой реальности, то есть к плану достоверности.

Для смысла предложения из романа Хера (*da frygter jeg, at det måske ikke skulle have forandret sig, ude i verden, at tidens greb skulle være usvækket*), напротив, принципиально важно *несовпадение утверждения говорящего и объективной реальности*, что придает высказыванию семантику недостоверности, близкую к ирреальности: «Я боюсь, что в мире все *могло остаться неизменным*, что *хватка времени не ослабевает (хотя и чувствую, что на самом деле это не так!)*».

Типичным контекстом дубитативных форм со *skulle* служат перформативы, вводящие чужое утверждение, с которым говорящий не согласен. Пример также взят из романа П. Хера: *I virkeligheden var kravet, at man hver dag skulle være forandret. Hver dag skulle man være bedre, man skulle have udviklet sig. De mange gentagelser i skolens liv var der kun for at man på den samme baggrund kunne vise at man havde forbedret* (226) «На самом деле *требовалось*, чтобы ты каждый день *менялся*. Каждый день *надо было становиться лучше, надо было развиваться*; множество повторений в жизни школы существовало только для того, чтобы на одном и том же фоне можно было показать, что ты *стал лучше*» (259).

С одной стороны, идет повествование о пережитых событиях, локализованных в моменте прошлого, и о соотнесенных с ними событиях предпрошлого: «В том школьном прошлом *надо было* каждый день становиться лучше (*Hver dag skulle man være bedre*), чтобы человек смог показать (*for at man på den samme baggrund kunne vise*), что к тому моменту ты уже стал лучше (*at man havde forbedret*)». Формы претерита модальных глаголов *skulle* и *kunne*, обозначающих фактическую модальность (долженствование, способность), локализованную в прошлом.

Представление ситуации в корне меняется, когда автор вводит перформатив: *I virkeligheden var kravet, at...* «На самом деле *требовалось*, чтобы...» Это требование исходит от дирекции школы, а рассказчик отчаянно против него восстает. Используя при глаголе *skulle* форму инфинитива II (*at man skulle være forandret., man skulle have udviklet sig*), говорящий как бы отмежевывается (дистанцируется) от пересказанного им требования дирекции) буквально *отодвигая* его грамматическими средствами из области *достоверного пережитого прошлого* еще дальше в область *недоверности* (схема 4).

Все четыре рассмотренные выше формы со *skulle* вместе образуют когнитивный план *недоверности*, противопоставленный, с одной стороны, плану *пережитой реальности* и, с другой стороны, плану *прогностичности* (см. схему 3). Одновременно каждая из форм плана недоверности проявляет семантическую специфику, производную от ее принадлежности разным когнитивным планам: *skal* + Inf I и *skal* + Inf II — плану конструируемой (с чужих слов) реальности, либо локализованной в моменте речи (*skal* + Inf I), либо предшествующей ему (*skal* + Inf II); *a skulle* + Inf I и *skulle* + Inf II — плану ирреальности, как результат сомнения говорящего в достоверности утверждения (чужого или собственного) — либо относительно настоящего момента (*skulle* + Inf I), либо относительно момента в прошлом (*skulle* + Inf II).

В результате выстраивается единая пространственная структура парадигмы активных форм датского глагола, непротиворечиво объединяющая все семантические варианты представленных в ней форм и четко определяющая статус датского футурума.

Таким образом, рассмотрев различные грамматические варианты выражения темпоральных значений в датском языке, мы можем утверждать, что семантические особенности каждой из форм той или иной футуральной семантики определяются смыслом тех когнитивных планов, на пересечении которых данная форма находится в выявленной пространственной структуре темпоральных оппозиций.

Всего выделяется семь когнитивных планов, организующих все многообразие грамматической семантики и определяющих закономерности структурной организации финитных форм датского глагола в активном залоге: план *пережитой реальности*, план *локализации относительно момента речи*, план *предшествования ситуативному моменту*, план *конструируемой реальности*, план *прогностичности*, план *недостоверности* и план *ирреальности*. Исследование пространственной организации этих когнитивных планов относительно друг друга убеждает в том, что в структуре датской глагольной парадигмы семантика ирреальности плавно возрастает по мере пространственного дистанцирования категории от точки настоящего.

Предложенный подход, сочетающий психолингвистический эксперимент с пространственным представлением структуры оппозиций, позволяет объяснить закономерный характер грамматической многозначности каждой из форм, входящих в состав датской глагольной парадигмы, в том числе системность организации футуральных значений, а также уточнить место футурума в структуре глагольных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабушкина 1982 — Бабушкина Е.В. Грамматические средства выражения действия в будущем и их статус в системе датского глагола. Дисс. ... канд фил. наук. М., 1982.
- Крылова 2008 — Крылова Э.Б. Несколько слов в защиту датского будущего // Германистика, скандинавистика, историческая поэтика / Сб. науч. статей ко дню рождения О.А. Смирницкой. М., 2008. С. 104–123.
- Локштанова 1986 — Локштанова Л.М. Категориальные значения и употребление финитных форм. Дисс. ... докт. фил. наук. М., 1986.

- Никуличева 2008 — *Никуличева Д.Б.* О перцептивных основах категоризации видо-временных значений в английском и датском языках // *Германистика, скандинавистика, историческая поэтика* / Сб. научн. статей ко дню рождения О.А. Смирницкой. М., 2008. С. 76–103.
- Allan e.a. 1998 — *Allan R., Holmes Ph., Lundskaer-Nielsen T.* Danish. A Comprehensive Grammar. N.-Y.: Routledge, 1998.
- Christensen 2005 — *Christensen Zola R., Christensen L.* Dansk Grammatik. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2005.
- Høeg 2000 — *Peter Høeg.* De måske egnede. Roman. København: Rosinante forlag, 2000. Страницы датского издания приводятся в тексте.
- Хег 2002 — *Питер Хег.* Условно пригодные. Роман / Пер. с датского Е. Красновой. СПб., 2002. Страницы перевода на рус. яз. датского издания — в тексте.

ПО ПОВОДУ АМБИВАЛЕНТНОСТИ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблема будущего времени в японском языке представляет особый интерес. Дело в том, что глагольные формы настоящего и будущего времени в японском языке совпадают, поэтому грамматисты применительно к японскому языку говорят о настояще-будущем времени. Получается, что в японском всего два времени — прошедшее и настояще-будущее. Последнее и станет объектом наших ближайших рассуждений. Сошлемся на один из самых авторитетных источников, описывающих японскую грамматику, — учебник под редакцией И.В. Головнина: «Форма настояще-будущего времени обозначает всевременные, обычные или повторяющиеся действия или же действия, которые будут совершены в будущем» [Головнин 1971: 127]. Как видим, настояще-будущим данное время названо по праву.

При необходимости подчеркнуть протекание действия в настоящем времени используется так называемый длительный вид, однако во всех остальных формах настояще-будущего времени определить отнесенность выраженного глаголом действия к плану настоящего либо будущего вне контекста невозможно. При том что сказуемое в японском предложении всегда следует в самом конце, реципиент, не дослушав или не дочитав предложения до конца — за исключением случаев, когда используются соответствующие маркеры времени, — не в состоянии определить временную отнесенность предложения в целом. В равной мере по началу предложения невозможно определить, является ли оно утвердительным, отрицательным или вопросительным. К тому же глаголы японского языка не изменяются по роду, числу и лицу.

Это верно для всех стилей речи. Например, если взять нейтрально-вежливый стиль, который является своего рода эталоном, то вырванное из контекста предложение *Uta o utaimasu* может иметь самые разнообразные варианты перевода, а именно: *Я пою песню (песни)*; *Ты поешь песню (песни)*; *Он поет песню (песни)*; *Она поет песню (песни)*; *Мы поем песню (песни)*; *Вы поете песню (песни)*; *Они*

поют песню (песни); Я спою (буду петь) песню (песни); Ты споешь (будеешь петь) песню (песни); Он споет (будет петь) песню (песни); Она споет (будет петь) песню (песни); Мы споем (будем петь) песню (песни); Вы споете (будете петь) песню (песни); Они споют (будут петь) песню (песни). Однако стоит поместить указанное японское предложение в контекст, как любой японец без труда определит, что именно имеется в виду. Но с грамматической точки зрения очевидна амбивалентность будущего времени в японском языке.

То же относится и к разговорному стилю: предложение *Uta o utau*, представляющее собой более фамильярную форму выражения того же смысла, который заключен в предложении *Uta o utaimasu*, имеет те же варианты перевода, что приведены в предыдущем абзаце. Несколько иная ситуация возникает в случае с так называемыми формами учтивости. В японском языке существуют грамматические способы выражения почтительного отношения к собеседнику, при этом либо человек подчеркнуто скромно говорит о себе, либо подчеркнуто уважительно обозначает действия, относящиеся к собеседнику. Первому случаю соответствует форма типа *Outai shimasu*, второму — *Outai ni narimasu*. Здесь, по крайней мере, можно судить о том, относится ли указанное действие к первому лицу или нет, однако в части временной отнесенности ситуация остается неизменной: вырванные из контекста, такие обороты также могут относиться и к плану настоящего, и к плану будущего.

Такая ситуация, как синонимия форм настоящего и будущего времени, характерна для целого ряда языков, однако немногие языки отличаются, помимо этого, амбивалентностью не только в плане грамматики, но и на уровне дискурса в целом. Недосказанность, уход от категоричности — характерные черты японского дискурса. Яркий тому пример — формы предположительности. Так, в том случае, когда в японском предложении отсутствуют другие основные глаголы, в конце предложения (в случае референции к настояще-будущему времени) ставится глагол-связка *desu*. Это достаточно распространенная форма, выражающая значение утверждения. Вместе с тем существует глагол-связка *deshou*, которая вводит предположительное наклонение. Предложение, оканчивающееся на *deshou*, на русский язык будет переводиться при помощи таких вводных слов, как *вероятно, возможно, наверное* и т. п. Аналогичные вводные слова существуют и в японском языке, но в то же время существуют и чисто грамматические конструкции, задающие предположительность. Важно то, что использование предположительного наклонения приветствуется в японской речи. Японцы достаточно часто употребляют глагол-связку *deshou* либо его эквиваленты *darou* (в разговорном

стиле) и *de arou* (в научном стиле), тем самым снимая с себя часть ответственности за сказанное.

Продолжая рассуждения о японском дискурсе, нельзя не вспомнить о том, что японский речевой этикет не приемлет прямых отказов. Благовоспитанный японец на высказанное ему предложение ответит формальным согласием и в том случае, когда он готов принять это предложение, и в том случае, когда это предложение его ни малейшим образом не интересует. Считается, что отказ поставит собеседника в неловкое положение, поэтому японец склонен отвечать согласием на любые предложения, а его истинные намерения становятся ясны по тому, предпринимает ли он какие-либо действия для выполнения взятых (или якобы взятых) на себя обязательств или нет. Эта нелюбовь японцев к отказам породила представление о том, что японцы никогда не говорят «нет». Японцы действительно говорят «да» гораздо чаще, чем «нет».

Здесь хочется вспомнить известный анекдот про дипломата, военного и девушку:

Если дипломат говорит «нет», это значит «нет»; если дипломат говорит «может быть», это значит «может быть»; если дипломат говорит «да», значит он не дипломат.

Если военный говорит «нет», это значит «нет»; если военный говорит «да», это значит «да»; если военный говорит «может быть», значит он не военный.

Если девушка говорит «нет», это значит «может быть»; если девушка говорит «может быть», это значит «да»; если девушка говорит «да», значит она не девушка.

Утрируя, можно продолжить этот анекдот применительно к японцу:

Если японец говорит «да», это значит «может быть»; если японец говорит «может быть», это значит «нет»; если японец говорит «нет», значит он не японец.

Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в некоторых ситуациях японцы довольно охотно произносят «нет». Наиболее типичной из них является такая, где японца либо его близких за что-либо хвалят. На этот случай японский этикет предписывает благовоспитанному японцу стандартную модель поведения: всякую похвалу в свой адрес следует категорически отрицать. Из этого следует, что от японца очень легко услышать «нет», если его похвалить.

Итак, амбивалентность в японском языке обнаруживается не только на грамматическом, но и на лексическом уровне, и, как мы уже отмечали, витиеватость речи — отличительная особенность японского дискурса. В чем причина такого явления?

Бытует мнение, что мышление японца имеет особые свойства в связи с присутствием в японской письменности иероглифов. Иероглифическое письмо действительно отличает японский язык от большинства языков мира. Комментируя это мнение, необходимо прежде всего отметить, что японское письмо — это не только иероглифы, но и две азбуки, которые не менее активно используются в письменной речи и без которых японцам не обойтись. Вскоре после того, как японцы заимствовали китайские иероглифы, стало очевидно, что при помощи китайских иероглифов достаточно сложно отражать особенности японской грамматики и фонетики. Это обусловило необходимость разработки двух азбук, позволяющих записывать достаточно изменчивые окончания японских слов. Эти азбуки — катакана и хирагана — являются необходимыми компонентами японской письменности и по сей день.

Однако иероглифика является не менее важным компонентом японской письменности. Одним из веских доводов в пользу использования иероглифов в японском языке является развитая система омонимии. В современном японском языке существует большое количество слов, имеющих одинаковое звучание, но разное значение. И именно иероглифы выполняют смыслоразличительную функцию. Отсутствие иероглифов значительно затрудняло бы восприятие письменного текста. Обилие омонимов, между тем, добавляет амбивалентности в разговорную речь, так как иногда даже исходя из контекста невозможно отличить один омоним от другого, и тогда говорящим на японском языке приходится в случае такого рода непонимания уточнять, какое слово имелось в виду. Несмотря на современную тенденцию перехода некоторых языков с иероглифической письменности на буквенную либо знаковую, будущее японского языка трудно представить себе без иероглифов. В связи с этим вполне естественным выглядит предположение о том, что иероглифические образы оказывают определенное влияние на мышление японцев.

Мы проверили эту гипотезу в ходе анализа данных ассоциативного эксперимента, проведенного в Осацком университете в 2001–2002 гг. среди носителей японского языка. Исследование проводилось на японском языке. Было обработано 140 анкет, содержащих по 120 слов-стимулов. Респондентами были студенты различных факультетов в возрасте от 18 до 23 лет, причем количество опрошенных мужчин и женщин было одинаковым — по 70 человек. Среди

ассоциативных реакций обнаружились такие, которые со всей очевидностью строились не по смыслу, а по форме иероглифа-стимула либо в связи с особенностями его прочтения. Мы посчитали количество таких реакций и выяснили, что их совокупный удельный вес составляет 0,9% от общего числа реакций, то есть количество такого рода «иероглифических» реакций, где ассоциативная стратегия в последнюю очередь основана на значении иероглифа, является крайне незначительным. Из этого можно сделать вывод, что иероглифика оказывает незначительное влияние на мышление японцев. Об этом мы писали подробно в нашей статье [Палкин 2005]. Между тем в ходе дальнейшего анализа выяснилась одна интересная особенность: когда в качестве стимулов выступали слова, указывающие на высшие моральные ценности, удельный вес «иероглифических» реакций заметно возрастал. В частности, в ассоциативном поле «добро» обнаружилось около 13% подобных реакций, а в ассоциативном поле «зло» — около 7%. Как было отмечено в другой нашей статье [Палкин 2008: 668], «высшие моральные ценности рассматриваются японцами как крайне важные, с одной стороны, и как имеющие налет мистичности, с другой стороны, в результате чего актуализируются архаичные слои сознания, на уровне которых смысл уступает первенство форме».

Между тем о существенном влиянии иероглифики на языковое сознание японцев говорить не приходится.

Сделанный вывод, однако, не отменяет того факта, что и японский язык, и речевая деятельность японцев характеризуются подчеркнутой амбивалентностью. Недосказанность и, соответственно, недопонятость — норма для японского дискурса. По этой причине иностранцы нередко сталкиваются с ощутимыми трудностями, когда вступают с японцами в те или иные переговоры. Сами японцы иногда жалуются, что им сложно понимать истинные намерения своих соотечественников. В Японии популярна такая область исследований, как *nihonjinron*, что буквально означает «учение о японцах». В работах по *nihonjinron* затрагивается разнообразная гуманитарная проблематика, «включая этнографическую, культурологическую, лингвистическую, фольклористическую, историческую; иногда даже затрагиваются проблемы антропологии (в традиционном для России смысле этого термина) или нейропсихологии» [Алпатов 2008: 30]. Так вот, помимо всего прочего, большое внимание в рамках *nihonjinron* уделяется дихотомии *honne* — *tatemae*. Это чисто японские термины. В приблизительном переводе *honne* значит «истинные мотивы». *Tatemae* переводится как «установка», но в качестве антонимичного к *honne* понятия *tatemae* означает «мотивы, выраженные

внешне». Подразумевается, что истинные мотивы не соответствуют тому, что проявляется в реальном поведении. Японцу пристало скрывать свои истинные намерения. Внешне же следует демонстрировать благополучие и непритязательность. При этом совершенно неправильным было бы считать, что японцы склонны к обману. Снятие с себя определенной ответственности за сказанное диктуется распространенными в Японии нормами речевого этикета и общественного взаимодействия. Как удачно выразился Б. Данхэм, «на Западе люди либо говорят вам правду, либо лгут. Японцы же почти никогда не лгут, однако им никогда не придет в голову говорить вам правду» (цит. по: [Овчинников 1971: 94]).

До сих пор мы говорили о тех трудностях, которые присущи японскому дискурсу. Эти трудности, как может показаться, серьезно осложняют процесс коммуникации на японском языке. Однако на самом деле все перечисленные трудности только кажущиеся. Иностранцы действительно будут терпеть коммуникативные неудачи достаточно часто, если они плохо знакомы с особенностями японского речевого этикета. Сами же японцы отлично понимают друг друга. Японский дискурс как таковой характеризуется категоричностью, витиеватостью формулировок, обилием предположительных оборотов. Однако человек, выросший в японской культуре, практически никогда не испытывает затруднений при интерпретации речевого замысла адресанта. Высказывание, относящееся к плану будущего, безошибочно распознается как таковое, несмотря на амбивалентность грамматической формы времени. Способность распознавать готовность или неготовность собеседника к дальнейшему развитию отношений, сотрудничества и пр. развивается с годами. По этой причине японцу гораздо проще, чем иностранцу, отличить формальное согласие—отказ от настоящего согласия, а обилие в речи предположительных форм воспринимается им как само собой разумеющееся явление.

Здесь перед нами со всей остротой встает извечный вопрос о том, что первично — курица или яйцо, язык или культура. Теория лингвистической относительности в случае с японским языком представляется особенно злободневной. Японцы избегают категоричности по той причине, что у них такой язык, или язык у них такой, потому что они избегают категоричности? Сколько копий уже было сломано о теорию лингвистической относительности, а воз и ныне там, где его оставил Э. Сепир. Большинство современных ученых отказались от той жесткой трактовки данной теории, на которой настаивал Б.Л. Уорф. Однако с мягкой трактовкой по-прежнему далеко не все ясно. Признаются и факт влияния языка на сознание, и факт

влияния сознания на язык, а вот относительно степени этого влияния существует огромное количество мнений, которые друг с другом не очень согласуются. Аналогично с культурой. Язык определяет национально-культурную специфику или национально-культурная специфика определяет язык? Снова вопрос без четкого ответа.

Мы позволим себе высказать собственную точку зрения по этому вопросу, не претендуя, впрочем, на окончательность наших выводов. Конечно, мы не можем согласиться с тем, что человек воспринимает окружающую действительность так, как предписывает ему родной язык, на чем настаивал Б.Л. Уорф. Однако нельзя согласиться и с обратным: культура не определяет язык целиком и полностью. Язык и культура, несомненно, влияют друг на друга, но степень этого влияния разная.

Мы придерживаемся той точки зрения, что особенности культуры и быта народа обуславливают развитие языка. Приведем конкретный пример. Известно, что в языках народов Севера присутствует большое количество номинаций для обозначения различных состояний снега и льда. Абсурдным выглядит утверждение, будто именно по той причине, что язык имеет подобные слова, народы Севера стали уделять большое внимание снегу и льду. Очевидно, что реальное положение дел как раз обратное. На севере холодно, поэтому народы Севера в силу климатических условий существования вынуждены обращать особое внимание на состояние снега и льда. И по этой причине возникла необходимость создать соответствующие наименования в соответствующих языках.

Как известно, языковая система — результат негласного соглашения носителей языка. На основе чего достигалось это соглашение? Сложно предполагать, что это был выбор нескольких человек, навязавших всем остальным свою волю. Во времена отсутствия письменности такое применительно к языку было просто невозможно. Вместе с тем известно, что язык стремится к экономии. Ненужные, избыточные формы отмирают, уходят в историю. Предметы, употреблявшиеся ранее и имевшие свое наименование, но к настоящему времени вышедшие из употребления, утрачивают свою актуальность для носителя языка, в связи с чем теряет актуальность и само наименование. Если бы язык диктовал условия культуре, то по логике вещей однажды разработанные наименования должны сохраняться, но этого не происходит. Если сейчас кто-то и вспомнит, что представляет из себя употреблявшийся в XX в. прибор под названием керогаз, то о предназначении такого старинного приспособления, как просак (ныне это слово употребляется только в метафорическом значении), не могут дать однозначного ответа даже ученые. Таким образом, не

быт и культура следуют изменениям языка, а язык следует за изменениями быта и культуры.

По нашему убеждению, образ мышления народа определяет структуру языка. Амбивалентность японской культуры обусловила амбивалентность японского дискурса, а не наоборот. Однако и язык выполняет важную модулирующую функцию. Как известно, язык — передатчик культуры. Ребенок проходит первичную социализацию, перенимает модели и паттерны родной культуры прежде всего посредством родного же языка. Постольку, поскольку предшествующими поколениями в языке уже была закодирована определенная систематизация окружающего мира, ребенок, следуя в том числе и тем образцам, которые предоставляет ему языковая система, начинает категоризовать мир в соответствии с этими образцами. Но следует помнить о том, что эти образцы были разработаны в силу климатических, географических, культурных и прочих условий существования народа — носителя данного языка. Таким образом, как нам представляется, «дух народа» (по В. фон Гумбольдту) формирует отличительные черты языка, а язык обеспечивает передачу национально-культурной специфики из поколения в поколения и тем самым обеспечивает преемственность «духа народа», его плавную (то есть не быструю) эволюцию.

Теория лингвистической относительности — для языкознания почти то же самое, что теорема Ферма для математики. Не пора ли учредить премию тому (или тем), кто сумеет научно обоснованно разяснить степень опосредованности языка культурой и культуры языком?

Вот так, начав с вопроса об амбивалентности будущего времени в японском языке, мы перешли к амбивалентности японского дискурса, а затем — к теории лингвистической относительности. По нашему мнению, эта теория достойна самого пристального внимания. Имело бы смысл организовать представительную конференцию, цель которой заключалась бы в объединении усилий ученых, занимающихся теорией лингвистической относительности. Современное положение дел таково, что различные мнения по данной проблеме остаются просто мнениями, тогда как все эти мнения нуждаются в обобщении и обсуждении — таком обсуждении, которое привело бы к выработке непротиворечивых ответов в результате достигнутого консенсуса. Разработка однозначной трактовки теории лингвистической относительности должна способствовать разрешению многих других вопросов, связанных со взаимодействием языка и культуры. И в таком случае мы могли бы с уверенностью рассуждать о причинах амбивалентности (или отсутствия оной) в различных языках мира.

ЛИТЕРАТУРА

- Алпатов 2008 — *Алпатов В.М.* Япония: язык и культура. М., 2008.
- Головнин 1971 — *Головнин И.В.* Учебник японского языка (для начинающих). М., 1971.
- Овчинников 1971 — *Овчинников В.В.* Ветка сакуры. Рассказ о том, что за люди японцы. М., 1971.
- Палкин 2005 — *Палкин А.Д.* Влияние иероглифики на языковое сознание японцев // Межкультурная коммуникация и перевод: Материалы межвузовской научной конференции. Москва. 27 января 2005 г. М., 2005. С. 405–409.
- Палкин 2008 — *Палкин А.Д.* О влиянии письменности на языковое сознание // I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы преподавания русского языка и литературы». М., 2008. С. 666–69.

БУДУЩЕЕ КАК ФАКТ И БУДУЩЕЕ КАК МОДАЛЬНОСТЬ В ПАРАДИГМЕ «РЕАЛЬНОСТЬ ↔ ТЕКСТ»

В настоящей работе рассматриваются некоторые особенности логической валентности и прагматической интерпретации высказываний о будущем. Положения, излагаемые в работе, опираются на выдвинутое в ряде наших работ разграничение двух модусов существования любых объектов физической, концептуальной или языковой природы — модуса «реальность» и модуса «текст» (имеется в виду возможность рассматривать их бытие как в физическом, так и в семиотическом плане) [Радбиль 2006]. Ср. по этому поводу утверждение В.П. Руднева: «Знак, текст, культура, семиотическая система, семиосфера, с одной стороны, и вещь, реальность, естественная система, природа, материя, с другой, — это одни и те же объекты, рассматриваемые с противоположных точек зрения» [Руднев 2000: 10].

Применительно к заявленной нами проблеме речь идет о том, что, когда говорящий порождает высказывание о будущем в реальной модальности, т.е. в модусе «реальность» — типа *Завтра я пойду в кино / Завтра будет хорошая погода* и пр., на самом деле в прагматике высказывания он не столько соотносит реальное совершение действия или наступление события к плану будущего с моментом речи, как это трактуется в теоретической литературе, сколько просто выражает сильную и безусловную уверенность в том, что он совершит это действие (или что данное событие безусловно, по его мнению, наступит), т.е. свою модальную оценку данного действия или события (высказыванию можно приписать модальную рамку — пропозициональную установку типа *Я уверен, что...*). Ведь подобное высказывание явно лишено логической валентности (оно не истинно и не ложно). Это, в нашей терминологии, и есть «будущее как модальность».

Представление о связи индикативного будущего времени и объективной модальности условности или предположительности, естественно, не является чем-то новым для науки о языке. Известно, что

во многих индоевропейских языках категория будущего времени формируется на базе сослагательного наклонения разных типов, конструкций с семантикой желания или волеизъявления и т.д. — ср., например, английское *I will*. Можно вспомнить и примеры из языков североамериканских индейцев, приводимые Б.Л. Уорфом. Так, в языке хопи не разграничиваются реальное будущее время в индикативе и сослагательное наклонение, которые объединены в предположительное наклонение (действие, не наблюдаемое говорящим) [Уорф 1960: 148–149]. Отметим также и известную статью Ю.С. Мартемьянова (1958) с показательным названием «Будущее время или предположительное наклонение? (futur или suppositif?)», где на примере французского языка демонстрируется тесная связь различных форм будущего индикативного с выражением разнообразных модальных значений разного типа: «Объективная структура формы futur не дает оснований относить значение будущего непосредственно ко времени действия. Собственно временная морфема futur — [r] относится не к содержанию глагола — действию, а к морфеме лица-числа, и указывает тем самым не на время действия, а на время связи с субъектом» [Мартемьянов 2004: 49]. Все это отражает достаточно тривиальный факт, что любое суждение о будущем в принципе имеет значение предположительности, что как раз и порождает соответствующую модальность.

Однако, на наш взгляд, существуют высказывания, применительно к которым мы все-таки можем говорить об утверждении реального бытия действия или события в плане будущего. Это случаи, когда говорящий порождает высказывание о будущем по отношению к некой точке отсчета в какой-либо семиотической системе, т.е. в модусе «т е к с т» — типа *Завтра наступит мой день рожденья / июнь / вторник / 25 мая 2009 г.* и пр. Тогда он действительно относит реальное наступление данного события к плану будущего, т.к. в данной семиотической системе событие обязательно наступит даже независимо от точки зрения говорящего (в данном случае приведенная выше модальная рамка — пропозициональная установка типа *Я уверен, что...* представляется тавтологичной). Такое высказывание в модусе «текст» как раз имеет логическую валентность — может быть истинно или ложно, в зависимости от того, говорю ли я это, скажем, в понедельник (по поводу вторника) или в воскресенье. Это, в нашей терминологии, «будущее как факт».

Отметим, что предлагаемое нами разграничение будущего как модальности и будущего как факта в известной степени коррелирует с разграничением «мира событий» и «мира фактов» в ряде работ Н.Д. Арутюновой. События происходят в реальной действительности, а

факты существуют в концептуальном, мыслительном пространстве. Фактообразующее значение относится к единицам, локализованным не в реальном, а в логическом пространстве. Поэтому суждения, вынесенные об этом значении, касаются концептуального образа мира, а не «сырой» действительности [Арутюнова 1988].

Парадокс в том, что высказывание о будущем в модусе «реальность», т.е. по поводу реальных событий, как раз не реально, а модально, и, напротив, высказывание о будущем в, казалось бы, «нереальном» модусе «текст», т.е. в семиотической системе, получается «реальным», фактическим, т.к. оно попадает в поле действия логической валентности.

Это доказывает трансформация подобных высказываний посредством оператора отрицания. *Завтра я не пойду в кино* точно так же не истинно и не ложно, а неопределенно, как и его утвердительный аналог, тогда как *Завтра не наступит вторник* в случае, когда говорящий порождает высказывание, например, в понедельник, будет ложно и прагматически неадекватно (должны быть очень нетривиальные и необщепринятые коммуникативные намерения для порождения подобного высказывания): точно такие же нетривиальные коммуникативные намерения, впрочем, должны быть и в случае истинности высказывания *Завтра не наступит вторник*, порожденного говорящим, например, в среду — ведь в случае прямой, буквальной интерпретации высказывание будет тавтологичным и неинформативным.

Отсюда следует, что высказывание в модусе «реальность», при всем отсутствии логической валентности, вполне информативно и прагматически оправданно, а истинное или ложное высказывание в модусе «текст» тавтологично в тривиальных условиях коммуникации (какой смысл в понедельник просто констатировать, что *Завтра будет вторник*), и будет прагматически осмысленно лишь в случае неких особых коммуникативных установок для говорящего (например, этот день по каким-то причинам значим для говорящего, или он забыл, какой день недели и пр.).

Также отметим, что высказывание о будущем в модусе «реальность», не будучи ни истинным, ни ложным, не может трактоваться и как логически бессмысленное. Так, высказывание *Хорошая погода никогда не наступит*, хотя и повествует о маловероятном стечении событий, но отнюдь не аномально логически. Высказывание о будущем в модусе «текст», имея логическую валентность в поле истинности / ложности, тем самым могут выступать и как логически бессмысленные: *Завтра не наступит никогда*.

С другой стороны, именно применительно к подобным высказываниям можно указать на справедливость положения Н.Д. Ару-

тьюновой о том, что в естественном языке логически аномальные высказывания могут получать рациональную прагматическую интерпретацию: «...семантически противоречивые высказывания нередко входят в естественноречевой текст на законных основаниях. В применении к естественным языкам такие понятия, как «противоречивость», «неприемлемость» и «неинтерпретируемость», не совпадают по экстенсиналу» [Арутюнова 1990: 4].

Так, высказывание *Завтра не наступит никогда* будет аномальным только в режиме прямой, буквальной интерпретации. Оно вполне оправданно и рационально осмысляемо в режиме косвенного речевого акта, в идиоматичной, метафоричной интерпретации, например 'для какого-либо лица завтра не наступит никогда, т.е. он умрет' и пр. Тем самым подобные высказывания приобретают значительный образный и экспрессивный потенциал, что позволяет использовать их в качестве художественного средства (что и произошло с анализируемым высказыванием, ставшим названием известного фильма). Отметим, что в этом случае высказывание о будущем переходит из модуса «текст» в модус «реальность», т.е. из мира фактов в мир реальных событий.

В целом разграничение будущего как модальности и будущего как факта, видимо, релевантно только для логики, но не для естественного языка. Это подтверждается тем, что ни один известный нам язык не выработал какого-либо естественноречевого механизма для экспликации указанного разграничения. Кроме этого, во многих естественноречевых выражениях наблюдаются случаи ослабления или даже нейтрализации противопоставления будущего в модусе «реальность» и будущего в модусе «текст».

Так, например, высказывание *Дважды два — четыре* в норме принадлежит к атемпоральным высказываниям, имеющим вид «вечных истин» и потому всегда истинных в данной семиотической системе. В этом смысле вставка связки будущего времени *будет* порождает его осмысление в модусе «текст» (будущее как факт) и тем самым делает его тавтологическим и, следовательно, семантически аномальным в режиме прямой, небуквальной интерпретации. Однако широко известно просторечное выражение *дважды два будет четыре* (и, соответственно, вопрос *Сколько будет дважды два?*), которое, хотя и не соответствует нормам литературного языка, но и не воспринимается в речевой практике как нечто вполне аномальное. Как нам представляется, здесь возможна прагматическая оправданность подобного высказывания в режиме небуквальной интерпретации — 'будет в голове говорящего, как итог его мыслительной активности при ответе на вопрос или при решении задачи': это и привносит сюда

элемент «событийности», ослабляет фактивность, семиотичность «вечной истины». За счет привнесения указанного элемента, видимо, и можно говорить о некотором ослаблении противопоставления «будущее как факт» и «будущее как модальность».

Ослабление или нейтрализация указанного противопоставления будущего в модусе «реальность» и будущего в модусе «текст» может быть связана с особенностями семантики некоторых термов, входящих в высказывание: так, например, названия времен года (*зима, весна, осень, лето*) или наименование частей суток (*утро, день, вечер, ночь*) в одной системе координат могут рассматриваться как «имена» реальных состояний природы, а в другой — как обозначения, принятые в данной семиотической системе («календарные периоды»).

Так, высказывание *В нашем климате зима наступит еще не скоро* следует трактовать в модусе «реальность» как сильное предположение говорящего о наступлении некоторого состояния природы, т.е. как модальное высказывание о будущем («событийность» этого высказывания относится, разумеется, не к самому факту наступления зимы как календарного периода, а к предполагаемому сроку наступления реального состояния природы). Высказывания же типа *Вслед за весной наступит зима* или *В декабре наступит зима* следует трактовать в модусе «текст» как свидетельство о наступлении некоторого календарного события, обязательного для некоторой семиотической системы, т.е. как фактическое высказывание о будущем. Обратим внимание, что подобные высказывания сохраняют отмеченные нами выше свойства: высказывания в модусе «текст» менее приемлемы в режиме обычной коммуникации, чем высказывания в модусе «реальность», они тавтологичны, и для их произнесения требуются особые коммуникативные условия. Зато они легко интерпретируются в режиме косвенного речевого акта, т.е. в идиоматичной, небуквальной интерпретации, что позволяет использовать их в виде максим, генерализованных высказываний и пр.

Реальность двух возможных интерпретаций термов типа *зима* подтверждается возможностью некоторых семантических аномалий, построенных как раз на обыгрывании этой двузначности: *Кроме того, неизвестно, настанет ли зима при коммунизме...* (А. Платонов. Чевенгур), — где аномальность возникает только за счет перехода интерпретации *зима* из режима событийности в режим фактивности.

Зыбкость границы между планом предполагаемого события и планом обязательного факта можно видеть, например, когда термы типа *весна* и *зима* в контексте будущего как факт приобретают определения: *Вслед за суровой зимой наступит солнечная весна*. В этом

случае фактическая «обязательность» трансформируется в реальную предположительность: будущее как факт переходит в будущее как модальность.

Будущее как модальность и будущее как факт нейтрализуются и в интенциональных контекстах, когда логическую валентность приобретает только пропозиция в главном предложении, а суждение, опущенное в пресуппозитивную позицию, по определению утрачивает логическую валентность. Таким образом, в высказываниях *Отец считает, что завтра наступит хорошая погода* и *Отец считает, что завтра наступит вторник* в равной степени речь идет о будущем как факте.

Ослабление или нейтрализация противопоставленности будущего как модальности и будущего как факта обнаруживает себя как в направлении от модальности к факту, так и, напротив, от факта к модальности.

Будущее как модальность → будущее как факт. Заметно ослабляется «событийность», предположительная модальность в высказываниях о так называемых максимально вероятных событиях типа *Земля будет вращаться вокруг Солнца* или *Волга будет впадать в Каспийское море*. В такой форме подобные высказывания тавтологичны и неинформативны, и не случайно они прагматически неприемлемы в обычной коммуникации, что сближает их с типовыми высказываниями о будущем в модусе «текст» типа *Завтра будет вторник*. Прагматическую осмыляемость они приобретают только при наличии показателя квантора всеобщности типа *всегда* или близких ему по смыслу временных детерминантов: *И через миллионы лет Земля будет вращаться вокруг Солнца!* Тогда они получают вид генерализованных суждений и в качестве таковых подлежат идиоматичной, небуквальной интерпретации.

При этом наличие показателя всеобщности, видимо, ослабляет модальное значение любого высказывания о будущем в модусе «реальность», так как этот показатель по умолчанию интерпретируется как «истинно (или ложно) во всевозможных мирах», тем самым придавая высказыванию логическую валентность — например: *Меня не будет больше никогда* (А. Введенский, Четыре описания). Обратим внимание, что, как и для всех рассмотренных выше случаев употребления «будущего как факт», данное высказывание приобретает рациональную осмыляемость и прагматическую оправданность только при его небуквальной, идиоматичной интерпретации — в смысле 'я умру'.

Будущее как модальность переходит в будущее как факт и в высказываниях с сильной импликацией по модели *если... то...* Так, в

высказывании типа *Если ветер разгонит тучи, то завтра будет хорошая погода* модальность сильного предположения о будущем событии уступает место значению обязательного наступления некоторого события при определенных условиях. Подобное имплицативное высказывание имеет логическую валентность — может быть истинным или ложным. Не случайно и то, что высказывания о будущем в модусе «текст» с трудом поддаются подобной трансформации в конструкцию с импликацией: трудно предположить, например, наличие определенных условий, при которых завтра наступит (или не наступит) вторник, если он обязательно и неотвратно наступит при любых условиях в данной системе координат.

Высказывания о будущем также утрачивают модальное значение в метатекстовом или автореферентном употреблении. Так, например, присущие научному тексту метатекстовые показатели типа *отметим, что...* или *в дальнейшем мы будем говорить о...*, равно как и высказывания с терминами в автореферентном употреблении типа *назовем это явление сверхпроводимостью*, не имеют модальной семантики сильной уверенности говорящего в совершении данного действия, поскольку относятся не к плану реальности, «событийности», а к текстовому пространству. Одним из конститутивных признаков, по которым текст противостоит реальности, как раз и является то, что «можно иметь достоверные знания о будущем текста» [Руднев 2000: 16], так как будущее в тексте не возможно, как в реальности, а реально (и ограничено границей данного текста) — ведь текст выступает как разновидность сложным образом организованной семиотической системы. В этом смысле метатекстовые и автореферентные высказывания должны трактоваться в модусе «текст» в фактивном значении, тогда как подобные высказывания в режиме обычного употребления: *Мы будем долго говорить о любви* или *Мы назовем дочь Олей* — должны, безусловно, трактоваться как модальные, т.е. в модусе «реальность».

Будущее как факт → будущее как модальность. Значительно менее характерна для естественных языковых высказываний о будущем нейтрализация в направлении от будущего как факта к будущему как модальности. Подобные случаи связаны в основном с возможностью разной семантической интерпретации ряда термов или предикатов.

Так, например, логический предикат «быть столицей» по своей сути должен быть отнесен к модусу «текст», так как статус городов есть явление семиотической, а не событийной природы. Однако высказывание типа *Санкт-Петербург будет столицей России* получает рациональную интерпретацию только в модальном значении «когда-

нибудь, конечно, будет', когда говорящий выражает свою сильную уверенность в этом. Понятно, что событийность в этом случае возникает из небуквальной интерпретации подобного высказывания в смысле 'будет объявлен столицей'. Точно так же в модальном, «событийном» смысле интерпретируется и менее приемлемое для обычной коммуникации и прямого, экстенционального контекста употребления высказывание *Москва будет столицей России*: данное высказывание вполне прагматически осмысляемо, если говорящий имеет в виду генерализованный смысл 'всегда будет'.

Аналогично логический предикат 'иметь личное имя' / 'называться именем' по определению является не «реальным», а семиотическим свойством объекта. Ср., например, вполне приемлемое высказывание о будущем типа *Я буду учителем*, имеющее стандартную модальную интерпретацию в модусе «реальность» (в смысле 'я буду работать учителем'), и — на фоне этого — практически неприемлемое в режиме обычной, неидиоматичной интерпретации высказывание о будущем в модусе «текст»: **Я буду Павлом* (в смысле 'я буду называться Павлом'). Последнее высказывание сохраняет все признаки аналогичных высказываний в плане будущего как факт, в модусе «текст»: оно тавтологично и неинформативно и не поддается рациональной осмысляемости вне наличия особых коммуникативных намерений говорящего или особых прагматических условий.

Однако подобные особые прагматические условия возникают при идиоматичной, небуквальной интерпретации таких высказываний. Так, суждение *Он будет (зваться) Павлом* осмысленно, если имеется в виду, что до этого по тем или иным причинам субъект носил другое имя — ср., например: *Отныне Савл будет (зваться) Павлом*. Но в этом случае суждение утрачивает референцию к факту наличия имени и приобретает референцию к самому событию переименования. Иными словами, будущее как факт в семиотической системе идиоматично переосмысляется в будущее как модальность в системе реального мира.

Видимо, возможная «событийность» отношения именования (и, как следствие, возможность его модальной интерпретации) всегда связана с фактом «временного ношения» (по тем ли иным причинам) имени: отсюда, собственно, берется и сама возможность будущего времени у предиката именования. Так, в дневниках Д. Хармса читаем слова его отца, обращенные к сыну: *Вчера папа сказал мне, что, пока я буду Хармс, меня будут преследовать нужды. Даниил Хармс. 23 декабря 1936 года.*

Взаимопроницаемость границ между будущим модальным и будущим фактическим, как и отмеченное выше отсутствие естественно-

языковых механизмов разграничения будущего в модусе «реальность» и будущего в модусе «текст» в пределах одной формы индикатива, приводят нас к выводу, что это разграничение не абсолютно. Здесь уместно вспомнить замечание Ю.С. Мартемьянова о том, что «если считать особым наклоном всякое употребление формы с оттенком нереальности, возможности или недостоверности действия как такового, то от изъявительного наклонения почти ничего не остается» [Мартемьянов 2004: 50]. Более того, возникает вопрос: почему, располагая огромными системно-языковыми возможностями в выражении самых разнообразных оттенков и нюансов объективной и субъективной модальности, говорящий стабильно выбирает форму будущего в изъявительном наклонении независимо от того, модальное или фактивное значение будущего он предполагает выразить?

В рамках семантики возможных миров можно сказать, что в «возможном мире» — в концептуальном пространстве говорящего, в его воображении будущее уже есть, оно моделируется по типу свершившегося или совершающегося события или действия, и естественный язык отражает такое представление о реальности любого будущего — не важно какого, модального или фактического. Тем самым язык в целом концептуализирует не физическую, а семиотическую модель времени.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1988 — Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка, событие, факт. М., 1988.
- Арутюнова 1990 — Арутюнова Н.Д. От редактора: Вступительная статья // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. науч. трудов / ИЯ АН СССР. М., 1990.
- Мартемьянов 2004 — Мартемьянов Ю.С. Логика ситуаций. Строение текста. Терминологичность слова. М., 2004.
- Радбиль 2006 — Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М., 2006.
- Руднев 2000 — Руднев В.П. Прочь от реальности: Исследования по философии текста. М., 2000.
- Уорф 1960 — Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. I. М., 1960.

К ВОПРОСУ О ФОРМЕ БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ ГЛАГОЛОВ НЕСОВЕРШЕННОГО ВИДА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. Состояние вопроса

1.1. В русистике существует давняя традиция приписывать особый статус сочетаниям типа *стану+инфинитив* (*Он станет работать. Он не станет работать*).

Так, утверждается, что главный компонент сочетаний типа *стану+инф.* и, соответственно, сами сочетания служат для выражения будущего времени [Шахматов 1941: 487; Шахматов 1952: 107; Виноградов 1952: 295; Грамматика 1953: 475; Мазон 1958: 58; Галкина-Федорук 1964: 169; Грамматика 1970: 414; Нелисов 1980: 49]¹, для его образования [Шахматов 1941: 36; Шахматов 1952: 201; Словарь 1963, Галкина-Федорук 1964: 325, 1965; Словарь 1983; Словарь 1984], для его обозначения [Фуксман 1959: 41]. Приведем, к примеру, комментарий из [Грамматика 1953: 475], сопровождающий описание форм будущего времени глаголов несовершенного вида: «Для выражения будущего времени употребляются также сочетания неопределенной формы несовершенного вида спрягаемого глагола с формами будущего простого от глаголов совершенного вида *стать* (*стану, станешь* и т.д.), *начать* (*начну, начнешь* и т.д.); при этом глаголы *стать* и *начать* вносят добавочные значения начала действия, приступа к действию».

Главный компонент рассматриваемых сочетаний трактуют как глагол вспомогательный [Барсов 1981: 588; Буслаев 1959: 361; Шахматов 1952: 199; Словарь 1940; Фуксман 1959: 43; Демиденко 1963б: 38, 41; Галкина-Федорук 1964: 169; Демиденко, Наумович 1972: 74; Словарь 1984; Словарь 1989; Словарь 1999], имеющий вспомогательное значение [Шахматов 1941: 36], играющий роль вспомогательного [Виноградов 1952: 295], выступающий «в функции вспомогательного

¹ Заметим, что здесь и далее рамки статьи не позволили указать всю исследованную литературу вопроса.

глагола» [Барентсен 2003: 38], полувспомогательный, полуслужебный [Жирмунский 1965: 13–14], чисто формальный [Суханова 1970: 71], как грамматический показатель будущего времени [Демиденко 1963а: 100, Нелисов 1963: 30], грамматический показатель отнесенности обозначенного инфинитивом действия к будущему [Демиденко, Наумович 1972: 74].

Весьма симптоматичны утверждения следующего рода. «Употребление глагола *стать* в значении ‘начать’ не следует смешивать с теми случаями, когда этот глагол входит в сложную форму будущего времени глаголов несовершенного вида» [Грамматика 1954: 410]. А.Н. Тихонов пишет, что вышеназванные сочетания «в результате выветривания начинательного значения... превращаются в чисто грамматическую форму будущего времени» [Тихонов 1959: 68]. Ср. [Демиденко 1963б: 39]: «Словосочетание *стану+инфинитив* <...> выступает в функции будущего сложного». «Особый характер *стану* с инфинитивом в значении ‘буду’» отмечается в [Жирмунский 1965: 14]. Л.В. Суханова убеждена, что «существуют такие случаи употребления, в которых сочетание *стану+инфинитив* лишено значения начинательности и, следовательно, нет причин не считать его аналитической формой времени глаголов несовершенного вида» [Суханова 1970: 63]. Ср. [Там же: 65, 70, 71]. См. также [Грамматика 1970: 414]: «Это описательное выражение буд. вр.». А.В. Бондарко видит в сочетаниях типа *стану+инф.* аналитическую конструкцию, прилегающую к временной парадигме: она «близка к аналитической форме будущего» [Бондарко 1971: 56].

Более того, в целом ряде работ определенно указывается, что сочетания типа *стану+инф.* представляют собой такую же аналитическую конструкцию будущего времени глаголов несовершенного вида, или будущее сложное, как и сочетания типа *буду+инф.* [Барсов 1981: 544, 588, 620; Буслаев 1959: 361, 374; Шахматов 1952: 199, 201; Мазон 1958: 58; Фуксман 1959: 43; Демиденко 1963б: 38; Галкина-Федорук 1964: 319, 325; Жирмунский 1965: 12–14; Александров 1965: 118; Суханова 1970: 68; Словарь 1983], а также [Демиденко, Наумович 1972: 74]. Одинаковый статус сочетаниям типа *стану+инф.* и *буду+инф.* приписывается в [Ломоносов 1965: 20]. Примечательно, что, согласно [Живов, Кайперт 1996: 14, 24; Успенский 1997: 458, 468, 484], эта мысль встречается уже в ряде доломоносовских грамматик.

1.2. Следует заметить, что не все лингвисты обосновывают свою позицию. Показательно, однако, что среди тех, кто приводит аргументы, имеет место редкое единодушие. Они однозначно связывают вопрос об особом статусе рассматриваемых сочетаний с их значением.

Дело в том, что сочетания типа *стану+инф.* и *буду+инф.* нередко объявляются синонимами, см. [Тихонов 1959: 68; Фуксман 1959: 41, 43; Демиденко 1963б: 39, 41; Демиденко 1963а: 95, 102; Нелисов 1963: 29]. Л.В. Суханова приводит целый ряд примеров, «...когда *стану+инфинитив* выступает <...> только с грамматическим значением будущего времени» [Суханова 1970: 68], ср. [Там же: 63, 64, 66, 68, 70]. Она пишет: «В предложении: “Навстречу Печорину вышел его лакей и доложил, что сейчас *станут закладывать*” — действительно возможна <...> замена: “сейчас *начнут закладывать*”, но ничто не мешает произвести и другую замену: “сейчас *будут закладывать*”» [Там же: 69]. В работе [Демиденко, Наумович 1972: 74] читаем: «Глагол *стать* утрачивает свое лексическое значение начала действия и превращается, как и глагол *быть*, лишь в грамматический показатель отнесенности обозначенного инфинитивом действия к будущему. Ср., например: *Я не буду отвечать* и *Я не стану отвечать*». См. также [Нелисов 1980: 49]. Ср. пример, приведенный в [Храковский 1987: 166]: «*Неужели вы полагаете, что я стану (=буду. — В.Х.) брать деньги за души, которые в некотором роде окончили существование?*». Мысль о синонимичности главных компонентов сочетаний типа *стану+инф.* и *буду+инф.* высказывает акад. Ю.Д. Апресян: ученый трактует их как неточные синонимы [Апресян 1995: 526]. Их семантическая близость отмечается А. Барентсеном [Барентсен 2003: 38]. Интерес представляют также переводы рассматриваемых сочетаний на иностранные языки [Потебня 1958: 364, Александров 1965: 118], переводные словари.

Более того, нередко значение главного компонента сочетаний *стану+инф.* определяется как значение «буду» [Галкина-Федорук 1964: 325; Жирмунский 1965: 14], чистое значение будущего времени [Кржижкова 1962: 17; Нелисов 1963: 29], значение будущего, не осложненного начинательным оттенком [Кржижкова 1962: 17], значение будущего времени [Нелисов 1963: 29; Жирмунский 1965: 14; Суханова 1970: 64, 68], грамматическое значение будущего времени [Суханова 1970: 68]. Аналогичные определения приводят толковые словари: будущее значение *буду* [Словарь Даля], значение вспомогательного глагола *быть* [Словарь 1940, Словарь 1963], значение *буду, будешь* и т.д. [Словарь 1984], значение собственно будущего [Словарь 1989, Словарь 1999], «приобретает значение глагола *быть*», — указывается в [Храковский 1987: 166]. Значение, о котором идет речь, обнаруживается, например, в *Стану сказывать я сказки* [Словарь 1940; Галкина-Федорук 1964: 319, 325; Жирмунский 1965: 14], см. также [Шахматов 1941: 36; Виноградов 1952: 295; Демиденко 1963б: 39] и [Грамматика 1970: 414]; *Не стану есть, не буду слушать, / Умру*

среди твоих садов! [Нелисов 1963: 29; Жирмунский 1965: 14; Словарь 1984], ср. [Грамматика 1954: 410] и т.д.

1.3. Можно утверждать, однако, что подавляющее большинство русистов отказываются признать сочетания типа *стану+инф.* аналитической формой будущего времени. См., например: «Сочетания типа *стану писать* <...> нельзя рассматривать как аналитические формы будущего времени» [Виноградов 1952: 295]; «Конструкции типа *я стану бросать* не стоят на одном морфологическом уровне с видо-временной формой типа *я буду бросать*» [Исаченко 1960: 444]; «От вспомогательного глагола *быть* значительно отличаются к нему близкие, на первый взгляд, вспомогательные глаголы *начать* и *стать*.... В отличие от глагола *быть*, выступающего как морфема времени, глаголы *начать* и *стать* имеют отношение не столько к категории времени, сколько к категории вида» [Никитевич 1963: 162]; «Выражение *стану писать* относит действие к будущему времени, но не является формой будущего времени глагола...» [Ломтев 1976: 38]; «Сочетания типа *начну (стану) говорить* к аналитическим формам не относятся» [Тихонов 2003: 358]. Ср. также следующие утверждения: «не входит в парадигму глагола» [Грамматика 1970: 414]; выходит «за пределы морфологической системы временных форм...» [Бондарко 1971: 56]; не входит «в определенную парадигму форм, передающих категорию времени глагола» [Нелисов 1980: 50], а также [Нелисов 1963: 30]².

Аргументируя свою позицию, исследователи указывают, во-первых, что главному компоненту рассматриваемых сочетаний присуще лексическое (конкретное, реальное) значение [Шахматов 1941: 487; Шахматов 1952: 107; Виноградов 1952: 295; Нелисов 1963: 30; Галкина-Федорук 1964: 170; Тихонов 2003: 358]. Ср. [Потебня 1977: 9–10; Никитевич 1963: 162]. Например, в [Грамматика 1970: 414] читаем: «В отличие от аналитической формы *буду+инфинитив*, где *буду* выполняет только грамматическую функцию показателя времени, *стану* обычно вносит значение начинательности...».

Во-вторых, как пишет А.А. Шахматов, «получается представление не об одном действии, осуществляющемся в будущем, а о двух моментах: начале, приступе к действию и затем о течении этого действия» [Шахматов 1941: 487, Шахматов 1952: 107]. Эту мысль высказывал также В.В. Виноградов. Он считал, что в сочетаниях типа *стану+инф.*

² Показательно, что в [Шахматов 1941: 196; Шахматов 1952: 89; Грамматика 1953: 427] сочетания типа *стану+ инф.* при описании будущего времени глаголов несовершенного вида не упоминаются.

«раздельность и относительная самостоятельность составных элементов гораздо заметнее», чем в сочетаниях типа *буду+инф.* [Виноградов 1986: 463]: «Оттенки приступа к действию, начала его течения или перехода в осуществление <...> потенциально отделяются от обозначения самого действия в форме инфинитива» [Там же].

В-третьих, ученые ссылаются на то, что «глагол *стану* имеет... свою (хотя и неполную) парадигму» [Исаченко 1960: 444]. Ср. также [Виноградов 1952: 295; Нелисов 1963: 30; Никитевич 1963: 162; Галкина-Федорук 1964: 170; Ломтев 1976: 38].

Еще один довод приводится в [Исаченко 1960: 443–444]: «Сочетания с глаголом *стану* не могут быть признаны вполне парадигматическими: сочетания с глаголом *стану* не образуются, если субъектом действия не является человек или вообще живое существо. Нельзя сказать “План станет выполняться”».

И наконец, в [Никитевич 1963: 162] отмечается следующее обстоятельство: «Если вспомогательный глагол *быть* имеет значение несовершенного вида, то глаголы *стать*, *начать* имеют значение совершенного вида. Соответственно в известной мере не тождественны по виду и их инфинитивные конструкции. Форма *буду работать* имеет неосложненное значение несовершенного вида. Форма же *начну (стану) работать*, хотя и включает в свой состав инфинитив несовершенного вида, несет в себе оттенок, осложняющий это значение».

1.4. Весьма примечательно, однако, что трактовка сочетаний типа *стану+инф.* как аналитической временной формы остается довольно популярной, см., например, статью «Русский язык» в «Википедии» (данные на сентябрь 2010 г.): «Относительно новыми по происхождению являются аналитические формы будущего времени несовершенного вида, образованные с помощью вспомогательного глагола *быть* и инфинитива основного глагола (*буду петь*); реже в этих конструкциях употребляется глагол *стать* (*стану петь*), постепенно оттесняемый на периферию языка».

Как видим, ситуация сложилась весьма парадоксальная. Между тем ее возникновение представляется вполне закономерным. Дело в том, что представители традиционной русистики единодушно постулируют наличие конструкции *стать+инф.*, главным компонентом которой является непарный глагол совершенного вида (*стать*). Покажем в самых общих чертах, как характеризуется данная конструкция.

С одной стороны, ее главный компонент наделяется значением начала. Эту мысль мы находим, например, в [Востоков 1867: 146]. Или см. интерпретацию примеров; *Нина не стала удерживать своей*

тетеньки; Стану сказывать я сказки; Не стану есть, не буду слушать в [Овсяннико-Куликовский 1909: 112–113]. Ср. также комментарий Е.В. Падучевой к предложению *Хлеба начало не хватать*: «Здесь возможна замена *начать* на *стать*: *Хлеба стало не хватать*» [Падучева 2001: 34], а также [Падучева 2004: 188].

С другой стороны, из анализа литературы можно заключить, что значение начала, приписываемое конструкции, подвержено изменениям, нестабильно, неустойчиво. Так, А.А. Потебня находил в примере *Стану сказывать я сказки* всего лишь «оттенок начинательности» [Потебня 1958: 364]. По мнению Анны А. Зализняк и А.Д. Шмелева, есть случаи, когда «та же конструкция обнаруживает несколько иные свойства. <...> В этом типе употребления имеется в виду не начало действия, а все действие в целом; в фокусе внимания находится не протекание действия, а вопрос о том, имеет оно место или нет». Разбирая пример *Я не стала читать эту книгу — начала, но она мне не понравилась, и я бросила*, лингвисты пишут: «*Стала* здесь не означает ‘начала’, а скорее ‘начала и кончила’» [Зализняк, Шмелев 2002: 222].

Итак, за три века, что насчитывает история вопроса, накоплен богатейший материал для размышлений. Разнообразнейшие соображения и показания языковой интуиции ученых нескольких поколений воистину питают исследовательскую мысль. Тем не менее можно утверждать, что рассматриваемый вопрос остается открытым.

2. Предлагаемое решение

2.1. Теория, которой мы следуем³, предлагает кардинально иной подход к изложенной проблеме.

Данная теория постулирует наличие двух конструкций *стать*+*инф*. Другими словами, утверждается, что русский язык располагает двумя омонимами *стать*+*инф*.

2.2. Что касается места данных омонимов в русской глагольной системе, то теория подчеркивает следующее — принципиальное — обстоятельство. Конструкции, о которых идет речь, являются разновидными (см. об этом, например, [Самедова 2010а]). Главный компонент одной из них является глаголом совершенного вида. Он имеет видовое значение начального момента: *Чуть было не стал рассказывать про случившееся; У меня и так скоро станет двоиться в глазах*

³ Основоположник этой теории — азербайджанский лингвист Г.С. Самедов.

(Н. Полевой); *Неизвестно, чем кончилось бы все это безобразие, если бы дорога не просохла и через деревню не стали ходить машины* (В. Белов). Главный компонент другой конструкции — глагол несовершенного вида. Ему свойственно нулевое видовое значение: *Господь точно смесил нам языки, и мы не стали ни в чем понимать друг друга* (Н. Лесков); *До каких пор план станет прикрывать и оправдывать все, что творится внутри плана?* (В. Распутин); *Кабы сейчас не эта гидра гражданская, мировая контра, нешто я стал бы в такую пору на чужой стороне пропадать?* (Б. Пастернак). Данные конструкции целесообразно называть соответственно перфективной и имперфективной.

Будучи сходными по значению, эти омонимы способны к взаимной замене. В результате очень часто их невозможно идентифицировать. Например, предложение *Стану сказывать я сказки* допускает двоякую субституцию: *Начну сказывать я сказки* или *Буду сказывать я сказки*. То же в случае: *Станет двоиться в глазах*.

2.3. Парадигмы обеих конструкций являются дефектными: они не имеют форм страдательного причастия. Парадигма имперфективного омонима дефектна и в двух других отношениях. Во-первых, в ней отсутствуют личные формы настоящего времени и, соответственно, формы причастия настоящего времени. Во-вторых, целый ряд ее форм — будущего времени, повелительного наклонения, деепричастия — образованы нестандартно. Не трудно видеть ее сходство с парадигмой глагола *быть*.

2.4. Поведение обеих конструкций подчиняется определенным закономерностям [Самедова 2010а]. Они встречаются фактически только в формах изъявительного и сослагательного наклонений. В плане прошедшего времени в утвердительной форме употребляется исключительно перфективная конструкция. В отрицательной форме употребляются оба омонима. Причем во всех тех случаях, когда за отрицательной формой скрывается утвердительное значение, т.е. имеет место имплицитное, неявное утверждение, также употребляется только перфективная конструкция: *И ты думаешь, он не стал упрямиться?! Как же!; Так он лежал <...> пока, наконец, рана не стала немного заживать* (Ю. Казаков). Примечательно, однако, что при этом область употребления имперфективного омонима значительно шире, чем у перфективного, и это отвечает закономерности, действующей в системе русского глагола, см. [Рассудова 1982: 64]. В планах будущего времени и сослагательного наклонения оба омонима употребляются и в утвердительной и отрицательной форме. Здесь

также в определенных контекстах употребляется исключительно перфективная конструкция. Тем не менее и в данных планах сфера употребления перфективного омонима уже, чем у имперфективного. Кроме того, обнаружилось, что, будучи в утвердительной форме, омонимичные конструкции *стать+инф.* демонстрируют поведение, типичное для части так называемых двувидовых глаголов, см. об этом [Зализняк, Шмелев 2000: 75].

2.5. Еще одну примечательную характеристику данных конструкций, а именно присущее им своеобразное значение процесса, мы рассмотрим подробнее.

В ходе исследования мы выявили следующий парадокс. Главному компоненту обеих конструкций присуще значение становления. Ср. соотносительные члены видовых парадигм *стать / стать* и *становиться / стать*: *После пединститута они стали учительствовать / стали учителями*; *После пединститута многие не шли в профессию: не стали учительствовать / не становились учителями*, *уходили в бизнес*. Есть основания утверждать, что именно данный семантический элемент ограничивает сочетаемость главных компонентов анализируемых конструкций (он позволяет им сочетаться исключительно с инфинитивами, причем только несовершенного вида).

Между тем имперфективный омоним может употребляться, когда речь идет о продолжении процесса: *Положим, переделывать, возвращать свою работу всегда приятно мало, но люди чувствовали, что и наперед, когда они наверстают ее и пойдут дальше, что и тогда они **станут работать** только ради работы, а не ради удовольствия* (В. Распутин). Или когда имеется в виду прекращение процесса: *Второе крыло этой осенью достроили — в одном **помещаться не стали*** (А. Солженицын); *И все же посещение собраний... подняло бы, смею заметить, ваше настроение. Вы **не стали бы предаваться** меланхолии* (Б. Пастернак). Отсюда мы должны заключить, что у рассматриваемой конструкции нет значения становления.

Решение данного парадокса становится возможным благодаря понятию синкретического значения процесса. Можно показать, что значение процесса, присущее омонимичным конструкциям *стать+инф.*, носит синкретический характер: значение становления и значение процесса, свойственное инфинитиву, сплавлены, они составляют единое целое. Доказательство этого утверждения в отношении перфективного омонима детально излагается в [Самедова 2010б]. Некоторое представление о нем дает статья [Самедова 2010а]. В рамках данной работы мы можем добавить только, что справедли-

вость данного тезиса в отношении имперфективного омонима обосновывается тем же способом.

Итак, свойственное омонимичным конструкциям *стать+инф.* значение процесса являет собой элемент, обладающий сложной природой. Невидовые значения процесса, характеризующие компоненты данных омонимов, растворились друг в друге, слились воедино. Только в ходе научно обоснованного анализа нам удастся установить, что своей природой этот элемент обязан, в частности, значению становления. Данное значение в его составе невозможно выявить, опираясь на языковое чутье. Носитель языка воспринимает единый, нерасчлененный, слитный, синкретический процесс — своего рода амальгаму.

2.6. Понятие синкретическое значение процесса обладает большой объяснительной силой. Благодаря ему мы получаем возможность ответить на целый ряд вопросов.

Прежде всего, становится понятно, почему мысль о существовании имперфективной конструкции *стать+инф.* не кажется убедительной. Лингвисты вводят в заблуждение именно необычная природа значения процесса. Синкретическое значение принимается за перфективность, а главный компонент имперфективной конструкции — соответственно за глагол совершенного вида.

Синкретичность процесса сказывается и на синтагматических видовых значениях обеих конструкций. За неимением места мы вынуждены ограничиться несколькими примерами без комментариев. Так, имперфективный омоним демонстрирует поведение, не совсем типичное для глаголов несовершенного вида. Ср.: *Дама об этом и слышать не хотела, но он продолжал настаивать, и когда люди не стали ему запрягать лошадей, то он завязал шею шарфом <...> и пришел к тете по снегу четыре или пять верст пешком* (Н. Лесков) — *Когда люди не запрягали ему лошадей, то он завязал шею шарфом и пришел к тете по снегу.* В некоторых контекстах он вообще не употребляется, ср.: *Дом пустовал, пока не наезжали из города* (из [Грамматика 1980: 551]) — *Дом пустовал, пока не стали наезжать из города.*

Становится возможным обосновать переходность главных компонентов постулируемых нами конструкций. Допустим обратное: будем трактовать их как непереходные. В таком случае предложения вроде *Он стал читать книгу* должны считаться неправильными. Очевидно, что доказательство от обратного позволяет нам квалифицировать исследуемые глаголы как переходные.

Делается ясной также суть семантических различий между данными конструкциями и синонимичными им чистовидовыми па-

радиками. Сравним перфективные корреляты: *Брат уехал, и она стала грустить / загрустила*. Мы замечаем, что конструкция выделяется значением процесса. Своеобразная сущность этого процесса наиболее ярко проявляется при сопоставлении имперфективных коррелятов: *Брат вернулся, и с тех пор она не стала грустить / не грустила*.

2.7. И наконец, у нас появляется возможность представить семантическую взаимосвязь имперфективного омонима и конструкции *буду+инф*.

Как нам кажется, можно утверждать, что последней также присуще синкретическое значение процесса. Поскольку здесь не место обосновывать нашу позицию, упомянем только одно обстоятельство. Как известно, глагол *быть* выступает в сочетаниях с инфинитивами исключительно несовершенного вида. Думается, что ему присуще значение гомогенного процесса, которое и ограничивает его сочетаемость. Мы квалифицируем данный семантический элемент как значение бытия и постулируем его слияние со значением процесса, который принадлежит инфинитиву.

Ряд черт, общих для сопоставляемых конструкций, могут породить сомнение в истинности сказанного. Возможен вопрос: действительно ли значение процесса у этих единиц является синкретическим? Во-первых, их компоненты способны отстоять друг от друга: *Если сознаешься скоро, в чем тебя обвиняют, то мы **держат** тебя долго **не станем*** (И. Лажечников) / *...**держат** тебя долго **не будем***. Кроме того, как видим, инфинитив может предшествовать главному компоненту. Нередко употребляется только главный компонент, а инфинитив опускается: *Вы говорите: не хорошо бегать, возиться с детьми, петь — ну, **не стану**...* (И. Гончаров) / ***не буду***. Отрицательная частица *не* может относиться к инфинитиву: *Даже ангельское терпение жены **станет не выдерживать** его скверного характера / ...**будет не выдерживать***. Однако все это обстоятельства внешнего порядка, внешнего рода, они не существенны. Ни одно из них не является препятствием для слияния значений процесса, характеризующих компоненты рассматриваемых конструкций⁴.

Разительное семантическое сходство имперфективных сочетаний типа *стану+инф*. и конструкции *буду+инф*. не должно, однако, вводить в заблуждение. Эти языковые единицы отличаются в отношении своего статуса. Мы постарались показать, что в современном

⁴ Данное утверждение, безусловно, справедливо и в отношении перфективной конструкции *стать+инф*.

русском языке имеется только одна аналитическая конструкция будущего времени глаголов несовершенного вида, а именно: конструкция *буду+инф.*

3. Заключение

Вот таким видится решение вопроса, если встать на точку зрения аспектологической теории Г.С. Самедова. Содержащиеся в богатой литературе вопроса тонкие, очень ценные наблюдения исследователей русского языка находят простое, естественное, исчерпывающее объяснение, если признать: в русском языке имеют место две конструкции *стать+инфинитив* — перфективная и имперфективная. Эта идея получает строгое обоснование благодаря методу системного анализа [Ломтев 1976].

ЛИТЕРАТУРА

- Александров 1965 — Александров Н.М. О взаимосвязях аналитических и синтетических форм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Апресян 1995 — Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. М., 1995.
- Барентсен 2003 — Барентсен А. О некоторых изменениях в употреблении выражений призыва к совместному действию в русских текстах последних двух столетий // *Time flies*. Amsterdam, 2003.
- Барсов 1981 — Российская грамматика А.А. Барсова. М., 1981.
- Бондарко 1971 — Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.
- Буслаев 1959 — Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Виноградов 1952 — Современный русский язык. Морфология (Курс лекций) / Под ред. В.В. Виноградова. М., 1952.
- Виноградов 1986 — Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М., 1986.
- Востоков 1867 — Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1867.
- Галкина-Федорук 1964 — Современный русский язык. Ч. 2. (Морфология. Синтаксис) / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М., 1964.
- Грамматика 1953 — Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология. М., 1953.
- Грамматика 1954 — Грамматика русского языка. Т. 2. Синтаксис. Ч. 1. М., 1954.
- Грамматика 1970 — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

- Грамматика 1980 — Русская грамматика. Т. 2. М., 1980.
- Демиденко 1963а — Демиденко Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке // Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 248. Л., 1963.
- Демиденко 1963б — Демиденко Л.П. Грамматическая и семантическая эволюция словосочетаний типа «начать+инфинитив» и «стать+инфинитив» в русском языке // Красноярский гос. пед. ин-т. Уч. зап. Т. 25. Вып. 1. Красноярск, 1963.
- Демиденко, Наумович 1972 — Демиденко Л.П., Наумович А.Н. Современный русский язык. Глагол. Минск, 1972.
- Живов, Кайперт 1996 — Живов В., Кайперт Г. О месте грамматики И.-В. Паса в развитии русской грамматической традиции: интерпретация отношений русского и церковнославянского // ВЯ. 1996. № 6.
- Жирмунский 1965 — Жирмунский В.М. Об аналитических конструкциях // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Зализняк, Шмелев 2000 — Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Зализняк, Шмелев 2002 — Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Семантика 'начала' с аспектологической точки зрения // Логический анализ языка. Семантика начала и конца / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2002.
- Исаченко 1960 — Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. 2. Братислава, 1960.
- Кржижкова 1962 — Кржижкова Е.П. Значение конструкции *стать+инфинитив* // Русский язык в школе. 1962. № 4.
- Ломтев 1976 — Ломтев Т.П. Общее и русское языкознание. М., 1976.
- Ломоносов 1965 — Ломоносов М.В. Российская грамматика // Щегулин В.В., Медведева В.И. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965.
- Мазон 1958 — Мазон А. Вид в славянских языках (принципы и проблемы). М., 1958.
- Нелисов 1963 — Нелисов Е.А. К вопросу об аналитических и описательных формах времени глагола // Филологический сборник. Вып. 1. Алма-Ата, 1963.
- Нелисов 1980 — Нелисов Е.А. Аналитическая форма слова в системе соотносительных единиц. Курск, 1980.
- Никитевич 1963 — Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
- Овсяннико-Куликовский 1909 — Овсяннико-Куликовский Д.Н. Руководство к изучению синтаксиса русского языка. М., 1909.
- Падучева 2001 — Падучева Е.В. Фазовые глаголы и семантика начинательности // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2001. Т. 60. № 4.

- Падучева 2004 — Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Потебня 1958 — Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958.
- Потебня 1977 — Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. Т. 4. Вып. 2. Глагол. М., 1977.
- Рассудова 1982 — Рассудова О.П. Употребление видов глагола в современном русском языке. М., 1982.
- Самедова 2010а — Самедова Н.Г. Омонимические конструкции *стать+инфинитив*: к когнитивной интерпретации // Обработка текста и когнитивные технологии. Вып. 17: Труды 11 Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике». Казань, 2010.
- Самедова 2010б — Самедова Н.Г. К вопросу о видовой и невидовой начинательности // Типология вида / аспекта: проблемы, поиски, решения. Материалы II Международной конференции. М., 2010 (готовится к печати).
- Словарь Даля — Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955.
- Словарь 1940 — Толковый словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940.
- Словарь 1963 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 14. М.; Л., 1963.
- Словарь 1983 — Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М., 1983.
- Словарь 1984 — Словарь русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1984.
- Словарь 1989 — Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1989.
- Словарь 1999 — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.
- Суханова 1970 — Суханова Л.В. Сочетание *стану+инфинитив* в современном русском языке // Ивановский ГПИ им. Д.А. Фурманова. Ученые зап. Т. 75. Вопросы истории и методики русского языка. Иваново, 1970.
- Тихонов 1959 — Тихонов А.Н. Способы выражения начинательного значения глаголов в русском языке // Труды Узбекского гос. ун-та им. А. Навои. Новая серия. № 95. Самарканд, 1959.
- Тихонов 2003 — Тихонов А.Н. Современный русский язык. М., 2003.
- Успенский 1997 — Успенский Б.А. Доломоносовские грамматики русского языка (Итоги и перспективы) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. 3. Общее и славянское языкознание. М., 1997.
- Фуксман 1959 — Фуксман А.А. Сочетание инфинитива с вспомогательным глаголом *стану* в современном русском языке // Краткие сообщения. Узб. гос. ун-т им. А. Навои. Кафедра русского языкознания. Самарканд, 1959.

- Храковский 1987 — *Храковский В.С.* Семантика фазовости и средства ее выражения // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.
- Шахматов 1941 — *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. Л., 1941.
- Шахматов 1952 — Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952.

КОММУНИКАТИВНОЕ СМЯГЧЕНИЕ В ДИРЕКТИВНЫХ РЕЧЕВЫХ АКТАХ

Как известно, совместная деятельность собеседников в едином процессе демонстрации и особенно интерпретации смыслов лежит в основе не только коммуникации, но и социальной деятельности *homo loguens* в целом. Вместе с тем, следует отметить, что в связи с развитием когнитивной парадигмы все большее признание получает точка зрения, согласно которой коммуникация понимается не как передача смыслов, а как процесс создания консенсуальной области, существование которой является необходимым условием контакта сознаний участников общения [Матурана 1996: 104]. Такой подход к трактовке коммуникации характерен для активно формирующейся в настоящее время идеологии интеграционизма, построенной на новых методологических основаниях, предполагающих изучение языка как особой области когнитивных взаимодействий [Кравченко 2006: 153]. При этом эффективность и успешность коммуникации напрямую зависит от кооперативного взаимодействия интерактантов. Исходя из вышеизложенного, суть коммуникации, по мнению А.В. Кравченко, «состоит в том, что ее участники создают консенсуальную область взаимодействий, обеспечивающую возможность существования сообщества организмов как единого целого. Вербальная же коммуникация — это связующий раствор, удерживающий это целое от распада» [Кравченко 2003: 37]. При таком понимании коммуникации особое значение приобретают коммуникативные категории, направленные на обеспечение кооперативного, консенсного протекания интеракции, к которым с полным основанием можно отнести категорию смягчения, определяемую в западной лингвистике термином «митигация».

В настоящей работе митигация понимается как коммуникативная категория, основным содержанием которой являются стратегии иллокутивного смягчения, реализующие в общении определенные коммуникативные прескрипции, детерминированные максимами

вежливости и направленные на минимизацию коммуникативных рисков в интеракции. В зависимости от того, какой вид иллокутивной функции подвергается ослаблению, выделяются стратегии директивного, оценочного, асертивного и проч. смягчения, репрезентируемые, в свою очередь, различными митигативными тактиками, как конвенционально-клишированными, так и индивидуально маркированными. Категория коммуникативного смягчения включается в парадигму гиперкатегории вежливости и тесно связана с категорией коммуникативной толерантности, которая, как и смягчение, направлена на создание позитивной тональности общения и минимизацию возможных рисков в общении.

Исходя из того, что содержание коммуникативной категории включает в себя, наряду с информационно-содержательной составляющей, т.е. определенным концептуальным знанием о коммуникации, прескрипционный компонент, репрезентирующий правила и нормы общения [Стернин 2004: 43], основные митигативные прескрипции, тесно связанные с такими понятиями, как кооперативность, бесконфликтность, позитивность протекания коммуникативного контакта, получающими особое значение при создании и сохранении консенсуальной области взаимодействия, можно определить следующим образом: антиконфликтность, некатегоричность, неимпозитивность (термин Т.В. Лариной), глорификация (повышение коммуникативного статуса партнеров по коммуникации) и эмоциональная сдержанность [Тахтарова 2008: 57].

Стратегии и тактики коммуникативного смягчения играют особую роль в ситуациях, осложненных возможными интеракционными рисками, т.е. в тех ситуациях, когда речевое поведение говорящего может привести к коммуникативному сбою или даже к конфликту [Fraser 1980: 341]. Это, прежде всего, ситуации отказа в ответ на просьбу адресата, просьбы самого говорящего, вербализация позитивных и негативных оценок говорящего самому себе, а также ситуации критики или объектов, с ним связанных. Используя митигативные стратегии и тактики, говорящий стремится смягчить категоричность своих формулировок, что, в свою очередь, направлено на обеспечение планируемого перлокутивного эффекта.

Данная особенность речевого поведения *homo loquens* особенно ярко проявляется при вербализации директивных интенций, реализация которых зависит, прежде всего, от желания адресата совершить то действие, в выполнении которого заинтересован адресант. При этом эксплицитная, категоричная форма репрезентации директивной иллокуции, за исключением ситуаций строгой субординации/ подчинения (напр., армейские приказы) или ситуаций чрезвычай-

чайных происшествий (напр., пожар), является, как известно, далеко не самой эффективной.

Согласно О. Йокояма, высказывания «Передай мне соль» (повелительное предложение и прямой речевой акт), «Не могли бы вы передать мне соль?» (вопросительное предложение с иллокутивной силой императива), «Я была бы вам признательна, если бы вы передали мне соль (повествовательное предложение в сослагательном наклонении с иллокутивной силой императива) или «Соль, черт возьми!» (восклицательное предложение с иллокутивной силой императива) содержат, по сути дела, один и тот же поток информации, если оставить в стороне экстралингвистическую информацию об отношении, степени изысканности, социальном классе, ментальном состоянии говорящего и о некоторых других аналогичных экстралингвистических характеристиках, которые адресат извлекает из высказывания [Йокояма 2005: 115]. Подобное варьирование иллокутивной функции формируемого в процессе интеракции высказывания Д. Вундерлих называет прагматическим парафразированием [Wunderlich 1980: 87], которое может объясняться как своеобразным стилем общения одного или нескольких коммуникантов, так и общими нормами речевого поведения в определенных ситуациях общения. Тем самым, обращение говорящих к стратегиям и тактикам смягчения детерминировано как индивидуально-психологическими особенностями собеседников, так и определенными социально-этическими правилами и нормами того или иного этносоциума. Именно совокупность конвенционального и индивидуального формирует стиль коммуникативного поведения, во многом определяющий эффективность интеракции.

К конвенциональным, стереотипным стратегиям митигативного стиля можно отнести косвенные речевые акты, прежде всего, косвенные директивы, которые являются наиболее изученными на настоящий момент. Скрытые интенции косвенных высказываний легко прочитываются адресатом в силу конвенциональности данных форм. Как отмечает В.В. Дементьев, конвенциональные косвенные просьбы — это уже «почти язык» [Дементьев 2007: 59], напр.:

- *Ты не хочешь снять пальто?* — *Пальто?* А, да, конечно [Соболева].
— *Простите,* — *осторожно спросила я,* — *не знаете, где можно увидеть отца Иоанна?* [Донцова].

М.В. Никитин, анализируя коммуникативно-прагматические аспекты синтаксиса, отмечает тот факт, что прагматические функции косвенных речевых актов могут быть весьма разнообразными.

«К ним прибегают, чтобы подчеркнуть силу убеждения, апеллировать к вниманию, смягчить предписание, проявить уважение (почтение, расположение, внимание, вежливость, такт), пощадить чувства, расположить к себе (к выполнению просьбы, действия), установить более тесный контакт, привлечь к общему делу. И это лишь немногие примеры прагматических функций и эффектов косвенных речевых действий» [Никитин 2009: 142]. Т.А. ван Дейк также отмечает, что косвенный речевой акт может стать стратегически необходимым, если «прямой» речевой акт оказывается слишком отрицательным для предмета речи, либо, так или иначе, социально нежелательным [Дейк 1989: 290]. По мнению О.С. Иссерс, предпочтительность косвенных просьб в коммуникации обусловлена «эффектом превышения коммуникативных усилий», который проявляется в том, что говорящий при формулировании просьбы рассчитывает на максимальное сопротивление и поэтому выбирает тактику «с запасом прочности» [Иссерс 2006: 128].

Одной из актуальных проблем теории косвенных речевых актов является вопрос о разграничении косвенного и имплицитного способов представления намерений говорящего субъекта. Так, в частности, Н.К. Рябцева предлагает различать следующие формы репрезентации директивного содержания: *Закрой окно* — прямая прескрипция; *Прошу тебя закрыть окно* — эксплицитная просьба; *Не закроешь ли окно?* — косвенная просьба; *Мне холодно* — косвенное имплицитное побуждение адресата к действию [Рябцева 1995: 146]. В основе разграничения косвенных и имплицитных форм репрезентации иллокуций лежит степень расхождения между первичным значением высказывания и его коммуникативным смыслом, а также уровень стандартизованности вторичной иллокутивной функции. В косвенных речевых актах «фактическое» значение практически вытесняет прямое, становясь основным в любом контексте и, по сути, конвенционализированным. Интерпретация вопроса *Можете ли Вы достать соль?* не предполагает ответа — *Могу*. Адресат сразу правильно «вычитывает» директивную интенцию говорящего и соответственно реагирует на нее.

Р. Конрад, анализируя косвенное функционирование вопросительных предложений, отмечает, что решающим фактором косвенного осмысления вопросительных предложений является наличие типичных «схем поведения», очевидных и естественных для говорящего и слушающего в некоторой заранее заданной иерархии целей [Конрад 1985: 357]. Для понимания имплицитных речевых актов необходимы более сложные процедуры интерпретации, основывающиеся на определенных коммуникативных постулатах и максимах,

в частности на принципе кооперации Грайса, принципе вежливости Дж. Лича и проч.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что различные виды речевых актов располагаются на прагматической оси, крайние точки которой представляют директивное высказывание в форме императива *Закрой окно!*, для которого разрыв между значением и смыслом минимальный, и имплицитное *Мне холодно*, где расхождение между значением и истинным смыслом максимально, открывая множество вариантов их толкования. Чем ближе высказывание к «полюсу» имплицитности, тем оно более вежливо и менее категорично, т.е. тем выше степень смягчения фактической иллокуции. Хотя следует отметить, что имплицитные высказывания не всегда направлены на смягчение выражаемой иллокуции. Так, например, иронию, несмотря на имплицитную форму репрезентации иронично-оценочной интенции, едва ли можно отнести, по нашему мнению, к митигативной парадигме.

При реализации имплицитных речевых актов говорящий вынужден доверять коммуникативной компетенции адресата, его способности правильно интерпретировать завуалированные в высказывании интенции. И при реализации именно этого вида косвенных речевых актов высока вероятность коммуникативной неудачи, когда имплицитная интенция трактуется партнером по коммуникации неправильно, напр.:

— *Простите... очень неудобно, конечно... но... хочется... прямо терпеть нет... не принято у клиентов так себя вести, но... э... понимаю...*

— *Дверь в туалет вторая по коридору, — улыбнулась я.*

Гена стал совсем красным.

— *Нет, спасибо, мне туда не надо. Да и зачем бы людей стеснять по такому поводу? На дороге кустов полно.*

— *О чем тогда речь? — поразилась я.*

— *Костян сказал, что у вас замечательные карликовые лошадки. Можно хоть одним глазком взглянуть? [Донцова].*

В этой связи особое значение приобретает изучение условий успешности имплицитных речевых актов, содержащих тактики смягчения. В.З. Демьянков, анализируя импликатуры дискурса, отмечает, что понимание имплицитного содержания высказываний обеспечивается принципом кооперированности, который для адресата может звучать следующим образом: «Понимай в соответствии с ожиданиями говорящего на конкретной стадии разговора, общей

(для собеседников) цели и направлением обмена репликами» [Демянков 2005: 29]. В качестве примера успешной реализации имплицитной интенции адресанта, обеспечиваемой соблюдением собеседниками принципа кооперированности, можно привести следующий мини-диалог:

Мать бросила взгляд на часы и кивнула:

— Хорошо, иди мой руки.

Потом она вежливо поинтересовалась у меня:

— Вам еще налить чаю?

Правильно истолковав заданный вопрос, я встала:

— Огромное спасибо, пойду.

— Заглядывайте в гости, — церемонно ответила Лена [Донцова].

По мнению Н.Д. Павловой, непонимание интенций партнера по коммуникации может иметь различную природу. Оно может быть обусловлено факторами коммуникации и возникающими помехами, но бывает связано и с «некооперативными» устремлениями партнеров по общению [Павлова 2007: 17], напр.:

— У нас здесь нет никаких аппаратов — ничто не должно нарушать биополе, — пояснила Дарья. — Поэтому мы всегда просим своих посетителей отключать мобильные. Видите табличку? ... Я сделала вид, что не понимаю намека. Мало ли что случится дома! Нет уж... лучше останусь на связи [Донцова].

Митигативные прескрипции оказывают значительное влияние на речевое поведение коммуникантов в повседневной интеракции, специфика которой проявляется в том, что тактики смягчения, реализующие стратегию директивного смягчения в межличностном повседневном общении, характеризуются меньшей клишированностью, позволяя адресанту проявить свою лингвокреативную компетенцию.

Так, например, для межличностного разговорно-обиходного дискурса характерна большая вариативность в использовании различных форм обращений, реализующих **тактику позитивной эмоциональной настройки**. По справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, обращение, представляя собой прагматическую вставку в общение, двойственно в функциональном отношении. С одной стороны, оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой — в апеллативе зачастую выражается отношение говорящего к собеседнику [Арутюнова 1998: 115]. Использо-

зую ту или иную форму обращения, говорящий может выделять в адресате релевантный для своих коммуникативных целей аспект, задавать социальную дистанцию. Кроме того, апеллятивы, направленные на приведение собеседника в состояние, благоприятное для восприятия и изменения поведения, могут задавать определенное отношение адресата к говорящему, выполняя фасциативную функцию [Тарасов 2007: 89], и, в силу этого, зачастую предваряют просьбы, напр.:

— *Душенька, хочу продать письменный стол. Ты работаешь в магазине, посодействуй, сделай милость!* [Донцова].

В разговорном межличностном дискурсе кроме вышеназванной тактики активно используется **ксеноденотативная тактика**, также смягчающая директивную иллокуцию. Как отмечает В.Д. Девкин, в разговорной речи особенно частотны случаи переключения, переадресации смысловых компонентов лексем с одного денотата на другой. В качестве адресата такого переноса сем может выступить как некий другой предмет, так и один из собеседников или весь текст в целом [Девкин 1979: 238–239]. Использование ксеноденотативных диминутивов, по мнению Т.Г. Винокур, представляет собой своеобразную языковую игру, направленную на смягчение межличностных отношений, на создание «эффекта доброжелательности» и т.п. Речевые действия при этом не только попадают в фокус внимания, но и преобразуются в прагматические поступки, устанавливающие межсубъектные отношения и делающие возможным референцию к ним [Винокур 2005: 173]. Кроме того, использование диминутивных дериватов, по справедливому замечанию Л.Л. Федоровой, это одновременно и приближение по шкале *свой-чужой*, в результате которого происходит вовлечение адресата в общее коммуникативное пространство, обычно сочетаемое с положительными коннотациями или эмоциями, включающими в себя весь спектр контекстно обусловленных значений: нежности, жалости, удовольствия, приветливости и т.п. [Федорова 2005: 187].

Таким образом, данная тактика отражает коммуникативную интенцию адресанта, направленную на создание определенной атмосферы общения, благоприятной для реализации говорящим его конечной интенции, в том числе и директивной, напр.:

— *Над магазином живут?*

— *Нет, там офис, — пояснила Алла, — вроде агентство недвижимости. Пошли кофейку тятнем. Вчера я кексик испекла и с собой пару ку-*

сочков прихватила. Ты как насчет мучного и сладкого, употребляешь или калории считаешь? [Донцова].

— Как устроился-то? Слушай, приезжай сегодня ко мне! Этак к *вечерку*. Баньку протопим, с *неводишком* на речку сбегаем... [Шукшин].

Особый интерес представляют случаи ксеноденотативного использования языковых единиц, которые объективно не должны были бы подвергаться уменьшению, так как по своей семантике являются обозначением строго отмеренного времени — *минута*, *неделя*, *год* и т.п. Указанные диминутивы активно используются при смягчении директивной иллокуции, снижая возможные неудобства адресата, связанные с выполнением просьбы, напр.:

— *Фатя*, — перебила я *Бекоеву*, — если я *прикачу* на твой гламурный пляж, уделишь мне *полчасика*? Двигаться тебе не придется, шевелить надо будет только языком [Донцова].

Как отмечает Ю.А. Рылов, диминутивность в современном русском языке, являясь доминантной категорией, носит достаточно агрессивный характер, постоянно расширяя сферу своего распространения [Рылов 2006: 143]. В других языках, в частности немецком, итальянском, французском, английском, диминутивность также присутствует, но играет гораздо менее активную роль в повседневном общении и не отличается столь богатой палитрой реализуемых в интеракции прагматических смыслов.

При директивном смягчении в повседневном общении достаточно активно используется также **тактика аппроксимативной инверсии**, снижающая точность количественной характеристики предмета речи, напр.:

— *Карина*, можно я тебе *Андрейку* *часа на два* подкину?

— В магазин собралась? — спросила соседка [Донцова].

Особый интерес в плане смягчения директивной иллокуции представляют **имплицитные директивы**, которые Н.К. Рябцева определяет термином «риторические сообщения», включая их в парадигму коммуникативного дейксиса и отмечая, что главная задача последних — актуализировать уже известный факт, вписать его в текущую коммуникативную или прагматическую ситуацию, совмещающая соответствующее положение дел и его интерпретацию [Рябцева 2005: 429]. Смысл указанных высказываний заключается, по мнению автора, в коррекции поведения адресата, который должен сам логически вычислить ожидаемый от него ответный ход, коммуникатив-

ный или поведенческий, интерпретировать не сам факт, а вытекающие из него следствия, импликации, ср.:

— *Ясно, спасибо за помощь. Вот моя визитка, позвони, когда выяснишь, что с Никитой.*

— *Чаевые не включены в стоимость заказа, но они приветствуются, — пробасил вдруг Федя. Я вытащила кошелек:*

— *Сколько с меня за беседу? [Донцова].*

Слабая клишированность данной тактики директивного смягчения может привести к тому, что интенция, передаваемая с ее помощью, рискует остаться непонятой, так как при использовании имплицитных речевых актов, как отмечалось выше, успешность выбранной говорящим тактики в значительной мере зависит от компетенции адресата, в том числе и от его лингвокреативных возможностей, а также от готовности последнего приложить коммуникативные усилия для декодирования скрытых смыслов в высказывании, напр.:

— *Ты ведь не собираешься всю жизнь тяжести таскать? Выучишься, и найдешь хорошую службу, — улыбнулась я.*

Сережа неопределенно пожал плечами:

— *Ага. Спасибо.*

— *Тебе спасибо.*

— *Спасибо!*

— *Взаимно.*

— *Спасибо!!!*

Тут только до меня дошло, что мальчик ждет чаевые [Донцова].

Таким образом, категория коммуникативного смягчения, направленная на оптимизацию коммуникативного контакта, является одним из важных факторов, обеспечивающих создание консенсуальной зоны интеракционного взаимодействия и, в конечном итоге, эффективность коммуникативного контакта. Основные характеристики разговорно-бытового дискурса, прежде всего непринужденность, неофициальность, ситуативная обусловленность последнего, позволяют говорящим более активно проявлять в коммуникации свои лингвокреативные возможности, демонстрируя определенный уровень сформированности коммуникативной компетенции. Как справедливо отмечает К.Ф. Седов, умение строить внутрижанровую коммуникацию в соответствии с принципами кооперативного общения, которого можно достичь последовательным исключением конфликтных жанров из речевого репертуара

и использованием кооперативных тактик в рамках нейтральной коммуникации, отражает уровень культуры владения жанровыми нормами бытового общения [Седов 2007: 18]. Как показал анализ фактического материала, в повседневном общении стратегия директивного смягчения может реализовываться как стереотипными, клишированными тактиками, так и индивидуально-личностными, позволяющими собеседникам варьировать языковые и речевые средства при репрезентации своих интенций, и передавать, тем самым, различные эмотивно-экспрессивные нюансы межличностных взаимоотношений.

Кооперативная направленность митигативных тактик, реализующих стратегии смягчения в общении, позволяет высказать предположение о необходимости включения в коммуникативную компетенцию *homo loquens* митигативного компонента, предполагающего знание митигативных прескрипций, установок и правил, а также активное владение стратегиями и тактиками смягчения, обеспечивающими бесконфликтное протекание интеракции и, как следствие, создание консенсуальной зоны, необходимой для оптимальной реализации своих целей в общении как самим говорящим, так и адресатом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1998.
- Винокур 2005 — *Винокур Т.Г.* Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 2005.
- Девкин 1979 — *Девкин В.Д.* Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М., 1979.
- Дейк 1989 — *Дейк Т.А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дементьев 2007 — *Дементьев В.В.* Изучение речевых жанров в России: Аспект формализации социального взаимодействия // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Демьянков 2005 — *Демьянков В.З.* Кооперированность общения и стремление понять собеседника // Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация: К 70-летию доктора филологических наук, профессора Е.Ф. Тарасова. Калуга; М., 2005.
- Иссерс 2006 — *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2006.
- Йокояма 2005 — *Йокояма О.* Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М., 2005.

- Конрад 1985 — *Конрад Р.* Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.
- Кравченко 2003 — *Кравченко А.В.* Что такое коммуникация? (очерк биокогнитивной философии языка) // Прямая и непрямая коммуникация. Саратов, 2003.
- Кравченко 2006 — *Кравченко А.В.* Является ли язык репрезентативной системой? // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. М., 2006.
- Матурана 1996 — *Матурана У.* Биология познания // Язык и интеллект. М., 1996.
- Никитин 2009 — *Никитин М.В.* Основы лингвистической теории значения: Учебное пособие. Изд. 2-е. М., 2009.
- Павлова 2007 — *Павлова Н.Д.* Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике // Ситуационная и личностная детерминация дискурса. М., 2007.
- Рылов 2006 — *Рылов Ю.А.* Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М., 2006.
- Рябцева 1995 — *Рябцева Н.К.* Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка. Истина и истинность в языке и культуре. М., 1995.
- Рябцева 2005 — *Рябцева Н.К.* Язык и естественный интеллект. М., 2005.
- Седов 2007 — *Седов К.Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М., 2007.
- Стернин 2004 — *Стернин И.А.* Теоретические проблемы языкового сознания // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты. М.; Барнаул, 2004.
- Тарасов 2007 — *Тарасов Е.Ф.* Место речевого общения в коммуникативном акте // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. М., 2007.
- Тахтарова 2008 — *Тахтарова С.С.* Этнокультурная категория смягчения в коммуникативном аспекте // Филологические науки. № 4. 2008.
- Федорова 2005 — *Федорова Л.Л.* Эмоции в грамматике // Эмоции в языке и речи. М., 2005.
- Fraser 1981 — *Fraser B.* Conversational mitigation. *Journal of Pragmatics*, 4. 1980.
- Wunderlich 1980 — *Wunderlich D.* Arbeitsbuch Semantik. Königstein/Ts., 1980.

ПАРАДОКСЫ РЕФЕРЕНЦИИ К БУДУЩЕМУ

Вступительные замечания

В данной статье рассматривается референция к будущему, которая осуществляется в трех основных формах: это непосредственно осуществляемая референция к периодам времени (напр., когда используются такие выражения, как *в следующий четверг*), референция к ситуациям (напр., когда говорят о *предстоящем экзамене*), и референция к объектам (напр., когда кого-то называют *будущим президентом*).

Попытка проникнуть в логику высказываний о будущем чревата рядом парадоксов, разрешение которых неизбежно предполагает признание многовариантного будущего (по крайней мере, постольку, поскольку мы говорим о нем как о будущем). Будущее задает многовариантное денотативное пространство, и именно поэтому языковые показатели будущего (в частности, будущее время глагола и лексические единицы, включающие апелляцию к будущему, такие как *хотеть, ждать, надеяться, искать* и т. д.) являются одним из типов контекстов, допускающих неспецифицированную референцию (формальным показателем которой в русском языке служат местоименные выражения на *-нибудь*).

Связь многовариантного будущего и неспецифицированной референции проявляется, в частности, в закономерностях использования неопределенных темпоральных наречий: *когда-то, однажды и когда-нибудь*. В работе [Шмелев 1996: 101] отмечалось, что *когда-то* и *однажды*, будучи показателями специфицированной референции, в норме указывают на прошлое, а различие между ними определяется коммуникативной позицией. Так, наречие *когда-то*, входя в ряд референциальных показателей на *-то*, маркирует взгляд в прошлое из настоящего; при этом говорящий не может описать соответствующее время в прошлом полнее и точнее. Напротив того, наречие *однажды*,

входящее в ряд с референциальным показателем *один*, вводит в поле зрения адресата момент времени в прошлом, о событиях которого говорящий собирается нечто рассказать. Впрочем, следует добавить, что и то, и другое наречия могут использоваться и для референции к будущему. У наречия *когда-то* такие употребления довольно редки, причем в них обычно возникает дополнительный оттенок 'нескоро'. Не случайно в «Малом академическом словаре» [Словарь... 1982] использование *когда-то* по отношению к будущему описывается как особое лексическое значение: наряду с первым, основным значением 'некогда в прошлом' у него выделено и второе значение, толкуемое как 'неизвестно когда в будущем, еще нескоро'¹. Ср. примеры из современной литературы:

(1) ...он еще добавил о преступности этой войны, за которую кому-то когда-то придется отвечать (Василь Быков).

(2) ...вдруг понимаешь, что как ни вечна любая река, но когда-то же она пересохнет, когда-то кончится та вода, которая подпитывает ее — и грустно станет, заплакать хочется... (Алексей Славовский)

У наречия *однажды* употребления с референцией к будущему встречаются несколько чаще (хотя все же реже, чем в качестве интродукции в повествовании о прошлом²), напр.:

(3) И все мы однажды предстанем перед Богом воплощенными, с телом преображенным... (митрополит Антоний (Блум)).

(4) Я просто боюсь, что однажды сорвусь с диеты... (Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ)).

Напротив того, наречие *когда-нибудь*, включающее показатель неспецифицированной референции *-нибудь*, используется преимущественно с референцией к будущему; но, разумеется, для него возможно и употребление по отношению к прошлому, если в высказывании имеются другие показатели многовариантного денотативного

¹ Заметим, что в силу относительной редкости такого употребления некоторые словари его игнорируют; скажем, словарь [Ожегов, Шведова 1992] ограничивается для слова *когда-то* толкованием 'В какое-то время в прошлом'.

² Словарь [Ожегов, Шведова 1992] фактически отмечает преимущественное употребление по отношению к прошлому, давая рассматриваемому значению слова *однажды* несколько двусмысленное толкование: 'Как-то раз, когда-то раньше'.

пространства (такие как вопросительность, предположительность и т. п.), напр.: *Ты когда-нибудь заглядывал в толковый словарь?* [Шмелев 1996: 97]. Очевидно, что для наречия *когда-нибудь* существенна именно многовариантность, а не отнесенность к плану будущего как таковая. На отсутствие жесткой связи с планом будущего со всей определенностью указывает толкование, которое дает этому наречию словарь [Ожегов, Шведова 1992]: 'В какое-н. неопределенное время — настоящее, прошедшее или будущее'.

Референциальные противопоставления в контексте будущего времени

Поскольку, как уже говорилось, будущее представляет собою многовариантное денотативное пространство, в нем возникает противопоставление специфицированной и неспецифицированной неопределенности (которые могут маркироваться местоимениями *какой-то* — *какой-нибудь*). Суть данного противопоставления заключается в том, что специфицированность предполагает соотнесенность с одним и тем же референтом при всех вариантах развития событий, тогда как в случае неспецифицированности при разных вариантах будущего референт может быть различным. Пример специфицированной неопределенности в контексте будущего времени: *Завтра он ко мне приедет и привезет какие-то сувениры* (предполагается, что сувениры уже куплены и именно они должны быть привезены). Пример неспецифицированной неопределенности в контексте будущего времени: *Завтра я зайду в магазин купить для нее какие-нибудь сувениры* (сувениры еще не куплены и возможны варианты, при которых выбор падет на разные сувениры).

Аналоги противопоставления специфицированной и неспецифицированной референции в контексте многовариантного будущего возможны и для определенности. Рассмотрим высказывание *Церемония награждения нового лауреата Букеровской премии состоится 11 декабря*. В нем определенная дескрипция *новый лауреат Букеровской премии* в естественном понимании соотнесена с фиксированным референтом, если к моменту речи победитель конкурса уже объявлен, и с нефиксированным референтом, если это высказывание произнесено до объявления победителя, когда на премию претендуют несколько кандидатов (в последнем случае имеет место переменная определенность).

Референциальные противопоставления в контексте будущего определяются не только тем, что будущее многовариантно, но и тем, что оно может отличаться от настоящего, т. е. «реального»

мира. Поэтому в контексте будущего возможно противопоставление номинаций *de re* и *de dicto*. Номинация *de re* основывается на свойствах объекта в «реальном» мире, т. е. в нашем случае в настоящем, а номинация *de dicto* основывается на свойствах объекта, которых у него может не быть в настоящем, но которыми он предположительно будет обладать в будущем. Так, в следующем примере имеет место номинация *de re*, поскольку лицо, о котором идет речь, является *мальчиком* в момент речи, но уже будет не мальчиком, но мужем в том будущем, которое предсказывает говорящий:

(5) *«Этот мальчик далеко пойдет!» — говорили про него в детстве [И. Грекова].*

С другой стороны, в следующем примере из НКРЯ имеет место номинация *de dicto*, поскольку речь идет о будущем муже, т. е. о человеке, который в момент речи мужем не является:

(6) *Вот подрастешь, выйдешь замуж, переедешь к мужу, тогда я, может, и подумаю всерьез над твоим предложением.*

В литературе нередко делались попытки отождествить противопоставление специфицированности — неспецифицированности с противопоставлением *de re* — *de dicto*. Действительно, номинация *de re* тяготеет к специфицированному пониманию (объекты, фиксированные в «реальном» мире, естественно называть в соответствии с их свойствами в «реальном» мире), тогда как номинация *de dicto* тяготеет к неспецифицированному пониманию (объекты, фиксированные лишь в многовариантном денотативном пространстве, естественно и называть в соответствии с их свойствами в этом многовариантном денотативном пространстве). Однако природа указанных противопоставлений различна. Для противопоставления специфицированности и неспецифицированности важно, может ли объект быть разным при разных вариантах развития событий, а для противопоставления *de re* — *de dicto* важен способ номинации. Поэтому можно построить высказывания, в которых будет иметь место специфицированное понимание при номинации *de dicto*, а также высказывания, в которых будет иметь место неспецифицированное понимание при номинации *de re*. Примером первого может служить высказывание *После смерти Филдинга все его состояние достанется его вдове*. В естественном понимании *его вдова* — это вполне определенная женщина, которая в настоящий момент является женою Филдинга; тем самым имеет место специфицированное понимание (референт фиксирован); с дру-

гой стороны, *вдовой* она станет только в будущем, так что используется номинация *de dicto*. Примером неспецифицированного понимания при номинации *de re* может служить существительное *старик* в следующем примере (слегка видоизмененный пример из НКРЯ):

(7) *(Я хочу выйти замуж за какого-нибудь богатого старика. Хорошо бы с дачей). Я разведу там клубнику и буду держать старика при грядах.*

Здесь явно не имеется в виду никакой конкретный «старик», об этом ясно свидетельствует местоимение *какой-нибудь* перед дескрипцией *богатый старик* в предшествующем тексте (*выйти замуж за какого-нибудь богатого старика*); поэтому можно говорить о нефиксированном референте. С другой стороны, *старик*, которого эта женщина планирует «держать при грядах», по всей видимости уже является *стариком*, так что мы имеем дело с номинацией *de re*.

Для дескрипций в контексте будущего существенно также разграничение референтных и атрибутивных дескрипций (в смысле К. Доннеллана). Референтная дескрипция предполагает, что выбран лишь один из возможных способов указания референта; важно, что имеется в виду именно этот референт, и никакой другой. При атрибутивной дескрипции в основу кладется именно дескриптивное содержание: имеется в виду референт, обладающий свойствами, отраженными в дескрипции. Так, человек может сказать: *В декабре на конференции я планирую встретиться с директором Русской языковой школы*. Если директор Русской языковой школы — его приятель, с которым он хочет встретиться именно как с приятелем, а упоминание должности директора — лишь способ указать референт, то мы имеем дело с референтной дескрипцией. Если же говорящему субъекту необходимо обсудить какие-то проблемы Русской школы с ее директором, то дескрипция выходит на первый план: он хочет поговорить с директором, кто бы таковым ни был. Тогда мы имеем дело с атрибутивной дескрипцией. В логической и лингвистической литературе это противопоставление иногда предлагалось отождествить с противопоставлением *de re* — *de dicto* (в частности, такое отождествление предлагалось П. Коулом). Действительно, чаще всего референтные дескрипции тяготеют к номинации *de re*, а атрибутивные — к номинации *de dicto*. Так, если я планирую разговор с моим приятелем, которого называю директором Русской школы просто в силу того факта, что он в данный момент занимает эту должность, то референтной дескрипции соответствует номинация *de re*. Если же я хочу обсудить проблемы Русской школы с директором, то

мне, скорее всего, важно, чтобы человек был директором в момент обсуждения, и тем самым атрибутивной дескрипции соответствует номинация *de dicto*. Точно так же в приведенных выше примерах высказывание «*Этот мальчик далеко пойдет!*» — говорили про него в детстве содержит референтную дескрипцию (*этот мальчик*), сопряженную с номинацией *de re*, а высказывание *Вот подрастешь, выйдешь замуж, переедешь к мужу, тогда я, может, и подумаю всерьез над твоим предложением* содержит атрибутивную дескрипцию (*муж*), сопряженную с номинацией *de dicto*.

Однако рассматриваемые два противопоставления в существе своем различны. Возможны референтные дескрипции, соответствующие номинации *de dicto*, и атрибутивные дескрипции, соответствующие номинации *de re*. Пример первого рода был обнаружен мною в статье в шахматном журнале «64» в 1984 г. (№ 18) и уже приводился в книге [Шмелев 1996: 104]. В статье описываются мысли Капабланки во время международного шахматного турнира в Петербурге 1914 г., когда Капабланка прочел статью тогдашнего чемпиона мира Ласкера, в которой Ласкер доказывал, что называть Капабланку «гением» преждевременно:

(8) Вспоминая о статье, Капабланка поморщился. «Кажется, Ласкер специально написал ее, чтобы доказать, что он, Капабланка, вовсе не гений... Интересно, что Ласкер скажет по окончании турнира. Если даже победитель не гений, то кто же тогда побежденные, в частности сам Ласкер?»

Очевидно, что Капабланка, уверенный в собственной победе, употребляет дескрипцию *победитель* референтно, по отношению к самому себе. При этом дескрипция соответствует номинации *de dicto*, так как в описываемый момент турнир еще не закончился и «победителя» у него еще не было (более того, в реальности в этом турнире первое место занял как раз Ласкер).

Возможна и ситуация, когда атрибутивная дескрипция соответствует номинации *de re*. Если во время геологической экспедиции произошло какое-то чрезвычайное происшествие, то, узнав о нем, некий высокий начальник может сказать:

(9) По окончании экспедиции ее руководитель будет наказан по всей строгости закона.

Здесь дескрипция *руководитель* употреблена атрибутивно («кто бы ни был руководителем»; высокий начальник может вовсе не инте-

ресоваться личностью руководителя экспедиции). В то же время это номинация *de re*: речь идет о человеке, который руководит экспедицией в момент речи, а по окончании экспедиции данная дескрипция будет к нему, строго говоря, уже неприменима.

Также не совпадает противопоставление референтности и атрибутивности с противопоставлением специфицированности и неспецифицированности. Опять-таки можно признать, что в большинстве случаев референтность предполагает специфицированность (поскольку имеется в виду вполне конкретный референт), а атрибутивность — неспецифицированность (поскольку важны свойства, отраженные в дескрипции, и в разных вариантах развития событий этими свойствами могут обладать разные объекты). Однако такое совпадение может не иметь места. Пример, когда атрибутивная дескрипция предполагает специфицированное понимание, представить себе нетрудно. Так, в вышеприведенном высказывании *По окончании экспедиции ее руководитель будет наказан по всей строгости закона* руководитель представляет собою специфицированную атрибутивную дескрипцию (*руководитель* — вполне определенный человек, так что референция фиксирована, но его личность не существенна для смысла высказывания). Примеры, в которых референтные дескрипции понимаются неспецифицированно, встречаются редко, но и это не исключено. Так, когда становится известным «шорт-лист» Букеровской премии, состоящий из шести кандидатов, критик Андрей Немзер пишет шесть статей, в которых заранее описывает свою реакцию на известие о выборе каждого из шести кандидатов. (После объявления лауреата в газете «Время новостей» немедленно публикуется соответствующая статья, а остальные пять остаются в архиве.) Мы можем описать эту ситуацию словами: *Немзер готовит рецензию на творчество лауреата Букеровской премии заранее*. Мы имеем дело с неспецифицированным пониманием дескрипции *лауреат Букеровской премии*, поскольку разным вариантам развития событий соответствуют разные лица, но эта дескрипция употреблена референтно: Немзер дает отзыв обо всем творчестве каждого из шести писателей, а не об абстрактном *лауреате*, кто бы таковым ни был.

Показатели будущего в составе номинации

Как известно, в качестве точки отсчета для номинации может выступать момент речи или момент, о котором идет речь. Кроме того, для коммуникативных целей высказывания релевантными могут оказаться признаки, которыми объект не обладал или не обладает (или не будет обладать) в момент, выбранный как точка отсчета, а

обладал (обладает или будет обладать) в какой-то другой момент; в этом последнем случае несовпадение маркируется при помощи специальных операторов временного сдвига: *бывший*, *нынешний*, *будущий* и т.п.³.

В следующем примере из НКРЯ момент речи — сентябрь 2004, когда была опубликована статья; момент, о котором идет речь, — 1912 г.; наконец, в качестве релевантных для номинации выбрано чемпионство Ивана Чуфистова, которое не имело места ни в 1912 г., ни в 2004 г. (Иван Чуфистов стал чемпионом мира в 1915 г., а умер 16 марта 1968 г. в возрасте 83 лет):

(10) В 1912 году замечательный атлет и пропагандист спорта Людвиг Чаплинский («гордость русской атлетики», как его именовали в спортивных журналах того времени) создал на берегах Невы общество физического развития «Санитас» (ул. Троицкая, дом 15), в котором занимались спортсмены-любители, в их числе будущий чемпион мира Иван Чуфистов.

В качестве точки отсчета в этом примере выбран момент, о котором идет речь, т.е. 1912 г.; об этом свидетельствует модификатор *будущий* в составе дескрипции (по отношению к моменту речи Иван Чуфистов никак не являлся *будущим чемпионом*).

Выбор точки отсчета определяется сложными правилами, зависящими от коммуникативных намерений говорящего; их мы здесь рассматривать не будем. Отметим лишь, что в нормальной ситуации в пределах одной номинации не совмещаются разные точки отсчета. Это правило может нарушаться в целях языковой игры, как в речевой практике одной нашей знакомой, которая использовала для референции к матери своего бывшего жениха дескрипцию *моя бывшая будущая свекровь* (этот факт мне напомнила Анна А. Зализняк). Формально дескрипция построена правильно. Слово *бывший* маркирует взгляд из момента речи и указывает на то, что последующая дескрипция (*будущая свекровь*) соответствовала какому-то моменту в прошлом, а слово *будущий* в составе оставшейся части дескрипции указывает на то, что дескрипция выбирается на основе взгляда из прошлого, когда перспектива иметь в будущем эту женщину в качестве свекрови еще была релевантной. Однако совмещение двух разных перспектив в пределах одного вы-

³ В соответствии с темой данной статьи основное внимание будет уделено операторам, отсылающим к будущему: словам *будущий*, *следующий*, *ближайший*, *предстоящий*.

сказывания создает ощущение некоторой аномалии, оправдываемой только языковой игрой.

Скрытое совмещение точек отсчета имеет место и в номинации *наши будущие вдовы* в следующем четверостишии Игоря Губермана:

*(11) Налей нам, друг! Уже готовы
Стаканы, снедь, бутылъ с прохладцей.
И наши будущие вдовы
Охотно с нами веселятся.*

Женщина называется *вдовой X-а*, если она была *женой X-а*, когда X был жив. Тем самым номинация *вдова X-а* предполагает взгляд, обращенный в прошлое. Модификатор *будущий*, добавленный к этой номинации, меняет перспективу, поскольку задает взгляд, обращенный в будущее. Совмещение этих двух перспектив также воспринимается как языковая игра.

Затруднения, связанные с вынужденным совмещением двух точек отсчета, отражены в следующем отрывке из книги воспоминаний акад. Сахарова «Горький, Москва, далее везде», уже приводившемся в книге [Шмелев 1996: 29]:

(12) Появление Саши, напомним читателю, стало возможным в результате борьбы за приезд к мужу ее будущей мамы (можно ли так сказать? будущей ведь была Саша).

В качестве исходной точки номинации выбирается Саша, дочь Елизаветы Алексеевой и Алексея Семенова (в непосредственно предшествующем тексте А.Д. Сахаров рассказывает о том, как впервые увидел Сашу). Саша родилась после того, как борьба за приезд Елизаветы Алексеевой к мужу увенчалась успехом (и вследствие этого); поэтому говорить об этой борьбе, выбирая Сашу в качестве исходной точки, означает ретроспективный взгляд. Однако слово *будущий*, напротив того, предполагает взгляд из прошлого. Отсюда неуверенность автора в выбранном способе выражения.

С другой стороны, вполне возможно эксплицитное соединение двух точек отсчета, создающих своего рода стереоскопичность взгляда. Напр.:

(13) ...когда я привела своего будущего (уже бывшего) мужа, родители мне сразу сказали: «помятросит и бросит» [НКРЯ].

Очевидно, что референт именной группы *будущего (уже бывшего) мужа* являлся мужем в некоторый период времени между моментом, о котором идет речь (когда он был приведен к родителям), и моментом речи. С точки зрения момента, о котором идет речь, муж являлся *будущим*, но с точки зрения момента речи он уже стал *бывшим*.

Впрочем, описание языкового поведения операторов, отсылающих к будущему, предполагает, что выбор точки отсчета и основания для номинации уже осуществлен и оказалось, что база номинации принадлежит моменту времени, более позднему, нежели точка отсчета. Полное описание поведения слов *будущий, следующий, ближайший, предстоящий* с разными типами именных групп должно явиться неотъемлемой частью лексикографических портретов указанных прилагательных. Здесь мы ограничимся отдельными штрихами к этим портретам. Целесообразно отдельно рассмотреть сочетания интересующих нас прилагательных с обозначениями времени, именами ситуаций и именами объектов (жесткими десигнаторами и дескрипциями).

Говоря об обозначениях времени, полезно разграничить три класса имен, которые можно условно назвать «длительностями», «фиксированными периодами» и «циклами». «Длительности» характеризуют отрезок времени лишь с точки зрения его продолжительности, безотносительно к его положению на временной оси. К ним относятся такие слова, как *минута 1, час 1, день 1, сутки 1, неделя 1, месяц 1, год 1*. «Фиксированные периоды» характеризуют отрезки времени с точки зрения их положения на временной оси, это такие слова, как *понедельник, 15 сентября, февраль, зима, утро, день 2*. Большинство «фиксированных периодов» циклически повторяются, т. е. представляют собою части «циклов». К «циклам» относятся *день 3* (продолжающийся от полуночи до полуночи), *месяц 2*, длящийся с 1-го по 28-е, 29-е, 30-е или 31-е число, *неделя 2*, состоящая из *понедельника, вторника, среды* и т. д., *год 2*, начинающийся 1 января и заканчивающийся 31 декабря. Главная особенность «цикла» заключается в том, что, как только цикл заканчивается, начинается новый цикл.

Можно заметить, что сочетания слова *предстоящий* с обозначениями времени нетипичны и встречаются лишь при специальных условиях, о которых речь пойдет дальше. Напротив того, слова *ближайший* и *следующий* свободно сочетаются с названиями «фиксированных периодов», особенно охотно с названиями дней недели. При этом их значение в этих сочетаниях нетривиально и не вполне покрывается существующими словарными толкованиями. *Ближайший* <понедельник, четверг> означает 'первый после точки отсчета'; если в качестве точки отсчета выступает вторник 15 сентября, то бли-

жайший понедельник — это 21 сентября, а *ближайший четверг* — это 17 сентября. Тем самым этот модификатор отсылает в будущее (впрочем, в речи молодого поколения слово *ближайший* иногда используется для отсылки к прошлому, так что, произнося выражение *ближайший понедельник* во вторник 15 сентября, молодой носитель русского языка может иметь в виду 14 сентября). *Следующий* <понедельник, четверг> означает ‘первый после начала нового цикла’. Тем самым если в качестве точки отсчета выступает вторник 15 сентября, то *следующий понедельник* — это 21 сентября, а *следующий четверг* — это 24 сентября. С названиями месяцев эти слова сочетаются реже (чаще всего — в сочетании с предлогом *до*). *Будущий* <понедельник, четверг> неоднозначно (может значить и то же, что *ближайший*, и то же, что *следующий*; довольно редко сочетается с названиями месяцев — в основном в текстах XIX века). Сочетание *ближайшая неделя* неоднозначно (*неделя* может пониматься в нем как *неделя 1* или *неделя 2*), тогда как сочетания *следующая неделя* и *будущая неделя* чаще всего указывают на новый цикл (после точки отсчета), т. е. *неделя* понимается в них как *неделя 2*. Сочетание *ближайший месяц* чаще всего означает ‘примерно 30 дней после точки отсчета’ (т. е. слова *месяц* понимается в нем как *месяц 1*). Точно так же *ближайший год* чаще всего понимается как ‘в течение года после точки отсчета’ (т. е. слово *год* понимается в нем как *год 1*). В то же время сочетания *следующий месяц* и *будущий месяц*, *следующий год* и *будущий год* чаще всего указывают на новый цикл (после точки отсчета), т. е. слова *месяц* и *год* понимаются в них как *месяц 2* и *год 2*. Наконец, коснемся сочетаний рассматриваемых слов со словом *время*. Сочетание *ближайшее время* очень частотно; *будущее время* встречается реже и чаще всего понимается в грамматическом смысле; но, впрочем, устойчиво встречается сочетание с множественным числом (*будущие времена* ‘будущее’), а также оборот *на будущее время*; сочетание *следующее время* встречается очень редко, соответствующие примеры находятся на грани нормы, как в следующих примерах из НКРЯ:

(14) ...эти объяснения она все понимала, но самой Веры Павловны во все следующее время, после первых слов встречи, она уж не понимала [Н.Г. Чернышевский];

(15) После короткого сна следующее время у него назначено было для чтения полученных в тот день русских, французских и немецких газет, а также и журналов, какие ему доставлялись (К.С. Сербинович. Воспоминания о Николае Михайловиче Карамзине [Черновые заметки 1874]).

С именами ситуаций очень частотны сочетания оператора *предстоящий*, тогда как с обозначениями времени или с именами объектов слово *предстоящий* сочетается, только если эти обозначения скрывают за собою ситуацию (напр., *предстоящая сигарета*). Ср. следующий пример:

(16) ...я пришел в неимоверный восторг от предстоящего шашлыка и забыл про всякую опасность [Фазиль Искандер].

Слово *будущий* в сочетании с именами ситуаций также встречается часто, как в примерах из НКРЯ: *место будущей учебы*; *на будущих выборах*; *Прошлый положительный опыт гарантирует будущий успех*. Слова *ближайший* и *следующий* сочетаются с именами ситуаций, только если ситуация повторяется.

Наконец, говоря об именах объектов, следует различать дескрипции и жесткие десигнаторы. Дескрипции сочетаются со словами *ближайший* или *следующий*, только если предполагается сменяемость референта, напр.:

(17) ...я все не мог справиться с разочарованием, не ведая, что есть особый тип глуповатых женщин, которые каждого следующего любовника используют, перед тем как улечься в постель, в качестве психоаналитика [Николай Климонтович].

Слово *будущий* в таких сочетаниях вполне обычно и сменяемость референтов не требуется, напр.:

(18) Ромка не считает меня особой высокоморальной и по этой самой причине мою кандидатуру в качестве будущей жены даже не рассматривает [НКРЯ].

Что касается жестких десигнаторов, со словом *будущий* сочетаются как имена собственные, так и обозначения естественных классов, тогда как со словами *ближайший*, *следующий* и *предстоящий* они могут сочетаться только при условии нетривиального семантического сдвига. При этом у имен собственных в сочетании со словом *будущий* часто имеет место метафорическое понимание (чаще в предикатной позиции):

(19) Будущий Пирогов — все так говорили, Люба уже тогда это понимала и помогала ему стать тем, кем он стал... [Анатолий Рыбаков].

(20) А может, я будущий Рихтер? [Андрей Геласимов, НКРЯ].

Иногда метафорическое понимание может возникнуть и при референтном («цитатном») употреблении; в таком случае обычно имеет место ирония, напр.:

(21) *«Какие вы мелочные, Нонна Степановна», — упрекнул будущий Ломоносов, путая разом — имя, отчество, факты... [Сергей Довлатов].*

Реже имена собственные используются в сочетании со словом *будущий* без метафорического сдвига, напр. при квазиавтонимном употреблении:

(22) *В тот вечер, когда в родительский дом пришла девочка Галя, будущая Галина Леонидовна... [Анатолий Азольский, НКРЯ].*

Имена естественных классов обычно используются в сочетании со словом *будущий*, когда речь идет о появлении на свет новых объектов или о том, что в настоящем дескрипция, хотя и отражает «естественные» характеристики, к ним неприменима, как в следующих примерах из НКРЯ:

(23) *Из этого материала она и выкладывает удобное, глубокое гнездышко для откладки яиц и будущих птенцов.*

(24) *Наверное, на Андрея было смешно смотреть: в руках у него было лукошко, в котором лежал маленький комочек — его будущая собака Леди...*

Заключительное замечание

Представляется, что такого рода закономерности (как описанные в данной статье, так и оставшиеся за ее пределами) уместно дважды отражать в лингвистическом описании, не боясь дублировать информацию: в словарных статьях временных операторов (*будущий, ближайший, следующий*) и в грамматических правилах, описывающих референциальное поведение отдельных типов именных групп (дескрипций, темпоральных имен и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

- Ожегов, Шведова 1992 — *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Словарь... 1982 — Словарь русского языка в 4-х т., АН СССР / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. М., 1982.
- Шмелев 1996 — *Шмелев А.Д.* Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.

ЖИЗНЬ БЕЗ БУДУЩЕГО?.. (О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ПРЕДСТОЯЩЕГО ДЕЙСТВИЯ В ПЕРЕВОДНЫХ ТЕКСТАХ НА ДРЕВНЕГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ)

Как известно, в древнегерманских языках отсутствовали специальные формы будущего времени. Значение предстоящего времени выражалось в этих языках с помощью форм настоящего времени в сопровождении лексических маркеров — обстоятельств времени — или без них, ситуативно. Таким образом, одни и те же глагольные формы могли приобретать, в зависимости от ситуации, различные грамматические значения. Это создавало, по всей видимости, определенные неудобства, которые были в конечном счете устранены появлением новых форм.

В древнегерманских языках в разное время (в готском языке — к IV в., в английском — к концу древнего периода, в IX–X вв., в древневерхненемецком — позже, с XII в.) стали появляться аналитические конструкции, в которых темпоральные и модальные значения еще не были четко дифференцированы. Эти конструкции были, как правило, образованы сочетаниями глаголов неполной предикации с инфинитивом полнозначных глаголов. В качестве глаголов неполной предикации использовались:

в готском языке — глаголы *skulan* «быть должным», *habban* «иметь», *duginnan* «начинать»,

в древнеанглийском — *sculan* «быть должным», *willan* «хотеть»,

в древневерхненемецком — *werdan* «становиться»,

в древнесаксонском — *skulan* «быть должным»,

в древненижнефранкском — *sal* (*scal*) (форма инфинитива не зафиксирована) «быть должным»,

в древнеисландском — *munu* «собираться, намереваться»

(см. [Бруннер 2003; Гухман 1994; Иванова 1999; Ильиш 1958; Москальская 1965; Стеблин-Каменский 1955] и др.). В древнегерманских письменных памятниках отмечены лишь единичные примеры этих конструкций. Тем не менее в средний период происходит рост числа их употреблений, упорядочивание их структуры, так что, граммати-

кализуясь, эти структуры закладывают основу форм будущего времени в германских языках (судьба готских аналитических конструкций была бы, безусловно, той же, если бы история готского языка, как и история готов, не прекратилась с разгромом остготского и вестготского королевств в VII и VIII вв. и последующим рассеянием готов по обе стороны Пиренеев и по Апеннинскому полуострову).

Такова, вкратце, история зарождения форм будущего времени в германских языках. О том, что эти процессы протекали в родственных языках сходным образом и привели к одним результатам, свидетельствуют сходные формы будущего времени (*futurum primum*) в современных германских языках:

в английском языке — *shall/will + inf.*,

в немецком — *werden + inf.*,

в нидерландском — *zullen + inf.*,

в африкаанс — *sal + inf.*,

в датском — *ville + inf.*,

в норвежском — *skal/vil + inf.*,

в шведском — *skulle + inf.*,

в фарерском — *ville + inf.* (форма, развившаяся под влиянием датского)

(см. [Берков 1996; Германские языки 2000; Историко-типологическая морфология 1977]). Из общего ряда выделяется лишь исландский язык, в котором по-прежнему отсутствуют специальные формы будущего времени и значение будущности передается с помощью сочетаний глагола типа с инфинитивом полнозначного глагола.

Возвращаясь к материалу древнегерманских языков, отметим некоторые особенности выражения будущего времени, имеющие место в переводной литературе. Переводные тексты на древнегерманских языках носят преимущественно религиозный, а также философский и исторический характер. Способы выражения будущего времени в этих текстах удобнее всего рассматривать на библейском материале, поскольку наличие оригинала позволяет определить характер переводного соответствия и избежать неправильного толкования переводных форм.

Переводная религиозная проза представлена:

в готском языке — Библией Ульфила, дошедшей до нас фрагментарно в составе нескольких списков (главным образом Евангелия и отдельные Послания);

в древнеанглийском, древневерхненемецком, древненижне-франкском, древнесаксонском — переводами Евангелий и Псалмов [Мецгер 2002].

Содержательно к религиозным произведениям переводного характера примыкают поэтические переложения Библии на древнеанглийские языки (древнеанглийские поэмы «Бытие», «Исход», «Юдиф» и др., древнесаксонская поэма «Хелианд», «Четвероевангелие» Отфрида и др.), но, ввиду весьма вольной передачи структурно-семантической организации оригинала, эти произведения нами не рассматриваются.

Анализ текстов показывает, что в ранних переводах Библии наблюдается тенденция передачи простых форм будущего времени формами настоящего времени. Эта тенденция характерна для всех древнегерманских переводов — готского, древнеанглийских, древневерхненемецких, древнесаксонских, древненижнефранкских — и может быть иллюстрирована нижеследующими примерами. После отрывка текста на древнегерманском языке следует греческий (в случае готской Библии) или латинский (для остальных переводов) текст оригинала, а также — в целях облегчения прочтения — соответствующий отрывок Русского Синодального перевода, не всегда, впрочем, совпадающий по структуре с греческим или латинским текстом.

готский:

jah duatgaggands ains bokareis qap du imma: laisari, laistja þuk, þishwaduþ þadei gaggis (GB, Mt 8:19).

καὶ προσελθὼν εἰς γραμματεὺς εἶπεν αὐτῷ διδάσκαλε· ἀκολουθήσω σοι (ἀκολουθήσω ~ 1 л. ед.ч. буд. вр. действ. зал. гл. ἀκολουσέω — следовать) (GRK).

Тогда один книжник, подойдя, сказал Ему: Учитель! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел (РСП).

þ þiſeþwanoþ seaei afaiķiþ mik in andwairþsa manné afaiķa saþ iķ in a in andwairþsa atþinſ meiniſ þiſ seaei in ȝiminam iſt (GB, MT 10:33).

ὅστις δ' ἂν ἀρνῆσηταί με ἔμπροσθεν τῶν ἀνθρώπων, ἀρνήσομαι καὶ γὰρ αὐτὸν ἔμπροσθεν τοῦ πατρός μου τοῦ ἐν [τοῖς] οὐρανοῖς (ἀρνήσομαι — 1 л. ед.ч. буд. вр. средневозвр. зал. гл. ἀρνήομαι — отрекаться) (GRK).

а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным (РСП).

древнеанглийский:

soþ ic eow secze, þaet ze heofiaþ and wepaþ, middan-eard zeblissaþ (ASG, Joh 16:20).

amen amen dico vobis quia plorabitis et flebitis vos mundus autem gaudebit (BSV).

вы восплачете и возрыдаете, а мир возрадуется (РСП).

nales soplice on bozan minum ic zehyhte, sweord min ne zehæled me (ASP, Ps. 43 :7).

non enim in arcu meo sperabo et gladius meus non salvabit me (BSV, Ps. 44 :6).

ибо не на лук мой уповаю, и не меч мой спасет меня (РСП, Пс. 43:7).

древневерхненемецкий:

Ir gihortut, thaz giquetan uuas then altün: ni uuis manstago, thie thär slehit, ther ist sculdig duomes (AHD, Mt 5:21).

audistis quia dictum est antiquis non occides qui autem occiderit reus erit iudicio (BSV).

Вы слышали, что сказано древним: не убивай, кто же убьет, подлежит суду (РСП).

древнесаксонский:

drohtin flode anbuen doid ende sizið drohtin kunnig an euum (AS, Ps 28:9).

Dominus diluvium inhabitare facit et sedebit Dominus rex in aeternum (BSV).

Господь восседал над потопом, и будет восседать Господь царем вовек (РСП).

Использование форм настоящего времени в значении будущего времени в переводных текстах кажется парадоксальным, поскольку при восприятии такого текста может возникать двусмысленность, не всегда устранимая контекстом. Кроме того, в это время в языках уже присутствуют конструкции, которые успешно могли бы использоваться для обозначения предстоящего действия. Регулярность, с которой формы настоящего времени в переводе заменяют формы будущего времени, как видно, не зависит ни от языка оригинала (это может быть и греческий, и латинский), ни от языка перевода. Мы находим этому явлению двойное объяснение. Во-первых, ранние переводы Библии характеризуются определенным буквализмом, и соответствие флективной глагольной формы в оригинале флективной форме в переводе вполне объясняется стремлением переводчика следовать структурно-семантической организации оригинала. Во-вторых, авторы переводов, скорее всего, ощущали присутствие во вновь образуемых аналитических конструкциях двух значений — темпорального и модального — и использовали простые формы во избежание нежелательных коннотаций.

В древнеанглийском языке, в отличие от других древнегерманских языков, все же наблюдается некоторая дифференциация форм со значением настоящего и будущего времени, по крайней мере в пределах одной глагольной парадигмы. Известно, что глагол *wesan/ beon* имеет в настоящем времени параллельные супплетивные формы: в частности, в 3 л. ед ч. н.вр. инд. сосуществуют формы *is (ys)* и *byþ*, а в 3 л. мн ч. н.вр. инд. — *synd* и *beoþ*. Анализ показывает, что для передачи значения настоящего времени используются формы *is (ys)* и *synd*, тогда как формы *byþ* и *beoþ* передают значение будущего времени, ср.:

þines lichaman leoht-faet ys þin eaze: 3yf þin eage byþ anfeald, eall þin lichama byþ beorht;

3yf þin eaze soþlice byþ manfull, eall þin lichama byþ þysterfull (GB, Mt 6:22-23).

lucerna corporis est oculus. si fuerit oculus tuus simplex totum corpus tuum lucidum erit.

si autem oculus tuus nequam fuerit totum corpus tuum tenebrosum erit (BSV).

Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло;

если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно (РСП).

Eadize synd þie nu wepaþ; forham þie beoþ zefrefrode (ASG, Mt 5:4).

beati qui lugent quoniam ipsi consolabuntur (BSV).

Блаженны плачущие, ибо они утешатся (РСП).

Таким образом, и здесь наблюдается отказ переводчика от использования аналитических конструкций и выражение значения предстоящего действия простой (флективной) формой.

Сочетания глаголов неполной предикации с инфинитивами полнозначных глаголов носят в переводных текстах свободный характер, выражая в первую очередь модальное значение долженствования и значительно реже — футуральное значение. Сравним в качестве примера сочетания глагола долженствования (готск. *skulan*, др.-англ. *sculan*, др.-в.-нем. *sculan*, др.-н.-франкс. *scal*) с инфинитивом, обнаруженные в переводах:

ГОТСКИЙ:

ni auk skulun barna fadreinam huzdjan, ak fadreina barnam (GB, 2 Kor 12:14).

οὐ γὰρ ὀφείλει τὰ τέκνα τοῖς γονεῦσιν θησαυρίζειν ἀλλὰ οἱ γονεῖς τοῖς τέκνοις (GRK).

Не дети должны собирать имение для родителей, но родители для детей (РСП).

древнеанглийский:

zif ic þwoh eowre fet, ic þe eom eower Lareow and eower Hlaford, and ge sceolon eac þwean aelc othres fet (ASG, Joh 13:14).

si ergo ego lavi vestros pedes Dominus et magister et vos debetis alter alterius lavare pedes (BSV, Joh 13:14).

Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу (РСП).

В древневерхненемецком и древненижнефранкском сочетания глагола skulan (sculan) с инфинитивом выражают только темпоральное значение. Этот факт любопытен, т.к. в дальнейшем в верхнемецком в формах со значением будущего времени закрепляется другой глагол — werden. Ср.:

древневерхненемецкий:

enti tuoit dea in fyures ovan, dar im scal uuesan uuoft enti zano gagrim (AHD, Mt 13:42).

et mittent eos in caminum ignis ibi erit fletus et stridor dentium (BSV).

и свергнут их в печь огненную; там будет плач и скрежет зубов (РСП).

древненижнефранкский:

An Gode sal ic louan uuort, an herron sal ic louan uuort (NF, Ps 55:11).

in Deo laudabo verbum in Domino laudabo sermonem (BSV).

В Боге восхваляю я слово *Его*, в Господе восхваляю слово *Его* (РСП).

В заключение нам хотелось бы привести два примера, показывающие, как изменилась интерпретация латинских форм будущего времени в грамматиках, составленных в Англии X века и Германии XVI века. Так, в грамматике ученого монаха Эльфрика лат. amabo (форма 1 л. ед. ч. fut. pr. глагола amāre «любить») передается как ic lufize tō dæz oððe tō merzen «я люблю сегодня или буду любить завтра» [Иванова 1999]. Хотя в X веке в английском языке уже имеются новые средства выражения идеи будущего времени, Эльфрик, по-видимому, сознательно придерживается флективного способа, отказываясь от сочетаний, в которых смешиваются темпоральное и модальное значения.

В грамматике Филиппа Меланхтона (1497–1560), выдающегося ученого, соратника Лютера, форма *veniam* (форма 1 л. ед. ч. fut. pr. глагола *venīre*) определяется как *ich werde oder will kommen* — других способов выражения предстоящего действия в немецком языке в ту эпоху уже не существует.

В силу значительного временного и языкового разрыва между двумя грамматиками эти два примера являются показательными. Они свидетельствуют о флективном характере древнеанглийского (как, впрочем, и всех других древнегерманских языков) и тенденции к аналитизму, характеризующей дальнейшее развитие и современное состояние этих языков [Аналитизм 2006; Историко-типологическая морфология 1977; Сравнительная грамматика 1966]. Аналитические формы будущего времени, вписавшиеся в грамматическую систему современных германских языков, как нельзя лучше подтверждают эту тенденцию.

ЛИТЕРАТУРА

- Аналитизм 2006 — Аналитизм в языках различных типов: сорок лет спустя. К 100-летию со дня рождения В.Н. Ярцевой. Материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. II. М., 2006.
- Берков 1996 — Берков В.П. Современные германские языки. СПб., 1996.
- Бруннер 2003 — Бруннер К. История английского языка. Пер. с нем. М., 2003.
- Германские языки 2000 — Языки мира: Германские языки. Кельтские языки. М., 2000.
- Гухман 1994 — Гухман М.М. Готский язык. М., 1994.
- Иванова 1999 — Иванова И.П., Чахоян Л.П., Беляева Т.М. История английского языка. М., 1999.
- Ильиш 1958 — Ильиш Б.А. История английского языка. М., 1958.
- Историко-типологическая морфология 1977 — Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977.
- Мецгер 2002 — Мецгер Б.М. Ранние переводы Нового Завета. Их источники, передача, ограничения. Пер. с англ. М., 2002.
- Москальская 1965 — Москальская О.И. История немецкого языка (на немецком языке). М.; Л., 1965.
- Сквайрс 2009 — Сквайрс Е.Р. Хрестоматия по истории нидерландского языка (древний период) и нижненемецкого регионального языка. Учебное пособие. М., 2009.
- Сравнительная грамматика 1966 — Сравнительная грамматика германских языков. Т. 1–4. М.; Л., 1962–1966.

- Стеблин-Каменский 1955 — *Стеблин-Каменский М.И.* Древнеисландский язык. М., 1955.
- AHD — Althochdeutsche Litteratur mit Grammatik, Übersetzung und Erläuterungen von Th. Schauffler. Stuttgart, 1893.
- AS — Altsächsische Psalmen // Neuentdeckte altsächsische Psalmenfragmente aus der Karolingerzeit. Hrg. A. Kleczkowski. Krakau, 1923.
- ASG — The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels / Ed. by B. Thorpe. N.-Y.; L., 1848.
- ASP — Der altenglische Junius-Psalter. Die Interlinear-Glosse der Handschrift Junius 27 der Bodleiana zu Oxford. Heidelberg, 1908.
- BSV — Biblia Sacra Vulgata. Stuttgart, 1994.
- Egils Saga — Egils saga // Altnordische Saga-Bibliothek. Halle, 1894.
- GB — Die gotische Bibel. F.L. Stamm's Ulfilas oder die uns erhaltenen Denkmäler der gothischen Sprache. Paderborn, 1872.
- GRK — Greek text of the New Testament // www.bibleonline.org.
- NF — Altniederfränkische Psalmen // *Quak A.* Die altmittel- und altniederfränkischen Psalmen und Glossen. Amsterdam, 1981.

III. ФУТУРУМ В ПОЭТИКЕ

И.Ю. БЕЛЯКОВА

«ЖЕНЩИНА, ЧТО У ТЕБЯ ПОД ШАЛЬЮ? —
БУДУЩЕЕ!»:

ПОЭТИЧЕСКИЕ ПРЕДСКАЗАНИЯ М. ЦВЕТАЕВОЙ

Предметом нашего рассмотрения будут стихи, посвященные или адресованные М. Цветаевой своим детям: Ариадне, Ирине, Георгию Эфронам. В этих произведениях Цветаева моделирует, прогнозирует, предсказывает будущее своих детей. Поскольку рассматриваемые тексты относятся к биографическому дискурсу, при анализе неизбежно привлечение фоновых знаний. Основная идея состоит в том, что в этих текстах отражаются черты цветаевского идиолекта, характерные для соответствующего периода его развития, а также общие «идеологические» интенции Цветаевой, в связи с чем интерес представляет соотношение «текста жизни» и «текста литературы» в анализируемых стихах, а также значение истинности применительно к высказываниям Цветаевой о будущем ее детей.

Ариадна Эфрон (1912–1975) — Аля, активное действующее лицо в цветаевской автомифологии 1910-х гг. В этот период происходит построение жизненного текста по литературным образцам — модель «жизнестроения», воспринятая Цветаевой от символистов. По словам Г. Петковой, «Але вмнялась ипостась старательно возвращаемого двойника, “второй тени”, alter ego своей матери, и Аля эту роль — по многочисленным свидетельствам — прилежно играла до определенного возраста» [Петкова 1999: 99]. Отсюда же — и моделирование судьбы дочери в различных кодах: романтическом, «московском», социальном, что связано с разными ликами «я»-субъекта в период 1913–1918 гг.

Самое первое стихотворение «Аля» (1913), адресованное старшей дочери, открывается эпиграфом:

Ах, несмотря на гаданья друзей,
Будущее — непроглядно.
В платье — твой вероломный Тезей,
Маленькая Ариадна.

Имя, данное, по признанию самой Цветаевой, «от романтизма и высокомерия», имеет отсылку к прецедентной ситуации, что и обыгрывается в цветаевском эпиграфе. Романтический код определяет моделирование будущего Ариадны в стихах и циклах, посвященных дочери, в 1913–1914 гг.: *Ты будешь... Пленительной амазонкой, Стремительной госпожой; Ты будешь царица бала — И всех молодых поэм; И многих пронзит, царица, Насмешливый твой клинок; Благородным без границ Станет профиль — слишком белый, Слишком длинными ресниц Станут стрелы. Слишком грустными — углы Губ изогнутых и длинных...* Романтический код поддерживается привлечением имен композиторов-романтиков Шумана и Шопена (*Залу, спящую на вид, И волшебную, как сцена, Юность Шумана смутит И Шопена...*) и лорда Байрона (*Лорда Байрона в огне Тонкий профиль*). Отношение Цветаевой к дочери выражено через метафору сказки: *Я — змей, похитивший царевну, — Дракон!*

Проекция на дочь личности и судьбы матери отмечается и в цикле «Але» 1914 г. (*Ты будешь, как я — бесспорно — И лучше писать стихи...; Моя несчастная природа В тебе до ужаса ясна: В твои без месяца два года — Ты так грустна*), но в стихотворении 1916 г. «Канун Благовещенья...» представлена негативная оценка собственной деятельности (*От словесной храни — пышности, Чтоб не вышла как я — хищницей, Чернокнижницей*), что, вероятно, связано с представлением в этом стихотворении «церковно-московского» лика «я»-субъекта. В 1916 г. в стихотворениях, адресованных дочери, появляется четко выраженная локальная характеристика: *С кремлевских высот Наблюдаешь ты Ледоход; Ты созерцаешь — Кремль («Четвертый год...»), Надо всей Москвой... Возношу тебя... («Облака — вокруг...»)*. Стихи к дочери вплетаются в ткань «московского текста» М. Цветаевой; в стихотворении «Облака — вокруг...», открывающем цикл «Стихи о Москве», Цветаева символически «венчает на царствие» маленькую Ариадну:

В дивном граде сем,
В мирном граде сем
.....
Царевать тебе, горевать тебе,
Принимать венец,
О мой первенец!
.....
Будет твой черед:
Тоже — дочери
Передашь Москву
С нежной горечью.

В стихотворении «Але» 1917 г. («А когда — когда-нибудь — как в воду...»), написанном год спустя, «наставление» дочери дается прямо противоположное — это призыв поддаться земным соблазнам: *Знай одно: что завтра будешь старой. Пей вино, правь тройкой, пой у Яра, Синеокою цыганкой будь. Знай одно: никто тебе не пара — и бросайся каждому на грудь.* Очевидно, что это отзвуки «цыганского» дискурса, вплетавшегося в многоголосие Цветаевой второй половины 10-х годов.

В 1918 г. Цветаева уже не берется предсказывать будущее дочери и не проецирует свою судьбу на нее. Судьба дочери осознается в контексте судьбы России: *Сивилла! — Зачем моему Ребенку — такая судьбина? Ведь русская доля — ему... И век ей: Россия, рябина...* (цикл «Але», 1918). Отметим появление в этот период абстрагированных номинаций — ребенок, дитя, первенец: *Мой первенец светлый и страшный*; позднее слово «дитя» появится и в «Стихах к сыну» с тем же значением абстрагированности. Слово «первенец» не имеет грамматической параллели женского рода, что связано, видимо, с патриархальной моделью семьи, где первородство для женщин не было релевантным признаком. В приведенном выше контексте значимым представляется сведение форм местоимений мужского и женского рода для обозначения одного и того же лица: *Ведь русская доля — ему... И век ей...* Эта гендерная игра на языковом уровне также находит параллель в чрезвычайно популярной в Серебряном веке мифологии андрогина, сама же Цветаева часто наделяла Алю ролью «принца» (ср. «Принц мой приютский» из стихотворения «В темных вагонах...», 1919).

А в страшном 19-м году Цветаева прямо пишет: *Разлетается в ладан сизый Материнская антреприза!* «Материнская антреприза» (антреприза — частное зрелищное предприятие: цирк, театр), безусловно, является признанием в «срежиссированности», смоделированности детской судьбы, но существует еще «контекст реальности», из которого собственно слово попало в стихи: 26 августа 1919 г. был опубликован декрет СНК «Об объединении театрального дела» за подписью Ленина: в рамках политики «военного коммунизма» (1918–1921) и всеобщей национализации зрелищные предприятия также становились сугубо государственными, т.е. *антреприза* уходит как понятие вслед за своим денотатом. Первыми были национализированы оба московских цирка — цирк Саламонского на Цветном бульваре и цирк Никитиных на Садовой-Триумфальной (рядом — дом Цветаевой в Борисоглебском, 6), в октябре 1919 г. уже открывшиеся как государственные (ср. начало цитируемого стихотворения: *Ни кровинки в тебе здоровой, Ты похожа на циркового*).

В стихах 1919 г. Цветаева предстает предельно откровенной, отбросившей маски и роли: *Я люблю тебя как сына. Всей мечтой своей довлея, Не щадя и не жалея*, и прямо пишет о том, что лучше было бы дочери не родиться в это страшное время: *Первенец мой крутолобый! Вместо всей моей учебы — Материнская утроба Лучшие — для тебя была б* («Упадешь — перстом не двину...», цикл «Але», октябрь 1919). Такое признание, по сути, является отрицанием какого бы то ни было будущего.

Появлению второй дочери — *Ирины* (1917–1920) — в стихах предшествует сын. Начиная с 26 августа 1916 г., когда Цветаева, видимо, уже знала о будущем своем ребенке; стихотворением «И поплыл себе — Моисей в корзине!..» открывается тема сына. А.А. Саакянц, комментируя стихотворение «На завитки ресниц...», заканчивающееся строкой «Все шептать над ним это странное слово: — Сын!», написала: «Уже знала, вероятно, Марина Ивановна о том, что должна вновь стать матерью; много лет спустя, переписывая набело перед возвращением на родину свои “молодые” стихи, она записала в тетради: “Вдоль всей книги — иступленная мечта о сыне”» [Саакянц 1997: 104]. Можно сделать предположение, что Цветаева догадалась о своем положении раньше — 2 августа она пишет: *Не моя печаль, не моя забота, Как взойдет посев, То не я хочу, то огромный кто-то: И ангел и лев*. В этом же перинатальном контексте стихотворение «Мировое началось во мгле кочевье...» (январь 1917) метафорически может указывать на шевеление плода (*Мировое началось во мгле кочевье: Это бродят по ночной земле — деревья, Это бродят золотым вином — грозди, Это странствуют из дома в дом — звезды, Это реки начинают путь — всять!*), а «странствующие из дома в дом звезды» (аллюзия на Вифлеемскую звезду и Рождество) из этого стиха вновь появляются буквально перед родами, 9 апреля 1917 г.: *Научила я друга... как звезды ходят из дома в дом* — в стихотворении «Во имя Отца и Сына и Святого Духа...» (*Во имя Отца и Сына и Святого Духа — Отпускаю ныне Дорогого друга Из прекрасной пустыни — в мир*).

Действительно, создается впечатление, что если Ариадна — амбициозный проект, то сын для Цветаевой — сверхзамысел, человеческий и одновременно поэтический, переданный ей по наследству от матери, Марии Александровны Мейн, мечтавшей о сыне Александре; сверхзамыслу суждено было воплотиться в 1925 г. рождением Георгия Эфрона. Слово «сын» стойко удерживается в стихах Цветаевой (в различных контекстах) на протяжении всего срока беременности: *Кто же думает о каком-то сыне В восемнадцать лет!* («И поплыл себе — Моисей в корзине!..», 26 августа 1916), *Все шептать над ним это странное слово: — Сын!* («На завитки ресниц...», 29 августа

1916), *Только в сказке — блудный Сын возвращается в отчий дом* («И не плача зря...», 10 октября 1916), *В черную полночь, под пологом древних ветвей, Мы вам дарили прекрасных — как ночь — сыновей...* («Милые спутники, делившие с нами ночлег!...», 29 января 1917), *У камина, камина Ночи коротаю. Все качаю и качаю Маленького сына.* <...> *Позабыл отец твой милый О прекрасном сыне* («У камина, у камина...», 2 февраля 1917, Сретение), *Уж и лед сошел, и сады в цвету. Богородица говорит сынку: — Не сходить ли, сынок, сегодня мне В преисподнюю?* («Уж и лед сошел, и сады в цвету...», март 1917). И уже после рождения дочери: *Человеку надо — сына* («Люди спят и видят сны...», 22–27 июня 1917).

И когда в 1919 г. в Кунцевском приюте перед лицом уже надвинувшейся катастрофы Цветаева пишет стихи сыну: *В темных вагонах На шатких, страшных Подножках, смертью перегруженных, Между рабов вчерашних Я все думаю о тебе, мой сын, — Принц с головой обритой!* — это выглядит даже не мечтой о будущем сыне, это, скорее, визионерство о неродившемся, вместо которого родилась Ирина. По некой иронии у младшей сестры Цветаевой, Анастасии, рождаются как раз сыновья, более того — второй сын Алексей, скончавшийся в июле 1917 г. в годовалом возрасте, появился на свет в июне 1916-го вместо ожидаемой дочери *Ирины* («Это будет девочка, говорю я, Ирина!», — пишет Анастасия Цветаева [Цветаева А. 2005: 605, см. также 609]). Разница между Ириной-Алексеем и Ириной Цветаевской (Эфрон) была менее чем 10 месяцев. В записях Цветаевой 1916 г. есть и выписка из святцев на март, на предполагаемые даты рождения: «17го — на Алексея с гор вода. 25го — третья встреча весны» [Цветаева 2000–2001: I, 145]. Так что Ирина, в свою очередь, могла оказаться и Алексеем.

По нашей гипотезе, эта ситуация закодирована в новелле «Шарлоттенбург» из цикла «Отец и его музей» (1936). Девочки Марина и Ася, сопровождавшие отца по делам будущего музея, на складе гипсовых слепков (в «заколдованном царстве») выбирают себе в подарок скульптуру.

Наконец вопль Аси:

— Есть! Кажется, мальчик!

Полная ревнивого любопытства, я бы помчалась на ее голос, но не очень-то тут помчишься. Пробираюсь, даже протискиваюсь.

Действительно, мальчик. Наш сверстник, даже, пожалуй, моложе — и с нашей челкой на лбу. Не статуя, не торс — голова. <...>

Не успеваю скрыться в дебрях человеческих окаменелостей, как снова — зов.

— Еще нашла! Опять мальчик!
 Подхожу, и, взглядевшись:
 — Никакой это не мальчик.
 — Мальчик!
 — Говорю тебе — не мальчик.
 — Ну, знаешь, ты с ума сошла, если считаешь это — девочкой!
 — А я и не говорю, что девочка. Скорее — ангел.
 — А крылья?
 — Значит — греческий ангел. Или римский. Во всяком случае — не человеческий мальчик.
 — Человеческий — не человеческий, зато у меня их два, а у тебя — ничего. (Подчеркнуто мной. — И.Б.)

Затем Марина обнаруживает Амазонку (ср.: *Ты будешь невинной, тонкой... Пленительной амазонкой, Стремительной госпожой*) — «свою, предначертанную», найти которую «не менее трудно, чем найти жениха», и прихватывает «первую попавшуюся», которая оказывается потом не кем иным, как Аспазией [Цветаева 1994–1995: V, 171–173].

Возвращаясь к Ирине, остановимся на двух стихотворениях, написанных при ее жизни и вошедших в книгу «Лебединый стан»: «Под рокот гражданских бурь...» и «Колыбель, оваянная красным!...» (оба написаны 8 сентября 1918 г.). Книга «Лебединый стан» писалась как поэтический дневник событий 1917–1920 гг., но стихи, посвященные Ирине, это скорее не стихи о конкретном ребенке, а декларация монархических взглядов Цветаевой:

Отыйди, отыйди, Враг!
 Храни, Триединый,
 Наследницу вечных благ
 Младенца Ирину!

(«Под рокот гражданских бурь...»)

Гром солдат — вдоль храмов — за вечерней...
 А ребенок вырастет — прекрасным.

С молоком кормилицы рязанской
 Он всосал наследственные блага:
 Триединство Господа — и флага.
 Русский гимн — и русские пространства.

(«Колыбель, оваянная красным...»)

Триединство недвусмысленно отсылает к знаменитой монархической триаде. Таким образом, и этот прогноз относительно дочери не сбился, т.к. не был в полном смысле даже моделированием судьбы, как в случае Ариадны, а служил манифестацией актуальной на тот момент для Цветаевой позиции.

Позднее, в 1938 г., когда Цветаева переписывала стихи для оставляемого в эмиграции архива, она ввела после двух стихотворений, посвященных Ирине, такую паратекстовую помету: «(Моя вторая дочь Ирина — родилась 13-го апреля 1917 г., умерла 2-го февраля 1920 г. в Сретение, от голода, в Кунцевском детском приюте.)» [Цветаева 194–1995: I, 426].

После смерти младшей дочери Цветаева окончательно утверждает в своей цели воплотить «сверхзамысел», и буквально одновременно с известным реквиемом дочери «Две руки, легко опущенные...» она пишет стихотворение «Сын» (оба произведения датированы «Пасхальной неделей 1920»):

Так, выступив из черноты бессонной
Кремлевских башенных вершин,
Предстал мне в предрассветном сонме
Тот, кто еще придет — мой сын.

(«Сын», Пасхальная неделя 1920)

Это стихотворение абсолютно визионерское и пророческое (*Остолбеневши от такого света, Я знаю: мой последний час! И как не умереть поэту, Когда поэма удалась!*), вплоть до внешнего облика сына, родившегося спустя пять лет: *Глаза блистают сталью, Не улыбается твой рот. <...> Славянской скуки Ни тени — в красоте твоей.*

Ожидание сына озаменовано циклом «Под шалью» (строка из которого вынесена нами в заглавие статьи), торжество воплощения замысла сопровождается желанием «взять реванш»: *Над колыбелью твоею нищей Много, многое с Бога взываем: Сроков и соков и лет и зим — Много! а больше еще — простим. <...> Лишь бы дожидаться тебя, да лишь бы... Много, многое станет лишним. <...> Все недавшее — моим!*

Рождение сына *Геorgia* (1925–1944), Мура, также поначалу обрастает своей мифологией (он — *Sonntags-kind*, дитя, родившееся в воскресенье и знающее язык деревьев, птиц, зверей; наполеонид; в момент рождения взорвался газ, и ребенок предстал в пламени и т.д.), погруженной, к тому же, в контекст переписки с Борисом Пастернаком. Но 1930-е годы не отличались стабильностью и спокойствием

вообще в Европе, а для семьи Цветаевой, большинство членов которой рвались в СССР, это время стало подготовкой к последнему акту семейной катастрофы. В 1932 г. Цветаева создает «охранную грамоту» сыну — цикл «Стихи к сыну»: *Соляное семейство Лота — Вот семейственный ваш альбом! Дети! Сами сводите счета С выдаваемым за Содом — Градом. С братом своим не дрались — Дело чисто твое, кудряш!*

Двусмысленность облика «своей страны» (*Ни к городу и ни к селу — Езжай, мой сын, в свою страну, — В край — всем краям наоборот! — Куда назад идти — вперед Идти...*) усиливается сопоставлением этого цикла с написанным незадолго стихотворением: — *Насмарку твой стих! На стройку твой лес Столетний! — Не верь, сын! И вместо земных Насильных небес — Небесных земель Синь*, где «земные насильные небеса» вполне могут прочитываться как эвфемизм Страны Советов. Прошлое и будущее предстает как противопоставление историческое: *Русь — прадедам, Россия — нам, Вам — просветители пещер — Призывное: СССР*. При этом цикл развернут в публицистическую плоскость, и обращение к «детям» это скорее обращение не к 7-летнему Муру и его сверстникам, а к юношам и подросткам, первому поколению «детей», родившихся в эмиграции: *В сиротские пелеринки Облаченные отродясь — Перестаньте справлять поминки По Эдему, в котором вас Не было!*

Мур все же определяется как «дитя Руси» (ср.: *Я, что в тебя всю Русь Вкачала — как насосом*): *Руси не видывавшее Дитя мое... Мое? Ее — Дитя!* Здесь мы снова обнаруживаем переход к отчуждаемо-абстрактному имени среднего рода *дитя* (как и в стихах к Ариадне 1918 года), и в этом максимально напряженном фрагменте Л.В. Зубова видит «отказ от права определять судьбу сына своей судьбой» [Зубова 1989: 95]. Действительно, в третьем стихотворении цикла будущее сына определяется апофатически, через отрицание недолжного: *Не быть тебе нулем Из молодых — да вредным! Ни медным королем, Ни попросту — спортсмедным Лбом, ни слепцом путей, Коптителем кают, Ни парой челюстей, Которые жуют <...> Не быть тебе буржуем. Ни галльским петухом, Хвост заложившим в банке, Ни томным женихом Седой американки...* Цветаева, отказываясь от прогнозов, тем не менее точно знает, от чего должна уберечь сына: *Кем будешь — Бог один... Не будешь кем — порукой — Я, что в тебя — всю Русь Вкачала — как насосом! Бог видит — побожусь! — Не будешь ты отбросом Страны своей*. Можно видеть, что судьба сына моделируется исходя из «идеологической» установки.

А в середине 30-х гг. будущее Георгия, видимо, уже не представляется Цветаевой таким триумфальным, как мечталось до его

рождения, и «материнская антреприза» опять оказывается несостоятельной:

И если в сердечной пустыне,
Пустынной до краю очей,
Чего-нибудь жалко — так сына, —
Волчонка — еще поволчей!

(9 января 1935)

«Сверхзамысел», «поэма» Цветаевой, Георгий Эфрон погиб в 1944 г. в Белоруссии. Не сбылись и цветаевские предсказания по поводу «внуков» — в цикле «Бабушка» 1919 г. («Когда я буду бабушкой...», «А как бабушке...») гипотетическим внукам даны конкретные имена: Марина и Егорушка (*Вы ж, ребрышко от ребрышка, Маринушка с Егорушкой, Моей землицы горсточку Возьмите в узелок*). Внук Егорушка — вариант мечты о сыне, о мужской ветви собственной семьи, в конце концов именно это имя (в варианте Георгий) и было дано сыну. А гипотетическая внучка носит имя «бабушки» — Марина. К сожалению, реальность подкорректировала поэтические предсказания М. Цветаевой, и семейная матрица дала сбой, но потомки Цветаевой безусловно состоялись как поэтические персонажи.

ЛИТЕРАТУРА

- Зубова 1989 — Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой: Лингвистический аспект. Л.: Издательство ЛГУ, 1989.
- Петкова 1999 — Петкова Г. Между текстом жизни и текстом литературы // Борисоглебье Марины Цветаевой. Шестая цветаевская межд. научно-тематическая конф. (9–11 октября 1998 г.). Сб. докладов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 1999. С. 96–102.
- Саакянц 1997 — Саакянц А.А. Марина Цветаева: Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1997.
- Цветаева А. 2005 — Цветаева А.И. Воспоминания. 6-е изд., исправл. и доп. М.: ИзографЪ, Дом-музей Марины Цветаевой, Издат. дом «Журналист», 2005.
- Цветаева 1994–1995 — Цветаева М.И. Собр. соч. В 7 т. / Сост., подгот. текста и коммент. А.А. Саакянц, Л.А. Мнухиной. М.: Эллис Лак, 1994–1995.
- Цветаева 2000–2001 — Цветаева М.И. Неизданное. Записные книжки. В 2 т. / Сост., подгот. текста, предисл. и примеч. Е.Б. Коркиной и М.Г. Крутиковой. М.: Эллис Лак, 2000–2001.

Л.В. ЗУБОВА

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Начиная стихотворение, поэт, как правило, не знает, чем оно кончится, и порой оказывается очень удивлен тем, что получилось, ибо часто получается лучше, чем он предполагал, часто мысль его заходит дальше, чем он рассчитывал. Это и есть тот момент, когда будущее языка вмешивается в его настоящее.

(Иосиф Бродский)

Поэзия — не только специфическое средство отражения и познания действительности, но и средство создания особого мира сущностей, отношений, представлений. Именно поэтому в поэзии оказываются максимально востребованными потенциальные свойства языка.

Современная поэзия (начиная со 2-й половины XX века), ориентированная на свободу языковых экспериментов, во многом противостоит стандартам мировосприятия, которые диктуются привычными языковыми структурами, предсказуемостью лексических и грамматических связей в речи и тексте. Поэты нередко отказываются от привычных представлений, диктуемых языковыми формулами, и устанавливают новые смыслы, например: *Будущее не наступает. / Оно отступает. / Прошлое не отступает. / Оно наступает* (Леонид Виноградов. «Будущее не наступает... »).

Общеизвестно, что люди старших поколений больше вспоминают о прошлом, чем вспоминали о нем раньше. В общеязыковых глагольных метафорах *наступает* и *отступает* представлена модель

Пути. Автор, сохраняя слова, преобразует модель пути в модель Традиционного времени: «В модели Традиционного пути люди идут по следам своих *пред-шественников*: они обращены лицом в прошлое. Они *след-уют* за своими *пред-ками* и на-след-уют их формы жизни. Человек идет в освещенное прошлое, а не в затемненное будущее» [Арутюнова 1997: 55]. Действительно, «будущего у субъекта тем меньше, чем больше возраст субъекта, тогда как прошлого тем больше, чем больше возраст субъекта. [...] У ребенка почти все будущее, очень мало прошлого; у старика — наоборот» [Брагина, Доброхотова 1988: 142].

Противоречие между моделью Пути и Традиционной моделью времени делает метафорические глаголы *отступать* и *наступать* потенциально энантиосемичными, что наглядно представлено в стихотворении Л. Виноградова и подтверждает тезис Н.Д. Арутюновой: «Таким образом, претензии человека на свободное строительство жизни и совместное с временем движение вперед обернулись концептуальными неполадками. Они повлекли за собой противоречия в употреблении слов времени. Лежащие в их основе пространственные значения последовательны, производные от них временные значения противоречивы» [Арутюнова 1997: 60].

Сентенция *Дети — наше будущее* опровергается текстом, снижающим пафос оптимистической абстракции: *Не дети / наше будущее. / Старики* (Герман Лукьянов. «Не дети...»). В отличие от расхожего выражения, высказывание Г. Лукьянова сохраняет единство субъекта, и при этом слово *будущее* приобретает смысл, противоположный тому, который содержится в языковом клише. То есть и само понятие «будущее» предстает противоречивым. А о потенциальной энантиосемии слова *старый* пишет А.Д. Шмелев: «Можно сказать, что с течением времени *старое* сменяется *новым*, а *молодое* становится *старым* — тем самым понятие ‘старое’ может относиться как к более *раннему*, так и к более *позднему*» [Шмелев 2002: 322].

Поэты демонстрируют противоречивость темпоральной лексики оксюморонами: *ведь год — не время / и не лишь кусок луча, / а только стремя, / когда века во весь опор звучат. / и мчится сам воз-дух будуще-старинный¹, / и над огнем не ночь, а призрак фонариный* (Владимир Казаков. «Вот поцелуй на мосту...»); *Не могу, и нищ и слеп, / здесь под куполом всевышним / продавать слепым и нищим / свой товар — как он нелеп! — / завтрашний вчерашний хлеб* (Олег Хлебников. «Абстиненция»).

¹ Здесь и далее выделение полужирным шрифтом анализируемых фрагментов текста мое. — Л.З.

В обоих текстах прилагательные употреблены как дейктичные слова (шифтеры в терминологии Р. Якобсона)²: 'сейчас этот воздух будущий, а потом он станет старинным', 'сегодня этот хлеб завтрашний, завтра он будет сегодняшним, а послезавтра вчерашним'. Дейктичность таких слов тоже обнаруживает энантиосемические потенции.

В лексико-грамматических оксюморонах темпоральные показатели высказываний приходят в противоречие с глагольными формами: *Ниже, чем сейчас жуужжал / шмель, я слышу воркованье. / Кто-то завтра уезжал, / кто сегодня расставался* (Надя Делаланд. «Паровозопоезд — ту-у-у!..»); *За что она всплывает и плывет / и опрессияет водоем слезами, / за то, что в прошлом дочь свою убьет / (не сына — дочь, но это между нами)* (Виталий Кальпиди. «И плавала Офелия...»)³.

В стихотворении Н. Делаланд на будущее указывает наречие времени, а в стихотворении В. Кальпиди — глагол. Фрагмент из стихотворения В. Кальпиди организован весьма сложно. Нестандартным глагольным управлением первой строки автор говорит о причине как о вине (регенерируя былую синонимию этих слов). Это приводит к тому, что глаголы настоящего времени приобретают не свойственное им перфектное значение: слова *всплывает и плывет* означают 'наказана', но семантическая перфектность парадоксальным образом представлена как наглядное состояние с интенцией к обобщению: 'произведения Шекспира вечны, события, изображенные им, а также причины и следствия этих событий не ограничены временем'. Здесь еще интересно то, что В. Кальпиди изображает будущее как известное (состоявшееся), которое будет повторяться. В этом смысле можно было бы говорить о такой грамматической метафоре, которая называется будущим нарративным. Однако нарративная линейность резко нарушается темпоральным показателем *в прошлом*.

Лексико-грамматические аномалии, связанные с дейксисом и таксисом⁴ в этих и многих других текстах, указывают на подвижные

² Дейктичные слова — указательные, их смысл в высказывании зависит от конкретной ситуации.

³ Подобный аграмматизм в поэзии встречается часто. Некоторые примеры подобного аграмматизма имеются в статье Н.А. Николиной: *Я нашелся однажды завтра* (С. Кирсанов); *Пойду куда-нибудь вчера* (И. Холин) [Николина 2006: 133].

⁴ Дейксис указывает на отношение элементов высказывания к говорящему или к ситуации, а таксис — на действие или состояние по отношению к другим действиям или состояниям, содержащимся в высказывании.

и множественные точки отсчета относительно момента речи. Взгляд на ситуацию из настоящего, прошлого и будущего предстает расфокусированным, и таксис часто невозможно отделить от дейксиса. Скорее всего, в таких случаях представлен не столько таксис, сколько, по терминологии А.В. Бондарко, многоплановая темпоральная ситуация⁵.

Следующий пример интересен тем, что средством указания на разные временные планы являются не глаголы и не наречия времени, а существительные: *Мать говорит: / — Ну что же ты, безобразник! / На тебе, / На тебе, / На тебе, / На! — / Но это не мать, а жена, / Трясет, на работу будит. / И даже еще не жена, / А то, что еще когда-то женою будет* (Олег Григорьев. «Лента Мёбиуса»).

В этом тексте сон отнесен к прошлому, а повествование ведется в настоящем времени. Для момента речи актуально слова *жена*. Для момента действия — *не жена, а то, что еще когда-то женою будет*. Но знание об этом прошлом не принадлежит. Слова *даже еще, еще когда-то* — это интенсификаторы временной отдаленности разных состояний, и вместе с тем именно эти слова характеризуют знание, свойственное моменту речи. Возможно, что это описание сновидения говорит о том же, о чем сказано у Павла Флоренского: во сне время идет «выворачиваясь через себя самого», оказывается «обращенным от будущего к прошедшему, от следствий к причинам», т.е. ирреальное время оказывается противоположно направленным по отношению к реальному. Например, человек посыпается от хлопка двери, а перед пробуждением видит во сне действия и события, которые заканчиваются выстрелом [Флоренский 2001: 524–528].

Б.А. Успенский объясняет явление, описанное Флоренским, семиотической отмеченностью запомнившихся эпизодов сна: в памяти остается только то, что важно, что имеет результат [Успенский 1994: 21]. В стихотворении О. Григорьева такой семиотической отмеченностью обладают понятия «мать», «невеста», «жена».

Любопытно, что в сочетаниях *даже еще* и *еще когда-то* слово *еще* имеет противоположные значения 'пока' и 'потом'. Такой запутанный временной порядок, при котором событийная последовательность находится в противоречии с перцептивной, предстает изобразительным по отношению к заглавию стихотворения «Лента Мёбиуса»: лента Мёбиуса является геометрической моделью совмещения внутренней и внешней сторон плоскости. Примечательно, что

⁵ «Если нет того целого, в рамках которого могут устанавливаться временные отношения между действиями, то нет и этих отношений, нет таксиса» [Бондарко 2001: 238].

свойства пространства находят в стихотворении О. Григорьева вербальное соответствие в темпоральных категориях. Стихотворение напоминает и о теории З. Фрейда, согласно которой человек в своем подсознании идентифицирует мать и жену.

Следующие два примера демонстрируют такую динамику событий, в которой обозначение будущего предшествует обозначению прошедшего и настоящего: *мгновенье сады зашумят зашумели / густые шмели загудят загудели / постели пустыни пустые пустели / мгновенье скворцы прилетят прилетели* (Дмитрий Строчев. «мгновенье сады зашумят...»); *Я со всей раскрытой грудью, / Я со всей грядущей смертью / В губы мягко поцелую / И — пропал — и пропадаю* (Владимир Кучерявкин. «Снег мне падает в лицо...»).

У Д. Строчева в тексте без знаков препинания, но с увеличенными пробелами между всеми словами имеется своеобразная ретардация повествования: в таком пространстве текста замедленное время высказывания противостоит убыстренному времени, маркированному близким контактом глаголов при отсутствии каких-либо темпоральных показателей.

В стихотворении В. Кучерявкина столкновение форм разного вида (при последовательности от совершенного к несовершенному) и, соответственно, будущего, прошедшего и настоящего времени изображает продолжение процесса после его завершения (ситуация отнесена к будущему времени). Лирическое напряжение создается тем, что актуализированная процессуальность приводит к буквальному прочтению двух языковых метафор-гипербол: метафора *пропал* — грамматическая (прошедшее в значении будущего) и лексическая одновременно (речь идет не об исчезновении, а, в данном случае, об интенсивном ощущении бытия). Последовательность форм времени можно понимать так: 'я знаю, что произойдет, чувствую это как уже происшедшее и как происходящее сейчас'. Смещенная последовательность форм времени связана в стихотворении В. Кучерявкина со столкновением их прямых и переносных значений.

В следующем стихотворении наблюдается грамматическая аномалия, связанная с формообразовательной флексией причастия: *О жизни будущего века — / на языке веков минувших... / О паюсная абевега / столетий, плавником блеснувших, / о путь от берега до берега / как от порога до порога!.. / О жизни будущего века / я знаю много меньше. Много* (Вера Павлова. «О жизни будущего века...»).

Оксюморон-анахронизм *будущего* основан на том, что прилагательное с архаическим окончанием помещено в контекст о будущем. Мы видим, что и таким способом автор создает образ циклического времени, наряду с утверждением *О жизни будущего века — на языке*

веков минувших. В предпоследней строке стихотворения форма *будущего* написана по современной орфографии, и противопоставление *будущаго* — *будущего* здесь важно для восприятия смысла стихотворения. Но пониматься эта антитеза может по-разному, поскольку в стихотворении до самой последней строки нет ни одного глагола: автор сам хочет говорить *О жизни будущаго века* — на языке веков минувших или он читает предсказания, предположения, мечты в старых книгах? При первом варианте прочтения форма *будущаго* отнесена ко времени настоящему или прошедшему для субъекта высказывания, при втором — к будущему времени в его циклическом восприятии.

В конце стихотворения слово *много* сначала употреблено как наречие степени (обратим внимание на оксюморон *много меньше*), затем — одновременно и как количественное наречие, и как наречие степени. При этом усилительная семантика наречия степени дублируется лексическим повтором.

В следующем контексте представлена аномалия, связанная с глагольным видом в форме будущего времени: *Только если нас в роце оставить вдвоем, / то за сказанным нам разговором / не заметим, как осенью часто умрем / и посмотрим на Бога с укором* (Андрей Поляков. «Прощание»).

Сочетание *осенью часто умрем* допускает несколько толкований. Во-первых, оно представляет собой результат свертывания предполагаемого высказывания *как это часто бывает осенью, мы умрем*, при этом остается неопределенность: слово *умрем* здесь метафорически обозначает полную захваченность любовью или, наоборот, конец любви? Общеязыковой символ осени как прекращения или замирания жизни побуждает предпочесть второй смысл. Во-вторых, наречие *часто*, в норме требующее несовершенного вида глагола, позволяет воспринимать как таковой и глагол *умрем*, и тогда в контексте с образом забвения времени (*не заметим, как*) иконически устраняется разница не только между видами, но и между настоящим и будущим временем реальности. Слово *умрем* в этом тексте может быть прочитано и не метафорически, а буквально, как цитатный элемент чужой речи: «конечно, известно, что все мы умрем, но для нас, влюбленных, этого представления не существует»⁶. При всех возможных толкованиях аграмматизма *часто умрем* глагол становится выразителем синкретичного настоящего-будущего времени, как в древнерусском языке. Неотчетливость (она же и синкретичность) вида и времени ретроспек-

⁶ На возможность такого понимания аграмматизма указала Е. Вежлян.

тивно затрагивает и слова *не заметим*, архаизируя глаголы, что вполне органично для образов умирания⁷.

У того же автора есть стихотворение, в котором будущее сложное время образуется с глаголом совершенного вида: *О, соберемся попить с кольцами или друзьями! / Лысые юноши, эй, влезьте на стулья верхом! / Музы-кормилицы грудь будем нащупать губами: / Душу и я разведу крепким ее молоком...* (Андрей Поляков. «Хозэфоры»).

Образы античности мотивируют языковую архаику в этом тексте. Нормативная необходимость несовершенного вида инфинитива дает основание воспринимать здесь глагол *нащупать* как двувидовой. Но контекстуально двувидовым глаголом его можно считать на уровне синхронии, а диахронически он мог бы быть интерпретирован как вневидовой. Вызывающая неправильность конструкции *будем нащупать* соотнесена в тексте с образом грудного младенца, которого муза кормит молоком (вспомним фразеологизм *впитать с молоком матери*). В таком случае сочетание *будем нащупать губами* может быть воспринято как имитация неправильной детской речи (когда *только мерцают слова, путь выстилая словами*). Но в тексте все же говорится о взрослом человеке (поэте, в состоянии вдохновения впадающем в младенчество). Направленность от взрослого состояния к младенческому дает представление о циклическом времени, как и во многих ранее рассмотренных примерах.

Аномалии глагольных форм в сослагательном наклонении маркируют языковой конфликт, заложенный в нормативной грамматике. В норме действие или состояние, отнесенное к гипотетическому будущему, обозначается с помощью формы прошедшего времени (*сказал бы*). Поэты вместо форм прошедшего времени употребляют формы будущего: *Высокий чиновник Небесной управы / базар не фильтрует. / Зачем бы он станет следить за базаром, / ведь он за базар не ответит* (Владимир Строчков. «Ориентации /из неизданного То Сё/»); *Вот так, без слов, я выйду бы во двор, / Пока темно, пока не поздно. Рано. / И выдохну тебе в лицо всю прану / дыхания, закончив разговор* (Надя Делаланд. «Есть много слов, чтоб их сказать тебе...»).

Подобное явление встречается и в придаточных предложениях цели: *Двое было нас, меня и брата. / Показанья дали на меня. [...] Огла-*

⁷ Архаизация языка прямым образом связана с темой смерти — и потому, что сознание представляет ее себе как вечный покой, и потому, что смерть архетипически интерпретируется как возвращение к предкам, а значит, и к их языку, и потому, что представление о потустороннем мире в современной русской культуре связано с библейскими образами и символами, а следовательно, и с языком Библии.

силы, перепроводили — / И встречай, широкая страна! // После я кричал тому водиле, / Он держался, словно ни при чем: / Дескать, нас затем сюда родили, // **Чтобы мы ее пересечем!** /...И смотрел он на дорогу волком, / Огрызаясь перед кумачом (Мария Степанова. «Беглец»).

В таких случаях поэты, употребляя форму будущего времени вместо прошедшего, устраняют противоречие между отнесенностью действия к еще не наступившей реальности и грамматической формой прошедшего времени.

Можно предположить, что в аномальных конструкциях с частицей *бы* наблюдается явление, противоположное архаизации форм, а именно, преодоление имплицитной архаики, заложенной в нормативных конструкциях (частица *бы* восходит к аористу). Б.А. Успенский так объяснял логику нормативного грамматического алогизма в сослагательном наклонении: «...это как бы предполагает отсылку к прошлому, предшествующему состоянию, в перспективе которого то, о чем говорится в сослагательном наклонении, представлялось возможным» [Успенский 1994: 40].

Во всех примерах с частицей *бы* аграмматизм мотивирован контекстом: в стихах В. Строчкова и М. Степановой имитируется социальное просторечие, в стихах Н. Делаланд изображается косноязычие внутренней речи в измененном состоянии сознания — любовном психологическом напряжении.

В стихотворении А. Левина можно наблюдать не только употребление, но и контекстуальное сгущение действительных причастий будущего времени, запрещенных нормативной грамматикой: *Вот я — пойдущий и найдущий. / Вот я — дорогу перейдущий. / Не то в грядущее бредущий, / не то в бредущее грядущий. // Вот я — мудреных улыбнущий / и удрученных рассмеящий, / одних язвительно споткнувший, / других наивно обаящий. // Вот я — упавший, но встающий, / не выносимый, но вносимый, / и звуки чудны раздающий / из тьмы и тьмы неугасимой, // такой непьющийся поющий, / такой трудящийся беспечный, / я — постоянный и уйдущий, / я — остающийся навечно. // Вот я — пропевшийся, охрипший. / Вот я — заговоривший снова. / Такой вот памятник воздвигший... / Такой, блин, памятник херовый!* (Александр Левин. «Памятник»). Форма *упавший* побуждает по-новому взглянуть на нормативное слово *пропащий*. Ведь оно отнесено к будущему времени: *пропащий* — тот, от кого не ожидается ничего хорошего.

Подобные примеры встречаются и у других авторов: *осклизлой кладбищенской жижи / засыплющей вскорости лоб* (Виктор Куллэ. «Когда осознаешь, что пространство...»); *уже не скажущему уже* (Игорь Булатовский. «Хоть говорящему еще...»).

Причастия будущего времени заполняют заметную грамматическую лакуну⁸ и осуществляют возможность, свойственную прошлому состоянию русского языка [Кузьмина, Немченко 1982: 290]. Стихотворение А. Левина «Памятник» пародийно воплощает сразу две лингвистические мечты М. Эпштейна: о причастиях будущего времени [Эпштейн 2000] и лексически не ограниченной переходности глаголов в русском языке [Эпштейн 2005]. Следует признать, что в разговорном языке причастия будущего времени востребованы значительно больше, чем позволено нормой [Шаповал 2000; Радбиля, 2008: 225; Холод 2008: 277–280]. Статью, озаглавленную «Нарисующему домик — приз», В. Шаповал заканчивает словами: «Возможно, что феномены, подобные рассмотренным, в силу их формальной, внешней правильности окажутся *войдущими* в региональные нормы. Но лингвисту, *пожелающему* проверить этот прогноз, можно “по-советовать” только долгожительства и долготерпения»⁹ [Шаповал 2000], а в статье М. Эпштейна содержится фраза «Я буду благодарен грамматистам, *сумеющим* объяснить, почему так нельзя говорить» [Эпштейн 2000].

Единственно допускаемое нормой причастие будущего времени *будущий* обнаруживает свою уникальность в словообразовательной неологии — при отрицании: *А страшно — поспать на закате / как снят европейцы одни / от письменных танцев Гекате / и гула небудущих книг?* (Андрей Поляков. «Последний поэт / книга воды/»).

У современных поэтов можно наблюдать употребление форм сложного будущего с иными связками, чем глагол *быть*. Связка иметь представлена в таком тексте: *Церковные старосты, цитируя мистиков, / Имеют поймать еретиков с поличным. / Еретики, цитируя тех же мистиков, / Норовят подсыпать старостам в молоко пургену / (Если пост — то молоко, разумеется, соевое)* (Сергей Круглов. «Процесс»).

Здесь архаические формы 1-го сложного будущего времени, преобразованные речью в жеманные кальки с западных языков, включаются с исходным грамматическим значением в церковный контекст, но не исключают при этом иронии. В этом примере из стихов поэта-священника очевидно влияние церковнославянского языка — оно здесь более вероятно, чем влияние английского или других индоевропейских языков.

⁸ См., например, обсуждение этой темы в интернете: <http://forum.gramota.ru/forum/read.php?f=1&i=39989&t=39693>

⁹ Курсив В. Шаповала.

Употребительность таких конструкций в разные периоды развития русского языка можно проиллюстрировать многими примерами: *Еще многое имею сказать вам; но вы теперь не можете вместить* (Евангелие от Иоанна — 16: 12); *Прямый придворный человек имеет быть смел, отважен и не робок, а с государем каким говорить с великим почтением. И возможен о своем деле сам предъявлять и доносить, а на других не имеет надеяться* («Юности честное зерцало»); *Алексей Александрович, оставьте Сережу! — прошептала она еще раз. — Я более ничего не имею сказать* (Л. Толстой. «Анна Каренина»). Зафиксировано и большое количество диалектных примеров со связкой *иметь* в будущем сложном времени [Обнорский 1953: 161]. Вполне вероятно, что конструкции со связкой *иметь* так востребованы в языке (ср. современные полшутливые элементы разговорной речи *я имею тебе сказать; я имею вас пригласить; что вы имеете мне возразить?*), потому что они дают возможность употребить в сложном будущем времени глаголы совершенного вида, запрещенные нормой для конструкций со связкой *быть*. В этом случае глаголы *быть* и *иметь* находятся в отношениях дополнительного распределения.

Связкой становится и глагол *идти*: *Я кричала, молча, грустя и злясь: / посмотри сюда, мне здесь быть нельзя, / но я здесь, я зверь о крылах, жужжащ, / посмотри в окно и не плачь, не плац — / дождь идет пойми, я же жду под дождь — / посмотри в окно, о, чего ты ждешь?* (Надя Делаланд. «Там, в окне твоём...»). Глагол движения в роли связки при оформлении будущего времени напоминает о времени как метафорической модели Пути. Очень вероятно и влияние английского или французского языка на глагольную форму в стихотворении (англ. *it's going to rain*; франц. *il va pleuvoir*).

И у С. Круглова, и у Н. Делаланд ненормативные глаголы-связки значительно актуализированы этимологическим повтором: *имеют поймать, идет пойми*.

В функционально-семантическое поле темпоральности включаются, помимо глаголов, и другие части речи. В современной поэзии встречается много примеров, когда на будущее время указывают существительные и прилагательные с контекстуальной семантикой будущего состояния — такие имена, которые в норме не имеют значения времени: *Покамест я всем детям тетя, / всем баба мужикам. / А буду я всем детям баба, / всем тетка мужикам* (Вера Павлова. «Площадь соловецких юнг»). Здесь противопоставление разновременных ситуаций осуществляется актуализацией полисемии.

Темпоральные значения существительных очень часто связаны с образами смерти (собственно, единственное известное всем буду-

щее и есть смерть): *Ответствуйте! Где все они? Куда / Сокрылись? Где страна, страна чужая, / В которой адресаты без следа / Рассеяны, вестей меня лишая? // О, как они глядели на меня, / Когда ревело мясо, бычьи шкуры / Метались и гремела толкотня / Слепящих туч карающей Пандоры!* (Олег Охапкин. «Возвращение Одиссея»); *рыба, подумав про / свое консервное серебро, // уплывает заранее* (И. Бродский. «Новые стансы к Августе»); *свет звенит над нами ярок / корм резвится в теплой луже / жизнь похоже не подарок / но не жить гораздо хуже* (Алексей Цветков. «Жизнь больному не убыток...»).

В таких перифразах можно видеть и метонимический перенос, основанный не на пространственной смежности, что типично для метонимии, а на временной.

Есть, конечно, примеры и повеселее, однако не без грустно-иронической рефлексии на тему бессмертия во всемирной славе: *Великой назваться ли может страна / с наследьем больным и тревожным, / столица которой была сожжена / каким-то слоеным пирожным?* (Николай Голь. «Тост»); *так вы говорите что трансперсонален / абсентеизм мультимедиа-арта? / быть может хоть я и подумал что сталин / не станет пирожным как буонапарте* (Евгений Бунимович. «Ночной диалог»).

Значение будущего качества приобретают и прилагательные, не имеющие такого значения вне контекста: *эти голые тети и голые дяди / называются ПЛЯЖ, которого ради // эти голые дяди и голые тети / прилетели с нами на самолете // и теперь чередуют два-рубля-койку / с местом под солнцем, постольку поскольку // эти голые дяди и голые тети / обалдели за зиму на работе...* (Евгений Бунимович. «Место под солнцем»).

В этих строчках отчетливо выражен комический эффект: временный атрибут *голые* представлен как постоянный. В данном случае то, что является актуальным для момента речи, не может быть актуальным для момента действия: если обнаженность людей на пляже естественна, то локализаторы *на самолете* и *на работе* переносят названное качество (*голые*) в иное время и пространство, где это качество крайне неуместно. Постоянство атрибута спровоцировано анафорической структурой текста. В актуальном членении первого предложения атрибут *голые* является существенным элементом темы, а в других предложениях он приходит в противоречие с ситуацией.

В современной поэзии есть немало примеров концептуализации понятия «будущее». Она часто осуществляется субстантивацией: *Где-то глубже, под кроватью, / за носками, за душой / ходит маленькое хватит / и спасибо небольшое, / и умеренное будет, / и не-*

крупное довольно. / По ночам они не будят, / но проснешься сам — и больно (Владимир Строчков. «Где-то глубже, под кроватью...»); Сыпучий, зыбучий, дремучий песок / стеклянных и с женщиной схожих часов / сквозь узкую дырочку слова «сейчас» / из «будета» в «было» сползает, сочась / и в «быле» он нас засыпает, / и, высыпавшись, засыпает // А высыпавшись, снова из «будета» вниз / «сейчасом» сочитя, извилист, волнист, / на миг образует намек пирамид, / но тут же растекшись, бывшее хранит / барханами мертвого ила. / Но нас уже нету, где «было» (Владимир Строчков. «Сыпучий, зыбучий, дремучий песок...»).

В первом из этих двух примеров сочетание умеренное будет отсылает к фразеологизированному волеизъявлению: *будет* — ‘хватит, прекрати’. Во втором интересно то, что глагол времени переосмысливается в обозначение пространства: из «будета» вниз.

Иногда субстантивация осуществляется обратным словообразованием: *настанет март как будто мать восстанет / как будто бы как будто будь нагрянет / как будто бы как будто будь НЕ будет / нагрянет с мартом будто с мартом встанет* (Елизавета Мнацаканова. «Из книги “DAS BUCH SABETH”»).

Авторское *будь*, омонимичное повелительной форме, грамматически двусмысленно и в контексте. Слово *будь* у Е. Мнацакановой находится в многократном корневом повторе, а фрагмент *как будто будь НЕ будет* отсылает к разговорной конструкции *была не была*.

У Ю. Мориц концепты «будущее» и «грядущее» подвергаются деконструкции. Авторские неологизмы *Бу* и *Гря* (обрывки слов, написанные с заглавных букв), обозначают бессмысленность исходных идеологем: *Есть хорошие старушки, неплохие старички, / их ряды передовые брали кассу втихаря, / когда массы трудовые и другие дурачки / жили будущим, грядущим, — светлым Бу, цветущим Гря / Бу и Гря, буигря, жутким пламенем горя. [...] Сидит ворон сине-черный, весь ни толстый, ни худой, / и, как всякий тип ученый, он играет на трубе, / а под ним — Дворец Буфетов с Государственной едой, / Где старушки золотые в светлом Г и светлом Б / шлют на всех других старушек свои мысли в КГБ* (Юнна Мориц. «Дворец Буфетов»).

Авторское парное сочетание *Бу* и *Гря*, основанное на синонимии слов *будущее* и *грядущее*, саркастично: оно напоминает пустословие клишированных выражений типа *целиком и полностью*. Значимо также дальнейшее сокращение каждого из исходных слов до одной буквы: *в светлом Г и светлом Б*. Оно соотносено с эвфемистическим буквенным обозначением неприличных слов, и эти буквы объединяются в аббревиатуру *ГБ*, которую Мориц подкрепляет аббревиату-

рой КГБ. Сама незавершенность слов *будущее* и *грядущее*, возможно, указывает на то, что светлое будущее не наступит.

Все рассмотренные эксперименты с обозначением будущего времени подтверждают комплексное восприятие времени в сознании человека, о чем писал Б. Уорф: «И чувственное восприятие, и память, и предвидение — все это существует в нашем сознании вместе» [Уорф 1960: 148]. Разумеется, такие аномалии можно рассматривать как встраивание в тексты вторичной (коннотативной) семантики языковых единиц [Николаева 2000: 118–119] и как «точки роста новых явлений» [Апресян 1990: 64].

В целом можно сказать, что современная поэзия и воспроизводит забытые свойства языка, и опережает его потенциальные инновации. Поэты часто находят именно в прошлом, в «коллективном бессознательном», в частности, в представлении о циклическом времени, выразительные средства для разговора о будущем, выявляя при этом семантические противоречия темпоральной лексики.

В заключение приведу цитату из статьи поэта и критика Михаила Айзенберга: «Стихи не то, чем они кажутся. Это самая чуткая вещь на свете, они соединяют коллективный языковой опыт и личные доречевые интуиции. Исторически (точнее, доисторически) поэзия — начало языка. Но еще важнее, что эта история продолжается: язык обновляется именно *поэтическими* средствами. [...] В поэзии есть то, чего еще нет в языке: есть разговор о самом главном — о будущем»¹⁰ [Айзенберг 2009].

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенберг 2009 — Айзенберг М. «О читателе, теле и славе» // <http://www.openspace.ru/literature/projects/130/details/9899/> (13.05.2009).
- Апресян 1990 — Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // *Res Philologica. Филологические исследования*. М.; Л., 1990.
- Арутюнова 1997 — Арутюнова Н.Д. Время: модели и метафоры // *Язык и время. Логический анализ языка*. М., 1997.
- Бондарко 2001 — Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // *Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис*. М., 2001.
- Брагина, Доброхотова 1998 — Брагина Н.Н., Доброхотова Т.А. *Функциональные асимметрии человека*. М., 1988.

¹⁰ Курсив автора. — Л.З.

- Николаева 2000 — Николаева Т.М. Идея первичной и вторичной семантики грамматических категорий // Николаева Т.М. От звука к тексту. М., 2000.
- Николина 2006 — Николина Н.А. Категория времени глагола // Поэтическая грамматика. Т. 1. М., 2006.
- Обнорский 1953 — Обнорский С.П. Очерки по морфологии русского глагола. М., 1953.
- Радбиль 2008 — Радбиль Т.Б. Грамматические инновации в современной русской речи как «точки роста новых явлений» // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной конференции 19–20 июня 2008 года. М.; Ярославль, 2008.
- Уорф 1960 — Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Успенский 1994 — Успенский Б.А. Восприятие времени как семиотическая проблема // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М., 1994.
- Флоренский 2001 — Флоренский П.А. Христианство и культура. М., 2001.
- Холод 2008 — Холод С.И. Функционирование действительных причастий будущего времени в Рунете // Активные процессы в современной грамматике. Материалы международной конференции 19–20 июня 2008 года. М.; Ярославль, 2008.
- Шаповал 2000 — Шаповал В. Нарисующему домик — приз! (Причастия будущего времени в нашей речи) // <http://www.ruscenter.ru> (2000).
- Шмелев 2002 — Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Эпштейн 2000 — Эпштейн М. Причастия будущего времени // <http://old.russ.ru/antolog/intelnet/dar17.html> (25.12.2000).
- Эпштейн 2005 — Эпштейн М. Грамматика переходности // <http://www.emory.edu/INTELNET/dar132.html> (16.10.2005).

М.В. Ляпон

ВРЕМЯ КАК ПРЕДМЕТ РЕФЛЕКСИИ У В. НАБОВОВА

Литература предназначена для задержания
времени в его всеуничтожающем беге.

(Я. Парандовский)

Время есть жидкая среда, в которой под-
растает культура метафор.

(В. Набоков)

Прежде всего мне хотелось бы поделиться своим убеждением в том, что одной из универсалий набоковского творческого метода является «радикальный персонализм». Эта черта запечатлена в остроумном анекдоте, сочиненном, возможно, самим писателем; Набоков использует его в одном из интервью (1964), отвечая на вопрос о п л а н а х на будущее: «У меня есть, — сказал он, — обоснованные подозрения, касающиеся моей посмертной жизни в литературе. Я улавливаю кое-какие намеки, ощущаю веяние неких обещаний. Несомненно, будут подъемы и спады и долгие периоды забвения. При попустительстве дьявола я открываю газету 2063 года и в какой-нибудь статье на книжной полосе нахожу следующее: “Никто теперь не читает Набокова или Фулмерфолда”. Ужасный вопрос: “Кто он, этот бедный Фулмерфолд?”» [Набоков 2004 III: 576] (Из интервью ж. «Playboy», 1964; здесь и далее в цитатах курсив мой. — М.Л.). Предварительно заметим, что версия б у д у щ е г о, которую Набоков развивает в рассматриваемом ниже трактате «Ткань времени», а также в других своих сочинениях, как раз несовместима с п р е д с к а з у е м о с т ь ю.

В своей стратегии смыслосозидания Набоков проявляет невероятную филологическую виртуозность, превращая свой текст в загадку. Как заметил один из современных набоковедов, Набоков максимально затруднил жизнь своим исследователям «не только потому, что в

его текстах содержатся с трудом разгадываемые тайны¹, но и потому,

¹ Примером интригующей тайнописи является упомянутый выше «Фулмерфорд»; далее привожу отрывки из комментариев по этому поводу [материал был любезно предоставлен мне П.С. Дроновым]. Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что все упоминания фамилии *Фулмерфорд* в русско- и англоязычном сегментах Интернета как-либо связаны с творчеством В.В. Набокова. К примеру, некоторые сетевые писатели принимают правила языковой игры, предложенные Набоковым: на портале «Проза.ру» можно найти биографию вымышленного автора Марка Фулмерфорда, автор которой скрывается под псевдонимом «Иван Дамаскин» [<http://www.proza.ru/2007/02/17-172> (дата обращения 21.01.2010)]. На сайте <http://fulmerford.tripod.com/> размещено следующее признание: «Yes, I am that Fulmerford. [...] A few clarifying notes: 1. I have never used pen names. 2. I have not been writing letters to any periodicals under clever pseudonyms. 3. I am not interested in speaking engagements. 4. I will not endorse a popular soft drink, as deliriously reported in the Times. 5. I am not interested in visitors. 6.a I have no desire to speak of my former publisher, or of former colleagues. 6.b Not even if you are working on a thesis or a biography. 7. I will not sign books sent by post, or presented to me while I'm at the market. Nor photographs. 8. I have never marched for or against anything. 9. I am not Russian. 10. I ghost-wrote some screenplays, but never had a part (as legend has it) in that disgraceful sequel (hyperlink: *Jaws: The Revenge*)» (Да, я тот самый Фулмерфорд. [...] Некоторые пояснения: 1. Я никогда не пользовался псевдонимами. 2. Я никогда не писал в редакции периодических изданий письма под остроумными псевдонимами. 3. Я не собираюсь читать какие-либо курсы лекций. 4. Вопреки бредовому сообщению «Таймс», я не собираюсь рекламировать популярный прохладительный напиток. 5. Посетителей прошу не беспокоить. 6а. Не имею ни малейшего желания говорить о бывшем издателе и бывших коллегах. 6б. Даже в том случае, если вы работаете над диссертацией или моей биографией. 7. Я не собираюсь подписывать книги, присланные почтой или врученные мне лично, пока я остаюсь на рынке. Фотографии тож. 8. Я никогда не участвовал в маршах в поддержку или против чего бы то ни было. 9. Я не русский. 10. Я работал литературным негром и написал несколько киносценариев, но, вопреки легенде, я никогда не принимал участия в создании этого отвратительного сиквела «Челюстей»).

Следует отметить, что в русский перевод интервью вкралась опечатка: в оригинале риторический вопрос Набокова звучал как «*Who is this unfortunate Fulmerford?*». В англоязычном сегменте Интернета — в частности, на форуме набоковедов Калифорнийского университета в Санта-Барбаре (*Vladimir Nabokov Forum, UCSB*) — высказываются предположения о том, что это анаграмма наподобие *Vivan Darkbloom* (т.е. *Vladimir Nabokov*). По мнению К. Кунина, Fulmerford можно расшифровать как *Dr Lemuroff/Muleroff/Rulemoff* или как *Mr Elduroff/Duleroff*. Возможно, пишет она, *Dr Lemuroff* является отсылкой к мифическому острову или материке

что он неоднократно ставил под сомнение чью-либо способность постигать тайны гения» [Люксембург 2004: 22]. Между тем сам Набоков давал практические советы, как стать «хорошим читателем»: «настоящую литературу не стоит глотать залпом как снадобье. [...] *Литературу надо принимать мелкими дозами, раздробив, раскрошив, размолов [...] ее нужно разгрызать, с наслаждением перекатывая языком во рту [...] тогда вы оцените по достоинству ее редкостный аромат, и раздробленные, размельченные частицы вновь соединятся воедино в вашем сознании и обретут красоту целого, к которому вы подмешали чуточку собственной крови*» [Набоков 2004 I: 23].

Микроскопическая доза набоковского текста оказывается тем импульсом, который втягивает критика его текста в лабиринт внутритекстовых мотиваций. В результате микроскопическая доза текстовой информации оборачивается своей противоположностью, — превращается в гигантскую подробность, открывает секреты авторской стилистики².

В книге Брайана Бойда дан отрывок из интервью, в котором Набоков пародирует стиль Пастернака (в разговоре о «Докторе Живаго»): «...и метафоры. Непривязанные сравнения. Предположим, я выразился бы так: страстно обожаемый и оскорбленный, как барометр в горном отеле, — проговорил он, глядя на дождь. — Это была бы красивая метафора. Но о ком она? Образ слишком невнятный. Его не к чему привязать» [Бойд 2004: 610]. Текст интервью, вопреки просьбе Набокова, не был отредактирован, зато это спонтанное суждение служит нам серьезным поводом задуматься над вопросом: что же сам Набоков требует от собственной метафоры? О какой «привязанности» идет речь?

Лемурии: «The original idea of Lemuria was posited by a supporter of Darwin's theories (the German Ernst Heinrich Haeckel) and was later appropriated by the Theosophists. Madame Blavatsky had some very strange ideas about Lemurians that might have appealed to Nabokov. There may be a link to those lemans in Ada, but I don't know» (Концепцию «Лемурии» предложил немецкий дарвинист Э. Геккель. Позднее ее приняли теософы. У мадам Блаватской были довольно странные взгляды на Лемурию и лемурийцев. Возможно, ее идеи пришлись Набокову по вкусу. Тут может быть связь с *lemans* 'арх. возлюбленные, любовники', упомянутыми в «Аде», однако в этом я не уверена) [<http://listserv.ucsb.edu/lsv-cgi-bin/wa?A2=ind0304&L=nabokv-1&T=0&P=1644> (дата обращения 02.12.2009)].

² Юрий Иваск в своем эссе «Мир В. Набокова» (1961) писал: «Он великолепен, но принимать его можно гомеопатическими дозами» [Иваск 2000: 559]. «...Его нельзя поглощать в больших количествах. [...] К нему надо относиться как к изысканной закуске, возбуждающей читательский аппетит...» [Там же: 562].

В своих лекциях по зарубежной литературе, анализируя метафору Марселя Пруста, Набоков учит студентов опознавать в этой метафоре индивидуальную творческую манеру писателя, под эгидой которой конструируется искомый смысл. Набоков называет такую «эгиду» *«неотменимыми оковами»* индивидуального стиля [ЛЗЛ 1998: 278]. Конечно, метафора для Набокова — это видение сути, движение к сути, изобразительное намерение, — и в этом Набоков никак не опровергает привычных представлений о назначении метафоры. Но вопреки привычному представлению, что метафора — это всего лишь фигура речи, ядро которой образуется смыслом ‘как если бы’, Набоков (на своем собственном опыте переводчика) доказывает, что метафора может быть *«восхитительно и чудовищно буквальной»* [Набоков 2006 IV: 595]. Во-первых, он убеждает в том, что метафора — универсальный когнитивный инструмент — художника и ученого в равной мере, спорит с теми, кто считает, что в философии метафора вне закона. «Как художник и как ученый я предпочитаю конкретную подробность обобщению, образы идеям, туманные факты прозрачным символам и случайно найденный дикий плод синтетическому варенью» [Набоков, 2003 II: 582].

«Ткань Времени» — относительно автономный фрагмент, насыщенный метафорами, с помощью которых его творческое «я» «изображает» ощущение Времени и пытается осознать свое место во Вселенной³. Этот фрагмент, над которым Набоков работал в течение семи лет (1959–1966), показывает, что неотвязное самосознание — лейтмотив его творчества. Предмет рефлексии Набокова — «время сильных», сакральное время; оно противопоставлено времени профанному («календарному», «прикладному», неотделимому от пространства, — движения стрелки по циферблату). «Чистое Время, Перцептуальное Время, Осязаемое Время, Время, свободное от содержания, контекста и комментария — вот мои время и тема⁴. Все

³ «Что побуждает писателя с головой погружаться в феерическое исследование вселенной? Вот его собственный ответ: «Я должен проделать молниеносный инвентарь мира, сделать все пространство и время соучастниками в моем смертном чувстве любви, дабы, как боль, смертность унять и помочь себе в борьбе с глупостью и ужасом этого унижительного положения, в котором я, человек, мог развить в себе *бесконечность чувства и мысли при конечности существования*» [Иваск 2000: 562].

⁴ В интервью немецкому телевидению (1971 г.) Набоков уточняет тему своего «Трактата» такими словами: «это и есть разновидность Времени, описанная созданным мной человеком под моим сочувственным руководством» [Набоков 2004 V: 610].

остальное представляет собой числовой символ или некий аспект Пространства» [Набоков 2006 IV: 515].

В одном из интервью (1969 г.) на вопрос о цели и смысле своего трактата «Ткань Времени» Набоков отвечает уклончиво, с подозрительной скромностью⁵. Эту философскую лекцию он называет «коротенькой главкой, посвященной возне специалиста с заушной загадкой» [Набоков 2006 IV: 592]. Время — это данность, проблемная в высшей степени, «заушная загадка», которую нельзя постичь, не прибегая к метафоре.

* * *

По свидетельству Б. Бойда, Набоков в начале 1963 года (после завершения романа «Бледный огонь») «вернулся к своим заметкам о “природе времени”» [Бойд 2004: 580]. «Трудность состоит в том, — говорил Набоков, — что я должен придумать своего рода трактат о времени, и затем постепенно превратить его в рассказ. Метафоры оживают. Метафоры постепенно превращаются в повествование, потому что *говорить о времени, не используя сравнений или метафор, очень трудно*» [Бойд 2004: 580].

Действительно, текст «Трактата» насыщен метафорами, которыми Ван Вин-Набоков иллюстрирует свою антидогматическую концепцию: «Мы безо всяких сомнений отбрасываем запакошенное, завшивленное пространством время, *пространство-время* релятивистской литературы. Всякий, если ему это нравится, волен твердить, будто Пространство есть внешнее обличье Времени или плоть Времени...» [Набоков 2006 IV: 517]; «Один и тот же отрезок Пространства может представляться мухе более протяженным, нежели С. Александеру, однако то, что представляется мигом ему, *отнюдь не “кажется мухе часом”*, потому что будь оно так, ни одна муха не стала бы дожидаться, когда ее прихлопнут. Я не могу вообразить Пространство без Времени, но очень даже могу — Время без Пространства. “Пространство-Время” — это *гиблый гибрид*, в котором дефис, и тот смотрит мошенником. Можно ненавидеть Про-

⁵ «В своем тщеславии Набоков замахнулся на самого Эйнштейна — причем именно на Эйнштейна-физика, а не сентиментального пацифиста» [Кейзин 2000: 598]. На вопрос о роли науки в познании глубинных тайн бытия Набоков-ученый отвечает, что «даже для “науки” в лучшем смысле слова — как изучения видимой и осязаемой природы или как поэзии чистой математики и чистой философии — ситуация остается такой же безысходной, какой она была всегда. Мы никогда не узнаем происхождения жизни, или смысла жизни, или природы пространства и *времени*, или природы, или природы мышления» [Набоков 2004 III: 588].

странство и нежно любить Время» [Там же: 519]. Разрывая «сиамских близнецов» (Пространство и Время), Набоков ассоциирует этот разрыв со *вздохами разлуки*: «...за огромной прорехой в стене пустынное море, звучащее, будто вздохи разлученного со временем пространства, уныло ухаёт и уныло отступает, волоча за собой мокрую гальку...» [Бойд 2004: 601].

Набоков утверждает, что «физиологически ощущение Времени и есть ощущение неизменного становления, и если бы становление обладало голосом, он мог бы звучать подобием упорной вибрации; но Лога ради давайте не будем смешивать Время со звоном в ухе, а раковинное гудение длительности — с толчками собственной крови. С другой стороны, философски Время есть только память в процессе ее творения: В каждой отдельной жизни от колыбели до смертного одра идет формирование и укрепление этого *станового столба сознания, этого времени сильных*» [Набоков 2006 IV: 537]; «...наше *скромное Настоящее* есть тот промежуток времени, который мы сознаем непосредственно и ощутимо, при этом *замешкавшееся, свеженькое Прошлое* еще воспринимается нами как составная часть сиюминутности» [Набоков 2006 IV: 527–528].

Сравнивая модальный статус *прошлого* и *будущего*, Набоков (наблюдатель, сидящий в середине качающейся доски) рассуждает о Времени не как логик или аксиолог: в этой позиции он прежде всего творческий субъект, для которого приоритетным признаком является *привлекательность* того или иного временного состояния: «Если бы будущее существовало, прошлое не было бы столь соблазнительным: его притязания уравнивались бы притязаниями будущего. Тогда бы любой персонаж мог уверенно утвердиться в середине качающейся доски и разглядывать тот или иной предмет» [Набоков 2004 V: 11]. «“Быть” — значит знать, что ты “был”. “Не быть” подразумевает единственный новый вид (*подметного*) *времени: будущее*. Я отвергаю его. Жизнь, любовь, библиотеки будущего не имеют. [...] У нас всего две доски Прошлое (вечносущее в моем разуме) и Настоящее (коему разум сообщает длительность и тем самым — реальность). Даже приделывая к ним третий ящик, чтобы набить его несбывшимися надеждами, предугаданным, предвосхищенным дарами предвидения, безупречными предсказаниями, мы все равно обращаемся разумом к Настоящему» [IV: 537]. «Если Прошлое воспринимается как *складское Хранилище*⁶ Времени и

⁶ Образ складского хранилища Набоков более подробно прорабатывает и уточняет в другом месте: «Прошлое также является [...] частью настоящего, однако оно немного размыто. Прошлое есть постоянное накопление образов,

если Настоящее есть процесс этого восприятия, то будущее, с другой стороны, вообще не входит в состав Времени, не имеет никакого отношения ни ко Времени, ни к дымчатой пелене его *физической ткани*. *Будущее — это шарлатан при дворе Хроноса*» [Там же: 538]. «...Черепаше Прошлого нипочем не обставить Ахилла будущего, сколько бы ни мудрили мы с расстояниями на наших помутнелых от мела школьных досках» [Набоков 2006 IV: 538]. *Прошлое* «обладает вкусом, цветом и запахом, присущим нашему личному бытию. *Будущее* же остается свободным от наших чувств и причуд. В каждый миг оно предстает перед нами как бесконечность ветвящихся возможностей» [Там же: 538].

У Набокова есть спасительный ход, позволяющий парадоксально перевернуть все сказанное: «Четкая схема упразднила бы само понятие времени, — говорит профессор, — и далее в скобках голосом автора заключает: «(тут наплыло первое посланное таблеткой облачко). [...] Таблетка уже принялась за работу» [IV: 538]. В итоге свою лекцию профессор резюмирует таким образом: «...я отсек *сиамское Пространство* вместе с поддельным будущим и дал Времени новую жизнь. Я хотел написать подобие повести в форме трактата о Ткани Времени, исследование его вуалевидного вещества, с иллюстративными метафорами, которые исподволь *растут*, неуловимо *выстраиваются* в осмысленную, движущуюся из прошлого в настоящее любовную историю, *расцветают* в этой реальной истории и, столь же неприметно обращая аналогии, *вновь распадаются, оставляя одну пустую абстракцию*» [IV: 540–541].

Заметим, что в этом резюме профессора Ван Вина, за которым мы слышим голос автора, — в центре внимания уже не Время, а метафора Времени.

* * *

В специальном разделе интервью («О времени и его ткани»), которое Набоков дал немецкому телевидению в 1971 г.⁷, он повторяет

но мозг наш — не самый совершенный орган непрерывной ретроспекции, и лучшее, что мы способны сделать, — это попытаться удержать пятна радужного света, порхающие в нашей памяти. Сам акт удержания — это акт искусства, художественного отбора, художественного слияния, художественной перетасовки действительных событий» [Набоков 2004 V: 610].

⁷ Это интервью-комментарий, отвечая требованиям жанра, остается вместе с тем источником для исследователей метафоры Набокова, особенностей авторской стратегии иносказания: «Мы в состоянии вообразить любые разновидности времени, скажем, “прикладное время” — время, приложимое к событиям, которое мы измеряем посредством часов и календарей,

ключевую метафору: «*Время есть жидкая среда, в которой подрастает культура метафор*». Этот образ рассчитан на ассоциацию с действиями биолога, который буквально высевает вирусы, рассматривает в микроскоп клетки микроорганизмов, буквально выращенные в питательной среде в лабораторных условиях. Лингвистический эксперимент Набокова — тоже своего рода лаборатория Логоса.

У Набокова можно условно выделить две категории метафор в зависимости от того, какова природа искомой проблемной сущности, которую автор пытается осмыслить. Его искомое выступает в облике **кто** или **что**: это либо вещь, абстракция неодушевленная, либо человек, уникальный человеческий экземпляр, индивид-загадка, — непостижимое одушевленное. Постижению сущности неодушевленной служит *персонифицированный* образ, — например, метафоролицетворение для Пространства, Времени и др. Постижению тайны индивида (абстракции одушевленной) служит метафора, отмеченная *персоналистически*, — “идиометафора”; такая метафора — аналог личного кода автора, его «водяной знак». Так или иначе, набоковская метафора сохраняет черты «радикального персонализма».

Предмет (мертвая натура, мир «**что**») у Набокова — не только полноценный донор для метафоры, но и действующий конкурент персонажу⁸. Аргументируя любовь Набокова к предмету, М. Шуль-

однако такие типы времени оказываются неизбежно *подпорченными нашим представлением о пространстве* [...] Когда мы говорим о “*п р о х о ж д е н и и в р е м е н и*”, мы представляем себе *отвлеченную реку*, текущую сквозь обобщенный ландшафт. Прикладное время, измеримые иллюзии времени полезны для целей, преследуемых историками или физиками, но меня они не интересуют, как не интересуют и созданного мною Вана Вина в четвертой части “Ады”.

В этой книге мы с ним пытаемся разобраться в *сущности Времени*, не в его течении. Ван говорит, что можно быть “любителем Времени, эпикурейцем длительности”, способным наслаждаться самой тканью времени, “его веществом и размахом”. [...]

Время, хоть оно и родственно ритму, это не просто ритм. [...] *Время не движется*. Величайшее открытие Вана состоит в его восприятии Времени как *провала* между двумя ритмическими биениями [...], которые суть лишь прутья решетки, запирающей Время. В этом смысле жизнь человека — это не пульсация сердца, но пропущенный им удар» [Набоков 2004 V: 609].

⁸ Речь идет не только о таких дежурных примерах, как говорящий поднос, который, падая, *выговаривает* (в двух значениях этого глагола) имя персонажа: «Цинциннат!»; горчица, которая «на краю тарелки» «подняла, как это обычно бывает, желтый свой рог», пародируя самого автора «Дара»; ср. [Левин 2001: 302–303]. Гегемония предмета у Набокова мотивирована логикой его художественного мышления: «В такой бедной человеком, даже

ман пишет: «Как и персонаж, как и сюжет, предмет интересен Набокову только одним своим свойством зеркально отражать человеку его самого, — причем смиренность предмета, его непритязательность, незамутненность идеологическими присадками только повышают его ценность. [...] В жестко иерархическом мире Набокова предмет любим, поскольку безропотен, ровен, как вода на отливе, и с тем большей верностью потому исполняет ту роль, какая поручена всякому действующему лицу в набоковской прозе — отражать некие небеса, “сквозить”, служить проводником в инобытие» [Шульман 1998: 85–86].

Свою версию феномена «метафора» Набоков соотносит с творческим методом Марселя Пруста, подчеркивая неразрывность цепочки: «прошлое — память — вдохновение — метафора». Набоков, который сам остро ощущает глубинную связь между этими сущностями, утверждает, что книга Пруста «В поисках утраченного времени» — это «*заклинание*, а не описание прошлого [...] поскольку на свет вынесены *отборные мгновения*. [...] Вся огромная книга не что иное, как огромное сравнение, *вращающееся вокруг слов “как если бы”*» [ЛЗЛ: 276–277].

К таким «отборным мгновениям» Набоков относит момент попадания в правду с помощью метафоры: «Можно в нескончаемых описаниях перечислять имеющиеся в данном месте предметы. но правда начнется, только когда писатель возьмет два разных предмета и заключит их в неотменимые оковы своего искусства, или даже когда, подобно самой жизни, сравнив сходные качества двух ощущений, он заставит проявиться их природную сущность, соединив их в одной метафоре, чтобы избавить от случайностей времени, и свяжет их с помощью *вневременных слов*» [ЛЗЛ: 278–279]. Смысл «как если бы» для Набокова — своего рода резонансная точка, соединяющая его версию искусства (как блистательной иллюзии, искусной авторской манипуляции) с его пониманием метафоры (как истины в последней инстанции). «Если хочешь быть точным, нужно *прибегать к метафоре*», — пишет он, ссылаясь на афоризм Миддлтона Мари [ЛЗЛ: 277].

Индивидуальная творческая инициатива Набокова в области метафоры заключается не только в том, что он раздвигает рамки той реальности, откуда метафора черпает свой материал. «Я победоносно смешиваю метафоры, потому что именно

античеловеческой среде — функции человека берет на себя предмет. Если все равно персонажи — марионетки, то отчего же не взять в качестве отправного пункта размышлению вещь?» [Шульман 1998: 87].

к тому они и стремятся, — говорит Набоков в своей лекции «Искусство литературы и здравый смысл», — когда отдаются ходу тайных взаимосвязей — что, с писательской точки зрения, есть первый положительный результат победы над здравым смыслом» [ЛЗЛ: 467]. Метафора Времени совершает в о с х о ж д е н и е, порождая итоговую метафору-идеологему, изображающую творческое кредо писателя. Само название трактата — уже метафора: аппозитивы “время-ткань”, “время-текстура” подчеркивают родство метафоры и предиката, приближают к искомой сущности Времени; в этих выражениях легко опознается любимый образ “*ковра-узора-нити*”, которым Набоков пользуется при самоистолковании, говоря о своем умении «ткать внезапные гармоничные узоры из далеко друг от друга отстоящих нитей» [ЛЗЛ 1998: 475].

* * *

Время — неотъемлемый элемент формулы творчества, и рефлексия о феномене «Время» — та пограничная зона, которая позволяет найти общий язык, обрести толерантность, особенно в тех случаях, когда диалогические партнеры остро осознают уникальность собственного творческого почерка и ощущают несопоставимость друг с другом. В данном разделе своей статьи я хочу, привлекая текст Цветаевой, затронуть вопрос о возможном диалоге метафор, причастных к полю времени.

В письме Цветаевой к А.С. Штейгеру (1936 г.) читаем: «Какая скука — рассказы в «Совр<еменных> Зап<исках>» — Ремизова и Сирина. Кому это нужно? Им — меньше всего, и именно поэтому — никому» [Цветаева VII: 568]; (курсив Цветаевой). Объявляя себя по существу антиподом Набокова, Цветаева этим суждением о его рассказах дает повод исследователям воздержаться от поиска какой бы то ни было общности между ними. На самом деле творческий диалог «Цветаева — Набоков» — серьезная реальная проблема; по крайней мере, здесь можно говорить о диалоге воображаемом, «заочном», хотя встречи Набокова и Цветаевой имели место в действительности⁹.

⁹ «Об их знакомстве мы знаем только со слов Набокова, — читаем у В.П. Старка. — В “Других берегах” он, заметив, что с писателями в эмиграции “видался мало”, первой поминает все же Цветаеву: “Однажды с Цветаевой совершил странную лирическую прогулку, в 1923-м году, что ли, при сильном весеннем ветре. По каким-то пражским холмам”» [Старк 1996: 150]. Далее В.П. Старк пишет: «В более раннем, англоязычном варианте “Других берегов” — “Conclusive Evidence” (1946) — Набоков, вовсе не упо-

Познакомившись с текстом Сирина, Цветаева интуитивно ощутила несовместимость их творческих стратегий, самой техники смылосозидания. Конфронтация «Набоков — Цветаева» — это прежде всего — спор гениального зрения с гением слуха: в ее реакции на стиль Сирина прочитывается характерная для интроверсии антипатия к «ненасытному» зрению. Абсолютную гегемонию слуха в своих контактах с внешним миром Цветаева подтверждает, в частности, анализом странных сновидений, когда она ощущает крайнее обострение слуховых впечатлений и атрофию зрения: «Если бы я жила зрительной жизнью (чего быть не могло)...», — читаем, например, в дневниковой записи (1922); подробнее см. в нашей монографии [Ляпон 2010: 289–291].

Набоковская стратегия и техника смылосозидания импонирует читателю, который верит в чудодейственную энергию детали, тому, кто так же, как и автор, убежден в «превосходстве части, которая живет целого, в превосходстве мелочи». «Я снимаю шляпу перед героем, который врывается в горящий дом и спасает соседского ребенка, но я жму ему руку, если пять драгоценных секунд он потратил на поиски и спасение любимой игрушки этого ребенка...» [ЛЗЛ: 468]. Замечание об игрушке, спасаемой при пожаре, прочитывается бифокально (этико-эстетически). Предмет у Набокова — не мертвая натура, а системообразующая часть его художественного мышления, фокус его творческого манифеста. Этот смысловой симбиоз (моральная заповедь — творческое кредо) созвучен формуле «эстетика — мать этики», которую утверждает И. Бродский в своей Нобелевской лекции: «...“хорошо” и “плохо” — понятия прежде всего эстетические, предваряющие категории “добра” и “зла” [...] Несмысленный младенец, с плачем отвергающий незнакомца или, наоборот, к нему тянувшийся, отвергает его или тянется к нему, инстинктивно совершая выбор эстетический, а не нравственный» [Бродский 2003: 47].

Набоков — своего рода «синтезатор», обладающий даром воспроизводить целостность впечатления от изображаемого объекта; но эта целостность — не абстракция (в отличие от Цветаевой, которая акцентирует «суть», уличает истину во лжи, апеллируя к мысли читателя). Набоков предпочитает физически ощущаемую реальность,

миная пражскую прогулку, пишет: “Марина Цветаева, жена двойного агента и гениальный поэт, которая в конце тридцатых годов вернулась в Россию и там погибла”. В устах Набокова, отнюдь не щедрого на похвалы, оценка “гениальный” не просто высока, но необычна. О такой же оценке творчества Цветаевой своим дядей говорил на вечере в Публичной библиотеке и племянник писателя Владимир Сикорский в 1993 году» [Старк 1996: 151].

стимулирует сенсорную память читателя: он вовлекает в процесс восприятия одновременно зрение, слух, «задевает» обоняние, вкусовые и осязательные анализаторы. Тем самым Набоков выступает как яркая иллюстрация к формуле К.-Г. Юнга, определяющего специфику экстраверсии так: «Экстравертное ощущение схватывает мгновенное и выставленное напоказ бытие вещей» [Юнг 1997: 481]¹⁰. Возможность диалога на равных обусловлена в данном случае, по крайней мере, по трем причинам: равновеликость креативной энергии, антидогматизм и свобода самовыражения. Цветаева и Набоков — антиподы во многих отношениях, но их объединяют такие черты, как, например: обоюдная антипатия к ментальному стереотипу во всех его проявлениях, склонность к парадоксальным манипуляциям; соединение в одной личности человека *теоретического* (аналитика) и человека *эстетического*; притязание на собственную версию феномена «Стиль»; острая потребность в самоистолковании, установка на поиск «личного кода» и многое другое.

Близость их ментальных модусов мотивирована прежде всего интересом того и другого к метаморфозам истины и лжи, реальности и вымысла, к играм альтернативы в тождество и наоборот — к превращению тождественного в альтернативу. Парадоксальная логика — внутренняя форма мысли того и другого. Парадокс — творческая константа этих двух разрушителей ментальных стереотипов. Оба подтверждают тезис современной психологии: когнитивный стиль есть «устойчивая характеристика субъекта, стабильно проявляющаяся на разных уровнях интеллектуального функционирования и в разных ситуациях»; подробнее см. [Ляпон 2010].

* * *

В иносказаниях собственного темпорального существования Цветаева подчеркивает противостояние себя современному веку, свое аутсайдерство (*«оборот назад»*; поработанность прошлым). *«Оборот назад — вот закон моей жизни. Как я, при этом, могу быть коммунистом? И — достаточно их без меня. (Скоро весь мир будет! Мы — последние могикане) [...]»* [Цветаева VI: 439]; (здесь и далее в

¹⁰ Наоборот, примат интровертного ощущения, по Юнгу, «создает определенный тип, отличающийся известными особенностями. [...] Внешнему наблюдателю дело представляется так, как если бы воздействие объекта все не проникало до субъекта. Такое впечатление правильно постольку, поскольку субъективное, возникающее из бессознательного содержание *втискивается* между сторонами и *перехватывает* действие объекта» [Юнг 1997: 481–482].

цитатах курсив Цветаевой). В письме Л.О. Пастернаку (1927) Цветаева пишет: «Всеми своими корнями я принадлежу к прошлому. А только из *прошлого* рождается будущее» [Цветаева VI: 295].

В эссе «Поэт и время» (1932) Цветаева толкует обратимость эпох как норму, отвечающую внутренней логике самого феномена «Время», его приrophe: «Даже мой единственный вызов времени:

Ибо мимо родилась
Времени. Вотще и все
Требуешь! Калиф на час —
Время! Я тебя миную

[Цветаева II: 197]

— крик моего времени — моими устами, контр-крик его самому себе» [Цветаева V: 333].

Концептуальное поле Время Цветаева «разрабатывает» со свойственным ей максимализмом, семантическим размахом и пронительностью, улавливая внутреннюю логику, органически соединяющую профанное время с Временем сакральным: «Может быть мой голос [...] соответствует эпохе, я — нет. Я ненавижу свой век и благословляю Бога [...] что родилась еще в прошлом веке. [...] Ненавижу свой век, потому что он век *организованных* масс, которые уже не есть стихия, [...] т.е. лишенных органичности...» [Цветаева VII: 385]. В этом письме Ю. Иваску она подчеркивает свое противостояние текущему времени: «Пишите обо мне что хотите, Вам видней, да я и не вправе оспаривать [...] вставать как буйвол перед Вашим паровозом, но *знайте* одно: мне в современности и в будущем — места нет. *Всей* мне — ни одной пяди земной поверхности, этой МАЛОСТИ — МНЕ — во всем огромном мире — ни пяди. (Сейчас стою на своей последней, незахваченной, только потому, что на ней стою: твердо стою: как памятник — собственным весом, как столпник на столпу).

Есть (мне и всем подобным мне: ОНИ — ЕСТЬ) только щель: в глубь, из времени, щель, ведущая в сталактитовые пещеры доистории: в подземное царство...» [Цветаева VII: 385–386].

Цветаева, в сущности, соглашается с Набоковым в том, что метафора иногда бывает «восхитительно и чудовищно конкретной»: «Теперь, расчистив совесть от всяких недомолвок [...] признав свою зависимость от времени, свою связанность с ним [...] признав время своим рабочим материалом, своим орудием производства, своим частичным [...] работодателем, наконец — спрашиваю:

...Что такое вообще время, чтобы ему служить?

Мое время завтра пройдет, как вчера — его, как послезавтра — твое, как всегда всякое, пока не пройдет само время. [...]

Брак поэта с временем — насильственный брак, потому ненадежный брак. [...] Как волка ни корми — все в лес глядит. Все мы волки дремучего леса Вечности» [Цветаева V: 342–3443].

При выборе «донора» метафоры, т.е. ее источника, способного изобразить цель (мишень) максимально ощутимо, нужна «чудовищная буквальность». Это дает возможность «открыть глаза» на искомую сущность. Примером такой творческой удачи является приводимый ниже текст: «Слава — как широко — просторно — достойно — плавно. Какое величие. Какой покой. Деньги — как мелко — жалко — бесславно — суетно. Какая мелочь. Какая тщета. Чего же я хочу, когда, по свершении вещи, сдаю вещь в те или иные руки?

Денег, друзья, и возможно больше. Деньги — моя возможность писать дальше. Деньги — мои завтрашние стихи. Деньги — мой откуп от издателей, редакции, квартирных хозяек [...] моя свобода и мой письменный стол [...] еще и *ландшафт* моих стихов, та Греция, которую я так хотела, когда писала Тезея, и та Палестина, которой я так захочу, когда буду писать Саула, — пароходы и поезда, ведущие во все страны, на все и за все моря!

Деньги — моя возможность писать не только дальше, но и лучше, не брать авансов, не торопить событий, не затыкать стихотворных брешей случайными словами. [...] Деньги, наконец [...] моя возможность писать *меньше*. [...] Мои деньги — это, прежде всего, *твой* выигрыш, читатель!» [Цветаева V: 286–287].

«Мои деньги — это твой выигрыш, читатель» — парадоксальная формула, которая заставляет задуматься над причинами девальвации духовных ценностей. На основе ходячих афоризмов («Время — деньги», «Время — вор») Цветаева конструирует своеобразный дискурс метафор, затрагивая вечный вопрос об оценке таких «нематериальных ценностей», как вдохновение, ментальный продукт, творческое время.

Суждения Набокова и Цветаевой о природе Времени, о сущности искусства, о назначении метафоры глубоко реалистичны, — пронизаны психологической реальностью; оба «метят дальше цели» и тем самым вносят вклад в человековедение. Иносказания Набокова и формулы Цветаевой созвучны своей внутренней логикой: в том и другом случае речь идет о «времени сильных». И Цветаева, и Набоков убеждают нас в уникальности творческого индивида — поэта, утверждая право этой человеческой особи на собственное суждение о феномене «Время».

ЛИТЕРАТУРА

- Бойд 2004 — *Бойд Б.* Владимир Набоков: американские годы. М.; СПб., 2004.
- Бродский 2003 — *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского. Т. VI. СПб., 2003.
- Иваск 2000 — *Иваск Ю.* Мир В. Набокова // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве В. Набокова. М., 2000.
- Кейзин 2000 — *Кейзин А.* Мудрость, обретенная в изгнании // Классик без ретуши. М., 2000.
- Левин 2001 — *Левин Ю.И.* Заметки о пародийности у В. Набокова и вообще // Текст. Интертекст. Культура. М., 2001.
- ЛЗЛ 1998 — *Набоков В.В.* Лекции по зарубежной литературе. М., 1998.
- Люксембург 2004 — *Люксембург А.* Английская проза В. Набокова // *Набоков В.В.* Собр. соч. американского периода в пяти томах. Т. 1. СПб., 2004.
- Ляпон 2010 — *Ляпон М.В.* Проза Цветаевой. Опыт реконструкции речевого портрета автора. М., 2010.
- Набоков 1990 — *Набоков В.В.* Собр. соч. в 4 т. М., 1990.
- Набоков 2003, 2004, 2006 — *Набоков В.В.* Собр. соч. американского периода в пяти томах. СПб. (т. I, III, V — 2004; т. II — 2003; т. IV — 2006).
- Pro et contra 1997 — *Набоков В.В.* Pro et contra. Материалы и исследования о жизни и творчестве В.В. Набокова. Антология. Т. I. СПб., 1997; Т. II. СПб., 2001.
- Старк 1996 — *Старк В.П.* Набоков — Цветаева: заочные диалоги и «горные» встречи // Звезда. 1996. № 11.
- Цветаева 1994, 1995 — *Цветаева М.* Собрание сочинений в семи томах. М., 1994–1995.
- Шульман 1998 — *Шульман М.* Набоков, писатель. Манифест. М., 1998.
- Юнг 1997 — *Юнг К.Г.* Психологические типы. М., 1997.

Н.Б. Мечковская (Минск)

БУДУЩЕЕ ЯЗЫКА, ЯВЛЕННОЕ В ПОЭЗИИ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

0. В статье показаны те черты поэтического языка Хлебникова, которые, во-первых, существенны для его поэтики и, во-вторых, соответствуют ряду тенденций, значимых в истории языка (не только русского) и истории семиотических поисков человечества. Рассматривается преимущественно художественное творчество поэта, хотя целый ряд важных лингвoseмиотических идей Хлебникова, в том числе его концепция искусственного «звездного языка» или «заумного языка» (единого для всего будущего человечества), как и его опыты построения «значкового языка», содержатся в философско-утопических сочинениях Хлебникова и его семиотических проектах (воззваниях, манифестах, рассуждениях, диалогах, в газетной публицистике и т.п.), а также в не опубликованных при жизни рукописях, в основном черновых¹.

1. Язык как первичная реальность бытия. В поэтическом сознании Хлебникова язык выступает как сама реальность или как основа реального мира; язык для Хлебникова — не только способ сказать о мире, но и способ видения мира, способ движения в будущее и залог чистоты будетлян.

1.1. Метаязыковые образы Хлебникова: взгляд на мир сквозь призму представлений о языке и книгах. Нередко Хлебников смо-

¹ О лингвoseмиотических поисках Хлебникова, их созвучности идеям Лейбница об «априорном» языке науки и его проекту такого всемирного языка, об интересе Хлебникова к эсперанто, о придуманных им знаках см.: [Григорьев [1982] 2006], [Григорьев [1982] 2000], [Григорьев 1986], [Перцова 1995], [Перцова 2000], [Грыгар 2004], [Цивьян 2004]. В приложении к работе [Перцова 2000] опубликованы 26 листов рукописи Хлебникова с его проектом «значкового языка».

трит на мир с точки зрения лингвистики и филологии: отсюда образы, построенные на уподоблении внеязыковой реальности (природы, людей, истории) феноменам языка/речи. Ремы таких образов (т.е. эталоны сравнений, метафорические и метонимические переименования, а в случае метаморфоз — итоги превращений явлений мира) содержат слова с метаязыковой семантикой. Ср. два примера: 1) начало стихотворения без названия, написанного весной 1919 г.: *Весны пословицы и скороговорки / По книгам зимним проползли. / Глазами синими увидел зоркий / Записки стýдесной земли* [Хлебников 1986: 113]²; 2) *Я тоже возьму ружье (оно большое и глупое, / Тяжелее почерка)* (с. 456).

Представленные в ремах тропов слова с метаязыковой семантикой называют феномены, которые принадлежат всем уровням языка и речи — от букв, запятых и грамматики до великих произведений словесности (например, Корана): *буква* (например, *казались сакли / Буквами нам непонятной речи*) и *заглавная буква*; *ведомости* (слово, распространенное в названиях российских газет начала XX в.); *каменная газета*; *газетные новости*; *глагол*; *глухонемой* (как образ родины, которая не в состоянии ни слышать, ни говорить и над которой звучит заповедь Бога: *Над глухонемой отчиной: «Не убей!»*); *ижица* (война, как ненужная ижица); *запятые* (*а осень висит запятой*); *препинание*; *знак восклицанья* (*Расстрел царя был знаком восклицанья*); *книга* (*книга лица, каменная книга* (о горном пейзаже); *книжка* (былое как прочитанная книжка); *Веселого Корана / Веселый богослов* (тополь); *листы рукописи*; *междометие*; *многоточие*; *перо* (*росчерки пера морей; перо руки времени*); *песня* (например, *песня молчанья*); *письмена*; *письмо*; *набор* (типографский); *писарь* (*Ученее волка, первого писаря русской земли*); *поговорка*; *пословица*; *почерк*; *речь*; *рукопись*; *свиток* (*Народов развернула свиток*); *сказка* (*сказки камня о востоке* и др.); *скобка*; *скороговорка*; *свесив губу, как слово «Так!»*; *стих* (*мост висел над шумным городом гьератическим стихом*); *страница* (*страница ночи*); *строки*; *чернила смерти*; *моровые чернила*; *чернилами служили люди*; *читатель* (о человеке или божестве, смотрящем на горы), а также *чтица* (*душа, по грядущему чтица*). Некоторые из слов с метаязыковой семантикой участвуют в создании образов в ряде произведений — это такие слова, как *буква*, *глагол*, *запятая*, *книга*, *песня*, *письмо*, *письмена*, *почерк*, *поэт*, *сказка*, *стих*, *страница*, *строка*, *читатель* и др., и иногда по нескольку раз).

Сравнение мира, звездного неба, природы, храма, ритуала с книгой, разумеется, не ново; это излюбленный образ средневековой уче-

² Далее после цитаты в скобках приводятся страницы по указанному изданию.

ности (см. подробно [Аверинцев 1977: 206–209, 221–222]). Изредка метаязыковые образы встречаются у современников Хлебникова и других авторов³. Однако у Хлебникова круг явлений мира, которые уподобляются метаязыковым сущностям, максимально широк. К его широте объектов близок только Бродский: *листва [...] лопочет / нечто на диалекте почек; клинопись лунных пятен; О, неизбежность «ы» в правописаньи «жизни»; — Как ты жил в эти годы? — Как буква «г» в «ого»* (см. подробно [Мечковская 2001]).

В метаязыковых ремах Хлебникова и Бродского проявляется нарастающая «левополушарность» зрения (и поэтического, и за пределами поэзии), включая усиление метаязыковой рефлексии в коммуникации: рема образа, пришедшая из письменного, культурного мира, не конкретизирует предмет изображения, а напротив, абстрагирует его, подводя не к «картинке», а к мысли, знанию. У Бродского в этом же ряду находятся уподобления вещного мира понятиям математики: *Дом был прыжком геометрии в глухонемую зелень / парка («Воспоминания»)*.

1.2. Язык как путь и средство движения к будущему. Очищающая сила «самовитого» слова. В движении к будущему для Хлебникова важнее, чем паровозы, пароходы, крылья или кони, — слово, и именно *мечтаемый язык*, в том числе сказка (*посох предвиденья*), греза (*наша свистящая надменно греза, плетка грезная*). Слово — это и двигатель (корабля), и одновременно новое «надгосударство» (*Стоя на палубе слова «надгосударство звезды», с.611*); песни — мост в будущее: *Я, написавший столько песен, / Что их хватит на мост до серебряного месяца* (с. 456), а «самовитое слово» и «мыло словотворчества» способны уберечь будетлян от «грязи до-небесных людей».

Однако это могущество слова Хлебников связывает именно с новым «мечтаемым» языком будущего: будетляне непримиримы к «старому языку» и стремятся его разрушить: *Те юноши, что клятву дали разрушить языки* (с. 291); *Шею сломим наречьям, точно гусятам. / Нам наскучило их «Га-Га-Га»* (с. 460). Главные противники будетлян — не правительства, а «мир старших возрастов»: *И забуду о милом государстве 22-летних, свободных от глупости возра-*

³ Ср. у Виктора Шкловского (*Ведь я сам только буква в книге времени; как мы пишем карандашом, так время нами пишет*); у Цветаевой (*Боль, знакомая, как губам имя собственного ребенка*); Ахмадулиной (*...в чьем гордом облике и лице прочесть известие о даре так просто, как название книги*).

тов старших, / Отцов семейства (общественные пороки возрастов старших (с. 456). «Труба марсиан» (1916) зовет освободиться от за-
силья людей прошлого [...], не пачкаясь о их жизнь (мыло словотвор-
чества), предоставив им утопать в заработанной ими судьбе злых-
ных мокриц (с. 604).

Первостепенность метаязыковых мотивов и образов Хлебникова созвучна следующим тенденциям современного языкового существования: 1) расширяется и интенсифицируется метаязыковая рефлексия говорящих (как в устном неформальном общении, так и в текстах СМИ, гуманитарной и художественной литературе); 2) с XVII в. в естественно-научном знании неуклонно усиливается методологическая значимость языка науки — терминологии и символики, а также норм научного описания объектов исследования; 3) нарастают различия между возрастными подязыками этнических языков; Хлебников вполне предугадал усиление дискретности истории и нарастающую рознь между поколениями, в том числе языковую; в этом отношении характерны его неоднократные и настойчивые призывы типа *Пусть возрасты разделятся и живут отдельно!* (с. 602) и т.п.

2. Неологизмы Хлебникова раздвигали семиотические границы языка. Три класса знаков, которые различал Пирс (симптомы (индексы), иконы (копии) и символы), образуют градацию по степени мотивированности (т.е. по степени знаковости) — от максимальной (у симптомов, как это имеет место у междометий и интонации в ее внеграмматической значимости) до минимальной, включая нулевую мотивированность у непроеизводных знаков-символов (см. [Мечковская 2007: 130–135]). Хлебников ищет и создает новые виды знаков, которые располагаются на обоих полюсах семиотического континуума; с опорой на терминологию Чарльза Пирса эти знаки можно было бы назвать «предсимптомы» и «сверхсимволы». Хлебников расширяет диапазон видов знаков: с одной стороны, он стремится найти слова, которые более тесно, более органично, чем знаки-симптомы, связаны с передаваемой информацией (это как бы «предсимптомы»); с другой стороны, Хлебников создает знаки, в которых нет ни природной мотивированности симптомов и копий, ни вторичной мотивированности словообразовательных и семантических дериватов и вместе с тем для реципиента в таком неологизме нет привычности обычного непроеизводного слова (знака-символа); по степени немотивированности такой неологизм — это как бы «сверхсимвол».

2.1. Поиски глубинных «без-оболочных» смыслов, телесно-звуковых пред-симптомов. В 1919 г. в «Свояси» (предисловие к

неосуществленному изданию) Хлебников, говоря о своей пьесе «Госпожа Ленин» (1909/1912), так раскрывал суть своих поисков: «В “Госпоже Ленин” хотел найти “бесконечно малые” художественного слова» (с. 37). Действующие лица пьесы — это «Голоса» больного сознания г-жи Ленин: во-первых, голоса отдельных органов чувств (Зрения, Слуха, Осязания); во-вторых, голоса отдельных эмоций (Страх, Ужас), в-третьих, голоса некоторых модулей психики (Воли, Памяти, Рассудка). Самой г-жи Ленин в списке «действующих лиц» нет: ее имя дано только в названии пьесы. То, что происходит с героиней, читатель реконструирует, объединяя в смысловое целое «реплики», которые произносят «слагаемые» ее сознания. Ср. во 2-м действии (оно развертывается в психиатрической больнице): «Г о л о с О с я з а н и я. К плечу прикоснулась рука. [...] Г о л о с С л у х а. Они говорят: “Держи за голову, возьми за плечи! Неси! Идем!” Г о л о с С о з н а н и я. Они несут. Все погибло. Мировое зло» (с. 416).

В стихотворении «*О черви земляные...*» (1913) Хлебников вновь постулирует автономность отдельных сторон психической организации человека: лица, корпуса, рук; у рук есть своя речь, они могут петь; у рук есть также свой слух; руки могут коммуницировать между собой как бы помимо целого (человека): *На утесе моих плеч / Пусть лицо не шелохнется, / Но пусть рук поющих речь / Слуха рук моих коснется* (с. 84).

Эта идущая из глубины организма речь, по Хлебникову, есть у растений и животных: *Вон дерево кому-то молится / На сумрачной поляне. / И плачется и волился / Словами без названий* (с. 255). Эта речь выражается в движении губ, языка, в артикуляционно-мышечных усилиях организма: в итоге получаются вариации вроде *Бобэ́оби пелись губы, / Вэ́эоми пелись взоры...*, в которых отсутствуют значения, придаваемые неологизмам грамматикой и словообразовательными связями (неясно даже, что за члены предложения эти *Бобэ́оби* и *Вэ́эоми*, поскольку синтаксически их можно понять как обозначения и субъектов пения, и его адресатов, и обстоятельств образа действия или времени). Однако реально здесь нет значений; есть только артикуляция. Ее подспудный смысл едва ли не полнее всех раскрыл В.Б. Шкловский в поздней работе (1986), подчеркивая атавизм телесной органики, запечатленной в поэтическом звукообразе: «Что мне сейчас кажется особенно интересным в зауми? Это то, что поэты-футуристы пытались выразить свое ощущение мира как бы минувшие сложившиеся языковые системы. Ощущение мира — не языковое. Заумный язык — это язык пред-вдохновения, это шевелящийся хаос поэзии, это докнижный, до-словный хаос, из которо-

го все рождается и в который все уходит» [Шкловский [1986] 1997: 34]. Обращаясь к образу «гула», который предшествует рождению стихотворения (об этом гуле писал Маяковский в статье «Как делать стихи»), Шкловский в «гуле нерасчлененных слов» видит пред- поэзию: «слова, точнее, недо-слова, поднимаются со дна сознания, из нашей памяти, памяти наших предков, кричавших на дереве о чем-то, им еще непонятном» [Там же: 34].

В.Б. Шкловский еще в 1916 г. показал, в какую древность уходят корни звукового символизма речи. В XX в. внимание поэтов, певцов, актеров к голосовому и иному паралингвистическому и параграфическому аккомпанементу звучащей и письменно-печатной речи выросло в небывалой мере. Вместе с тем стало понятно, что голоса чувств, воли, памяти рассудка — все эти смыслы «без названий», уловить которые стремился Хлебников, — принадлежат не только языку; они занимают приграничные области разных семиотик: языка и поэзии, языка и паралингвистики, паралингвистики и поведения, паралингвистики и актерского искусства.

2.2. Оказионализмы-«сверхсимволы» Хлебникова. Пред- знаки-симптомы, проявления которых идут из телесных глубин организма, а также звукоподражания (знаки-копии) у Хлебникова, как и вообще в языке, занимают скромное место⁴. Большинство неологизмов Хлебникова — это знаки-символы, у которых отсутствует первичная (природная) мотивированность. Однако во всех естественных языках большинство знаков-символов обладают вторичной мотивированностью, которая в рамках данной языковой системы создается структурно-семантическими связями слов; это мотивированность производных слов и производных значений. Вторичная мотивированность знаков-символов обычна и для поэтических неологизмов: в своем большинстве они образуются по продуктивным и ясным (регулярным) словообразовательным моделям (*любёночек* как *ребёночек*, *серпастый* как *ушастый* и т.д.). По прозрачным образцам образованы почти все неологизмы у русских футуристов (И. Северянина, В. Маяковского, В. Каменского), в том числе и у раннего Хлебникова; ср. в «Заклятии смехом» (1908–1909): *смехачи* как *силачи*, *смеянствовать* как *пьянствовать*, *рассмешища* как *раздоры* и *посмешища*, *иссмейся* как *изведись*, *изловчись* и т.п.

⁴ Основной объем «Словаря неологизмов Велимира Хлебникова» (см. [Перцова 1995]) составляют «морфологически интерпретируемые слова» (5246 слов); список звукоподражаний и звукописи насчитывает 812 единиц.

Однако, как показали исследования М.В. Панова [1971], В.П. Григорьева [1986], большинство неологизмов Хлебникова устроено иначе: 1) многие из них образованы по непродуктивным моделям и нередко содержат аффикс, представленный в единственном узуальном слове: *резьмо* как *письмо*, *плясавица* как *красавица*, *училицы* как *кормилицы* [Панов 1971: 173–174]; 2) часть неологизмов Хлебникова представляют собой контаминации не морфем, а начальных или конечных звуковых комплексов, которые в узусе находятся в составе нечленимых основ и не являются аффиксами: *веязь*, *жизязь*, *речазь*, *умнязь* как *князь* и *витязь*, *мнепр* и *мнестр* по аналогии с *Днепр* и *Днестр*, *бурегурит* как *балагурит* и т.п. Понятно, что членимость таких дериватов и, следовательно, их мотивированность существенно меньшие, чем у неологизмов, созданных по регулярным моделям. Если в *бурегурит* можно увидеть корень слова *буря* и конец слова *балагурит* (*Это парус рекача / Бурегурит рокача*), то в большинстве контаминаций Хлебникова и их составные части, и значение неологизма в целом семантизируются читателем с усилием и, как правило, далеко не в полной мере. Туманность, загадочность, возможность одновременно нескольких разгадок обостряют внимание к строке⁵; смысловая неисчерпаемость создает экспрессию тайны и, в конечном счете, — эстетическую привлекательность строки. Р.О. Якобсон определил такие неологизмы как *беспредметные* — с помощью слова, тесно связанного с художественным авангардом начала XX в. (*беспредметная живопись*, *беспредметники* и т.п.): «Важная возможность поэтического неологизма — беспредметность. Действует закон поэтической этимологии, переживается словесная форма: и внешняя и внутренняя, но отсутствует то, что Гуссерль называет *dinglicher Bezug* [‘вещественное отношение’. — *Н.М.*]» [Якобсон [1921] 1987: 299]. Эстетическая ценность «беспредметных» неологизмов сродни ценности «чистых» цветовых пятен и линий в нефигуративном искусстве.

В терминах семиотики неологизмы типа *резьмо* и *мнепр* — это знаки-символы с почти неуловимой вторичной (словообразовательной) мотивацией. По данным М.В. Панова [1971: 179], в 3-м томе пятитомного собрания сочинений Хлебникова (поэзия 1917–1922 гг.) контаминаций типа *мнепр* значительно больше, чем во 2-м томе (поэзия 1906–1916 гг.). Иначе говоря, влечение Хлебникова к немотиви-

⁵ См., например, варианты семантизации формы *начери* / *ночери* в строке *Когда сердце н[а]чери обнажено в словах* (с. 76) в словаре [Перцова 1995: 245] и в комментариях издателей в [Хлебников 1986: 663]; в качестве возможных мотивирующих слов указываются формы *дочери*, *ночери* (от *ночь*).

рованным (конвенциональным) или слабо мотивированным знакам-символам с годами нарастало. Эта линия в поэтической эволюции поэта вполне коррелирует с семиотическими тенденциями, наблюдаемыми в истории коммуникации: начиная от изобретения алфавитного письма в разных сферах общения возрастает значимость семиотик, в которых преобладают знаки-символы [Мечковская 2007: 389–391, 396–397].

Что касается идей Хлебникова о будущем всемирном «звездном» языке, как и нескольких десятков изобретенных им знаков для такого «мечтаемого» языка, то здесь Хлебников явился не столько поэтом, сколько философом-рационалистом и семиотиком, продолжателем дела Лейбница в его поисках универсального языка ученых, — тех поисков, которые в XX в. привели к созданию сотен искусственных знаковых систем, прежде всего алгоритмических языков математики и компьютерных наук. Таким образом, эта грань футуристического творчества Хлебникова созвучна разработкам искусственных информационных языков в XX и XXI вв.

3. Стихи и поэмы Хлебникова отличает небывалая в русской поэзии насыщенность образами. Тропы Хлебникова различны по «технике» изменений (метафоры, олицетворения, персонификации, метонимии, сравнения, метаморфозы, метафорические эпитеты, гиперболы, ироническая антонимия, паронимические и анаграмматические сближения и др.), но, как кажется, особенно ему нужны тропы, преобразующие изображаемое, — метаморфозы. Главная особенность образного письма Хлебникова состоит в концентрации тропов, так сказать, в расчете на строку, однако это не плеоназм и не амплификация, потому что объекты образного видения — различны, с чем связаны панорамная широта и динамичность рисуемых картин.

Вот типичный пример: стихотворение 1919 г., без заглавия. Вот его первые 11 строк: *Над глухонемой отчизной: «Не убей!» / И голубой станицей голубей / Пьяница пением посоха пуль, / Когда ворковало мычание гуль: / «Взвод, направо, разом пли! / Ошибиться не могу! Стой — пали! / Свобода и престол, / Вперед!» / И дева красная, открыв подол, / Кричит: «Стреляй в живот! / Смелее, прямо в пуп!»* (с. 114). Нагромождение образов в тексте не переводимо в связные высказывания с дискретными актантами; при этом образы быстро сменяют друг друга. Синтаксические и смысловые эллипсы создают «пунктирность» (фрагментарность) увиденной / созданной поэтом картины: дана цепочка намеков, но только не слабых, а мощных. Это такие опорные точки видения панорамы: персонификация

фицирующий эпитет, рисующий Россию как человека, который не может услышать заповедь Бога; опьянение убийствами (*Пьяница пением посоха пуль*); война как дорога и пули как поющий посох; контраст между образом стаи воркующих голубых голубей (зримый и привычный символ мира) и командой стрелять в людей; однако и воркование услышано оксиморонно: как мычание; контраст между абстракциями лозунгов войны (*«Свобода и престол, / Вперед!»*) и выстрелами в живот женщины.

Поэтические тексты Хлебникова перенасыщены образами; нередко метафоры наплывают друг на друга, диссонируют, создают хаос — почему опьяненный войной человек сближен с *голубой станицей голубей?*; как объединить синестезию строки *Пьяница пением посоха пуль*, где пули и поют и служат посохом, т.е. превращаются в 'поющий посох'?; как примириться с катахрезой строки *Заря будущего мирно пасется рядом с тенями прошлого* (т.е., где будущее — это и краски неба (рядом с тенями), и время суток, и животное (которое пасется)? С точки зрения обычной («не-хлебниковской») поэтики, нагромождение образов мешает не только логике, но и цельности и выразительности образов. Однако у Хлебникова катахрезы и диссонансы обусловлены не авторским недосмотром или намеренной шуткой; это не игра, это поток образного сознания поэта. Несовместимые между собой картины толпятся и сталкиваются в тесноте строки — в ущерб наглядности и правдоподобию тропов, выигрывая, однако, в экспрессии, смысловом богатстве и страстности⁶.

⁶ Несколько дополнительных примеров диссонансов в одной или в соседних строках: 1) думы — одновременно представлены и как водка, и как яд: *И яда дум испивши водки* (с. 284); 2) движение дано одновременно и как плавание, и как полет: *Буду плыть, буду петь / Доном-Волгою! / Я пошлю вперед / Вечеровы устрицы. / Кто со мной — в полет? / А со мной — мои друзья!* (с. 174); 3) *песни* ('поэзия') — это и стихия (пролив), которую преодолевает поэт, и лекарство, которое он несет людям: *Не раз вы оставляли меня / И уносили мое платье, / Когда я переплывал проливы песни / [...] Я одиноким врачом / В доме сумасшедших / Пел свои песни-лекарства* (с. 181). Особенно отчетливы и намеренны катахрезы в манифесте «Труба марсиан» (1916): мозг людей — это и хромой щенок, и пашня; будетляне — и пашут мозг и приклеивают ему четвертую ногу: *Мозг людей и доныне скачет на трех ногах (три оси места)! Мы приклеиваем, возделывая мозг человечества, как пахари, этому щенку четвертую ногу, именно — ось времени* (с. 602); в обетованном будущем — *время цветет как черемуха и двигает как поршень* (с. 603); «приобретатели» (сила, враждебная будетлянам) объединены то в стада, то в стаи, между тем стадные животные не крадутся и не лают: *Приобретатели всегда стадами крались за изобретателями, теперь*

У Хлебникова образными были и стихи, и проза. О насыщенности — до непонятности — хлебниковской прозы образами писал Мандельштам: «Он [Хлебников. — Н.М.] дал образцы чудесной прозы, — девственной и невразумительной, как рассказ ребенка, от наплыва образов и понятий, вытесняющих друг друга из сознания» [Мандельштам [1923] 1991: 349]. Что касается поэзии Хлебникова, то в этой лавине образов Мандельштам видел главное содержание поэзии Хлебникова и главную ее ценность для будущего русской поэзии: «Хлебников написал даже не стихи, не поэмы, а огромный всероссийский требник-образник, из которого столетия и столетия будут черпать все, кому не лень» [Там же: 349].

Язык Хлебникова, образный по преимуществу, с небывало высокой концентрацией тропов на строку, с небывало сильной экспрессией образов, открывал новые возможности для проявления нарастающего в искусствах авторского субъективно-личностного начала. Образный язык Хлебникова укреплял в обществе представления о приоритетности и даже самодовлеющей ценности самовыражения художника, прививая вкус к индивидуально-неповторимому, странному, неизвестному.

4. Главное языковое новаторство Хлебникова состоит в том, что его сочинения написаны на общенародном русском языке. Хлебников выходит за пределы литературного (нормативно-го) языка, и в его идиолекте нормативно-стилистические различия языковых средств в значительной мере нейтрализованы или игнорируются.

4.1. У Хлебникова явлено максимальное в истории русской поэзии лексическое богатство — как по объему узуального словаря, так и числу неологизмов. Конкорданса к текстам Хлебникова пока нет, поэтому в подтверждение собственных ощущений того, что словарь Хлебникова по богатству превосходит лексикон любого русского поэта, сошлюсь на суждения двух выдающихся филологов. У Р.О. Якобсона применительно к поэзии Хлебникова есть такая метафора: *слово-океан* [Якобсон [1931] 1990: 73]. Это метафора огромности, безбрежности языка. Якобсон связывал с этой чертой эпичность

изобретатели отгоняют от себя лай приобретателей, стаями кравишихся за одиноким изобретателем (с. 603); время — и корабль, и птица: *крылатые паруса времени* (с. 603), подобно тому, как в «Воззвании председателей земного шара» (1917) «надгосударство звезды» — это и слово, и корабль/пароход: *Стоя на палубе слова «надгосударство звезды»* (с. 611).

Хлебникова: «Хлебников эпичен вопреки нашему антиэпическому времени, и в этом одна из разгадок его чуждости широкому потребителю. Другие поэты приближали его поэзию к читателю, черпая из Хлебникова, расплескивая этот “слово-океан” в лирические потоки» [Там же: 73]. По оценкам В.Ф. Маркова, в словаре Хлебникова, если даже исключить его многочисленные неологизмы, «оставшееся превысит словарь любого русского поэта или писателя» [Марков [1954] 1994: 193].

При исключительном богатстве своего словаря Хлебников безразличен к тому, что можно назвать нормативностью и стилистической маркированностью слов. Для него нет слов правильных и неправильных, высоких и низких, устарелых и новомодных; для него все слова равны и все, кроме неславянских заимствований⁷, приемлемы в работе: Хлебников употребляет диалектизмы, историзмы, церковнославянизмы, архаизмы, фольклоризмы, коллоквиализмы, просторечные слова в соответствии с их денотативной семантикой, а не нормативно-стилистическим статусом (который Хлебниковым едва ли замечался и, во всяком случае, не служил основанием отбора слов)⁸. В приведенном выше (раздел 3) стихотворении («Над глухонемой отчизной: “Не убей!”...») без особых экспрессивных заданий соседствуют слова разных стилистических регистров: церков-

⁷ Это самое кричащее противоречие Хлебникова: призывы к всемирному языку, который “помирит многоголосицу языков” (1919, с. 621), и славянофильский пуризм. Отсюда хлебниковские неологизмы-замены à la Шишков: *всеучбище* 'университет', *зенкопал* 'зритель', *злопись* 'сатира', *мучава* и *судьбоспор* 'трагедия', *небоснязь* 'поэт', *сумнец* 'пессимист', *указуй* 'режиссер', *умнечество* 'интеллигенция', *чудесавл* 'мистерия' и т.п. Хлебников предлагал также замены в научной терминологии: *наимал* 'атом', *числяр* 'математик', *молнийный* 'электрический', *нет* 'минус', *скрепа* 'формула' и т.п. Мечты о создании всемирного языка и славянофильский пуризм — из тех противоречий Хлебникова, где он, говоря словами В.Ф. Маркова, «объединяет необъединимое» [Марков [1954] 1994: 182]. Эти крайности, продолжает Марков, не могли ужиться в одном человеке: «Объединение крайностей не прошло даром — и Хлебников сгорел, как сгорел Блок» [Там же: 182].

⁸ В такой позиции Хлебникова (на практике, т.е. в творчестве), в его ощущении языка глубоко схвачено главное в информационных различиях между языком и речью: для выражения сути важны инварианты смысла, а не коннотации. Через 30 лет после Хлебникова создатель кибернетики Норберт Винер напишет об этих различиях так: «Совершенно верно, что при утонченном исследовании языка нормативные вопросы играют свою роль и что они являются весьма щекотливыми. Тем не менее эти вопросы представляют последний прекрасный цветок проблемы общения, а не ее наиболее существенные ступени» [Винер [1950] 1958: 99].

нославянизмы *отчизна*, *престол*; простецкое *не моги* и детское *гуля*⁹; народно-поэтическое и, как кажется, еще хранящее торжественность оды *дева красная* (ср. у Пушкина: ...там девы юные цветут; в песнях — *красна девка* (выбегала, целовала ямщика), в сказках — *красна девица*); абстрактные *отчизна*, *свобода*, *престол*; бытовые слова, называющие конкретное, материальное: *подол*, *живот*, *пуп*.

В.Ф. Марков, говоря о безразличии Хлебникова к нормативно-стилистическим и хронологическим барьерам и границам, писал: «Выбор, который мы называем вкусом, у Хлебникова отсутствует. Для него слова равны, и он употребляет их сразу — от “крина” до “ракла”. В русской поэзии не было более решительного отказа от деления слов на стили» [Марков [1954] 1994: 193]. По ощущению Маркова, «к стилю Хлебникова применимы слова А. Белого о Гоголе — “его слог одновременно и докультурный и утонченный”» [Там же: 193]. Я бы хотела в данном контексте акцентировать первый эпитет: *докультурный*.

Итак, важная черта языка Хлебникова, которая отвечает тенденциям в истории языка и проявится в языке будущего: это будет лексический океан общенародного языка, без берегов, без границ норм и стилистических барьеров.

4.2. Грамматическая раскованность идиолекта Хлебникова.

Выход речи Хлебникова за границы стандарта и смыкание с общенародным языком еще более отчетливо проявились в его грамматике. Его синтаксис изобилует конструкциями и формами, которые в руководствах по культуре речи называют ошибками и учат их избегать и исправлять¹⁰. Р.О. Якобсон [[1921] 1987: 290] видел в этих явлениях

⁹ В рассматриваемом произведении слова *Не моги!* — это цитата, фрагмент прямой (чужой) речи. Однако в десятках хлебниковских контекстов просторечные, областные или устарелые слова принадлежат авторской речи, не персонажу; ср.: *рабочая вяя*, *галах* (обл. 'крикун, горлодер'), мн.ч. *господины* (повторенное, кстати, у Бродского), *железа* ('кандалы'), *земной рух*, *кат*, *который дён*, *в лоні годы*, *матерь*, *навряд*, *надсмехаться*, *осударев*, *пануют*, *ракло* (цыганск., обл. 'вор, босяк'), *седни* 'сегодня', *суседский*, *чего нема* и т.п.

¹⁰ В их числе сбои в грамматической сочетаемости, в том числе в управлении: *идут увенчаны в венки* (с. 291); *летит багровыми крылами* (с. 293); *И он вспорхнет, красивый угол / Земного паруса труда* (с. 289); *И яда дум испивши водки* (с. 284); мешающие восприятию инверсии, разрывы синтаксических связей, эллипсисы: *Да, настезь ко всему людей пророческие очи!* (с. 306); *Наше сено царей будет скошено* (с. 307); *[расскажет] Что дворец был пляской нажит / Перед ста народов катом* (с. 284); смешение парони-

художественный прием, авторское «использование» оговорок: «Синтаксис Хлебникова характеризуется широким использованием ляпсуса, оговорки». Однако в том-то и дело, что это не прием, не «использование», не стилизация: это естественная, обычная для Хлебникова авторская стихотворная речь — страстная, стремительная (в темпе устного монолога, а не письма) и сумбурная, раскованная, пренебрегающая заботами о грамматической правильности, стилистической субординации и внятности читателю. Таков язык Хлебникова-поэта, и по широте всего, что в этом языке есть, это именно общенародный язык, и это будущее языка.

4.3. Прогностический смысл языкового новаторства Хлебникова. Историческое, т.е. непреходящее значение Хлебникова для истории языка состоит в том, что он писал на языке будущего — на общенародном языке — более широком, более свободном и потому более богатом. В идиолекте Хлебникова показано будущее языка, и 90 лет развития языка после Хлебникова, а также некоторые более широкие закономерности в истории литературных языков это подтверждают. Суть новаторства Хлебникова прекрасно раскрыл О.Э. Мандельштам: «Речь Хлебникова до того мирская, до того вульгатна [от Вульгата. — *Н.М.*], как если бы никогда не существовало ни монахов, ни Византии, ни интеллигентской письменности. Это абсолютно светская и мирская русская речь, впервые прозвучавшая за все время существования русской книжной грамоты. [...] Он наметил пути развития языка, переходные, промежуточные, и этот исторически небывший путь российской речевой судьбы, осуществленный только в Хлебникове [...]» [Мандельштам [1923, 1927] 1991: 263].

Лексическое богатство поэзии Хлебникова, выход его речи за границы стандарта и смыкание с общенародным языком — эти черты языка Хлебникова отвечают многовековым тенденциям в истории литературных (стандартных) языков и соответствуют их будущему. Литературные языки близкого будущего (т.е. языки СМИ, искусств (использующих слово), образования, культуры) — это языки общенародные, с размытым, мягким противопоставлением стандарта и диалектной речи, стандарта и просторечия, стандарта и арго. В ли-

мических глаголов: *Ломит, ломает белые руки* (с. 299); *сбои при передаче прямой речи: «О, пощади меня, панич», / Но тот «Не может» говорю; Ты истязал меня рассказом, / Что с ним и я, русалка, умерла* (с. 270) и т.п. В.Ф. Марков [[1954] 1994: 189], приведя длинный список подобных сбоев, заключает: «У Хлебникова — парад “неправильностей” русской речи и стихосложения, каталог стилистических оплошностей. Строка ломится от них».

тературных языках близкого будущего почти не будет жестких норм и запретов — кроме требования исправной орфографии в официальных документах и печатной продукции, а также запретов нецензурной брани публично. Литературные языки будущего, в сравнении с нынешними языками, будут в целом более демократичны, хотя их сложность, главным образом в сфере профессионального образования и общения, увеличится.

Процесс превращения литературного языка в общенародный язык — это результирующая целого ряда тенденций. При переходе от Средних веков к Новому времени меняется сам тип литературного языка. Наиболее глубокое типологическое различие между литературными языками старого (средневекового) и нового типа связано с тем, что в новых (народных) языках разговорная речь вошла в нормативное пространство коммуникации. В современном общении в Европе и Северной Америке нет такой ситуации, в которой литературный язык был бы неуместен: все виды неофициального общения (семейно-бытовое, самое дружеское и интимное и т.п.) возможны на литературном языке. В результате замены надэтнического литературного языка (латыни, церковнославянского, в Греции — греческого времен создания Нового Завета) языками народными расширились области использования нормированной речи; расширился также социальный состав носителей языкового стандарта.

Процессы, ведущие к консолидации общенародных языков, происходили (происходят) не только в истории литературных языков, но и в истории других форм существования общенародного языка: сокращаются лингвистические расстояния между диалектами этнических языков; городское просторечие смыкается с разговорной речью; существенно меняются функции и социолингвистический статус аргос. Профессиональные субстандарты становятся все более специальными и поэтому сближаются с кодифицированными специальными подъязыками (прежде всего по своей терминологии), в то время как «общие» (непрофессиональные) жаргоны становятся экспрессивно-стилистической разновидностью общего языка. Тайные языки и аргос антисоциальных групп эволюционировали в направлении к молодежному аргосу (назначение которого состоит в эмоционально-экспрессивной семиотизации групповой общности, а не в сохранении корпоративных тайн). В условиях обязательного школьного образования, массовой культуры и массовой коммуникации возрастные подъязыки (молодежное аргос), профессиональные субстандарты и городское просторечие постепенно сливаются

в «общем жаргоне»¹¹. Во взаимоотношениях компьютерного сленга (в качестве профессионального субстандарта новейшей формации) и общего узуса можно видеть дальнейшее развитие этой тенденции к консолидации общенародного языка и сокращению расстояний между разными формами его существования (см. подробно [Мечковская 2009: 392–398, 482–503]). И первым по этому пути шел Велимир Хлебников.

ЛИТЕРАТУРА

- Винер [1950] 1958 — *Винер Н.* Кибернетика и общество [1950]. М., 1958.
- Григорьев [1982] 2000 — *Григорьев В. П.* Воображаемая филология Велимира Хлебникова [1982] // *Григорьев В. П.* Будетлянин. М., 2000. С. 445–458.
- Григорьев [1982] 2006 — *Григорьев В. П.* «Лети, созвездье человечье...» (В. Хлебников-интерлингвист) [1982] // *Григорьев В. П.* Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка. Избранные работы. 1958–2000-е годы. М., 2006. С. 217–226.
- Григорьев 1986 — *Григорьев В. П.* Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986.
- Грыгар 2004 — *Грыгар М.* Самовитое слово Хлебникова с точки зрения семиотики // *Russian Literature*. 2004. Vol. 55. P. 189–213.
- Ермакова, Земская, Розина 1999 — *Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И.* Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Мандельштам [1923] 1991 — *Мандельштам О. Э.* Буря и натиск [1923] // *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Проза. М., 1991. С. 339–351.
- Мандельштам [1923, 1927] 1991 — *Мандельштам О. Э.* Заметки о поэзии [1923, 1927] // *Мандельштам О. Э.* Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 2. Проза. М., 1991. С. 260–265.
- Марков [1954] 1994 — *Марков В. Ф.* О Хлебникове: Попытка апологии и сопротивления [1954] // *Марков В. Ф.* О свободе в поэзии: Статьи. Эссе. Разное. СПб., 1994. С. 170–213.
- Мечковская 2001 — *Мечковская Н. Б.* «И пространство торчит преискуррантом»: Число и слово в поэтике Иосифа Бродского // *Количествен-*

¹¹ «Общий жаргон» как экспрессивный пласт лексики, пришедшей в повседневное общение и СМИ из молодежного и профессионального арг (в том числе криминального) и городского просторечия, представлен в словаре [Ермакова, Земская, Розина 1999].

- ность и градуальность в естественном языке. *Quantität und Graduierung in der natürlichen Sprache* (=Die Welt der Slaven. Sammelbände. Bd. 11). München, 2001. S. 97–122.
- Мечковская 2007 — *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура. М., 2007.
- Мечковская 2009 — *Мечковская Н.Б.* История языка и история коммуникации: От клинописи до Интернета. М., 2009.
- Панов 1971 — *Панов М.В.* О членимости слова на морфемы // Памяти академика В.В. Виноградова: Сборник статей. М., 1971. С. 170–179.
- Перцова 1995 — *Перцова Н.Н.* Словарь неологизмов Велимира Хлебникова (= Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband 40). Wien; Moskau, 1995.
- Перцова 2000 — *Перцова Н.Н.* О «звездном языке» Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова. Статьи. Исследования (1911–1998). М., 2000. С. 359–384.
- Хлебников 1986 — *Велимир Хлебников.* Творения / Общая редакция и вступительная статья М.Я. Полякова / Сост., подгот. текста и коммент. В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М., 1986.
- Цивьян 2004 — *Цивьян Т.В.* Хлебниковская лингвистика: предварительные заметки // *Russian Literature*, 2004. Vol. 55. P. 65–75.
- Шкловский [1986] 1997 — *Шкловский В.Б.* О заумном языке. 70 лет спустя [1986] // *Русская речь*. 1997. № 3. С. 33–37.
- Якобсон [1921] 1987 — *Якобсон Р.О.* Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову [1921] // *Якобсон Р.О.* Работы по поэтике. М., 1987. С. 272–316.
- Якобсон [1931] 1990 — *Якобсон Р.О.* О поколении, растратившем своих поэтов [1931] // *Вопросы литературы*. 1990. № 11–12. С. 73–98.

СЕМАНТИКА КОНСТРУКЦИИ *MUNU* + ИНФИНИТИВ КАК СПОСОБА ВЫРАЖЕНИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В РОДОВЫХ САГАХ

Как слушатели саг в эпоху их создания, так и повествователь безоговорочно верили в правдивость того, что рассказывается в сагах, даже в тех случаях, если вымысел очевиден для современного читателя. Речь идет не столько о вере в сверхъестественное, сколько о протяженных диалогах, предсмертных речах персонажей, детализированных батальных описаниях, которые, очевидно, не могли сохраниться в традиции в том виде, в каком они имели место в прошлом. По всей видимости, аудитория эпохи создания саг обладала способностью поставить себя на место того, кто составлял сагу и не замечать того вымысла, которого не замечал составитель. Такое представление о достоверности описываемых событий М.И. Стеблин-Каменским было названо «синкретической правдой», которая оказывается богаче и сложнее художественного правдоподобия, господствующего в литературе Нового времени. Неосведомленность автора о собственном вымысле возможна только в том случае, если автор не осознавал оригинальности своего повествования. Такой тип авторства был назван «неосознанным авторством», при котором, детализируя повествование, составитель саги не мог считать свою активность подлинно авторской, индивидуальной и сам целиком и полностью верил тому, о чем рассказывал [Стеблин-Каменский 2003].

Сага — это, по определению, повествование о прошлом. Время в саге не противопоставлено реальному, историческому времени и, в отличие от художественного времени в произведениях Нового времени, допускающего свободное обращение с фабулой, однонаправленно и необратимо: о событиях может быть рассказано только в том порядке, как они происходили. Онтологическая природа будущего — его внеопытность, неverifiedируемость, неконтролируемость — обуславливает тот факт, что сообщения о будущем, в сущности, гадательны и не подразумевают абсолютной достоверности. В силу того что авторской речи свойственна установка на абсолютную достовер-

ность и объективность, о будущих событиях в ней не сообщается. Область будущего в сагах — план речи персонажей, как прямой, так и косвенной. Складывается впечатление, что именно персонажи рассуждают о реальности, нереальности, необходимости или неизбежности того или иного события и в соответствии с этим вводят в свои высказывания ту или иную модальность. Однако поскольку в саге мы имеем дело не с живой речью, а с особым типом повествования, внимательный анализ высказываний о будущем и событий, о которых в них говорится, указывает на то, что, хотя непосредственная трактовка событий «от автора» для саги не характерна, авторская активность составителя саги затрагивает и область будущего.

Упомянутое выше отсутствие разрыва между реальным временем и временем повествования тесно связано с представлением о «прочности» времени¹ в древнеисландской культуре [Стеблин-Каменский 2003: 196–206]. События прошлого укоренены в традиции, знание о них хранится в сагах, эддической и скальдической поэзии. «Прочностью» обладает также и будущее, и «прочность» эта обеспечивается верой в судьбу, которая является одним из наиболее устойчивых мотивов древнеисландской словесности. Вера в судьбу основывается на тесной взаимосвязи всех происходящих событий, укорененность событий настоящего — в прошлом, а будущего — в настоящем, вследствие чего вещие сны, предсказания, приметы, знамения, являясь элементом настоящего, сообщают достоверные сведения о будущем. Очевидно, что в реальности не все предсказания и пророчества сбывались и не все сны были вещими, но в саге о таких снах и пророчествах не сообщается — не потому, что автор лукавит и подтасовывает факты в угоду собственному вымыслу, но потому, что только эти сведения дошли до него из традиции, а традиция, как известно, хранит только правду.

«Прочность» будущего воплощается не только в упомянутых элементах сюжета, но и в модальной трактовке грядущих событий. Симптоматично, что высказывания о будущем, не содержащие модальной окраски, в саге практически отсутствуют, ведь абсолютно достоверное высказывание о будущем невозможно. Презентные формы изъявительного и сослагательного наклонения частотны в придаточных предложениях, а их модальность определяется либо предикатом главного, либо семантикой самого придаточного. В неза-

¹ Представление о «прочности» времени является одним из существенных моментов, характеризующих «неосознанное авторство». В эпоху разрушения «неосознанного авторства» происходит и разрушение понятия о «прочности» времени [Стеблин-Каменский 2003: 572].

висимых предложениях презентные формы встречаются крайне редко. Отнесенность процесса к плану будущего в древнеисландском языке осуществляется, по преимуществу, при помощи конструкций с модально-проспективным значением: в 50% всех модальных высказываний о будущем употреблена конструкция *timi* + инфинитив, в 30% — *skulu*, а в оставшихся 20% высказываний — прочие описательные сочетания [Щур 1964: 60]. Несмотря на частотность употребления этих сочетаний², ни одно из них не входит во временную парадигму древнеисландского глагола и не является грамматической формой будущего времени. Модальный признак в каждой из указанных конструкций контекстуально устойчив и имеет семантический инвариант³.

Модальность высказываний о будущем, как следует из представлений о «прочности» времени, не случайна и значима. Двуправленность модальных высказываний в саге соотносится с амбивалентностью взгляда повествователя, о котором говорилось выше. Очевидно, что согласно внутренней логике саги, модальные значения высказываний уместны в тех коммуникативных ситуациях, в которых они используется. Однако модальная семантика этих высказываний как нельзя лучше предопределяет итог событий, который, очевидно, известен автору из традиции. Автор не притворяется, будто ничего не знает о прошлом, чтобы усилить эмоциональное напряжение в саге. Он рассказывает только то, что действительно происходило, неосознанно вводя в текст свою точку зрения. Он не может выбрать иную модальность, ведь тогда его повествование не будет соответствовать действительности, а ложь и лукавство в родовой саге невозможны.

Итак, «прочность» будущего воплощается в амбивалентности взгляда повествователя: с одной стороны, автор рассказывает о событиях, следуя жизненному пути своих персонажей, не забегая вперед и, на первый взгляд, не сообщает о будущем более, чем может быть известно самим персонажам; с другой — знание об итоге событий в саге подспудно присутствует и накладывает существенный отпечаток на структуру повествования. Иными словами, «абсолютная проза» саги подразумевает, что взгляд повествователя, как и персонажей саги, интроспективен в отношении настоящего и проспективен

² Ср.: [Morris 1964: 25–26; Nygaard 1905: 191].

³ Связь с модальностью характерна для футуральных сочетаний и конструкций во многих языках — в синхронии или в диахронии, однако в грамматических формах футурума неотъемлемо присущий высказыванию о будущем модальный признак не зависит от семантики вспомогательного глагола (или синтетической формы) и выводится из контекста.

в отношении будущего, однако автор знает, к чему ведут события, о которых в саге говорится, и рассказ его ретроспективен, что проявляется, в частности, в выборе той или иной модальной конструкции в повествовании о будущем.

Высказывания о будущем образуют в саге связующую нить повествования [Стеблин-Каменский 2003]. Это проявляется не только в постоянных отсылках в речах персонажей к их собственным прежним высказываниям, которые по ходу саги сбываются, но и в том, что конструкции с модально-проспективным значением реализуют свою семантику в различного рода ситуациях, или топосах, связанных с наиболее значимыми для людей эпохи саг областями жизни. Обратимся к тексту и рассмотрим особенности функционирования наиболее частотной конструкции с модально-проспективным значением — *munu* + инфинитив⁴. Ее инвариантное значение образовано сочетанием двух семантических признаков — потенциальности и личностной активности говорящего, на базе этих двух признаков формируются два лексико-семантических варианта: (1) намерения и (2) потенциальности, — причем в намерении очевидным образом присутствует потенциальность (намерение в саге далеко не всегда реализуется), а потенциальность предполагает элемент личной активности говорящего (верно трактовать события и делать предсказания способен далеко не каждый персонаж саги). Каждый из названных ЛСВ связан с открытым перечнем саговых ситуаций. Рассмотрим наиболее существенные из них.

Лексико-семантический вариант *намерения* чаще всего реализуется в форме первого лица единственного числа. Футуральная отнесенность свойственна этим высказываниям в силу того, что заявленное в настоящем намерение предполагает реализацию в будущем. Вероятность этой реализации мало зависит от говорящего, хотя в большинстве случаев действие совершается. На погребении Вестейна Торгрим заявляет: *Gísla 14. «Þat er tízka», segir hann, «at binda mönnum helskó, þá er þeir skulu ganga á til Valhallar, ok mun ek þat gera við Véstein».* — «Есть обычай, — говорит он, — завязывать умершим башмаки Хель, чтобы они шли в них в Вальгаллу, и я сделаю это для Вестейна». Контекст дает основания для того, чтобы выделить ситуацию заявления о намерении в особую группу: намереваясь совершить действие, персонаж совершает действие, которое в последовательности событий является отмеченным, ведь то, что об этом действии в саге сообщается, характеризует его как достой-

⁴ Материалом для анализа служит текст «Саги о Гисли» по рукописи из собрания Ауртни Магнуссона AM 556 [*Gísla saga Súrssonar* 1899].

ное памяти. Прочитированные слова Торгрима в саге существенны, во-первых, потому, что Торгрим таким образом оказывает честь Вестейну, а во-вторых, это действие символизирует грядущую гибель самого Торгрима, при погребении которого убивший его Гисли произнесет очень похожие слова (Gísla 17).

Особенного трагического напряжения повествование достигает в моменты, когда герой, предчувствуя гибель и будучи предупрежден об опасности, осознанно следует своей судьбе. Вестейн, зная о том, что на его жизнь может быть совершено покушение, пренебрегает советом Гисли и решает приехать на его хутор: Gísla 12. «ok *mun* ek þangat ríða enda, ef ek þess fúss» — «но я туда все равно отправлюсь, ведь меня тянет туда». Показательно, что в этом случае речь не идет о долженствовании, иначе была бы употреблена конструкция *skulu* + инфинитив, то есть стремление героя соответствовать своей судьбе связано не с долженствованием, а со свободным выбором героя (ср. [Гуревич 1994]). На хутор Гисли Вестейна, очевидно, влечет не только возможность повидаться с сестрой, но и стремление достойно встретить свою смерть, раз она ему суждена. В ответ на все предупреждения он заявляет: «Значит, так тому и быть».

Лексико-семантический вариант *потенциальности* реализуется в следующих основных ситуациях: предположение, прогноз и предсказание. Семантический компонент личностной активности проявляется в них с разной степенью интенсивности. Предположение и прогноз можно противопоставить предсказанию, в силу того что в первых двух случаях личностная активность говорящего проявляется в меньшей степени: чтобы прогнозировать развитие событий (прогноз) или толковать имеющиеся факты в настоящем (предположение) говорящему не нужно быть провидцем. Вместе с тем граница между прогнозом и предсказанием проницаема: прогноз в саге реализуется, а предсказание сбывается в силу того, что традиция сохраняет только значимые события. Так, зная характер своей жены, Гисли уверен в том, что она его ни за что не выдаст, даже если ее воспитаннице Гудрид кажется, что Ауд польстилась на деньги: Gísla 31. Gísli mælti: «Ger þú þér gott í hug, því at ekki *mun* mér þat at fjörlesti verða, at Auðr blekki mik» — «Гисли сказал: “Успокойся, потому что то не станет мне гибелью, что Ауд предаст меня”». Особенности личности Гисли, о которых сказано ниже, позволяют истолковать этот прогноз как предсказание. Вернемся к судьбе Вестейна, которого предупреждает его родственница, к которой он заехал по пути на хутор Гисли: Gísla 12. «Vésteinn», sagði hon, «vertu var um þik; þurfa *mun*tu þess». — «Вестейн, — сказала она, — будь осторожен; тебе это потребуется». По всей видимости, всем в округе известно, что жизни Вестейна угро-

жает опасность, но предупреждение из уст женщины в саге приобретает особое значение и приближается к предсказанию.

В отличие от прогноза и предположения для предсказания говорящему требуются особые способности, и активность его личности проявляется в этом случае особенно интенсивно. Так, о Гисли сказано, что он был человеком мудрым и ему снились вещие сны. Во время своего последнего свидания со своим братом Торкелем он говорит: Gísla 24. «Nú þykkist þú öllum fótum í etu standa, ok vera vinur margra höfðingja, ok uggir nú ekki at þér, enn ek er sekr, ok hef ek mikinn fjandskap margra manna. Enn þat kann ek þér at segja, at þú munnt þó fyrr drepinn, enn ek». — «Теперь тебе кажется, что ты стоишь обеими ногами в яслях, ты друг многих влиятельных людей и не боишься за себя, а я объявлен вне закона и много у меня врагов. Но я могу тебе сказать, что ты все равно будешь убит раньше, чем я». Торкель заявляет, что не верит словам Гисли, и не обращает на них внимания. Но, как и следовало ожидать, предсказание Гисли сбывается: Торкеля убил один из сыновей Вестейна (Gísla 28). В рассмотренном примере отчетливо проявляется амбивалентность взгляда повествователя, о которой мы говорили в первой части статьи. Реплика Торкеля отражает интроспективную точку зрения, реплика Гисли совмещает в себе ретроспективную и проспективную направленность: то, что предсказание Гисли сбудется, определяет упоминание о нем в саге.

Анализ футуральных высказываний с конструкцией *munu* + инфинитив в языке саг показывает, что между упомянутыми в саге событиями устанавливаются тесные связи, причем события настоящего проецируются в план будущего, а план будущего отраженным светом освещает события настоящего: элементы сюжета и, в частности, выбор определенной конструкции с модально-проспективным значением указывают нам, как указывали древней аудитории, на трагичность судьбы персонажей (Вестейна, Гисли и Торкеля в рассмотренных примерах). Однако эта трагичность, устремленность жизни к концу, составляя основное содержание сагового повествования, является отражением гармоничности восприятия действительности людьми эпохи создания саг своего прошлого: будущее в саге всегда осознанно, а события, его мотивирующие, как правило, известны, в силу чего будущее становится более понятным и закономерным.

ЛИТЕРАТУРА

- Гуревич 1994 — *Гуревич А.Я.* Диалектика судьбы у германцев и древних скандинавов // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994.
- Стеблин-Каменский 2003 — *Стеблин-Каменский М.И.* Труды по филологии. СПб., 2003.
- Щур 1964 — *Щур Г.С.* О будущем времени в исландском языке // Скандинавский сборник. 1964. Т. IX.
- Gísla saga Súrssonar 1899 — *Gísla saga Súrssonar I og II, búið hefir til prentunar* Vald. Ásmundarson. Reykjavík, 1899.
- Morris 1964 — *Morris Ph.M.* Das Futurum in den altisländischen Familiensagen: Ausdruck und Auswendung. München, 1964.
- Nygaard 1905 — *Nygaard M.* Norrøn Syntax. Kristiania, 1905.

БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ В ПОЭТИКЕ Ю. КУЗНЕЦОВА (СЕМАНТИКА И ГРАММАТИКА)

Понятие «дискурс» является популярным в современной лингвистике, трактуется неоднозначно разными учеными. Из всех определений как рабочее мы выбираем данное Н.Д. Арутюновой. Исследователь понимает дискурс как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами [...]». Дискурс — это речь, “погруженная в жизнь”» [Арутюнова 1990]. Таким образом, дискурс — это сложное коммуникативное явление, семантическую структуру которого организуют текст и экстралингвистические факторы, необходимые для понимания текста.

Мы рассматриваем произведения Ю. Кузнецова как мифологический дискурс, релевантный мифологизму поэтического мышления автора. Миф, репрезентируемый в его стихотворениях, с нашей точки зрения, является дискурсом, так как в нем актуализируется определенная коммуникативная стратегия, которая направлена на утверждение авторской позиции как единственно возможной в поэтическом универсуме.

Коммуникативная компетенция автора утверждается в том числе с помощью грамматической реализации тематического комплекса «время». Темпоральность проявляется как на семантическом уровне, так и на уровне морфологическом. Для Ю. Кузнецова характерно мифологическое восприятие времени, взаимообусловленная связь прошлого с будущим:

*Каждое слово его как звенящая медь,
Каждое слово сбылось или сбудется впрдь...*

[Кузнецов 2006].

Время в поздний период творчества поэта меняется: если вначале это время цикличное, повторяющее бесконечно одно действие

как ритуал (отсюда преобладание глаголов настоящего времени несовершенного вида или грамматическое прошедшее незавершенное), то в стихотворениях 2000 г. мы находим другую картину. В произведениях 70–90-х гг. отражение категории времени соответствовало классической мифологической модели мира: резкое разграничение мифического периода (глаголы несовершенного вида) и современного (глаголы совершенного вида).

Все происходившее в мифологическое время рассматривалось автором как прецедент, служащий образцом для воспроизведения, как модель повторяющегося ритуала. По этой причине многие сюжетные стихотворения — постоянное повторение сакральных событий, произошедших в «начале» времени.

Экспликация традиционных мифологем (время, вечность, мировое древо) позволяет автору обратиться к постановке и разрешению обобщенно-философских тем. В стихотворении «В чистом поле гигант из земли возникал...» поэт затрагивает тему идентификации времени с жизнью человека, характерную для феноменологии и экзистенциализма. Модель пути человеческой жизни представлена как вербально-наглядная с помощью мифоритуального сценария круговращения солнца.

Размышляя о мифопоэтическом воздействии искусства, К.Г. Юнг говорил о том, что использование символов позволяет перенести сиюминутное в сферу вечного, личную судьбу возвысить до общечеловеческой, тем самым высвобождая в человечестве такие силы, которые позволяют обыденному стать вечным.

В наиболее обобщенной форме универсальное мифоритуальное действие, актуализирующее тематический комплекс «время», представлено в стихотворении «В чистом поле гигант из земли возникал...»:

*В чистом поле гигант из земли возникал
И горбатое солнце на запад толкал.*

*— Помоги! — говорит он. — Стань братом моим.
Что есть время — мы этот вопрос разрешим.*

*Ты змеиную мудрость узлом затяни,
Просвищевшую пулю — еще подтолкни.*

*Ты в любви не минувшим, а новым богат,
Подтолкни уходящую женщину, брат.*

*И ледник, что спешит за улиткой вослед,
Подтолкни: он ползет уже тысячи лет.*

Смысло- и структурообразующим в данном тексте становится ритуальное действие, имитирующее круговорот солнца. Сакральное действие имеет в рамках мифа огромное значение. «Ритуал — это стереотипная последовательность действий, — пишет В. Тэрнер, — которые охватывают жесты, слова и объекты, исполняются на специально подготовленном месте и предназначаются для воздействия на сверхъестественные силы или существа в интересах и целях исполнителей» [Тэрнер 1983].

Ритуал начинается с принятия определенной ритуальной позы (возникновение гиганта из земли в стихотворении Ю. Кузнецова) [Маковский 1996]. Затем происходит динамическое повторение сакральных жестов и действий (несовершенный вид глаголов «возникать», «толкать» выражает процесс, повторяющийся во времени).

Ядром ассоциативно-вербальной сетки стихотворения является глагол «толкать».

В поэтическом тексте узуальные ассоциативные связи данного глагола претерпевают коренные изменения. При этом слово актуализирует не свойственные ему, противоречащие общезыковой семантике ассоциативно-смысловые связи. Автор, стремясь добиться неповторимого эстетического эффекта, ломает привычные представления об определенных понятиях и реалиях окружающего мира.

Основные лексико-семантические корреляции слов обнаруживаются сразу: *горбатое солнце — толкать, пулю — толкать, женщину — толкать, ледник — толкать*.

Основным экспликаторм мифологемы время является корреляция **солнце — толкать**, которая обуславливает актуализацию ритуального действия. Это обряд очищения, означающий рождение нового солнца: чистый значит свет, солнце. Обряды очистительного характера называются люстрационными (от лат. *lustrum* «свет», *lustrare* «светить»), это термины круговращения небесных светил. Поворот, поворачивание рассматривались как подражание круговороту Вселенной: существовали особые обряды круговых хождений в связи с бегом солнца [Маковский 1996].

Этимологическая связь слова «время» и таких слов, как «вертеть», «вращать» конденсируют значение ритуального сценария: славянское *vrěmę* < **vermę* < **vert-men* восходит к индоевропейскому глагольному корню *vert-/vort* «поворачивать, вращать», от которого происходят как старославянские глаголы *вратити*, *вращати*, *врътѣти*, так и соответствующие древнерусские формы *воротити*, *ворочати*, *врътѣти*; славянское *vrěmę* сопоставляется с древнеиндийским *vártman* «поворот колеса, оставляемый колесом след, колея, дорога» [Евзлин 1993].

Поскольку отсчет времени практически у всех народов производится по перемещению небесных светил, то движение времени можно отождествлять с этим движением. Отсюда естественно возникает представление о цикличности времени: оно предстает как циклическое, как бы вращающееся по кругу.

Прошлое не уходит, но повторяется бесконечно: прошлое циклически оживает в настоящем. Нетрудно заметить, что такое представление о времени соответствует космогонической модели мира: мифологическое сознание исходит из того, что в процессе течения времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный, сакральный мотив.

Грандиозность разворачиваемого действия поддерживается реальным временем стихотворения. Это время чрезмерно растянутое («тысячи лет»). Форма глаголов (*возникал, толкал*) — несовершенный вид — несет четкую функцию выражения реального времени. Несовершенный вид глагола выражает процесс, растянутый во времени. Для мифологического миропонимания характерна в целом циклическая структура времени, при которой настоящее и будущее выступают лишь как различные темпоральные ипостаси мифического прошлого.

Первой моделью времени при мифологическом миропонимании была архаическая колебательная модель, сменившаяся циклической моделью, при которой признавалось, что время всегда движется по определенному замкнутому кругу. Циклическая модель времени, эксплицируемая в тексте, позволяет автору перенести события единовременные в круг вечности, сопоставить время, вечность с жизнью человека.

Глагол «толкать» в стихотворении коррелирует с образом гиганта. Происходит развитие ассоциативного сюжета, центр которого скоординирован в лексеме «толкать», реализующей эстетическое значение: 1) 'процесс возникновения, творения'; 2) 'процесс движения'. Лексема «толкать» концентрирует семантические контуры индивидуально-поэтического образа гиганта — труженика, создающего землю. Процесс творения в авторском мифе обозначается как непрерывное движение, циклическое действие. Эта идея эксплицируется на уровне языковом (несовершенный вид глаголов), композиционном (рефрен «толкать» как организующий центр стихотворения), образном (метафора «толкать солнце» обозначает циклический процесс — ежедневный восход и закат солнца).

Ю. Кузнецов в стихотворении конденсирует индивидуально-авторский символ гигант — демиург. Одним из основополагающих образов различных мифологий выступает персонифицированная творческая сила (бог-творец, герой-демиург). Бог-творец созидает предметы

мироздания путем изготовления, подобно тому, как работает ремесленник. Связь гиганта со временем обусловлена в первую очередь тем, что великаны относятся к мифическому времени. Необходимо подчеркнуть, что солнце также связано со временем, так как в начале мифологического времени солнце, как и другие светила, отсутствует.

Формируется образ пространства-времени, эксплицируется хронотоп Прошедшее — Вечное — Будущее.

Для позднего творчества характерна особая модель темпоральности. Актуальным становится прошедшее время: прошлое служит репрезентантом будущего, предопределяет его и объясняет. Ключевой становится лексема «бывало»:

1) *Бывало, встречу воробьев —*

Фьюить! И поминай как звали [«Детство Христа»];

2) *В синее небо смотришь, бывало* [«Дунька летает»].

Грамматическое время здесь — самое общее и неопределенное прошедшее. Строфы строятся по принципу былой повторности (*бывало*), когда подробности прошлых событий даются в категории обыкновения. Несовершенный вид глагола репрезентирует незавершенное, длящееся прошлое мгновение: повторяющееся замедленное время замирает.

Рожденный Богом на земле,

Я проходил по бездорожью,

И светляка в вечерней мгле

Я принимал за искру Божью.

Когда у бездны на краю

Возьму я голыми руками

Змею молчанья — смерть мою,

Она заговорит стихами [«Рожденный богом на земле...»].

В первой строфе глаголами прошедшего времени несовершенного вида акцентируется последовательность, повторность и продолженность действия (*проходил, принимал*). В последней строфе повествовательный ряд обогащается появлением личных форм совершенного вида будущего времени (*возьму, заговорит*), соединяя тем самым время прошлое и будущее. Повторяющиеся события прошлого неизбежно приводят к описанному результату, приобретают значение императива.

Грамматический императив, повторяясь, репрезентирует время будущее (*услышите*). Автор, проникая из настоящего в будущее, берет на себя функции пророка:

*Полюбите живого Христа,
Что ходил по росе
И сидел у ночного костра,
Освещенный как все.
Так откройтесь дыханью куста,
Содроганью зарниц
И услышите голос Христа,
А не шорох страниц [«Полюбите живого Христа...»].*

Временные категории — единицы времени, времена года, части суток — непосредственно в текстах не встречаются. В позднем творчестве центральной становится оппозиция время / вневременность и ее частный вариант однократность / вневременность.

*Я надевал счастливую сорочку,
Скитаясь между солнцем и луной,
И все глядел в невидимую точку —
Она всегда была передо мной.
И был мне голос. Он как гром раздался:
— Войди в огонь! Не бойся ничего!
— А что же с миром?
— Он тебе казался. Меня ты созерцал, а не его...
И я вошел в огонь, и я восславил
Того, Кто был всегда передо мной.
А пепел свой я навсегда оставил
Скитаться между солнцем и луной [«Невидимая точка»].*

В этом стихотворении семантика глаголов прошедшего времени обыгрывается по-особому: в 1 строфе глаголы несовершенного вида эксплицируют событийность длящуюся, повторяющуюся, а в кульминационной строфе событийно актуальным становится совершенный вид глаголов прошедшего времени. Тем самым прошедшее время оказывается доминирующим, пронизывающим все пространство. Время останавливается, происходит взаимное наложение прошлого, настоящего и будущего.

В своем творчестве поэт последовательно воспроизводит мифологическую модель времени: цикличность повторяющихся событий, за которыми зачастую стоит безразличность, безысходность.

Особенность изображения темпоральной категории Ю. Кузнецовым в том, что многие события хранят память о прошлом и начинают притягивать к себе аналогичные события из настоящего и

будущего, моделируя цикличность. Выстраивается характерная для мифологической модели мира связь прошлого с будущим: прошлое изначально содержит в себе зачаток будущего, в результате стирается грань между прошлым и настоящим. В подобной модели любые сакрально маркированные события становятся вневременными.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1990 — *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Евзлин 1993 — *Евзлин М.* Космогония и ритуал. М., 1993.
- Кузнецов 2006 — *Кузнецов Ю.П.* Крестный ход: Стихотворения и поэмы. М., 2006.
- Маковский 1996 — *Маковский М.М.* Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
- Платон 2000 — *Платон.* Диалоги. М., 2000.
- Топоров 1995 — *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.
- Тэрнер 1983 — *Тэрнер В.* Символ и ритуал. М., 1983.
- Успенский 1989 — *Успенский Б.А.* История и семиотика (восприятие времени как семиотическая проблема) // Труды по знаковым системам. 23. Текст — культура — семиотика нарратива. Вып. 855. Т. 11. Тарту, 1989.
- Юнг 1996 — *Юнг К.Г.* Проблемы души нашего времени. М., 1996.

О СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ ФУТУРАЛЬНОСТИ В КОСМОГОНИЧЕСКИХ ПЕСНЯХ «СТАРШЕЙ ЭДДЫ»

Как известно, «выдвижение времени на первый план среди понятий, выражаемых глагольными основами, — это новшество, характерное для германского, кельтского и итальянских языков» [Мейе 1952: 91] (разрядка наша. — Т.Т.). В древнегерманских языках категорию темпоральности конституирует двучленная оппозиция *настоящего* времени *прошедшему*, выражаемая различными глагольными основами и флексиями. В процессе эволюции германских языков так и не было сформировано трехчленное противопоставление трех времен — *настоящего, прошедшего и будущего*, хотя для выражения проекции в будущее использовались разнообразные способы. Во-первых, функцию обозначения футуральности взял на себя презенс, а, во-вторых, для этой цели применялись аналитические конструкции, варьирующие в зависимости от конкретного языка. Что касается скандинавских языков древнейшей поры, то «в них употреблялись сочетания модальных глаголов *muþu*, *skulu* + инфинитив (модальное будущее), но наряду с этим широко использовалась и вторая модель со служебным глаголом “становиться”» [СГГЯ 1966, IV: 257]. Если обратиться непосредственно к древнеисландскому языку, то в нем «будущее время образуется сочетанием настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *muþu* (в 1-м л. также *skulu*) и инфинитива знаменательного глагола» [Стеблин-Каменский 1955: 117], при этом существуют определенные правила функционирования будущего времени и в придаточных предложениях¹.

Статья выполнена в рамках программы фундаментальных исследований секции языка и литературы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

¹ Подробнее см. [Heusler 1913: 144].

Высокая степень мотивированности лингвистического знака — слова — в мифопоэтической модели мира, осмысление его внутренней формы, свидетельствующие о понятности принципа номинации для носителя соответствующей традиции, предполагают более или менее непосредственную связь языка с мифом; изучение ее природы вызывало неослабевающий интерес специалистов с самого начала сравнительно-исторических исследований. При решении этой фундаментальной проблемы возможны два варианта:

- тезис о **первичности языка** базируется на детерминации мифа, репрезентированного как определенный текст, элементами языка (семантическими единицами); при этом устанавливаются корреляции между *семантическими мотивировками* лексем и *мифологическими мотивами* (или пучками мифологических мотивов), *мифологическими образами*, *мифологемами*, *мифологическими сюжетами* и *мифами*;
- тезис о **первичности мифа** исходит из представлений о том, что он задает языку определенные смысловые параметры, реализующиеся на различных уровнях.

Поскольку первая концепция разработана несравненно более подробно, чем вторая, сосредоточим внимание главным образом на последнем тезисе и попытаемся на конкретном примере продемонстрировать процесс, в истоке которого локализуется миф, а в итоге — язык, и проследить механизм трансформации мифологической сущности в языковую. Ниже предлагаем рассмотреть некоторые тенденции выражения *будущего* времени в космогонических песнях древнеисландского эпического памятника — «Старшей Эдды», которые, на наш взгляд, обнаруживаются на основании эмпирических наблюдений, что, однако, никак не умаляет их значения для обсуждения избранной темы. В качестве объекта исследования использованы «Прорицание вёльвы», «Речи Вафтруднира» и «Речи Гримнира», в которых во всех подробностях описывается возникновение космизированной вселенной. Выбор материала нуждается в обосновании, так как возникает резонный вопрос: почему именно космогонические песни можно считать наиболее репрезентативными? Доминирующая роль космогонического мифа (или мифа творения), неоднократно подчеркиваемая в многочисленных исследованиях²,

² Идея рассмотрения сквозь призму космогонии всей мифологической системы была убедительно доказана известным индологом Ф.Б.Я. Кёйпером на примере «Ригведы». По мнению Кёйпера, «главный миф “Ригведы” [...] — убийство Индрой демона-змея Вритры [...], запрудившего течение рек, — должен пониматься как акт творения вселенной» [Кёйпер 1986: 11].

обусловлена тем, что он описывает главную для мифопоэтического мировоззрения модель ежегодного обновления вселенной, с которым ассоциируются наивысшие ценности на аксиологической шкале архаичного коллектива, а также соответствующий главный ритуал. На стыке мира иного и этого света воспроизводится прецедент первотворения, произошедший в *illo tempore* и способствующий повышению степени безопасности космозированной вселенной и очередному изгнанию сил хаоса на периферию.

Поставленная задача — определение способов преобразования *мифологической* субстанции в *языковую* — реализуется при помощи метода «текстоцентризма», при котором слово изучается в непосредственной среде своего существования — конкретном произведении [Гвоздецкая 2003: 28]. Семантика той или иной грамматической конструкции устанавливается на основании его контекста, понимаемого весьма широко как «все категории художественного текста, которые влияют на формирование и актуализацию их тождеств и различий» [Гвоздецкая 2003: 29]. Иными словами, выводы о семантическом объеме и дифференциальных признаках той или иной конструкции делаются, исходя исключительно из контекста, понимаемого как окружение лексемы, причем отнюдь не минимальное, а *достаточное* для ее интерпретации.

Прежде чем перейти к лингвистическому анализу футуральных конструкций, следует прокомментировать *мифопоэтическую* концепцию в р е м е н и, характерную для данного памятника письменности, оперируя сведениями, почерпнутыми из космогонических песен «Старшей Эдды». Как известно, одним из первых демиургических актов было *установление времени*. Это событие так изображается в «Прорицании вёльвы»: *Pá gengu regin öll á rökstóla, / ginnheilög goð, ok um þat gættuz; / nótt ok niðjom nöfn of gáfo, / morgin héto ok miðjan dag, / undorn ok aptan, árom at telja* (Vsp. 6) «Тогда сели боги на троны могущества / и совещаться стали священные, / ночь назвали и отпрыскам ночи — / вечеру, утру и дня середине — / прозвище дали, чтоб время исчислить». Процесс номинации времени нашел свое воплощение и в персонификации его основных периодов — прошлого, настоящего и будущего — в образе норн, имена которых «составляют временную парадигму» — *Urðr* — («свершившееся», т.е. «прошлое»), *Verðandi* («свершающееся», т.е. «настоящее»), *Skuld* («неизбежное», т.е. «будущее»)» [Смирницкая 1999, 185]³. Ср.: *Þaðan komu meyrjar*

³ Подробнее о категориальном членении времени в «Прорицании вёльвы» см. [Смирницкая 1999, 185, 188]. О развитии идей О.А. Смирницкой см. [Павленко 2009].

margs vitandi, / þrjár ór þeim sæ, er und polli stendr; / *Urð* héto eina, aðra *Verðandi*, / — skáro á skiði, — *Skuld* ina þriðjo; / Þær lög lögðo, þær líf kuro / alda börnom, örlög seggja (Vsp. 20) «Мудрые девы оттуда возникли, / три из ключа под деревом высоким; / *Urð* имя первой, вторая *Верданди*, — / резали руны, — *Скульд* имя третьей; / судьбы судили, жизнь выбирали / детям людей, жребий готовят».

В космогонических песнях «Старшей Эдды» зафиксированы следующие типы футуральных конструкций:

1) Презенс в функции футурума:

Ср.: Sér hon upp koma öðro sinni / iorð ór ægi, iðiaðgræna; / falla forsar, flýgr örn yfir, / sá er á fialli fiscal veiðir (Vsp. 59) «Видит она: вздымается снова / из моря земля, зеленея, как прежде; / падают воды, орел пролетает, / рыбу из волн хочет он выловить».

2) Глагол *verða* 'становиться' — маркер футуральности:

Ср.: *Verðr* af þeim öllum einna nokkurr / tungls tjúgari í trölls hami (Vsp. 40) «из этого рода *станет* один / мерзостный тролль похитителем солнца»; örnir heimar *verða* of ása sonom, / þá er hefja af hvera (Grm. 42) «если снимут котлы, / *откроется* взорам / мир сынов асов»; svört *verða* sólskin of sumor eptir, / veðr öll válynd (Vsp. 41) «солнце *померкнет* в летнюю пору, / бури взъярятся»; Hvat *verðr* Óðni at aldragi, / þá er gjáfaz regin (Vm. 52) «как Один свою жизнь *завершит*, / когда боги погибнут?».

3) Сочетание настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *munu* 'намереваться' с инфинитивом знаменательного глагола:

Ср.: Geyr Garmr mjök fyr Gnipahelli, / festr mun slitna en freki renna (Vsp. 44) «Гарм лает громко у Гнипахеллира, / привязь не *выдержит* — вырвется Жадный»; Bræðr *munu* berjaz ok at bönom *verðaz*, / *munu* systrungar sifjom spilla / ... *tun* engi maðr öðrom þyrma (Vsp. 45) «Братья *начнут биться* друг с другом, / родичи близкие в распрях *погибнут* / ... *щадить* человек человека не *станет*»; Kjóll ferr austan, koma *munu* Múspells / um lög lýðir, en Loki stýrir (Vsp. 51) «С востока в ладье Муспелля люди / *плывут* по волнам, а Локи *правит*»; en bani Belja, bjartr, at Surti; / þá *tun* Friggjar falla angan (Vsp. 53) «а Бели убийца с Суртом схватился, — / радости Фригг *близится* гибель»; *tun* Óðins sonr ormi mæta (Vsp. 55 H) «должен сын Одина *встретиться* со змеем»; *tun*u halir allir heimstöð ryðja (Vsp. 56) «все люди должны с жизнью *расстаться*»; Þar *munu* eptir undrsamligar / gullnar töflor í grasi finnaz, / þærs í árdaga áttar höfðo (Vsp. 61) «Снова *найдутся* должны на лугу / в высокой траве тавлеи золотые, / что им для игры служили когда-то»; *Muno* ósánir akrar vaxa, / böls *tun* alls batna, Baldr *tun* koma (Vsp. 62) «Заколятся хлеба без посева, / зло *станет* благом, Бальдр *вернется*»; nú *tun* hon sökkvaz (Vsp. 66) «пора ей *исчез-*

нуть»; *Úlfr gleypa mun Aldaföðr, / þess mun Víðarr vreaka; / kalda kjapta hann klyfja mun / vitnis vígi at* (Vm. 53) «Фенрир проглотит отца всех людей, / но мстит будет Видар; / пасть разорвет он свирепую волчью, / возмездье свершая»; *Eggmóðan val nú mun Yggr hafa, / þitt veit ek lif of liðit* (Grm. 53) «Игг получим мечом пораженного, / конец твой настал»; *í aldar rök hann mun aprtr koma / heim með vísom vönom* (Vm. 39) «когда же настанет мира конец, / он к вanam вернется»; *Líf ok Lifþrasir, en þau leynaz muno / í holti Hoddmímis* (Vm. 45) «Спрячется Лив и Ливтрасир с нею / в роще Ходдмимир».

4) Сочетание настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *skulu* 'долженствовать' с инфинитивом знаменательного глагола: *þá skal freista, hvárt fleira viti, / gestr eða inn gamli þulr* (Vm. 9) «Посмотрим сейчас, кто в знаниях сильнее, / старый турс или ты»; *opin renna hon skal of aldrdaga, / verðrat íss á á* (Vsp. 16) «воды ее не застынут вовек, / льдом не оденутся»; *höfði veðja vit skolom höllo í, / gestr, um geðspeki* (Vm. 19) «Голову мы, гость мой, / назначим ставкою в споре!»; *Eina dóttur berr Álfroðull, / áðr hana Fenrir fari; / sú skal ríða* (Vm. 47) «Прежде чем Волк Альврёдуль сгубит, / дочь породит она»; *himin hverfa þau skolo hverjan dag, / öldom at ártali* (Vm. 23) «небо обходят они каждый день, / то времени мера»; *en í Þrúðheimi skal Þórr vera, / unz of rjúfaz regin* (Grm. 4) «а в Трудхейме будет Тор обитать / до кончины богов»; *skapker fylla hon skal ins skíra mjaðar* (Grm. 25) «мед сверкающий в чан она цедит»; *Svipum hef ek nú uppt fyr sigtíva sonom, / við þat skal vilbjörg vaka; / öllum ásom þat skal inn koma, / Ægis bekkí á, / Ægis drekko at* (Grm. 45) «Лик свой открыл я асов сынам, / близко спасенье; / скоро все асы собраны будут / за Эгира стол, / на Эгира пир»; *Körmt ok Örmт ok Kerlaugar tvær, / þær skal Þórr vaða, / hverian dag, er hann dæma ferr / at aski Yggdrasils* (Grm. 29) «Кермт и Эрмт и Керлауг обе / Тор вброд переходит / в те дни, когда асы вершат правосудье / у ясеня Иггдрасиль»; *Ratatoskr heitir íkorni, er renna skal / at aski Yggdrasils; / arnar orð hann skal ofan bera / ok segja Niðhöggvi niðr* (Grm. 32) «Пататоск белка резво снует / по ясеню Иггдрасиль; / все речи орла спешит отнести она / Нидхеггу вниз»; *Ófnir ok Sváfnir, hygg ek, at æ skyli / meiðs kvistu má* (Grm. 34) «Офнир и Свафнир, — они постоянно / яшень грызут»; *Árvakr ok Alsviðr, þeir skolo upp héðan, / svangir, sól draga* (Grm. 37) «Арвак и Альсвинн солнце наверх / усталые тащат»; *björg ok brim ek veit at brenna skolo* (Grm. 39) «пламя охватит и горы и море».

Приводимый выше эддический материал позволяет сделать некоторые выводы относительно дифференциации футуральных конструкций в космогонических песнях. Остановимся на наиболее релевантных моментах.

а) Использование *презенса* для обозначения будущего времени детерминировано контекстом: подобное явление засвидетельствовано в наиболее драматических ситуациях, изображающих либо грядущую «гибель богов», либо возрождение вселенной после эсхатологической катастрофы. Приобретение настоящим временем функции будущего времени можно интерпретировать как своеобразный стилистический прием, благодаря которому осуществляется мгновенное переключение кодов: *сейчас > в следующий момент, сразу же потом*. Показательно, что совмещение временных планов с целью актуализации сообщения типично для «Прорицания вёльвы»: ср., в частности, чередование *претерита* с *презенсом*⁴ во второй части песни — рассказе вёльвы Одину о грядущем конце мира, начиная с двадцать седьмой строфы. Феномен преобразования настоящего времени в будущее нельзя считать исключительной особенностью «Прорицания вёльвы», поскольку он широко представлен и в заговорах, когда желаемое выдается за действительное. По-видимому, можно утверждать, что подобное явление встречается в специфических «перформативных» жанрах, в которых сообщение ведется от имени первого лица, высказывание которого и оказывается действием (то есть слово отождествляется с делом), — заговоре, прорицании, провидении.

б) По поводу чередования футурального презенса с глагольными конструкциями *туну* ‘намереваться’ + инфинитив можно отметить, что мы имеем дело с эмоционально маркированным фоном (*презенс > футурум*) и пиками активности, ключевыми точками (*туну* + инфинитив). Такая интерпретация основывается на ряде факторов, среди которых не последнюю роль играет метрическая позиция в начале строфы или строки, свидетельствующая и о ее семантическом выделении. Ср.: *Muno ósánir akrar vaxa* (Vsp. 62) «Заколятся хлеба без посева»; *tuni systrungar sífjom spilla... / tun engi maðr öðrom þyrma* (Vsp. 45) «должны родичи близкие в распрях погибнуть... / не станет человек человека щадить»*; *tun Óðins sonr ormi mæta* (Vsp. 55 Н) «должен сын Одина встретиться со змеем»; *tuni halir allir heimstöð rýðja* (Vsp. 56) «должны все люди с жизнью расстаться»*.

в) Миф диктует языку выбор грамматических конструкций, производных от тех или иных персонажей, ср. имена норн, определяющих судьбу, — *Urðr*, *Verðandi*, *Skuld* — и способы выражения футуральности при помощи однокорневых глаголов *verða* ‘становиться’ и *skulu* ‘долженствовать’ + инфинитив.

⁴ Это явление было отмечено О.А. Смирницкой [Смирницкая 1999: 189].

* обозначает дословный перевод автора.

г) Употребляемые для обозначения будущего времени конструкции *типи* 'намереваться' + инфинитив и *skulu* 'долженствовать' + инфинитив распределяются отнюдь не произвольно. Их дистрибуция подчиняется достаточно четким правилам. Семантика первой конструкции была исчерпывающе исследована О.А. Смирницкой, по мнению которой «события эсхатологического мифа представляются как неизбежность. Рассказ о них ведется в третьей части⁵ отстраненно, т.е. лишается субъективной, модальной окрашенности; глагольная конструкция "тип + инф." чередуется с футуральным презенсом» [Смирницкая 1999: 189]. В этом утверждении эксплицируется идея *объективности* происходящего и его *неотвратимости*. Такая трактовка оставляет несколько в тени, на наш взгляд, с одной стороны, *трагические* коннотации (особенно в эсхатологическом описании), а с другой — концепцию *глобального детерминизма*, порождающую как следствие фатализм. Что касается глагольной конструкции *skulu* 'долженствовать' + инфинитив, то она, напротив, обладает преимущественно *положительными* ассоциациями и кодирует основные события мифопоэтической модели мира: звезды будут обходить небо, белка Рататоск — сновать по мировому древу, бог Тор — приезжать на суд и т. д. Сочетание данной синтаксической конструкции с наречием *всегда* или именной группой *каждый день* акцентирует внимание на другой ипостаси неотвратимости событий, а именно на *неизменности победы космоса над хаосом*, гарантирующей стабильность существующего миропорядка.

Подводя итоги анализа космогонических песен «Старшей Эдды», можно констатировать, что

- футуральные конструкции не утратили связи с мифом, реализующейся в изоморфизме образующих их грамматических компонентов и мифологических персонажей (ср. норн *Urðr*, *Verðandi*, *Skuld* — и родственные глаголы *verða* 'становиться' и *skulu* 'долженствовать' + инфинитив);
- они обладают ценностными характеристиками в рамках мифопоэтической модели мира (ср. *положительные* ассоциации глагольной конструкции *skulu* + инфинитив, символизирующей победу космоса над хаосом, на фоне *отрицательных* у *типи* + инфинитив).
- они контекстуально детерминированы, т. е. выполнение презенсом функций футурума становится возможным в условиях определенного коммуникативного акта, например прорицания, когда у адресанта, находящегося в экстатическом

⁵ «Прорицания вёльвы».

состоянии, наблюдается совмещение двух временных планов — настоящего и будущего и предмет провидения приобретает сиюминутную актуальность;

- они дифференцированы (ср. *timi* 'намереваться' + инфинитив *vice versa skulu* 'долженствовать' + инфинитив);

- они маркированы метрически (могут занимать начало строфы или строки).

Эддический материал наглядно демонстрирует, что процесс формирования футуральных конструкций далек от завершения. Значение космогонических песен «Старшей Эдды» как источника реконструкции трудно переоценить, так как именно эти тексты с полным правом можно считать исходным локусом их возникновения.

ИСТОЧНИКИ

Тексты цитируются по следующим изданиям:

Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.

Переводы текстов цитируются по следующим изданиям:

Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / Перевод А.И. Корсуна. Редакция, вступительная статья и комментарии М.И. Стеблин-Каменского. М; Л., 1963.

ЛИТЕРАТУРА

Гвоздецкая 2003 — Гвоздецкая Н.Ю. Прологомены к тестоцентрическому описанию семантики древнеанглийского поэтического слова // *Philologica Scandinavica*. Сборник статей к 100-летию со дня рождения М.И. Стеблин-Каменского. СПб., 2003. С. 28–42.

Кёйпер 1986 — Кёйпер Ф.Б.Я. Труды по ведийской мифологии // Исследования по фольклору и мифологии Востока. М., 1986.

Мейе 1952 — Мейе А. Основные особенности германской группы языков / Перевод с пятого французского издания Н.А. Сигал / Под ред., с предисловием и примечаниями проф. В.М. Жирмунского. М., 1952.

Павленко 2009 — Павленко А.А. Картина времени в «Прорицании вёльвы» // Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2009». Секция «Филология». Материалы XIV Международной научной кон-

- ференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М., 2009. С. 335–337.
- Смирницкая 1999 — Смирницкая О.А. Прорицание вёльвы. Заметки к семинару по исторической поэтике // Атлантика. Записки по исторической поэтике. Вып. IV. М., 1999. С. 181–206.
- СГГЯ 1966 — Сравнительная грамматика германских языков. Т. IV. Морфология (продолжение). М., 1966.
- Стеблин-Каменский 1955 — Стеблин-Каменский М.И. Древнеисландский язык / Библиотека филолога. М., 1955.
- Heusler 1913 — Heusler A. Altisländisches Elementarbuch. Zugleich zweite Auflage des altisländischen Elementarbuchs von Bernhard Kahle. Heidelberg, Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1913.

СОКРАЩЕНИЯ

Grm.	Grímnismál	«Речи Гримнира»
Vm.	Vafþrúðnismál	«Речи Вафтруднира»
Vsp.	Völuspá	«Прорицание вёльвы»

СЕМАНТИКА БУДУЩЕГО В КНИГЕ «ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ» Б. ПАСТЕРНАКА

Период создания книги «Второе рождение» (1930-31) переходный для Пастернака во всех отношениях: в основах творчества, любви, мировоззрения. С лингвистической точки зрения в книге стихов обращает на себя внимание большое количество слов *будущий*, *будущность* и глагольных форм будущего времени. Я в своей статье коснусь нескольких тем, которые связаны с этим явлением, и сделаю несколько утверждений.

Первое утверждение. Отказавшись от своего футуристического прошлого и в поисках «простоты», Пастернак заговорил активно о будущем. А именно, в «Волнах», открывающих книгу «Второе рождение» («ВР»), читаем:

*В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту* [1: 381]¹.

Как сам Пастернак объяснял в «Охранной грамоте» («ОГ»), предшествующей появлению стихотворной книги, идея «конца» как нового «начала» зародилась у него в связи со смертью Маяковского, при этом в «ОГ» Пастернак отказался от следования его творческому методу. И даже сама формула «второго рождения» появляется как раз в «ОГ», где покойный Маяковский лежит с тем выражением, с которым *«начинают жизнь, а не с которым ее кончают»* [4: 237]. В одном из центральных стихотворений книги «Смерть поэта» даже

Статья подготовлена в рамках гранта РФНФ «Поэзия как филологический дискурс» (проект № 10-04-00047а).

¹ Все тексты Пастернака цитируются по изданию: *Пастернак Б.Л. Собрание сочинений* в 5 т. М., 1989–1992. Первая арабская цифра обозначает номер тома, а вторая — номер страницы. Выделения полужирным шрифтом мои. — Н.Ф.

появляется тема предсказания, которая была близка Пастернаку и в старости:²

*Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих, —
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих* [1: 390].

Это четверостишие отсылает к вступлению к «Облаку в штанах» самого Маяковского:

*У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду — красивый,
двадцатидвухлетний* [Маяковский 1969: 387].

Следующее же четверостишие «Смерти поэта» Пастернака вводит уже новую тему:

*Ты спал, прижав к подушке щеку,
Спал, — со всех ног, со всех лодыг
Врезаясь вновь и вновь с наскоку
В разряд преданий молодых* [1: 390].

Как мы видим, здесь смерть Маяковского связана с движением к «новому», к «повторению» своего молодого опыта.

Данная установка приводит нас ко **второму утверждению**: Пастернаку близка идея вечного возвращения, превращенная в некоторое животворное начало жизни и снимающая ее трагизм в настоящем. Неслучайно в книге «Второе рождение» («ВР») так много наречий «опять» (19), открывающих строки, в сочетании с глагольными формами будущего времени, значение которых хотя и иносказательно, но совсем не позитивно. Прежде всего, в «Волнах»:

*Опять знакомостью напева
Пахнут деревья и дома.*

² Ср. в стихотворении «Все сбылось» (1958) книги «Когда разгуляется» выражение будущего в прошедшем: *Я вижу сквозь его [березняка] пролеты / Всю будущую жизнь насквозь. / Все до мельчайшей доли сотой / В ней оправдалось и сбылось* [2: 120].

*Опять направо и налево
Пойдет хозяйничать зима.*

*Опять к обеду на прогулке
Наступит темень, просто страсть.
Опять научит переулки
Охулки на руки не класть.*

*Опять повалят с неба взятки,
Опять укроет к утру вихрь
Осин подследственных десятки
Сукном сугробов снеговых.*

*Опять опавшей сердца мышцей
Услышу и вложу в слова,
Как ты ползешь и как дымишься,
Встаешь и строишься, Москва [1: 375].*

Обратим внимание и на следующее четверостишие «Волн», которое привлекло внимание М. Шапира [2004, 39] как неправильно выстроенное в синтаксическом отношении, он замечает тут деформацию синтаксиса:

*И я приму тебя, как упряжь,
Тех ради будущих безумств,
Что ты, как стих, меня зазубришь,
Как быть, запомнишь наизусть [1: 375].*

На самом деле эти синтаксические связи являются не «деформацией», а способом динамизации смысла, когда они становятся настолько расплывчатыми, аморфными, что в них оказывается возможным взаимозаменять отдельные составляющие части. Главное же в этих строках — вера в будущую «память» о поэте в глагольных формах будущего времени, которые вводятся словосочетанием «будущие безумства».

Повторяющееся наречие «опять» с формами будущего времени затем встречаем в стихотворении «Никого не будет в доме...», к которому мы еще вернемся:

*И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,*

*И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной [1: 404].*

И, наконец, стихотворение «Опять Шопен не ищет выгод...» открывается этим «опять», но будущее в целом в тексте уже представлено формами инфинитива, тоже имеющими футурологическую направленность благодаря этому ключевому наречию:

*Опять бежать и спотыкаться,
Как жизни тряский дилижанс? [1: 406]*

И, наконец, **третье утверждение**: затрудненность восприятия действительности в настоящем заставляет Пастернака апеллировать к будущему и возможному. Недаром в открывающем книгу стихотворении «Волны» встречаем строки, в которых пересекаются все три временных плана — настоящее (*здесь, наяву*), прошедшее (*пережитое*) и будущее (*будет, в предвиденьи*):

*Здесь будет все; пережитое
В предвиденьи и наяву... [1: 374].*

Поэтому в книге так много глагольных форм будущего времени совершенного вида, а также форм условного и повелительного наклонения. Это заставляет думать, что будущее время во «ВР» тоже является скорее определенным выражением дезидеративной модальности. Объяснение такого преклонения перед будущим находим в позднем романе «Доктор Живаго»: «Он сошел бы с ума, если бы не житейские мелочи, труды и заботы. Жена, ребенок, необходимость добывать деньги были его спасением, — насущное, смиренное, бытовой обиход, служба, хождение по больным. Он понимал, что он пигмей перед чудовищной машиной будущего, боялся его, любил это будущее и тайне им гордился, и в последний раз, как на прощание, жадными глазами вдохновения смотрел на облака и деревья, на людей, идущих по улице, на большой, перемогающийся в несчастиях русский город, и был готов принести себя в жертву, чтобы стало лучше, и ничего не мог» [3: 182–183].

Интересней всего в этой книге «ВР» стихотворение «Никого не будет в доме» (1931), в котором именно и раскрывается переход Пастернака в другое состояние.

*Никого не будет в доме,
Кроме сумерек. Один
Зимний день в сквозном проеме
Незадернутых гардин.*

*Только белых мокрых комьев
Быстрый промельк маховой.
Только крыши, снег и, кроме
Крыш и снега, — никого.*

*И опять зачертит иней,
И опять завертит мной
Прошлогоднее унынье
И дела зимы иной,*

*И опять кольнут доныне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной.*

*Но неожиданно по портъере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами меря,
Ты, как будущность, войдешь.*

*Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют. [1: 404].*

Это стихотворение загадочно, потому что его адресатом «Ты» может быть некто как мужского, так и женского рода. При этом стихотворение по своему строению четко распадается на две части: до и после строки *Пробежит вторженья дрожь*.

В первой его части доминируют слова с отрицательными префиксами и частицами *не-/ни-*, которые интенсифицируют признак 'не/ни' и в словах, в которых эти звуко сочетания встречаются. Ср.:

слова с явным отрицанием

*Никого
не будет*

слова с звуко сочетаниями
не-/ни-

*зимний
снег*

незадернутых
неотпущенной
нежданно

снега
иней
прошлогоднее
унынье
доньне
крестовине

Одновременно выделяется еще одна группа слов, в которых звуко-сочетание *ни-* перевернуто и приобретает благодаря местоимению *иной* колеблющееся значение «инаковости» — ‘отличия от прежнего состояния’: *один, гардин, иной, неотпущенной виной, крестовине, дровяной, тишину*. Следовательно, в строках, предшествующих *вторженью дрожи*, доминирует семантика ‘отрицания’, ‘неопределенности’ и даже ‘унынья’ на фоне *снега* и *иней* (три слова с этой семантикой открывают стиховые ряды: *никого, незадернутых, неотпущенной*), но при этом все же подготавливается смена этого состояния. Именно поэтому перед противительным союзом *но* и после местоимения *иной* идет строфа, в которой звуко-сочетание *и-ни-* составляет акростих, то же звуко-сочетание, связанное с *иной*, — [ине], высвечивают и рифмующиеся концы строк:

И опять кольнут доньне
Неотпущенной виной,
И окно по крестовине
Сдавит голод дровяной [1: 404].

При этом союз *но*, с одной стороны, прерывает трехкратный анафорический повтор конструкции *И опять*, с другой — вводит слово, где фактически борются два смысла — оператор ‘не’ и ‘ожидание’, из которых побеждает второй: срабатывает эффект *Не-задернутых гард-ин* — строк, задающей противопоставление начал и концов и создающей эффект сходящегося занавеса³. В строке *Но нежданно по портьеру* занавес как бы раскрывается — распадается на две части — смена подготавливается организацией согласных строки: первая ее часть состоит из согласных корня *жда-*, окруженных с двух сторон двумя сонорными «н» (*нн-жд-нн*), вторая часть состоит из взрывных и дрожащих звуков *птрр*. Последние и подготавливают переход к звукописной строке *Пробежит вторженья дрожь*, в звуковом составе которой закодирована семантика глагола *пробежать* ‘быстро, бегом переместиться; прозвучать, быстро распространяясь’ — этими

³ Ср. по контрасту строки «Зимней ночи» (1913, 1928): *Никого не ждут. Но — наглухо портьеру* [1: 60].

звуками, которые бегут, как раз оказываются звуки заглавия книги «ВР»: ср. *вторженья дрожь / второе рождение*. Релевантность этого звукового соотношения доказывается и тем, что в первоначальном варианте стихотворения «Жизни ль мне хотелось слаще?...» также была введена строка с подобным «Второму рождению» звуковым составом, но с полным обращением к будущему: *Будем верить, жить и ждать* (см. подробнее об этом [Фатеева 2003]).

При этом, видимо, необходимо вспомнить, что занавеска, портьера у Пастернака всегда является посредником в его диалоге с высшими силами. Все эти схождения позволяют соединить идею «вторженья дрожи» с появлением «божественного» существа, о чем говорят следующие строки стихотворения:

*Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.*

*Ты появишься у двери
В чем-то белом, без причуд,
В чем-то впрямь из тех материй,
Из которых хлопья шьют [1: 404].*

Причем первая строка хранит еще признак *ин-*, но звонкое [ж] уже заменяется ономаатопозитически на [ш/ш'] и в ней появляются реальные меры движения, проникновения — *шаги*, которые у поэта также связаны с обучением «бегу» и «вторым рождением»⁴.

Однако обратим внимание, что в аллитерации как раз заложено звукописное ономаатопозитическое начало, которое задает эмоционально-миметическое восприятие текста.

*Но нежданно по портьере
Пробежит вторженья дрожь.
Тишину шагами мера,
Ты, как будущность, войдешь.*

Сначала аллитерации на звонкий ж нарушают покой и тишину текста, воплощая в словах *нежданно, пробежит, вторженья дрожь*

⁴ Ср. в «Марбурге» (1916, 28): *Я вышел на площадь. Я мог быть сочтен / Вторично родившимся. / [...] «Шагни, и еще раз», — твердил мне инстинкт, / И вел меня мудро, как старый схоластик, / [...] / «Научишься шагом, а после хоть в бег», — / Твердил он, и новое солнце с зенита / Смотрело, как сызнова учат ходьбе / Туземца планеты на новой планиде [1: 106].*

идею неожиданного «преображения» (заметим при этом, что само сочетание *вторженья дрожь* по своему консонантному составу воспроизводит название всей книги «Второе рождение»), а затем глухой ш в паре с мягким щ непосредственно передает звучание шагов некоего неизвестного Ты-будущего. Если вспомнить, что по звуковой инструментровке эти четыре строки Пастернака очень близки четверостишью из стихотворения «Тоска маятника» (1903–15) И. Анненского (*И опять шагами мерить / На стене дрожащий свет, / Да стеречь, нельзя ль проверить, / Снят ли люди или нет* [Анненский 1990:, 123]), то в какой-то мере внутренний смысл «дрожи» Пастернака становится более ясным. Конечно, негативная тональность «шагов» и «дрожи», заданная у Анненского (в других строках этого стихотворения она даже связана с «сумасшедшим» и «шипением» маятника), безусловно меняется на позитивную, однако все же начальные строки «Тоски маятника» (*Неразгаданным надрывом...*) в какой-то мере определяют интригу сюжета и пастернаковского стихотворения, в котором преобладает семантика отрицания и неопределенности (*никого, не будет, незадернутых, неотпущенной виной*), однако в конце вся эта напряженность снимается освещением картины: сумерки замещаются «чем-то белым без причуд».

В целом же в структуре всего текста, где превалируют формы будущего времени в сочетании с формами нулевого настоящего, воплощается мысль, высказанная поэтом в «ОГ»: *«Оттого, что уже одна заметность настоящего есть будущее, будущее же человека есть любовь»* [4: 178]. Такое зывание к «белому будущему» чем-то напоминает заговор, заклинание «на удачу».

В книге «ВР» Пастернак также переводит из прошедшего в план будущего для снятия травмы любовные переживания. Если же мы сравним тексты, обращенные к новой любви (З.Н. Нейгауз), и к той, что уже прошла (Е.В. Лурье) и от которой поэт хочет освободиться, то заметим следующую закономерность. В стихах, обращенных к новой любви и будущей семье, превалируют формы условного наклонения (*Ты б слушала и молодеда, / Большая, смелая, своя, / О человеке у предела / От переростка-муравья* [1: 381]), которые отражают направленность из настоящего и прошлого в план возможного, дезидеративного. Причем достижение полного согласия влюбленных почему-то мыслится Пастернаком в будущей загробной жизни, которая ближе к природной:

*И я б хотел, чтоб после смерти,
Как мы замкнемся и уйдем,
Тесней, чем сердце и предсердьё,
Зарифмовали нас вдвоем.*

**Чтоб мы согласья сочетаньем
Застлали слух кому-нибудь
Всем тем, что сами пьем и тянем
И будем ртами трав тянуть** [1: 400].

В стихах же, обращенных к Е.В. Лурье, с которой в это время он переживал мучительный разрыв, часто используется повелительное наклонение, которое проецируется также в план будущего, но с оттенком долженствования, отталкивающимся от отрицательного оператора «не»:

**Не волнуйся, не плачь, не труди
Сил иссякших и сердца не мучай.
Ты жива, ты во мне, ты в груди,
Как опора, как друг и как случай.**

**Верой в будущее не боюсь
Показаться тебе краснобаем.
Мы не жизнь, не душевный союз,-
Обоюдный обман обрubaем.**

**Из тифозной тоски тюфяков
Вон на воздух широт образцовый!
Он мне брат и рука. Он таков,
Что тебе, как письмо, адресован.**

**Надорви ж его ширь, как письмо,
С горизонтом вступи в переписку,
Победи изнуренья измор,
Заведи разговор по-альпийски.**

**И над блюдом баварских озер
С мозгом гор, точно кости мосластых,
Убедишься, что я не фразер
С заготовленной к месту подсласткой.**

**Добрый путь. Добрый путь. Наша связь,
Наша честь не под кровлю дома.
Как росток на свету распрямясь,
Ты посмотришь на все по-другому** [1: 394].

В заключение я хочу обратиться к статье Р. Якобсона «Заметки о прозе поэта Пастернака» [Якобсон 1987], в которой ученый пишет,

что «прежняя грамматика покоилась на дуализме прошлого и настоящего, где настоящее в противовес прошлому воспринималось как немаркированный полюс оппозиции, как «не-прошлое». Не кто иной, как футуризм, явившись со своими новыми воззваниями и разрабатывая одновременно теорию и практику, потребовал ввести будущее как определяющую категорию поэтической системы. К этому неустанно звали стихи и публицистика Хлебникова и Маяковского» [Там же, 337–338]. Однако, «овладев только что введенной оппозицией, отталкиваясь от нее, Пастернак создал новую концепцию настоящего, понятого как автономная категория; он отчетливо увидел: “...уже одна заметность настоящего есть будущее...” [4: 178]. Та же мысль содержится у художника слова уже в ранней повести «Детство Люверс»: *«Будущего нельзя предсказать. Но его можно увидеть, войдя с воли в дом. Здесь налицо уже его план, то размещение, которому, непокорное во всем прочем, оно подчинится»* [4: 54]. Так Пастернак, следуя своему метонимическому принципу, «перетасовывает пространство и смешивает временные ряды» [Якобсон 1987: 331], и эти контаминации очень напоминают образ песочных часов, который создается Пастернаком в «Воздушных путях»: *вещи «то и дело поколыхивало из бывшего в будущее, из будущего в бывшее, как песок в часто переворачиваемых песочных часах»* [4: 90].

ЛИТЕРАТУРА

- Анненский 1990 — Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990.
 Маяковский 1969 — Маяковский В. Стихотворения. Поэмы. Пьесы. М., 1969.
 Пастернак 1989 — Пастернак Б. Собрание сочинений в 5-ти томах. М., 1989–1992.
 Фатеева 2003 — Фатеева Н.А. Поэт и проза. Книга о Пастернаке. М., 2003.
 Шапир 2004 — Шапир М.И. Эстетика небрежности в поэзии Пастернака (Идеология одного идиолекта). Известия РАН. Серия литературы и языка. 2004. Т. 63. № 4. С. 31–53.
 Якобсон 1987 — Якобсон Р. Заметки о прозе поэта Пастернака // Работы по поэтике. М., 1987.

IV. СНОВИДЕНИЯ

ЛИНГВИСТИКА СНОВИДЕНИЙ

Цель данной работы — показать, что сновидения составляют чрезвычайно интересный и перспективный объект современных исследований, нацеленных на проникновение в глубины психической сферы человека, — когнитивных исследований. Оценивая актуальность этой задачи, обратимся к словам известного шотландского психиатра Рональда Лэнга, работающего в смежной с когнитивной лингвистикой дисциплине. «Мы уважаем путешественника, исследователя, покорителя вершин, космонавта, — писал он. — Для меня же гораздо больший смысл имеет в качестве актуального проекта — на самом деле действительно необходимого нашему времени проекта — исследование внутреннего пространства и времени сознания. Вероятно, это одна из немногих вещей, все еще имеющих смысл в нашем историческом контексте» [Лэнг 1995: 306].

В связи с этим ниже будет показано, в каких аспектах языковой теории сновидения могут быть рассмотрены и какие языковые механизмы в них действуют. Кроме того, будет отстаиваться тезис, что пророческие сновидения все-таки существуют. Вопрос, как это происходит, мы пока оставим в стороне — когда-нибудь исследователи дадут на него ответ. Мы остановимся лишь на самом феномене пророческих сновидений — т.е. таких, которые заранее сообщают человеку, что должно произойти.

Чтобы реализовать эти задачи, необходимо, прежде всего, решить вопрос о классификации сновидений, поскольку именно их внутренними характеристиками — и вытекающими отсюда типами — определяются дальнейшие стратегии их анализа с точки зрения языковых механизмов. С этих позиций просматриваются и их «пророческие свойства».

Базовые теоретические положения, которыми определяется обоснованность рассмотрения сновидений с лингвистических позиций, таковы.

1. «Лингвистика сновидений» представляет собой частный аспект лингвистики измененных состояний сознания. Как кажется, правомерно было бы говорить даже о том, что это «лингвистика бессознательного». С одной стороны, не может быть оспорен тот факт, что сон — это состояние психики, при котором сознание полностью не выключено, но уже не выполняет своей контролирующей функции. З. Фрейд по этому поводу писал так: «...сновидение, по-видимому, является промежуточным состоянием между сном и бодрствованием» [Фрейд 1989: 53]. С другой стороны, отсутствие сознательного контроля во сне позволяет рассматривать сновидения как манифестацию содержаний бессознательного. Это буквально образы, посредством которых бессознательное говорит с сознательной частью нашей психики. И здесь уместно будет вспомнить слова К.Г. Юнга о сне: «Раньше его ценили, видя в нем предсказателя судьбы, посланника богов, предостерегающего и утешающего. Теперь мы используем его как провозвестника бессознательного; оно должно поведать нам тайны, скрытые от сознания, и делает это с удивительной полнотой» [Юнг 1994: 49].

2. Образы сновидений в данном случае целесообразно рассматривать как вторичный семиотический код по отношению к естественному языку и соответственно к элементам языковой картины мира человека¹. Фрейд о толковании сновидений говорил так: «Возражения против сновидения как объекта исследования, очевидно, заходят слишком далеко. [...] Толковать — значит найти скрытый смысл» [Фрейд 1989: 51–52]. Согласившись с тем, что сны содержательны, мы должны будем признать и то, что образы сновидений могут выражать скрытый, дополнительный по отношению к самим себе смысл. Самая непосредственная аналогия в этом плане — символические формы культуры и их отношение к концептуальным системам языка². Соответственно и при содержательном анализе сновидений целесообразно трактовать их как символы —

¹ Правда, не факт, что на самом деле все так оно и есть. Все зависит от позиции наблюдателя и выбранной «точки отсчета». Некоторую аналогию в этом случае составляет соотношение геоцентрической и гелиоцентрической систем мира. Первая действительна в том случае, когда в качестве «точки отсчета» наблюдатель выбирает Землю и собственно себя на ней. Вторая действительна в случае вывода позиции наблюдателя за пределы рассматриваемых космических тел, в некоторую третью позицию. Точно так же и с отношением естественного языка и образов сновидений.

² Не случайно Фрейд, рассматривая символику сновидений, опирался на данные культуры, языка, мифологии, фольклора и т.д. [см.: Фрейд 1989: 99].

по крайней мере, следует иметь в виду их возможную символическую образность.

3. Семиотический код сновидений «пересекается» с естественным языком в том смысле, что в обоих действуют е д и н ы е к о г н и т и в н ы е м е х а н и з м ы. Это естественно, поскольку человеческая психика целостна в своей содержательности — этим, собственно, и определяется единство личности человека. Но это означает, что ментальные модели, которые мы отмечаем в языке, сохраняют свою актуальность и в отношении других семиотических кодов³. В данном случае в отношении образов сновидений.

Теперь перейдем, собственно, к вопросу о классификации сновидений.

Первый ее уровень определяется по характеру содержательного отношения сновидений к действительности. Здесь можно говорить о двух их разновидностях: а) *значимых*; б) *незначимых*. Первые представляют содержательную ценность для субъекта сновидения, вторые — нет, поскольку являются лишь игрой спящего ума. Аналогичным образом у Артемидора Ливийского: все сновидения исходно делятся на «вещие» и «обычные». Первые предсказывают будущее, а вторые указывают на настоящее.

И здесь следует обратить внимание на одно обстоятельство психологического свойства, которое пока еще ждет своего объяснения. Вопрос о значимости или незначимости сновидения решается субъектом интуитивно⁴. Вещий сон приходит из бессознательного, и отсюда же приходит понимание того, что на этот сон нужно обратить внимание, что он значим. Почему так происходит — пока не понятно. Ясно лишь, что субъект в этих условиях стремится осознать, что

³ В силу действия этого принципа оказывается возможным сопоставительное рассмотрение, например, языковых и мифологических представлений или языковых и религиозных. Например, подобным образом В.Н. Топоров рассмотрел мифологему еды и обосновал идейную близость жертвоприношения и акта употребления пищи [Топоров 1990: 428; см. также: Фрейденберг 1997: 56–58; Берестнев 1994].

⁴ Такое отношение к снам отмечено и в традиционных культурах. Например, К.Г. Юнг писал об одном из африканских народов, что у них различаются обычные сновидения маленького человека и «великие сновидения» колдунов или вождей. И если у кого-то случается «великое сновидение», он обязательно рассказывает о нем всем окружающим. «Откуда же он знает, “великим” или “малым” было сновидение? — Задал вопрос К.Г. Юнг и подчеркнул ответил на него: — Он знает это по инстинктивному ощущению значительности» [Юнг 1994: 241–242].

именно сон означает, на какие жизненные обстоятельства будущего он ориентирован.

Однако гораздо более частыми являются случаи регрессивной интерпретации сновидений, когда человеку снится сон и он этот сон запоминает (это, кстати, тоже особенность значимых сновидений: они отчетливо и надолго сохраняются в памяти человека). Затем происходит какое-то событие, и только после него человек понимает, что ранее приснившийся ему сон был вещим и что, собственно, он означал⁵.

Ниже приводится пример сновидения, которому была дана такая регрессивная интерпретация.

(1) Я после школы поступала в университет — не прошла по конкурсу, недобрала один балл. Уехала домой на Кубань. Сколько дней я там пробыла в расстроенных чувствах — не помню. И вот приснилась мне длинная змея. Я рассказала об этом сне бабушке-соседке: «Федоровна, к чему бы это? Никогда в жизни не снилась змея». Она тут же сказала: «Это к дороге». Я думаю: «Какая дорога, если меня не приняли? Только приехала домой, надо искать работу».

Буквально в этот же день пришла телеграмма о том, что меня зачислили кандидатом. Это меня просто поразило.

Все вопросы лингвистического свойства в данном случае остаются в стороне. Есть сон, есть событие, есть субъективно определяемая связь между сном и этим событием. Эти обстоятельства и принимаются во внимание лингвистом. Таким образом, при рассмотрении сновидений на этом уровне лингвист лишь фиксирует фактический материал. Это уровень фактографический.

На втором уровне значимые сновидения классифицируются по характеру представленной в них семантики. Здесь также определяются две разновидности: а) *буквальные* — такие сновидения, которые непосредственно воспроизводят связанные с ними события; б) *небуквальные* — такие, содержание которых имеет вторичную семантику, то есть сновидения, являющиеся знаками иных событий по отношению к представляемым в них образам.

Нечто похожее предлагал и Артемидор. На этом уровне все сны делятся у него на прямосозерцательные и аллегорические. Прямосозерцательные — это такие, «свершение которых схоже с тем, что в

⁵ Об этом иногда говорят и сами информанты. Ср. одно из таких свидетельств: «Многие люди значение сна (то, что он означает в реальности) начинают понимать лишь после того, как он сбывается».

них привиделось». Аллегорические — «те, которые знаменуют одно через другое, и во время этих снов душа естественным образом намекает на что-то» [Экзегетика... 2002: 78].

Примеры буквальных сновидений таковы:

(2) Приснилось мне, что мы с отцом попали в аварию. На следующий день был день рождения у моей двоюродной сестры. К тому же дядя купил машину. Ну вот, мужчины «поддали» там и стали машину опробовать, и детей посадили. Сначала прокатилась тетя — ничего. Затем поехал папа, и тут я вспомнила, что все это мне приснилось. Я попросила папу остановиться, а он говорит: «Сейчас я развернусь». Вот при этом развороте мы и ударились... Вот у меня шрамы после того остались.

(3) Это было в Казахстане (г. Чимкент). Мы жили на даче. Вижу сон, что я стою на балконе и наблюдаю восход солнца. Солнце всходит огромное, яркое, и от него идет как бы широкая дорога. Я думаю: к чему бы это? А мне кто-то и говорит: «Твой сын уедет скоро, и далеко». Потом вижу поезд и сын с семьей уезжает, а мы с мужем остаемся: стоим и смотрим вслед.

Раньше мы думали о переезде, но не верили, что это когда-нибудь произойдет. Так вот, вскоре после этого сна сын действительно продал квартиру и уехал с семьей в Калининград, а мы спустя год приехали сюда к ним. А ведь в те годы все уезжали из стран СНГ и продать квартиру в республиках было очень трудно.

(4) У меня умерла мама. Вот отметили 40 дней, все деньги, что у меня были, я израсходовала. А до 1 сентября нужно было внести деньги за учебу дочери Юли. Я сходила в училище, где она училась, попросила, чтобы мне продлили срок оплаты — они согласились. Я все время думала: где же мне взять деньги? Постоянно меня эта мысль мучила. И занять было не у кого.

У меня дома стоит на фоне мамина фотография. И вот я обращаюсь к ней с вопросом: мамочка, ну где мне взять деньги? И легла спать. Снится мне сон, что моя мама спускается с чердака в ночной сорочке и в телогрейке — так она иногда вешала белье в жизни. Встала спиной к батарее, положила руки за себя — как будто греется. И мне говорит: «Не плачь, иди завтра в сберкассу. Будут тебе деньги за учебу заплатить».

Утром я пошла в сберкассу и узнала, что мне действительно пришли деньги, которые мне должны были перечислить за погребение. Я их получила и ими заплатила за Юлю.

Предмет лингвистического исследования на этом уровне составляет определение типологической принадлежности сновидения (буквальным или небуквальным оно является) и общее выявление вида «небуквальности». Для этого нужно перейти на следующий, третий уровень классификации сновидений.

Третий уровень классификации сновидений отличает то, что на нем учитывается характер языкового описания образов, которые составляют уже только *небуквальные* сновидения. В частности, такие сновидения делятся по признаку характера функционального сдвига на два вида: а) такие, у которых сдвиг осуществляется в плане содержания языкового знака — т.е. в семантической (а точнее — прагматической) сфере; это сновидения «*прагматические*»; б) такие, у которых сдвиг осуществляется в плане языковой номинации — назовем их «*номинативными*».

«Прагматические» сновидения характеризуются тем, что в них по ассоциативному принципу задается некоторое дополнительное содержание, связанное с культурными знаниями человека о мире (оно может быть обусловлено и сугубо личным жизненным опытом — обстоятельствами семейной жизни, личной биографией, обстоятельствами жизни родственников и т.д.). Ср.:

(5) Если снятся дети, будет какой-то скандал. Если мальчики — еще ничего, но если девочки, то обязательно.

(6) У меня сестре моей Ирине, если снится земля — сочная, жирная, пахотная, — то кто-то заболеет или умрет. Но это должен быть именно чернозем.

(7) Мне всегда бабушка говорила: видишь во сне человека без нижнего белья — это к какому-то такому позору, это к какому-то, вот... ну... к стыду!

В первом примере *дети* ассоциируются с суетой, неразберихой, шалостями. При этом с женщинами в традиционной русской культуре устойчиво связывается представление о вздорности, готовности к ссорам (ср.: *Вольна баба в языке, а черт в бабьем кадыке; Бабий язык, куда ни завались, достанет; Женское сердце что котел кипит; Собака умней бабы: на хозяина не лает; Бабу не переговоришь* [Даль 1984: 274]⁶).

⁶ Ср. также такие номинации, как *хабалка*, *сварливая* < *свара* 'ссора': по отношению к мужчинам таких номинаций в русском языке нет.

Во втором примере образ *земли*, как кажется, можно соотнести с известным библейским сюжетом. В нем первый человек был создан из праха земного (Быт. 2: 7), в который каждый из живущих когда-то и возвратится (Быт. 4: 11). Вот таким путем сон ассоциативно обращен к идее болезни и смерти.

Следующий, четвертый уровень нашей классификации касается *номинативных* сновидений. Здесь тоже определяются две разновидности по характеру «деформации» при номинативных актах: а) сновидения, языковые описания которых изменяются по паронимическому принципу (мы их так и назовем *паронимическими*) и б) такие, которые описываются конструкциями, имеющими вторичные номинации — назовем их *вторичными по семантике*. Тем более что имеющиеся образы, как мы говорили выше, могут быть в сновидениях знаками идей, отличных от них самих.

Примеры *паронимических* сновидений.

(8) У меня так: если я вижу мучное, печеное, и оно такое пышное, аппетитное, от него запах вкусный идет, а я его беру, откусываю... Это точно к добру. Но я об этом, кажется, где-то читала, и теперь во сне это знание проявляется.

В данном случае в сновидении описывается реалья, которая узнается нами как *сдоба*, и паронимическое сближение осуществляется в связи с реальным историческим родством слов *сдоба* и *добрый, добро*, которые восходят к праславянскому корню *dob-. Но вряд ли все это отмечено в сонниках, и информантка об этом вряд ли читала.

(9) Также если я вижу детей... Бывает, снится толпа ребятишек, и в этой толпе только мальчики. Все, я знаю, что у меня будут хлопоты безумные. И это действительно совпадает. А если девочка — это диво. Это толкование народное, не только мое. Но это все совпадает. Я могу видеть во сне чужую девочку, и спустя какое-то время мне рассказывают о каком-то событии, которому я безумно удивляюсь: не могла представить, что такое случится.

Здесь совершенно очевидно звуковое сближение слов *дева* и *диво*: фонематически они различаются только одним признаком — подъемом вторых гласных [э] и [и].

Очень большое значение сновидениям, организованным по паронимическому принципу, придавал З. Фрейд. Например, *Häufung* ‘нагромождение’, по его мнению, следует толковать как *Häufigkeit* ‘частоту’; языковую описательную конструкцию «извлекать

(*hervorziert*) из-под кровати» следует понимать как «отдавать предпочтение» (*Vorzug*) [Фрейд 1989: 74, 314]. Фрейд прямо называл такие толкования сновидений «техникой ребуса» [Там же: 75].

Излагая свои положения относительно правил раскрытия семантики сновидений, З. Фрейд привел следующий выразительный пример, засвидетельствованный Артемидором из Далдиса и Плутархом. Александр Македонский осадил в 322 г. до н.э. город Тир, но никак не мог взять его. И вот как-то во сне он увидел танцующего сатира. Находившийся при войске толкователь снов Аристандром истолковал этот сон, разложив слово «сатир» на σα 'твой' и Τύρος 'Тир', и пообещал Александру победу над городом. Под влиянием этого толкования Александр продолжил осаду и в конце концов взял город. «Толкование, которое выглядит достаточно искусственным, — заключил З. Фрейд, — было, несомненно, правильным» [Там же: 150]

Наконец, вторичные по семантике сновидения имеют две разновидности: а) *метафорические* и б) *метонимические*. У метафорических один образ заменяет другой по принципу сходства, у метонимических — по принципу смежности.

Примеры *метафорических* сновидений:

(10) Еще один постоянный пророческий сон у меня — погружаться в воду во сне. Но важно, в какую воду погружаться. Если в мутную — это к плохому, к болезни. А если вода чистая, бегущая, журчащая — это хорошо, все будет чудесно.

(11) Если снится мутная, грязная вода — это к болезни, неприятности. Или зависть, происки недругов будут. Чистая вода — это хорошо.

(12) Еще про себя расскажу. Когда у меня, я знаю... впереди ожидают какие-то проблемы, их нужно решить. Любые: бытовые, даже духовные, нравственные — любые проблемы. Мне накануне обычно снится весь процесс родов — я рожая. И вот если я легко это делаю, то вот моя проблема решается действительно легко. Вот. А бывает действительно я мучаюсь, я вот прямо переживаю всю ночь, даже вплоть до физической боли я ощущаю. Во сне я ощущаю роды, родовую боль... Иногда такое есть.

Пример *метонимического* сновидения:

(13) Это давно было. Мне было лет тринадцать — маленькая была. На старый Новый год я попросила бабушку погадать. Бабушка сказала:

«Из спичек сложи «колодец» возле постели. Что тебе приснится — расскажешь». И приснился мне длинный стол, за ним мужчины, много мужчин. Я их лиц не запомнила, только лицо того мужчины, который сидел в конце стола напротив меня. Он и стал моим мужем. Сон был очень яркий, я его до сих пор помню. Мужчина напротив меня был с кружкой, а сейчас он попивает...

(14) Приснилось мне, что у меня выпала очень большая пломба из передних зубов — ну очень большая, как будто это целый зуб. С болью, но без крови. С кровью — это к родне. Скоро — через неделю-две — и умерла тетя Эмма (тетя Эмма — соседка и близкий друг семьи, с которой дружили вот уже сорок пять лет).

(15) Как моя мама трактует... Обычно если она видит кровь — любую, от вырванного зуба, от раны... — она всегда начинает обзывать всех родственников. Она связывает: кровь если снится, то заболит кровный, близкий.

Что же касается вопроса о дополнительных корреляциях между образным содержанием сновидения и дальнейшими событиями в действительности — то есть вопроса о существовании «пророческих» сновидений, — то вполне определенную ясность в него вносит обращение к базовым семантическим оппозициям типа «высокий — низкий», «светлый — темный», «полный — пустой», «молодой — старый», «прямой — кривой», «правый — левый» и т.д. В этом случае основу толкования сновидения составляют собственно оценочные признаки «хороший — плохой», также относящиеся к числу базовых противопоставлений.

В этих условиях сновидения обнаруживают сходство с таким ярким явлением традиционной культуры, как народные приметы. Считается, например, что если *правая ладонь чешется* — *получать деньги*, *левая* — *отдавать* [Даль 2003: 588]. В плане базовых семантических оппозиций признак «правый» оценивается положительно, а «левый» — отрицательно. Соответственно правая рука соотносится с актом «получения», а левая — «отдавания и потери». Еще пример: *Если правая нога в дороге озябнет прежде левой* — *к добру* [Даль 2003: 608]. Здесь уже непосредственно реализовалась связь оппозиции «правый — левый» с оценочной парой «хороший — плохой». Ср. также: *Правая бровь чешется* — *к свиданию с другом*, *левая* — *с лицемером*; *Правая бровь чешется* — *к свиданию с мужчиной*, *левая* — *с женщиной*; *Левый глаз к слезам свербит*, *правый* — *на любую глядеть*; *Не плюй направо* — *там ангел-хранитель*, *плюй налево* — *там*

диавол. Другая оппозиция представилась в такой примете: *Девка с полными ведрами — добрая встреча, пустые ведра — к худу* [Даль 2003: 612]. Здесь значима оппозиция «полный — пустой», в свою очередь связанная с противопоставлением «много — мало»⁷. Все это позволяет сделать дополнительный вывод о том, что сновидения и приметы имеют одну познавательную природу:

(16) Это не конкретный сон, а некий «образный тип» сна. В частности, если мне снится, что я *двигаюсь куда-то вверх* (поднимаюсь по ступенькам, забираюсь на обрыв, карабкаюсь по склону, цепляясь за растения, и т.п.), это означает, что какое-то последующее мероприятие в жизни будет успешным.

(17) Если во сне падаю — это к неприятности. К мелкой, большой — неважно.

Можно увидеть, что сны в их содержательной сути могут быть описаны посредством естественного языка, который в этом случае становится метаязыком их описания — т.е. языком второго порядка.

Представленная лингвистическая классификация сновидений имеет предварительный характер и, несомненно, может быть доработана в дальнейшем. Еще Артемидор отметил, что сновидения можно классифицировать по разным основаниям. Мы рассмотрели здесь лишь одно — наиболее ярко проявляющее их лингвистическую семантическую природу. Имея в виду эту классификацию, мы понимаем, какого рода задачи встают перед исследователями семантики сновидений в дальнейшем. Мы понимаем также, что пророческие сновидения — это реальная проблема современной науки о человеке — его психологических и познавательных возможностях. Каким образом сны оказываются знаками будущего, мы пока не знаем. Но думаю, что именно когнитивная лингвистика, должным образом оснащенная теоретически и методологически, способна хоть в какой-то мере прояснить этот важный и интересный вопрос.

⁷ При этом слово *пустой* в русском языке реализовало свою «отрицательную» семантику и непосредственно — ср.: *пустой* ‘порожний, ничем не занятый, простой, свободный’ и вместе с тем ‘тщетный, бесполезный, дармовой, неудачный, напрасный’; здесь же ‘вздорный, ложный’, где реализовался отрицательный член оппозиции «истинный — ложный»; формула *Чтоб тебе пусто было!* — проклятие, пожелание всякого зла [Даль 1882: 540].

ЛИТЕРАТУРА

- Берестнев 1994 — *Берестнев Г.И.* Семантическая реконструкция на культурологических основаниях. История праславянского культового термина *terba 'жертва' // Семантика русского языка в диахронии. Межвузовский сборник научных трудов. Калининград, 1994. С. 10–16.
- Даль 2003 — *Даль В.И.* Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. М., 2003.
- Даль 1984 — *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 1. М., 1984.
- Даль 1882 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.; М. 1882.
- Лэнг 1995 — *Лэнг Р.* Расколотое «Я». М.; СПб., 1995.
- Топоров 1990 — *Топоров В.Н.* Еда // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1990. С. 427–429.
- Фрейд 1989 — *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Фрейденберг 1997 — *Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.
- Экзегетика... 2009 — *Экзегетика снов.* М., 2009.
- Юнг 1994 — *Юнг К.Г.* Психология бессознательного. М., 1994.

СНЫ: СОБЫТИЯ И ВРЕМЯ

Интересно, про что сегодня кино смотреть будем? — такой вопрос нередко мысленно задаю себе накануне момента умиротворения пред засыпанием. Сон — это кино? То есть главнейшее из искусств, по известному выражению?! Но искусство — дело рук человеческих, плод мысли, творение духа. Сон же, кажется, не создается человеком, а только воспринимается. Или все же создается? Тогда каким образом? Мы не заказываем сон, не выбираем для просмотра, как любимое, интересное или новое кино. И, тем не менее, создание и восприятие сна принадлежит лишь тому, кто его снит. Значит, сон — произведение авторское, а в авторском произведении художественный материал, из которого выстраивается целостное творение, набирается, выбирается и воплощается волей автора, подчиняется его же, автора, идейному и художественному замыслу. Подобным образом, только без волевого усилия, могут создаваться сны, если они связаны с переживанием, с реально произошедшими или происходящими событиями. Человек воспринимает действительность на уровнях переживаний чувственных душевных и мысленных логических. Проживает происходящее пассивно или активно. Вольно или невольно становится сопричастен прошлым или настоящим событиям, фиксирует, воспринимает эти события и впоследствии переводит их в запас активного или пассивного опыта. Мозг никогда не освобождается от пережитого опыта полностью. По прошествии некоторого времени, находясь в состоянии относительного покоя, то есть в состоянии сна, он всегда имеет возможность обращаться как пользователь к собственным богатейшим базам данных.

Появление символов и знаков, появление неосознанных ассоциаций и соответствие образов сна семантике слов отдельного языка, бессознательные комбинации впечатлений — все эти способы создания образной системы сна имеют основанием некоторые реально произошедшие или происходящие события. Опыт психоаналитиче-

ских исследований основан именно на таком подходе к пониманию и толкованию снов. Нужно найти существующую связь образов сновидения с осознаваемой или вытесненной в область подсознания сновидца реальностью. Это поможет прояснить истинную причину психического состояния сновидца, что является целью психоаналитических исследований. Материалом исследования в этом случае является прошлое. Исследуется его влияние на настоящее. В снах же нередко появляется будущее, далеко не всегда возможное к объяснению через прошлое.

Сочетание «события и время» обычно касается фактов исторической, политической, общественной жизни и, кажется, не может быть соотнесено с понятием «сон». Сон, как видение — нечто нереальное, иллюзорное, не существующее в плотном, видимом, осязаемом мире. Однако сны существуют и не только как отражение некоторых реальных событий, но и как прогнозы, то есть картины будущего. Информация о будущем — информация о том, чего не существовало в прошлом и не существует в настоящем. Не существует, и сновидец не может логически синтезировать явленную данность и создавать правдивые картины будущего по причине неизвестности фактов будущего. Иначе не возникло бы утверждение — человек предполагает, а Бог располагает. Ответить точно и тем более однозначно, как требует логика, на вопрос, откуда берется и как синтезируется информация о будущем, пока нет возможности. Есть возможность проанализировать семантику образов снов, содержащих указания на вероятные будущие события жизни сновидца и его близких людей.

Священные писания мировых религий и религий мира, являющиеся отражением истоков духовности человечества, содержат немало эпизодов, связанных с пророческими указаниями к будущему необходимому действию сновидца или указывающие на грядущие события. Немало пророческих снов героев находим и в художественных текстах, принадлежащих различным культурам человечества. Свидетельства о вещих снах, например о явлении икон, находим в преданиях. У пророческих снов есть общие характеристики — аллегоричность, иносказательность. Однако нередко сон содержит прямое указание на необходимость совершения действия, демонстрирует итог развития событий или сообщает о неведомых грядущих событиях, иногда точно указывает на место, в котором окажется сновидец. Информация о пророческих и вещих снах и содержание таких снов часто воспринимается как сказка. Отношение к такой информации переходит из области логической в область внелогическую, область веры.

Каждый из нас слышал о вещих снах, предвещающих о будущем, каждый слушал рассказы своих близких о таких снах. Автор

этой статьи не является исключением. К счастью, внимательное отношение и интерес к снам как к части бытия человека дал возможность собрать материал для исследования.

Вещими принято называть сны, в которых содержится явная или зашифрованная информация о будущем. В некотором смысле все сны вещие, ибо вещают, повествуют о чем-либо. Одной девушке задали вопрос, снятся ли ей вещие сны? Она спонтанно ответила, что сны всегда вещие и других она не знает. Через двадцать лет она уверенно подтвердила свой ответ осознанно. Сон содержит информацию, подлежащую толкованию, при этом текст сна переводится из иносказательной формы в форму прямых смыслов с целью получения информации. Полученная информация так или иначе всегда касается будущего. Понимание сна иногда затрудняется тем, что символы и знаки, наполняющие сон, не всегда ясны и даже не всегда известны человеку, которому был явлен сон. А между тем «Понимание — это восприятие смысла, выраженного в тексте» [Успенский 207: 100], в данном случае в тексте сна. Смыслы сна часто связаны с вновь переживаемым прошлым, различными соматическими изменениями сновидца, его психическими состояниями или отношениями с окружающим миром, при этом всегда прямо или косвенно через смыслы сновидений прогнозируется будущее.

Вещим сном мы будем называть сон, содержание которого через прояснение реальности содержит сведения о будущем. **Пророческим** или **профетическим** — сон, который предвозвещает о еще не произошедших событиях, при условии, что в настоящий момент времени в сознании сновидца будущие события не имеют мотивации. Граница между вещим и пророческим сном не всегда может быть четко определена. Иногда совокупность вещих снов порождает в сознании пророческий эффект, то есть знание о будущем на основе понимания настоящего.

Точно знать и как-то относиться можно лишь к тому, что уже существует в видимом и осязаемом мире. Отношение к содержанию профетического сна подобно игре «верю — не верю». Никаких точных указаний на реальность будущего быть не может. Пророческий сон являет собой откровение, дает знание и видение того, чего еще не существует, но к чему есть осознаваемые или не осознаваемые сновидцем послышки. Насколько точен и фатален такой сон — вопрос отдельный. Даже Книга Откровений не дает точного и однозначного указания на неотвратимость будущего. Будущее всегда имеет варианты... Профетические сны, которые будут описаны, сбылись, то есть в точности воплотились в реальность.

В качестве основного материала для исследования мы использовали вещие и пророческие сны, в будущем реальном воплощении которых сновидец был уверен уже в момент просыпания, доверяясь лишь внелогическому знанию. Также использованы сны, содержание коих удивило сновидца, но соотнести футурологические указания сна с реальностью удалось лишь после свершения соответствующих событий.

Вопрос о том, как и по каким признакам можно быть уверенным, что будет, или может быть именно так, как указано во сне, оставим за рамками исследования — это скорее область интересов психологии. Нас же интересует соотношение знаков и символов образов сна, воплощаемых при передаче или фиксации содержания сна в языковых знаках, их соотнесенность с реальными событиями действительности, также фиксируемой при помощи языка.

Пророческие сны связаны, как правило, с наиболее значимыми событиями жизни сновидца или близких ему людей. Если же личность человека значительна для культуры и истории народа, то его пророческие сны могут касаться событий, впоследствии значимых для народа, но и в этом случае содержание пророческого сна будет связано с особенностями жизни и представлений о ней сновидца. Значимость событий каждый определяет для себя, однако трудно отрицать, что рождение, смерть, замужество или женитьба, смена места жительства, появление или разрыв важных человеческих взаимоотношений и связей, духовные преобразования в самом человеке, безусловно, знаменуют вехи и этапы человеческой жизни.

Пророческие сны, касающиеся непосредственно событий, могут сниться как накануне, так и задолго до свершения события. Замечательно, что сновидец часто уже в момент пробуждения знает, что видел сон, повествующий о будущем, и почти всегда знает, о чем этот сон, даже если сон символический и образы сна не соотносились в сознании сновидца с реальными людьми, предметами, явлениями.

Как показывают наблюдения, сны о рождении снятся реже, чем сны о смерти. Понятно, что зафиксировать собственное рождение во сне мы не можем, во всяком случае не можем рассказать, что видели сон, предвещающий наше появление на свет. Нет свидетельств о таких снах. Видим в снах рождение собственных детей либо рождение детей у близких нам людей. Сны о рождении, скажем, чаще, если не сказать почти всегда, снятся женщинам. Будущий ребенок в таких снах может являться как в образе ребенка, так и в образе символического подарка или находки.

За три года до появления первого ребенка, не будучи замужем и не будучи знакома с будущим мужем, женщина видела сон: *Вижу*

себя едущей в электричке, лежащей, опирающейся затылком и пятками на противоположные сидения, а на животе у меня прыгает девочка лет трех — проснувшись, сновидица точно знала, что первый ребенок у нее будет девочка. Через три года сон воплотился в реальность. Образ ребенка, прыгающего на животе у женщины, был точно определен как образ будущей дочери.

Аналогичный по образности сон рассказала семилетняя девочка: *Вижу, что забираю из детского сада мальчика*. Проснувшись, девочка сказала, что у нее будет братик. Так оно и произошло через год.

«Дочь я видела во сне за семь лет до ее рождения. Она выбежала ко мне из большого сияющего деревянного дома, куда я вернулась после долгих странствий, держа под уздцы лошадь, и воскликнула: "Ну, где же ты была так долго?! Я так ждала тебя!" Я прижала ее к себе. Зная, что пришел конец моим странствиям и потрясениям. На вид ей было лет двенадцать. Стройная, чудесная девочка с длинной косой. Во сне я понимала, что это моя дочь. Теперь я точно знаю, что это она. Сына мне вручили тоже в светлой деревянной избе старичок и старушка, от них исходили сияние и любовь. Я бережно вынесла этот сверток из избы, и, хотя мне было безумно любопытно — мальчик или девочка, мне так и не удалось узнать, пока акушерка не сказала: «Сын у тебя!..» [РАС 1990: 46].

В этих снах реальный образ ребенка соотнесен в сознании сновидца с образом родившегося в будущем ребенка. Вручение свертка также было интерпретировано сновидицей как предсказание о появлении второго ребенка. Чтобы такая интерпретация возникла, сверток во сне должен был иметь особенности свертка, который напоминает запеленатого ребенка, и вручен особым образом, так, как передают с рук на руки сверток с новорожденным. Возможно, ясность сна, психическая энергия, которой наполнено действие сна, являются определяющими для того, чтобы сновидец счел такие простые сны пророческими. Ведь не каждый снящийся ребенок или увиденный во сне сверток воспринимается сновидцем как знак рождения ребенка.

Чаще, чем свидетельства о рождении, в рассказах о снах встречаются свидетельства о смерти. Любая подвижная модель будущего возможна, но не обязательна. Единственный момент будущего неизбежен — момент смерти. Смерть — единственное возможное быть точно утвержденным будущее, *«то, что случается с каждым из нас»* [Файфель 2005:73]. К.Г. Юнг в работе «Вопросы о подсознании» отмечает: *«...невидимо приближающаяся смерть отбрасыва-*

et adumbration (тень предваряющую) на жизнь и смерть жертвы» [Юнг 1997: 75]. Образы смерти в пророческих снах бывают связаны как с людьми еще живущими, но близкими к смерти, так и с образами совершенно отвлеченными, не имеющими человеческого облика, но связанными со смертью как знак или символически. В снах о смерти значима культурологическая составляющая, т.е. наследуемый сновидцами опыт традиции, связанный со смертью или обрядом погребения.

Сновидица 1915 г.р. за три-четыре дня до смерти кого-либо из родственников видела во сне, что *кто-либо из родственников делает (обравнивает) гряды из очень черной земли*. Эта женщина выросла в маленьком городе в собственном доме с участком земли. Следовательно, она, ее родители, бабушка и дедушка возделывали приусадебный участок и она много раз видела, как делают гряды, и сама выполняла эту работу. Многие родственники сновидицы жили близко в таких же домах и принадлежали к единой культурной традиции. На моменты снов женщина уже давно не жила в родном городе, но жила также в частном доме. Такие сны перестали сниться, когда женщина переехала жить в городскую квартиру многоэтажного дома.

Гряда по форме похожа на свежую могилу — сновидческий образ *обравнивания краев гряды* сходен с выполнением реального действия *обравнивания краев свежей могилы*. Сознание сновидицы соотносило эти действия по сходству, метафорический перенос обеспечивал точность знака, предвещающего о смерти того, кто выполнял во сне указанное действие. Кроме собственно действия в данном сне играет роль и цвет земли — *черный*. В сознании сновидицы *черный* цвет традиционно связан с трауром по умершему человеку, поэтому земля гряд во сне была *очень черной*. В реальности же цвет могильной земли той местности, где жила сновидица, чаще *желтый*, так как умерших там стараются обычно хоронить в сухих местах с песчаной почвой.

Сновидец 1910 г.р. к скорой смерти своего отца видел во сне *накрытые, стоящие вдоль всего отцовского дома столы*. В момент просыпания была совершенно четкая мысль — *папа скоро умрет*, хотя отец сновидца, будучи в преклонных годах, находился в добром здравии. В этом случае *поминки* как культурологическая составляющая обряда поминовения недавно усопшего явилась главной образной составляющей предзнаменования смерти.

Собственную долгую болезнь, вследствие ее полное разрушение организма и смерть этот же сновидец увидел во сне так: *Из своей хорошей квартиры, где жил последние без малого 40 лет, вынужден переехать в совершенно развалившийся дом, в котором жить*

нельзя. Проснулся с чувством надвигающегося ужаса и был очень обрадован, что это всего лишь сон. Дом — главная земная принадлежность, недвижимая наиболее постоянная собственность человека, его привязанность, его точка опоры и место в земной жизни. То, что происходит в доме или с домом, принадлежащим человеку, символизирует то, что происходит с ним самим. Дом — архетипический символ тела человека — его земной оболочки. Примеры о связи образа дома со здоровьем и жизнью человека есть в работе К.Г. Юнга [Юнг 1997].

Иные образы смерти являются в снах людей, не связанных с земледельческой традицией и не воспитывавшихся в собственном доме.

Сновидица 1964 г.р. ровно за неделю до смерти своей бабушки видела сон: *Старая лошадь, почти беззубая, медленно бредет по дороге, сходит на обочину, ложится, спокойно вытягивает передние ноги, кладет на них голову, глубоко, шумно и тяжело вздыхает, закрывает глаза и умирает.* В момент просыпания сновидица подумала, что, если бабушка, к тому времени тяжело и долго болевшая, в течение недели не умрет, то будет жить еще долго. Возраст и даже стабилизировавшееся состояние здоровья позволяли жить. Сон сбылся ровно на седьмой день. В этом сне ощущение близкой смерти родного, очень любимого человека явилось через образы *дороги и идущей по ней лошади.* Дорога — архетипический образ жизненного пути человека во времени и пространстве земной жизни. Лошадь также архетипический образ, соотносимый с человеком, но имеющий и другие смысловые составляющие, в зависимости от того, в каком образе лошадь появляется во сне. Никогда образ живущего человека не соотносился с образом лошади в сознании сновидицы, но в момент просыпания женщина точно знала, о ком и о чем этот сон, и логически совершенно непостижимым образом в ее сознании был определен срок.

Образы сна, указывающие на подобные события в реальной жизни, не всегда повторяются, как в примере с *грядами.* Знаки, указывающие на некоторые типические события, во снах одного человека могут быть разными. Интерпретация различных знаков в сознании сновидца при толковании сна как знаков одного типового события, например *смерти,* происходит не только логически, посредством понимания метафоры, но и внелогически, как некая уверенность или появление предощущения события после увиденного сна.

К смерти матери своего отца, то есть второй бабушки, эта же сновидица видела сон, *будто сидит она (сновидица) на лавочке над корытом с растущими в нем цветущими ландышами.* На могилах на кладбищах, действительно, часто сажают ландыши, а могила по

форме напоминает корыто. Происходит неосознанный метафорический перенос реального образа в образную систему сна.

Сон, связанный со смертью отца, был более явный и снился ровно за год до печального события: *Отец ехал по дороге на велосипеде и из-за того, что не справился с управлением, съехал на обочину, но не упал, а сумел вырулить на дорогу в то место, где необходимо остановиться, на пересечении дороги с железнодорожным полотном.* Мысль, что папа близок к уходу из этого мира, но еще не совсем скоро — была мыслью по просыпанию. Ровно через год на том месте, где сновидица видела своего отца в описанном сне, отец за день до своей внезапной мгновенной кончины встретил и обнял дочь в последний раз при жизни. Указания в снах на события очевидны, указания на время события могут отсутствовать, но сновидец внелогически определяет возможное и, как правило, точное время его свершения.

Отметим, что в пророческих снах о смерти прямой образ смерти отсутствует. Окончание земного существования связано в снах с образами, соотносимыми с культурной традицией погребения и поминовения, с глубинными архетипическими символами, знаменующими человека и его земную жизнь, с характерными действиями, которые человек активно выполнял при жизни. Посредством метафорического переноса в пророческом сне появляется знак, указывающий на приближающуюся смерть. Понимание соотношения символа и знака в тексте сна требует глубокого понимания при переводе смыслов снов в языковой текст [Эдингер 2000: 102–105].

Нередко прямые образы смерти или образы невидимого мира появляются в снах, предвещающих тяжелые, опасные для жизни болезни.

Мать, будучи в отъезде из дома, накануне тяжелой болезни дочери видела сон, *будто стоит она (мать) за углом большого здания, находящегося на площади с памятником, к которому молодожены в действительности приносят цветы в день свадьбы, площадь пустынная, серая и холодная, небо мрачное. И вдруг на этой площади появляется ее дочь в белом подвенечном платье, с букетом белых цветов, рядом с ней жених, но лица не видно. Мать спрашивает: «Почему ты никому ничего не сказала?» Дочь ответила: «Так надо, так получилось». И тут мать увидела лицо жениха — это было лицо смерти с пустыми глазницами.* Проснувшись, женщина в тревоге стала звонить домой, но дома сказали, что все в порядке, в то время как на самом деле дочь заболела достаточно серьезной и опасной болезнью, долгое время не придавала значения недомоганию и только когда совсем стало плохо, обратилась

к врачу. Образная система изложенного сна связана с опасностью для жизни — *дочь выходит замуж за смерть*, однако мать видела не обручение и не венчание, что указывало бы на фатальность события, а ритуальное действие, связанное с обрядом празднования объединения двух людей. Заметим, что болезнь, которой тогда заболела дочь, оставляет последствия на всю оставшуюся жизнь и представляет серьезную опасность.

Молодая женщина накануне того, как заболела ее дочь, каждый раз видела во сне, что *ребенок тонет и она, мать, спасает ребенка*. Эмоциональное, психическое переживание во сне было сопоставимо с реальными переживаниями в подобных обстоятельствах. В снах матери всегда удавалось спасти дочь. Такие сны продолжались до той поры, пока в семье не утонула кошка, любимица всей семьи. Образ *тонущего ребенка и спасение ребенка матерью* предвещали о болезни и ее исходе. Болезни ребенка долгое время были связаны с системой дыхания. Сознание женщины во сне переносило страх за нарушение жизненно важной функции дыхания в ситуацию, когда *опасность утопления*, преодолеваемая во сне, связана именно с невозможностью дышать.

Долгую и мучительную болезнь бабушки, когда та была, казалось, близка к смерти по возрасту и состоянию здоровья, предвостестил во сне внучки *белый Ангел, который находился за стеной бабушки, стоящей лицом к комнате на пороге между комнатой и коридором*. Ангел был выше человеческого роста, в длинных, белых одеждах, такой, как обычно изображают на картинках. В этом сне не было активного действия, не было результата действия. На протяженность болезни указывала статичная картина сна. *Стояние на пороге лицом к комнате*, то есть указание на поворот к статике, а не к динамике движения по коридору, в реальной жизни соответствовало длительному и практически статичному состоянию лежачей больной.

Девочке снится сон, что *ее отец вынимает из петли свою родную сестру*. Девочка, зная, что у тети серьезные проблемы в разных областях жизни, звонит отцу (брату приснившейся), спрашивает, не случилось ли чего? Брат, находясь со своей сестрой в постоянной переписке и зная ее дела и проблемы, ответил, что как раз все налаживается. В этом сне сновидицу испугал прямой образ смерти, связанный с самоубийством. Но информация снов не всегда буквальна. Для правильного понимания следует обращать внимание на характер и результат действия, происходящего во сне, и на обобщенные символические смыслы происходящего. В данном случае информативное значение имело *освобождение от петли*, соотносимое с *освобождением от проблем и ограничений*.

Женщина видела сон: *мать молодого человека, с которым встречалась сновидица, приносит ей маленькую засушенную голову своего сына и просит ее похоронить*. Проснувшись, женщина подумала, что это сон о неизбежном разрыве отношений, и спокойно отнеслась к расставанию. В реальной жизни женщина не знала матери своего молодого человека. В этом сне знак смерти *засушенная голова и необходимость ее захоронения*, к счастью, также не означали буквально соответствующего действия, а сообщали об *отторжении личности молодого человека из жизни сновидицы*.

Ответ на вопрос о фатальности пророческих снов требует обширного статистического и психоаналитического исследования. Всегда ли сбудется то, что было явлено сновидцу и истолковано по просыпанию именно так? Опыт говорит, что иногда, видя предвестие смерти или опасности во сне, их можно предотвратить, правильно поняв сон и предупредив о грозящей опасности.

Сон сестры о том, что *брат разбился на машине и разбил своих детей насмерть, страшный вскрик матери от увиденных изуродованных и окровавленных тел сына и внуков* заставил проснуться в неимоверном ужасе, убеждать себя в том, что это только сон. Сновидица, чтобы преодолеть почти неконтролируемый ужас, вызванный увиденным во сне, стала молиться за брата и его детей и получила через молитву успокоение. На следующий день сестра позвонила брату, узнать, все ли в порядке. Трубку взяла жена брата, и сестра рассказала сон, спросила, не собирается ли в какую-либо поездку ее брат. Жена брата сказала, что собирается в поход на байдарке, хотел взять детей, но решил не делать этого. Сестра попросила не рассказывать брату сон перед дорогой, но всячески предостеречь от возможных неприятностей. По возвращении из похода мужчина рассказал, что попал в сильнейшую волну на озере: *«Если бы я был с детьми, я бы не выгреб, из всех сил упирался, уж подумал, чего стоит человеческая жизнь»*. В этом случае сон сестры явил возможный необратимый результат событий, к счастью не осуществившихся. И в этом сне *образ смерти* имеет не буквальное значение, а выполняет предупредительную функцию.

Ни в одном из примеров пророческих снов, предвещающих смерть, образа смерти, как таковой, не было. В таких снах чаще основной смысловой составляющей является либо действие, производимое будущим покойным, либо метафорический образ, указывающий на смерть. Напротив, в снах о приближающихся болезнях и опасностях прямой образ смерти выполняет главную информативную функцию. Смерть — самый большой человеческий страх, и соответствие *смерть — страх* действует в пророческих снах как предупрежда-

ющий знак. Образ смерти во сне сопоставим с каждой следующей составляющей логического ряда: *смерть — страх — опасность — подчинение — болезнь — потери — уныние — смерть*. Логический круг замыкается. Каждый предыдущий элемент цепочки вызывает к активному проявлению следующий, если человек поддается линейному влиянию внутри порочного круга. Но у каждого человека в любой момент времени есть возможность осознать свое положение и не поддаваться инерции разрушения. Сны проявляют стадии состояний и помогают человеку осознавать самого себя и, если нужно, бороться. Заметим, что в «Русском ассоциативном словаре» наиболее частой ассоциацией названа *жизнь* 61 [РАС 2002: 599].

Вещие и пророческие сны могут содержать информацию, касающуюся не столь значимых явлений, как рождение и смерть. Разрешение трудных жизненных ситуаций, требующих терпения и большой осторожности, нередко предворяется развязкой событий во сне.

Находясь в весьма трудной жизненной ситуации, грозящей серьезными материальными потерями и утратой собственности, безусловно, сильно переживая, женщина во сне видит *страшный пожар, охвативший ее дом, но ей удается выхватить шкатулку с документами и связку денег, которые лишь слегка повреждены огнем*. Проснувшись, женщина была уверена, что все разрешится благополучно и утрата части денег неизбежна, но опасности не представляет. Так и получилось. Этот сон — пример объединения вещего и пророческого сна. *Пожар в доме* означал состояние дел, сложившиеся обстоятельства. Выделение в отдельные элементы сна *шкатулки с документами и пачки денег* означал то, чему угрожает наибольшая опасность. На этом вещая часть сна завершается. Результата разрешения сложившейся ситуации сновидица знать не могла. Опасность потерь и неизвестность порождали тяжелые переживания. Пророческая часть сна демонстрирует результат благополучного завершения событий. *Спасенная от огня шкатулка с документами и пачка денег, слегка поврежденная огнем, оказавшиеся во сне вне опасности уничтожения в руках сновидицы*, предвещали о благополучном исходе. В действительности, все необходимые документы, обеспечивающие сохранение собственности, возможное только при утрате части денег, были составлены и подписаны после увиденного сна.

Предыдущий сон к своему появлению имел логические и психические предпосылки. Реальная ситуация была отражена метафорически в вещей части сна. Однако сон может возвещать о событиях и действиях, о которых сновидец не только не может знать, но и думать не может, ибо не имеет логических исходных данных для

размышлений. Видимые условия жизни не содержат составляющих к синтезу в сознании для создания картины пророческого сна. Сон о месте, в котором никогда не бывал, но волею судеб попадаешь через некоторое время после увиденного сна, может указывать на особое значение пребывания в этом месте для сновидца.

Выпускница университета большого города, всю жизнь прожившая в этом городе, по распределению была обязана ехать отрабатывать три года в отдаленный маленький городской поселок. Никогда девушка не была в этом поселке, да и в других тоже, и ехать туда не собиралась. Так поступали многие, получившие подобное распределение и не желающие покидать родной город, в котором имели прекрасные жилищные условия и разнообразные возможности для работы по специальности. Накануне срока, когда нужно было явиться по месту распределения, девушка во сне видит: *Перекресток дорог и разрушенная церковь красного кирпича. Посередине церкви, оставшейся без куполов, без кровли, то есть являющей собой руины, заросшие внутри бурьяном, стоит ее полированный письменный стол, за столом сидит она, сновидица, а на перекрестке стоит ее отец. Девушка просит: «Папа, заberi меня отсюда», но отец будто не видит ее и исчезает на дороге.* Проснувшись, девушка подумала, что церкви обычно белые, а не красные кирпичные, и, обратив внимание на внешнюю деталь несоответствия ее представлений и картинки сна, в целом не придала сну значения. К моменту должного начала работы, совершенно не собираясь отправляться трудиться за 150 км от родного дома, девушка все же поехала посмотреть, что это за место. И в точном соответствии с картиной сна в центре городского поселка увидела перекресток и руины церкви из красного кирпича, которые она видела во сне. Психическая реакция была большей, чем удивление. Девушка сочла это совпадение сна и реальности указующим знаком и поехала работать по распределению. Отвозил ее к месту работы отец, и сильнейшее внутреннее сопротивление оставаться в этом чужом и чуждом ей мире с принудительной необходимостью жить и работать в нем рождало те сказанные во сне слова: «Папа, заberi меня отсюда». Смирившись с судьбой внешне, но не душой, из положенных трех лет девушка отработала один год. Папа и дедушка помогли получить открепление и покинуть знаковое, но так и не принятое сердцем место. Многие годы героиня этой сновидческой и реальной истории не могла понять, зачем ей судьба указала на это место через сон. Это место было «тюрьмой» ее жизни, души и сердца. И только спустя два десятилетия — по десятку лет за каждый не отбытый честно в «тюрьме» год, — терпя принуждение к месту, сложным обстоятельствам жизни и многочисленным внешним не-

свободам, но в более мягкой форме, получив полное освобождение от всего перечисленного, взрослая женщина поняла, что, смирись она тогда, прими предложение судьбы, ее жизнь сложилась бы совершенно иначе. Тут в пору вспомнить русские сказки и наказание за преждевременные действия, совершенные героями. Особенно если эти действия касаются неприятия терпения и смирения. Сон указывал на необходимость безоговорочного и покорного принятия предложенных условий. Жизнь подтвердила, что нельзя сжигать раньше времени кожу Царевны-Лягушки...

Вещие и пророческие сны касаются не только поступков, событий и жизненных путей человека, но и его духовной жизни, изменений и движений в невидимой сокровенной жизни. Вера есть дар Бога. Кому открывается, кому — нет. Находясь в глубоком смятении, утратив выстроенную логически модель бытия, человек нередко оказывается, как герои русских сказок, на перепутье, а выбор делать необходимо. И хотелось бы правильный. А как знать? В такие моменты тоже бывают вещие сны.

Сновидица, не воспитанная ни в какой религиозной традиции, имеющая очень поверхностные представления о религиях, но по месту рождения принадлежащая к христианской традиции, бывавшая на службах в храмах различных конфессий, во сне видела, что *заходит в костел, а там стоят плоские вазы с жидким азотом и из них клубами валит дым, каким наполняют сцены во время выступления некоторых артистов и музыкантов, рядом танцуют девушки в блестящих купальниках и головных уборах из перьев...* Сновидица в ужасе от неподобающего зрелища в месте, предназначенном для богослужения, выбегает из костела и направляется в православный храм, в церковь, напротив, через дорогу. Там идет исповедь. Сновидица во сне решает понаблюдать со стороны. Исповедуется пожилая женщина. Священник читает разрешительную молитву. Подходит на исповедь старик и говорит: «А у меня нет грехов». И тут из его глаз полились потоки слез. Батюшка говорит: «Вот твой грех и излился». Сновидица наблюдает, но сама подойти не решается. После исповеди священник произносит проповедь и неожиданно рассмеялся. Сновидица проснулась от мысли, что невозможно смеяться перед алтарем. В ее сознании это было несовместимо. Снова, как и во сне о разрушенной церкви, сновидица обратила внимание на несоответствие собственных представлений и картины, явленной во сне. Такая реакция на увиденное говорит о несвободе, заштампованности мышления, порождающей невозможность принятия информации. Через несколько дней после увиденного сна сновидица на праздник Благовещения оказывается в православном храме. Бог знает, по чьей

воле впервые идет на исповедь, хоть накануне не готовилась и не собиралась этого делать. Удивлению женщины не было предела, когда во время проповеди священник вдруг рассмеялся. Только тогда женщина вспомнила сон, виденный накануне. Маленький, казалось бы, незначительный, но необычный знак совпадения событий во сне и событий наяву явился утверждением правильности духовного выбора и действий.

Понимание вещего сна и соотнесение его содержания с реальностью, как свидетельствуют два предыдущих примера, не всегда появляется в момент просыпания и даже в результате углубленного обдумывания. Не удастся сознательно соотнести сюжетные фантазии сна и реальные намерения и представления о будущем.

Следующий пример демонстрирует важность запоминания снов для понимания сакральных событий жизни. Свидетельствует об устойчивости символа и подвижности знака в снах одного сновидца. Возможно, последнее утверждение носит обобщающий характер, то есть свойственно снам в целом, как части образно-символического отражения реальности и профетической составляющей сознания.

Девочка пяти лет видела сон: *Животные играют в баскетбол. Жираф, зайцы, еноты, бобры, барсуки. Сновидица наблюдает за игрой сидя в судейском кресле, которое расположено на столбе высоко над играющими. Животные играют ключиком, а не мячом. И в какой-то момент игры девочка поняла, что этот ключик проигрывают. Девочка испытала от этого невыразимый ужас и с непередаваемым криком проснулась от реально испытываемого ужаса. Прибежала ее мать, напуганная этим невероятным страшным криком. Девочка, чтобы маме было понятнее, отчего можно так орать, сказала, что ей приснилось бегущее на нее стадо слонов. То есть ребенок понимал, что проигрываемый ключик не может быть причиной страха и ужаса, и объяснила свое состояние так, как вполне логично и мотивированно могло воспринять сознание другого взрослого человека. Сама сновидица этот сон, конечно, запомнила, но совершенно не понимала его значения ни тогда, в детстве, ни позже, когда прочитала строки А. Блока: «В моей душе лежит сокровище, / И ключ поручен только мне!». Понимание пришло гораздо позже, когда был осознан значительный отрезок прожитой жизни. Без малого через сорок лет этой же сновидице приснился сон: *Она родила девочку и принесла новорожденную показать своей матери. Разворачивает белоснежные пеленки, а вместо новорожденной девочки — ключик. Тот самый, маленький, желтого металла, латунный или золотой ключик. Никакого страха на сей раз сновидица не испытывала, лишь удивление.**

Понять содержание этих снов, столь отстоящих по времени появления, можно только глубоко познав и осознав жизнь сновидицы. Влияние матери на девочку было очень сильным. Как это часто бывает, личность маленького человека развивалась несвободно. Ключ к себе, к осознанию своих возможностей, к свободе личности был *утрачен, проигран* во сне пятилетней девочки. Бессознательное сопротивление потере свободы личности и вызвало переживание необъяснимого логически ужаса. Через десятилетия, по свершении многих событий в жизни сновидицы, по мере изменения отношений с матерью и отношения к результатам воздействия матери на личность дочери, сон о *рождении ключика*, то есть об обретении возможности свободно открыть мир своей личности, предвозвестил о качественно новом этапе развития личности человека. Возможно, символ *ключика* появился в детском сне из сказки о Буратино, где ключик к дивному миру за дверью, скрытой за нарисованным очагом в каморке папы Карло, был главным предметом обладания, обеспечивающим свободную и счастливую жизнь героям. Несомненно, что символ *ключа* является универсальным архетипическим символом. Но разве может об этом знать пятилетний ребенок?

Пророческие сны зачастую касаются важных, но рядовых событий жизни. По наблюдению автора, чем более духовно значимо будущее событие реальной жизни, тем более сложное символическое и знаковое наполнение оно имеет в профетическом сне. Чем проще событие, тем более оно в реальности оказывается близко к образной системе сна.

Девушка видит во сне, что *она выходит замуж за военного, свадебные столы, гости кричат «горько», а она, невеста, убегает со свадьбы, чувствуя, что выходит замуж не за своего человека*. Через некоторое время в жизни этой девушки случились подобные события. Молодой человек, кадровый военный, врач, упорно настаивал на немедленном заключении брака и, казалось бы, логически не было препятствий к объединению двух людей, но сердце девушки упорно противилось. И, как показала жизнь, разрыв отношений не был ошибочным шагом.

Эта же сновидица видит во сне: *В автобусе № 69 она знакомится с молодым человеком по имени Алексей. Он берет ее за руку и ведет по улице к ее дому*. Проснувшись, молодая женщина подумала, что ее мужем станет человек по имени Алексей. Знак 69, совпадающий с номером автобуса, в астрологических системах обозначает знак Рака, ведающего семьей и домом. Появлению автобуса во сне женщина не придавала значения. Эта женщина познакомилась со своим будущим мужем Алексеем в троллейбусе, начинали совместную жизнь молодые в доме жены.

В подобных профетических снах смысловая и знаковая системы практически совпадают. Такие сны не сложны в толковании. Событие во сне совпадает с событием в реальной жизни. Соответственно, словесное воплощение содержания сна почти полностью совпадает со словесным воплощением следующих за сном событий. Подобные сны скорее являются моментами прямого ясновидения, чем сложным синтезом переживаний, размышлений, состояний или сакральным процессом символического отражения будущего, не поддающимся логическому анализу

В соответствии с осознанием основания к появлению сна, выделим три группы снов о будущем: **сны-разрешения, сны-предвестники (предчувствия), сны-немотивированные провидения.**

Сны-разрешения о будущем появляются тогда, когда сновидец является участником либо свидетелем какой-либо, чаще тяжелой, предполагающей динамическое развитие и разрешение, ситуации в реальной жизни.

Женщина, находясь относительно длительное время в ситуации, силе разрушения которой она противостоять почти не могла, видит сон: *Она заблудилась в незнакомом старом городе, ищет остановку транспорта, чтобы уехать домой, попадает в узкую, низкую арку между дворами, и вдруг на нее несется черный конь, запряженный в колесницу, но без возницы. Разминуться в арке невозможно, то есть сновидица должна погибнуть под копытами. Полностью осознавая опасность, сновидица от совершенной безвыходности смирилась со своей судьбой, даже не испытывая страха. Неожиданно в стене арки образовалась ниша, в которую и шагнула женщина, чтобы освободить дорогу безудержному коню. Еще более неожиданно конь остановился и тоже спокойно вошел в эту нишу. Проснувшись, женщина подумала, что столь теснившие ее обстоятельства и человек, который разрушал ее жизнь, не будут к ней крайне жестоки и опасности для жизни нет.*

Эта сновидица в этот же период времени видела подобный сон: *Она плывет на маленьком катере ночью, а на ее катер надвигается огромный корабль, капитана не видно, сигналить некому, столкновение и гибель катера неизбежны, но чудом удается, касаясь бортами, разминуться.*

В приведенных снах *неуправляемая сила* в виде черного коня без наездника и возницы, а также *большого корабля без капитана* символизируют совокупность внешних обстоятельств и их неосознанное восприятие сновидицей. *Избегание столкновения и гибели* предвещает о благополучном разрешении всех проблем.

Образ змеи, появляющийся во сне, также может быть знаком опасности или вреда, наносимого извне.

Несколько раз женщина видела во сне змею, *нападающую на нее*. В одном сне *сновидица разрубила змею на три куска*. В другом сне *отпустила, пожалев не своего ребенка, которого змея могла бы укусить, если бы сновидица попыталась уничтожить гадину*. В реальности события совпадали в точности. В первом случае опасность была полностью ликвидирована, во втором — сохранилась, именно по причине жалости к не своему ребенку. В этих снах змея символизировала опасность для сновидицы, конкретно выраженную в появлении любовниц у мужа. Конкретное выражение в действительности знака или символа опасности во сне может быть известно только сновидцу, ибо только он знает события собственной жизни и может конкретизировать значение знаков и символов сна.

Из приведенных ранее примеров к снам-разрешениям можно отнести сон о пожаре дома и спасении документов, сны о ключе, сон о засушенной голове. В подобных снах информационную функцию выполняют знаки и символы, которые в сознании сновидца связываются после сна с соответствующими состояниями переживания. *Надвигающийся корабль, несущийся конь* символизируют *опасность для жизни, психическую беспомощность и разрушение*. Змея — *опасный человек, пришедший извне, претендующий не на свои права*. Пожар — *полное уничтожение чего-либо*. Необходимо отметить, что символика и знаковая система снов сугубо индивидуальна и превращение в сонник общего пользования индивидуальной системы сна влечет неизбежные заблуждения и, как следствие, отношение к снам как к чему-то незначительному, не связанному с реальной жизнью человека и изменениями его личности. Сны часто помогают понять человеку самого себя, увидеть без прикрас свою жизнь и осознать, а значит иметь возможность корректировать собственное психическое состояние, совершать правильные действия, делать верный духовный выбор.

Сны-предвестники (предчувствия). К этой группе относятся сны о болезнях близких. Мы подробно описали такие сны выше. Логически к данной группе можно отнести сны о смерти и сны о рождении, ибо вероятность смерти любого человека абсолютна, а вероятность рождения ребенка у женщины детородного возраста велика. Но однозначно определить, явился ли подобный сон предчувствием на основе объективных посылок или провидением без видимой мотивации, не всегда представляется возможным.

Женщина видит сон, что *Ее кусает за грудь черная змея, появляется рыжеволосая женщина и отбрасывает змею с груди сновидицы*. В реальность этот сон воплотился позже. Женщина, видевшая сон, заболела раком груди, а операцию ей делала хирург с пышными рыжими волосами. Болезнь не была побеждена, только на время *отброшена, как змея во сне*. Убитая змея означала бы побежденный недуг. Предчувствовать болезнь, тем более столь серьезную, женщина, безусловно, могла. Рак, к сожалению, не всегда диагностируется на ранних стадиях заболевания. Состояние организма порождает в сознании сон-предчувствие, но появление во сне женщины-спасительницы, имеющей яркую внешнюю примету и совпадение этой приметы с особенностью внешности хирурга, о котором видевшая сон знать ничего не могла, конечно, относится к снам-провидениям. Таким образом, в одном сне могут сочетаться элементы предвестия и элементы провидения.

Глубины подсознания человека скрывают особенности синтеза информации, способы трансформации реальных проявлений в знаковую и символическую систему снов, особенности метафоризации действительности каждой отдельной личностью и многие иные явления, изученные в разной степени.

Сны — провидения. Профетические сны подобного рода связаны с неосознаваемым и логически непрогнозируемым будущим. Если к появлению снов-разрешений и снов-предвестников можно обнаружить видимые объективные или субъективные предпосылки, то к появлению снов-провидений мотивации и посылок нет, или они полностью скрыты от сознания сновидца.

Из описанных выше снов к снам-провидениям относятся сон о разрушенной церкви, сон о сбежавшей невесте, сон о встрече в автобусе. Чем можно объяснить появление подобных снов, видевшие их и не знают и часто соотносят содержание увиденного сна с реальностью после наступления событий, на которые было указано во сне.

Молодая женщина собиралась провести отпуск в путешествии на байдарках. Никаких негативных переживаний с этим не было связано, было только желание отправиться на озера и предаться любимому виду отдыха. Накануне поездки ей снится сон: *Волк на цепи нападает на нее и кусает два раза, но не до крови*. Во время отпуска женщина находится в одной байдарке с инструктором, который оказывается весьма жестоким и хитрым человеком, к тому же вором. Этот человек заставил молодую женщину пережить весьма неприятные чувства и даже страх. Его служебное положение, *цепь* во сне, не позволяло ему вести себя еще более развязно, но давало опреде-

ленную власть над членами группы. Таким образом, укусы — *неприятности, нападения* — были, но не нанесли значительного ущерба, ни сновидице, ни другим людям — укусы *не до крови*. Заметим, что молодая женщина в то время увлекалась изучением Авестийской астрологической системы, в которой существует 32-летний цикл тотемических знаков года. Негодяй родился в год Волка. Никаких логических предпосылок к появлению описанного сна быть не могло. Сопоставление содержания сна и событий действительности стало возможным только по свершении событий.

Толстая пушистая черная курица Ксюша подходит к балкону квартиры сновидицы и клюет из кормушки корм, который предназначался не для нее. Хозяйка дома гладит курицу по голове, жалея птицу. Проснувшись с мыслью о том, что женщина Ксюша неизбежно должна появиться и вторгнуться в дом и его материальные запасы. Появившуюся наяву женщину действительно звали Ксюша, она сыграла не самую благовидную роль в истории семьи сновидицы, некоторое время жила в доме сновидицы и, соответственно, пользовалась вещами, которые находились в доме.

Известно, что *навоз* — устойчивый символ денег для потомков оседлых, земледельческих родов. К такому роду принадлежит сновидица, но ее настоящая деятельность никак не связана с земледельческими работами, и собирание навоза как необходимый элемент успешного частного земледелия совершенно не характерное занятие для городского жителя в третьем поколении, имеющего отношение к земледельческому труду на уровне не обязательных дачных работ. Во сне эта сновидица *идет по дороге, видит две кучи конского навоза, одна из них упакована в пакет. Сновидица разворачивает упакованную кучу, берет малую часть, а остальное оставляет на дороге.* Проснувшись, женщина подумала, что денег ждать неоткуда, только отпуск окончился, да и не думала она о каком-либо неожиданном получении денег, хватало того, что было в наличности. На работе оказалось, что нужно срочно написать заявление на получение довольно значительной суммы денег, но само получение будет позже. «Ну, а вторая кучка?» — подумала и без того удивленная совпадением женщина. В этот же день ей позвонили из банка и попросили переоформить имеющийся вклад на новый срок. Женщина переоформила деньги, взяв небольшую сумму наличными. Деньги, лежащие на вкладе, символически действительно упакованы и защищены от посторонних глаз, что гарантируется тайной вклада. Рядовое получение денег — не такое уж важное событие, чтобы пророческие сны о нем видеть, однако то, что происходит в нашем сознании во сне для большинства людей — неуправляемый процесс. И еще, — мы

не всегда знаем не только почему, но и для чего открывается нам информация.

Иногда человек видит несколько снов с развитием сюжета, в котором действуют одни и те же персонажи. Сны могут быть не связаны сюжетно, но соответствовать логически развивающейся действительности. Серии снов отражают внешнюю динамику событий или внутреннюю динамику отношений, состояний сновидца. Каково бы ни было содержание сна, сновидец всегда видит сон о себе, своем отношении к чему-либо, о своем участии или своей роли в событиях. Например, сон о курице Ксюше и сон о неубитой змее — сны об одной и той же женщине. Только в первом случае *курица Ксюша* была еще не появившейся любовницей мужа сновидицы и сон был провидением. Во втором случае эта же женщина, о существовании которой сновидица хорошо знала и знала, что у нее есть сын-подросток, явилась в образе *змеи*. Ребенка этой женщины сновидица в действительности пожалела и не убила во сне *змею*. Этот сон был сном-разрешением.

Не всегда можно точно определить границу между снами-предвестниками и снами-провидениями. Например, сны о смерти могут быть навеяны болезнью или возрастом будущего покойного, то есть объективными посылками. Однако логическое понимание времени смерти возможно лишь при самых тяжелых состояниях больного или очевидности несовместимых с жизнью травм, но и в этих случаях остается надежда. Указание в снах на близкую смерть человека, безусловно, относится к провидческому, пророческому аспекту снов.

Сны о будущем имеют замечательную особенность словесного воплощения, формулирования их смыслов. Эта особенность заключается в смысловой фразеологичности значения сна, фразеологической связности мысли, мотивированной обобщенным пониманием значения сна. Как *«сочетание слов соответствует расчлененному отображению явлений действительности»* [Шмелев 2006: 259], так же и отображение словами обобщенного смысла сна в большинстве случаев возможно с помощью грамматически устойчиво связанных слов. Так, сны о рождении при определении их значения воплощаются в мысль: «У меня или кого-либо (далее X) будет ребенок / мальчик / девочка». За снами о смерти следует мысль: «X умрет». Сны-разрешения, в зависимости от получаемой в них информации, увенчиваются мыслью: «Все будет хорошо» или «Все будет так-то». Сны-предвестники (предчувствия) укладываются в мысль: «С X что-либо случится». А вот сны-провидения не имеют единой фразеологизированной мысли, ибо содержание их всегда уникально и

указывает не на общий ход развития событий жизни, а на отдельные значимые поворотные точки в жизни, которые индивидуальны для каждого человека.

Изучение вещей и пророческих снов — интереснейшая и богатейшая область получения знаний о мыслительной и психической деятельности человека, посредством которых осуществляется синтез и трансформация видимого мира в мир символов и знаков, находящихся воплощение в снах. Только собрав обширный материал, проанализировав его в различных аспектах, можно говорить о каких-либо единых чертах, тенденциях отражения и событийно-временном соотношении текстов снов с действительностью. Человеческая психика имеет некоторые общие способы восприятия и отражения, анализа и синтеза различных воздействий, сознание имеет общие особенности обработки информации, и сон как часть действительности и некий тип трансформации информации является плодородным полем для деятельности научной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

- РАС 1990 — Русский астрологический сборник «Тамара». М., 1990.
- РАС 2002 — Русский ассоциативный словарь. В 2-х т. Т. I. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. М., 2002.
- Успенский 2007 — Успенский Б. А. *Ego Loquens*: Язык и коммуникативное пространство. М., 2007.
- Файфель 2005 — Мэй Р. и др. Экзистенциальная психология. М., 2005.
- Фрейд 2002 — Фрейд З. Толкование сновидений: Сборник произведений. М., 2002.
- Шмелев 2006 — Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 2006.
- Эдингер 2000 — Эдингер Э.Ф. Эго и архетип / Пер. с англ. М., 2000.
- Юнг 1994 — Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени / Пер. с нем. М., 1994.
- Юнг 1997 — Юнг К.Г., фон Франц М.-Л. и др. Человек и его символы / Под общей редакцией С.Н. Сиренко. М., 1997.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СНОВИДЕНИЙ В ПРОЗЕ А.П. ЧЕХОВА

Художественная литература всегда интересовалась сновидениями как одной из сфер человеческого бытия, в которой наиболее ярко находят отражение бессознательные психические процессы. Сновидения использовались писателями для описания внутреннего состояния персонажей, для объяснения причин их поступков, для создания атмосферы ирреальности, невероятности, таинственности. П.А. Флоренский рассматривал сновидение как уникальное психологическое состояние на грани соприкосновения двух миров — «мира видимого» и «мира невидимого» — и считал, что «сон — вот первая и простейшая, т.е. в смысле нашей привычки к нему, ступень жизни в невидимом» [Флоренский 1972: 89].

Состояние сна у человека — это особое функциональное состояние, «характеризующееся значительной обездвижимостью и отключенностью от сенсорных воздействий внешнего мира. У человека во сне наблюдается угнетение осознаваемой психической активности. Сон представляет собой совокупность двух основных чередующихся фаз, которые получили название “медленного” сна и “быстрого” (или “парадоксального”) сна, физиологические характеристики которых во многом противоположны» [Психологический словарь 1990: 371]. Открытие особых стадий сна состоялось в 1953 году, и с этого времени психологи и физиологи считают, что «сон — это не просто углубление и распространение торможения. Это сложный процесс, имеющий свои стадии, каждая из которых сама по себе уникальна... При этом мозг во время сна характеризуется высоким уровнем активности и в некотором смысле даже более высоким, чем при спокойном бодрствовании» [Физиология высшей нервной деятельности 1989: 318]. Сновидения, о которых человек сообщает после сна, возникают на стадии «быстрого», «парадоксального» сна и содержат обычно элементы нереальности, фантастичности [Психологический словарь 1990: 371]. В художественной литературе о сновидениях читателю

сообщает писатель, используя разные способы представления сновидений и ставя разные цели их введения в текст произведения. В прозе есть возможность разнообразно описать это явление.

В настоящее время филологами предлагается использовать термины «онейротоп» и «онейротопика», обозначающими более широкое понятие, чем сновидение. Онейротоп охватывает весь художественный контекст, связанный с изображением сновидения, весь комплекс используемых средств [Теперик 2007: 15].

В прозе А.П. Чехова насчитывается около ста онейротопов, которые условно можно разделить на онейротопы-события, онейротопы-объекты и онейротопы «жизнь-сон».

1. Онейротопы-события. В некоторых рассказах они занимают большое или основное пространство текста и выполняют сюжетообразующую функцию («Спать хочется», «Сон», «Сон репортера», «Сонная одурь», «Зеркало», «Умный дворник», «Козел или негодяй»). Как видим, состояние, связанное со сном, в четырех рассказах обозначено разными лексемами уже в названиях). Сновидения представлены здесь фрагментами текста, содержащими описания ирреальной «действительности», в которой разворачиваются разные события, в том числе и речевые. Их участниками могут быть персонажи, которые видят сон, а также другие персонажи, существующие, как и спящий персонаж, в художественном пространстве произведения до сна или же появляющиеся только в сновидении персонажа.

В рассказах А.П. Чехова «Спать хочется», «Сонная одурь» сновидения представляют часть прошлой реальной жизни персонажа. Во сне воспроизводятся моменты, имеющие отношение к развитию сюжетной линии рассказа. Их нельзя воспринимать как реальные, поскольку любое воспроизведение содержит изменения, но они близки к реальности и необходимы для развития сюжета.

— Баю-баюшки-баю, а я песенку спою... — мурлычет Варька и уже видит себя в темной, душной избе.

На полу ворочается ее покойный отец Ефим Степанов. Она не видит его, но слышит, как он катается от боли и стонет. У него, как он говорит, «разыгралась грыжа»...

Мать Пелагея побежала в усадьбу к господам сказать, что Ефим помирает. Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться... Но вот слышно, кто-то подъехал к избе. Это господа прислали молодого доктора, который приехал к ним из города в гости...

Щеки у Ефима розовые, глаза блестят и взгляд как-то особенно остр, точно Ефим видит насквозь и избу и доктора.

— Ну, что? Что ты это вздумал? — говорит доктор, нагибаясь к нему. — Эге! Давно ли это у тебя?

— Чего-с? Помирать, ваше благородие, пришло время... Не быть мне в живых...

— Полно вздор говорить... Вылечим!

— Это как вам угодно, ваше благородие, благодарим покорно, а только мы понимаем... Коли смерть пришла, то что уж тут («Спать хочется», т. 7, с. 8–9).

Сновидение может представлять не только реальное прошлое, но и возможное будущее персонажа. Рассказ А.П. Чехова «Зеркало» построен на существовании персонажа в разных локальных и временных пространствах: существующих действительно — дочь помещика-генерала Нелли в предновогодний вечер в комнате своего дома глядит в зеркало, мечтает о замужестве и засыпает. Будущее Нелли описано только в локальных и временных измерениях, возникших в сновидении, связанном по содержанию с ее мечтами о замужестве. Во сне Нелли видит суженого, *«видит, как живет с ним под одной кровлей, как ее жизнь постепенно сливается с его жизнью. На сером фоне бегут месяцы, годы... и Нелли отчетливо, во всех подробностях, видит свое будущее»*, которое представлено в рассказе в диалогическом общении Нелли с уездным врачом. Она уговаривает его приехать к ее больному мужу, жизнь с которым видится ей очень не радужной, проходящей в тревоге и страхе из-за заложенного имения и болезней детей.

И бледная, измученная Нелли, глотая слезы и задыхаясь, начинает описывать доктору внезапную болезнь мужа и свой невыразимый страх. Страдания ее способны тронуть камень, но доктор глядит на нее, дует себе на ладонь и — ни с места.

— Завтра приеду... — бормочет он.

— Это невозможно! — пугается Нелли. — Я знаю, у мужа... тиф! Сейчас... сию минуту вы нужны!

— Я тово... только что приехал... — бормочет доктор. — Три дня на эпидемию ездил. И утомлен, и сам болен... Абсолютно не могу! Абсолютно! Я... я сам заразился... Вот!

И доктор сует к глазам Нелли максимальный термометр («Зеркало», т. 4, с. 272).

Смертью мужа завершается сновидение Нелли, и когда она понимает, что вся приснившаяся ей нелегкая жизнь и долгий диалог с доктором (занимающий две трети рассказа), стоящий ей многих физических и моральных усилий, — это только сон, то облегченно

вздыхает. А.П. Чехов в рассказе «Зеркало» в сновидении показал один из возможных вариантов развития семейной жизни, основанный на обобщении типичных жизненных ситуаций.

Сон может выдаваться персонажем за реальность. В рассказе «Сон репортера» Петр Семеныч получил записку от редактора с просьбой о том, чтобы он побывал на костюмированном балу французской колонии и подготовил заметку. Редактор пожелал выиграть ему разыгрываемую там вазу. Петр Семеныч заснул и опоздал на бал. Ему приснился сон, наполненный событиями и разговорами, связанными с заданием редактора (во сне он был на балу, где его встретили как почетного гостя, выиграл вазу, которую затем разбила знатная француженка). Сон стал тем явлением, на основании которого репортер отчитался перед редактором. Ирреальное явление — сон — представлено другому персонажу как факт реальности. В рассказе «Сон» наоборот. Здесь реальное выдается за сон, несуществующее, нереальное явление. Главный герой рассказа «Сон (Святочный рассказ)» служит оценщиком в ссудной лавке и в связи с этим знает об обстоятельствах, которые заставляют людей сдавать вещи за бесценок: «горе, болезнь, преступление, продажный разврат». В ночь под Рождество его мучит совесть, поскольку в канун Рождества он целый день *торговался с оборвышами, выжимал из них гроши и копейки, глядел слезы, выслушивал напрасные мольбы...*

Но как ни билось мое сердце, как ни терзали меня страх и угрызения совести, утомление взяло свое. Я уснул. Сон был чуткий. ...Я слышал, как ко мне еще раз стучался хозяин, как ударили к заутрене... Я слышал, как выл ветер и стучал по кровле дождь. Глаза мои были закрыты, но я видел вещи, витрину, темное окно, образ. Вещи толпились вокруг меня и, мигая, просили отпустить их домой. На гитаре с визгом одна за другой лопались струны, лопались без конца... В окно глядели нищие, старухи, проститутки, ожидая, пока я отпущу ссуду и возвращу им вещи («Сон», т. 3, с. 152).

Рассказ героя о сне постоянно перемежается речью и действиями реальных людей, которые пришли за вещами и стараются не разбудить оценщика, но ему кажется, что это сон. Описания сна и описания действий и реплик других людей и субстанций (вещи и ветер включены в сновидение как говорящие явления) не разделены в пространстве рассказа, и читатель также воспринимает все это как сон.

«Грабят!» — мелькнуло у меня в голове.

Хотя я спал, но помнил, что под моей подушкой всегда лежал револьвер. Я тихо нащупал его и сжал в руке. В витрине звякнуло стекло.

— Тише, разбудишь. Тогда уколошматить придется.

Далее мне снилось, что я вскрикнул грудным, диким голосом и, испугавшись своего голоса, вскочил («Сон», 3, 154).

Оценщик отдает людям вещи, думая, что все это происходит во сне.

Через месяц меня осудили. За что? Я уверял судей, что то был сон, что несправедливо судить человека за кошмар. Судите сами, могли я отдать ни с того ни с сего чужие вещи вора и негодяям? Да и где это видано, чтоб отдавать вещи, не получив выкупа? Но суд принял сон за действительность и осудил меня («Сон», т. 3, с. 155).

В рассказе «Сон» персонаж оказался человеком добрым, умеющим войти в ситуацию бедных людей только во сне. В реальной жизни персонаж не может проявить этих качеств, и только в состоянии сна, которое мало контролируется и понимается им как небытие, ирреальность, он оказывается способным на гуманность. Таким образом, в разных пространствах существования человек проявляет себя по-разному, и реальная жизнь не является пространством, в котором можно быть искренним, добрым, гуманным.

На противопоставлении быть искренним во сне и неискренним в реальности построен шуточный рассказ «Козел или негодяй».

Старец наклоняется к ручке девушки, гладит ее своей заскорузлой рукой и... чмок!

Девушка глубоко вздыхает, открывает глаза и с недоумением смотрит на старца.

— Ах... это вы, князь? — бормочет она, пересиливая сон. — Pardon, я, кажется, уснула!

— Ну да, вы спите, — лепечет князь. — Вы и теперь спите, а я вам снюсь... Вы это во сне меня видите... Спите, спите... Я только снюсь вам...

Девушка верит и закрывает глаза.

— Как я несчастна! — шепчет она, засыпая. — Вечно мне снятся то козлы, то негодяи.

Князь слышит этот шепот, конфузится и на цыпочках стушевывается... («Козел или негодяй», т. 2, с. 160).

В рассказах «Спать хочется», «Умный дворник» в несуществующую действительность, находящую отражение во сне, проникает реальная

действительность, описанная автором до начала сна. Мысли персонажа, возникающие у него в связи с реальностью, могут находить отражение в воссоздаваемой во сне действительности в виде реплик диалога. Диалог как форма существования человека в реальной действительности, в том числе и в речевой как составной ее части, проникает в воссоздаваемое сновидение, в котором он не контролируется сознанием говорящего. Мысли персонажа, возникающие у него в реальности, могут быть во сне переданы другому персонажу, что подтверждает нереальность возникающего диалога, который по своему содержанию становится абсурдным с точки зрения реальной действительности.

Колыбель жалобно скрипит, сама Варька мурлычет — и все это сливается в ночную, убаюкивающую музыку, которую так сладко слушать, когда ложишься в постель. Теперь же эта музыка только раздражает и гнетет, потому что вгоняет в дремоту, а спать нельзя; если Варька, не дай бог, уснет, то хозяева прибьют ее.

Лампадка мигает. Зеленое пятно и тени приходят в движение, лежат в полуоткрытые, неподвижные глаза Варьки и в ее наполовину уснувшем мозгу складываются в туманные грезы. Она видит темные облака, которые гоняются друг за другом по небу и кричат, как ребенок. Но вот подул ветер, пропали облака, и Варька видит широкое шоссе, покрытое жидкою грязью; по шоссе тянутся обозы, плетутся люди с котомками на спинах, носятся взад и вперед какие-то тени; по обе стороны сквозь холодный, суровый туман видны леса. Вдруг люди с котомками и тенями падают на землю в жидкую грязь. «Зачем это?» — спрашивает Варька. «Спать, спать!» — отвечают ей («Спать хочется», т. 7, с. 7–8).

Одна из реплик воссоздаваемого во сне общения может быть близкой по содержанию реплике, прозвучавшей в реальной действительности, описываемой в художественном произведении. Сон в таком случае, с одной стороны, как бы опирается на действительность, с другой стороны, определенным образом проецирует ее.

И видел Филипп сон. Все, видел он, изменилось: земля та же самая, дома такие же, ворота прежние, но люди совсем не те стали. Все люди мудрые, нет ни одного дурака, и по улицам ходят все французы и французы. Водовоз, и тот рассуждает: «Я, признаться, климатом очень недоволен и желаю на градусник поглядеть», — а у самого в руках толстая книга.

— А ты почитай календарь, — говорит ему Филипп.

Кухарка глупа, но и она вмешивается в умные разговоры и вставляет свои замечания. Филипп идет в участок, чтобы прописать жильцов,

— *И странно, даже в этом суровом месте говорят только об умном и везде на столах лежат книжки. А вот кто-то подходит к лакею Мише, толкает его и кричит: «Ты спишь? Я тебя спрашиваю: ты спишь?»*

— *На часах спишь, болван? — слышит Филипп чей-то громовый голос. — Спишь, негодяй, скотина?*

Филипп вскочил и протер глаза; перед ним стоял помощник участкового пристава («Умный дворник», т. 2, с. 73–74).

В сон главного персонажа повести «Драма на охоте» также включена реплика из реальной действительности, произнесенная попугаем Иваном Демьянычем. Реплика «Муж убил свою жену!» — это инициальная реплика повести, ею начинается повествование, она приобретает символическое значение в развитии сюжета. В устах попугая это предложение лишено смысла и интеллектуальной оценки, но в результате убийства Ольги эта фраза получает символическо-референтную значимость, и именно она введена в сон Зиновьева, где ее произносит персонаж сновидения — красная физиономия.

Я чувствовал, как с меня постепенно спадала какая-то тяжесть, как ненавистные образы сменялись в сознании туманом... Помню, я даже начинал видеть сон. Снилось мне, что в светлое, зимнее утро шел я по Невскому в Петербурге и, от нечего делать, засматривал в окна магазинов. На душе моей было легко, весело... Некуда было спешить, делать было нечего — свобода абсолютная... Сознание, что я далеко от своей деревни, от графской усадьбы и сердитого, холодного озера, еще более настраивало меня на мирный, веселый лад. Я остановился у самого большого окна и стал рассматривать женские шляпки... Шляпки были мне знакомы... В одной из них я видел Ольгу, в другой Надю, третью я видел в день охоты на белокурой голове внезапно приехавшей Сози... Под шляпами заулыбались знакомые физиономии... Когда я хотел им что-то сказать, они все три слились в одну большую, красную физиономию. Эта сердито задвигала своими глазами и высунула язык... Кто-то сдавил мне шею...

— *Муж убил свою жену! — крикнула красная физиономия. Я вздрогнул, вскрикнул и, как ужасенный, вскочил с постели. Сердце мое страшно билось, на лбу выступил холодный пот.*

— *Муж убил свою жену! — повторил попугай. — Дай же мне сахару! Как вы глупы! Дурак!*

— *Это попугай... — успокоил я себя, ложась в постель. — Слава богу... («Драма на охоте», т. 7, с. 363–364).*

Онейротопы-события в прозе А.П. Чехова по-разному связаны с реальной жизнью персонажей, они представляют ее прошлое, кото-

рое, как правило, лучше настоящей жизни, настоящее и будущее, в основном неосуществимое и развенчивающееся тут же реальностью. Такие сновидения есть также в произведениях «В усадьбе», «По делам службы», «Живой товар», «Учитель словесности», «Жена», «Каштанка» (Каштанке снятся «собачьи сны», связанные с погоней за ней дворника и двумя черными собаками, которые не давали ей есть).

2. Онейротопы-объекты. Они входят во фрагменты текста, в которых сновидения не разворачиваются как следующие друг за другом различные действия персонажей, а представляются только в виде обозначений того, что снилось. Перечень объектов сна может содержать как обозначение конкретных лиц, предметов, субстанций, так и название процессов и встречается в авторском и персонажном речевых планах.

2.1. Онейротопы-объекты, основанные на отношении к другому человеку. Эти сны могут быть связаны с различными эмоциональными отношениями спящего с другими персонажами. Персонажам, испытывающим состояние влюбленности (иногда безответно), снятся персонажи, которых они любят. В «Цветах запоздалых» Маруся какое-то время существует только потому, что ей снится Топорков (в этом фрагменте текста используются две лексемы для обозначения сна — *сон* и *сновидение*, которые сначала обозначают плохой и хороший сон, а затем употребляются как синонимы).

На щеках исчез здоровый румянец, губы разучились складываться в улыбку, мозги отказались мечтать о будущем — задурила Маруся! Ей казалось, что с Топорковым погибла для нее и цель ее жизни. На что ей теперь жизнь, если на ее долю остались одни только глупцы, тунеядцы, кутилы! Она захандрила. Ничего не замечая, не обращая ни на что внимания, ни к чему не прислушиваясь, затянула она скучную, бесцветную жизнь, на которую так способны наши девы, старые и молодые... Она не замечала женихов, которых у нее было много, родных, знакомых. На плохие обстоятельства глядела она равнодушно, с апатией. Не заметила она даже, как банк продал дом князей Приклонских, со всем его историческим, родным для нее скарбом, и как ей пришлось перебраться на новую квартиру, скромную, дешевую, в мещанском вкусе. Это был длинный, тяжелый сон, не лишенный все-таки сновидений. Снился ей Топорков во всех своих видах: в саях, в шубе, без шубы, сидящий, важно шагающий. Вся жизнь заключалась во сне.

Но грянул гром — и слетел сон с голубых глаз с льянными ресницами... Княгиня-мать, не сумевшая перенести разорения, заболела на новой квартире и умерла, не оставив своим детям ничего, кроме благословения и нескольких платьев. Ее смерть была страшным несча-

стьем для княжны. Сон слетел для того, чтобы уступить свое место печали («Цветы запоздалые», т. 1, с. 417).

В «Ариадне» Шамохину каждую ночь снится Ариадна, в которую он влюблен; Ольге Ивановне в «Попрыгунье» — знаменитые люди, которых она боготворила; Оленьке Племянниковой, главной героине рассказа «Душечка», снятся горы досок, бревна потому, что торговля лесом становится на определенное время и ее занятием из-за любви ко второму мужу Пустовалову, которому она помогала в работе. В «Даме с собачкой» А.П. Чехов при описании отношения Гурова к Анне Сергеевне уже в Москве противопоставляет сон как кратковременное, эфемерное и потому непостоянное состояние ощущению постоянного присутствия Анны Сергеевны.

Пройдет какой-нибудь месяц, и Анна Сергеевна, казалось ему, покроется в памяти туманом и только изредка будет сниться с трогательной улыбкой, как снились другие. Но прошло больше месяца, наступила глубокая зима, а в памяти все было ясно, точно расстался он с Анной Сергеевной вчера.... Анна Сергеевна не снилась ему, а шла за ним повсюду, как тень, и следила за ним («Дама с собачкой», т. 10, с. 136).

В рассказе «Вор» Федор Иванович, вспоминая прошлую жизнь с Олей, ставшей причиной его краж и судимости, отрицательное отношение к ней выражает и предположением о том, что он ей теперь не снится.

Наутро глубокий, хороший сон, за сном визиты, выпивка... Вспомнил он, разумеется, и Олю с ее кошачьей, плаксивой, хорошенькой рожицей. Теперь она спит, должно быть, и не снится он ей. Эти женщины скоро утешаются («Вор», т. 2, с. 108).

2.2. Онейротопы-объекты с конкретно-предметным значением и процессуальным значением.

Сны персонажей прозы А.П. Чехова часто пересказываются самими персонажами в сжатом виде. Они могут сообщать только о предметах сна, которые связаны с их нынешней жизнью или имеют к ней отношение. В пересказе сна иногда также обозначаются происходившие во сне процессы без описания их во временном движении, без представления их развертывания.

— Однако пора спать, — сказала Таня. — Да и холодно. — Она взяла его под руку. — Спасибо, Андрюша, что приехали. У нас неинтересные знакомые, да и тех мало. У нас только сад, сад, сад — и большие

ничего. Штаб, полуштаб, — засмеялась она, — апорт, ранет, боровинка, окулировка, копулировка... Вся, вся наша жизнь ушла в сад, мне даже ничего никогда не снится, кроме яблонь и груш. Конечно, это хорошо, полезно, но иногда хочется и еще чего-нибудь для разнообразия («Черный монах», т. 8, с. 230).

Андрей Ефимыч слушает и не слышит; он о чем-то думает и прихлебывает пиво.

— Мне часто снятся умные люди и беседы с ними, — говорит он неожиданно, перебивая Михаила Аверьяныча... («Палата № 6», т. 8, с. 89).

Сны с подобным содержанием могут быть представлены и в авторской речи и включены, в том числе, во фрагмент текста с шутливо-ироническим значением.

Сзади, в нескольких шагах от аптекариши, прикорнув к стене, сладко похрапывает сам Черномордик. Жадная блоха впилась ему в переносицу, но он этого не чувствует и даже не улыбается, так как ему снится, будто все в городе кашляют и непрерывно покупают у него капли датского короля. Его не разбудишь теперь ни уколами, ни пушкой, ни ласками («Аптекарьша», т. 5, с. 192).

Главному персонажу в повести «Моя жизнь» после тяжелого трудового дня снится вспаханная земля; мальчику Алешке из рассказа «В сарае» — барин, о котором все говорили перед сном, потому что он застрелился; Ляшковскому в «Обывателях» в конце рассказа снятся обыватели, его приятель Финкс, старое кресло, которые его раздражают в реальной жизни и, видимо, поэтому во сне он их обливает кипятком; Ваньке в одноименном рассказе снятся дед, кухарки и пес; Грише в рассказе «Кухарка женится» — похищение кухарки Пелагеи; учительнице Марье Васильевне из рассказа «На подводе» — экзамены, мужики, сугробы. Все сны основаны на реальных событиях. Они расширяют, дополняют представление читателя о внутренней и внешней жизни персонажа, о его отношении к происходящим в реальности событиям.

Автор может иногда только предполагать, что снится персонажу, и это предположение является обычно частью фрагмента текста, в котором представлена подробная характеристика персонажа. В повести «Степь» при описании различных характеров Кузьмичова и о. Христофора значимым оказывается и то, что им снится (спящими дядю и о. Христофора видит Егорушка).

Затем он подошел к бричке и стал глядеть на спящих. Лицо дяди по-прежнему выражало деловую сухость. Фанатик своего дела, Кузьмичов всегда, даже во сне и за молитвой в церкви, когда пели «Иже херувимы», думал о своих делах, ни на минуту не мог забыть о них, и теперь, вероятно, ему снились тюки с шерстью, подводы, цены, Варламов... Отец же Христофор, человек мягкий, легкомысленный и смешиливый, во всю свою жизнь не знал ни одного такого дела, которое, как удав, могло бы сковать его душу. Во всех многочисленных делах, за которые он брался на своем веку, его прельщало не столько само дело, сколько суэта и общение с людьми, присущие всякому предприятию. Так, в настоящей поездке его интересовали не столько шерсть, Варламов и цены, сколько длинный путь, дорожные разговоры, спанье под бричкой, еда не вовремя... И теперь, судя по его лицу, ему снились, должно быть, преосвященный Христофор, латинский институт, его попадья, пышки со сметаной и все такое, что не могло сниться Кузьмичову («Степь», т. 7, с. 23–24).

Предположение о содержании сна одного персонажа может определяться другим персонажем или автором по внешнему виду спящего, по его отношению к какому-то явлению, по его высказыванию после сна.

«Жалкий человек! — подумал банкир. — Спит и, вероятно, видит во сне миллионы! А стоит мне только взять этого полумертвеца, бросить его на постель, слегка придушить подушкой, и самая добросовестная экспертиза не найдет знаков насильственной смерти. Однако прочтем сначала, что он тут написал...» («Пари», т. 7, с. 234).

Марья вернулась и стала топить печь. Она, по-видимому, еще не совсем очнулась от сна и теперь просыпалась на ходу. Ей, вероятно, приснилось что-нибудь или пришли на память вчерашние рассказы, так как она сладко потянулась перед печью и сказала:

— Нет, воля лучше! («Мужики», т. 9, с. 302).

Персонажам в прозе А.П. Чехова иногда снятся предметы, которые предсказывают будущие события, речь идет о так называемых вещих снах. Такие сны видят персонажи трех рассказов: «На хлебники», «Последняя могижанша», «Perpetuum mobile». Все вещие сны тут же сбываются по версии самих персонажей, или их можно объяснить исходя из развития сюжета. Доктору Свистицкому в рассказе «Perpetuum mobile» приснился пожар, «что означало счастье», которое, видимо, состояло в том, что после скандала к нему приехал извиняться следователь Гришуткин и жизнь вошла в обычное русло: встреча со старыми знакомыми вряд ли опять позволит доехать до

вскрытия трупа (конечно, такое понимание счастье довольно иронично). Зотову в «Нахлебниках» и Докукину в «Последней могижанше» снилась печь, что предвещало неприятность, которая тут же воплотилась в жизни персонажей. У Зотова не нашлось чая, а к Докукину неожиданно приехала сестра, так они сами растолковали свои сны.

Бричка въехала во двор, неуклюже повернула налево и с визгом и тарактеньем покатила к конюшне. В ней сидели две человеческие фигуры: одна женская, другая, поменьше, — мужская.

— Черт возьми... — пробормотал Докукин, глядя на меня испуганными глазами и почесывая висок. — Не было печали, так вот черти накачали. Недаром я сегодня во сне печь видел.

— А что? Кто это приехал?

— Сестрица с мужем, чтоб их...

Докукин поднялся и нервно прошелся по комнате («Последняя могижанша», т. 3, с. 417).

Объектные онейротопы, представляя содержание сна или его возможное содержание в статичном, как правило, состоянии, связаны с реальностью, в них представлены предметы, сопровождающие жизнь персонажа и не во сне, ситуации, в которых персонажи были до сна или же эти ситуации похожи на нынешнее существование персонажа, что делает представление читателя о реальной жизни персонажей более объемным.

3. Онейротопы «жизнь-сон». Эти фрагменты текста не содержат событий, объектов, ситуаций, явлений, приснившихся персонажам. Наоборот, в них описываются события и явления реальной жизни, но в них эти события и явления сравниваются со сном как с чем-то виртуальным, несуществующим и ирреальным. Эти «сны о жизни» могут быть счастливыми («Цветы запоздалые», «Рассказ неизвестного человека»), смутными («Красавицы»), тревожными («Человек в футляре»), тяжелыми («Убийство», «Пустой случай!»), фантастическими («Пустой случай!»), длинными («На подводе»), страшными («В ссылке», «Нахлебники»), странными («На подводе»), хорошими («В ссылке», «Поцелуй», «Архиерей», «Дом с мезонином»), сказочными («По делам службы»), прекрасными («Страх») и относятся к разным временным периодам жизни персонажей. Прошлое обычно воспринимается и оценивается как что-то положительное, настоящее как сложное и тяжелое, будущее как желанное, но невозможное.

О том прошлом, какое было до ее поступления в учительницы, она уже отвыкла вспоминать — и почти все забыла. Когда-то были

у нее отец и мать; жили в Москве около Красных ворот, в большой квартире, но о всей этой жизни осталось в памяти что-то смутное и расплывчатое, точно сон («На подводе», т. 9, с. 335).

Я поклонился ее спине и, уже не разбирая ковров, зашагал по ярко-желтым полам. Мне приятно было уходить из этого маленького царства позолоченной скуки и скорби, и я спешил, точно желая встретиться от тяжелого фантастического сна с его сумерками, Таракановой, люстрами... («Пустой случай!», т. 5, с. 308).

А если бы все вместе — и рыбу ловить, и на скрипке играть, и барки гонять, и гусей бить, то какой получился бы капитал! Но ничего этого не было даже во сне, жизнь прошла без пользы, без всякого удовольствия, пропала зря, ни за понюшку табаку... («Скрипка Ротшильда», т. 8, с. 303).

Сновидения в прозе А.П. Чехова представляют читателю развернутые события, ситуации, предметы, связанные с реальной жизнью персонажей или имеющие к ней отношение. В снах субъектами действий, состояний, ситуаций, как правило, являются сами персонажи. Сны необходимы для формирования целостного впечатления устройства реальной жизни, ее модели, внутреннего и внешнего мировидения персонажей, создания их характеров, понимания различных жизненных ситуаций. Ирреальность в прозе А.П. Чехова в форме сна включается в реальность, она дополняет, расширяет, раздвигает реальность и является одним из способов представления достоверности жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Общая психология 1987 — Общая психология. М., 1987.
Психологический словарь 1990 — Психологический словарь. М., 1990.
Теперик 2007 — Теперик Т.Ф. О поэтике литературных сновидений // Русская словесность. 2007. № 3.
Физиология высшей нервной деятельности 1989 — Физиология высшей нервной деятельности. М., 1989.
Флоренский 1972 — Флоренский П.А. Иконостас // Богословские труды. Вып. IX. М., 1972.

Примеры приводятся по изданию: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 18 т. М., 1974–1982.

А.Э. ЛЕВИЦКИЙ (КИЕВ)

СОН И МЕЧТА В ПРОСТРАНСТВЕ КВАЗИРЕАЛЬНОСТИ

(НА МАТЕРИАЛЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ И ЗАПАДНОГЕРМАНСКИХ
ЛИНГВОКУЛЬТУР)

Вопросы соотношения языка и мышления, языка и социума, языка и культуры относятся к одним из приоритетных в современной когнитивно-дискурсивной парадигме. Их решение позволит приблизиться к выявлению особенностей номинации окружающего мира у представителей разных социальных и этнокультурных групп. Именно поэтому актуальным является выявление изоморфного и алломорфного в обозначении определенных составляющих сегментов вымышленного мира как такого, что существует лишь в сознании человека. Анализу подлежит вербализация концептов СОН и МЕЧТА с помощью средств современных восточнославянских (русского и украинского) и западногерманских (английского и немецкого) языков.

Подход к исследованию номинативных ресурсов языка в сопоставительном аспекте получил широкое развитие в лингвистике конца XX — начала XXI в. (см., напр., [Арутюнова 1998; Вежбицкая 1996; Вежбицкая 2001; Карасик 2005; Культурные концепты 1991; Образ человека в культуре и языке 1999; Серова 2007; Степанов 1997]). Его применение позволяет получить новые данные об особенностях номинации определенных элементов внутреннего мира восточных славян и западных германцев, что дает возможность раскрыть некоторые характерные черты соответствующих лингвокультур.

При этом СОН и МЕЧТА рассматриваются нами как элементы квазиреальности, т. е. указывающие на то, что вербализованный фрагмент мира и наши знания о нем частично или ложно отражают действительность. При этом субъективность восприятия окружающего мира оказывается более весомой, нежели объективная реальность. Таким образом, СОН и МЕЧТА в значительной степени больше иных концептов вербализуют то, что относится одновременно к сфере сознательного и подсознательного.

Объективная действительность существует независимо от каждого индивида. При этом, достигнув высочайшего уровня в своем

эволюционном развитии, человек стоит у границы, за которой находится мир воображаемый. Искушение познать этот мир велико, потому что «вымысел захватывает, поучает и приносит пользу, так как позволяет заглянуть туда, где реальность бессильна... позволяет планировать и принимать меры предосторожности... посредством умственных, мыслительных экспериментов и проверки гипотез» [Rescher 2003: 243]. Деятельность воображения — это одновременно и творческая, и познавательная деятельность, своеобразная «высшая форма мышления» [Голосовкер 1987: 12].

Вымышленный, или «возможный», мир воспринимается как вторичный, организованный на иных общесистемных принципах, чем объективная реальность. Причем конструирование становится возможным лишь с опорой на мир реальный [Ильинова 2007: 85]. Будучи квазиэкзистенциональным, вымышленный мир не может существовать независимо от человека. Он имеет свой генезис и прототип, т. е. у всего вымышленного есть свои истоки. Несмотря на серьезные различия, касающиеся онтологического статуса, реальность и ирреальность тесно переплетены. Речь идет об активном взаимодействии различных миров, которые находятся в смежных плоскостях. Квазиреальное имеет непосредственную референцию к реальному миру, добавляя последнему новые черты. В понимание квазиреальности входят «ситуации, которые мы представляем и желаем, чтобы они произошли» [Radden 2007: 172]. Следовательно, в квазиреальном мире неосуществимое осуществляется, неисполнимое исполняется, а невозможное становится возможным. В нашем понимании квазиреальное является воплощением возможного с позиций объективной реальности. Именно поэтому квазиреальный мир, существующий, в частности, в снах и мечтах, выступает как возможный, содержащий образы и символы грядущих или желанных событий.

Квазиреальность, ирреальность, или контрфактивность, и ее языковые обозначения изучаются в теории возможных миров, которая связана с именем выдающегося немецкого философа Г.В. Лейбница. Г.В. Лейбниц развивает мысль о возможных мирах в «Теодицее» (1710 г.), где он настаивает на бесконечности Божественного ума, который выбрал этот мир как наилучший среди иных [Leibnitz 1969]. Модальные ориентиры этого мира (*the best of all possible worlds*) определяются с учетом многих альтернативных миров [Эко 2004a; Эко 2004b; Dolezel 1979; Dolezel 1998; Leibnitz 1969].

Представители модальной логики проявили интерес к идее «возможных миров» в середине XX ст. В конце 40-х гг. Р. Карнап изложил теорию изображений состояния (мира) — *state descriptions*. В модальной логике возможные миры — это «возможное состояние дел» [Хин-

тика 1990: 40]. В обычных же ситуациях восприятия данное состояние можно считать информационным процессом. Следовательно, все, что мы воспринимаем — это характеристика информации, то есть построение / отображение многих миров [Хинтика 1975: 38].

Понятие возможного мира стало одним из наиболее полезных для лингвистов в русле логической и философской теории модальностей [Хинтика 1980: 228] в связи с тенденциями, ориентированными на анализ языковых явлений в рамках междисциплинарных исследований (см., напр., [Красных 1998; Обелец 2006; Kuczynski 2007; Semino 1997; Steinhart 2001]). Так, в изучении вымышленного мира долгое время доминировала сугубо философская направленность, так как науки, непосредственно определяющие комплекс знаний о путях человеческого развития (к примеру, антропология, этнолингвистика), были на начальной стадии своего развития. Сегодня интеграция фактов, полученных в рамках каждого из этих разделов знания, предоставляет возможность для всестороннего анализа проблем, связанных с порождением, вербальным отражением и восприятием квазиреальности. Как утверждает один из основоположников теории семантики возможных миров Я. Хинтика, «возможные миры — это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и который свое реальное “я” проецирует в иные мыслительные пространства» [Хинтика 1980: 229].

Существенное значение для развития теории «возможных миров» имели теоретические и практические результаты исследования картин мира, которые являются отображением в психике человека мира вещей и процессов, в нем происходящих [Леонтьев 1983: 16]. Если рассматривать картину мира как «концептосферу человека», то можно выделить, по меньшей мере, три особенности, которые ее характеризуют.

Во-первых, это ментальная (или рефлексивная) деятельность, отображающая природу картины мира. Нужно различать объективный мир, то есть мир реальный, мир вещей, источник знаний, и мир, которым его воспринимает ментальная структура, то есть мир отображенный. Мы воспринимаем мир реальный с помощью его ментального отображения, которое передается с помощью языка [Jackendoff 1994: 28–29].

Другая особенность картины мира — это ее открытый, личностный, изменчивый характер. Вполне понятно, что «картина мира, которая отображается в сознании человека, чрезвычайно вариативна» [Вежбицкая 1996: 6].

В-третьих, специфика картины мира определяет семантические особенности языка. «Общая картина мира и разнообразие миров

представлены в семантике языка, а в первую очередь — в лексике» [Черемисина 1992: 111]. Человек определяет свои сконструированные миры как подобие реальности, которая вербализуется с помощью семантики естественных языков [Jackendoff 1994]. Иными словами, семантика возможных миров «различна — как по сущности, так и по способам ее воплощения в языке» [Черемисина 1992: 109].

Различия в картинах мира определяются особенностями концептуализации, присущими разным индивидам. Так, В. фон Гумбольдт рассматривал концептуальную картину мира как способ организации ментальной субстанции [Гумбольдт 1985: 43–44], а в дальнейшем и А.А. Потебня называл ее «объективированным мнением субъекта» [Потебня 2001: 17–19]. Последнее же время продуктивен подход к картине мира как к системе ценностной ориентации, закодированной в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и реализуемой посредством интерпретации данных образных основ с помощью обращения к эталонам и стереотипам мировосприятия, бытующим в том лингвокультурном сообществе, которые обусловили их существование (см., напр., [Опарина, Сандомирская 1998: 374]).

Концепты СОН, МРІЯ, МЕЧТА, SLEEP, DREAM, SHLAF, TRAUM как компоненты национальных картин мира структурируются разветвленной системой фреймов, что способствует появлению их разных интерпретаций.

Концепт СОН занимает одно из главных мест в русской и украинской картинах мира. Он определяется как 1) физиологичное состояние покоя организма человека и животного, которое наступает периодически и сопровождается полной или частичной потерей сознания и ослаблением ряда физиологических процессов; 2) то, что снится, сновидение; о чем мечтает человек; что воспринимается как нереальное, обманчивое. Вполне очевидно, если в первом случае содержится определение конкретного физиологического процесса, то во втором — лишь описывается то, что происходит с человеком в это время.

Неоднозначность и многовекторность концепта СОН проявляется в наличии широкого синонимического ряда существительных-номинативов, которые используются для его обозначения в современных восточнославянских языках: *сон*; *сновидение* / *сновиддя*; *видение* / *видіння*; *грезы*, *бред* / *марення*; *привидение* / *примара*; *дрема*, *забытье* / *забуття*; *полудрема* / *напівдрімота*; *полузабытье* / *напівзабуття*, *напівсон*; *сон-дремота* / *сон-дрімота*.

В современных русском и украинском языках вербализация концепта СОН активно происходит и с помощью фразеологических средств: *сон в голову не идет* / *сон не йде в голову* — □тяжело заснуть,

успокоиться; *ни сном, ни духом / ні (і) сном, ні (і) духом* — и ничего не знать, не ведать; *сном праведника* — и спать крепко, беззаботно; *сон в руку / сон у руку* — и то, что приснилось, сбудется; *как во сне / як усні* — и не осознавая, подсознательно. В приведенных фразеологических единицах *сон* максимально сохраняет свою семантику, что свидетельствует о доминировании одного базового значения над другими.

Ядерную зону соответствующего концепта в русской и украинской картинах мира занимают слоты ФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ / ФІЗІОЛОГІЧНИЙ СТАН, СНОВИДЕНИЕ / СНОВИДІННЯ и ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ. Периферию занимают слоты ПРИЗРАК / ПРИМАРА, БРЕД / МАРЕННЯ, которые информируют об особых видах сна, когда активизируется индивидуально-психологическая плоскость подсознательного. Сон воспринимается как своеобразный параллельный мир, который воспроизводит сферу подсознательных чувств и инстинктов индивида. Этот параллельный мир отмечается размытыми и нечеткими границами, в нем накапливаются определенные воспоминания или желания. Сон превращается в определенный призрак прошлого или будущего, когда индивид погружается в забытие. События во сне разворачиваются не в физической, а в психологически эмоциональной и духовной плоскостях. Индивидом правит не здравый смысл, а подсознательные чувства и инстинкты.

Концепты же МЕЧТА / МРІЯ в восточнославянской языковой картине мира вербализуются с помощью широкого синонимического ряда: *мечта / мрія, желание / бажання, сон / сон, мысль / думка, грезы / марення, мечтание / мріяння, надежда / надія, стремление / прагнення, привидение / привид, призрак / примара, представление / уява, утопия / утопія, фантазия / фантазія, иллюзия / ілюзія, видение / візія*.

В русской и украинской языковых картинах мира в семантической структуре многозначной лексемы *мечта / мрія* находится смысловой компонент «желаемое, приятное, соотносимое с будущим». Когда говорят, что человек *мечтает* о чем-либо, видит что-то в *мечтах*, это значит, что он, по крайней мере, ничего не имеет против того, чтобы *мечты* осуществились, а возможно, предпринимает определенные шаги для их реализации. *Мечтать* можно о чем-то приятном, а также стремиться, чтобы в будущем *мечты* воплотились в реальность. В современных восточнославянских языках *мечта / мрія* используется для обозначения желания, которое человек не всегда может четко сформулировать. Последнее утверждение особенно касается употребления лексем *мечта / мрія* в множественном числе (*мечты / мрії*), что свидетельствует о размытости представления индивида о желаемом объекте или явлении.

Анализ валентности единиц, вербализующих концепты МЕЧТА / МРІЯ, говорит о том, что его ядерные элементы сочетаются преимущественно с лексемами, которые отличаются положительными коннотациями. Это является свидетельством того, что в восточнославянских языковых картинах мира дифференциальный семантический признак «положительное» — ключевой в смысловых структурах данных концептов.

Мечта / мрія, мечтание / мріяння, продукт воображения / витвір уяви являются ключевыми для понимания концептов МЕЧТА / МРІЯ, поскольку они раскрывают его главный смысл. Периферию же образуют слоты СТРЕМЛЕНИЕ / ПРАГНЕННЯ, НАДЕЖДА / НАДІЯ, ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ / ЖАДАНИЙ ОБ'ЄКТ, ВООБРАЖЕНИЕ / УЯВА, ОБОЛЫЩЕНИЕ / ОМАНА, ПРИВИДЕНИЕ / ПРИВИД и ФАНТАЗИЯ / ФАНТАЗІЯ. Во многих случаях они сопровождаются характерными номинативными единицами (*надежда на лучшее будущее / надія на краще майбутнє, старинное привидение / давній привід, богатое воображение / багата уява, неумная фантазия / необмежена фантазія*), превращаясь таким образом в полноценные концепты.

Английская лексема *dream* и немецкая *Traum*, в свою очередь, обозначают чувства, образы или фантазии, которые приходят во сне; сам процесс, когда это происходит; виденье, мечта, образ, который мы воспринимаем или чувствуем сознательно или подсознательно, когда не спим; очень красивая, удивительная или приятная вещь или личность; что-то, чего мы очень хотим и к чему стремимся; объект, который мы видим в виденье. Итак, *Traum*, как и *dream*, имеет два значения: 1) мысли и чувства, которые присущи человеку во время сна; 2) большое желание. В то же время, немецкое *Schlaf* и английское *sleep* обозначают только состояние, в котором человек или животное отдыхает и спит. Они не несут в себе негативного заряда, хотя образная шекспировская метафора “*to die, to sleep*” тоже встречается.

Очевидно, что лексемы *dream / Traum* используются для обозначения как конкретных объектов, так и абстрактных явлений и ощущений. Концепты DREAM / TRAUM в современных английском и немецком языках вербализуются синонимическими рядами: *dream / Traum, fantasy / Phantasie, illusion / Blendwork, imagination / Einbildung, vision / Traumbild, conceit / Dünkel, hallucination / Halluzination, romance / Erdichtung, trance / Trance, reverie / Träumerei, chimera / Hirgespinst, delusion / Irreführung, fallacy / Täuschung*.

Ядро вербализованного концепта содержит лексемы-доминанты: *dream / Traum, illusion / Blendwork, fantasy / Phantasie*. Они передают ключевую информацию, раскрывая суть концепта. Семантическое

поле, составляющими частями которого являются эти элементы, охватывает преимущественно абстрактные понятия. Следовательно, концепты DREAM / TRAUM сконцентрированы именно вокруг абстрактного, где сознательное переплетается с подсознательным.

Периферия же концептов DREAM / TRAUM представлена слотами IMAGINATION / EINBILDUNG, HALLUCINATION / HALLUZINATION, CHIMERA / HIRGESPINST, DELUSION / IRRFÜHRUNG, TRANCE, которые охватывают определенный вектор их семантики.

Вербализация концепта DREAM в современном английском языке также происходит с использованием идиоматических выражений: *a pipe dream* — шпустые мечтыш; *love's young dream* — шюношеская влюбленностьш; *in your dreams* — шне стоит мечтать о чем-тош; *like a dream* — шкак будто во сне, как будто в сказкеш; *a dream comes true* — шжелаемое становится реальностью; осуществление мечты или стремленияш.

В целом результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что рассматриваемые концепты можно охарактеризовать как общечеловеческие, присущие как сообществу людей, так и каждому индивиду в частности. Этнокультурная специфика концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ проявляется в особенностях их смыслового содержания; наличии определенных аксиологических лакун и различиях роли данных элементов квазиреальности в картинах мира, т. е. в отражении мировосприятия.

Семантический объем концептов DREAM / TRAUM является более широким, поскольку в русской и украинской картинах мира он соответствует концептам СОН и МЕЧТА / МРІЯ. DREAM и TRAUM концептуализируют как физиологический процесс, так и желание, стремление человека. Именно поэтому они не всегда выступают аналогами концептов СОН или МЕЧТА / МРІЯ, семантика которых является более узкой.

Однако, если DREAM и TRAUM имеют преимущественно позитивное наполнение, то в лингвокультурах восточных славян такая однозначность отсутствует. Оппозиция «хороший / плохой сон» подчеркивает негативные (болезненные) качества явлений, которые индивид переживает во сне, что пересекается с ощущением угрозы. Добавляются также оттенки печали и неопишуемой тоски, которые отражаются лексемами *тревожный / тривожний*; *плохой / лихий, злий*; *напряженный / напружений*. Лексические единицы *страшный / страшний* и *крепкий / міцний* модифицируют концепт СОН, добавляя ему отрицательный оттенок.

Для российского и украинского этносов естественной является

ассоциация сна со смертью и потусторонним миром. Такие коннотации проявляются при модификации соответствующих лексем единицами *мертвый / мертвий* и *черный / чорний*. В русском и украинском языках распространено устойчивое словосочетание-эвфемизм *заснуть вечным сном / заснути вічним сном*, что означает б умеретьб. Если для западных германцев сон — это преимущественно переход из одного состояния в другое, то для восточных славян *сон* и *вечный сон / вічний сон* являются атрибутами потустороннего мира и символизируют смерть. Все это приводит к тому, что концепт СМЕРТЬ частично пересекается с концептом СОН в результате отождествления отдельных их концептуальных составляющих.

Наиболее же значимые образные ассоциации сна в восточнославянских картинах мира связаны с 1) жидкостью (*сон таеет / тане, сон течет / тече*); 2) вещью (*видеть / бачити сон*); 3) живым существом (*сон пришел / прийшов; сон спустился / спустився*); 4) феноменом, находящимся вне понимания человеком (*сон нагрязнул / налетів*). В западногерманском миропонимании сон воспринимается либо 1) как вещь (*to dream a dream / träumen des Traums*); 2) феномен, находящийся вне понимания человеком (*a dream / sleep dawns upon somebody*). Таким образом, гетерогенный ассоциативный ряд для восточных славян и широкая аксиологически маркированная структура семантики данного концепта (от позитивного до негативного) доказывает большую важность концептов СОН в восточнославянских картинах мира в сравнении с западногерманскими. Вместе с тем отметим, что отсутствие сна никак не считается позитивным для данных этносов (ср.: *бессонная ночь / безсонна ніч, a sleepless night*). В то же время МЕЧТА, с точки зрения рассматриваемых этносов, хотя и не является жизненно важным явлением — ее отсутствие не воспринимается однозначно негативно.

Концепты МЕЧТА / МРІЯ сочетаются с единицами, которые не имеют четко выраженного отрицательного колорита. Они подчеркивают недостижимость и неосуществимость желаемого или желанного: *нереальная / нездійсненна, далекая / далеко, недостижимая / недосяжна, безнадежная / безнадійна, недоступная / недоступна, утраченная / втрачена, невозможная / неможлива, нереальная / неспроможна, фантастическая / фантастична, неразделенная / нерозділена*.

В восточнославянских картинах мира концепты МЕЧТА / МРІЯ содержат периферийный слот НАДЕЖДА / НАДІЯ. Это подчеркивает стремление представителей этих этносов осуществить что-то или добиться чего-то в будущем. Наличие слота НАДЕЖДА / НАДІЯ является свидетельством того, что желание индивида поддерживается верой в его осуществление.

Особого внимания заслуживает слот TRANCE, который отмечается максимальным эмоционально-психологическим колоритом. Он по-новому высвечивает концепты DREAM / TRAUM и отображает подсознательное стремление индивида, а именно такое состояние, когда человек попадает в другое измерение, как будто в параллельный мир, границы которого переплетаются с реальностью. Подобные коннотации частично присущи также слоту ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ.

В результате сопоставления ключевых признаков и дефиниций, которые составляют семантическую основу концептов DREAM, TRAUM, SLEEP, SCHLAF, СОН, МЕЧТА и МРІЯ, были выявлены как изоморфные, так и алломорфные черты. Лексемы, которые их вербализуют, обозначают как физиологический процесс сна, так и эмоционально-психологические события, которые происходят в сознании человека во время этого процесса. Они имплицируют мечту о чем-то желаемом, приятном, ожидаемом или неизбежном.

На материале сопоставленных языков изоморфными выступают слоты СОН (физическое состояние), СНОВИДЕНИЕ / СНОВИДІННЯ, МЕЧТА / МРІЯ и ОБЪЕКТ ЖЕЛАНИЯ / ЖАДАНИЙ ОБ'ЄКТ, ЗАБЫТЬЕ / ЗАБУТТЯ, TRANCE. Алломорфные элементы содержатся в слотах HALLUCINATION / HALLUZINATION концепта DREAM / TRAUM и слотах МЕЧТАНИЕ / МАРЕННЯ, ОБОЛЫЩЕНИЕ / ОМАНА и СТРЕМЛЕНИЕ / ПРАГНЕННЯ концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ.

Заметим попутно, что единицы, используемые для вербализации рассмотренных концептов, — абстрактные существительные — принимают прототипическую семантику мотивирующего глагола и в истории языков совпадали с ним по своему лексическому составу (ср. [Черкашина 2007: 12–13]). Затем произошло развитие значения имени, которое имеет разное направление в соответствующих лингвокультурах: в восточнославянских — от состояния к кванту этого состояния (*сон: состояние > виденье во время этого состояния*); в западногерманских — от кванта состояния к состоянию (*dream / Traum: образ, виденье в определенном состоянии > наименование этого состояния*). В семантической структуре имени концепта СОН приоритетной является сема «состояние», в английской и немецкой лексемах *dream / Traum* — сема «образ, виденье», что позволяет говорить о важности разных базовых концептуальных признаков концептов СОН / DREAM / TRAUM в сознании носителей соответствующих лингвокультур. Прототипическая прослойка концептов СОН («определенное состояние») в сознании носителей украинской и русской лингвокультур на протяжении веков остается неизменным, в то время как прототипическая прослойка концепта DREAM / TRAUM

(«образ, виденье в определенном состоянии») в сознании носителей английской и немецкой лингвокультур с течением времени изменилась достаточно сильно, сохранив лишь общий коннотативный признак «немного странно».

В американском варианте современного английского языка именно DREAM получает новое значение. Оно стало решающим для определения современного концепта AMERICANISM, который рассматривается иммигрантами как очевидный контраст между характерным для людей образом жизни на родине и тем, что можно было достичь в Америке. Таким образом, концептуализуется и вербализуется в целом справедливая мысль о том, что Америка — это страна, построенная на мечте, на мечте о свободе. Авторы «Американцы» считают, что идеалы свободы и открытых возможностей для всех основываются на вере в неограниченные возможности США и их особое место в мире (см. подр. [Americana 1997]). В широком понимании ценности занимают огромный спектр в сознании американцев — от амбициозных до мечты о собственном доме, что передается абстрактными понятиями (*freedom, liberation, survival, patriotism, optimism, mobility, desire, hope, belief*) и теми, которые обозначают материальные потребности (*home, job, work, money, family, children, car, dog, garden*), т. е. все то, обладание чем расценивается как успех [Карпова 2008: 7–8; Томенчук 2008: 100–101]. Именно поэтому концепт DREAM имеет ценностные признаки, предопределенные историей, традициями единой американской нации, ее духовно-психологической направленностью. Он воплощает представление человека о возможности достижения успеха в новой стране независимо от своего социального статуса и финансового состояния.

Для американцев DREAM имеет глобализационный характер. Обратим внимание, например, на названия ряда городов этой страны, которые свидетельствуют об их желании реализовать свою мечту вернуться не только в родной и/или любимый город, но и посетить отдельные наиболее значимые для них места (*Kremlin, Versailles, Westminster, Hyde Park*), местности или административные единицы (*Livonia, Transylvania, Brittany, Normandy, Riviera, Westphalia, Lothian, Kent, Marlborough, Yorkshire, Cashmere*), реки (*Volga, Danube, Severn, Avon, Jordan*), озера (*Balaton*), горы (*Ararat, Etna, Vesuvius, Atlas*), острова (*Isle of Wright, Jersey, Java, Corsica, Cecilia*).

Топонимы могут также содержать мечту о целой стране (*Lebanon, Russia, Angola, Panama, Mexico, China, Denmark, Holland, Poland, Norway, Scotland, Jamaica, Wales, Finland, Cuba, Haiti, Malta, Egypt, Italy, Ireland, Belgium*) или еще более обширной территории (*Iberia, Scandinavia, Palestine*).

Итак, анализ вербальных репрезентантов концептов СОН и МЕЧТА / МРІЯ с помощью средств современных восточнославянских (русского и украинского) и западногерманских (английского и немецкого) языков дает новые сведения о конфигурации квазиреального мира в представлении данных народов. Сон превращается в своеобразный параллельный мир, который воссоздает сферу подсознательных чувств, воспоминаний и мечтаний индивида. Сон становится неким призраком прошлого или будущего с размытыми и нечеткими границами. Однако, если МЕЧТА / МРІЯ, DREAM/ TRAUM имеют позитивное наполнение, то СОН в восточнославянских лингвокультурах такой однозначности лишен. Если же что-то человек видит в мечтаниях, то это значит, что он не отрицает возможности осуществления мечты и предпринимает шаги для ее реализации. Таким образом, для восточных славян по сравнению с западными германцами характерно более четкое противопоставление *сна* как предвестника неизбежного и *мечты* как приятного, ожидаемого для индивида желания, поддерживающегося верой в будущее.

Следовательно, вербализации рассмотренных концептов в восточнославянской и западногерманской картинах мира позволяют обнаружить изоморфные и алломорфные черты восприятия квазиреальности носителями соответствующих языков. Представления об ирреальном мире вербализуются в определенном социуме и характеризуется этнокультурными особенностями — восприятием, осмыслением и оценкой мира, отражая систему индивидуально-личностных устремлений и ценностей представителей не только разных этносов, но и эпох.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова 1998 — Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1998.
Вежбицкая 1996 — Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
Вежбицкая 2001 — Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
Голосовкер 1987 — Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987.
Гумбольдт 1985 — Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
Ильинова 2007 — Ильинова Е.Ю. Концептология вымысла в тексте авторской сказки // Филологические науки. 2007. № 1.
Карасик 2005 — Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность. М., 2005.

- Карпова 2008 — *Карпова К.С.* Вербалізація національно-специфічних концептів американського суспільства XX — початку XXI століття: Автореф. дисс. ... канд. філол. наук. К., 2008.
- Культурные концепты 1991 — Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
- Красных 1998 — *Красных В.В.* Виртуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). М., 1998.
- Леонтьев 1983 — *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. М., 1983. Т. II.
- Обелец 2006 — *Обелец Ю.А.* Темпоральная структура возможных миров художественного текста (на материале англоязычной прозы): Дисс. ... канд. филол. наук. Одесса, 2006.
- Образ человека в культуре и языке 1999 — Логический анализ языка: Образ человека в культуре и языке. М., 1999.
- Опарина, Сандомирская 1998 — *Опарина Е.О., Сандомирская И.И.* Фразеология и коллективная культурная идентичность // *Profilowanie w języku i w tekście*. Lublin, 1998.
- Потебня 2001 — *Потебня О.О.* Думка й мова // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. Львів, 2001.
- Серова 2007 — *Серова И.Г.* Концептуальный анализ в лингвокультурологии: методы и возможности // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 1.
- Степанов 1997 — *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М., 1997.
- Томенчук 2008 — *Томенчук М.В.* Варіантно зумовлена концептуалізація дійсності у сучасній англійській мові: Дисс. ... канд. філол. наук. Ужгород, 2008.
- Хинтиikka 1975 — *Хинтиikka Я.* Информация, причинность и логика восприятия // Вопросы философии. 1975. № 6.
- Хинтиikka 1980 — *Хинтиikka Я.* Логико-эпистемологические исследования. М., 1980.
- Хинтиikka 1990 — *Хинтиikka Я.* Логика в философии — философия логики // Логикоэпистемологические исследования. М., 1990.
- Черемисина 1992 — *Черемисина Н.В.* Семантика возможных миров и лексико-семантические законы // Филологические науки. 1992. № 4.
- Черкашина 2007 — *Черкашина Э.А.* Вербализация концепта СОН / DREAM в русской и английской культуре: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2007.
- Эко 2004a — *Эко У.* Открытое произведение. Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб., 2004.
- Эко 2004b — *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб., 2004.

- Americana 1997 — The Encyclopedia Americana. Internet edition. 1997. Vol. 8.
- Dolezel 1979 — *Dolezel L.* Extensional and International Narrative Worlds // Poetics. 1979. № 8.
- Dolezel 1998 — *Dolezel L.* Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds. Baltimore, 1998.
- Jackendoff 1994 — *Jackendoff R. S.* Patterns in the Mind, Language and Human Nature. N.-Y., 1994.
- Kuczynski 2007 — *Kuczynski J. — M.* Does Possible World Semantics Turn All Propositions into Necessary Ones? // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. № 5.
- Leibnitz 1969 — *Leibnitz G.* Philosophical Papers and Letters. Dordrecht, 1969.
- Radden 2007 — *Radden G.* Cognitive English Grammar. N.-Y., 2007.
- Rescher 2003 — *Rescher N.* Imagining Reality: A study of unreal possibilities // Open Court Publishing, 2003. Vol. 331.
- Semino 1997 — *Semino E.* Language and World Creation in Poems and Other Texts. L., 1997.
- Steinhart 2001 — *Steinhart E. Ch.* The Logic of Metaphor: Analogous part of possible worlds. Dordrecht, 2001.

«СНЫ ЯЗЫКА ОГРОМНЫ...» (КОНЦЕПЦИЯ СНА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ)

Поэтическое поколение 1980–2000-х гг. смело можно назвать поколением сновидцев. Это касается в равной степени как зарубежной поэзии (к примеру, американской Language School, представленной Линн Хеджинян, Майклом Молнаром, Барретом Уоттенем, или поэтической практики француза Домника Фуркада), так и русской школы метареализма, к которой можно отнести Ивана Жданова, Алексея Парщикова, Аркадия Драгомощенко, Владимира Аристова, Сергея Соловьева. Лексемы *сон*, *сновидение*, *спать* и их производные чрезвычайно частотны в текстах последних. При этом поэты-метареалисты обращаются ко *сну*, *сновидению* не только как к феномену, но и как к языку.

С одной стороны, язык сновидений — это, по мнению некоторых, универсальный язык, который существовал во все периоды человеческой истории и во всех культурах, некий «праязык». Приверженцы такого понимания исходят, как правило, из того, что в сновидениях повторяются мотивы и сюжеты, общие для всего человечества, в них зашифрованы модели поведения и психические реакции: это то, что наследуется каждым человеком в момент зачатия от предыдущих поколений — огромный опыт, зашифрованный в образах, и «записанный» в нашем подсознании, «забытый язык человеческой расы» [Фромм 1993]. Э. Фромм замечает, что язык сновидений, как и другой, который можно изучить, имеет собственную грамматику, собственные формы [Там же].

С другой стороны, язык сна — это язык символический, по структуре близкий к поэтическому языку (не случайно во сне и лишенные поэтического таланта, как показывают опыты, способны творить). Допущение о том, что сновидение является особым символическим языком, по мнению В.П. Руднева, требует существенного уточнения: в художественном тексте «вымышленные объекты закреплены вполне материальными сущностями — знаками: словами и пред-

ложениями в литературе, красками в живописи, живыми актерами и реквизитом в театре, изображением на пленке в кино», сновидение же «семиотически неопределенно»: «Из каких субстанций ткется его канва? Из наших мыслей, фантазий, образов. Но это не знаки. [...] Сновидение — не разновидность текста, оно находится на границе между текстом и реальностью. Мы можем выделить в рассказанном сновидении новеллу, ее сюжет, композицию, мотивы и их различное проведение в тексте, мифологические архетипы, но при этом мы не должны забывать, что сновидение — это особый вид творчества, направленный на обмен информацией между сознанием и бессознательным» [Руднев 1995, цит. по интернет-публикации].

В современной поэзии можно встретить множество примеров реальных описаний снов — как в следующем отрывке:

*Сегодня ночью
ты мне **приснился**. Шли сумерки.
Люди сосредоточенно плыли.
Мы находились в машине,
и ты — совершенный младенец.
Скорее, нечто,
не обретшее пока очертаний, но занявшее
в мыслях определенное место.
Мы были вместе, как в древнем мире,
где суть не нуждалась в отчислениях вести
и планеты двигались безнаказанно
в овечьих орбитах ранами спектра.
Однако сон вместо встречи
разлуки разматывал немую нить...*
(А. Драгомощенко)

и полностью отвечающие психологической трактовке сна как слепка произошедшего описания погружения в сон:

*Ты сорвался...
И кружишься **во сне**
Ты скользнул вновь по времени вниз
в портупейных подругах
Ты в колоде уже пережитого
За гладкие стены хватаясь
И она не видать...*

(В. Аристов)

Вполне традиционным выглядит и отношение к пространственно-временным характеристикам сновидения. Если сон свободен от конкретных проявлений времени (от «вчера» — «сегодня» — «завтра») — *есть сон о дне, который был уже / и значит состоится* (В. Аристов), то *бессонница является собой всего лишь результат обыкновенной путаницы времен, соскользнувшей с веретена вестибулярного либо летательного аппарата* (А. Драгомощенко). *Бессонница* — это не «болезненное нарушение или сокращение длительности ночного сна», как говорится в словарных толкованиях, а *бес-сон-ница*, состояние, противоположное *сно-видению*. Интересно в этой связи упоминание И. Ждановым *снотворной скорости забвенья* в сопоставлении с другими его строками о том, *кто забыть-ся не смог в бессонном летейском проеме*: поэт играет двумя значениями глагола *забыться* «впасть в дремотное, сонное состояние» и прийти в забвение, *кануть в Лету, в вечность*. Сон — и есть атрибут Вечности (А. Драгомощенко упоминает сон, *снящийся себе безустанно*, В. Аристов обещает: *Улетающим вам за Аркадию / Там, где синяя времени бездна видна, / Будем сниться мы все, к невесомой идущие летней ограде. / Это время во сне мы раздвинем / сильнее, чем странная жизни страна*), его время «длинней» реального и личного (ср. у И. Жданова: *кто-то видит сон, и сон длинней меня*). Впрочем, и сон, как и время, обладает признаками континуальности и дискретности (у В. Аристова, например, можно найти *длящийся сон и сон дозированный*). Пространство подвергается во сне тем же трансформациям, что и время, границы его смещаются: в одном из текстов А. Парщикова, например, *города абсолютно другие во сне, чем на плане застройки*, — в снах у него ландшафт меняется радикально, *пейзаж не сходится с ответом*. Как правило, в одном контексте упоминаются и сон, и — одновременно — пространство и время, что позволяет предположить, что сон, как и текст, имеет свой «хронотоп».

Отношения сна и реальности трактуются в духе Декарта, считавшего, что, в сущности, невозможно определить, спит человек в определенный момент или бодрствует. А. Парщиков превосходно описывает и процесс погружения в сон: *Я засыпал, обнимая свой ореол, и балансирование между сном и явью: — Вставай, — он услышал, а снилось, что на осле / он в город въезжает. [...] Густая обволочь перед ним, не проснуться никак*. А у В. Аристова один и тот же предмет является читателю и во сне, и — сквозь сон — наяву: *Ты слышишь звук телефонный где-то в глубине во сне / ты тянешься к брюшку закрытой сумки / и молниями полость рассекаешь / но замкнут далеко тот звуковой источник // И оливковый скромный телефон и во сне твоим отрешен...* Сон — это скорее особое состояние реальности: *Мелкий дождь идет на нет, / окна смотрят сонно. / Вот и выключили свет / в красной ветке клена. / И внутри ее темно / и, наверно, сыро, / и глядит она в окно, / словно в полость мира*

(И. Жданов). Сон — это почти что наркоз, наркотическое забытие: у А. Парщикова встретим *маковый сон, вершащий распад пространства и согревающий время*, а у А. Драгомощенко — *весенние маки на сонных склонах*, представляющие одурманенный мир. Различаются поэтами и *сны, пульсирующие под веками* (В. Аристов), *сны заглазные, в глубинах глазного яблока* (А. Драгомощенко) и те, что грезятся наяву — *в четыре открытых глаза* (С. Соловьев), ирреальные и реальные. Поэт в буквальном смысле *спит и видит* (ср. у В. Аристова: *Мы могли только видеть / И сны создавать / Чтобы здесь сильнее воссияла явь*), но иногда реальность не бывает отмечена *ни сном, ни духом* (ср. у А. Парщикова: *Гордый кот, как намытый прибоем. Акула / рядом. Меж ними ни духа, ни сна*). Это можно считать вариацией на тему *сна разума* (дух — это и сверхъестественное, божественное начало, *душа*, и *ум*, и характерные черты, основные свойства, сущность чего-либо), вспомним комментарий Гойи к его знаменитому офорту: «Когда разум спит, фантазия в сонных грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом фантазия становится матерью искусства и всех его чудесных творений», и то, что первоначально офорт этот должен был представлять некий доступный для всех и всем понятный всеобщий язык. У А. Драгомощенко же сон не предстает медиатором между реальностью и ее осмыслением: предмет у него *проникает сквозь массу пространства (минуя сон) / непосредственно в мозг*.

Двойственность сновидения (у А. Парщикова *сон двоится скоростью реакции между жабой и змеей*) предстает как его свойство, зависящее от сновидящего субъекта, ср.: *Неким / доступно одно сновиденье, другим два: / различия никакого — одно им видится, чердак, / жара лета, медлительные руки, снимающие паутину с ладони ветра* (А. Драгомощенко). Сны *размышляют коллективно как стройбат* (А. Парщиков прибегает к двусмысленному поэтическому выражению: *стройбат* у него не только «строительный батальон», но и «батальон, идущий строем»). Сны *в каждом теле / выют гнезда, словно птицы в осоках, / птенцов выводят, те кричат надсадно...*, «я» и «ты» (или «я» и «другой») во сне это две *обезумевшие от никчемности точки в рассыпанном прахе учебнике пространств и мер*, а *ясновиденье это другие, распускающие по петлям / воспоминанья* (все примеры — А. Драгомощенко, ср. у В. Аристова противопоставление «своего» и «чужого»: *И шумел дождь во сне чужом / Прекращаемый взмахом ресниц*). Это противопоставление «я» и «ты» заставляет мысленно «переразложить» слово: *ясно-видящий* → *я-сновидящий*: благодаря этому во вступлении к поэме А. Парщикова «Я жил на поле Полтавской битвы» можно различить не только спящего в колыске ясновидящего, но и услышать голос самого поэта — *я-сновидящий... на поле... Полтавы* (чем опять-таки достигается эффект «раздвоения» сна). Еще более тонкий случай осмысления ясновидения как отражения во сне найдем у И. Жданова: у него *про-я-снится*

зеркало (ср. у А. Драгомощенко: *во снах — зеркало, где не откликнется эхо*). Интересно, что сон «я» может сопоставляться и с бессонницей «другого»: у А. Драгомощенко пыль, скитающаяся по снам, *неуловима и бессонна, как «другой», в словесном теле чьем «я» западней застыло*. Все это говорит о том, что сон воспринимается поэтами-метареалистами как сообщение, имеющее своего адресанта («я») и адресата («ты»): если говорящий «спит» или «грезит наяву», слушающий или читающий «толкует» его «сон» (а тот, в свою очередь, имеет поверхностную и глубинную структуры).

Особый интерес вызывают тексты, в которых сон сопоставляется с языком, речью и словом. Традиционное библейское «В начале было слово» А. Драгомощенко заменяет выражением «*Вначале был сон, очень давний*», а затем этот древний, «*утративший какое бы то ни было значение*» сон — сном о закате и о том, «*как руками закатывали книгу*» (ср. значимое для поэзии 1980–2000-х гг. подчеркнутое паронимической аттракцией сопоставление *рука-река-речь*).

Что касается упомянутой книги, то сну отводится роль ее *переплета* (ср. у А. Парщикова: *Сон все запаковал, смешал key-board, [...] все перепаквал с остервенением клыкастым переплетом*), а заключенным в него страницам — «бумажные сны»:

*Черной бумаге снится
ее же неслышимый шелест;
ее отражение в белом.
[...]
Букве снится тот же
бумаги шелест,
в котором слух различает
очертанья поэта,
которому снятся хасиды,
на камнях океана
догорающие страницей пения,
сводящего гласные к жесту.
Сну снится сон о согласных, —
странице,
где черное принимает
пределы надреза,
границы буквы, слюды, света.*

(А. Драгомощенко)

Если говорить о символах прошлого и будущего, явленных сновидениями, то для поэтического сна важна связь с концепцией З. Фрейда, в которой сон сравнивается со внутриутробным существованием (у А. Дра-

гомощенко сон... *будто ребенок высоколоб*): поэтические сны — это, по большей части, сны рождения, ведущие к надиру чистой речи, сновидения... *того, что всегда до-именно, / того, чему слово любое / степень неразличимости...* Это библейская горчичная россыпь (А. Драгомощенко, ср. также представление предшествующего слову образа как *горчичного семени* у И. Жданова).

«Когда мы говорим о моделировании сновидения, то необходимо помнить, что спящий прежде всего лежит неподвижно с закрытыми глазами, как мертвец или как человек после coitus'a», — пишет В.П. Руднев [Руднев 1995]. Поэтическая практика доказывает этот тезис: у А. Парщикова, например, *позируют снам мертвецы*; а у А. Драгомощенко *таковы разведенные руки и ноги / мужчины и женщины, — / золотое сечение на обложке книги, — / которым снятся страницы, / по которым шествует ночь, а смерть — только список, / всплеск обоюдозрячего зеркала, / в котором знак равенства стерт / до различения / между мужчиной и женщиной*. Со смертью сон связан метафорически (умерший — тот, кто *спит вечным сном*, а живой может *спать, как убитый*), с любовью — метонимически (для сна и для любви отведено одно и то же место и время; кроме того, любовь сама по себе — *сладостный сон*) [Руднев 1995].

Даже когда сон рассматривается в координатах «жизни» и «смерти», речь идет о противопоставлении языка и речи (ср. у А. Парщикова: *Сны. Их смерти. Их тела, захороненные повторно под эхом обвалов*), у С. Соловьева: «язык — это *смерть*, которая, *речь* наподобье корсета надев..., как призрак блуждает...», и «речь — *смерть языка*», ср. у А. Драгомощенко: «...ты, политик, *сны разговариваешь по тетради...*»). «Сон есть не что иное, как необходимое в данный момент сочетание фонем, предлагающее доверчивому уму тему сходств, сопряжение примеров, представление образцов, которым должно его укреплять», — пишет А. Драгомощенко, видя: *во снах... прикосновения языка к языку*. Слово *прикосновение* внутренне рифмуется со сном, в нем столько же *снов*, сколько в существительном *основа* (в значении «суть, опора, остов») и акцентирующем идею второяемости наречии *снова* («опять, вновь»). Слова, созвучные формам «сонных» лексем, столь же частотны, как и они сами, и воспринимаются как их анаграмматическое обозначение (ср. у В. Аристова: *обрести облака языка можно снова*). Еще один пример созвучия — параллелизм форм *во сне* и *в снеге*. Здесь важна не столько ассоциация сна со снегом и «замороженностью», сколько омонимия глаголов *засыпать* «погружаться в сон» и *засыпать* «покрывать чем-то сыпучим»: сны ассоциируются с сыпучими веществами — *снегом, пылью, песком* (которые, кстати, могут и *наместить холмы бессонницы*), так

реализуется метафора, заложенная в выражении *погрузиться в сон*. *Погружаться* можно не только в снег и песок, но и в воду: *сны* — это и *сонный текучий металл пред одеваньем водой*, сама вода, круги по воде — *благо несчетных узнаваний в поле влаги, оставшаяся на песке пена волн, озеро в песчаных берегах* (все примеры — А. Драгомощенко), *озеро сна с рукотворной кувиинкой, сплетение ручьев* (В. Аристов). Интересна ассоциация сна с камнем (*погрузиться* — все равно, что *уйти камнем на дно*), который может быть как опорой: сон — *как если бы по камням бежал через поток некий*; так и что-то вроде метеорита или астероида: *сны стали чаще являться, знаменуя камни в летящем распаде* (оба примера — А. Драгомощенко). Часты ассоциации сна с «небесными сущностями» — *ветром* (*снотворным раздувом* — И. Жданов), *облаком* (у А. Драгомощенко сон, *невнятный, плавно цвел к облакам, словно к понятиям, лишенным основы*, а В. Аристов называет сны *облаками, еще не лишенными чувств, птицей* (что обусловлено представлением о том, что душа *улетает во сне*). «Прикосновения» сна к языку приводят к тому, что метафорическое его прочтение становится буквальным — у А. Парщикова встречается *студент, спящий меж языковых ножниц, который спит и видит: над Океаном — в прямом смысле идет в прямом смысле — язык*. Неслучайно у А. Драгомощенко сны предстают как *странное отсутствие пространства и глубины, разрастающееся в обыкновенных буквах*, а у В. Аристова, например, уже люди, *вырываясь из подземного* (в метро. — О.С.) сна, *похожи на безумные буквы, что разбежались со страницы недописанной книги*.

При этом речь идет не о языке сна, а именно о снах языка: *Сны / языка огромны. / И пыль, по ним скитаясь вне имен, восходит медленно простым / развоплощеньем...* (А. Драгомощенко). И об особом типе письма, в котором, по наблюдению М. Молнара, текст строится по законам сновидения: «Задача состоит в том, чтобы снимать слой за слоем, проследовать по раздвоениям идей или образов, но не для того, чтобы обнаружить сущности, но чтобы найти сокрытые взаимодействия, отголоски» [Молнар 1988, цит. по интернет-публикации]. Ср. у А. Драгомощенко: *Пра-изведение сна. [...] Но и манера письма, изматывающая, идущая наперекор по следу ускользающего из возможных признаков, из собственного присутствия... сны же суть нескончаемые отложения одного в другом*.

Л. Хеджиян замечает: «Среди всего, что происходит во снах... можно выделить процесс неустанныго исчисления. Описание, подобно снам, производится благодаря различным расчетам и детерминациям... То, что мнится поисками верного слова, чаще всего, если говорить точнее, оказывается поисками верного объекта, нестабиль-

ного самого по себе и пребывающего опять-таки в очень нестабильном пространстве... В этом смысле процесс письма для меня, как и процесс сновидения, является прежде всего процессом мышления. Мышление скорее открывает, нежели записывает и выражает уже установленное знание» [Хеджинян 1989: 81]. В. Аристов, кажется, разделяет эту точку зрения. *Эмиграция снов* у него — это *эманация слов к вещам... к людям*. А. Драгомощенко оценивает, *что осталось у изголовья по окончании великой, непроглядной битвы снов: Какие вещи в них начинались вращением, / [...] какие сравнения, перебирая скважины, / в себе совмещали скудные гнезда основ?* По мнению Л. Хеджинян, именно «метонимия движет внимание от вещи к вещи» [Хеджинян 1989: 82], поэтому основным тропом сновидения следует признать метонимию, а не метафору [Там же: 81]. Этот тезис иллюстрирует пример «увиденного во сне» А. Драгомощенко: *словно со сна воссияют снега Китая донышком битой бутылки...* — консонантный параллелизм отражает метонимический сдвиг от *сна* к *снегу* (сходство по смежности), который потом и «искрится» в метафоре-сравнении.

По мнению Н. Малкольма, как факт языка существуют не сами сновидения, а рассказы о снах [Малкольм 1993]. В.П. Руднев задается вопросом: что такое рассказ о сновидении — лирика или эпос? и отвечает на него так: сновидение ближе к поэзии, но близость эта, скорее, идеологическая — «на формальном уровне в сновидении событийная сфера играет гораздо большую роль, чем в поэзии, и гораздо меньше места в сновидении занимает ритмический канал, без которого поэзия невозможна». А. Парщиков менее категоричен: *Сны, частная жизнь и эпос факта — только разные голоса...* А. Драгомощенко, похоже, пародирует такой речевой жанр, как рассказ о сне, но упоминает в этой пародии и о некоторых «сонных» конструктивных принципах:

*Меня разбудили и объяснили,
что во сне я видел огонь
и вечерние реки,
и в них светились ветви ивы.*

*Сон, который мне рассказали,
напоминал рисунок
на пористой влажной бумаге:
две-три нетрудные тени,
ясное придыхание туши,
белый трилистник
над бесснежным холмом.*

Можно предположить, что ближе всего к сну все же орнаментальная проза (какие сны вышьешь? ковры снов, расшитых *sodium fragile* — А. Драгомощенко): сны — это всевозможные узоры, орнаменты, плетения, открывающая свету его же сны меланхоличная игра стекловидных подобий, снящееся на магнитной дуге продолжение, волна за волной в пределы эхо (А. Драгомощенко), ловящая сон паутинка, координатный костяк всей мироколицы и обнаруживающиеся «спросонья» стрелочки связей и все сугубые скрепы (А. Парщиков). По жанру это, скорее, повествование-путешествие, нечто вроде *road movie*, с его структурным принципом преодоления испытаний («одиссея» — ср. у А. Парщикова: *вкрадчива сонная низка колец... но ты не Улисс*) — довольно часто упоминаются «дорожные» сновидения, *автобусный сон, сон в метро или в поезде*:

*Рваться сквозь сон этот
С раскаленными дырочками поддона вагонного,
Чтобы снизу прошла обугленная родная кора.
[...]
Слово и речь... И речные его промежутки
за стыками рельсов проступают
(В. Аристов).*

«Дырочки» появляются здесь не случайно. У А. Парщикова, например, сон *ячеист*, как *футбольные ворота*, и напоминает *пузырчатый лабиринт*; А. Драгомощенко ассоциирует со сном *соты полые предложения и чистую клетку адреса, видя в чистоте форм сна намеренье, не отражающее искомой поверхности*. «Форма — сон языка», — утверждает С. Соловьев, призывая: «*Вы-теки из-под маски ее хлороформной!*». Такое понимание формы сна уравнивает его с некой пропозициональной формой, которая не является сама по себе образом какого-то положения дел, а представляет собой инструкцию по построению некоторого числа альтернативных образов, определяющих дальнейшие состояния отображаемого мира (подробнее см.: [Северская 1989: 173]). Это позволяет определить сон и как своеобразное «высказывание», актуализирующееся при «разговаривании» (выражение А. Драгомощенко) сна, трансформации его языка в речь. Сон видит сон в поэзии метареализма так же, как и текст читает текст: *сну снится сон... чтобы слову открылось слово*, — замечает А. Драгомощенко. Но, по его словам, и *событие толкует себя, словно сон*, что объясняется просто: событием в поэтическом тексте можно назвать любое изменение конфигурации представленных в нем объектов, любую трансформацию исходной семантической ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

- Малкольм 1993 — *Малкольм Н.* Состояние сна. М., 1993.
- Молнар 1988 — *Молнар М.* Странности описания // Митин журнал. № 21. СПб., 1988. — <http://kolonna.mitin.com/archive/mj21/molnar.shtml>
- Руднев 1995 — *Руднев В.П.* Морфология сновидения // Институт сновидений и виртуальных реальностей. Серия «Аналитическая философия в культуре XX века». Вып. I. М., 1995. — <http://www.kastalkluch.ru/HTMLs/Ideas/miry-real/index.php?id=7-rudnev&p=3>
- Северская 1989 — *Северская О.И.* Пропозиция, факт, событие в языковом пространстве поэтического текста // Новейшие направления в лингвистике. М., 1989.
- Фромм 1993 — *Фромм Э.* Забытый язык // *Фромм Э.* Психоанализ и этика. М., 1993.
- Хеджинян 1989 — *Хеджинян Л.* Из статьи «Странность» // Стилистика и поэтика. Вып. 2. М., 1989.

V. ПРОГНОЗЫ И ПРОРОЧЕСТВА

ИДЕЯ БУДУЩЕГО В ФИНАНСОВЫХ ПРОГНОЗАХ ПОСЛЕДНИХ ТРЕХ ЛЕТ

Тема будущего в финансах — неслучайная тема: финансы — это область футурологии. В инвестициях как продукте и в самом слове «инвестиция» актуализируется идея будущего. Достаточно привести названия некоторых финансовых и инвестиционных продуктов: семантика слова «фьючерс», например в сочетании *покупать / продавать фьючерсы*, реализует идею продукта кодифицированного будущего.

Действительно, современный финансовый прогноз (forecast) претендует не просто на научность, а именно на *кодификацию будущего*. Финансовый прогноз, перфективный в своем основании, подразумевает частичную кодификацию, присвоение будущего как закона и его остановку как будущего в прошедшем.

Так называемая «научность» финансового прогноза обусловлена и его интенциональностью: прогноз призван убедить клиента произвести те или иные инвестиции; в этом смысле финансовый прогноз отличается от таких типов прогноза, как прогноз погоды.

Классические финансово-инвестиционные прогнозы последних десятилетий основаны на вариациях определенной модели: указываются точки в прошлом и настоящем → выявляется кривая (curve) → полученная тенденция (trend) экстраполируется в будущее при помощи сценариев, учитывающих те или иные риски. Подобная модель, в сущности, мало отличается от структуры макроэкономического прогноза, если не считать аксиологии — оценки того или иного будущего сценария как благоприятного или неблагоприятного для инвестора.

Представляется интересным сравнить тексты макроэкономического прогноза: доклада ЦРУ (2009) — глобальный прогноз: мир к 2025 г. («Global Trends 2025: A Transformed World») — и конкретных финансовых прогнозов последних трех лет ведущих швейцарских и американских банков (с 2006 по 2009 г.).

Доклад ЦРУ в целом отвечает критериям традиционного жанра *научного пророчества*. Текст доклада, несмотря на то, что он написан уже в ситуации кризиса (т.е. в 2009 г.), представляет собой типичный пример структурной (моделирующей) кодификации будущего. В тексте изобилуют утвердительные глагольные формы будущего времени («**will still be** an historically unprecedented age of prosperity»; «**by 2025 China will have** the world's second largest economy and **will be** a leading military power» [GT 2025]); модальность уверенности превалирует даже в представлении возможных миров: *мир будет неизнаваем к 2025 г.* («**will be almost unrecognizable by 2025**» [Там же]). Формы экстраполирующего мышления приводят к построению пророчества как интенсификации или редукции уже наличествующего в настоящем признака: «**The United States will remain** the single most powerful country but **will be less dominant**»; «**will intensify** in an **increasingly globalized world**»; «**Many other countries will fall further behind** economically»; «**will remain** key concerns even as»; «**more countries may be attracted** to China's alternative development model» [Там же].

Предикатно-экстраполяционная структура прогноза приводит к тому, что наличие в будущем *имен*, присутствующих в настоящем, не подвергается сомнению. Так, в утверждении «**Even in the military realm, where the US will continue to possess** considerable advantages in 2025» [Там же] не подвергается сомнению само существование в будущем такого имени, как US, а прогноз о долгосрочных перспективах *большой демократизации* в глобальном масштабе («**remain optimistic about the long-term prospects for greater democratization**» [Там же]) не предполагает сомнения в актуальном существовании в 2025 г. такого имени, как *демократия*.

С другой стороны, в последние годы тексты конкретных финансово-инвестиционных прогнозов отдельных банков (хотя, может быть, в меньшей степени — их формальная структура) претерпевают существенные изменения. Эти изменения можно представить самым общим образом как *переход от семантики предсказания (пророчества) к семантике гадательности*. В этом смысле можно условно выделить 3 периода: первый период: с 2006 до конца 2007 г., второй — с конца 2007 до второго кв. 2009 г., третий — это тот, который мы переживаем в настоящее время, то есть с мая 2009 г.

В 2006–2007 гг. конкретные финансово-инвестиционные прогнозы еще традиционно делаются в том же жанре научного пророчества, используя модели, аналогичные представленным в прогнозе ЦРУ. Прогнозирование ведется как на короткий, так и на длительный период времени: «**Yet there are signs that this will change. In the coming**

decades» [IG, 08, 2006]¹. Стилистически прогноз строится, с одной стороны, как научное легкое чтение, а с другой — он максимально структурирован.

Характерен традиционно-позитивный тон долговременного прогноза, обусловленный интенциональностью и характером адресата (клиента-инвестора): «given our positive long-term perspective, we favor a buy-on-dips strategy for the insurance sector» [Там же]. Отсюда — очевидная в следующих высказываниях неспособность, нежелание и невозможность учитывать как серьезность изменений с начала 2007 г., так и непредсказуемость их последствий: «Business sentiment in the eurozone appears to be **unstoppable** at present»; «Lately, the troubled US sub-prime mortgage sector has preoccupied investors. We are **firmly of the opinion**, however, that fallout from this story is **unlikely to have** any significant **longer-term impact**»; «the problems in the subprime segment **are contained** and the consequences for other areas **should be limited**, although the situation does bear watching»; «We continue to see a period of sub-trend growth rates into 2008. While current developments may prolong this period, we do not expect an outright recession» [IG, 03, 2007].

В период с конца 2007 до второго квартала 2009 г. начинает проявляться слом эпох по отношению к прогнозированию будущего. Более того, можно предположить, что изменения претерпевает сама идея будущего. Вспомним, что футуристический манифест Маринетти написан в 1908 г., а опубликован 20 февраля 1909 г., то есть заканчивается столетие футурологии как уверенности в возможном преодолении раскола века, двойственности витальности и волюнтаризма.

Начало кризиса: **конец 2007 — начало 2008 г.** ознаменовалось невозможностью верифицировать границы между настоящим и будущим («мы уже в рецессии или она начнется?»). Не работают перфективные модели, граница между настоящим и будущим превращается в точку отсутствия.

«Уже» и «еще не» постоянно меняются местами и объединяются в один комплекс: «мы в кризисе» и «кризис еще не настал» («мы уже в рецессии (кризисе) или она еще начнется?»).

Недекларируемый, но очевидный в текстах прогнозов отказ от прогнозирования будущего определяется, в частности, невозможностью увидеть в настоящем некоторую аналогию с прошлым: «The circumstances that led to disappointing hedge fund performance in 2008 **were exceptional**» [GO, IIIq., 2009]; «Given the **universal lack of**

¹ В ссылах указывается тип и время текстов прогнозов, но, согласно нормам конфиденциальности, не указываются названия банков.

experience with the kind of rescue operation **currently being witnessed**» [IG, 08, 2009]; «**Historically**, energy stocks have outperformed the overall market during periods of rising oil prices. **But this time** around the energy sector has hardly reacted to the doubling of the oil price since the start of the year. In addition, **analyst earnings expectations**» [GO, IIIq., 2009]; «the depth and geographical spread of the recession now unfolding has been an **unwelcome surprise**» [GO, 12, 2008]; «**unorthodox measures** in 2009» [GV, Outlook 2009]; «It would seem that the following rule applies: the deeper the recession, the stronger the upswing. **A continuing stagnation has never occurred in recent economic history**» [Там же].

Жанр прогноза постепенно эволюционирует в сторону гадания, матричной интуиции, называния. В финансово-инвестиционных прогнозах отходит на второй план перечисление конкретных сценариев, исчезают точные градации, уменьшается количество экстраполяционных графиков, размывается предикатная структура, точки в будущем обозначаются по модели сказки (**once, soon**): «**But soon** they are likely to bounce»; «**What happens next?**» [IG, 11, 2008]. Эти черты сохраняются и в дальнейших прогнозах: «**expanded unexpectedly**»; «**The positive surprise**».

Текст становится более экспрессивным, возрастает количество метафор, в том числе развернутых: «there was hope that the occasional green shoots of economic recovery might grow into green bushes»; «the recovery will be rocky and unsteady rather than quick and smooth» [IG, 08, 2009]; «Financials: tectonic shifts»; «The economic forecast for 2009 is bleak»; «Corporate credit markets **have been on a rollercoaster ride for the past 18 months**» [GO, 12, 2008]. Обратим внимание, что последнее высказывание отсчитывает время из точки прошлого — уже с середины 2007 г. — однако, как это уже было показано, в текстах прогнозов 2007 г., вплоть до его конца, аналогичных высказываний не встречается.

Некоторые конструкции носят характер заклинания: «Once growth worries recede, as we expect, the equity market environment **should improve**» [GO, 12, 2007]. Не работает ни одно из старых экономических решений, растет количество отрицательных (апофатических) высказываний о будущем: «a more uncertain outlook and the belief that **we will not simply pick up where we left off** when the economy begins to recover» [GO, 12, 2008].

Завершение кризиса обычно подразумевается как *будущее, актуализирующее прошлое*, точнее, *возврат к некоторой точке в прошлом*. Однако в настоящее время становится очевидной интуиция, что возврат к этой точке невозможен, хотя это может быть выражено при помощи перифраз.

С начала 2009 г. становится невозможным определить *bottom* (дно) как конституирующую точку соотношения настоящего и будущего: традиционно достижение *bottom* (дна кризиса) подразумевается как точка отсчета для будущего, начало компетентного прогноза. «Various indicators can be watched to gauge whether we are getting closer to a real **bottom**» [IG, 11, 2008].

Отказ от установления *bottom* связан также с отрицанием идеи мига, мгновения. Такой взгляд в корне отличен от футуристической идеи, подразумевающей взгляд из будущего на настоящее как на прошедшее. Соответственно, *bottom* (любая точка, а вместе с ней и будущее) «откладывается» или «проваливается».

Потенциально глубокая и неопределенно продолжительная глобальная рецессия («A potentially deep and prolonged global recession») вероятно, когда-нибудь закончится, но момент окончания отодвигается и маркируется метафорически: *когда пыль уляжется* («after the dust settles» [GO, 12, 2008]).

Отказ от будущего приобретает форму **отложенного будущего**. Для отложенного будущего характерна не семантика неопределенности, а семантика *недоопределенности*. Недоопределенность, в отличие от неопределенности, подразумевает предел, который отодвигается по мере приближения к нему, что находит отражение в разнообразных парных конструкциях: «In our view, US economic indicators **are reaching, or will soon reach**, their most depressed levels in this cycle» [IG, 11, 2008]. Или: «**now, at least until** there is greater clarity on the prospects for a recovery in global growth» [GO, 12, 2008]. Или: «**Only by the end of 2010, and only if** credible signs emerge that the recession is over» [GO, IIIq., 2009].

Интересную семантическую трансформацию в рамках идеи будущего претерпевают конструкции со степенями сравнения. В классическом прогнозе сравнительная степень прилагательного воплощала идею выявленного тренда, то есть движения от настоящего к будущему. Частично это осталось и в последних прогнозах: «The world slips **deeper** into recession» [GO, 12, 2008]. Однако с 2008 г. степень сравнения начинает употребляться абсолютивно, то есть без подразумеваемого объекта сравнения. Изменяется классическая модель соотношения понятий *краткосрочный*, *долгосрочный* («short term investment», «long term investment»), что было четкой оппозицией еще в 2006–2007 гг. Появляется характерная форма **longer-term** (в том числе в вариантах *longerterm*, *longer term*), которая весьма приблизительно и коряво передается по-русски как *более долгосрочный*. Форма недвусмысленно манифестирует идею отложенного будущего вплоть до отказа от будущего.

Что раньше читалось бы «offer attractive value for short-term (или long-term) investors», сейчас принимает форму: «still offer attractive value for **longerterm investors**», причем термин «near-term» практически исчезает из прогнозов или употребляется негативно. Экспансия этой формы в текстах последнего года очевидна: «**longer-term inflation**»; «**longer-term economic growth potential**»; «**longer-term investment horizon**»; «We still think that this strategic advantage will pay off in the **longer term**» [GO, IIIq., 2009]; «if investors apply a **longerterm view** and are willing to take on some risk» [IG, 11, 2008]. Сравнительная степень становится способом говорить о будущем, отказываясь от идеи будущего как таковой. Сравнительная степень — **отложенное будущее** — может трактоваться и как симулякр будущего. С другой стороны, вместо будущего предстает бесконечное настоящее, настоящее как конструктивная бесконечность.

В прогнозах последнего периода, начавшегося с мая 2009 г., идея времени почти целиком лежит в области субъективной модальности, часто эксплицированной: «a **tentative recovery**» [GO, IIIq., 2009]; «The time frame **can be determined** based upon a **personally relevant future event**, most typically retirement» [IG, 08, 2009].

С одной стороны, есть привычка к выявлению тенденции и привычка представлять эту тенденцию в определенных моделях, с другой — ее невозможно выявить, поэтому тенденция выявляется не по отношению к реальности, а метатекстово — по отношению к **настроению** самих аналитиков: «The **outlook for inflation** has also been quite **volatile** of late» [GO, IIIq., 2009]. Термин *волатильный* здесь относится не к рынку, как ранее, а к самим взглядам на будущее, то есть финансовый прогноз переходит на уровень метаязыковой рефлексии. Термин *сценарий* также начинает употребляться по отношению к настроению инвесторов: «After the experience of the autumn of 2008, many investors have the tendency to focus on only **Armageddon-like scenarios**» [IG, 08, 2009].

Необходимо оговорить, что в этом смысле большая часть прогнозов и проектов макроэкономического толка (как профессиональных, так и непрофессиональных) идет к чему-либо более простому. Таким образом превалирует семантика 'избавления от чего-либо': необходимо избавиться от тех факторов (от тех предикатов), которые мешают в настоящем, и тем самым упростить конструкцию, архаизировать ее (например, протекционизм, деглобализация и т.д.), что является шагом к мифологическому видению мира. В главной картине мира будущее всегда пугающе, но оно не было таким в финансовых прогнозах ранее, это противоречило бы самой идее финансового прогноза как стимула для инвестиции. Отказ от инве-

стирования в этом смысле можно трактовать как отказ от мысли о будущем: «long-term investment projects were cancelled» [GV, Outlook 2009].

В то же время гадательность как попытка называния, угадывания сущности в настоящем возникает как оппозиция растерянности — бесконечной множественности вариантов и случаев (сценариев): «Our forecast is vulnerable to a **wide array of special situations and risk scenarios**, most of which are negative» [GO, 12, 2008]. Тупик, в котором находится сейчас текст прогноза, в какой-то степени уже предвосхищен философской критикой постмодернистской картины «случаев» Делёза [Делёз 1998], предпринятой Аленом Бадью: «Делез движется к понятийным продуктам, которые я не побоюсь назвать *однообразными*, к совершенно особому режиму постоянства, почти бесконечного повторения узкого набора понятий, а также к виртуальной перемене имен там, где мыслимое на фоне перемены остается существенно тем же» [Бадью 2004: 25–26].

Ситуация с взаимозаменой «уже не» и «еще», обозначенная в период с конца 2007 до второго квартала 2009 г., возникает на новом этапе в середине 2009 г.: «кризис уже закончен» и «кризис еще продолжается» — эти высказывания существуют параллельно и постоянно меняются местами в тексте, как будто не создавая парадоксальной ситуации. Интересно, что новая формула не отменяет и предыдущей («мы в кризисе» и «кризис еще не настал»); эти формулы также сосуществуют в одном тексте на равных основаниях. С одной стороны — «By mid-2009... economies around the globe **had left their deepest recessionary point** and should see a rebound». С другой — в том же самом тексте: «The financial **crisis** and its aftermath, is **still valid**»; через строчку: «of the **current** crisis» [IG, 08, 2009]; или в параллельном прогнозе: «The global economy is **at the beginning of the deepest recession** since World War II» [GV, Outlook 2009].

Таким образом, настоящее теряет способность быть прошедшим: «The global economy appears to have **caught a break** from its **freefall**» [GO, IIIq., 2009]; «the volatility it is likely to experience **has plenty of time to recover** from even the severest downturn» [IG, 08, 2009]; что обуславливает принцип отложенного решения (*но не раньше, чем...*): «Investment **opportunities will likely emerge** towards the end of 2009 and into 2010» [GO, IIIq., 2009].

Кардинально меняется семантика стабильности, например стабильным объявляется будущий период в несколько недель (а не лет или десятилетий, как ранее): «EURUSD had room to **stabilize** within the **well-established** 1.40–1.45 range. We expect this range to **hold in the coming weeks**» [IG, 08, 2009].

Возникает желание иероглифировать настоящее и будущее, представить его в виде одной графемы; и такая графема находится — это W. Далее текстом финансово-инвестиционного прогноза развивается нечто похожее на гадание на букве; настоящее (или продолженное настоящее, или отложенное будущее) иероглифируется как рецессия с двумя впадинами и одновременно как восстановление (*recovery*) в форме W: «Evidence suggesting that the economy might be heading into a **double-dip recession** (which some also refer to as a **W-shaped recovery**) would only begin to emerge toward the beginning of 2010» [GO, IIIq., 2009]. Возникает закономерный вопрос: почему только *double-dip*, не *triple-dip*, не *multiple-dip*; и снова обращает на себя внимание выразительная перифраза с семантикой бесконечной начинательности как отложенного будущего: «**would only begin to emerge toward the beginning of 2010**» [Там же].

С другой стороны, как теперь концептуализируются *recovery* и *recession*, мыслима ли пара *recession / recovery* в виде оппозиции? В сценарии W эти понятия и, соответственно, слова, становятся конвертируемыми: «**We expect the US economy to recover** over the second half of 2009, but **with a risk that weakness reemerges in the first half of 2010 as stimulus efforts fade**»; «**the risk increases that the US economy heads back into recession**»; «**increase government budget deficits even further and poses risks to the sluggish economic recovery**» [GO, IIIq., 2009].

Характерно, что в финансовом прогнозе снимаются оппозиции не только *recovery / recession*, но и другие традиционные оппозиции, например *дефляция / инфляция*. Становится невозможным ответить на вопрос, что это будет или даже есть — инфляция или дефляция: «While we cannot answer precisely the question of **whether or not** we will witness **deflation or inflation**» [IG, 08, 2009], поэтому ситуация объявляется дихотомической («USA / A **dichotomist economy**» [Там же]), и эти имена начинают функционировать почти как синонимические предикаты: «Also attractive in the event of deflation» [Там же]. Оппозиции снимаются — но не по логическому принципу, а по дадаистскому (ср. у обэриутов): *было жарко и темно // было скучно и окно* [Введенский 1993: 90].

Крушение всех предыдущих экстраполяционных моделей связано с невозможностью увидеть будущее через прошлое. Это не попытка снятия противоречий, а попытка мыслить видимость некоторой непротиворечивости, что объясняется апологией настоящего, превращением настоящего в продолженное настоящее, подобие нескончаемого настоящего. В то же время прогноз и пророчество обычно подразумевают исключение настоящего, то есть превраще-

ние настоящего в точку, по отношению к которой развивается некая тенденция или сценарий.

Таким образом, изменение характера текстов финансового прогноза отражает общее изменение идеи будущего в XXI веке. С той или иной долей допущения возможно предположить, что подобная ситуация в целом свидетельствует и о кризисе идеологии моделирования, экстраполяции, проекционного видения и веры в принцип моделирования как научного пророчества.

P.S. Данная статья была написана в июне 2009 г. В настоящее время (октябрь 2010 г.) очевидно, что выделенный третий период продолжается. В финансовых прогнозах идея *отложенного будущего* как отказа от будущего канонизируется, в частности, иероглиф W, который символизирует *double-dip recession*, становится общепринятым.

ЛИТЕРАТУРА

- GT 2025 — Global Trends 2025: A Transformed World / www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html
- GO, 12, 2007 — Global Outlook. December 2007.
- GO, 12, 2008 — Global Outlook. December 2008.
- GO, IIIq., 2009 — Global Outlook. Third quarter 2009. June 2009.
- GV, Outlook 2009 — Global View. Outlook 2009.
- IG, 03, 2007 — Investor's Guide. Wealth Management Research. 30 March 2007.
- IG, 08, 2006 — Investor's Guide. Wealth Management Research. 25 August 2006.
- IG, 11, 2008 — Investor's Guide. Wealth Management Research. 14 November 2008.
- IG, 08, 2009 — Investor's Guide. Wealth Management Research. 21 August 2009.
- Азарова 2006 — Азарова Н.М. Открытость поэтического текста для философского комментария // Сб. «Художественный текст как динамическая система». М., 2006.
- Бадью 2004 — Бадью А. Делез. Шум бытия. М., 2004.
- Бадью 2010 — Бадью А. Век / Пер. М. Титовой, Н. Азаровой. М., 2010, в печати.
- Введенский 1993 — Введенский А. Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1993.
- Делёз 1998 — Делёз Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.

ПРОГНОСТИЧЕСКОЕ БУДУЩЕЕ В ЛЕЧЕБНЫХ ЗАГОВОРАХ

В статье рассматриваются способы представления категории футуральности в немецких малоформатных фольклорных текстах. Материалом послужили лечебные заговоры XIX – первой половины XX в. из собрания нижненемецких этнографических архивов.

Тексты, приводимые в качестве примеров, представлены в том виде, в каком были зафиксированы в архивных картотеках или словарях с минимальной редакторской правкой. Во многом их орфография отражает попытки этнографов первой половины XX века передать фонологические особенности нижненемецких диалектов. В то же время картотеки содержат и тексты на немецком языке (т.н. *hochdeutsch*). Немецкие тексты отличаются высокой степенью литерализации, т.е. обладают всеми признаками письменного текста (написание с большой и маленькой букв, пунктуация, предпочтение грамматикализированных форм), и отличаются от диалектных текстов по следующим признакам: во-первых, собственно немецкие тексты наддиалектны и надрегиональны, они имели хождение на всей немецкоязычной территории и попадали в те или иные диалектные зоны в списках или тетрадах в неизменном виде, так что неудивительно, что похожие тексты встречались и на севере Германии, и в аллеманских областях Швейцарии; во-вторых, они отредактированы как при первичной записи со слов информантов, так и при последующих операциях (перепечатки при архивировании, издании в виде сборников и т.д.). Разделение на собственно немецкие и диалектные тексты интересно и в плане грамматическом: язык нижненемецких заговоров архаичный, некоторые морфологические явления, не сохранившиеся в современном немецком языке, встречаются в диалектных текстах. Касается это, в частности, и способов представления будущего.

Выбор лечебных заговоров в качестве объекта рассмотрения не случаен. Лечебный заговор футурален по определению: в основе ритуального акта лежит *ожидание* исцеляемым чудесного избавления

от болезни. Произнесение соответствующего текста, сопровождаемое в отдельных случаях ритуальными действиями, предполагает исцеление не сиюминутное, а перемещенное в будущее и связанное с выполнением некоторых условий. Последние, в свою очередь, реализуются в заклинательной части заговора в виде мотивов: ср., напр., *мотив перенесения болезни* с человека на объект и/или с объекта на объект (с больного на дерево, с дерева на птицу: *Apfelbohm, ik klag di, Hitt un Küll plagt mi, dei irste Vogel, dei hier öwerflücht, benimmt dit* «Яблоня, плачусь тебе, горячая и холодная лихорадка терзает меня, первая птица, что над тобой пролетит, возьмет ее»); *мотив нейтрализации болезни* (включает прохибитивную формулу: *Feuer, du heisse Flamme, dir gebeut Christus der werte Mann, dass du sollst stille stehn und nicht weitergehn* «Горячка, жаркий огонь, тебе велит Христос дорогой человек, чтобы ты тихо стояла и дальше не шла») и т.д.

Ориентированность на будущее как один из важных признаков лечебного заговора задана а priori, в большинстве случаев она лингвистически не маркирована. Набор формально-грамматических средств, формирующих футуральную перспективу, в немецком языке ограничен в силу отсутствия глагольной категории вида; формальными показателями являются футуральные аналитические конструкции с глаголом *werden*. Это классический способ оформления будущего в немецком языке.

1. *Zwei schlimme Augen haben dich verrufen, Zwei gute Augen werden dich wieder rufen!*

Два злых глаза тебя сглазили, два же добрых глаза тебя излечат

2. *Sowieder Ehebrecher in der Hölle erscheinen, sowieder Hexenmeister in der Hölle erscheinen wird, so wird auch das Blut aufhören*

Как неверный муж в ад явится, как ведьмак в ад явится, так и ты, кровь, остановись

3. *Ich säe meinen Samen in Gottes Namen. Wenn dieser Same wird aufgehen, werd ich mein Fieber wiedersehen*

Я сею это семя именем Бога, как семя взойдет, так вновь я увижу горячку свою

Показателен тот факт, что тексты составлены на немецком языке, а не на диалекте. Действительно, во всем собрании архива Рихарда Воссидло в Росток, насчитывающем свыше 900 записей нижненемецких заговоров, почти не встречаются аналитические конструкции с *werden* в диалектных текстах. Только в том случае, если в предикативной части присутствует именной показатель, появляется глагол-связка для выражения будущего времени:

Nimm Wasser in den Mund, so werden deine Zähne gesund.
 Возьми воды в рот, так исцелятся твои зубы.

Футуральные именные конструкции со значением пожелания или приказа, часто в форме императива, характерны и для древне-верхненемецких заговоров, например, в обоих известных парижских заговорах против воспаления копыта читаем:

Also werde buoz disemo christenen lichamen.
 Да будет исцеление этому христианскому телу.
So wirt imo des erreheten buoz.
 Так исцелится ему от воспаления нога.

Глагол *sollen* помимо значения долженствования сохраняет и ориентированность на будущее — свойство, характерное для данного глагола в древнюю эпоху. В древневерхненемецкий период сочетания *sollen+Infinitiv* были гораздо более распространенными футуральными конструкциями и преобладали над сочетаниями с *werden*. В современном немецком языке футуральное значение можно усмотреть лишь в том, что глагол выражает настойчивое требование исполнить приказ или поручение в ближайшем будущем (ср. рус. *пусть*):

Aug du sollst befreiet sein von Hitze, von Blattern, von Wedag' und von Stein.

Глаз, да освободишься ты от жара, бельма, боли и катаракты.

В диалектных текстах наблюдается известный синкретизм значений футуральности и долженствования, особенно в сочетании с лексическими маркерами времени:

1. *Dat Liw, dat sall di basten, Dat Blaud, dat sall di runnen In vieruntwintig Stunn'!*

Тело, оно пусть твое лопнет, кровь, она пусть твоя вытечет в двадцать четыре часа.

2. *Es soll werden heil, heil, binnen 3 Tagen heil.*

Да пусть оно выздоровеет, в три дня выздоровеет.

3. *Du sasst dat drägen bet an' jüngsten Dag.*

Не пускай ты болезнь до самого Страшного суда.

Любопытно, что употребление вспомогательных глаголов в футуральном значении также часто усиливается лексическими маркерами времени (примеры по [Топорова 1996: 134–135]):

Beinbruch, ich segne dich auf diesen heutigen Tag, Dass du wieder werdest grad bis auf den neunten Tag.

Перелом кости, заклинаю тебя днем сегодняшним, да будешь ты прямой снова на девятый день.

Использование презентных глагольных форм для выражения будущего является, пожалуй, самой распространенной формой представления будущего в том числе и в немецком языке. Однако футуральный презенс не является самодостаточной и однозначной формой без какого-либо дополнительного указания на временную соотнесенность. Мы можем говорить о футуральном презенсе только в том случае, если есть временные маркеры (хрононимы), либо если футуральное значение контекстуально выводимо, например, при указании условий, при которых возможно ожидаемое избавление от болезни:

1. *Dei irste Vogel, dei hier öwerflücht, **benimmt** dit.*

Первая птица, что над тобой пролетит, заберет ее.

2. *Totenkopf, ich verbiete dir mein Haus und Hof, mein Kuh und Pferd im Stall, dass du alle Berge **steigest** und alle Zaunstecken **zählst** und über alle Wasser **steigst**, so **kommt** der Tag wieder in dein Haus.*

Мертвая голова, запрещаю тебе заходить в мой дом и на двор, к моей скотине, чтоб ты прошла через все горы и сосчитала все заборы и чрез все воды прошла, лишь тогда день вернется в твой дом.

Особо следует отметить здесь роль темпоральных союзов, которые также маркируют соотнесенность действия с определенным временным моментом:

1. *Ich will di stillstahn, **eher** de Sünne deiht ünnergahn.*

Я тебя остановлю, прежде чем солнце/луна начнет садиться.

2. *Nicht geschwell und geschwär, **bis** die heilige Mutter Gottes einen andern Sohn gebär. (**Bis** dass die Mutter Gottes einen anderen Sohn gebär).*

Не отекай и опухай, прежде чем Богоматерь другого сына родит

3. *soll's stehn und nicht weiter gehn, **bis** die Stern' am Himmel stehn*

Стой на месте и дальше не иди, пока звезды на небе стоят.

Еще одна грамматическая возможность выразить будущее — использовать конструкцию *werden/sein Pret.+Infinitiv*. Форма, практически не представленная в нормативном немецком языке, но исторически имевшая хождение вплоть до конца ранненововерхненемецкого периода. Она имела инхотативное значение и обозначала момент

наступления ожидаемого и неизбежного события или действия [Smirnova 2006: 242–328]:

1. *Ick heff dat bunn' in Linn', Nu ward dat woll verswinn!*

Я привязала ее льняной веревочкой, и вот она стала исчезать.

2. *ik puust di in de Lung, nu warst du weder gesund.*

Я дуну тебе в легкие, и вот стал ты здоров.

Использование претеритальных форм глагола-связки в указанной функции весьма распространено в русском языке: *стало холодать, темнеть*. На немецком языковом пространстве эта форма сохранилась в диалектах, в нормативном немецком языке на ее базе стал формироваться кондиционалис *würde+Infinitiv*. С течением времени как в диалектах, так и в собственно немецком развивается новый аналитический вариант инхотативных конструкций: *tun+Infinitiv*, где финитный глагол употребляется преимущественно в презентной форме [Keller, Mulagk 1995: 429]:

Ich gebiete dich stille zu stehen, eher der Mond tut untergehen /

Ick will di stillstahn, eher de Sünne deiht ünnergahn.

Я тебя останавливаю, прежде чем солнце/луна начнет садиться.

В плане выбора лексических средств наблюдается известное разнообразие:

1. *Water, Waterickklagdi, Dat Feiwer dat plagt mi. Morgen, Öwermorgen bün ick nich tau Hus. Denn nimmst Du dat Feiwer.*

Вода, я заклинаю тебя, лихорадка, она терзает меня. Завтра, послезавтра меня нет дома, тогда и забереешь ее.

2. *plagt er dir heut, plagt er dir morgen nicht mehr.*

Терзает он тебя сегодня, завтра он тебя больше не терзает.

3. *Guten Morgen, Herr Lissai (d. h. Flechte), sei nicht morgen, nur heute.*

Доброе утро (болезнь), будь не завтра, а лишь сегодня.

4. *Gott gebe, daß sie morgen früh sind alle tot / auf dem dritten Tag ist er tot.*

Дай Боже, чтоб все они рано поутру были мертвы/на третий день он умер.

По этим примерам видно, что лексического маркирования будущего оказывается достаточно, поэтому глагольное сказуемое выражается презентными формами (футуральный презенс).

ЛИТЕРАТУРА

- Топорова 1996 — *Топорова Т.В.* Язык и стиль древнегерманских заговоров. М., 1996.
- Keller, Mulagk 1995 — *Keller, Rudolf E., Mulagk, Karl-Heinz.* Die deutsche Sprache und ihre historische Entwicklung. Hamburg, 1995.
- Smirnova 2006 — *Smirnova E.* Die Entwicklung der Konstruktion würde + Infinitiv im Deutschen. Eine funktional-semantische Analyse unter besonderer Berücksichtigung sprachhistorischer Aspekte. Berlin; N.-Y., 2006.

ДИАЛОГ С БОЖЕСТВОМ: ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНТИЧНЫХ ОРАКУЛОВ*

Профетизмы являются универсальным культурным явлением. Однако в разных культурах они имеют специфические черты, появление которых обусловлено рядом факторов. Важное значение в этом случае имеют культурные особенности общества, сложившиеся исторически. Они в свою очередь определяются теми духовными и морально-нравственными традициями, которые приняты среди людей. Все эти условия образуют форму уникальных традиций единого по своей сути культурного явления.

Античные пророчества давались в строго установленном культурном контексте, основными параметрами которого являлись определенное пространство и столь же определенное время. Пространство ограничивалось пределами храма Аполлона, который представлял собой величественное сооружение, исполненное в стиле дорической архитектуры. Верховные жрецы и Пифии обитали в нем среди золота в роскошных мраморных залах. Что касается времени пророчества: вся Греция ждала седьмого дня месяца, приносила жертвы и роскошные дары с целью быть допущенной к процедуре узнавания будущего.

Еще одной особенностью пророчеств была их социальная открытость. О Дельфийском оракуле и его служителях еще при современниках было сказано немало лестных и восхваляющих слов, весь древний мир ждал того часа, когда и на них хоть раз обратит внимание Аполлон.

Так или иначе, специфика диалога человек–божество кроется, прежде всего, в первоначальной религиозно-культурной установке античного человека: собеседником становился сам Бог, а значит,

* Работа выполнена при поддержке РГНФ — грант № 10-04-00452а «Когнитивная структура профетических текстов в сопоставительном аспекте (античная и русская традиции)».

происходило обращение к всеобъемлющему знанию и к тому неведомому, что скрыто от человеческих способностей, — к познанию.

В античности самыми почитаемыми пророками считались жрецы Древней Греции, а наиболее знаменитым оракулом — дельфийский. Его авторитет возвышался над всеми верховными правителями на том основании, что именно Оракул выступал посредником между человеческим и божественным мирами, воплощая авторитет и власть Аполлона.

Материалом для данной статьи послужили тексты античных оракулов — записанные изречения пифий дельфийского и других прорицалищ. Рассматривая лингвистическую составляющую пророчеств как отражение культурного состояния общества, можно определить концептуальные особенности пророческих текстов, или оракулов, уникальность которых кроется в своеобразии семантической структуры, в особых отношениях «адресант/адресат», специфике целевой установки коммуникации. Понимание собственно языковой и культурной природы оракулов позволяет проникнуть в глубинные механизмы человеческого сознания.

Современной лингвистике свойственно следование определенной системе общих установок. Е.С. Кубряковой были выделены четыре самые принципиальные из них: экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность [Кубрякова 1995: 208]. Одно из проявлений экспланаторности — стремление внести объяснительный момент в анализ языка с целью определения его внутренней организации, отдельных модулей, процесса порождения и понимания речи. Кроме того, данная способность лингвистического знания выходит за рамки науки о языке: исследуя язык как внешнее проявление ментальности человека, можно также объяснить и когнитивную структуру модусов его ментальной деятельности в сфере культуры явлений.

В ряду наиболее ярких семантических особенностей текстов такого рода обычно указывается содержательная неопределенность. В итоге она вырастает в проблему их языка и собственно языковых механизмов, которые задают эту неопределенность. Засвидетельствованные примеры дошедших до нас оракулов позволяют делать выводы о том, что наиболее распространенными в этом плане являются метафоры, метонимии, прагматические сдвиги и референтные двойственности. На этой основе видится возможным определение путей символической репрезентации содержаний в текстах подобного рода. Итак, обнаруживается, что профетические тексты в основе своей опираются на языковые механизмы, которые имеют глубинный характер и находятся в поле зрения когнитивной лингвистики.

С языковой точки зрения, все оракулы можно разделить на ряд типов в зависимости от механизмов, на которых они основываются. В частности, в этом плане выделяются следующие их разновидности.

Метафорические. Механизм пророчеств данного типа основывается на том, что одно явление осмысливается по аналогии с уже известным и получает лингвистическое описание, сходное с тем, которое используется для называния уже известных фактов и явлений.

Метафорическим является такое описанное Геродотом предсказание. На войско Писистрата готовилось нападение, ему предстал прорицатель (Амфилит из Акарнаний) и по божественному внушению изрек в шестистопном размере следующее пророчество:

*Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи* [Геродот 1972: I, 62].
*Ἐρριπται δ' ὀβόλος, τὸ δὲ δίκτυον ἐκπετέτασται,
θύννοι δ' οἰμήσουσι σεληναίης διὰ νυκτός*

Такое предсказание изрек вдохновенный прорицатель. А Писистрат понял смысл изречения и, объявив, что принимает оракул, повел свое войско на врага. Признак, на основе которого осуществился метафорический перенос, — внешнее цветовое сходство объектов. Тунцами названы атакующие по морю воины, доспехи которых были серебристого цвета. Сети знаменовали собой неотвратимость грядущих событий — Писистрату должно было отправляться в бой.

Метонимические. Это такие пророчества, в основе которых также лежит иносказание, выраженное путем переноса наименования по принципу смежности явлений, представлений.

Как рассказывает Геродот, Псамметих, египетский царь, был окружен завистниками. В предчувствии скорого нападения он обратился к оракулу за советом и получил такой ответ:

Отмщение придет с моря, когда на помощь явятся медные люди [Геродот 1972: II, 152].
*ἦλθε χρησμός ὥς τίσις ἦξει <οἱ> ἀπὸ θαλάσσης χαλκέων ἀνδρῶν
ἐπιφανέντων*

Оракул имел в виду карийцев, пришедших на помощь в предстоящей войне египетскому царю Псамметиху. На них были медные доспехи, поэтому оракул назвал их медными. Здесь имеет место следующая двойная метонимическая модель: «материал, из которого сделаны доспехи» — «доспехи» — «люди, которые эти доспехи носят».

Прагматические. В основе этого типа пророчества лежит принцип, суть которого заключается в том, что одни предметы, процессы или явления оживляют собой круг дополнительных идей, которые связываются с ними в данной культуре.

Относительно этой разновидности оракулов показателен следующий пример, описанный Плутархом. Между жителями Афин и мегарянами велась тяжелая война за право владеть островом Саламин, который, как уверенно полагали и те и другие, должен был принадлежать им исторически. Однако утомленные войной власти Афин отступили и запретили своим гражданам под каким-либо предлогом впредь возобновлять попытки захватить остров. В этой связи, по свидетельству Плутарха, афинскому военачальнику Солону был дан следующий оракул в то самое время, когда тот решительно отстаивал право афинян на этот остров:

*Первых земли той героев склони ты обильною жертвой,
 Тех, кого грудью своей укрывает от нас Асопида,
 Мертвые, смотрят они в края заходящего солнца. (Солон, 9)¹*
 ἀρχηγούς χώρας θυσίαις ἤρωας ἐνοίκους
 ἴλασο, τοὺς κόλποις Ἀσωπιάς ἀμφικαλύπτει,
 οἳ φθίμενοι δέρονται ἐς ἡέλιον δύνοντα· (9. 1. 5)

Солон принял оракул и, взяв с собой из Афин пятьсот добровольцев, отправился завоевывать Саламин. Неожиданное нападение на мегарян действительно помогло ему взять один из их городов.

Интерпретация текста этого оракула предполагает учет культурно-исторического контекста, в котором он был создан. Оракул говорит о мертвых героях, которых грудью скрывает Асопида. Таким путем выражается мысль о захороненных в земле Саламина предках афинян. Саламин назван Асопидой по той причине, что остров имел свое второе именование в честь дочери Асопа (мифологический бог одноименной реки, сын Посейдона и нимфы Перо). Однако главное основание права афинян на остров — о нем и говорит божество — составляет то обстоятельство, что те мертвецы «смотрят в края заходящего солнца». В то время, когда Солону на суде пришлось отстаивать права своего государства на вновь завоеванный остров, он вспомнил данный ему оракул и сослался на то, что умершие похоронены на Саламине не по обычаю мегарян, а так, как хоронят афиняне: мегаряне обращают тела умерших к востоку, а афиняне — к западу.

¹ Пример приводится по изданию [Плутарх 1994].

Особый интерес представляют примеры **референтных сдвигов** в семантике профетических текстов. При этом общие функциональные особенности языка позволяют говорить о том, что данная языковая стратегия имеет несколько вариантов. Так, выделяются примеры нарушения референтной определенности, связанные с общей семантической полифункциональностью лексемы, широким значением эпитета, а также с наличием межъязыковых параллелей и омонимией собственных имен. Наличие в текстах оракулов референтных двойственностей зачастую определяет своеобразие их семантической структуры.

В рамках статьи мы уделим внимание лишь одной модели таких референтных сдвигов, а именно **связанным с общей семиотической полифункциональностью лексемы**. Она лежит в основе содержательной природы таких профетизмов, в которых одна и та же лексема имеет разный знаковый статус и поэтому может пониматься одновременно и как имя собственное (ИС), и как имя нарицательное (ИН). При этом зачастую единственный признак, указывающий на такие свойства лексемы, лежит лишь в сфере графики — в наличии (либо отсутствии) прописной буквы в ее начале. В звучащей же речи, то есть в непосредственном профетическом акте, семиотический статус подобных лексем остается неясным. Это обстоятельство обусловлено общей природой ИС и ИН, а также их отношением друг к другу. В частности, между ними отсутствует четкая граница, в результате чего некоторые слова как бы «балансируют» на грани ИС и ИН; граница между ИС и ИН «скользит», наблюдается своеобразная градация ИС, они переходят в ИН [см.: Топоров 1962]. Вместе с тем ИС и ИН существуют и вполне отчетливые различия [см.: Бюлер 1993]. Так, ИН называет класс объектов, а ИС называет единичный объект и указывает на него, ИС имеет своей целью идентифицировать объект — ИН обычно содержит коннотативный признак. Отмечается также, что ИС не связано с понятием, «основное значение собственного имени заключено в его связи с денотатом» [Подольская 1990: 473] — ИН связано прежде всего с понятием.

Павсаний привел следующее предсказание, в котором возможность верной его интерпретации осложнена двойственной функционально-семиотической природой одной из входящих в его состав лексем. Спартанец Фаланф был основателем колонии в одном из вражеских городов. Однажды, когда его отправляли для продолжения колонизации в Италии, пришло предсказание из Дельф о том, что

он овладеет страной, когда почувствует дождь, идущий с чистого неба

(ὅτε τοῦ αὐτόν αἰσθομένου ὑπο αἵθρα τηνικαῦτα καὶ χώραν κτήσεσθαι καὶ πλιν)

[Павсаний 2002 (10. X. 6)]

Не уделив должного внимания этому предсказанию и не спросив дальнейших пояснений у толкователя, он отправился в поход. Однако хотя он и победил в сражении, все же не мог взять ни одного города и завладеть Италией. Наконец Фаланф вспомнил о пророчестве и решил, что бог предсказал ему невозможность победы: ведь с чистого неба дождя не бывает. Жена всячески пыталась утешить павшего духом мужа: она положила его голову себе на колени и стала гладить. Из-за любви к мужу — ведь она видела, что у него ничего не получается, — женщина заплакала. Когда слезы потекли у нее обильнее и стали капать на голову Фаланфа, он вдруг понял предсказание: Эфра — греч. ἡ αἴθρη ‘чистое небо’ — было имя его жены. И в ближайшую ночь он действительно взял у варваров самый большой и богатый город.

Можно увидеть, что семантическая неясность данного профетизма проистекает, прежде всего, из референтного сдвига, который задается функционально-семиотической неоднозначностью слова ἡ αἴθρη. Она обусловлена также метафорическим уподоблением слез дождю в пророчестве. Рассмотрим действие этих механизмов несколько более подробно и с точки зрения познавательной деятельности человека.

Концепты «дождь» и «небо» в его сознании входят в единый фрейм. Действия, которыми божество наделяет объект ἡ αἴθρη, внешне вполне соответствуют обычным представлениям человека о мире: капли дождя падают с неба. Таким образом, в общем прагматическом аспекте данный текст не отмечен какими-либо семантическими нарушениями. Прагматическая правильность, задающая естественный вектор его интерпретации, дополнительно поддерживается отсутствием нарушений в его грамматической структуре. Исходя из всего этого спартанец Фаланф решил, что в данном тексте все слова имеют апеллятивный характер, то есть божество действительно говорит о чистом небе (др.-греч. ἡ αἴθρη).

Однако на самом деле оракул называл имя его жены. Понимание этого Фаланфом было затруднено тем, что данная лексема перешла из апеллятива в разряд имен собственных с сохранением исходных грамматических характеристик и при этом с естественной в подобных условиях утратой мотивации. В данной ситуации имя собственное *Эфра* вследствие закрепленного в языке за лексемой ἡ αἴθρη также апеллятивного значения было вовлечено в дополнительные функционально-семиотические отношения. Это и привело к размытости его функциональных свойств, а точнее — к способности быть

как индивидуальным идентифицирующим знаком, так и общим знаком вполне определенного фрагмента действительности.

Безусловно, то, каким образом человек мыслит свое бытие и мир вокруг себя со всеми его связями и отношениями, находит отражение в языке и его системе. Язык оракулов — это отражение устройства мира античного общества, только несколько затемненное веками. Сумеречность, неясность оракулов видится чем-то неотделимым от их сущности. И в этом случае они не только опираются на базовые способности человека к познанию, но в то же время способствуют познанию и нацелены на него. Очень часто приходится удивляться лежащему в основе оракула здравомыслию и даже мудрости.

Кроме того, можно заметить, что в рассмотренных и в подобных им профетизмах ключевые образные фигуры фактически сближаются с символами. Сталкиваясь с ними, человек обращается к особой содержательной действительности, которую он сам определяет для себя как «Несказанное» [Берестнев 2007: 320]. Именно поэтому язык оракулов оказывается неточным и не вполне определенным относительно референтных сфер. Тем не менее он один способен представлять заряженные высокими познавательными энергиями содержания, в которых человеку открывается будущее.

ЛИТЕРАТУРА

- Берестнев 2007 — *Берестнев Г.И.* Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.
- Бюлер 1993 — *Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка. М., 1993.
- Геродот 1972 — *Геродот.* История. Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972. Кн. I, II.
- Кубрякова 1995 — *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. М., 1995.
- Павсаний 2002 — *Павсаний.* Описание Эллады. В 2 т. Пер. С.П. Кондратьева. М., 2002.
- Подольская 1990 — *Подольская Н.В.* Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
- Плутарх 1994 — *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 2 т. Пер. С.И. Соболевского. М., 1994. Т. 1.
- Топоров 1962 — *Топоров В.Н.* Из области теоретической топонимстики // Вопросы языкознания. 1962. № 6.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БУДУЩЕГО В ПРОГНОЗАХ И ПРЕДСКАЗАНИЯХ

(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

На кафедре лингвистики Международного университета «Дубна» силами студентов и преподавателей ведется работа по созданию корпуса англоязычных текстов, относящихся к жанру «прогноз». В него включаются астрологические прогнозы, астрономические, метеорологические, экономические и другие виды прогнозов и предсказаний. Выбор в качестве материала лингвистического исследования текстов прогнозирующего характера делает возможным применение функционального подхода в расширенном и углубленном изучении некоторых морфологических категорий глагола. Как известно, основная отличительная особенность этого подхода заключается в том, что исследование начинается с обращения к отдельной семантической функции (а не к отдельной грамматической форме). Для этой функции определяется весь комплекс различных средств ее формального выражения, при одновременном сопоставлении которых ярче проявляются их индивидуальные особенности. В нашем исследовании вопрос ставится следующим образом: какие грамматические формы глагола могут использоваться в высказываниях, которые воспринимаются как прогноз или предсказание?

Исключительно богатый и интересный материал для изучения глагольных форм, используемых для описания прогнозируемого будущего, представляют астрологические прогнозы, о лингвистическом исследовании которых пойдет речь в данной статье. В Интернете и периодических изданиях публикуются астрологические прогнозы различного объема, назначения и стиля изложения (развлекательные или серьезные), а также различной адресации (для широкой аудитории или для отдельных категорий читателей).

Такие тексты рассматриваются нами как комплексные (охватывающие) речевые акты прогнозирования. Они состоят из множества (охватываемых) простых речевых актов. Лишь некоторые из этих простых речевых актов, входящих в комплексный речевой акт астро-

логического прогноза (т.е. всего текста), являются предсказаниями. В гороскопах (особенно в их упрощенной, журнальной разновидности) присутствуют предложения в императиве, сослагательном наклонении, высказывания, носящие характер рекомендаций и советов (см. подчеркнутую часть примеров 1, 3 и 4), а также поговорки, дословные или трансформированные цитаты, афоризмы и т.п. (подчеркнутая часть примера 2).

(1) You **will** prove that you can also be very patient and understanding, and your partner **will** appreciate this change of yours. At work, you **will** have to be patient a little bit longer to be able to see your dreams come true. Tip: if you are single, go and see some friends (из краткого гороскопа на 1 день).

(2) An incredibly charming person **will** buy you a present and **will** amaze you with his/her good taste. At work you **will** have to gain the esteem of your collaborators, who are working with a spirit of commitment and sacrifice. Tip: sow before you reap (из краткого гороскопа на 1 день).

(3) Your week ahead: The mist **is parting** and, as it **does**, the new landscape **is slowly being revealed**. You **are probably not impressed** by what you can see. It **looks** as if someone **has put** a very big, ugly obstacle into your world under the cover of recent fog. Yet that fog **has not entirely disappeared** yet. You **cannot** see precisely what this new factor represents. Be a bit more patient and optimistic... Soon more fog **will** go and more hope **will** come (из краткого гороскопа на неделю).

Непосредственный интерес для нашего исследования в первую очередь представляют лишь высказывания, бесспорно являющиеся предсказаниями, т.е. высказываниями, имеющими прогнозирующий характер. В прогностике (специальной научной дисциплине, сформировавшейся в 70–80-е гг. XX в.) прогнозом называется обоснованное суждение о возможном состоянии объекта в будущем или альтернативных путях и сроках достижения этих состояний. С точки зрения прогностики термин *прогноз* представляется применимым также к астрологии, даже если не считать астрологию подлинной наукой.

Астрологические предсказания делаются на основе астрономической информации (специальных расчетов, называемых астрономическими прогнозами), которая обрабатывается специальными астрологическими методами. При этом также используются специальные знания психологического плана, накопленные за время существования астрологии. Естественно, что противники астрологии считают основания астрологических предсказаний псевдонаучными, но само

наличие (возможно, лишь наукообразных) оснований для прогноза позволяет применять к таким предсказаниям термин *прогноз*. Этот термин является многозначным. Во-первых, в данной работе термином *прогноз* мы обозначаем любое высказывание, не превышающее размер одного предложения, предсказывающее с помощью астрологических методов будущие события и ситуации. Во-вторых, термином *прогноз* мы можем обозначать целостные речевые произведения (законченные тексты различных размеров), предсказывающие с помощью астрологических методов будущие события и ситуации. В-третьих, слово *прогноз* может обозначать также и сам «жанр» или тип законченных текстов, главным содержанием которых является основанное на чем-то предсказание, изложение ожидаемого развития событий. Для обозначения прогнозирующего высказывания из одного предложения мы используем термин *прогноз*^П. Для обозначения законченного текста прогноза мы используем термин *прогноз*^Т.

Исследование проводится по следующей схеме. Из огромного количества астрологических прогнозов на английском языке, размещенных в Интернете и в периодических изданиях, отбираются аутентичные (составленные англоязычными авторами) прогнозы^П. Собранные тексты сортируются на группы в зависимости от их объема (количества слов), **прогнозируемого периода** (прогноз на один день, на неделю, месяц, год), а также по **периоду упреждения** (термин из прогностики), т.е. по хронологической удаленности прогнозируемых событий и ситуаций от момента составления прогноза (момента речи). Далее из собранных прогнозов-текстов выбираются прогнозы-предложения (прогнозы^П) для анализа используемых в них личных форм глагола, а также для статистического исследования по различным лингвистическим параметрам.

Такая работа с астрологическими прогнозами позволяет наблюдать типичные для английского языка функции морфологических форм глагола и, что не менее интересно и важно, нетипичные (наблюдаемые только в особых видах предсказывания).

Рассмотрим представленный выше фрагмент (3) из краткого астрологического прогноза на неделю. Согласно известным английским грамматикам, например [Quirk et al 1985] и [Langacker 1991: 263, 266], настоящее простое время (Present Simple) и настоящее продолженное время (Present Progressive) могут употребляться в предложениях, в которых речь идет о будущих событиях, при этом эти события обычно представляются либо как запланированные (Present Simple или Simple Progressive), либо как периодически повторяющиеся события циклического или календарного характера, а также те, которые естественно ожидать с точки зрения наивной (или научной)

картины мира (Present Simple). В примере (3) описываются события иного характера. В нем используется специальный стилистически-психологический прием. Автор (наблюдатель, аналог говорящего в будущем [Падучева 2009: 393]) как бы ведет виртуальный комментарий из этого будущего. Он словно уже наблюдает происходящие (но в действительности пока лишь прогнозируемые) события и описывает адресата, пользуясь при этом грамматическими формами глагола настоящего времени. При этом говорящий (пишущий) автор прогноза, обращаясь к адресату, использует такие формы глаголов, которые подразумевают присутствие адресата (слушающего или читающего) в будущем описываемом периоде времени. Этот будущий период представляется как виртуально актуальный, т.е. настоящий, так как с точки зрения наивной картины мира «обращение к слушающему» по определению означает нахождение слушающего в той же точке на оси времени, что и говорящий. Средства фиксации (записи речи) позволяют обращаться и к будущим читателям (на этом принципе основаны все письменные тексты), однако в реальном мире, по понятным причинам, невозможна адресация речи, ни устной, ни письменной, в прошлое. Адресация текстов из настоящего или из будущего в прошлое может описываться только в фантастических жанрах литературы и кино.

Важно отметить, что описываемая виртуальная транспозиция комментирующего наблюдателя и слушающего адресата в будущее является лишь стилистическим приемом, отличающимся от похожих приемов в других видах предсказаний, в которых могут также использоваться глагольные формы настоящего времени. Автор гороскопа не пытается создать впечатление, что он действительно зрительно наблюдает описываемые события, ни в режиме реального времени, ни в ускоренном темпе просмотра важнейших событий. Такой прием (назовем его «трансляцией будущего») используется лишь в массовых, «научно-популярных» астрологических прогнозах, рассчитанных на малосведущего в астрологии читателя. В серьезной, узкоспециальной астрологической литературе он обычно не применяется.

Внешне прием «трансляции» или комментирования будущих событий похож на гадание по хрустальному шару, известное также под названием скраинг (skrying). Но при гадании по шару предсказатели утверждают, что действительно наблюдают будущие события или их атрибуты. Скраинг причисляется к проявлениям способности ясновидения. Большинство ясновидящих, использующих хрустальный шар, признаются, что могли бы обойтись и без него, так как видят будущее или прошлое не в шаре. Шар является лишь частью тради-

ционного реквизита самого сеанса скраинга, во время которого предсказатель наблюдает будущее. Таким образом, использование настоящего времени в скраинге не должно восприниматься адресатом как стилистический прием. Настоящее время (или его разновидности) является «естественной», ожидаемой морфологической формой изложения. При этом настоящее время используется в своей прототипической функции: для описания наблюдаемого настоящего. После выключения «дисплея» (которым для клиентов представляется шар) его «оператор», т.е. предсказатель, может перейти на изложение виденного будущего в грамматическом режиме (контексте) прошедшего времени, т.е. рассказывать, что видел в шаре, который показывал будущее (или что представилось внутреннему зору предсказателя). Клиент впоследствии также может рассказывать другим о том, что происходило с ним, по словам предсказателя, в увиденном предсказателем будущем. Такое воспроизведение можно назвать «воспоминанием о будущем».

Интересно, что в гороскопах тоже могут использоваться формы прошедшего времени, фактически описывающие будущее. Рассмотрим перевод части примера (3) на русский язык.

(3.1) Похоже, что под прикрытием тумана кто-то **поставил** на вашем пути трудно преодолимое препятствие. Этот туман еще не окончательно **рассеялся**.

В таком режиме изложения говорящий (пишущий) наблюдатель виртуально находится в будущем. Вместе с «виртуальным наблюдателем» его точка отсчета смещается в будущее, которое становится для него настоящим. С точки зрения реального настоящего, события, представленные в (3.1), еще не произошли, это — будущие события. С точки зрения виртуального настоящего примера (3), это прошедшие события, поэтому глаголы в прошедшем времени (*поставил, рассеялся*). В оригинальном тексте (3) использованы формы настоящего совершенного времени (Present Perfect), которое требуется в данном контексте, однако в собранном материале встречаются и формы Past Simple, требуемые соответствующими контекстами. В таких случаях можно говорить о **прошедшем в будущем**. Такая транспозиция точки отсчета в будущее вызывает смещение всех таксисных отношений вперед по оси времени на один этап. Это смещение адресат гороскопа должен учитывать при восприятии текста гороскопа в реальном настоящем.

Несколько слов о потенциальной вариативности будущего, прогнозируемого в астрологических прогнозах и выражаемого при по-

мощи практически всей палитры временных форм глагола (от Past Perfect до Future Perfect), аспектуальных и модальных средств. В серьезных астрологических прогнозах говорится о **возможном** (с большей или меньшей степенью вероятности) развитии событий. Для того или иного развития событий существуют определенные объективные 1) астрономические (т.е. физические) условия, рассчитанные и описанные астрономами, а также 2) психологические и физиологические условия (определенные психологические и физиологические параметры, склонности и предрасположенности людей, родившихся и сформировавшихся как биологические и социальные организмы в этих объективных условиях). При этом не отрицается влияние фактора воли и фактора случайности, особенно в сфере социальных отношений. Вероятно, по этой причине в астрологических прогнозах, рассчитанных на искушенного в астрологии читателя и на коллег по цеху, модальность изложения отличается от модальности менее серьезных подвидов астрологического прогноза¹. В серьезных гороскопах редко используются формы настоящего и прошедшего, так как эти формы создают впечатление полной уверенности автора в реальности того, что он описывает (а фактически лишь прогнозирует: (3) *the mist is parting; the new landscape is slowly being revealed; someone has put a very big, ugly obstacle* и т.п.

Интересно, что модальный оператор *it seems* в примерах, подобных (3), допускает различные его интерпретации по отношению к тому, кто является наблюдателем в данной ситуации, которому кажется, что кто-то поместил на пути препятствие: 1) автору прогноза или же 2) так покажется адресату, который позже будет находиться в описываемом будущем. Вторая интерпретация заставляет несколько пересмотреть наш принцип описания семантики форм настоящего времени в астрологических прогнозах. Можно признать, что комментарий о происходящем в будущем *всегда* описывает восприятие событий виртуально находящимся в будущем «аналогом адресата», но устами автора прогноза для реального адресата, который в реальности существует в настоящем и пока не может сам видеть того, что увидит позже. В любом случае мы имеем дело со стилистическим приемом иного рода, нежели метод повествования в скраинге с использованием реального или имитируемого зрительного источника прогноза в виде хрустального шара.

И в английском, и в русском языках прогнозировать будущие ситуации можно с помощью морфологических форм настоящего и прошедшего времени. Формы прошедшего времени возможны и в других типах представления будущего. В примере (4) говорящий мечтает о будущем и описывает желательные для него ситуации с

помощью форм прошедшего времени, включая конструкции «междометие + глагол прошедшего времени совершенного вида»:

(4) Вот вырасту большой — **изобрету** ботиночно-шнуровальную машину: **сунул** ногу в ботинок, а машина — раз! — и **зашнуровала**. **Сунул** другую, а она опять — раз! — и **зашнуровала!** [Евгений Шварц, «Сказка о потерянном времени»].

Описание подразумевает присутствие наблюдателя [Апресян 1986] и требует определения синхронной или ретроспективной точки отсчета [Падучева 2009: 378], или момента наблюдения [Гловинская 1982: 128], представления о которых на материале английского языка частично формализуются в [Langacker 1987: 244-258; Langacker 1991: 262-269], а возможные перспективы дискурса¹ обсуждаются в [Givon 1990: 897]. Пример (4) допускает интерпретацию, при которой говорящий представляет наблюдателем описываемого будущего себя. Но и при такой интерпретации говорящим должно предполагаться [Givon 1990: 897], что слушающие (в данном случае читатели или кинозрители), ментально «проигрывая» и представляя описываемые события, также будут являться их наблюдателями. Формы прошедшего времени в данном случае выполняют «вневременную функцию». Конструкции типа «междометие + глагол прошедшего времени совершенного вида» могут употребляться в контексте прошлого, настоящего и будущего, подчеркивая быстроту совершаемого действия. Однако в астрологических прогнозах (ни в переводах с английского, ни в оригинальных русскоязычных текстах) таких конструкций не обнаружено.

В заключение хочу еще раз отметить разнообразие морфологических форм английского глагола, используемых в текстах прогнозов. Изучение этого разнообразия и выявление закономерностей использования тех или иных форм, характерных именно для таких текстов различных стилистических характеристик и прагматической направленности, позволяет уточнить и дополнить представления о функциях конкретных временных форм глагола и о многообразии форм представления будущего.

¹ «Discourse is produced as an interaction between two perspectives, that of the speaker and that of the hearer. The interaction occurs in the mind of both participants. Each, in addition to his/her perspective also attempts to construe some model of the other's perspective» [Givon 1990: 897].

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 1986 — *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. Семиотика и информатика. Вып. 28. М., 1986. С. 5–33.
- Гловинская 1986 — *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
- Падучева 2009 — *Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета: в поисках инварианта видового значения // Статьи разных лет. М., 2009. С. 375–393.
- Givon 1990 — *Givon T.* Syntax. A Functional Typological Introduction. Vol. II. Amsterdam; Philadelphia, 1990.
- Langacker 1987 — *Langacker R.L.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. I. Theoretical Prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 — *Langacker R.L.* Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II. Descriptive Application. Stanford, 1991.
- Quirk et al 1985 — *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A Comprehensive Grammar of the English Language. London, 1985.

«ЕСЛИ Б ДА КАБЫ...»: ПРОГНОЗЫ, ПЛАНЫ, МЕЧТЫ

Эта статья включается в серию наших публикаций, посвященных семантике ирреально-условных предложений. В статьях [Рагозина 2008; Рагозина 2010] предметом исследования были высказывания, выражающие одновременно и мир виртуальный, и мир реальных событий (контрфактическое объяснение). Теперь же на первый план выходят фрагменты, которые содержат в себе лишь виртуальный мир, т. е. наделены исключительно гипотетическим, предсказательным смыслом¹. Соответственно, цель настоящей статьи состоит в том, чтобы разработать метаязык описания этого смысла и на этой основе создать методику анализа конкретных примеров.

Разработка метаязыка описания

Ввиду того, что мы имеем дело с ирреально-условным предложением, и прогнозы у нас будут ирреальными, или «бы»-прогнозами. Условие и следствие, выражаемые зависимой и главной частями конструкции, составляют смысловой бином, неразъединимый в акте предсказания, однако роль условия и следствия в нем разная, поэтому и части этого бинома приходится рассматривать по отдельности. Следствие представляет собой собственно прогнозируемое положение дел (В), которое зависит в своей реализации от некоторого условия (А), необходимого или достаточного. Обнаруженные нами предсказания различаются, во-первых, по темпоральной ориентации событий, описываемых в прогнозе, а во-вторых, тем местом, которое занимает в нем индивид, ибо прогнозы, которые мы нашли в текстах Достоевского — только о человеке, реже об обществе в целом.

¹ См. первую попытку подобного исследования [Рагозина 2010а], где рассматривается лишь часть вопросов, касающихся этой темы.

Итак, в темпоральном плане следует говорить о Praefactum-прогнозе (или собственно прогнозе) и Postfactum-прогнозе, который мы будем называть также ретропрогнозом, хотя данный термин и может быть воспринят как оксюморон. Praefactum-прогноз есть опережающее знание о действительности, в данном случае информация о том, какое В произошло бы в неопределенном будущем, случись А: *Если бы когда-нибудь было А, то было бы В*. Такой прогноз существует в двух разновидностях: когда реализация условия и следствия в принципе не исключена (вероятность больше нуля) и когда реализация условия и следствия либо невозможна в принципе (0 вероятности), либо вероятность ее ничтожно мала. Первую модификацию мы назовем ирреально-потенциальным Praefactum-прогнозом, а вторую — фиктивным Praefactum-прогнозом. В случае потенциального Praefactum-прогноза допустима не только индикативная трансформация предложения (косвенное наклонение глагола может заменяться футурумом индикатива), но и даже замена союза *если* на *когда*. Ср.: Если бы я получил квартиру, я обставил бы ее новой мебелью = «Если я получу квартиру, я обставлю ее новой мебелью = Когда я получу квартиру, я обставлю ее новой мебелью». Для фиктивного прогноза подобные замены покажутся странными. Ср.: «Если бы я выиграл миллион, то... = Если я выиграю миллион, то... = Когда я выиграю миллион, то...». Как видно, возможность или невозможность подобной трансформации для обоих видов прогноза является в известной мере диагностирующей.

Post fact прогноз есть воображаемая проекция будущего в прошлое, когда то положение дел, которое на момент речи является невозможным, представляется как возможное: *Если бы тогда было А, то было бы и В*. Иными словами, из некоей точки на оси прошедшего выстраивается виртуальное будущее — альтернативный мир, параллельный данному. Такое «предсказание» осуществляется нередко вслед реальным событиям. Ср.: «Если бы он мне тогда позвонил, мы бы с ним встретились». Здесь речь не о том, что такое-то условие было поставлено, но не было выполнено, а о том, что оно, в принципе, вполне могло быть поставлено и, будучи выполненным, перевело бы ход событий на иную «стрелку». Правда, Post fact прогноз делается также и безотносительно к каким-то конкретным ситуациям, например: «Если бы ему тогда рассказали эту историю, он бы сильно удивился». В этом случае о постановке подобного условия и речи быть не могло, и выстроенная автором прогноза «история мира» является чистым вымыслом; более или менее реальным является лишь указание на временной период, предшествующий моменту предсказания.

Однако в любом случае вероятность осуществления ретропрог-

ноза всегда равна нулю, и о возможности реализации его в индикативной конструкции говорить не приходится. Подобные «полеты фантазии» осуществляются только благодаря наличию сослагательного наклонения, которое «преодолевают референтно-ситуативную ограниченность, свойственную индикативу, то есть привязанность к эмпирически данному (на том или ином временном срезе) положению дел [...], фиксируя способность языкового мышления функционировать в автономном режиме, в относительной независимости от реального положения дел в настоящем или прошлом. Посредством данной категории субъект речи получает возможность [...] предвидения, фантазирования, мифотворчества, выдвижения новых гипотез и пр.» [Сильницкий 1990: 109]. Как известно, в русском языке (в отличие от французского или английского) морфология сослагательного наклонения располагает всего-навсего одной «бы»-формой, и поэтому дифференциация между *Præ-* и *Postfactum*-прогнозами осуществляется лишь посредством темпоральных наречий или контекста.

Что касается роли индивида, то ее достаточно четко обозначили психологи, занимающиеся проблемами вероятностного прогнозирования человеческой деятельности. «Вероятностное прогнозирование (ВП) может касаться различных сторон будущего и в соответствии с этим иметь различный характер. 1) ВП дальнейшего хода внешних, не подвластных субъекту событий. Это прогноз как бы наблюдателя со стороны. 2) ВП дальнейшего хода внешних событий, на которые говорящий может влиять. Такое прогнозирование охватывает не только ход внешних событий, но и включает в себя прогнозирование собственных действий. В соответствии с этим осуществляется планирование этих действий, которые всегда целесообразны. При составлении планов-прогнозов мыслящий субъект так или иначе оценивает свои шансы (вероятность) на реализацию планируемого действия» [Файгенберг, Журавлев 1977: 5–6]. Авторы приводят в этой связи слова Н.А. Бернштейна о том, что, планируя, человек создает модель «потребного будущего»: «того, что должно стать, но чего еще нет» [Там же]².

² С идеями психологов перекликаются и некоторые грамматические наблюдения. Так, К.С. Маслова указывает, что «в юкагирских языках противопоставлены две проспективные конструкции: интенциональный и провиденциальный проспектив. Значения обеих конструкций включают отсылку к некоторому положению дел, соотносённому с последующим событием, но в интенциональной конструкции это положение дел соответствует внутреннему состоянию субъекта предстоящего действия (в частности, намерению совершить действие), а в провиденциальной — внешним по отношению к субъекту обстоятельствам, предопределяющим предстоящее событие независимо от намерений его участников» [Маслова 2004, 212].

Наши примеры являются яркой иллюстрацией этих двух видов вероятностного прогнозирования, которые мы назовем, соответственно, **ирреально-когнитивным** прогнозом и **ирреально-интенциональным** прогнозом, или планом-прогнозом. Рассмотрим теперь каждый из них подробно.

По нашим наблюдениям, **ирреально-когнитивный** прогноз обязательно включает в себя следующие концептуальные составляющие:

X — Прогнозист — тот, кто предсказывает что-либо о ком-либо (располагается «за кадром»).

x — объект предсказания — тот, о ком идет речь в предсказании; нередко сам прогнозист выступает в качестве объекта прогноза.

P(x) — действие или состояние, приписываемое объекту прогноза.

A — достаточное условие (ДУ) для реализации **P(x)**. Отношение достаточности в общем случае эксплицируется так: 'Стоило/достаточно было/будет произойти **A**, чтобы произошло **P(x)**'.

Q — база прогноза, или логическое основание, в опоре на которое **X** делает свое предсказание.

Базу прогноза могут составлять общие представления прогнозиста о природе, обществе, характере человека вообще и конкретной личности в частности. Механизмом выведения такого прогноза часто является умозаключение по аналогии, основывающееся на сходстве объектов или на привычной повторяемости событий, действий, состояний (подробнее об этом в [Никитина, 1975]). В отличие от других концептуальных составляющих (кроме **X**), реализующихся в обеих частях ирреально-условного предложения, база прогноза, как правило, является имплицитной и требует для своего вычисления некоторых интеллектуальных усилий со стороны читателя.

Ирреально-интенциональный прогноз (план-прогноз) обладает не менее сложной концептуальной структурой, нежели его когнитивный «коллега», но состав его компонентов целиком определяется спецификой семантики плана вообще и природой действия в частности. Известно, что центральным моментом всякого плана является действие, которое намеревается совершить активный и целеустремленный субъект. Побудительными силами действия являются, во-первых, намерение (желание, стремление, задумка и пр.) осуществить какое-то действие, во-вторых, знание того, что может послужить средством осуществления намерения (между целью и средством действующий агент усматривает каузальную связь), и

в-третьих, — что, собственно, составляет необходимую подоплеку для первого и второго — осознание своих возможностей для осуществления данного действия [Вригт 1986: 127–134]. «Ведь никто же не будет желать себе сделать то, что он не в состоянии сделать» [Там же].

Состав компонентов плана-прогноза будет следующим:

Х — прогнозист, или программист. Чаще всего выражен местоимением Я, реже Мы.

Q — цель, которую преследует Х, в виде достижения некоторого желаемого положения дел, получения гедонистического блага, избавления от зла в виде неприятного человека, опасной ситуации или предмета и пр.

Р — действие, понятое как средство, о котором Х знает, что оно каузально связано с Q.

А — Необходимое условие (НУ), без которого $P \rightarrow Q$ невозможно. Необходимый характер А может быть подчеркнут посредством соответствующего модального глагола. Например: для того, чтобы было $P \rightarrow Q$, нужно (должно быть) А.

Все эти смысловые компоненты также размещаются в обеих частях условной конструкции: НУ — в зависимой части, Р — в главной части, а Q, как правило, имплицитно, но в идеальном случае оформляется при помощи предлога *для*. Возникает вопрос: чем же Q в интенциональном прогнозе отличается от такового в когнитивном прогнозе? На этот вопрос легко ответить, если представить, что прогнозист в первом должен быть готов ответить на вопрос: «А зачем тебе нужно сделать Р?» «Почему ты хотел бы сделать Р?», а во втором: «Почему, на каком основании ты утверждаешь, что если бы было А, то было бы и Р(х)?» Возможность совершить желаемое действие может носить характер как внутренней (= силовой потенциал), так и внешней по отношению к субъекту возможности, т.е. тех внешних обстоятельств, от которых зависит осуществление задуманного. Необходимое условие — это и есть та возможность, без которой действие не совершится (например, чтобы написать, надо иметь ручку, а без нее ничего не получится). В «нормальном» плане-прогнозе интенционалы (желания) и потенциалы (возможности) находятся в относительном равновесии, но очень часто потенциал просто отсутствует и остается то, что психологи называют «бессильным хотением». Так рождаются мечты, грезы, фантазии, химеры (*Если б я был султан, я б имел трех жен*).

Действие же, согласно классификации фон Вригта, может быть продуктивным, то есть производящим свой результат, деструктивным или самодеструктивным и превентивным. Выделяется также

и пассивный аналог действия — воздержание, как сознательный и намеренный отказ от действия [Вригт 1986]. Превентивным для нас будет действие, которое либо предотвращает неблагоприятное положение дел, либо устраняет опасный предмет или лицо. Все эти характеристики Р будут учтены в ходе анализа иллюстративного материала.

Примеры нашего корпуса будут распределены между исчисленными выше темпоральными модификациями прогноза, для планов-прогнозов мы добавим еще одну рубрику: **сорванный план**, в котором план-прогноз содержит в себе причину собственного невыполнения; то есть высказывание может получить двойное толкование: и как план-прогноз, и как контрфактическое объяснение. Содержательный анализ (толкование) каждого конкретного фрагмента будет производиться в соответствии с установленным набором компонентов когнитивного прогноза и плана-прогноза. Будут учитываться и такие моменты, как структурно-синтаксическая специфика конструкции, ее ближайший пред- и послетекст, наличие темпоральных и субъективно-модальных указателей, характер глагольного действия для фрагментов, содержащих в себе план-прогноз. Все это поможет создать полное представление о рассматриваемом предмете и создать расширенную парадигму средств, выражающих оба вида прогноза.

1. Ирреально-когнитивный прогноз и его разновидности

1.1. Ирреальный Praefactum-прогноз.

1.1.1. Ирреально-потенциальный Praefactum-прогноз. ‘Если бы когда-нибудь было А, то было бы и В [реализация А и В в будущем не исключена].’

В примерах из этой серии ДУ А представляет собой реальное условие, которое способно породить реальное же следствие В.

(1) Вы именно любите его таким, какой он есть, вас оскорбляющим его любите. Если бы он исправился (А), вы бы тотчас забросили его и разлюбили вовсе (В). Но он вам нужен, чтобы созерцать беспрерывно ваш подвиг верности и упрекать его в неверности. И все это от вашей гордости («Братя Карамазовы»).

Компоненты прогноза: ‘прогнозист (Х) — Алеша; объект прогноза (х) — Екатерина Ивановна; прогнозируемое положение дел Р(х) — разлюбить обидчика-Дмитрия; ДУ А для реализации Р(х) — исправиться Дмитрию; база прогноза (Q) — мнение про-

гнозиста о том, что в основе всего поведения х лежит гордость, а не любовь’.

В этом тексте нет конкретных указаний на перспективный характер предсказания в виде темпоральных наречий, например, но знание общего контекста романа позволяет об этом судить в полной мере. Ср. индикативную трансформацию: ‘Если/когда он исправится (А), вы его забросите и разлюбите (В)’. База прогноза в этом фрагменте представлена эксплицитно — в самостоятельном компоненте, непосредственно примыкающем к условной конструкции. *И все это от вашей гордости* означает ‘Все потому, что вы горды’.

1.1.2. Ирреально-фиктивный Praefactum-прогноз: ‘Если бы когда-нибудь было А, то было бы и В [реализация А и В в будущем исключена]’.

В рассуждениях этой серии ДУ А представляет собой совершенно абстрактное допущение, часто нелепое предположение («дурная возможность»), хотя будущее, в принципе, не заблокировано.

(2) Еще недавно рассмешило меня предположение, что если бы мне вдруг вздумалось теперь убить кого угодно, хоть десять человек разом, или сделать что-нибудь ужасное, что только считается самым ужасным на свете (А), то в какой просак поставлен был бы передо мною суд с моими двумя-тремя неделями сроку и с уничтожением пыток и истязаний?(В) («Идиот»).

Компоненты: ‘прогнозист (Х) — Я (Ипполит); объект прогноза (х) — судьи; прогнозируемое положение дел Р(х) — прийти в замешательство; условие, достаточное для того, чтобы Р состоялось — стоит прогнозисту совершить ужасное преступление; база прогноза (Q): знание прогнозиста о том, что пытки в тюрьме запрещены, а выносить смертный приговор умирающему не имеет смысла’.

Если в первом тексте условная конструкция соответствовала прототипической модели, то здесь прогнозируемое следствие имеет особую форму выражения в виде частно-риторического вопроса, который не вопрошает, а информирует, причем с изрядным пафосом и долей черной иронии. Действительно, вопросительное предложение ...*в какой просак поставлен был бы передо мною суд...*? скрывает за собой утверждение ‘суд был бы поставлен впросак’. Начало рассуждения — *рассмешило меня предположение, что...* — сразу дает «заявку» на абсурдность предположения, неудивительно поэтому, что индикативный вариант конструкции выглядит странно: *Если/когда мне вздумается убить десять человек... Основание прогноза здесь представлено в виде полупредикативной синтагмы, входящей

в состав части В: с уничтожением пыток и истязаний означает 'Это потому что пытки и истязания уничтожены'.

1.2. Ирреальный Postfactum-прогноз (ретропрогноз): 'Если бы тогда было А, то было бы и В [реализация А и В в прошлом исключена]'.

Ретропрогноз представляет собой как бы зеркальную проекцию в прошлое фиктивного Praefactum-прогноза, ибо и условие и следствие полностью вымышлены, а стало быть, обе части выражающей его конструкции являются полностью нефактивными. Однако такой прогноз все же опирается на некий событийный фон или тему, известную из контекста или ситуации.

В примере (3) прогнозист и объект прогноза — одно лицо (Я — Свидригайлов). Здесь ДУ А, равно как и следствие Р(х), является чистой фантазией автора.

(3) — *Верите ли, я до того тогда врезался, что если б она сказала мне тогда: зарежь Марфу Петровну и женись на мне, я, кажется, тотчас бы все исполнил* (В) («Преступление и наказание»).

Толкование: 'прогнозист (Х) = объект прогноза (х); действие, приписываемое объекту прогноза Р(х) — зарезать Марфу Петровну и жениться на Дуне Раскольниковой; ДУ для реализации Р(х) — стоило было сестре Раскольникова приказать ему зарезать жену и на ней жениться; основание прогноза (Q) — осознание своей готовности на любые действия на почве сильной влюбленности'.

Особенность этого рассуждения состоит в том, что база прогноза — *я до того тогда врезался, что...* — локализуется в компоненте, находящемся впереди условной конструкции, и это понятно, потому что сам прогноз, при всей его фантастичности, является логическим развитием того состояния, в котором находился прогнозист, он же объект прогноза. Несмотря на то, что данный прогноз является ретропрогнозом, а значит, на момент речи он объективно имеет нуль вероятности, тем более что речь идет о вымышленных событиях, прогнозист довольно высоко оценивает в шансах свою тогдашнюю готовность к решительным действиям, если судить по вводно-модальному элементу кажется в составе части, выражающей следствие.

Следующий прогноз сформулирован вслед реальным событиям.

(4) *Теперь известно, что у него не было никаких поручений, да и вряд ли он сам понимал свое положение. Он только преклонился перед Петром Степановичем, встретив его незадолго. Если бы он встретил-*

ся с каким-нибудь другим преждевременно развращенным монстром, и тот под каким-либо социально-романическим предлогом подбил бы его основать разбойничью шайку и для пробы велел убить и ограбить первого встречного мужика (А), то он непременно бы пошел и послушался (В) («Бесы»).

Компоненты: 'объект прогноза (х) — поручик Эркель; действие, приписываемое объекту прогноза Р(х) — убить и ограбить первого встречного; ДУ для реализации Р(х) — достаточно было любому другому «монстру» толкнуть его на преступление под «идейным» предлогом. База прогноза (Q) — представление о том, что х отличается несамостоятельностью мышления и поэтому всегда готов подчиниться любому носителю «социально-романической идеи»'.

Этот прогноз имеет как бы два основания: с одной стороны, предположение относительно свойств натуры объекта прогноза, а с другой, простейшую аналогию. О наличии аналогии свидетельствует, прежде всего, детерминатив *другой*: действительно, раз Эркель мог преклониться перед одним носителем «социально-романической» идеи, то мог бы преклониться и перед другим, который толкнул бы его на еще худшее преступление. Эта аналогия явно из числа «сильных», о чем говорит модальное наречие непременно. Для понимания основания прогноза в целом требуется общий контекст романа, впрочем, и ближайший предтекст (первые два компонента) также дает о нем некоторое представление.

2. Ирреально-интенциональный прогноз (план-прогноз) и его разновидности

2.1. Ирреальный Praefactum-план-прогноз.

2.1.1. Ирреально-потенциальный Praefactum-план-прогноз.

Начнем мы эту рубрику с плана-прогноза (5), где интенциалы и потенциалы находятся в относительном равновесии: 'Если б смог (НУ), то сделал бы Р (сделать скорее смогу, чем не смогу)'.

(5) Если б пришла телеграмма о наследстве (А), я бы швырнула ему (маркизу Де-Грие) долг этого идиота (отчима-генерала) и прогнала бы его! (В). Он мне давно, давно ненавистен («Игрок»).

Компоненты: 'программист (Я); цель (Q) — избавиться от зла; средство (Р) — отдать ему долг отчима; НУ А — получение наследства'.

НУ А представляется вполне реальной возможностью для осуществления действия Р, имеющего превентивный характер (избавле-

ние от ненавистного человека). План, в принципе, выполним, и его реализация — дело ближайшего будущего (все ждут телеграмму о смерти бабушки). Поэтому индикативная интерпретация кажется приемлемой: 'Если/когда придет телеграмма, я швырну ему долг этого идиота и прогоню его'. Что касается цели, точнее, мотива превентивного действия, то этот смысл реализован в последнем компоненте текста, непосредственно следующем за условной конструкцией: ненавидеть человека равноценно желанию никогда его больше не видеть и сделать для этого все, что только возможно.

В примере (6) потенциал перевешивает интенциал: 'Если бы захотел (НУ), то сделал бы Р (сделать скорее не захочу, чем захочу)'.

(6) *Слушай, я разбойника Митьку хотел сегодня было засадить, да теперь еще не знаю, как решу. Я бы, если б захотел (А), скрючил его и мог бы за вчерашнее сейчас засадить (В) («Братья Карамазовы»).*

Компоненты: 'программист (Я); цель (Q) — наказать «разбойника»; средство (Р) — засадить его в тюрьму; НУ А — захотеть это сделать'.

Этот пример представляет собой довольно редкий случай, когда и интенциал и потенциал фигурируют в поверхностной структуре в виде соответствующих глаголов: *хотеть* (зависимая часть) и *мочь* (главная часть). Наличествует также и темпоральный указатель (*сейчас*), свидетельствующий о том, насколько действие Р близко к реализации: 'Когда захочу, тогда и засажу'. Само действие должно быть отнесено к разряду превентивных.

2.1.2. Ирреально-фиктивный Praefactum-план-прогноз. Теперь мы рассмотрим примеры планов-прогнозов, в которых равновесие между интенциалом и потенциалом нарушается, иногда вплоть до полного отсутствия второго: 'Если б мог (НУ), сделал бы Р (сделать скорее не смогу, чем смогу)'. Это уже чистая фантазия (мечта, греза, химера), как более или менее «бессильная» разновидность плана. НУ А представляет собой абстрактную возможность (типа «Всякий бедняк может стать миллионером»).

В примере (7) мы наблюдаем одну из таких фантазий Подростка, которая входит в качестве основной креативной идеи в его общую жизненную программу.

(7) *Если б я дошел в накоплении богатства до такой суммы как у Ротшильда (А), то действительно, могло бы кончиться тем, что я бросил бы их обществу [...], именно все, все до копейки, [...] потому что, став нищим, я бы стал вдвое богаче Ротшильда (В) («Подросток»).*

Компоненты: 'программист (Я); цель (Q) — самоутверждение; средство (P) — отдать все деньги обществу; НУ А — стать таким же богатым, как Ротшильд'.

Конечно, НУ для осуществления действия P кажется достаточно фантастическим, но если учесть, что прогнозист еще очень молод, то, как говорится, «чем черт не шутит». Поэтому и соответствующая трансформация не кажется слишком «дикой»: 'Если/когда я дойду в накоплении богатства до такой суммы, как у Ротшильда, то, возможно, брошу их обществу'. Правда, прогнозист не вполне уверен в том, что он совершит P, о чем можно судить по наличию модального глагола *могло (бы)* в гипотетической функции. Действие P может быть характеризовано одновременно и как деструктивное (уничтожение собственного богатства), и как продуктивное (самоутверждение). Этот текст интересен еще тем, что база прогноза здесь вполне эксплицитна: это развернутая мотивация (аргумент), реализованная в виде дополнительного компонента, вводимого союзом *потому что*.

В (8) мы видим «план на чужом месте»: прогнозист представляет свою корректировку чужого проекта (типа «А вот я сделал бы лучше»), предлагая свои средства для оздоровления общества. Но решить эту задачу он предполагает за счет разрушения, уничтожения «худшей» части человечества, хотя сам автор программы предусматривал лишь обращение их в рабство.

(8) — *А я бы (А) вместо рая, — вскричал Ляшин, — взял бы этих девять десятых человечества, если уж некуда с ними деваться, да и взорвал бы их на воздух, а оставил бы кучку людей образованных, которые и начали бы жить-поживать по-ученому (В) («Бесы»).*

Компоненты плана-прогноза: Фпрогнозист — (Я); цель (Q) — правильно распорядиться девятью десятыми человечества (слабыми и глупыми людьми); средство (P) — взорвать их на воздух; НУ А — иметь право распоряжатьсяФ.

Излишне было бы говорить о том, что НУ представляет собой не только абстрактную, но и «дурную» возможность. Это типичная химера. Ср: * 'Если/когда у меня будет власть распоряжаться, я взорву на воздух эти девять десятых человечества и оставлю кучку образованных'. К числу структурных особенностей этого высказывания относится непредикативная реализация условия, где отсутствует глагол-сказуемое. (*Я бы...*)

2.2. Ирреальный Postfactum-план-прогноз. Формально, текст (9) является программой по оптимизации чужих действий, направ-

ленных на достижение поставленной цели. Прогнозист (Раскольников) перечисляет те действия для наилучшего сокрытия краденного, которые он бы произвел на месте неловкого и неопытного преступника. На самом деле он просто описывает серию собственных поступков, но представляет все так, как если бы преступник был не он, а кто-то другой. И тогда, как и во всяком плане «на чужом месте», и условие, и следствие являются заведомо невыполнимыми: 'Если бы я мог (НУ), сделал бы Р (А и Р невозможны в принципе)'. Именно так это и понимает собеседник, по крайней мере, на момент разговора.

(9) — Я (А) вот бы как сделал: я бы взял деньги и вещи (Р1) и, как ушел бы оттуда, тот час не заходя никуда, шел бы куда-нибудь, где место глухое и только заборы одни (Р2) [...]. Наглядел бы я там еще прежде, на этом дворе камень этак в пуд или полтора весу, где-нибудь в углу (Р3) [...]; приподнял бы этот камень (Р4) — под ним ямка должна быть, да в ямку-то все вещи и деньги и сложил! (Р5) («Преступление и наказание»).

Компоненты: 'программист (Я); цель (Q) — лучше спрятать награбленное; средство — действия Р1–Р5; НУ А — оказаться на месте преступника'.

Этот фрагмент состоит из двух самостоятельных компонентов, особенностью которых является отсутствие условного придаточного, точнее, оно наличествует, но только в сильно редуцированном виде (местоимение Я). Это все, что осталось НУ А, находящегося в предтексте (*Если бы я это дело сделал*). Сам же текст является реализацией концептуального элемента Р в виде пяти (продуктивных) действий, следующих друг за другом во времени, то есть здесь мы наблюдаем самый настоящий развернутый план. Элемент Q (сокрытие краденного) здесь является имплицитным и становится понятным тоже только из предтекста. Темпоральные индикаторы в тексте отсутствуют, но и без них ясно, что обсуждению подлежат события недавнего прошлого (преступление совершено, виновника ищут).

2.3. Сорванный план. В (10) говорящий воздерживается от совершения (ранее задуманного) продуктивного действия Р (по сути дела, не хочет его осуществлять), считая, что необходимое для его реализации условие не может осуществиться: 'Если бы мог и хотел (НУ), то сделал бы Р (но сделать не хочу и не могу, потому и не делаю)'.

(10) Если б я мог быть уверен, что вы сейчас же бросите Гомбург и поедете в ваше отечество (А), я бы готов был немедленно дать

вам тысячу фунтов для начала новой карьеры (В). Но я потому не даю тысячу фунтов, а даю только десять луддоров, что [...] тысяча ли фунтов или десять луддоров — в настоящее время для вас совершенно одно и то же; все одно — проиграете («Игрок»).

Компоненты: 'программист (Я); цель (Q) — помочь человеку начать новую карьеру; средство (Р) — дать ему тысячу франков; НУ А — быть уверенным, что он эти деньги не проиграет'.

Здесь наблюдается довольно редкое явление, а именно, наличие эксплицитного компонента Q, оформленного в виде инфинитива с целевым предлогом (*для*), входящего в состав главной части ирреально-условной конструкции. По сути дела, каждая из этих частей наделена контрфактической презумпцией, а это значит, что этот план содержит в себе самое объяснение своего невыполнения (о контрфактической презумпции см. [Рагозина 2008]). Однако автор рассуждения предпочел еще раз выразить то же содержание, но уже в индикативной конструкции, где фигурирует расчлененный союз *потому... что*, первая часть которого маркирует реальное следствие ('не даю тысячу фунтов'), а вторая — причину, которая представляет собой переформулировку условия: *Если бы я мог быть уверен, что вы бросите Гомбург* означает 'Я не уверен, что вы бросите Гомбург = уверен, что вы не бросите Гомбург и опять все проиграете'.

Итак, нами был рассмотрен ряд ирреально-условных конструкций, заключающих в себе когнитивный и интенциональный прогнозы в их основных темпоральных и концептуальных модификациях. Оба вида прогноза обладают одинаковыми темпоральными и субъективно-модальными характеристиками, в содержательном же отношении интенциональный прогноз представляется более богатым за счет соотношений между потенциалами и интенциалами. Содержательный анализ примеров согласно схеме толкований показал, что, когда элемент Q (логическое основание прогноза или цель в плане) является полностью имплицитным, реализация основных концептуальных элементов ограничивается рамками одной ирреально-условной конструкции (А — В). Однако отмечается немало случаев, когда этот элемент так или иначе выходит на поверхность. Он принимает форму либо добавочных предикативных и непредикативных структур, распространяющих главную часть, выражающую следствие, либо самостоятельного компонента, в идеальном случае вводимого одним из союзов причинной или целевой семантики. В последнем случае имеет место гиперсинтаксическое образование (сверхфазовое единство), в котором исследуемая конструкция занимает центральное место.

ЛИТЕРАТУРА

- Вригт 1986 — *Вригт Г.Х., фон.* Логико-философские исследования. М., 1986.
- Маслова 2004 — *Маслова К.С.* К типологии проспектива: категория провиденциализма в юкагирских языках // Исследования по теории грамматики. № 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Никитина 1987 — *Никитина А.Г.* Предвидение как человеческая способность. М., 1975.
- Рагозина 2008 — *Рагозина И.Ф.* «Если б да кабы...»: Об одном подходе к анализу контрфактических условных предложений // ЛАЯ. «Между истиной и ложью». М., 2008.
- Рагозина 2010 — *Рагозина И.Ф.* 3. Контрфактическое объяснение в ирреально-условном предложении (на материале русского и французского языков) // ВЯ. 2010. № 1.
- Рагозина 2010а — *Рагозина И.Ф.* Русские и французские ирреально-условные предложения как средство выражения прогноза // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. № 1 (в печ.).
- Сильницкий 1990 — *Сильницкий Г.Г.* Функционально-коммуникативные типы наклонений и их темпоральные характеристики // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990. С. 90–110.
- Файгенберг, Журавлев 1977 — *Файгенберг И., Журавлев Т.* О вероятностном прогнозировании // Вероятностное прогнозирование в деятельности человека. М., 1977.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н.Д. Арутюнова. Будущее в языке</i>	<i>6</i>
--	----------

I. ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ ЯЗЫКА

<i>В.Ю. Апресян. Уступительность как способ говорить о будущем.....</i>	<i>15</i>
<i>О.Ю. Богуславская. Человек, заглядывающий в будущее</i>	<i>22</i>
<i>С.Ю. Бочавер. Язык без границ.....</i>	<i>31</i>
<i>Н.Г. Брагина. Человек рискующий: соблазны будущего.....</i>	<i>37</i>
<i>М.Я. Гловинская. От «наставлений» к «подначкам».....</i>	<i>48</i>
<i>П.С. Дронов. Тема «вечного возвращения» и попытки прогнозирования развития языков и культуры будущего</i>	<i>57</i>
<i>Т.В. Крылова. Высказывания о своих будущих действиях: правила поведения по отношению к «силам судьбы»</i>	<i>67</i>
<i>Г.И. Кустова. Семантические процессы в сфере предикатов с пропозициональными актантами: союз чтобы и семантика перспективной обусловленности.....</i>	<i>83</i>
<i>В.И. Постовалова. Время и вечность в православном мирозерцании.....</i>	<i>94</i>
<i>Н.К. Рябцева. Тенденция к интеллектуализации в современной культуре</i>	<i>110</i>
<i>О.В. Сахарова (Киев). Речевые модели будущего в жанрах лично- ориентированного дискурса.....</i>	<i>124</i>
<i>С.Ю. Семенова. О предчувствии и его речевых свидетельствах</i>	<i>132</i>
<i>В.М. Труб (Киев). О будущих событиях, зафиксированных в значениях слов</i>	<i>142</i>
<i>Л.Л. Шестакова. Музей как часть проективно-утопического учения Николая Федорова: комментарий лингвиста</i>	<i>157</i>
<i>Е.Я. Шмелева. Русский язык в ХХI в.: опыт лингвофутурологии</i>	<i>169</i>

II. ФУТУРУМ: ЛЕКСИКОН — ГРАММАТИКОН

<i>Ю.П. Князев.</i> Будущее как смена ситуаций: время и вид	181
<i>Э.Б. Крылова.</i> Будущность или модальность: есть ли будущее у датского языка?	192
<i>М.Г. Кряжев.</i> Вернуться и возвратиться: разные модели будущего	203
<i>Е.М. Лазуткина.</i> Оценки будущего в предложении и тексте	210
<i>Ю.М. Малинович, М.В. Малинович.</i> Модусы речевого акта обещания: клятва в индоевропейских культурах	220
<i>Д.Б. Никуличева.</i> Грамматическая футуральность в датском языке. Особенности визуализации, метафоризации и место в структуре глагольных категорий	231
<i>А.Д. Палкин.</i> По поводу амбивалентности будущего времени в японском языке	245
<i>Т.Б. Радбиль.</i> Будущее как факт и будущее как модальность в парадигме «реальность ↔ текст»	254
<i>Н.Г. Самедова (Баку).</i> К вопросу о форме будущего времени глаголов несовершенного вида в современном русском языке	263
<i>С.С. Тахтарова.</i> Коммуникативное смягчение в директивных речевых актах	277
<i>А.Д. Шмелев.</i> Парадоксы референции к будущему	288
<i>Е.Б. Яковенко.</i> Жизнь без будущего?.. (О способах выражения предстоящего действия в переводных текстах на древнегерманских языках)	302

III. ФУТУРУМ В ПОЭТИКЕ

<i>И.Ю. Белякова.</i> «Женщина, что у тебя под шалью? — Будущее!»: поэтические предсказания М. Цветаевой	313
<i>Л.В. Зубова.</i> Будущее время в языке современной поэзии	322
<i>М.В. Ляпон.</i> Время как предмет рефлексии у В. Набокова	336
<i>Н.Б. Мечковская (Минск).</i> Будущее языка, явленное в поэзии Велимира Хлебникова	351
<i>А.А. Павленко.</i> Семантика конструкции <i>типи</i> + инфинитив как способ выражения футуральности в родовых сагах	367
<i>Э.А. Рахматуллина.</i> Будущее в поэтике Ю. Кузнецова (семантика и грамматика)	374
<i>Т.В. Топорова.</i> О способах выражения футуральности в космогонических песнях «Старшей Эдды»	381
<i>Н.А. Фатеева.</i> Семантика будущего в книге «Второе рождение» Б. Пастернака	390

IV. СНОВИДЕНИЯ

<i>Г.И. Берестнев. Лингвистика сновидений.....</i>	<i>403</i>
<i>А.А. Дасько. Сны: события и время</i>	<i>414</i>
<i>Н.В. Изотова. Представление сновидений в прозе А.П. Чехова.....</i>	<i>435</i>
<i>А.Э. Левицкий (Киев). Сон и мечта в пространстве квазиреальности (на материале восточнославянских и западногерманских лингвокультур)</i>	<i>448</i>
<i>О.И. Северская. «Сны языка огромны...» (Концепция сна в современной поэзии)</i>	<i>461</i>

V. ПРОГНОЗЫ И ПРОРОЧЕСТВА

<i>Н.М. Азарова. Идея будущего в финансовых прогнозах последних трех лет</i>	<i>473</i>
<i>В.И. Карпов. Прогностическое будущее в лечебных заговорах.....</i>	<i>482</i>
<i>Я.А. Мальцева. Диалог с божеством: языковые особенности античных оракулов.....</i>	<i>488</i>
<i>В.В. Морозов. Морфологические средства представления будущего в прогнозах и предсказаниях (на материале английского языка).....</i>	<i>495</i>
<i>И.Ф. Рагозина. «Если б да кабы...»: прогнозы, планы, мечты</i>	<i>503</i>
СОДЕРЖАНИЕ.....	513

Научное издание

**Лингвофутуризм.
Взгляд языка в будущее**

Издательство «Индрик»

Корректор *Т.И. Томашевская*
Оригинал-макет *Ю.Е. Рычаловская*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:

(495) 954-17-52
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.

This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
(ОКП) — 95 3800 5

Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
32,5 п. л. Тираж 800 экз. Заказ 2878

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

